

ЧЕСТЬ И ВЕРНОСТЬ

80-летию военной контрразведки
Тихоокеанского флота посвящается

Издательство
Русский остров
Владивосток
2012

Под редакцией контр-адмирала запаса *Соцкова Н.Н.*

Ответственный редактор: к.и.н. *Полутов А.В.*

Литературный редактор: подполковник запаса *Яковец А.П.*

Издание выполнено при финансовой поддержке «Совкомбанка», ООО «Меркурий», ООО «Ребрифинг», А.В.Кириллова и других.

Честь и верность. 80 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота /Авт.-сост. А.В.Полутов; под ред. Н.Н.Соцкова. – Владивосток: Русский Остров, 2012 г. – 464 с.: илл.

Историко-публицистическое издание, посвященное различным этапам боевой деятельности военной контрразведки Тихоокеанского флота. Книга адресована исследователям истории отечественных органов государственной безопасности, ветеранам военной контрразведки и широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-93577-064-8

© А.В.Полутов, 2012.

© А.М.Буяков, 2012.

© «Русский Остров»

(дизайн-макет, оформление), 2012.

Уважаемый читатель!

Прошло десять лет с момента издания книги «Честь и Верность», посвященной 70-летию военной контрразведки Тихоокеанского флота России. Насколько удалось авторскому коллективу достичь поставленных целей, судить вам, дорогие читатели, но на 6-й Дальневосточной выставкярмарке «Печатный двор-2002» наше издание в номинации «Историческая книга» было отмечено дипломом.

За минувшее десятилетие произошло немало событий в жизни Управления ФСБ по ТОФ и, к сожалению, немало печальных. Ушли из жизни такие замечательные люди, как А.А. Боклаг, Е.Н. Дружинин, А.А. Калинин, А.А. Лазарев, С.В. Осецкий, А.Д. Яковлев и еще целый ряд ярких личностей. Светлая им память!

На смену им пришли молодые талантливые сотрудники. Свою деятельность они осуществляют в условиях, которые во многом отличаются от описываемых в нашей книге. На каких-то направлениях стало работать значительно легче, но в целом, по мнению многих ветеранов, проводить оперативно-розыскные мероприятия в нынешних условиях стало во многом труднее.

Происшедшие изменения, а также ряд замечаний и пожеланий, высказанных в адрес первого издания, побудили авторский коллектив внести в нее дополнения и изменения, исправить и переработать ряд материалов. В то же время мы, к сожалению, вынуждены констатировать, что несмотря на наши многочисленные обращения и просьбы, принципиально новых материалов от наших ветеранов и действующих сотрудников поступило явно недостаточно. Некоторые материалы мы убрали и одновременно добавили ряд новых, сократили раздел, посвященный Г.А. Угрюмову, в силу того, что вышла отдельная книга, которая наиболее полно, в том числе с привлечением и наших материалов, раскрывает личность Германа Алексеевича. Включили материалы, касающиеся общественной работы наших ветеранов в составе Союза ветеранов госбезопасности Приморского края, что, по нашему мнению, очень важно для подтверждения тезиса «бывших чекистов не бывает».

В предисловии к первому изданию я совершенно не касался вопросов, касающихся внутриполитической и экономической обстановки в стране. Да и в этом не было никакой необходимости, ибо мы все жили надеждами на то, что Россия, оправившись от наследия «лихих 90-х», быстрыми темпами пойдет вперед. Однако, в жизни все оказалось значительно сложнее. Было бы некорректным оспаривать все то положительное, что было сделано за прошедшее десятилетие нашим государством, но сейчас перед нами возник целый ряд проблем, которые настоятельно требуют кардинальных

Контр-адмирал Н.Н. Соцков

решений, принятия экстраординарных и где-то даже непопулярных мер. В противном случае эти проблемы будут уже представлять серьезную угрозу для национальной безопасности России, а это уже сфера деятельности контрразведки.

Самой серьезной угрозой признана коррупция. По мнению большинства экспертов, коррупция в России достигла таких масштабов, что подрывает национальную безопасность по всем направлениям, делая крайне неэффективными любые меры по предотвращению угроз в экономической, социальной и других сферах жизни. Ущерб от коррупции в вооруженных силах в 2009 г. вырос более чем вдвое, превысив 3 млрд. руб. В российских ВС служит свыше 2 тыс. судимых офицеров.

В результате проводимых в стране и вооруженных силах реформ, зачастую непродуманных, мы практически лишились статуса великой морской державы. В 1990 г. в боевом составе ВМФ Советского Союза находилось 185 атомных подводных лодок: 62 РПКСН и 123 подводных лодки с крылатыми ракетами и торпедами. Это был самый могучий в мире подводный флот, составляющий основную часть нашей ракетно-ядерной «триады» и обеспечивающий морскую мощь государства, дающего ему полное право называться Великой Морской державой. Нет больше у России этого прекрасного подводного флота. Осталось от былой военно-морской мощи лишь небольшая часть. Теперь мы с восторгом слушаем сообщения СМИ о каком-нибудь единственном пуске ракеты с подводного ракетоносца или выходе отряда кораблей в Средиземное море или Индийский океан, а некогда пуск ракет, как одиночных, так и залповых, боевые службы надводных кораблей и подводных лодок были обычным делом повседневной боевой подготовки. Хотелось бы верить, что программа возрождения военно-морского флота России, недавно предложенная президентом В.В. Путиным, будет выполнена.

Усугубляется сырьевая зависимость России. Если в 2000 г. экспорт сырья составлял 44% от общего экспорта страны, то в 2011 г. уже 65%. При этом у нас в нефтедобывающей стране одни из самых высоких цен на все виды топлива. В плачевном состоянии находится Пенсионный фонд, дефицит которого превысил триллион рублей. С учетом старения населения и сокращением численности работающих на 1 млн. человек в год перспективы не радуют. Очевидно, нас ждет повышение налогов и увеличение пенсионного возраста.

В России крайне низкая продолжительность жизни, высокая смертность от алкоголизма, наркотиков и низкого уровня здравоохранения. Среднестатистический россиянин потребляет 18 литров спирта в год. Объем российского рынка героина оценивается в 13 млрд. долларов ежегодно, т.е. более 20% героина, производимого в мире, потребляет Россия. Если верить статистике только официально зарегистрированных алкоголиков свыше 4,58 млн.чел., наркоманов – более 2,87 млн.чел., психически больных 978 тыс.чел., больных туберкулезом – 890 тыс.чел., гипертоников – свыше 22,4 млн.чел., 4 млн. проституток. В России самый высокий процент неблагополучных семей на тысячу браков – 640 разводов.

Доля государственных расходов на социальные нужды (образование, здравоохранение, ЖКХ, культуру, спорт и т.п.) в странах ЕС составляет 70,3 %, странах Латинской Америки – 64,1%, странах Азии – 54,9%, странах Африки – 50,1 %, а в России всего лишь 15,0 %. Россия занимает второе место в мире по распространению поддельных лекарств. В то же время 75% лекарств в России – зарубежного производства.

В России зарегистрировано 2338 детских домов. В них содержатся 55126 детей-сирот. На профилактику детской беспризорности было выделено 60 млн. руб., а на стерилизацию бродячих животных в Москве тратится 87 млн. руб. ежегодно, т.е. 13

тыс. руб. на собаку. Содержание одного заключенного в колонии строго режима обходится в 6,8 тыс. руб., а средний размер пенсии до недавнего времени составлял 3,3 тыс. руб.

Социальное расслоение в стране выросло на 15%. В Государственной думе прошлого созыва и Совете федерации заседали 12 миллиардеров, общее состояние которых оценивается в 41 млрд. долларов. В России насчитывается 62 миллиардера с совокупным капиталом в 297 млрд. долларов. Российские миллиардеры платят самые низкие в мире налоги (13 %), которые и не снились их коллегам из Франции и Швеции (57 %), в Дании (61%) или Италии (66%). 1,5 % населения РФ владеют 50 % национальных богатств, 92 % крупной российской промышленности, банков и пр.

В кризисный 2009 г. число долларовых миллиардеров удвоилось, при этом 18 млн чел. живут за чертой бедности, безработица увеличилась на 9 % , зарплаты большинства россиян остаются крайне низкими. Реальные доходы населения в январе 2011 г. по сравнению с январем 2010 г. сократились на 47%. 23 члена правления Сбербанка по итогам кризисного 2008 г. получили в виде бонусов 934 млн. руб., в то же время 41 % россиян не пользуются широким финансовыми услугами.

Не хочу выглядеть «ортодоксальным пессимистом», перечисляя все те проблемы, которые имеют место быть в нашем обществе. Их разрешение зависит не только от президента и правительства, в немалой степени оно зависит и от нас, чекистов, рядовых и не рядовых, стоящих на защите государственных интересов России и для которых слова «честь и верность» являются не просто лозунгом!

Искренне надеюсь, что в становлении современного поколения флотских контрразведчиков, их воспитании и обучении определенную роль сыграет и наша книга.

С глубоким уважением ко всем военным контрразведчикам,

Контр-адмирал запаса Н.Н.Соцков

Авторский коллектив выражает глубокую благодарность за поддержку:

***Жмурко Михаилу Казимировичу
Зубко Александру Ивановичу
Кириллову Александру Викторовичу
Кононенко Василию Ивановичу
Миненко Олегу Константиновичу
Хромовских Сергею Николаевичу
Черных Владимиру Сергеевичу
Марченко Николаю Николаевичу***

Авторский коллектив признателен за помощь:

***Солохиной Ларисе Владимировне
Тужлину Святославу Вячеславовичу
Чистякову Олегу Вячеславовичу***

Адмирал В.Д. Федоров

Уважаемый читатель!

К 80-летию создания военной контрразведки Тихоокеанского флота России переиздается, на мой взгляд, замечательная книга «Честь и верность», в которой изложена история и боевые будни наших чекистов. Тихоокеанский флот – это огромный организм, имеющий по своему базированию и размещению большой пространственный размах на Дальнем Востоке России, состоящий из нескольких родов сил, решающих задачи в различных средах: под водой, над водой, в воздухе и космосе, располагающий для этого различными средствами, но главной его составляющей являются люди.

И этот большой и грозный организм требует, чтобы его внутренняя безопас-

ность была надежно обеспечена. Эту трудную и сложную функцию выполняет наша военная контрразведка, что подтверждается историей нашего флота, успешно решавшего все стоящие перед ним задачи, как в Великой Отечественной войне, так и в мирное время.

Свои первые годы службы на Камчатке, в бригаде кораблей охраны водного района на морском тральщике, я всегда вспоминаю с большой теплотой, потому что там состоялось мое становление как морского офицера. Там мне были привиты моими командирами и сослуживцами такие понятия, как долг и добросовестное служение Народу и Отечеству, там воплотилась моя мечта – стать моряком и навсегда полюбить эту грозную стихию, остаться ей верным до конца моих дней. На одном из кораблей судьба свела меня с молодым лейтенантом-минером, успешно окончившим ВВМОЛКУ им. М.В. Фрунзе, чье имя пока нельзя назвать по вполне понятным причинам, впоследствии ставшим заслуженным чекистом и много сделавшим для защиты интересов флота и государства. Дружбой с этим замечательным человеком я очень дорожу и сейчас.

В этот период службы, включая и время пребывания в должности командира корабля, мне часто приходилось сталкиваться с работниками особого отдела. Я знал, что такая структура есть и довольно успешно работает. А когда приходил работник, то все служебные вопросы мы разрешали, как правило, к обоюдному удовлетворению положительно, достигая полного согласия.

Довольно непростой, после окончания мной Военно-Морской академии, была служба в 47-й бригаде кораблей охраны водного района, базировавшейся на острове Русский. Учитывая многообразие задач, которые решали корабли соединения, в том числе и боевой службы в Корейском проливе и Восточно-Китайском море, необходимо было досконально знать психическое состояние людей, их настрой на службу, обстановку в семьях. В то время состояние дел на бригаде было довольно сложным: имели место и пьянство, и халатность командирского звена, низкая техническая готовность кораблей и ничем не оправданная гибель людей. Все это надо было переломить, используя все имеющиеся возможности. И эти возможности мы нашли, — это опора, прежде всего, на общественность в лице женсовета, который возглавляла в то время Э.П. Линючева, и на моих непосредственных заместителей и помощников. Неоценимая помощь мне была оказана в ту пору работником особого отдела, капитаном 2 ранга Г.Л. Пузыревым. За два с небольшим года в бригаде обстановка коренным образом изменилась к лучшему.

Моя служба в управлении Приморской флотилии состоит из двух периодов: в советское время в должности начальника оперативного отдела и начальника штаба флотилии. В это время руководителями отделом контрразведки по флотилии были капитан 1 ранга В.А. Пахомов и капитан 2 ранга Б.А. Иванюта. Служба была непростой и очень насыщенной различными событиями, но серьезных провалов в боевой готовности и боевой подготовке не было. И это совместная заслуга командования флотилии и особого отдела. Командовать Приморской флотилией разнородных сил мне уже пришлось в составе Российских Вооруженных сил более четырех лет. Это время нельзя охарактеризовать никак иначе, кроме как сознательное уничтожение флота, когда происходило «выдавливание» лучших офицеров и специалистов с военной службы в силу складывающихся или искусственно создаваемых обстоятельств: отсутствие какого-либо финансирования, даже на денежное довольствие, в течение длительного времени! В этих условиях рядом со мной находился и помогал мне всем, чем мог, начальник отдела контрразведки по флотилии капитан 1 ранга В.П. Заика. Благодаря совместным усилиям, нам удалось сохранить боеготовность основных соединений флотилии и организовать планомерную боевую подготовку. В это же время меня судьба свела с прекрасным человеком, профессионалом с большой буквы, начальником Управления ВКР по ТОФ контр-адмиралом Г.А. Угрюмовым, с которым я поддерживал дружеские отношения вплоть до его преждевременной кончины.

Последние десять лет моей службы на Тихоокеанском флоте я вспоминаю с определенной долей оптимизма и удовлетворения. Полагаю, что к концу 90-х гг. XX в. многие хорошо осознали и поняли, что так дальше жить и служить нельзя. И тут нам судьба подарила шанс в лице В.В. Путина, сначала председателя правительства, а затем и Президента РФ. Встречи с ним вдохновили нас на дела, направленные на возрождение России как великой Державы, и воссоздание могучего Флота, без которого ей не быть таковой!

В течение всей своей службы вместе с единомышленниками — членами Военного Совета, командирами объединений и соединений, моряков и служащих флота, при всемерной поддержке и помощи сотрудников управления ВКР — мы старались обеспечивать установленную боевую готовность Тихоокеанского флота, особенно его стра-

тегической составляющей на должном уровне, для обеспечения безопасности России и поддержания стабильности во всем мире.

В это же время нам пришлось расширять и укреплять военно-политическое и военно-техническое сотрудничество с флотами многих стран АТР, направленное, прежде всего, на защиту интересов и повышение международного престижа России в операционной зоне флота. Это сотрудничество осуществлялось в виде визитов кораблей, совместных учений, официальных визитов должностных лиц флотов, а также Симпозиумов Главнокомандующих (Командующих) флотов СЗЧТО. Это позволило знать своих коллег лично, их видение решения различных проблем на море в современном мире, нахождение консенсуса по тому или иному вопросу, согласование мер безопасности при проведении учений по «горячей линии». В этой работе я всегда чувствовал полную поддержку начальника Управления ВКР по Тихоокеанскому флоту контр-адмирала Н.Н. Соцкова, контр-адмирала А.А. Белова, капитана 1-го ранга В.В. Витько и многих других.

Уверен, что наша с вами работа не прошла даром! Россия в этом мире обречена быть великой Державой с достойным ее величия Флотом! Поздравляя вас, дорогие друзья, с 80-й годовщиной Управления, желаю всем Вам и Вашим семьям доброго здоровья, большого человеческого счастья, уверенности в том, что наше дело будет продолжено молодым поколением, которое сделает все, что мы с Вами не успели! А мы будем гордиться нашей любимой Родиной – Россией!

С уважением и признательностью,

адмирал В.Д. Федоров

(командующий ТОФ в 2001–2007 гг.)

ЧАСТЬ 1. **МОРСКАЯ КОНТРРАЗВЕДКА НА ТИХОМ ОКЕАНЕ: страницы истории**

1.1. Буяков А.М. От морской контрразведки Российской империи до контрразведки ГПУ (1906-1922 гг.)

В начале XX в. Россия не располагала специальными контрразведывательными органами для борьбы с иностранным шпионажем, что привело к тяжелым последствиям накануне и во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Японская разведка активно действовала против России, но серьезного противодействия этой деятельности оказано не было, так как первый специальный орган российской военной контрразведки – разведочное отделение – был образован при Главном штабе только в 1903 г., а полицейские и жандармские органы в борьбе со шпионажем оказались малоэффективными. Пренебрежительное отношение в России к разведке и контрразведке оказало серьезное влияние на весь ход военных действий и стало одной из причин сокрушительного поражения в войне с Японией.

В апреле 1906 г. был создан Морской Генеральный штаб, в структуре которого был предусмотрен специальный информационно-статистический орган*, занимавшийся информационно-учетной работой по военно-морским флотам иностранных государств, организацией и ведением агентурной разведки в мирное и военное время, координацией работы военно-морских атташе и др. На этот орган также возлагалась организация и ведение контрразведывательной деятельности, но на первых порах она велась в ограниченных масштабах, так как после русско-японской войны 1904–1905 гг. разведки иностранных государств не проявляли особенного интереса к военно-морскому флоту Российской империи.

С 1911 г. МГШ развернул работу по борьбе с иностранным морским шпионажем на территории империи. С 1912 г. Германия, а затем и Австро-Венгрия стали проявлять повышенный интерес к Балтийскому и Черноморскому флотам, и МГШ пришлось уделять уже повышенное внимание вопросам контрразведки, специфика работы которой требовала создания специального органа. В декабре 1908 г. по соглашению министра внутренних дел с военным министром была образована межведомственная комиссия по вопросам организации контрразведывательной службы, в состав которой был включен от иностранной части МГШ капитан 2 ранга Б.И. Доливо-Добровольский¹. Комиссия пришла к заключению, что «широкая военная разведка иностранных государств в России, получившая весьма сильное развитие, давно ставит на очередь вопрос активизации борьбы с лицами, занимающимися шпионством, т.е. выдвигает необходимость иметь особый контрразведывательный орган».

* В 1906–1917 гг. в рамках реорганизаций МГШ этот орган неоднократно переименовывался: Иностранное отделение военно-статистического отдела, Отделение иностранной статистики, Иностранная часть, Иностранный отдел статистической части, Иностранный отдел статистического отделения, Иностран- ный отдел.

25 марта (ст.ст.) 1909 г. на межведомственном совещании представителей Главного управления Генерального штаба (ГУГШ), МГШ и Департамента полиции МВД Российской империи был в очередной раз рассмотрен вопрос о борьбе с «иностранным шпионажем». Несмотря на разные подходы к вопросу, стороны признали целесообразным учредить особые органы – контрразведывательные отделения (КРО) и подчинить их начальникам штабов военных округов. Но только фактически через год, 8 июня 1911 г., военный министр генерал В.А. Сухомлинов² утвердил «Положение о контрразведывательных отделениях» военных округов, их штаты и «Инструкцию начальникам контрразведывательных отделений». Таким образом, была создана контрразведка как самостоятельная и независимая структура. Новая структура нуждалась и в новой законодательной базе. В том же 1911 г. параллельно с разработкой «Положения» по инициативе Министерства юстиции и Военного министерства шла разработка нового законопроекта о государственной измене путем шпионства. Для разработки данного закона была создана особая группа, которая положила в основу проекта документа материалы межведомственной комиссии. 5 июля (ст.ст.) 1912 г. после положительного рассмотрения Государственной думой и Государственным советом России «Закона об изменении и дополнении действующих узаконений о государственной измене путем шпионства» он был утвержден императором Николаем II. В законе было четко определено понятие «шпионаж», и согласно ему шпионаж против России стал являться тягчайшим видом государственной измены.

В мае 1914 г. приказом по МГШ был создан специальный орган, выделенный из состава Иностранного отдела статистической части и получивший название «Особое делопроизводство», с возложением на него функций организации и ведения военно-морской разведки и контрразведки. В «Инструкции заведующему Особым делопроизводством Морского Генерального штаба» капитану 2 ранга М.И.Дунину-Барковскому³ подчеркивалось, что на него возлагается «направление деятельности контрразведки во флоте и Морском министерстве». Однако этот вновь созданный орган не имел своих структурных подразделений на флотах и флотилиях и поэтому не мог эффективно организовать и вести контрразведывательную работу.

В то же время органы армейской контрразведки не могли уделять должного внимания нуждам Особого делопроизводства и оказывать ему содействие, что особенно проявилось с началом Первой мировой войны. В конце сентября 1915 г. морской министр адмирал И.К.Григорович⁴ вынужден был констатировать, что «армейская контрразведка, перегруженная своей основной работой, не уделяет должного внимания флоту», и предложил выделить морскую контрразведку в самостоятельную организацию. Тогда же МГШ составил проект «Положения о морских контрразведывательных отделениях», основная задача которых формулировалась следующим образом – «борьба с военно-морским шпионством и вообще воспрепятствования тем мерам иностранных государств, которые могут вредить интересам морской обороны Империи». Предполагалось создать контрразведывательное отделение МГШ, а также финляндское, балтийское, беломорское, тихоокеанское и черноморское отделения. В случае необходимости по указанию начальника МГШ могли быть образованы и другие органы контрразведки, в том числе в морских крепостях.

С другой стороны, взаимодействие МГШ с МВД привело к ощутимым результатам, так как в 1915-1917 гг. кадровый костяк морской контрразведки был сформир-

рован из офицеров Отдельного корпуса жандармов, назначенных, в первую очередь, на руководящие должности. Среди них следует упомянуть начальника Петроградского морского КРО полковника И.С.Николаева, начальника КРО штаба Черноморского флота ротмистра А.П. Автамонова⁵, начальника Особого отделения штаба Балтфлота подполковника А.Н. Нордмана⁶, начальника КРО штаба флотилии Северного Ледовитого океана подполковника П.В. Юдичева⁷, начальника КРО штаба крепости Свеаборг подполковника Ф.Ф. Крушинского⁸.

Однако, процесс создания органов морской контрразведки затянулся и только в начале 1916 г., в связи с расширением объема работы по борьбе с немецким шпионажем, был учрежден новые органы – Центральная морская регистрационная служба во главе с офицером Особого делопроизводства капитаном 2 ранга В.А.Виноградовым⁹, и Морское регистрационное бюро, начальником которого стал старший лейтенант А.М. Сыробоярский¹⁰. На Центральную морскую регистрационную службу возлагались распорядительные и координационные функции, а Морское регистрационное бюро являлось рабочим органом внутренней и внешней морской контрразведки. Руководство морской контрразведкой на театре военных действий осуществлялось по соглашению начальника Морского штаба при Ставке с начальником МГШ.

В.А. Виноградов сразу предпринял меры для активизации работы военно-морских атташе по линии внешней контрразведки, а в начале 1917 г. инициировал созыв представительного совещания, на котором обсуждался только один вопрос — «о формировании морской контрразведки». В работе этого совещания, проходившего в течение восьми дней, приняли участие, помимо самого В.А. Виноградова и его заместителя подполковника А.И. Левицкого, руководитель разведывательного делопроизводства ГУГШ полковник М.Ф. Раевский, начальник Центрального военно-регистрационного бюро ГУГШ полковник В. Г. Туркестанов, начальник КРО штаба Петроградского военного округа полковник В.И. Якубов и глава Петроградского морского КРО полковник И.С. Николаев. Но Февральская, а затем Октябрьская революции 1917 г. не позволили кардинальным образом реализовать принятые на совещании решения, в первую очередь по кадровым вопросам.

Тем не менее еще ранее удалось решить ряд организационных вопросов. При штабах Балтийского и Черноморского флотов, флотилии Северного Ледовитого океана, крепостей и портов были учреждены органы контрразведки, подчиненные Морской регистрационной службе МГШ. Они просуществовали до июня 1918 г., когда Морская регистрационная служба перешла в полное ведение Военного контроля Реввоенсовета Республики, который затем был преобразован в Особый отдел РВСР.

Накануне и во время Первой мировой войны обстановка на Дальнем Востоке была более спокойной, чем в европейской части России, где активно действовала агентура германской и австро-венгерской разведок. К 1 августа 1914 г. в состав Сибирской флотилии входили 2 крейсера — «Аскольд» и «Жемчуг», 9 эскадренных миноносца, 11 миноносцев, канонерская лодка «Манджур», 3 минных заградителя, 9 подводных лодок, 7 транспортов и 1 посыльное судно. Флотилия, Сибирский флотский экипаж, судостроительный завод Владивостокского военного порта нуждались в контрразведывательном обеспечении, которое эпизодически осуществляло через свою агентурную сеть Владивостокское охранное отделение. С августа 1911 г. эту функцию отчасти

попыталось взять на себя КРО штаба Приамурского военного округа. В 1913–1914 гг. на территории Приморья были открыты КРП во Владивостоке, Никольске (Уссурийск) и Новокиевском (Краскино). КРП во Владивостоке должен был работать в тесном взаимодействии со штабом Сибирской флотилии.

В марте 1913 г. руководство морской контрразведки в Петрограде направило своего представителя старшего лейтенанта А.А. Нищенкова¹¹ во Владивосток для изучения вопроса о целесообразности создания здесь специального контрразведывательного органа при штабе Сибирской флотилии и «для установления связи между командующим Сибирской флотилией и органами, ведающими борьбой с иностранным шпионажем на Дальнем Востоке». По прибытии во Владивосток он доложил командующему Сибирской флотилией вице-адмиралу К.В. Стеценко о мероприятиях по организации борьбы с иностранным шпионажем, проводившихся на основании совместной инструкции Военного и Морского министерств. В Хабаровске А.А. Нищенков встречался с генерал-квартирмейстером штаба Приамурского военного округа генерал-майором А.С. Санниковым¹² и обсуждал с ним вопросы взаимодействия КРО штаба округа со штабом командующего Сибирской флотилии. Вернувшись в Петроград, А.А. Нищенков представил доклад о результатах своей командировки на Дальний Восток, на основании которого было принято решение о нецелесообразности создания специального контрразведывательного отделения для Сибирской флотилии.

Контрразведывательное обслуживание оперативного и мобилизационного отделений штаба Сибирской флотилии, офицерского и личного состава кораблей и береговых частей, Владивостокского военного порта и Сибирского флотского экипажа взяли на себя КРО штаба Приамурского военного округа и его КРП во Владивостоке. Одновременно помощь командованию Сибирской флотилии в борьбе с иностранным шпионажем оказывало Владивостокское охранное отделение. Такое положение дел сохранялось вплоть до марта 1917 г., когда охранное отделение было ликвидировано, а деятельность КРО штаба Приамурского военного округа и подчиненных ему КРП была практически полностью парализована.

С этого момента контрразведывательным обеспечением Сибирской флотилии никто не занимался, а во время Гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке флотилия своего специального контрразведывательного органа не имела. Только в 1921 г., когда к власти пришло Временное Приамурское правительство во главе с С.Д. Меркуловым, было создано КРО при командующем Сибирской флотилией контр-адмирале Г.К. Старке¹³. Во главе морской контрразведки Сибирской флотилии стоял штабс-капитан по адмиралтейству В.В. Федуленко¹⁴, служивший до этого в контрразведке у адмирала А.В. Колчака в Омске, а затем в Морском учебном батальоне. Помощником у него состоял поручик по адмиралтейству Б.А. Крюков¹⁵. На отделение замыкался морской КРП при начальнике гарнизона города Петропавловска-Камчатского.

В отчете о деятельности Сибирской флотилии в 1921–1922 гг. контр-адмирал Г.К. Старк писал: «В тыловом районе, подведомственном мне, весь сентябрь и начало октября велась упорнейшая борьба с красными. В противоположность многим минувшим периодам борьбы с большевиками мы на этот раз, имея совершенно ничтожный гарнизон во Владивостоке, очень мало беспокоились за безопасность его, хотя было

известно, что восстание во Владивостоке было бы очень на руку большевикам. Дело было в том, что в случае захвата большевиками Владивостока извне по праву войны поднимался вопрос о праве их на захват военных грузов. По отзывам иностранной прессы, захват Советской Россией такого громадного количества запасов вооружения представлялся державам, еще не признавшим тогда большевиков, опасным и мог поэтому приобрести международное значение. Большевикам было бы кстати разрешить этот вопрос путем внутреннего переворота во Владивостоке, чтобы поставить иностранцев перед фактом падения белого правительства по воле самого революционного народа. Но их организации во Владивостоке были слишком слабы. Население, относившееся пассивно к факту возможного завоевания, не склонно было помогать большевикам. Благодаря хорошо поставленному делу контрразведки мы были осведомлены о каждом их собрании, каждом решении и движении в городе. В этом отношении моя осведомленность как начальника тыла базировалась главным образом на сведениях, полученных контрразведкой флотилии, работа начальника коей, штабс-капитана по адмиралтейству Федулenco, была поистине мастерской».

Сразу же после Октябрьской революции, 20 декабря 1917 г., постановлением СНК РСФСР была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем, на которую возлагались следующие задачи: преследование и ликвидация контрреволюционных и саботажнических попыток и действий по всей России, выработка мер по борьбе с контрреволюционерами и саботажниками, предавание их суду революционного трибунала и ведение предварительного расследования. Одновременно с формированием территориальных органов ВЧК принимались меры по организации чрезвычайных комиссии в армии, но процесс создания органов военной контрразведки оказался весьма сложным. Ф.Э. Дзержинский считал, что борьба с контрреволюционными элементами в армии должна являться одной из важнейших функций органов ВЧК. 28 января 1919 г. это предложение поддержала Коллегия ВЧК, а 9 апреля Президиум ВЧК принял решение поручить одному из отделений Отдела борьбы с контрреволюцией осуществление контрразведывательных мероприятий в вооруженных силах.

В связи с обострением Гражданской войны и началом иностранной интервенции на ВЧК и ее местные органы был возложен целый комплекс задач, в первую очередь, борьба с контрреволюцией и шпионажем в Красной Армии. Уже с середины 1918 г. в Красной Армии наряду с Военным контролем действовали чрезвычайные комиссии. Однако наличие двух независимых контрразведывательных органов, подчиненных разным организациям – органы Военного контроля подчинялись Реввоенсовету республики, а фронтовые и армейские чрезвычайные комиссии – ВЧК, приводило к распылению сил и неувязкам в работе.

19 декабря 1918 г. Бюро ЦК РКП(б) приняло решение о создании Особого отдела ВЧК, ставшего единым органом военной контрразведки по борьбе со шпионажем, изменой Родине и другими преступлениями в частях и учреждениях Красной Армии. 6 февраля 1919 г. Президиум ВЦИК утвердил Положение об Особом отделе ВЧК и местных органах, которым была определена следующая система особых отделов: Особый отдел ВЧК, Особый отдел фронта, Особый отдел армии, Особое отделение дивизии и особые отделы в губернских чрезвычайных комиссиях, на которые возлагались функ-

ции борьбы с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте, организация агентурной работы за границей и на территориях, занятых белогвардейцами и интервентами.

Летом того же года на Особый отдел ВЧК была возложена функция оперативно-чекистской охраны границы, и в его распоряжение были переданы пограничные чрезвычайные комиссии, которые стали именоваться пунктами Особого отдела. В этот период разведывательная работа была сосредоточена в иностранном отделении Особого отдела ВЧК, на базе которого приказом ВЧК №169 от 20 декабря 1920 г. был создан Иностранный отдел (ИНО) ВЧК.

В ходе Гражданской войны основная тяжесть борьбы со шпионажем и контрреволюционной деятельностью легла на Особый отдел ВЧК и его подразделения. 24 января 1919 г. была введена в действие Инструкция о работе особых отделов, в которой были определены их основные задачи: «обнаружение, обследование и пресечение деятельности контрреволюционных и шпионских организаций при помощи осведомления, внутренней агентуры и службы наружной разведки». Осведомительная служба должна была, используя широкую сеть осведомителей, обеспечивать особые отделы информацией о всех сторонах жизни личного состава частей и соединений Красной Армии. Внутренняя агентура предназначалась для выполнения конкретных заданий по оперативным разработкам.

В этот период неоднократно проводились реорганизации структуры ВЧК в целях повышения эффективности всех направлений ее деятельности. 14 января 1921 г. было создано Секретно-оперативное управление (СОУ), в состав которого также вошел Особый отдел, на который возлагались функции борьбы со шпионажем и контрреволюцией в Красной Армии и Военно-морском флоте. Одновременно с перестройкой центрального аппарата ВЧК была изменена организационная структура местных органов – губернских чрезвычайных комиссий, в состав которых вошли особые отделы фронтов и армий. Особые отделы делились на фронтовые, окружные и армейские.

6 февраля 1922 г. ВЦИК своим постановлением упразднил ВЧК и учредил Государственное политическое управление при НКВД РСФСР, на которое возлагались политическая охрана безопасности Советской республики, борьба со шпионажем, внутренней и внешней контрреволюцией, охрана государственной и военной тайны, политическая охрана границ и др. В целях улучшения контрразведывательной работы Коллегия ГПУ при участии полномочных представителей ГПУ 6–8 мая 1922 г. постановила реорганизовать особые отделы, разделив их на две части. На базе одной части каждого особого отдела было решено создать за счет его штатов и наиболее опытных работников новое оперативное подразделение – Контрразведывательный отдел (КРО) в составе СОУ ГПУ и такие же отделы в системе СОЧ губернских отделов ГПУ, на которые, помимо задач по борьбе с подрывной деятельностью иностранных разведок, зарубежных антисоветских центров, внутренней контрреволюцией, бандитизмом, контрабандой и незаконным переходом государственной границы, возлагалась контрразведывательная работа в частях и соединениях Красной Армии и Военно-морского флота. На местах КРО были сформированы в июне–июле 1922 г., а начальником КРО ГПУ был назначен А.Х. Артузов.

На базе другой части бывших особых отделов должен был функционировать новый Особый отдел с абсолютно иными функциями: выявление нужд и недостатков

в частях и соединениях Красной Армии и Военно-морского флота, изучение условий жизни личного состава и его настроений, борьба с крупными должностными преступлениями в вооруженных силах, принятие различных профилактических и предупредительных мер.

Тем самым особые отделы в центре и на местах были лишены своих основных функций, в первую очередь контрразведывательного обеспечения вооруженных сил, и их дальнейшая деятельность ограничивалась осведомительно-информационной работой. Это не замедлило отрицательно сказаться на работе органов военной контрразведки. В 1922 г. проверка особых отделов показала, что осведомление в Красной Армии и Военно-морском флоте организовано плохо, а в некоторых частях и учреждениях вообще отсутствовало, из-за отсутствия секретного осведомления особые отделы не располагали данными о наличии и подрывной работе иностранных разведок и контрреволюционных групп в вооруженных силах. В скором времени эти недостатки были устранены, осведомительная работа реорганизована и усилена во всех особых отделах.

К этому времени на Дальнем Востоке остался последний очаг Гражданской войны и интервенции. 25 октября 1922 г. во Владивосток вошли части НРА ДВР под командованием И.П. Уборевича, а 27 октября Приморский губернский военревком рассмотрел вопрос «Об организации власти в губернии» и постановил: «... 2. При Приморском губернском военно-революционном комитете образовать следующие отделы: государственной политической охраны...». Комплектование губернского отдела ГПО во Владивостоке началось в ноябре 1922 г., однако уже в марте 1923 г., в связи с ликвидацией правительственных органов ДВР в центре и на местах, он был преобразован в Приморский губернский отдел ГПУ РСФСР.

Губотдел подчинялся Полномочному представительству ГПУ РСФСР по Дальнему Востоку с центром в Чите, а с 15 сентября 1923 г. – в Хабаровске. Отдел располагался в здании бывшего командира Владивостокского военного порта по Светланской улице⁸. Начальником отдела назначили заместителя начальника Особого отдела Восточно-Сибирского военного округа В.А. Каруцкого¹⁶, прибывшего 27 октября во Владивосток из Читы. Вместе с ним приехала небольшая группа контрразведчиков из Москвы, Иркутска и Читы, а также активных участников партизанского движения в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке: А.Р. Альшанский¹⁷, К.С. Циунчик, П.П. Морозов, К. Улыбышев, А.И. Горячев и др., занявшие в губотделе руководящие должности. Но основной костяк кадров составили приморцы. Так, оперативными сотрудниками отдела были назначены бывшие партизаны и подпольщики: С.Г. Борисов, Г.А. Давыдов¹⁸, Г.В. Демин, А.О. Розен, Д.Г. Федичкин, Г.А. Федоров и др.

Почетный сотрудник органов госбезопасности полковник Д.Г. Федичкин, в 1922–1931 гг. работавший в КРО Приморского губотдела ГПУ-ОГПУ, в своих воспоминаниях писал: «Для организации органов ГПУ в Приморье в конце 1922 г. из Москвы и Читы прибыла группа опытных чекистов, которые возглавили отделы и направления вновь сформированного аппарата. Перед органами ГПУ сразу же возник целый ряд серьезных проблем. В частности, требовалось:

– создать гибкий и действенный аппарат, способный выявлять и вести активную борьбу с разведывательно-подрывной деятельностью иностранных разведок;

- вскрыть контрреволюционное подполье на территории Приморья и ликвидировать его, не дав перерасти ему в организованное антисоветское движение;
- очистить Приморье от многочисленных контрреволюционных и белогвардейских элементов, оставшихся на его территории;
- сократить количество иностранных предприятий, учреждений и различных обществ, которые могли служить прикрытием для иностранных разведок и базой для ведения шпионской и диверсионной работы;
- с помощью агентуры проникнуть в органы и пункты, занимавшиеся шпионской деятельностью, которые существовали на территории Приморья, а также в Маньчжурии и Корее».

24 ноября 1922 г. областной отдел ГПО был переименован в «губернский отдел Государственного Политического управления». Приказом ГПУ №40 от 3 февраля 1923 г. был организован Приморский губернский отдел ГПУ по 1-й категории штатов, в него вошли основные подотделы и отделения – обще-административной части (37 чел.), СОЧ (3 чел.), состоявшей из секретного (11 чел.), экономического (9 чел.) и контрразведывательного (16 чел.) отделений, информационно-регистрационно-агентурного отделения (26 чел.), военного отделения и особых отделений (7 чел.) 1-й Забайкальской стрелковой дивизии, 1-й Тихоокеанской стрелковой дивизии, 9-й кавалерийской бригады, 17-го Приморского стрелкового корпуса и др. Так в 20-е гг. в условиях сложной внутри и внешнеполитической обстановки на Дальнем Востоке были созданы и получили свое дальнейшее развитие территориальные органы государственной безопасности и военной контрразведки Приморья.

Из воспоминаний Д.Г. Федичкина

28 октября 1922 г. я был рекомендован партийными органами в органы ГПУ в составе группы разведчиков штаба партизанских отрядов Никольск-Уссурийского района. Тогда наш чекистский орган назывался уездным подотделом ГПУ. Меня назначили помощником оперативного уполномоченного. В мои обязанности входило выявление скрывающихся белогвардейцев и контрреволюционных элементов и ведения следствия по делам арестованных. Первым моим делом стало расследование материалов на провокатора Варварского, ставшего затем официальным сотрудником белогвардейской контрразведки в Никольск-Уссурийске.

В первые годы после организации советских органов госбезопасности в г.Владивостоке мне пришлось соприкасаться с архивами царской жандармерии. Можно поражаться той безответственности и оперативной слепоте царских жандармов, не придававших значения тому очевидному факту, что иностранные разведки и главным образом – японская, глубоко проникли в армию и имели там хорошие возможности для ведения широкой разведывательной работы.

Нашим органам сразу же после их организации в 1922 г. предстояло, в первую очередь, нащупать, а затем и пресечь эти гнезда японской разведки. При аресте хозяев прачечных, обслуживавших офицерский состав, оказывалось, что некоторые из них являлись офицерами разведслужбы японской армии. Различные иностранные предприятия, фирмы, другие разного рода организации и конторы в Приморье в ряде случаев являлись прикрытиями для организации разведывательной работы.

Еще в годы, предшествующие интервенции и Гражданской войне, Приморье, как и Дальний Восток в целом, было окутано сетью разных иностранных фирм, агентств и контор, проникших во все, даже самые отдаленные уголки края. Например, американская фирма

«МакКормик» продавала на льготных условиях сельскохозяйственную технику. Ее конторы рассредоточились от Владивостока до Урала. Немецкая компания «Зингер» сбывала швейные машинки. Другая немецкая фирма «Кунст и Альберс» имела универсальные магазины во многих городах Приморья, особенно в местах, где имелись крупные гарнизоны царской армии. То же самое, по-видимому, на американские капиталы, делала и другая фирма «Чурин и Ко», которая характеризовалась тем, что ввела фордовскую систему подготовки и организации управления кадрами. Впоследствии, в процессе чекистской работы, нам приходилось встречаться с бывшими воспитанниками фирмы «Чурин и Ко» как с американскими и японскими агентами.

Телеграфная связь находилась в руках «Международного телеграфного объединения». Это общество являлось прикрытием английской разведки. В основных городах Приморья функционировали японские и другие иностранные банки, транспортные агентства, различные мелкие бюро, предприятия и всякого рода конторы.

Обращали на себя внимание широко разветвленные общества баптистов, евангелистов и христианский союз молодых людей, в которых велась настойчивая религиозная обработка лиц, в особенности учащейся молодежи. Несомненно, что через эти организации американские разведывательные органы готовили свою агентуру.

За долгие годы интервенции и Гражданской войны империалистические разведки имели возможность заблаговременно создать разветвленную и законспирированную агентурную сеть. Организующими центрами разведработы были не только разные «нейтральные» прикрытия», но и многочисленные консульства. В 1922 г. во Владивостоке их насчитывалось около десятка, представлявших большие и малые страны. Тогдашний народный комиссар иностранных дел (НКВД) назначил во Владивосток специального агента для сношений с этими консульствами. Чекистским органам приходилось разбираться, какие же именно функции выполняли консулы, ибо в то время на территории Приморья в ряде случаев не было ни одного гражданина той страны, которую они представляли.

Требовалось выдворить не только подобных «консулов», но и, например, такого, как японский консул Ватанабэ¹⁹. Это был матерый разведчик, пребывавший во Владивостоке еще со времен, предшествующих Первой мировой войне. С его именем связан ряд антисоветских провокаций, организованных японцами в целях создания предпосылок для продолжения интервенции.

С установлением советской власти в Приморье он продолжал активную разведывательно-подрывную работу. В частности, было разоблачено несколько агентов японской разведки, непосредственно связанных с Ватанабэ. Одним из них оказался переводчик японского языка, кореец по национальности, являвшийся сотрудником КРО Владивостокского губернского отдела ОГПУ.

Было решено выдворить Ватанабэ, причем так, чтобы не вызвать политических осложнений с японским правительством. В этих целях мне было приказано поехать в японское консульство на автомашине, принадлежавшей начальнику губернского отдела ОГПУ. Я был одет в новую форму пограничника с командирскими отличиями (сотрудники КРО носили тогда пограничную форму). На боку у меня был большой маузер в деревянной коробке, а на сапогах – шпоры. В таком воинственном виде, явочным порядком, без какого-либо предупреждения я подъехал к консульству. Беспрепятственно войдя в помещение консульства, я попросил, чтобы меня принял лично Ватанабэ. Особенных расспросов со стороны дежурного по консульству о цели моего визита не последовало. Да, по-видимому, и сам Ватанабэ понимал необычность этого случая, т.е. приезда официального работника ГПУ в консульство.

В соответствии с полученными от начальника губернского отдела ОГПУ указаниями я предъявил Ватанабэ свое служебное удостоверение (в тот период, если мне не изменяет память, я уже был заместителем начальника КРО). Я заявил Ватанабэ, что имею приказание от начальника губернского отдела «порекомендовать ему покинуть пределы Владивостока»

и возвратиться в Японию. Согласно указанию, я не должен был давать каких-либо разъяснений Ватанабэ о причинах такой «рекомендации». В моем присутствии Ватанабэ позвонил начальнику губернского отдела ОГПУ, с которым он был лично знаком. Ватанабэ осведомился, действительно ли я имею такое поручение и попытался выяснить причину его выдворения. Ответ начальника управления не выходил из тех рамок, в соответствии с которыми я действовал. Тогда Ватанабэ позвонил агенту НКВД и спросил, знает ли тот о принятом властями решении в отношении его и чем это вызвано. Агент НКВД ответил, что об этой рекомендации ему известно и он признает ее правомерной.

Следует указать, что ранее отмечалось несколько случаев, когда японские дипломаты, прикрываясь дипломатической неприкосновенностью своей переписки, использовали ее во враждебных нам целях.

Первый случай произошел во Владивостокском порту при погрузке на пароход японской дипломатической почты. Среди чемоданов и валіз был большой деревянный ящик, который при подъеме на пароход лебедкой «случайно» сорвался с талей, упал на причал и разбился. В нем оказался белогвардейский генерал. Его намеревались нелегально вывезти в Японию. Генерал был крупным агентом, и японцы хотели его спасти таким способом.

Второй случай произошел с японской дипломатической почтой, отправляемой консульством по железной дороге из Владивостока в Харбин. Обычно почту возили два сотрудника консульства и всегда заказывали для этих целей отдельное двухместное купе. На этот раз вагона с двухместным купе «не оказалось». Им предложили взять четырехместное купе, в котором одно верхнее место было уже продано. В этот период (в 1924 г.) железнодорожный транспорт работал с перебоями. Поэтому замена вагона была обычным явлением. Кроме того, японцев успокоило то обстоятельство, что третий пассажир ехал только до границы – из Владивостока до станции Гродеково, что по времени занимало не более 5–6 часов.

Когда японцы вошли в вагон, то в купе действительно оказался пассажир. Он вскоре лег на верхнюю полку и уснул. Японцы погрузили свои чемоданы и валізы, опечатанные дипломатическими печатями, а сами расположились внизу. Поздно ночью в поезде почему-то погас свет, а при подходе к нашей пограничной станции загорелся вновь. Пассажир при подходе к конечной советской станции вышел из купе.

Начался таможенный досмотр. К удивлению японских дипломатических курьеров, ни на одном из чемоданов и валіз не оказалось сургучных печатей, то есть почта потеряла свой дипломатический иммунитет. Протесты и ссылки дипкурьеров, что печати срезал и забрал с собой пассажир, ни к чему не привели. Чемоданы и валізы вскрыли и составили соответствующий акт, который были вынуждены подписать дипкурьеры. В почте оказалось: золото в монетах, платина в украшениях, разная валюта, меха и другая ценная контрабанда стоимостью в несколько тысяч рублей.

Что касается пассажира, то японские дипкурьеры отказались подавать официальное заявление нашим пограничным властям. Они понимали, что такой официальный документ только ухудшит положение японцев. Оба указанных «недоразумения» с дипломатической почтой были организованы чекистами, так как мы имели исчерпывающие агентурные данные как о генерале, так и о перевозке крупной контрабанды.

Японское консульство часто переправляло по просьбе разных лиц, которые находили пути доступа к ним, ценности, меха, художественные произведения, валюту и разные документы, в том числе акции акционерных обществ. В общем все, кто стремился вывести приобретенные незаконными путями ценности за границу.

Консул Ватанабэ после данной ему «рекомендации» вскоре покинул пределы нашей Родины. Придавать официальную форму указанным случаям, а также и причинам своего отъезда он не стал во избежание компрометации самого себя.

Уже в начале 1923 г. КРО Владивостокского губотдела ГПУ приступило к осуществлению разведывательной работы за кордоном. Практически это означало ведение разведки на территории Маньчжурии и Кореи. Мне тоже пришлось включиться в эту работу, так как контингент антисоветского подполья состоял из белогвардейцев и всякого рода контрреволюционных элементов.

Были созданы первые резидентуры органов госбезопасности Приморья на КВЖД – в Маньчжурии. Ранее уже имелись такие резидентуры, организованные ГПО ДВР еще во время интервенции и белогвардейщины в центральных пунктах Маньчжурии, в частности, в Харбине.

Большая работа перед органами стояла не только по контрразведывательной линии, но и по другим направлениям, в частности, экономической. Во Владивостоке буржуазия и дельцы оставили до «лучших времен» большое количество различных грузов и товаров в порту, на железнодорожных складах. Иностранные и местные предприниматели, коммерсанты и спекулянты стремились их укрыть или вывезти за границу под видом транзитных грузов, следующих через Владивостокский порт в Китай, Японию. Процветали черная биржа и спекуляция, получившие известное оживление с введением НЭПа.

Экономическое отделение губернского отдела ГПУ действовало энергично. Руководил им тогда В.М. Зарубин, впоследствии прославленный разведчик-нелегал. Он имел опыт работы по борьбе с экономическим саботажем, вредительством, валютчиками и спекуляцией, приобретенный еще в Московской ЧК.

Припоминается одно дело, когда ЭКО удалось упредить вывоз в Китай большой партии оружия немецкого производства, прибывшего во Владивостокский порт под видом транзитного груза. В наши руки попали сотни длинноствольных маузеров и значительное количество револьверов «Вальтер» и «Парабеллум» с большим запасом патронов к ним. Часть его использовали для вооружения личного состава сотрудников губотдела и погранохраны, а основное количество отправили в Москву.

Немало было вскрыто тайных складов с товарами, сырьем и другим народным имуществом, а также спекулятивных афер, хищений, выявлено валютчиков, должностных преступлений, саботажа и вредительства в области экономики.

Безусловно, многие события того периода забылись. Изложенные мною факты и эпизоды борьбы органов государственной безопасности Приморья в первые годы становления советской власти на Дальнем Востоке далеко не исчерпывают всю сложную и трудную их деятельность. Я счел целесообразным поделиться с молодым поколением чекистов лишь своими воспоминаниями, которые сегодня имеют больше историческое, чем практическое значение.

Федичкин Дмитрий Георгиевич

25 ноября 1973 г.

Из воспоминаний И.Г. Булатова

В составе отряда Красной гвардии, а затем в составе 26-й стрелковой дивизии я проделал весь поход против Колчака, начиная с западных склонов Южного Урала до Байкала. С июня по октябрь 1922 г. я возглавлял особо-пограничное отделение №1, несшее охрану границы с ДВР. На Дальнем Востоке война шла к концу, ходили слухи, что с окончательным разгромом белых интервенты уйдут и вопрос воссоединения ДВР с РСФСР предreshен. С границы я был отозван в Особый отдел 5-й армии. В эти дни там создавалась оперативная группа для направления в ДВР. Группу подбирал заместитель начальника Особого отдела 5-й армии Василий Абрамович Каруцкий. В группу вошло около 30 человек.

Мои товарищи, моряк-балтиец и участник штурма Зимнего Василий Никитин, партизан из знаменитой в Сибири и непобежденной Колчаком Тасеевской Советской волостной республики Константин Циунчик, бывший мой помощник в Особом отделе 26-й стрелковой дивизии Виктор Ильин, Петр Морозов, Александр Горячев, Владимир Сковородько, были включены в эту группу, в которую вошел и я.

В первой половине октября мы целым вагоном прибыли в Читу. Спасск был взят войсками НРА, белые катились к Владивостоку. Почти вся группа получила назначение во Владивосток, хотя он еще не был освобожден. Вместе с нами отправился и полномочный представитель ОГПУ по ДВР – Лев Николаевич Бельский²⁰. Он ехал, чтобы возглавить Губревком во Владивостоке.

Как ни спешили, но к занятию Владивостока не успели и прибыли в него утром 27 октября, а город был занят 25 октября. Белые и сушей и морем, под прикрытием японцев, ушли в Гензан, Шанхай и Маньчжурию. Угнали все суда и вывезли все, что могли.

Кончилась Гражданская война, последний оплот белых взят, но интервенты не все ушли из Владивостока. В бухте Золотой Рог еще стояли японские крейсера «Ниссин» и «Касуга» и транспорт с морской пехотой. Если «Касуга» и транспорт вскоре ушли, то крейсер «Ниссин» стоял в порту до апреля 1923 г. под предлогом охраны резидентов.

Японцев в городе было немного, зато много было китайцев и корейцев, и город был буквально начинен белогвардейским сбродом, бежавшим сюда чуть ли не со всей России. Кого тут только не было. Одних белогвардейских офицеров, не успевших или не сумевших уйти за границу, более двух тысяч. Масса беженцев – от крупных буржуа, до перепуганных революцией интеллигентов и обывателей. Тысячи их, и все это чуждое нам по духу притихло и выглядывало из подворотни, подсматривало за каждым нашим шагом, шепталось и злобно шипело вслед.

Город, переживший много за время интервенции, сохранил весь свой капиталистический уклад с частной торговлей и частными предприятиями, кабаками и домами терпимости. Наши советские деньги не шли, в ходу в основном были японская иена, американский доллар и старый царский золотой и серебряный рубль.

В городе целый «дипломатический корпус», в том числе таких, с позволения сказать, государств, как Латвия и Эстония. Это ли не насмешка? По сути дела все это разведки. Все эти разведки за время интервенции крепко поработали и имели свою агентуру. Все это вместе взятое присматривалось и взвешивало, с чего начать в продолжавшейся уже по-новому борьбе.

Каруцкий был назначен начальником губернского отдела госполитохраны, Василий Никитин – его заместителем, а все остальные – на должности начальников отделений и их помощников. Под отдел был занят адмиральский дом на бывшей Светланке.

На коротком совещании в первый же день были поставлены задачи. Кроме нас, прибывших, были работники, направленные сюда как из Читы, так и из губкома партии, в частности,

Варман, Григорий Давыдов, Сергей Хомяков, Дмитрий Федичкин, Петр Галянов и др. Все надо было начинать с начала. Надо было создавать агентурный аппарат. Мы, кроме информации партийных и профсоюзных организаций, почти не имели сведений о положении в городе.

Через коменданта города было предложено всем, кто имеет оружие, сдать его немедленно. Всем бывшим белым офицерам было предложено явиться на регистрацию. Мы работали с перерывами на завтрак, обед и ужин, по целым неделям не бывая дома. Создание агентуры, выявление скрывающихся контрразведчиков, белых офицеров и прочих белых деятелей было нашим основным занятием в первые дни.

Белых офицеров высылали из города по местам их рождения и жительства. Пусть с ними там разберутся, кто они такие и что заставило их бороться с революцией. Японцы-коммерсанты прикрывали свои заведения и уплывали к себе на острова. Русская буржуазия легально и нелегально уходила в Харбин, но город все равно кишел чуждыми и враждебными людьми.

В только что освобожденном городе органы безопасности еще ходили как в потемках, так как агентура только создавалась. Мы бы не так много сделали, если бы не местная партийная организация и крепкие рабочие коллективы Дальзавода, портовики и железнодорожники 1-й Речки. Все это были крепкие, закаленные в борьбе революционные коллективы. С их помощью город очищался от всевозможной белогвардейской нечисти.

Второе и самое главное в городе – это большая агентура интервентов, работу которой надо было выявлять и пресекать. В этих условиях «дипломатический корпус» представлял для нас особый интерес. Я не участвовал в работе по этому «корпусу», кроме выполнения подсобных поручений. Я работал вместе с Иоганом Яковлевичем Ломбаком²¹ в роли его помощника. Вот Ломбаку удалось лучше чем кому-либо найти подход к этому «корпусу». Конкретных ходов этой разработки я не знаю, но знаю, что очень удачными мероприятиями агентуры удалось получить, вернее добыть, весьма ценные материалы, уличающие господ дипломатов в их разведывательной деятельности против Страны Советов. Последующими мерами правительства «корпус» был ликвидирован, и дипломаты в большинстве своем разъехались.

С января 1923 года я возглавил работу особого отделения 1-й Забайкальской стрелковой дивизии и Приморского губотдела, а весной перед выходом в лагерь частей дивизии особое отделение выделилось из объединенного Особого отдела, и я с дивизией ушел в лагерь.

За время работы в Особом отделе из наиболее запомнившихся операций – это захват японского «хищника» в наших территориальных водах. Японцы, зная наше положение с плавсредствами, совершенно спокойно браконьерствовали около наших берегов.

В первые же дни прибытия и существования отдела в ряд районов были направлены отдельные сотрудники для организации отделов на месте. Так, в Шкотовский район был направлен Александр Горячев, в Посыет – Дмитрий Милютин, в бухту Ольга – Тарабыкин. Помощников они подбирали себе на месте. Так вот совершенно нахально, как к себе домой, в бухту пожаловал японский «хищник» – «Сюнно-мару», промышлявший у наших берегов. Тарабыкин со своими помощниками партизанами захватил это судно в бухте Ольга. Рацию и штурманскую опечатал, поставил двух часовых и доложил обо всем во Владивосток. Ночью японцы разоружили часовых, связали и пытались выйти из бухты, но второпях сели на мель. Тарабыкин на судно сразу попасть не мог, его с помощниками японцы встретили ружейным огнем. Вот тогда и был послан из Владивостока единственный миноносец «Бравый», который и отконвоировал «хищника» во Владивосток. Это было первое напоминание всем, что хозяева на месте и не позволяют заниматься хищничеством.

После занятия Владивостока из якутской тайги вышел район Охотска с остатками разбитой «армии» белогвардейский генерал Пепеляев²². Занял Охотск и Аян и поджидал американские суда, чтобы на них убраться в Америку. Было решено, а нам было предложено организовать

ликвидацию этих белых остатков. У Пепеляева преимущественно офицерство, число что-то около 400–500 человек. Охотско-Аянскую экспедицию возглавил Степан Вострецов²³, уральский рабочий-кузнец, боевой командир, он дрался и под Волочаевкой и участвовал в штурме Спасска. В экспедицию были выделены 2-й Нерчинский полк, батальон 1-го Читинского полка и батарея легкоартиллерийского дивизиона 1-й Забайкальской стрелковой дивизии. Особый отдел дивизии выделил трех уполномоченных – Иванова, Болярского и Малыгина, от Губотдела в экспедиции был Константин Улыбышев. На старых пароходах Дальневосточного флота «Эривань» и «Индиگیرка» экспедиция ушла, имея у себя рыбачьи кунгасы для высадки. Не богато, но других средств не было.

Чего, чего, а этого Пепеляев никак не ожидал. Неожиданным был налет, и при сравнительно небольшом сопротивлении Охотск и Аян были захвачены, Пепеляев со своим штабом и недобитым отребьем взят. Организовав органы власти, экспедиция вернулась во Владивосток. Вот теперь настоящий конец Гражданской войны, белые повсюду разгромлены, а недобитые остатки ушли за границу. Однако борьба на этом не закончилась. Из Маньчжурии белогвардейские организации под руководством японской разведки все время забрасывали к нам как диверсионные группы, так и целые банды.

Страна восстанавливала хозяйство, и в это трудное время, когда партия мобилизовала все силы, в атаку пошли троцкисты. Они были против проводимой партией политики и навязали открытую дискуссию. Концом этой дискуссии во Владивостоке было собрание актива. Три дня, сразу же после работы, каждый вечер до 12 часов выступали ораторы. Троцкисты подтянули «подкрепление», в частности, во Владивосток приехал из Харбина управляющий КВЖД крупный троцкист Иванов. Но не помогло. Партийная организация Приморья не пошла за троцкистами, и в декабре 1923 года дискуссия была закончена.

В январе 1924 года я получил приказ немедленно сдать Особый отдел дивизии, отправиться в Хабаровск и принять Особый отдел 2-й Приамурской стрелковой дивизии. Спешка объяснялась тем, что в Хабаровской партийной организации перевес взяли троцкисты. На уездной конференции секретарем Укома был избран один из активных троцкистов Кандер Майер, который был начальником Особого отдела дивизии. Мне было приказано, что если Кандер будет тянуть со сдачей, то просто самому взять аппарат и работать, не допуская его к работе и аппарату. Кандер действительно пытался тянуть, мотивируя тем, что еще будет конференция, а потом утвердит ли еще Дальбюро ЦК эти выборы и прочее. В общем, аппарат Особого отдела он хотел удержать в своих руках. Я поступил так, как мне было приказано. Недели через две приехал полпред ОГПУ по ДВК Александр Павлович Альпов²⁴. Я доложил ему об обстановке и мероприятиях, и он все утвердил. Троцкистом-то в дивизии был не один Кандер. В политотделе дивизии тоже были сторонники Троцкого. Но большую поддержку оказал командир дивизии Яков Захарович Покус²⁵ – герой Волочаевки, который не был троцкистом и ориентировал меня обо всей обстановке. Комиссаром дивизии был мой сослуживец по 26-й стрелковой дивизии 5-й армии – Ильин, что тоже сыграло положительную роль. Троцкисты еще некоторое время пытались влиять на партийную работу, но везде терпели поражение и как-то незаметно замолчали. В конце 1924 года, с переездом краевых учреждений из Читы в Хабаровск, дивизия из Хабаровска передислоцировалась в Благовещенск. Так я убыл из Приморья. Отечественную войну я провел на Ленинградском фронте, а с сентября 1943 года служил в управлении контрразведки «СМЕРШ» фронта.

Булатов Иван Георгиевич

19 января 1974 г.

ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

ЖУРНАЛ

*заседаний межведомственной комиссии представителей
Министерства внутренних дел, Главного управления
Генерального штаба и Морского Генерального штаба по вопросу
об организации контрразведочной службы*

По соглашению министра внутренних дел с Военным ведомством была образована в декабре 1908 г. межведомственная Комиссия под председательством директора Департамента полиции действительного статского советника Трусевича из членов: и.о. вице-директора того же Департамента коллежского советника Виссарионова; делопроизводителя разведывательного отделения Главного управления Генерального штаба полковника Монкевиц; начальника Иностранной части Морского Генерального штаба капитана 2 ранга Доливо-Добровольского; заведующего Особым отделом Департамента полиции полковника Климовича; старшего адъютанта разведывательного отделения штаба Киевского военного округа полковника Самойло; подполковника Отдельного корпуса жандармов Беклемишева и помощника делопроизводителя разведывательного отделения Главного управления Генерального штаба капитана Маркова.

Комиссия в заседаниях своих, ознакомивших с материалами, имеющимися по означенному вопросу и с постановкой контрразведки (борьба с военным и морским шпионством) в России до настоящего времени – пришла к заключению, что:

1. Широкая военная разведка иностранных государств в России, получившая весьма сильное развитие, давно ставит на очередь вопрос активной борьбы с лицами, занимающимися шпионством, т.е. выдвигает необходимость иметь особый контр-разведывательный орган.

2. До сих пор такого органа не было и его функции исполнялись отчасти чинами Корпуса жандармов, отчасти Главным управлением Генерального штаба и Морским Генеральным штабом, а равно разведывательными отделениями штабов округов.

3. Полное отсутствие денежного отпуска на этот предмет, недостаток знаний и опыта у случайно стоящих и постоянно меняющихся руководителей контрразведкой, неимение каких бы ни было инструкций и правил, наконец отсутствие пригодных агентов всех степеней, - все это не соответствовало успеху контрразведки.

Несогласованность же деятельности розыскных учреждений Министерства внутренних дел и начальников разведывательных отделений штабов округов только еще больше тормозила успех.

Ввиду этого Комиссия признала необходимым:

1. Учреждение особых органов, ведающих контрразведкой и снабженных для этого соответственными средствами.

2. Выработку положения и инструкций для этих органов. В этих целях Комиссия прежде всего приступила к выяснению целей иностранной разведки, ее организации, приемов и средств, останавливаясь подробно на том, что может интересовать военных шпионов иностранных государств.

При этом установлено, что военным шпионством является всякого рода сведения о вооруженных силах (сухопутных и морских) и об укрепленных пунктах государства, а также имеющих военное значение географических, топографических и статистических данных о стране и путях сообщения, производимый с целью передачи их иностранной державе.

К сведениям этого рода должны быть отнесены: а) состав, организация, дислокация, комплектование вооруженных сил (сухопутных и морских), обучения войска и флота, внутренних быт, командный состав и настроение войск; б) сведения о военных и морских учреждениях, заведениях, складах и магазинах и о состоянии запасов в них (портовых, интендантских, минных, инженерных, санитарных и проч.); в) сведения о крепостях, укрепленных пунктах и базах флота; г) мобилизация и сосредоточение войск и флота по объявлении войны; д) приказы, отчеты о произведенных маневрах, стрельбах и опытах, уставы, инструкции и наставления по различным отделам обучения войск и флота; ж) сведения военно-географические и статистические о местностях пограничных, как по сухопутной, так и по морской части и имеющих стратегическое значение, особенно о позициях, о свойствах и проходимости местных преград (рек, болот и пр.), и возможных местах высадки, равно как и о прилегающих к укреплениям районах; з) данные о грунтовых путях сообщений в этих местностях, особенно о сети шоссейных дорог (их состояние, переправы и др. препятствия); перевозочные средства; и) сведения о железных дорогах, узловых пунктах и в особенности о важнейших железнодорожных сооружениях, порча коих может оказать существенное влияние на движение (мосты, тоннели, трубы, насыпи, водоканалы, гати и проч.) и относительно оборудования железных дорог, влияющего на пропускную и провозную их способность (водоснабжение, склады топлива, число путей, запасы оборудования станций, средства мастерских, платформы, нагрузочные и разгрузочные приспособления, сигнализация, пакгаузы и проч.), склады переносных железных дорог; к) телеграфное и телефонное сообщение; голубино-почтовые и радиотелеграфные станции; л) военное воздухоплавание.

Иными словами должна привлекать внимание всякая деятельность по добыванию сведений о вооруженных силах, военно-материальных и военно-технических средств России теми лицами, деятельность которых возбуждает подозрение в шпионстве.

Было установлено, что самой плодотворной ареной всех многочисленных иностранных разведчиков являются наши важнейшие в военном отношении пункты, а главной целью их деятельности – важнейшие в этих пунктах военные учреждения, как-то: штабы, адмиралтейства, военно-окружные штабы, с их типографиями, интендантские, артиллерийские и инженерные управления и портовые учреждения. О всех служащих в этих учреждениях, начиная с нижних чинов и до высших, – иностранными шпионами собираются самые точные сведения с целью путем подкупа или опутывания, – добывать нужные сведения.

Относительно организации иностранной разведки в России выяснено, что не говоря уже про японцев, все наши европейские соседи, признавая за военной разведкой первенствующую важность, не останавливаются для достижения своих целей ни перед какими расходами, так как последние есть почти единственное средство для успеха; некоторые же государства, например Австрия, – насколько имеются данные судить, – достигли на этом поприще высокой степени искусства, приближаясь к японцам.

В общем же организация нашими соседями военной разведки в России является почти тождественной и представляется в следующем виде:

Все руководство разведкой сосредоточивается в Генеральных штабах, в руках особых отделений Военного и Морского министерств. Следующими инстанциями, ведающими разведкой, служат иностранные войсковые штабы пограничных частей (по значению соответствуют нашим округам), а в самой России, кроме официальных и морских агентов, сбор военных сведений иностранными правительствами вменяется в одну из главных обязанностей всем их официальным представителям, в особенности консульствам, сосредоточивающим и объединяющим местную военно-разведывательную деятельность. На это имеются многочисленные указания, подтвержденные целым рядом наблюдений.

Как центральные учреждения в Военных министерствах, так и штабы пограничных корпусов и консульства, для своих целей владеют целым рядом первостепенных агентов, специально и тщательно подготовленных к этой роли, с различными сферами шпионской деятельности. Этим агентам вверяются особые районы русской территории, в которых они собирают сведения военного значения и в которых содержится целая сеть второстепенных, а затем и третьестепенных агентов различного назначения.

Расходы, ассигнуемые нашими соседями на военную разведку, очень значительно и неизмеримо превосходят наши расходы, например, по достоверным документам штаб одного из корпусов в Галиции получает на разведку 50–60 тысяч рублей. Приняв во внимание и соответствующие кредиты других главных органов разведки, нетрудно заключить о грандиозности, сравнительно с нашей, военно-разведывательной деятельности, направленной нашими соседями против нас. Такая разведка, организованная и действующая в мирное время, будет служить могучим средством к успеху, а в военное, напротив, у нас, какие бы деньги на нее ни были ассигнованы во время войны, она далеко не даст тех же результатов, так как явится организованной наспех импровизацией, с агентами не подготовленными, а случайными.

Положение России ухудшается тем чувствительнее, что наше пограничное население, в пределах Царства Польского и Юго-Западного края, а равно и Дальнего Востока, является по преимуществу инородческим; по своей замкнутости и враждебности к нам это население дает целые гнезда, в которых находят укрытие иностранные шпионы и пока малодоступные для нашего наблюдения. К этому надо присоединить громадное количество иностранных подданных, а среди них значительное количество военнотружеников, проживающих во всех городах нашей пограничной полосы, под самыми разнообразными профессиями – владельцев: имений, торговых фирм, магазинов, мелких торговцев, служащих, заполняющих чуть ли не сплошь разные торговые учреждения, до содержателей публичных домов включительно; просто путешествующих или гостящих у своих родственников, учащихся и прочих лиц, вращающихся в самых разнообразных классах и слоях населения. Все они, конечно, оказывают, даже без всякого вознаграждения, посильное содействие делу военной разведки своего государства и служат теми многочисленными насосами, которые выкачивают нужные сведения из районов пребывания, передают их в главные органы разведки и здесь эти сведения взаимно проверяются и уже обработанные поступают в иностранные Генеральные штабы. Сюда надо присоединить высокое понимание нашими соседями – наблюдаемое у всех чинов и во всех ведомствах – общности государственных интересов и вполне согласованную совместную работу этих ведомств для обеспечения таких интересов.

Изучение постановки разведки Австрии в России заставляет отметить, что ближайшими к нам их разведывательными органами являются штабы 1-го, 10 и 11-го корпусов (Краков, Перемишль и Львов). Насколько значительна сосредоточенная в этих штабах деятельность, видно уже из того, что один штаб 11-го австрийского корпуса, как показывают имеющиеся документы, пользуется услугами до 30 агентов всех степеней, работающих в России. Большинство сведений, добываемых этими агентами, собираются в австрийских консульствах Киева, Варшавы и других пунктов.

Рассмотренная в Комиссии секретная австрийская инструкция, данная штабом 10-го австрийского корпуса своему негласному агенту для разведки в России (вероятно, офицеру Генерального штаба), прямо указывает, что добываемые сведения должны передаваться австрийскому консулу. Разведывательная деятельность австрийских консулов определенно устанавливается наблюдениями за ними и в самое последнее время.

Не менее характерной является германская организация тайной военной разведки в нашей Империи. Тайная военная разведка прочно организована уже в мирное время почти во всех странах, причем в тех государствах, кои с военной точки зрения совершенно не имеют значения для Германии, она производится исключительно при посредстве консульских агентов; особых в этих целях инструкций таковым не дается, нет и особенных денежных отпусков; все в этом случае поκειται на присущей немецкому чиновнику добросовестности в исполнении обязанностей не только как агента правительства, но и как истинного деятельного патриота. Большинство же стран покрыто сетью тайных военно-разведывательных постов, состоящих главным образом в непосредственном ведении Большого Генерального штаба и Морского Генерального штаба.

Органы германской тайной разведки следующие:

Центральное отделение разведки – Большой Генеральный штаб и Морской Генеральный штаб.

В некоторых случаях промежуточные отделения – штабы пограничных корпусных округов.

Начальники разведывательной службы на местах.

Постоянные агенты.

Роль центрального отделения разведки: а) получать от всех отделений Генеральных штабов указания, что именно желательно узнать для их работы, что проверить или исследовать; б) вести устные и письменные сношения с начальниками разведывательной службы на местах; в) вести сношения и переписку с прямыми корреспондентами и г) вести всю денежную часть и отчетность службы разведки. В последнее время центральное отделение разведки в некоторых случаях передает часть задач для исполнения штабам пограничных корпусов, которые ведут разведку и самостоятельно для целей своего корпуса.

Начальники разведывательной службы являются доверенными лицами на местах;

они избираются преимущественно из лиц, служивших постоянными агентами или в полиции, жандармах, из отставных военных немцев, знающих местные языки, и иногда из иностранцев – подданных мелких нейтральных государств. Они получают постоянное содержание в размере 500–1000 франков в месяц. В каждом важном в военном отношении государстве имеется по несколько человек начальников разведывательной службы. Они получают наряды от центрального отделения штаба пограничного корпуса, исполняют их при посредстве подходящих для сего лиц, которым уплачивают за доставляемые сведения из имеющихся в их распоряжении авансов, и передают собранные сведения в центральное или корпусное отделение разведки. Кроме того, они следят за тайными агентами других государств и доносят об их действиях. Сношения с центральным отделением или корпусными отделениями ведутся через консулов и дипломатические представительства, а в большинстве случаев почтой в двойных конвертах (внутренний или пришитый, или приклеенный), причем часть сообщения шифруется; почтовая корреспонденция адресуется на частные адреса служащих или на условные фамилии или литеры до востребования. Главная деятельность начальников службы разведки заключается в выборе и найме лиц, подходящих для выполнения получаемых нарядов. С этой целью они пользуются всеми своими знакомствами, заводят связи в кафе, ресторанах и прочих заведениях, где часто бывают военнослужащие, постепенно наводят их на разговоры на военные темы и таким образом втягивают их в дело тайной военной разведки; весьма часто они прибегают также к вызовам при помощи публикаций в газетах, предлагая заработать в неслужебное время писарям, чертежникам, кондукторам и прочим служащим в артиллерийском, морском, инженерном и интендантском ведомствах и даже офицерам под видом военно-литературных занятий. Завязав сношения на реальной почве, переходят затем к использованию служебного

положения этих лиц. Вместе с тем начальники службы разведки всеми мерами отвращают взаимное знакомство своих агентов и устанавливают взаимное между ними наблюдение, проверяют получаемые ими сведения и наблюдают за агентами других государств.

Постоянные второстепенные агенты являются исполнителями указаний и требований начальников службы тайной разведки, а иногда и самостоятельными тайными разведками; они избираются из числа проживающих в интересном с военной точки зрения пункте страны или на месте, имеющем с таковым пунктом сношения и связь. Такие агенты получают около 200–250 франков в месяц, но в том случае, если работа их малоуспешна, жалование им прекращается и они приглашаются работать с платой за каждое отдельное доставленное сведение. Хорошо работающие агенты поощряются прибавками и специальными вознаграждениями за особо интересные сведения. Если удалось завербовать агентом офицера, то он обыкновенно передается начальнику разведки, живущему в другом государстве, откуда с ним ведутся сношения.

Постоянными агентами нередко состоят содержатели гостиниц, ресторанов, кафе, чайных, поставщики флота, кондуктора железных дорог, капитаны пароходов (на Висле, Немане и пр.) и даже женщины.

Кроме всего вышеизложенного, германские Генеральные штабы пользуются даже услугами так называемых прямых корреспондентов, т.е. лиц, предлагающих непосредственно Генеральным штабам приобрести то или иное сведение. При получении такого предложения обыкновенно делается следующее: Генеральный штаб требует тайно через своих консульских представителей сведения о сделавшем предложение лице и затем поручает дело одному из своих офицеров, который входит в письменные сношения с предложившим; последнему дается условный адрес или чаще предлагается писать до востребования на имя или на номер. Если дело кажется серьезным, то назначается свидание на нейтральной территории, где продаваемое исследуется и дело решается; если же в свидании нет надобности, письменно уславливаются в цене и предлагающему указывается адрес ближайшего начальника тайной разведки и какое-нибудь вымышленное имя, под которым он ему должен представиться. Начальника разведки уведомляют, что такой-то (называя его вымышленным именем) должен прийти к нему, вручить такие-то документы и столько-то за них получить. Этим путем прямой корреспондент и впредь остается таким и, с одной стороны, сношения с ним могут эксплуатироваться местным начальником разведки, а с другой – тайна его действий является для него обеспеченной.

Еще шире поставлено дело разведки у японского правительства.

Деятельность японских разведчиков происходит совершенно свободно и направлена преимущественно к собиранию военно-статистического материала о состоянии войск, настроении нижних чинов, отношении их к офицерам, образе жизни последних, особенно высшего начальства. Сведения этого рода собираются непосредственно японцами или через китайцев, преимущественно в японских публичных заведениях, путем знакомства с г.г. офицерами, через японскую прислугу в офицерских семьях или даже через русских революционеров.

Интересуются они также обучением войск и установлено, что близ береговых батарей, военных стрельбищ, при занятиях обучению сигнализации, или роты и батальона в полном составе, непременно где-либо поблизости находятся японские соглядатаи. Затем японские разведчики тщательно собирают сведения о грунтовых дорогах, зачерчивают их в записные книжки, отмечают отдельные фанзы, принадлежащие китайцам и корейцам, видимо, преданных им людей, собирают сведения о количестве земли, отданной в аренду этим последним, и числе лошадей у них; отмечают отдельные усадьбы с мельницами или какими-либо промышленными заведениями. У одного японца найден чертеж, от руки, портовых мастерских во Владивостоке, с указанием в футах их размеров.

Есть указания, что генералу Ито недавно посланы сведения о числе и водоизмещении японских незарегистрированных в Японии шхун и лодок в Приморской области. По-видимому, разведчики имеют каждый свой небольшой район, который должны обследовать в военно-статистическом отношении.

В последнее время замечается наплыв разведчиков для выслеживания корейских инсургентов, которые закупают оружие у русских крестьян и казаков и отправляют его в Корею.

Приемы японского шпионства в общем имеют один, по-видимому, характер: в известном городе появляется один за другим несколько японцев, в большинстве случаев, как это установлено, военнослужащих офицерского звания или запасных нижних чинов (есть между ними и корейцы-японофилы) и открывают какие-либо торговые или промышленные заведения, начинают врачебную практику, причем квартиры свои располагают, как, например, в Сретенске, с таким расчетом, что ни приехать, ни выехать из города, минуя которую-либо из таких квартир, нельзя. Такое положение вещей казалось бы достаточно определенно указывает как на цель проживания в данном районе японцев под видом прачек, часовщиков, фотографов и т.п., так и на характер приезда японских офицеров или агентов.

Собранные сведения разведчики обыкновенно передают частью непосредственно, частью через известных лиц в японское консульство во Владивостоке, которое служит центральным разведывательным бюро в Приморской области.

Сообщение японцев с родиной совершается особой почтой, почти открыто действующей: каждый японский пароход, прибывающий из Японии, привозит с собой массу писем и посылок, которые сейчас же на пристани принимаются особыми агентами и разносятся по адресам. Отправка консульских донесений совершается специальными курьерами, лично везущими при себе корреспонденцию, или через капитанов японских пароходов.

Наиболее серьезным разведывательным учреждением является нелегальное общество во Владивостоке «Урадзиво Киорюминкай Косоку». Отделения этого общества раскинуты по всей Приморской области и Восточной Сибири. Живым связующим звеном между ними являются странствующие бонзы из секты Ниси Хонгандзи, кумирня которой имеется во Владивостоке, одним из жрецов которой был перед войной нынешний военный агент в Петербурге полковник Хагино²⁶.

Значение этого общества для японцев определяется целями, которые оно себе ставит.

Воспитываясь по уставу этого общества в духе самоопределения, все живущие в России японцы делаются сплоченной, организованной политической силой, всегда солидарной, ясно выражающей свои потребности и поддерживающей требования японских официальных представителей в крае силой солидарного мнения всей массы населения. Являясь таковой силою, оно может служить орудием политических замыслов японского правительства.

Японскому консулу во Владивостоке общество «Урадзиво Киорюминкай» облегчает возможность надлежащим образом исполнять свои обязанности по разведке не только в крепости-городе Владивосток, но и во всем крае; оно является, так сказать, лучшей организованной системой шпионства. Все тысячи японцев, живущих во Владивостоке и в крае, входят в постоянную связь через общество с официальным представителем интересов своего государства. Через это, конечно, не может не облегчаться возможность получения в данном направлении нужных сведений. Затем, как известно, в Приморской области некоторые отрасли торговли и труда почти монополизированы японцами – торговля японскими шелками, кюррио и т.п., а в области труда – проституция, парикмахерское, прачечное дело и др.

Выяснив, таким образом, деятельность иностранной разведки в России, Комиссия перешла к изысканию и оценке средств борьбы с разведкой.

Контрразведка (борьба со шпионством) заключается в своевременном обнаружении лиц, занимающихся разведкой для иностранных государств, и в принятии вообще мер для воспрепятствования разведочной работе этих государств, и в принятии вообще мер для воспрепятствования разведывательной работе этих государств в России. Конечная цель контрразведки есть привлечение к судебной ответственности уличенных в военном шпионстве лиц на основании ст. 108-119 Уголовного Уложения 1903 года, или прекращение вредной деятельности названных лиц хотя бы административными мерами.

Особенному вниманию контрразведочного органа подлежат:

1. Иностранные военные атташе сухопутные и морские, за которыми необходимо периодическое наружное наблюдение (агентов же германских, австрийских, английских, японских, шведских, турецких, северо-американских, итальянских и германского офицера, состоящего при особе Его величества необходимо обеспечить и внутренним наблюдением).

2. Состоящие при посольствах, миссиях и т.д. иностранные офицеры и другие чины этих учреждений в случае указания на них агентуры.

3. Иностранные консулы и чины консульства в следующих пунктах: Варшава, Петербург, Киев, Вильна, Либава, Одесса, Севастополь, Кронштадт, Иркутск, Владивосток – в зависимости от имеющихся на то агентурных указаний.

(Л.8) 4. Приезжающие в Россию иностранные военные чины и живущие в пределах империи, как действительной службы, так и запасные, при получении соответствующих агентурных на них указаний.

5. Семейство и прислуга всех перечисленных выше лиц по указанию агентурной службы.

6. Иностранцы, живущие близ границы и в пунктах, важных в военном отношении, по указанию агентурной службы.

7. Иностранцы, владеющие магазинами и торговыми другими и промышленными заведениями, публичными домами (особенно во Владивостоке), иностранцы-комиссионеры, врачи, фотографы, учителя и т.п., т.е. вообще лица, по своей деятельности соприкасающиеся с военнослужащими, по указанию агентурной службы.

Примечание. Особенно интересны представители Германии и Австрии на западе и Японии на востоке, хотя это не исключает необходимость наблюдения в подозрительных случаях и за подданными других государств. Необходимо обратить внимание, не имеют ли у них пристанища приезжие иностранцы, не посещают ли их военные чины систематически, и стараться приобрести агентуру в этой сфере. Следует иметь в виду, что в пограничных округах часто живут жены иностранных офицеров; необходимо разяснить причины раздельного жительства, и если таковые не ясны, то устанавливать наблюдение агентурное и наружное, особенно во время приезда мужей.

8. Иностранцы, замеченные в неоднократном переходе границы без всяких видимых причин.

9. Русские подданные, замеченные в частных подозрительных сношениях с иностранцами при наличии каких-либо определенных указаний на иностранцев.

10. Все русские офицеры и нижние чины (особенно из состава высших штабов, адмиралтейств, канцелярий и управлений), живущие выше средств и близко стоящие к военносекретным сведениям.

Примечание. Следует иметь в виду, что подобными лицами, как показала практика, всегда широко тратятся деньги на женщин (бывали случаи вовлечения в шпионскую деятельность лиц, попавших в тяжелое материальное положение благодаря начетам, долгам, болезни, любовным увлечениям и т.п.).

Наиболее типичными чертами лиц, занимающихся шпионством, являются слабохарактерность, тщеславие (получение иностранных орденов) и неустойчивость в нравственном отношении.

11. Русские подрядчики военного ведомства, комиссионеры (особенно евреи), служащие и мастера военных и морских заводов и мастерских, при наличии определенных указаний, а иностранные инженеры на важнейших заводах и независимо от указаний агентуры (должны состоять на учете).

12. Лица, замеченные в наблюдении за нашими разведывательными органами.

13. Владельцы и служащие книжных магазинов, наиболее посещаемых иностранцами, особенно магазинов, берущихся достать секретные военные издания, при указаниях на этих лиц агентуры (к таковым обыкновенно принадлежат фирмы, не пользующиеся широкой известностью).

14. Лица, втирающиеся в военную среду (особенно еврейского происхождения) и завязывающие для этого добрые отношения даже с семействами военнослужащих.

15. Путешествующие с фотографическими аппаратами, производящие промеры, статистические исследования в местах, важных в военном отношении (по этому поводу желательно издание циркулярных распоряжений по корпусу жандармов, полиции, пограничной страже и таможенному ведомству).

16. Лица, служащие в мобилизационных отделениях железных дорог (в этой сфере желательно учреждение агентуры).

17. Станционные и железнодорожные служащие, особенно в пограничных районах, замеченные в частых сношениях с военнослужащими, живущими у границы (по этому поводу желательно распоряжение по Отдельному корпусу жандармов о недопуске иностранцев к занятию каких бы то ни было должностей, а равно и к содержанию и обслуживанию станционных буфетов на железных дорогах в приграничных районах).

18. Лица, проживающие в приграничных районах, часто получающие из-за границы деньги несоответственно роду их занятий и образу жизни.

19. Родственники лиц, уже арестованных в шпионстве.

20. Лица, вызывающие военнослужащих для занятий по публикациям.

21. Лица, стоящие во главе разведывательных органов в Германии и Австрии, для наблюдения за которыми признается необходимым организация агентурного наблюдения в Берлине, Вене, Кенигсберге, Данциге, Познани, Бреславле, Кракове, Перемышле и Львове.

Обращаясь к мерам для борьбы со шпионством, Комиссия нашла, что таковые должны представлять собой противовес способам шпионства, принятым иностранными государствами.

При этом Комиссия, приняв в соображение также и некоторые распоряжения местных представительных органов, признала, что наиболее рациональной мерой контрразведки является организация правильно и широко поставленной секретной агентурной службы.

Службе этой первым долгом необходимо систематически выяснять лиц и учреждения, ведающие за границей и в России шпионством, освещая внутренним на местах наблюдением их жизнь и деятельность. Дальнейшей задачей явится выяснение путем наружного наблюдения связей и сношений лиц, намеченных внутренней агентурой, как между собою, так и с русскими и иностранцами на нашей территории. Принимая же во внимание, что, как установлено целым рядом рассмотренных Комиссией судебных дел, — главной сферой деятельности шпионов являются высшие учреждения военного и морского ведомств — таковые признано необходимым освещать постоянной внутренней агентурой. Наконец, Комиссия признала необходимым приобретение секретных сотрудников и среди лиц, занимающихся в России иностранной разведкой.

Подробные указания по ведению этого негласного расследования изложены в особой инструкции, выработанной Комиссией.

Обсудив все вышеизложенное и изучив подробно весь добытый материал последних лет, Комиссия признала, что для правильного ведения контрразведки необходимо учреждение особого органа, занимающегося исключительно контрразведкой и снабженного как достаточными средствами, так и полномочиями; во главе же этих органов должны стоять лица со специальной подготовкой к делу розыска, причем Комиссия признала нецелесообразным возложение всей исполнительной деятельности в этой сфере на действующий ныне состав Охранных отделений или разведывательных отделений штабов военных округов ввиду той массы дел, которыми и без того перегружены названные учреждения по своей прямой специальности.

Поэтому более желательным представляется формирование особых военно-розыскных органов, причем необходимо использовать для их образования и деятельности как упомянутые Охранные отделения, уже обладающие опытом в розыске, так и разведывательные отделения штабов ввиду их компетентности в военных вопросах и сосредоточения в них весьма необходимых данных по нашей разведке за границей.

Установив эти общие положения, Комиссия наметила все возможные комбинации взаимного отношения учреждаемых контрразведочных отделений, с одной стороны, к Департаменту полиции, к районным Охранным отделениям, ведающим ныне политическим розыском в соответствующих округах, и к местным розыскным учреждениям, а с другой стороны, к Главному управлению Генерального штаба, Морскому Генеральному штабу и к штабам военных округов. Комбинации эти сводятся к нижеследующим главным организационным схемам, подробно рассмотренным Комиссией:

По схеме № 1 контрразведочное отделение состоит в непосредственном ведении военного начальства: органы департамента полиции оказывают лишь содействие и помощь.

По схеме № 2 военная контрразведка возлагается на Охранные отделения под руководством Департамента полиции. Отношения обоих ведомств сводятся к взаимному сообщению самостоятельно получаемых сведений.

По схеме № 3 контрразведочное бюро подчиняется одновременно и штабу округа, и Охранному отделению.

По схеме № 4 контрразведочное отделение учреждается отдельно от районных Охранных отделений, с подчинением Департаменту полиции и отношением к районному Охранному отделению на основаниях, установленных для местных Охранных отделений. Между Департаментом полиции и Главным управлением Генерального штаба и между штабами округов, а также Морским Генеральным штабом контрразведочными отделениями устанавливается полный обмен сведений и взаимное содействие.

Первые три схемы и возможные их разновидности Комиссией единогласно признаны совершенно не достигающими цели: первая, как оставляющая дело контрразведки всецело в руках штаба округа, мало компетентного в этом деле. Образование же контрразведочных отделений при штабах округов без руководства специально ведающих розыском учреждений приведет к тому, что отделения эти, несмотря на увеличение денежных отпусков и усиление личного состава, при неподготовленности к делу розыска как исполнителей, так и руководителей – дадут в результате только совершенно непроизводительные расходы с малым расчетом на успех и создадут лишь бумажное формальное делопроизводство, которое, в свою очередь, может повлечь к трениям с органами политического розыска. Наконец, существование самостоятельных розыскных отделений, в соответствии с существующими законами, представляется невозможным и потому, что им ни в каком случае не может быть представлено право доводить дело до конца путем обысков, ареста и производства предварительных дознаний.

Вторая комбинация, ввиду единогласного заявления приглашенных для объяснения начальников Охранных отделений о невозможности даже при усилении личного состава и денежных отпусков совместить политический розыск с военным, требующим и специальных приемов, и полного напряжения сил в сфере каждого из этих видов розыска, что в результате отразится на успешности обоих, также единогласно признана Комиссией совершенно неприемлемой. По мнению Комиссии, даже учреждение специальных помощников для заведывания военным розыском не избавит начальников отделений от совершенно непосильной работы, так как вся ответственность ложится непосредственно на начальников и помощники здесь являются лишь безответственными исполнителями.

Единогласное отклонение третьей схемы мотивировано вредом вводимого этой схемой двоеначалия.

Четвертая схема, т.е. учреждение самостоятельного контрразведочного отделения, подчиненного только Департаменту полиции и связанного с районным Охранным отделением на общем для всех розыскных органов основании, принята Комиссией единогласно. После этого возник вопрос о том, может ли быть поставлен во главе означенного отделения строевой офицер, при условии подготовки его в Департаменте полиции, причем большинством – пяти голосов против двух – Комиссия признала полезным поставить во главе контрразведочных отделений жандармского офицера ввиду необходимости не только теоретической, но и практической подготовки лиц, состоящих во главе розыска и для установки более тесной внутренней органической связи вновь учреждаемых отделений с существующими ныне розыскными учреждениями, во главе коих в большинстве случаев стоят офицеры Корпуса жандармов.

Но принимая во внимание необходимость иметь во всех отделениях помощников начальников отделений, каковые не могут быть замещены офицерами Корпуса жандармов, ввиду недостатка штатного личного состава этого Корпуса, Комиссия признала необходимым командирование для замещения должностей помощников начальников контрразведочных отделений строевых обер-офицеров распоряжением начальников штабов округов по соглашению с директором Департамента полиции.

Имея же в виду отчасти недостаточность состава Корпуса, а с другой стороны, возможность достаточной подготовки для заведования этим делом строевых офицеров, при условии подготовки их при Департаменте полиции, Комиссия полагает возможным допущение и последних к заведованию военным розыском.

Независимо от сего штатный состав контрразведочных отделений мог бы быть в случае надобности усилен в соответствующих пунктах командированием офицеров Морского ведомства по соглашению начальника Морского Генерального штаба с директором Департамента полиции.

Кроме личного офицерского состава контрразведочные отделения должны состоять из потребного числа чиновников для особых поручений, а равно старших и младших наблюдательных агентов. Число этих чиновников и агентов всех степеней будет неодинаковым в различных пунктах в зависимости от особенностей каждого из пунктов и интенсивности шпионской деятельности соответствующих районов.

В отношении условий деятельности проектированных отделений Комиссия находит необходимым установить, что таковые должны представлять собою законспирированные канцелярии и не должны иметь обнаруживающего их деятельность названия.

Сообразно имеющимся в Генеральных штабах сведениям, военно-розыскные учреждения должны быть сформированы в гг. Варшаве, Киеве, Вильне, Одессе, Петербурге, Иркутске, для работы в районах одноименных пограничных военных округов и в кр. Владивосток для

Приамурского военного округа, главным же образом для этой крепости являющейся важным единственным оплотом на Дальнем Востоке, причем эти органы, сообразно предстоящей им работе, надлежит организовать в следующем составе:

С-Петербург. Начальник отделения, 2 помощника (один Военного ведомства и один морской для побережья Балтийского моря), 2 чиновника для поручений, 4 старших наблюдательных агента, 14 младших наблюдательных агентов.

Варшава. Начальник отделения, 1 помощник, 3 чиновника, 3 старших и 10 младших наблюдательных агентов, 1 переводчик.

Киев. Начальник отделения, 1 помощник, 1 чиновник, 3 старших и 10 младших наблюдательных агентов, 1 переводчик.

Вильна. Начальник отделения, 2 помощника (один Военного ведомства и один морской для Либавы), 1 чиновник для поручений, 2 старших и 6 младших наблюдательных агентов, 1 переводчик.

Одесса. Начальник отделения, 2 помощника (один Военного ведомства и один морской для Севастополя), 1 чиновник для поручений, 2 старших и 4 младших наблюдательных агентов, 1 переводчик.

Иркутск. Начальник отделения, 1 помощник, 2 чиновника для поручений, 2 старших и 4 младших наблюдательных агентов, 2 переводчика.

Владивосток. Начальник отделения, 1 помощник, 1 чиновник для поручений (для Хабаровска), 2 старших и 6 младших наблюдательных агентов, 2 переводчика.

Исходя из окладов содержания, установленных для чинов Охранных отделений, и учитывая стоимость жизни в различных местностях, равно как и особенности службы в них, Комиссия полагала бы установить следующие оклады для чинов контрразведочных отделений:¹²

Таким образом по подсчету всех расходов, вызываемых содержанием контрразведочных органов, потребуется на сей предмет ежегодный отпуск в 251.520 рублей, которая должна быть ассигнована, независимо от средств, назначаемых на розыск Департаменту полиции и на разведки Генеральным штабом.

Признавая образование означенных отделений неотложным, Комиссия полагает, что фактически их сформирование может быть осуществлено к 1 июля текущего года и что ввиду сего на оборудование и содержание их до конца года должно быть назначено 125.760 рублей. Как эта сумма, так и дальнейшее содержание контрразведывательных отделений, до назначения постоянного на сей предмет в установленном порядке источника, могут быть пополнены лишь из десятиллионного фонда или других сумм по указанию Совета министров.

Принимая во внимание органические условия шпионской деятельности, Комиссия выразила пожелание, чтобы директору Департамента полиции было предоставлено право по соглашению с начальником Генерального штаба усиливать по мере надобности личный состав одних отделений за счет других.

Ввиду выяснившихся затруднений, вызываемых командированием офицеров Корпуса жандармов к занятию нештатных должностей начальников контрразведочных отделений – Комиссия считает крайне желательным введение этих семи должностей в штат. Означенное мероприятие представляется легко осуществимым, так как по «Положению о полевом управлении армии» в военное время в штабах армий предусмотрены жандармские штаб-офицеры, специально в целях борьбы с шпионством. Отсутствие таковых штатных офицеров в мирное время, во-первых, не дает армии контингента опытных в этой сфере офицеров, а во-вторых, не приучает высший командный элемент к целесообразному употреблению поступающих в штабы в военное время жандармских штаб-офицеров. Рекомендуемая же Комиссией органи-

зация контрразведочных отделений позволит с первого же дня мобилизации передать целиком существующее уже отделение со всем персоналом и средствами в соответствующие штабы армии и флота.

Среди поступивших в Комиссию материалов было рассмотрено представление Приамурского генерал-губернатора об усилении во вверенном ему округе мер борьбы против японского шпионства. По этому поводу Комиссия нашла, что обязательное постановление, изданное Приамурским генерал-губернатором 14 января сего года, заключает в себе между прочим требование не приближаться к военным и морским постройкам ближе 250 саж. Требование это является невыполнимым, так как частные здания и рынки почти вплотную прилегают к означенным постройкам, а Светланская улица – главная артерия города – проходит непосредственно по портовой территории. Шлюпки также подходят непосредственно к портовым сооружениям, и пристань находится в водной территории порта.

Далее примечание 2-е о том, что обязательное постановление это не относится к работам на частных лиц или находящихся в аренде владениях по распоряжению их владельцев или арендаторов, делает все постановление недостигающим цели, так как именно эти-то частные владельцы и арендаторы, в большинстве случаев японцы или корейцы-японофилы, и являются главным контингентом военных разведчиков, ведущих наблюдение за всем, что делается в крепости и порту в буквальном смысле из окон собственных домов.

Вместе с тем Комиссия признает вполне желательным издание закона, предоставляющего министру внутренних дел, генерал-губернаторам, губернаторам и комендантам крепостей издавать особые обязательные постановления, касающиеся мер борьбы со шпионством.

Приняв во внимание все изложенные выше принципы, Комиссия составила прилагаемое положение, определяющее служебное положение и взаимоотношения чинов проектируемых контрразведывательных отделений.

Подлинный подписали:

Председатель Комиссии действительный статский советник Трусевич. Члены: коллежский советник С. Виссарионов, полковник Монкевиц, полковник Климович, подполковник Беклемишев, капитан 2 ранга Доливо-Добровольский и капитан Марков.

Российский государственный военно-исторический архив. Ф.2000. Оп.15. Д.92. Л.1-14.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **ДОЛИВО-ДОБРОВОЛЬСКИЙ Борис Иосифович**. Род. 02.12.1873 в г. Одесса в семье действительного статского советника, полковника гвардии в отставке И.Ф. Доливо-Добровольского (05.12.1824–1900), из дворян, православный. Образование: Морской кадетский корпус (1893). На службе с 1890 г. 17.09.1893 произведен в мичманы с назначением в Черноморский флот и зачислением в 34-й ФЭ. Служил на ЭБР «Двенадцать Апостолов» (1894, 1896), УС «Днестр» (1895), МКЛ «Черноморец» (1895—1896), КР I ранга «Память Меркурия» (1896–1897) и КР II ранга «Вестник» (1897–1898). 05.04.1898 – лейтенант. 08.08.1898 – преподаватель в школе строевых квартирмейстеров, состоял на КР I ранга «Память Меркурия» (1898–1899), с учениками-квартирмейстерами совершил заграничное плавание на КР II ранга «Джигит» (1899–1901). По возвращении на ЧФ служил вахтенным начальником ЭБР «Синоп» (1901), «Ростислав» (1901), ревизором строящегося ЭБР «Князь Потемкин-Таврический» (1902), вахтенным начальником УС «Прут» (1902). В 24.09.1902 г. назначен заведующим царскими катерами и нижними чинами морских команд в Ливадии на время пребывания императора в г. Ялте. В 1903 г. – старший флаг-офицер штаба начальника учебного отряда Черноморского флота. В 19.04.1904 г. назначен флаг-офицером штаба командующего 1-й эскадрой ФТО. 17.04.1906 г. прикомандирован к МГШ для занятий в военно-морском ученом отделе. 29.04.1906 г. прикомандирован к Управлению МГШ. В 24.05.1906 г. назначен обер-офицером МГШ. С 11.06.1907 г. – капитан-лейтенант. 06.12.1907 произведен в капитаны 2-го ранга. 08.09.1908 назначен штаб-офицером высшего оклада – начальником отделения иностранной статистики МГШ. В 18.12.1909 г. назначен старшим офицером ЛК «Пантелеймон». 25.04.1911 г. назначен старшим офицером ЛК «Слава». 16.09.1911 отчислен от должности. 15.11.1911 г. уволен от службы по домашним обстоятельствам капитаном I ранга с мундиром, пенсией и зачислением в морское ополчение по Петербургской губернии. 28.07.1914 г. определен на службу прежним чином капитана 2 ранга (ст. 19.08.1910) с зачислением во 2-й БФЭ и прикомандированием к МГШ для занятий. 06.12.1914 г. произведен в капитаны 1-го ранга за отличие по службе. В 1918 г. продолжил службу в РККФ. В 1918 г. – председатель Русско-Германской комиссии по морским вопросам. В 1919 г. – лектор военно-морского дела на курсах военной разведки при Наркомате морских дел. В 1920 г. – редактор военно-морского отдела главной военно-научной редакции. С 1920 г. – на преподавательской работе в военно-морской академии. С 1927 г. – профессор морской стратегии. С 1929 г. – заведующий кафедрой иностранных языков. Уволен от службы в 1930-е гг., проживал в г. Орел, частный преподаватель английского языка. В 1937 г. арестован. 19.09.1937 г. расстрелян.

² **СУХОМЛИНОВ Владимир Александрович** (1848–1926). В 1909–1915 гг. – военный министр Российской империи. Генерал от кавалерии.

³ **ДУНИН-БАРКОВСКИЙ Михаил Иосифович** (13.11.1878–?). С 1895 г. на службе в РИФ. 1899–1900 гг. – заграничное плавание на крейсере «Джигит». 15.09.1898 г. – мичман, 06.12.1902 г. – лейтенант, 29.03.1909 г. – старший лейтенант, 14.04.1913 г. – капитан 2 ранга, 30.07.1916 г. – капитан 1 ранга. 17.10.1903 г. – в запасе, 12.04.1904 г. – определен в службу, 24.10.1905 г. – зачислен в запас флота, 20.03.1906 г. – определен в службу. 24.05.1906 – обер-офицер МГШ, 05.1914 г. – заведующий отделом иностранной статистики МГШ, 03.08.1916 – зачислен в береговой состав флота. Владел французским и английским языками.

⁴ **ГРИГОРОВИЧ Иван Константинович** (1853–1930). В 1911–1917 гг. – морской министр Российской империи. Генерал-адъютант, адмирал (19.03.1911).

⁵ **АВТАМОНОВ Александр Петрович** (22.07.1884–21.01.1929). Из дворян. Участник Первой мировой и Гражданской войн. Закончил Симбирский кадетский корпус, военно-училищные курсы Елизаветградского кавалерийского училища по 1 разряду. В службу вступил 28.08.1902 г. С 1904 г. – младший офицер 17-го драгунского (позже переименованного в 6-й) Волынского полка. В Отдельный корпус жандармов (ОКЖ) перешел 29.05.1909 г. из того же полка с назначением младшим офицером Санкт-Петербургского жандармского дивизиона. 05.05.1911–05.01.1912 гг. – адъютант Киевского ЖПУ, 05.01–14.08.1912 г. – прикомандирован к Киевскому ГЖУ, 14.08.1912–16.04.1916 гг. – прикомандирован к Севастопольскому ЖУ, 16–23.04.1916 гг. – числился в ОКЖ, и.д. штаб-офицера разведывательного отделения штаба командующего ЧФ, 23.04.1916 – 05.1917 гг. – штаб-офицер Особого отделения (КРО) штаба командующего ЧФ. С 05.1917 г. – в резерве чинов флота. 18.04.1919 г. – вступил в ряды ВСЮР. 10.1919–03.1920 гг. – помощник начальника Особого отделения (КРО) Морского управления ВСЮР, с 03.1920–09.1921 гг. – начальник Особого (Осведомительного) отделения (КРО) штаба ЧФ, затем в КРО штаба Русской эскадры. На 25.03.1921 г. в составе Русской эскадры в Бизерте. 09.1921–1924 гг. – КРО штаба главнокомандующего Русской армией, 1924–1929 гг. – КРО РОВС. Участник эвакуации в Бизерту (Тунис), 09.1921 г. – уехал на Балканы, с 03.1922 г. – в Константинополе (Турция), затем переехал в Париж. 21.01.1929 г. – попал под поезд в Сен-Клу (пригород Парижа). Корнет (10.08.1903), поручик (10.08.1907), штабс-ротмистр (6.12.1911), ротмистр (6.12.1912). С 30.01.1917 г. – переименован в старшие лейтенанты флота (с зачислением в береговой состав). Капитан 2 ранга (03.1920), капитан 1-го ранга (произведен по береговому составу) (1.08.1920). Награжден орденами Св. Анны 3 степени (30.07.1915), Св. Станислава 3 степени (14.04.1913).

⁶ **НОРДМАН Антон Николаевич** (10.09.1883–07.1969). Из дворян. С 1900 г. на государственной службе. 01.07.1904 г. – на службе в РИФ. В 1905 г. – заграничное плавание на крейсерах II ранга «Днепр» и «Изумруд». Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. 06.07.1909 г. – Свеаборгская отдельная флотская рота, 06.11.1910 – I-й Балтийский флотский экипаж, 12.03.1912 г. – в распоряжении директора лоцманского и маячного ведомства в Финляндии с переводом в Свеаборгскую отдельную флотскую роту и прикомандированием к конторе Свеаборгского порта. 1915–1917 гг. – начальник Особого отделения (КРО) штаба БФ. Мичман (произведен из отставных коллежских секретарей) (1904), лейтенант (13.04.1908). Зачислен в Корпус Гидрографов штабс-капитаном с званием гидрографа (04.02.1913), капитан Корпуса Гидрографов (14.04.1913). С 10.04.1916 – подполковник Корпуса Гидрографов (за отличие). Награжден орденами Св. Анны 3 степени (1909), Св. Станислава 2 степени (15.06.1915) и 3 степени с мечами и бантом (10.10.1905); светло-бронзовыми медалями «В память русско-японской войны 1904–1905 гг. (1906)», «В память 300-летия царствования дома Романовых» (1913), «В память 200-летия Гангутской победы (1915)»; знаком в память 200-летия Морского корпуса (1901) и золотым знаком в память окончания курса Морского корпуса. 27.02.1917 г. – арестован, в марте того же года освобожден и восстановлен в должности. 05.1919–06.1920 гг. – военно-морской атташе в Дании (Копенгаген). Затем в эмиграции, проживал в Дании. Член Союза взаимопомощи русских офицеров в Дании. Умер в Копенгагене.

⁷ **ЮДИЧЕВ Павел Васильевич** (28.02.1875–?). В службе с 1898 г., окончил Киевское пехотное юнкерское училище. 1894 г. – подпоручик, 1898 г. – поручик, 1902 г. – штаб-ротмистр. С 1905 г. – служба в ОКЖ, в том же году произведен в ротмистры. В 1914 г. служил в Петроградском охранном отделении, занимался делами по шпионажу. В апреле 1917 г. – в распоряжении командующего войсками Петроградского военного округа, в том же году уволен в отставку с производством в полковники. В 1918 г. мобилизован большевиками в Петрограде.

⁸ **КРУШИНСКИЙ Феликс Феликсович** (7.02.1874–?). В 1892 г. окончил Орловский Бахтина кадетский корпус, затем - 3-е Александровское военное училище по I разряду. В службу вступил 1.09.1892 г. С 1894 г. – младший офицер 49-го пехотного Брестского полка. В Отдельный корпус жандармов перешел 1.06.1900 г. из того же полка. 15.06.1900 г. прикомандирован к Жандармско-полицейскому управлению (ЖПУ) Санкт-Петербургско-Варшавской железной дороги, а с 17.11.1900 г. – Варшавскому губернскому жандармскому управлению (ГЖУ). В 21.02.1901 г. назначен адъютантом Жандармского управления (ЖУ) г. Одессы. С 10.01.1903 г. – занимал должности помощников начальников отделений ЖПУ и ЖУ в Варшавском генерал-губернаторстве. С 28.03.1907 г. – начальник ЖУ Замостьского и Красноставского уездов, затем Ново-Александрийского и Яновского уездов, Любартовского уезда. 16.11.1915 г. направлен в резерв при Петроградском ГЖУ. 7.09.1916 г. назначен начальником Свеаборгской крепостной жандармской команды. Подпоручик (7.08.1893), поручик (7.08.1897), штабс-ротмистр (06.12.1901), ротмистр (6.12.1902). С 5 октября 1913 г. – подполковник. Награжден орденами Св. Анны 3 степени (22.03.1915), Св. Станислава 3 степени (29.03.1909).

⁹ **ВИНОГРАДОВ Виктор Андреевич** (04.11.1879–?). Из дворян. С 1901 г. на службе в РИФ. 23.09.1903 г. – мичман, 22.09.1907 г. – лейтенант, 06.04.1914 г. – старший лейтенант, 06.12.1915 г. – капитан 2 ранга (за отличие). 1904 г. – ВН ЭМ «Ретивый», 1904–1905 гг. – слушатель водолазной школы (1905 г. – водолазный офицер), 1905–1906 гг. – ПК ПЛ «Лосось», 1906 г. – слушатель УОПП (07.12.1907 г. – офицер подводного плавания), 1907–1908 гг. – ПК ПЛ «Крокодил», 1908–1910 гг. – ПК ПЛ «Акула», 13.03–31.05.1910 г. – командир ПЛ «Плотва», 1910 – член МТК, 31.05.1910 г. – зачислен в запас флота, 21.08.1912 г. – определен на службу, 1912–1914 гг. – прикомандирован к МГШ, 1916–1917 гг. – начальник ЦМРС МГШ. 12.1917 г. – уволен от службы по болезни. Владел немецким и французским языками.

¹⁰ **СЫРОБОЯРСКИЙ Александр Михайлович** (4.02.1886–?). С 1902 г. на службе в РИФ. Окончил Морской корпус. 21.02.1905 г. – мичман, 29.03.1909 г. – лейтенант, 30.07.1916 г. – старший лейтенант. 1910–1914 гг. – ревизор 1-го Дивизиона ПЛ БМ и флаг-офицер начальника того же дивизиона. 9.08.1916 г. – прикомандирован к МГШ. Награжден орденами Св. Анны 3 ст. (06.12.1914), Св. Станислава 3 ст. (1910), светло-бронзовыми медалями «В память 300-летия царствования дома Романовых» (1913) и «В память 200-летия Гангутской победы» (1915); золотым знаком в память окончания курса Морского корпуса (1910). В советское время: старший помощник капитана буксира «Якутия». Проживал: в п. Тикси Булунского района ЯАССР. Арестован 5 февраля 1939 г. НКВД ЯАССР. Приговорен: Приговором Верховного суда ЯАССР 26 сентября 1940 г., обв.: по ч. 1 ст. 58-10 УК РСФСР. Приговор: к 15 годам л/с. Реабилитирован 3 июня 1992 г.

¹¹ **НИЩЕНКОВ Алексей Аркадьевич** (19.06.1882–07.07.1934). Из дворян. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг., Первой мировой и Гражданской войн. Участник обороны Порт-Артура, был в японском плену. С 1898 г. на службе в РИФ. 06.05.1901 г. – мичман, 17.04.1905 г. – лейтенант, 10.04.1911 г. – старший лейтенант, 06.04.1914 г. – капитан 2 ранга, 09.01.1917 г. – капитан 1 ранга. 1901 г. – ВН УС «Европа», 1902 г. – ВН ББО «Адмирал Лазарев», 1903 г. – ВН ЭБР «Пересвет», 1903 г. – ВН ЭМ «Сердитый», 1903–1904 гг. – ВН ЭБР «Победа», 1906 г. – ВН УС «Рига», 1906–1907 гг. – слушатель УОПП (07.12.1907 г. – офицер подводного плавания), 19.02–19.03.1907 гг. – командир ПЛ «Плотва», 19.03–03.12.1907 г. – командир ПЛ «Осётр», 03.12.1907–04.06.1908 гг. – командир ПЛ «Фельдмаршал Граф

Шереметев», 04.06.1908 г. – зачислен в запас флота, 01.01.1908 г. – определен в службу, 1908–1915 гг. – прикомандирован к МГШ, 1915–1916 гг. – помощник флаг-капитана по оперативной части штаба командующего ЧФ, 1916–1917 гг. – начальник разведывательной части штаба командующего ЧФ, 1917–1918 гг. – НШ ЧФ. С 01.1918 – первый помощник по оперативной части ответственного члена Центрофлота. С 1919 – флаг-капитан отделения личного состава штаба ЧФ. С 1921 г. в эмиграции (Белград). Владел французским, английским, немецким и японским языками. Один из первых авторов проекта руководства «О практическом использовании ПЛ».

¹² **САННИКОВ Александр Сергеевич** (1866–16.02.1931). Из дворян. В 1883 г. окончил Киевский кадетский корпус, в 1885 г. – Павловское военное училище, в 1892 г. – Николаевскую академию Генерального штаба. 1892–1894 гг. – старший адъютант штаба 31-й пехотной дивизии, 1894–1898 гг. – штаб-офицер для особых поручений при штабе 21-го армейского корпуса, 1898–1901 гг. – старший адъютант штаба Киевского военного округа, 1901–1908 гг. – заведующий передвижением войск Киевского района. 1902 г. – полковник. 1908–1910 гг. – командир 2-го Уланского Чугуевского полка. 1910 г. – генерал-майор. 1910–1913 гг. – генерал-квартирмейстер штаба Приамурского военного округа, 1913–1914 гг. – НШ Приамурского военного округа. 12.1914–02.1915 гг. – НШ 2-й армии, 1915–1917 гг. – НШ 9-й армии. 2.04.1916 г. – генерал-лейтенант. 1917 г. – главный начальник снабжения Румынского фронта. В 1918 г. избран городским головой Одессы. 08–12.1918 г. – начальник снабжения Добровольческой армии генерала Деникина. 01–03.1919 – командующий войсками в районе Одессы и войсками Юго-Западной области. 03–12.1919 г. – начальник снабжения ВСЮР, 01–03.1920 г. – в резерве ВСЮР. С 03.1920 г. – в эмиграции. Умер в Париже.

¹³ **СТАРК Георгий Карлович** (20.10.1878–2.03.1950). В 10.09.1891 г. – поступил в Морской кадетский корпус, 6.09.1897 г. – старший гардемарин, 15.09.1898 г. – мичман, 6.12.1902 – лейтенант. В 1903 г. окончил Минные офицерские классы. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. – старший минный офицер КР «Аврора», участвовал в Цусимском сражении, ранен. С 6.12.1907 г. – старший лейтенант. Преподавал в Кронштадтской минной школе. 1907–1910 гг. – вахтенный начальник, 1910–1912 – старший офицер КР «Аврора». 6.12.1912 г. – капитан 2 ранга. 1912–1914 гг. – командир ЭМ «Сильный». Участник 1-й мировой войны. 1914–1916 гг. – командир ЭМ «Страшный», 1916 г. – командир ЭМ «Донской казак», 1916–1917 гг. – командир 5-го дивизиона ЭМ, 1917 г. – командир минной дивизии БФ. 6.12.1916 г. – капитан 1 ранга. 28.07.1917 гг. – контр-адмирал. 3.04.1918 г. – уволен от службы. Участник Гражданской войны на стороне белых. 08.1918 г. – вступил в Казани в армию Комуца, командующий Волжской флотилией. 1919–1920 гг. – командир дивизии морских стрелков. 18.06.1921 г. – командующий Сибирской флотилией. 10.08.1922 – помощник по морской части на правах морского министра правительства Приамурского края по совместительству. 25.10.1922 г. – увел корабли и суда Сибирской флотилии из Владивостока в Гензан, а затем в Шанхай и Манилу, где они были интернированы и проданы. В эмиграции (Париж). Работал шофером такси. В 1940–1941 гг. во время оккупации Парижа отказался от сотрудничества с немцами. 1946–1949 гг. – председатель Всезарубежного общества русских морских офицеров. Умер в Париже.

¹⁴ **ФЕДУЛЕНКО Валентин Васильевич** (22.02.1894–1974) – капитан по адмиралтейству. Родился в г. Казани. Окончил 2-ю Казанскую гимназию и Алексеевское военное училище по 1-му разряду в г. Москве и выпущен с производством в чин прапорщика 01.12.1914 г. С 05.12.1914 г. в действующей армии. В 1915 г. награжден Георгиевским оружием. («Русский инвалид» № 248 от 17.09. 1915 г.: «... подпоручику 269 пех. Новоржевского полка, Валентину Федулenco, за то, что в бою 11 сентября 1915 года, у д. ГородзIMENTы, командуя ротой и будучи послан из батальонного резерва для отбития противника, двинулся с ротой и, увлекая за собой нижних чинов, мужественно бросился в штыки на противника и обратил его в бегство. Когда же был обойден противником с фланга и в тыл, то повернул роту назад и вторичной штыковой контратакой уничтожил противника и занял свои позиции»). 27.01.1918 г. уволен в отставку по болезни от полученной контузии. В сентябре 1918 г. вступил в Народную армию в г. Казани. Воевал в армии адмирала Колчака. С 29.11.1918 г. – обер-офицер для поручений контрразведки ставки Верховного главнокомандующего адмирала Колчака в г. Омске. С 06.02.1919 г. – начальник личной охраны Верховного правителя адмирала Колчака в г. Омске, затем старший наблюдатель центрального отделения контрразведывательной части Осведомительной части Осведомительного отдела Главного штаба колчаковской армии. И.д. помощника начальника центрального отделения военно-морской и речной контрразведки при штабе Речной боевой флотилии. С 24.08.1919 г. штаб-офицер низшего оклада при контрразведывательном отделении управления оперативной части флота Морского министерства. Осенью 1919 г. назначен начальником контрразведки Морского учебного полка. После перехода полка 2-3.02.1920 г. на сторону советской власти покинул расположение полка. С 04.12.1921 г. зачислен в Сиб. фл. с назначением штаб-офицером при ком. фл., а затем начальник контрразведки штаба ком. фл. (командующий контр-адмирал Г.К. Старк). 25.10.1922 г. эвакуировался за границу вместе с эскадрой адмирала Старка. С 1923 г. проживал в Шанхае. В 1923 г. основал там аптеку, впоследствии получившую название «Foch Pharmacy». Был членом Комитета защиты прав интернированных русских в Шанхае, членом Комитета союза русских торговцев. Вице-председатель кредитного союза. Помощник Г.К. Бологова. В 1949 г. выехал на Тубабао. В начале 50-х гг. XX в. выехал в США. Награжден орденами: Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом и 4-й ст. с надписью «за храбрость», Св. Станислава 2-й ст. с мечами и бантом и 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (07.09.1915), знаком отличия военного ордена «За Великий Сибирский поход» 1-й ст. (22.09.1921). Умер в Сан-Франциско. Похоронен на Сербском кладбище в г. Колма (Калифорния).

¹⁵ **КРЮКОВ Борис Александрович** (1898 – 1983) – подпоручик по адмиралтейству. В белых войсках Восточного фронта. С 06.1921 г. служил на УС «Патрокл». 18.08.1921 г. зачислен рядовым бойцом в Отдельную морскую роту с оставлением в прикомандировании для несения службы на УС. 26.08.1921 г. откомандирован с УС в распоряжение штаба командующего Сибирской флотилии, назначен помощником начальника контрразведки штаба флотилии. После эвакуации из Приморья в октябре 1922 г. пришел с флотилией в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях.

¹⁶ **КАРУЦКИЙ Василий Абрамович** (28.02.1900–13.05.1938). Еврей. Член ВКП(б) с 1920 г. В 1919 г. – служил по мобилизации в музыкальной команде Колчаковской армии, дезертировал и ушел к партизанам, сотрудник Западно-Сибирского облисполкома, член Алтайского губревкома, член следственной комиссии, 1919–1920 гг. – следователь реввоен трибунала 26-й СД, 1920–1921 гг. – военный следователь реввоен трибунала 5-й армии. 1921–1922 гг. – заместитель начальника ОО Восточно-Сибирского ВО, начальник СОЧ, 1922 г. – врид начальника Приморского губотдела ГПУ, 1922–1923 – председатель Особой следственной комиссии по делам белых (Владивосток), 1922–1923 – начальник губотдела ГПУ, 1923–1924 гг. – начальник Амурского губотдела ГПУ, с 1924 г. – начальник СОЧ Ферганского облотдела ГПУ, 1924–1929 – председатель ГПУ ТуркмССР, начальник ОО 1-й дивизии, 1929–1931 гг. – заместитель ПП ОГПУ по Средней Азии, начальник СОУ ПП ОГПУ по Средней Азии, 1931–1934 гг. – полпред ОГПУ по Казахстану, 1934–1935 гг. – начальник УНКВД Казахской АССР, 1935–1936 г. – начальник УНКВД Западно-Сибирского края, 1936–1937 гг. – заместитель наркома НКВД БССР, 1937 г. – начальник УНКВД Западной области, начальник УНКВД Смоленской области, 1937–1938 гг. – заместитель начальника 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, 1938 – начальник УНКВД Московской области. 13.05.1938 гг. – стрелялся, в тот же день умер в Боткинской больнице (Москва). Комиссар ГБ 3 ранга.

¹⁷ **АЛЫШАНСКИЙ Анатолий Романович** (Абрам Соломонович Мильштейн). (5.11.1896–?). Еврей, сын ссыльно-поселенца. Член ВКП(б) с 1917 г. 1916–1918 – германский фронт, 168 полк. В 1918 г. – служил в 12-й истребительной роте 12-го стрелкового особого назначения полка Сибирского правительства, кадровом артиллерийском дивизионе в Томске. В 1919 г. – работал в ревподкоме в Иркутске. С 1920 г. – командир 1-й роты Особого Коммунистического отряда. Сотрудник, уполномоченный, начальник информационного отделения Военного контроля 1-й дивизии НРА. Начальник Центрального отделения политического контроля ГУГПО Забайкальской и Прибайкальской областей, начальник организационно-инспекторской части, врид начальника секретного отдела ГУГПО. Заместитель начальника, врид начальника СОЧ ПП ГПУ Дальнего Востока. В 1922–1924 гг. – заместитель начальника Приморского губернского отдела ОГПУ, начальник СОЧ. В 1924–1925 гг. – заместитель председателя ОГПУ Бурятии, начальник Актюбинского областного отдела ОГПУ. С 1926 г. – начальник Семиречинского областного отдела ОГПУ. В 1927–1930 гг. – заместитель полномочного представителя ОГПУ по Казахстану и начальник СОЧ. С 1931 г. – заместитель начальника Главного управления РКМ НКВД СССР и начальник уголовного розыска республики. Направлен в ЦК ВКП(б). Заместитель управляющего, управляющий золотопромышленным трестом на Алдане. В 1934–1935 гг. – учился на высших академических курсах командного состава (по горнорудной промышленности) народного комиссариата тяжелой промышленности СССР. Председатель комиссии «Главзолото» на Северном Кавказе и Азовско-Черноморском крае. С 1936 г. – директор треста «Енисейзолото». Зачислен в Московский горный институт. Награжден: боевым именным оружием – пистолетом системы «Маузер», нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ(V)», нагрудным знаком «Стахановцу золотой промышленности».

¹⁸ **ДАВЫДОВ (Катючий) Григорий Александрович** (6.01.1901–4.02.1938). Украинец. В 1914 г. – окончил 2-классное училище Министерства народного просвещения в с. Зиньково в Приморье. С 1915 г. – откатчик, переписчик лесопильного завода на станции Свягино. В 1916–1918 гг. – переписчик в переселенческом управлении, переписчик в конторе по выгрузке вагонов во Владивостоке. 1918–1919 гг. – кассир магазина, столяр плотник. 1919–1920 гг. – писарь военно-окружного суда во Владивостоке. С 1920 г. – следователь следственной комиссии ГПУ Приморской области. С 1921 г. – рядовой партизанского отряда Приморья. Находился на специальной работе в РО штаба 5-й армии. В 1921–1922 гг. был помощником начальника, начальник военного отдела ГПУ Приморской области, начальник отделения Приморского губернского отдела ГПУ. В 1925 стал начальником 5-го отдела полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточной области. С 1930 г. – помощник начальника Владивостокского оперативного сектора ГПУ. 1932–1937 гг. – начальник Амурского областного отдела ОГПУ-УНКВД Амурской области. В 1937 г. – арестован, в 1938 г. – расстрелян. Майор ГБ. Награжден: нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ(XV)».

¹⁹ **ВАТАНАБЭ Рио**. С 1896 г. – стажер министерства иностранных дел при генеральном консульстве Японии во Владивостоке, в 1903 г. стал секретарем генерального консульства Японии во Владивостоке, 1908–1911 гг. – секретарь генерального консульства Японии во Владивостоке, 1913–1917 гг. – секретарь генерального консульства Японии в Москве, с 1917 г. – вице-консул генерального консульства Японии в Москве, с 1920–1924 гг. – консул генерального консульства Японии во Владивостоке, 1925–1929 гг. – генеральный консул Японии во Владивостоке, 1933–1936 гг. – генеральный консул Японии во Владивостоке.

²⁰ **БЕЛЬСКИЙ Лев Николаевич (Левин Абрам Михайлович)**. (1889–16.10.1941). Из семьи служащего транспортно-портной конторы. Еврей. В 1905–1907 гг. – член Бунда. С 1917 г. – член ВКП(б). В 1908 г. экстерном сдал экзамены

при Виленском учебном округе на домашнего учителя и аптекарского ученика. 1903–1907 гг. – ученик-мальчик на фабрике Зильберблата (Варшава), 1907–1908 гг. – давал частные уроки (Вильно). 1909–1910 гг. – фармацевт в аптеке (местечко Мир). 01.1911–10.1916 гг. – рядовой 29-й артиллерийской бригады (Рига), 10.1916–10.1917 гг. – писарь в хлебопеканне интендантства 20-го стрелкового корпуса. 10.1917–01. В 1918 г. стал управляющим делами Вилейского горсовета, 02–01.04.1918 г. – инструктор НКВД РСФСР по организации Советов. 04.1918–07.1919 гг. – председатель Симбирской ГубЧК, 09.1919–09.1920 гг. – начальник ОО 8-й армии, с 04.1920 г. – начальник ОО Астраханской ГубЧК, 04.1920–02.1921 гг. – председатель Астраханской ГубЧК, 02–10.1921 г. – полпред ВЧК в Тамбовской губернии, 10.1921–02.1922 гг. – полпред ВЧК на ДВ, 03.02.1922–26.10.1923 гг. – полпред ГПУ на ДВ, 15.11.1923–17.02.1930 гг. – полпред ГПУ-ОГПУ по Туркестану, Средней Азии, 17.02.1930–8.08.1931 гг. – полпред ОГПУ по Московской области, 8.08.1931–23.07.1933 гг. – начальник Главнарпита Наркомснаба СССР, 11.08.1931–23.07.1933 гг. – член коллегии Наркомснаба СССР, 25.07.1933–4.01.1934 гг. – полпред ОГПУ по Нижне-Волжскому краю, 4.01.1934–10.07.1934 гг. – начальник ГУРКМ ОГПУ СССР, 10.07.1934–7.08.1937 гг. – начальник ГУРКМ НКВД СССР, 3.11.1936–8.04.1938 гг. – заместитель наркома НКВД СССР, 8.04.1938–1.04.1939 гг. – 1-й заместитель наркома путей сообщения СССР. С 26.11.1935 г. – комиссар ГВ 2 ранга. Дважды награжден орденом Красного Знамени, 27.12.1927 г. награжден орденом Трудового Красного Знамени Узбекистана, 22.07.1937 г. – орденом Ленина. Почетный работник ВЧК–ГПУ. Арестован 30.06.1939 г., 5.07.1941 г. приговорен ВК ВС СССР к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован.

²¹ **ЛОМБАК Иоган Яковлевич** (1897–1982). Эстонец. Родился в семье каменщика. С 1920 г. член ВКП(б). В 1913 г. окончил начальное училище. В 1941–1942 гг. – курсы командиров полков при Военной академии РККА им. М.В.Фрунзе, 1945–1946 гг. – Академию ГШ им.Ворошилова. В 1913–1916 гг. – ученик-наборщик типографии «Гунт и Саммуль» (Феллин). 1916–1917 гг. – рядовой Волынского лейб-гвардии полка. 1917–1920 гг. – наборщик в земской типографии (Самара), безработный (станция Колония Томской железной дороги), наборщик в типографии «Закупсбыт» (Новониколаевск). 02.1920–10.1921 гг. – следователь Томской ГубЧК, 10.1921–01.1922 гг. – начальник активной части ГПУ ДВР, 01.1922–10.1922 гг. – член Чрезвычайной транспортной комиссии ДВР, 10.1922–08.1923 гг. – начальник отделения Приморского губотдела ГПУ, 22.08–10.1923 гг. – врид начальника Камчатского губотдела ГПУ, 10.1923–02.1926 гг. – начальник Камчатского губотдела ГПУ, 02–11.1926 г. – начальник Камчатского окротодела ГПУ. 1927–1928 гг. – курсант Высшей пограничной школы ОГПУ (Москва). 21.06.1928–26.09.1929 гг. – начальник 54-го Нерчинского погранотряда ОГПУ, 26.09.1929–29.03.1930 гг. – начальник 53-го Даурского погранотряда ОГПУ, 29.03.1930–12.1931 гг. – начальник 56-го Благовещенского погранотряда ОГПУ, 12.1931–1.02.1932 гг. – начальник ЧПО и войск ГПУ ПП ОГПУ по Крыму, 01.02.1932–04.1934 гг. – начальник инспекции погранохраны и войск ПП ОГПУ по Крыму, 04.1934–13.07.1934 гг. – начальник оперативного отдела Управления войск ГПУ ПП ОГПУ по Свердловской области, 13.07.1934–05.1936 – начальник оперативного отдела УВО УНКВД Свердловской области, 05.1936–04.1937 – НШ УВО УНКВД Свердловской области, 04–08.1937 г. – НШ войск внутренней охраны Уральского округа, 15.08.1937–17.02.1938 – начальник 60-го Камчатского погранотряда НКВД, 11.1937–03.1938 гг. – начальник УНКВД Камчатской области. В марте 1938 г. уволен из органов НКВД. В 1938–1941 гг. – помощник директора завода «Трактородеталь» (Саратов). 07–12.1941 г. – интendant 31-й запасной стрелковой бригады, 05–10.1942 г. – командир 917-го стрелкового полка 249-й Эстонской СД, 10–12.1942 г. – заместитель командира 249-й Эстонской СД по строевой части, 12.1942–04.1945 гг. – командир 249-й Эстонской СД, 02.1946–03.1947 гг. – командир 118-й Таллинской СД, 03.1947–02.1948 гг. – заместитель командира 22-й пулеметно-артиллерийской дивизии, 02–04.1948 гг. – заместитель военкома Эстонской ССР, 04.1948–04.1951 гг. – военком Эстонской ССР. 04.1951–06.1953 гг. – министр внутренних дел Эстонской ССР, 06–09.1953 г. – управляющий делами Совета министров Эстонской ССР, 09.1953–10.1959 гг. – министр внутренних дел Эстонской ССР. Награжден: 2 ордена Ленина, 4 ордена Красного Знамени, 2 ордена Красной Звезды, 9 медалей.

²² **ПЕПЕЛЯЕВ Анатолий Николаевич** (15.8.1891–14.1.1938) Родился в семье офицера. 1902–1908 гг. – Омский кадетский корпус. В 1910 г. окончил Павловское военное училище (Санкт-Петербург), подпоручик. 1910–1914 гг. – пулеметная команда 42-го Сибирского СП (Томск). Участник 1-й мировой войны. С 1914 г. – поручик. 1914–1915 гг. – командир конной разведки 42-го Сибирского СП. С 01.1917 г. – капитан, с 04.1917 г. – подполковник, командир батальона. 27.05.1918 г. – возглавил контрреволюционный мятеж в Томске, поддержанный белочехами. 13.06.1918 г. – командир 1-го Средне-Сибирского корпуса. 08.1918 г. – полковник. 10.09.1918 г. – генерал-майор. 31.01.1919 г. – генерал-лейтенант. 24.04.1919 г. – командир Северной группы Сибирской армии. 21.07.1919 г. – командир 1-й армии Восточного фронта. 11.03.1920 г. – командир Сибирского партизанского отряда. 20.04.1920 г. – выехал с семьей в Харбин. Летом 1922 г. прибыл во Владивосток и сформировал отряд милиции Татарского пролива. 6.09.1922 г. – захватил Охотск, 8.09. – захватил Аян, в тот же день отряд переименован в Сибирскую добровольческую дружину. В начале 1923 г. вторгся в Якутию с целью захвата Якутска и создания в Сибири базы для свержения Советской власти, но его продвижение было остановлено в районе Амги. 1–3.03.1923 г. части Красной Армии разбили отряд, остатки которого отступили в Охотск. 17.06.1923 г. – сдался без боя отряду С.С. Вострещова. Военным судом Владивостока приговорен к смертной казни, помилован. В январе 1924 г. Читинским судом приговорен к 10 годам тюрьмы. Срок отбывал в Ярославском политизоляторе. В

1932 г. по ходатайству коллегии ОГПУ срок заключения продлен на 3 года. В январе 1936 г. переведен во внутреннюю тюрьму НКВД (Москва). 6.06.1936 г. – освобожден. В августе 1937 г. арестован по обвинению в создании контрреволюционной организации, этапирован в Новосибирск. 14.01.1938 г. – приговорен тройкой НКВД по Новосибирской области к ВМН, расстрелян в тот же день. Похоронен во дворе тюрьмы. 20.10.1989 г. – реабилитирован.

²³ **ВОСТРЕЦОВ Степан Сергеевич** (17.12.1883–3.05.1932). Из крестьян. Работал кузнецом. В 1905 г. вступил в РСДРП (меньшевик), с 1918 г. – большевик. 1906–1909 гг. – служба в армии, в 1909 г. осужден на 3 года за революционную агитацию среди солдат. Участник 1-й мировой войны, за храбрость произведен в прапорщики, награжден тремя Георгиевскими крестами. С 1918 г. в Красной Армии. В 1919–1920 гг. – командир 242-го Волжского полка 27-й СД. С 1921 г. – начальник управления войск ВЧК по охране границ Сибири, в 1922 г. – командир группы войск НРА ДВР. В 1923 г. – командир экспедиционного корпуса в Охотско-Аянском районе. В 1927 г. окончил Военно-академические курсы, затем командир дивизии и корпуса. В 1929 г. участвовал в Маньчжуро-Чжаланьинорской операции. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени и Почетным революционным оружием. 3.05.1932 г. – на кладбище в Новочеркаске покончил жизнь самоубийством (застрелился).

²⁴ **АЛЫПОВ Александр Павлович** (1891–1950). Из дворян. С 1907 г. – участник революционного движения, эсер. С 1917 г. – член ВКП(б). С 1918 г. – в органах ВЧК. 1919–1921 гг. – председатель Екатеринославской, Николаевской и Киевской ГубЧК. 1922–1923 гг. – полпред ГПУ по Юго-Восточному краю (Ростов-на-Дону). 09.1923–03.1926 гг. – полпред ОГПУ по ДВК. В 1931–1932 гг. – начальник ленинградской проектной конторы «Уралэлектромашина», 1932–1933 гг. – начальник строительства комбината «Уралэлектромашина (Свердловск), затем возглавлял «Уралалюминийстрой» и «Никопольстрой».

²⁵ **ПОКУС Яков Захарович** (1894–18.09.1945). Советский военачальник, комдив. 1.02.1919 г. – НШ 3-й бригады 2-й Украинской советской дивизии, 28.02.1919 г. – НШ и врио командира 2-й Отдельной бригады, 15.04.1919 г. – НШ 7-й Украинской СД, 24.06.1919 – командир 1-й бригады 7-й Украинской СД, 9.07.1919 г. – командир 3-го полка Отдельной Башкирской кавдивизии, 16.09.1919 г. – командир 369-го полка 41-й СД, 18.10.1919 г. – ПНШ 3-й бригады 41-й СД, 14.05.1920 г. – НШ 3-й бригады 41-й СД, 1.01.1921 г. – помощник командира 3-го полка 41-й отдельной СБ, 17.03.1921 г. – НШ 41-й отдельной СБ, 22.06.1921 г. – НШ и врио командира 132-й Новгород-Северской бригады 44-й Киевской СД, 04.02.1922 г. – командир Сводной стрелковой бригады, 11.03.1922 г. – командующий Восточным фронтом, 4.05.1922 г. – начальник Сводной СД, 07.1922 г. – ПНШ НРА, 6.10.1922 г. – командир 2-й Приамурской СД, 1922–1925 гг. – помощник командира 4-го стрелкового корпуса, 1925–1929 гг. – командир 22-й СД, 1929–1938 гг. – помощник начальника Управления Штаба РККА, комендант УР-101, комендант Забайкальского УР, командир 43-го стрелкового корпуса, заместитель командующего ОКДВА по оборонному строительству. В 22.02.1938 г. арестован, освобожден 18.02.1940 г. После освобождения – старший преподаватель Военной академии ГШ. 3.10.1940 г. – арестован. 16.07.1941 г. – приговорен к 10 годам лагерей и 5 годам лишения в правах. Умер в заключении.

²⁶ Один из многих примеров, свидетельствующих о низком уровне информированности военных и гражданских властей того времени о Японии, японцах и японской разведке, неудовлетворительной системе учета в жандармских и полицейских органах Российской империи. В действительности, японская колония во Владивостоке существовала на легальных основаниях, а буддийский храм «Ниси Хонгандзи» был открыт в 1886 г. и первым его настоятелем стал монах-миссионер Тамон Сокумё. Хагино Суэкичи (1860–1940). В 1881 г. окончил Военное училище, подпоручик. 05.1885 г. – поручик. В 1885–1888 гг. официально аккредитован при коммерческом агентстве Японии во Владивостоке. В 1886 г. вместе с коммерческим агентом Японии во Владивостоке Тэрами Кинти сопровождал посетившего Владивосток политического деятеля Курода Киётака и вместе с ним по приглашению управляющего Морским министерством вице-адмирала И.А.Шестакова и генерал-губернатора Приамурского края генерала А.Н.Корфа совершил плавание на клипере «Абрек» с заходами в Александровку, Дуэ и Де-Кастри, а затем на канонерской лодке «Горностай» до Николаевска. В 1892–1895 гг. – официальная стажировка в России, в 1892–1893 гг. – прикомандирован к лейб-гвардии 4-му Стрелковому Императорской Фамилии полку. 05.1894 г. – капитан. В 1896 г. состоял в свите принца Фусими-но мия Садатару-синно, представлявшего императора Мэйдзи на торжествах по случаю коронации Николая Второго. 10.1898 г. – майор. В 1900 г. совершил гласную разведывательную поездку по Китаю, Южной Маньчжурии и Корею, во время которой с разрешения российских военных властей осмотрел Порт-Артур. 06.1903 г. – подполковник, командир 12-го пехотного полка. 8.12.1907–1.06.1910 гг. – военный атташе Японии в России. 06.1910 – генерал-майор, командир 29-й пехотной бригады. 09.1914 г. – генерал-лейтенант, в запасе. 01.1919–11.1922 гг. – прикомандирован к штабу экспедиционного корпуса японской армии во Владивостоке.

1.2. Буюков А.М., Полутов А.В. Военная контрразведка в период возрождения военно-морского флота на Дальнего Востока (1922–1940 гг.)

В октябре 1922 г., когда части НРА ДВР были уже на подступах к Владивостоку, в городе спешно проводилась эвакуация. Командующий Сибирской флотилии контр-адмирал Ю.К. Старк увел из Владивостока 36 кораблей, судов и катеров, на которых Россию покинули 1195 чинов флотилии, 348 членов их семей, 3186 чинов сухопутного ведомства, 307 кадетов, 103 больных и 1115 беженцев. В результате военно-морские силы на Дальнем Востоке фактически прекратили свое существование.

Несмотря на это, уже с ноября 1922 г. началось возрождение Морских сил Дальнего Востока. 20 ноября 1922 г. приказом РВСР №2602/489 был образован военно-морской порт во Владивостоке и его отделение в Хабаровске, а 17 декабря 1922 г. приказом РВСР № 232 начальником МСДВ – назначен И.К.Кожанов, в подчинение которого перешел личный состав, насчитывавший на 1 декабря 1922 г. 1709 чел. В состав МСДВ вошли Владивостокский морской отряд судов, Амурская речная военная флотилия, Служба наблюдения и связи, Владивостокская отдельная флотская рота. 14 апреля 1923 г. приказом по РККФ был определен корабельный состав МСДВ. Во Владивостокский морской отряд судов вошли эскадренный миноносец, два миноносца и посыльное судно «Адмирал Завойко». Амурская речная военная флотилия состояла из пяти канонерских лодок, двух башенных канонерских лодок, посыльного судна и девяти вспомогательных судов. Служба наблюдения и связи располагала тремя катерами. До января 1923 г. значительное число командных должностей в МСДВ занимали бывшие офицеры императорского и белого флотов. Так, начальником штаба МСДВ был В.В. Селитренников, командиром Владивостокского порта – Д.Г. Исаков, начальником оперативной части – Е.К. Преснин. Деятельность по возрождению МСДВ осложнялась тем, что боеспособные корабли адмирал Ю.К. Старк увел за кордон, а береговое имущество было приведено в негодность.

В этот период усилилась разведывательная активность как иностранных разведок, работавших с позиций Китая и генерал-губернаторства Кореи, так и разведывательно-подрывная деятельность различных белых формирований, засылавшихся в Приморье из Маньчжурии. В связи с этим 3 июня 1923 г. приказом заместителя председателя ГПУ И.С. Уншлихта в целях улучшения контрразведывательной работы по МСДВ было организовано специальное морское отделение при Приморском губотделе ГПУ. Штат отделения состоял из шести человек – начальника, помощника начальника, двух оперуполномоченных, машинистки и курьера.

Отделение подчинялось начальнику губотдела и входило в состав СОЧ на правах самостоятельного подразделения, действовавшего на основании распоряжений и заданий отдела ГПУ. Кроме того, для непосредственного обслуживания Амурской флотилии в штат СОЧ Приамурского губотдела ГПУ (Хабаровск) было введено трое сотрудников — уполномоченный по морским делам, помощник оперуполномоченного и делопроизводитель.

Морское отделение Приморского губотдела и аппарат уполномоченного по морским делам Приамурского губотдела ГПУ снабжались через ПП ГПУ в Дальневосточной области. После переноса ПП ГПУ из Читы в Хабаровск Приамурский губотдел

ГПУ был ликвидирован, контрразведывательное обслуживание Хабаровского уезда возлагалось на ПП ГПУ, а аппарат уполномоченного по морским делам был включен в его штат. После реорганизации отделение осуществляло свою деятельность вплоть до 1 октября 1926 г., занимаясь пресечением актов диверсий и саботажа на кораблях и в береговых частях, противодействием разведывательной активности иностранных разведок и белоэмигрантских организаций в отношении командного и личного состава МСДВ, выявлением неблагонадежных элементов. Одновременно уделялось большое внимание кадровой политике и формированию боеспособного оперативного состава губотдела.

С 1 октября 1926 г. приказом РВС СССР №518/93 МСДВ были упразднены, с подчинением всех сил командующему Амурской речной военной флотилии, а ее контрразведывательное обеспечение поручалось КРО ПП ОГПУ по ДВК. К 1932 г. значительно вырос экономический и оборонный потенциал Советского Союза, над дальневосточными рубежами которого в то же время нависла военная угроза со стороны Японии. На XVI съезде ВКП(б) И. В. Сталин отметил: «Там, где нет Красного Флота, мы не можем быть спокойны, там может последовать предательский удар или оскорбление». К этому времени политическое руководство СССР уже взяло курс на строительство современного военно-морского флота и укрепление обороны Дальнего Востока. 25 февраля 1932 г. председатель Реввоенсовета СССР К.Е.Ворошилов утвердил «План мероприятий по формированию МСДВ», по которому к концу 1933 г. в состав МСДВ должны были войти бригады подводных лодок типа «Щ» – 12 единиц, типа «М» – 30 единиц, бригада траления и заграждения и отряд торпедных катеров. 21 апреля 1932 г. был сформирован штаб МСДВ, численный состав которых увеличивался быстрыми темпами и к концу того же года составил 5875 чел.

В это же время была проведена реорганизация ОГПУ и прежде всего – аппарата СОУ. В сентябре 1930 г. Особый, Контрразведывательный и Восточный отделы СОУ были преобразованы в единый Особый отдел, подчиненный непосредственно руководству ОГПУ. На вновь созданный Отдел возлагались задачи по контрразведывательному обеспечению вооруженных сил, выявление, предупреждение шпионажа и подрывной деятельности иностранных разведок, борьба с бандитизмом и др. Президиум ЦИК СССР своим постановлением от 17 сентября 1931 г. лишил Реввоенсовет республики права давать Особому отделу ОГПУ задания и контролировать их выполнение.

Одновременно требовалось организовать контрразведывательное обеспечение вновь созданных МСДВ, и 3 мая 1932 г. приказом ОГПУ был объявлен штат Особого отделения МСДВ. Замещение штатов происходило за счет оперативных сотрудников Владивостокского оперативного сектора ОГПУ. 11 июня того же года начальник Владивостокского оперативного сектора ОГПУ был назначен начальником Особого отделения МСДВ по совместительству. В этот период была распространена практика, когда начальник территориального подразделения органов государственной безопасности одновременно становился во главе контрразведывательного органа соединений и объединений армии и флота. Первым начальником Особого отделения стал Н.А. Загвоздин, а через полгода его сменил Я.С. Визель. Уже 31 июля 1932 г. Особое отделение было переименовано в Особый отдел МСДВ, что свидетельствовало о повышении его статуса. Замещение штатов шло за счет старых сотрудников, перемещаемых из аппарата оперсектора, а также приема на работу новых.

В задачи ОО МСДВ входило оперативное обслуживание штаба, соединений и частей, учреждений и заведений, борьба с контрреволюцией, шпионажем, воинскими и экономическими преступлениями и др. Отдел первоначально состоял из 4 основных отделений. 1-е отделение занималось борьбой с иностранным шпионажем, 2-е – контрразведывальным обслуживанием частей в районе Владивостока, 3-е – офицерским и личным составом кораблей и береговой обороной, 4-е отделение – Владивостокским портом и судоремонтными заводами. После открытия в 1937 г. 3-го ВМУ на отдел было возложено контрразведывательное обслуживание преподавательского и курсантского состава¹. Со временем функции отделений неоднократно изменялись.

3 мая 1932 г. приказом ОГПУ были введены штаты ОО МСДВ, включавшие в себя 24 сотрудника: начальника, помощника начальника, переводчика, секретаря, 2 оперативных и 10 уполномоченных, 5 штатных практикантов, делопроизводителя, шофера и 1 обслуживающего. На следующий день был объявлен штат Особого отделения Амурской военной флотилии, включавший 9 сотрудников: начальник, секретарь, переводчик, оперуполномоченный, 3 уполномоченных, штатный практикант, делопроизводитель.

5 февраля 1934 г. для «особистского обслуживания частей и строителей Морских сил Дальнего Востока, дислоцированных в заливе Америка, была создана опергруппа ОО МСДВ и Примоблотдела в составе уполномоченного ОО МСДВ т. Гостева и штатного практиканта т. Николаева», с возложением обязанностей начальника опергруппы на Гостева. Опергруппа приняла под свое обслуживание 67-й пулеметный батальон, 61-й строительный батальон, 900-ю отдельную артиллерийскую батарею, УНР-12, отделение СНиС, а также все прибывавшие в залив воинские части. Опергруппа работала в тесном взаимодействии с уполномоченным Владимиро-Александровского района и согласовывала с ним оперативные мероприятия в отношении гражданского населения. Еще одна опергруппа обслуживала Шкотовский и Сучанский укрепрайоны.

28 апреля 1934 г. Я.С. Визель подписал приказ о введении новых штатов по Особому отделу МСДВ. Должность заместителя начальника сохранил за собой Н.Б. Гизатулин², а помощника начальника – О.Я. Новицкий. По новым штатам отдел состоял из трех отделений во главе с Л.В. Поповым³, К.Ю. Бусико, Н.Н. Еремичевым. Штат 1-го отделения состоял из 12 сотрудников: начальника, 3 оперуполномоченных, 7 уполномоченных и 1 помощника уполномоченного. Штат 2-го отделения был больше на 1 уполномоченного. Самым многочисленным был штат 3-го отделения, включавший 38 сотрудников: начальник, 4 оперуполномоченных, 27 уполномоченных и 5 помощников уполномоченных. В состав отделения организационно входили оперативные группы по обслуживанию Русского острова (9-й артиллерийской бригады, Отдельного Владивостокского стрелкового полка МСДВ и других флотских объектов), Шкотовско-Сучанского укрепрайона (Отдельного стрелкового полка МСДВ, 8-го Сталинградского полка и других флотских объектов), а также уполномоченных по обслуживанию 12-го полка ПВО, 60-го, 61-го, 62-го, 63-го и 64-го стрелковых батальонов МСДВ. Надо отметить, что должности 8 уполномоченных и 3 помощников уполномоченных вводились в штаты отдела по мере формирования флотских объектов. Причем ряд должностей в отделениях оставались вакантными из-за нехватки кадров, в первую очередь для замещения должностей помощников уполномоченных.

В июне 1934 г. ОГПУ было включено на правах Главного управления государственной безопасности в состав Народного комиссариата внутренних дел СССР, а 10 июля постановлением ЦИК СССР ОГПУ было упразднено и на его базе создано ГУГБ НКВД СССР, в состав которого в качестве самостоятельного оперативного подразделения вошел Особый отдел. В этот период система органов государственной безопасности в армии и на флоте включала в себя особые отделы и отделения ГУГБ НКВД в частях и соединениях РККА и ВМФ с непосредственным подчинением особым отделам военных округов и особым отделам УГБ НКВД республик и УГБ НКВД краев и областей по территориальному принципу.

16 июля 1934 г. областной отдел ОГПУ был реформирован и впредь стал именоваться «Областное управление НКВД Приморской области», но, вплоть до получения указаний ПП ОГПУ по ДВК, областной отдел продолжал работать по старому штатному расписанию. 16–17 сентября 1934 г. приказом УНКВД СССР по ДВК были объявлены новые штаты Приморского областного управления НКВД, а 20 сентября приказом начальника управления были введены новые штаты ОО МСДВ, сохранившего структуру из трех отделений. Штаты 1-го и 2-го отделений (начальники А.М. Чепкой и К.Ю. Бусико) включали по 11 сотрудников, а штат 3-го отделения (начальник Н.Н. Еремичев) состоял из 22 чел. Одновременно были сформированы две оперативные группы из 6 и 9 оперативных работников соответственно – «Русский остров» (оперуполномоченный на правах начальника П.П. Ченчиков) и «Шкотово-Сучан» (оперуполномоченный на правах начальника В.А. Гостев). Кроме того, существовал аппарат уполномоченных при соединениях и частях, которые были включены в штат того или иного отделения.

В 1933–1934 гг. кадровый состав ОО МСДВ значительно обновился, но его характерной особенностью было то, что большинство руководящих и оперативных работников не имели военной подготовки или же обладали ею в недостаточном объеме. Кадровое пополнение шло преимущественно за счет демобилизованных младших командиров срочной службы армии и флота, которые принимались в отдел штатными или сверхштатными практикантами⁴. С 1935 г. началось замещение вакансий помощников оперуполномоченных выпускниками Новосибирской межкраевой школы НКВД⁵. Так, выпускники этой школы С.Т. Баулин и С. Ноздрачев получили назначение на должность помощника оперуполномоченного в ОО ТОФ.

11 января 1935 г. приказом НКО СССР № 9 МСДВ были переименованы в ТОФ, а ОО МСДВ – в ОО ТОФ. В это же время начали практиковаться назначения начальниками райотделов и ОО Шкотовского и Сучанского УР руководящих работников ОО ТОФ. В феврале 1936 г. были введены новые штаты УГБ ПОУ НКВД и ОО ГУГБ ТОФ, по которым сохранялось совмещение должности начальника ПОУ НКВД и ОО ГУГБ ТОФ. По этим штатам ОО ГУГБ ТОФ состоял из заместителя и помощника начальника, секретариата, семи отделений и оперативной группы «Русский остров». Начальники райотделов НКВД Шкотовского, Буденовского, Ольгинского, Советского районов Приморской области одновременно занимали должности начальников ОО укрепрайонов. Так, 23 октября 1937 г. оперуполномоченный ОО ТОФ лейтенант ГБ И.А. Юдин переведен в Шкотовский район на должность начальника райотдела НКВД и ОО Шкотовского УР, 1 ноября начальник 5-го отделения ОО младший лейтенант ГБ П.А. Денисов – на должность начальника Буденовского райотдела НКВД и ОО Сучанского УР. В ноябре 1937 г. ОО ТОФ состоял уже из восьми отделений.

Как можно судить по архивным документам этого периода, в ОО ТОФ постоянно происходила кадровая ротация, руководящий и оперативный состав постоянно обновлялся, что не всегда способствовало повышению эффективности и результативности работы отдела и его периферийных органов. Как уже отмечалось, в это время существовали единые аппараты территориальных органов и военной контрразведки во главе с начальником территориального органа, совмещавшим сразу две должности. Это обуславливало сильную зависимость военной контрразведки от территориальных органов, которые в своих интересах подменяли контрразведывательную работу поиском «врагов народа». Кроме того, в 1937 г. начались аресты работников ОО ТОФ, которые негативно сказались на всех аспектах деятельности отдела⁶.

Приказом НКВД №00362 от 9 июня 1938 г. были сформированы самостоятельные особые отделы военных округов и флотов, а 5-е отделы (ОО) УГБ территориальных органов НКВД были упразднены. Таким образом, периферийные органы военной контрразведки стали напрямую, минуя территориальные управления и отделы НКВД, подчиняться Управлению особых отделов НКВД, а с сентября 1938 г. – 4-му отделу ГУГБ НКВД СССР. Но процесс организации и введения новых штатов особых отделов затянулся, и только в марте 1939 г. был назначен начальник ОО НКВД ТОФ майор ГБ В.В.Виноградов.

По состоянию на февраль 1939 г. штаты Особого отдела НКВД ТОФ составляли 184 чел., а некомплект – 64 чел. Из-за репрессий 1937–1938 гг. возникла острая нехватка квалифицированных кадров оперативного состава. Так, 52 сотрудника ОО ТОФ имели стаж работы в органах НКВД менее года, а 28 сотрудников были приняты в отдел из числа демобилизованных военнослужащих.

Штатный и списочный состав ОО ТОФ по состоянию на февраль 1939 г.

Должность	Штат	Налицо	Некомплект
Начальник	1	-	1
Заместитель	1	1	-
Начальник отделения	8	7	1
Помощник начальника отделения	5	2	3
Оперуполномоченный	28	17	11
Помощник оперуполномоченного	9	9	-
Начальник отделения бригады/ укрепрайона	16	7	9
Помощник начальника отделения	8	4	4
Оперуполномоченный	89	56	33
Помощник оперуполномоченного	19	17	2
Всего:	184	120	64

Еще 30 января 1934 г. на XVII съезде ВКП (б) К. Е. Ворошилов обрисовал задачи и состояние ТОФ: «...мы не можем сейчас похвастать мощностью этих молодых флотов. Я имею в виду Север и Дальний Восток. У нас нет там линкоров и авианосцев, этих средств морского нападения. Но ведь мы, как известно, и не собираемся ни на кого нападать на море, также как и на суше. Мы хотим только защитить наши берега и границы, и убеждены, что те легкие морские силы и береговая оборона ... и главным

образом наша морская авиация и подводные лодки основательно покалечат нападающего врага».

В 1936 г. Совет Труда и Оборона при СНК СССР принял решение о строительстве большого флота, 16 июля утвердил постановление «О программе крупного морского судостроения»⁷, в соответствии с которым ТОФ должен был получить 6 ЛК типа «Б», 8 КРЛ типа «Киров», 6 лидеров ЭМ, 44 ЭМ типа «Гневный», 168 ПЛ разных типов (от «К» до «М»), т.е. 232 ед. общим водоизмещением 415,1 тыс.т из 533 кораблей различных классов общим водоизмещением 1307,3 тыс.т, запланированных к постройке для ВМФ.

В соответствии с планом базового строительства в 1934–1937 гг. предписывалось иметь главную операционную базу во Владивостоке, вторую в заливе Советская Гавань, промежуточную маневренную базу в заливе Владимир, маневренные базы Северного района в заливе Де-Кастри, в Николаевске-на-Амуре и Петропавловске-Камчатском⁸. Но уже на первом этапе стало очевидно, что эти планы не будут выполнены в срок, так как строительные работы шли со значительным отставанием от графика.

На январь 1939 г. в состав ТОФ входили бригада эсминцев, бригада траления и заграждения, четыре бригады подводных лодок, бригада торпедных катеров, Владивостокский, Шкотовский, Сучанский, Владимиро-Ольгинский, Совгаванский, Камчатский УР и Посыетский укрепсектор, две авиабригады (7-я истребительная и 29-я легкомобардировочная), 115-й отдельный авиаполк, семь отдельных авиаэскадрилий, два отдельных авиаотряда, бригада ПВО, железнодорожная артиллерийская бригада и др. На 22 июня 1941 г. ТОФ имел в своем боевом составе 14 ЭМ, 6 СКР, 8 МЗ, 2 СЗ, 91 ПЛ, 135 ТКА, 30 ТЩ, 46 КТЩ, 19 МО, 73 СКА, ВВС ТОФ – 750 ЛА, а в береговую оборону входили 14 батарей с орудиями калибром 356–180 мм, 77 батарей с орудиями калибром 152–100 мм, 49 батарей с орудиями калибром 76–45 мм.

Несмотря на то, заявленные советским руководством планы строительства кораблей не были до конца выполнены, Тихоокеанский флот интенсивно развивался и наращивал свою боевую мощь. В связи с этим основной задачей ОО ТОФ было контрразведывательное обеспечение всех направлений деятельности флота. Одновременно с увеличением боевого состава и береговых частей флота создавались новые и реформировались старые периферийные органы ОО ТОФ⁹. К концу 30-х гг. ОО ТОФ должен был обслуживать свыше 200 соединений и частей флота, но из-за нехватки кадров почти половина объектов периодически оставалась без контрразведывательного обслуживания, а большинство оперативных работников одновременно обслуживали до десяти различных объектов, чаще всего удаленных друг от друга.

Военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке, когда опасность военного столкновения с Японией была как никогда реальной, а необходимость наращивать силы Тихоокеанского флота для обороны дальневосточных рубежей СССР становилась все более очевидной, требовала коренных изменений в работе ОО ТОФ, в первую очередь повышения профессионального уровня руководящего и оперативного состава и увеличения кадровой численности. К 1940 г. ситуация с кадрами начала улучшаться. Штаты мирного времени ОО ТОФ увеличились до 494 чел., из которых 348 штатных единиц приходилось на оперативный состав, а укомплектованность составила 88%. В целом это позволило ОО ТОФ выполнить поставленные перед ним задачи накануне Великой Отечественной войны.

Из воспоминаний М.В. Вяткина

В тридцатые годы, почти полсотни лет тому назад, мне выпало счастье работать в Приморском секторе ОГПУ г. Владивостока. До работы в органах ВЧК-ОГПУ я служил в Красной Армии, в 1-м арtpолку 1-й Тихоокеанской дивизии ОКДВА младшим командиром в учебном дивизионе на станции Раздольная. После демобилизации, в октябре 1931 г., меня и моего друга Соболева Колю направили во Владивосток для оформления на работу в органы ОГПУ. Как позднее стало известно, рекомендателем являлся оперуполномоченный Особого отдела, обслуживающий нашу часть, т. Боженов.

Первоначальная служба в органах началась с должности практиканта, затем штатного практиканта и т.д. Чисто оперативная работа началась примерно через полгода. Тогда я уже был в должности помуполномоченного КРО. Затем был переведен в Особый отдел МСДВ (Морские силы Дальнего Востока) на должность оперуполномоченного по оперативному обслуживанию Главвоенпорта (позднее стал именоваться тыл флота).

Не буду перечислять все свои должности. Скажу лишь о том, что вся служба проходила напряженно и безмерно интересно.

Как известно, Советская власть в Приморье и особенно во Владивостоке установилась только 25 октября 1922 г. До этого там орудовали японские милитаристы. Моя служба началась тогда, когда не было еще десятилетия существования Советской власти.

На Дальнем Востоке, особенно в Приморье, орудовали различные контрреволюционные элементы, даже не одиночками, а организациями.

Японские разведорганы вели активную враждебную работу на нашей территории. Их помощниками в этом деле были каппелевцы и семеновцы, которые не только засылали к нам свою агентуру, диверсантов, но и, используя территорию Маньчжурии, формировали там контрреволюционные банды, забрасывая их в наши тылы. В 1932 г. орудовала в Приморье банда Куксенко. Во время ликвидации этой банды погиб мой лучший друг Коля Соболев.

Позднее мне лично пришлось принимать участие в ликвидации повстанческой организации, состоящей из староверов, сформированной вблизи Иманского района*.

Во Владивосток и на Дальний Восток забрасывали огромное количество контрреволюционной литературы существовавшие в то время в Маньчжурии такие контрреволюционные организации, как РОВС, НТС и др.

Мало было таких дней, особенно праздничных, когда не совершался акт террора, диверсии в промышленности, на железнодорожном, водном транспорте и других наших жизненно важных объектах. В 1932 году японский милитаризм вел активную деятельность по захвату не только Владивостока, но и всего Дальнего Востока.

Предвидя это, нами проводилась большая работа по очищению г. Владивостока и прилегающих населенных пунктов от лиц, враждебных советской власти. А в их числе были белые офицеры, бывшие купцы, руководители бывших таможенных служб и другая нечисть.

Въезд в г. Владивосток был закрыт и разрешен только по специальным пропускам. Наш флот из МСДВ был реорганизован. Был создан Тихоокеанский флот. Как сейчас помню, до создания ТОФ военных кораблей насчитывалось единицы. Класс их не превышал «СК». И несколько подводных лодок – «Шук» и «Малютки». Учитывая сложную обстановку, наше правительство приняло срочные меры к оснащению флота более современными кораблями того времени и подводными лодками. Все это вооружение транспортировалось через Северный морской путь, а подлодки «Малютки» – железнодорожным транспортом. К концу 1934 года это уже была сила, которая во взаимодействии с береговой обороной составляла немалую угрозу наиболее вероятному нашему противнику – японскому милитаризму.

* В настоящее время Дальнереченский район Приморского края.

Особый отдел МСДВ, а затем ТОФ возглавлял Загвоздин, его сменил Визель. Они же являлись и начальниками оперсектора ОГПУ. Непосредственное же руководство Особым отделом находилось в руках заместителя Кротова. Моим непосредственным и прямым руководителем был начальник отделения Сквозников. Самыми близкими моими сокашниками были Ткачев, Ковригин (которого часто мы в шутку именовали гардемарин), Вася Стародубцев и др.

Вышеизложенные примеры той сложной обстановки, особенно на Дальнем Востоке, я привел не случайно. Незначительные примеры, о которых я упоминаю, свидетельствуют о том, что обстановка там была накалена. Она требовала от нас, чекистов, высокой бдительности, умения распознавать врага, квалифицированно ориентироваться в обстановке, идти на жертвы, не жалея себя во имя спасения своей Родины, во имя своего народа. В те годы мало думали о себе. Трудились, не считаясь со временем. В те времена в органы в основном брали по происхождению – из рабочих, батраков, крестьян-бедняков. Общее образование подтягивали в служебное время и во время отдыха. Этим делом занимались учебные части, числящиеся в штатах отделов кадров. В органы я пришел с образованием 4 класса. Но это не считалось малограмотностью. Определялись твои качества другими параметрами: обладаешь ли ты качествами организатора, способного завоевать доверие в коллективе, присущи ли тебе качества высокой дисциплинированности, бдительности, вежливости, скромности и преданности своей Родине. В армию я был призван в Восточной Сибири, где несколько лет работал секретарем в некоторых РК ВЛКСМ. В армии, перед демобилизацией, был комсомольским ответственным полка. Работал в ОГПУ-НКВД г. Владивостока, неоднократно избирался секретарем парторганизации Особого отдела. Это доверие воспитывало во мне необходимые человеческие качества. Свою грамотность я повышал в обязательном порядке через учебную часть и выкраивал время за счет своего отдыха в целях повышения своего общеобразовательного уровня. Все свободное время мы заполняли полезными занятиями. Кто занимался спортом, кто изучением иностранных языков – особенно английского и японского. А меня увлекли парашютизм и летное дело.

Руководство оперсектора и совет спортивного общества «Динамо» положительно восприняли наше предложение об организации летной школы «Динамо». Эта школа была создана в начале 1933 г. Членами ее стали я, Леша Богомолов, Леша Новиков, Леша Плетенский, Лида Володина, Петя Кузнецов, Миша Астахов, Руднев, Фомин и др., всего 11 человек. Аэродром с ангаром создали в районе 2-й Речки. Для учебных полетов из одной авиачасти нам был выделен самолет У-2. Летчиком-инструктором был Валентин Овсяников. Теоретическая подготовка учлетов проходила в нерабочее время в Красном уголке Оперсектора. Учитывая наше незаконченное среднее образование, нам приходилось изучать не только специальные дисциплины, но и повышать свои знания до уровня среднего образования. В специальные дисциплины входили такие предметы, как теория авиации, аэронавигация, техника пилотирования, матчасть самолета У-2 и др. Они требовали повышенных общеобразовательных знаний. Два года упорного труда, лишая себя сна и отдыха, и мы преодолели все трудности. Осенью 1935 г. закончили без отрыва от службы летную школу стали называться пилотами. За теорию и практику полетов я получил оценку «отлично». Весь период учебы в летной школе, помимо полетов, мы совершали прыжки с парашютом. Инструктором парашютного спорта в начале 1933 г. стал я. Готовили меня инструктором в авиационном корпусе, в то время дислоцировавшемся на станции Воздвиженка. Готовил опытный инструктор Загуменный. Окончив теоретическую и практическую подготовку, я получил звание инструктора и значок инструктора парашютного спорта, который до сих пор храню, как дорогую для меня реликвию. Первый прыжок как инструктор парашютного спорта я совершил в начале 1933 г. на нашем аэродроме 2-я Речка. До меня там парашютных прыжков никто не совершал. За два с небольшим года я подготовил в основном из числа оперсостава ОГПУ 10 парашютистов, сам же совершил 19 прыжков. По-современному

не так много, а в то время порядочно, тем более, что парашютный спорт во Владивостоке только зарождался. Особо памятный для меня последний – 19-й прыжок, который был затяжным и показательным в день авиационного праздника – 18 августа 1935 г.

В этот день из Владивостока на аэродром 2-я Речка съехалась уйма людей. Всем им хотелось посмотреть прыжки с парашютом. Туда же прибыла и киносъёмочная группа, которая отсняла праздничную церемонию. Позднее этот короткометражный черно-белый документальный фильм был продемонстрирован в Красном уголке Оперсектора. В этом фильме я видел и самого себя. Возможно, этот фильм до сих пор хранится в архивах Владивостокской или Хабаровской кинохроники. Если он сохранился, есть смысл продемонстрировать его нынешнему поколению, ведь с тех пор прошло почти 45 лет.

Владивосток я покинул после семилетнего пребывания в нем. Последняя моя должность – начальник Оперотдела. В то время именовался уже не Оперсектор ОГПУ, а Отдел НКВД и находился в подчинении УНКВД Хабаровского края. ДО НКВД было ПП ОГПУ. Возглавлял его Дерибас. Назначение в краевое управление с повышением по службе. Вначале работал заместителем начальника 3-го спецотдела, затем начальником 3-го транспортного отдела, а после реорганизации органов, в марте 1941 г., мой отдел был упразднен и я получил назначение на Камчатку, на должность заместителя начальника УНКВД Камчатской области. Затем опять после реорганизации был назначен начальником УНКВД Камчатской области и покинул ее в 1948 г. с отъездом в Москву. Последнее время, до ухода на заслуженный отдых, в течение почти семи лет был начальником УКГБ по Пензенской области.

*Полковник в отставке,
Почетный сотрудник госбезопасности М.В. Вяткин*

24 февраля 1980 года.

Документ эпохи
Приказ
по Приморскому Областному Управлению НКВД

18 сентября 1934 г. №125

г. Владивосток

§ 1. При сем объявляется личный состав Приморского Управления НКВД по новым штатам, после реорганизации по новому районированию.

1. Нач. Обл. Упр. он-же Нач. ОО МСДВ Визель Я.С.
2. Зам. нач. Обл. Упр. Темнов В.С.

Адм. хозяйственное отделение:

1. Нач. АХО – он же секретарь В.И. Киняк; 2. ст.делопр. Пуленец; 3. делопр. машин Е.А. Воинова; 4. В.М. Ещенко; 5. Чибизова; 6. переводчики Л.П. Енданов; 7. Пак-сен-хун; 8. Хен-син-бон; 9. комендант В.И. Жуков; 10. дежком: А.И. Зеленов; 11. И.А. Порваткин; 12. надз. вахтер I разряда Гредин; 13. Шарыпов; 14. И.В. Шалуха, 15. 2 раз. М.Ф. Мищенко, 16. Н.К. Абашин, 17. С.Г. Голубятников, 18. обслуживающая Е.П. Казакова.

Инспекция кадров

1. Инспектор кадров Нужин М.Н.

Фин.отд.

1. Бухгалтер Тарлинский М.С.

Гараж

1. Шофер 1 р. С.В.Козловский; 2. Г.И. Плюта

Спец. группа

1. Уполномоченный К.Н. Богаткин; 2. А.Д. Чугунов; 3. Шифровальщик А.Г. Кухарь

Опер. отд.

1. Нач. отд. Л.В. Попов; 2. уп. С.К. Архипов

ЭКО

1. Начальник отд-ния Д.А. Варенберг; 2. опер. А.А. Морозов; 3. М.М. Гриншпун; 4. уполн. Е.Я. Штамм; 5. А.И. Вилинский; 6. М.И. Астахов; 7. А.Я.Липшис; 8. Я.К. Супрунюк; 9. П.К. Кушнарев; 10. С.И. Иткин; 11. Н.В. Басин; 12. Афанасьев; 13. Пом.упол.

СПО

1. Начальник СПО Т.А. Касьянов; 2. Опер. уполн. Н.Н. Климов ; 3. Ф.Ф. Вернер¹⁰; 4. уполн. Цой-ко-сан; 5. В.Г. Никитенко; 6. Ф.Н. Лешук ; 7. П.А. Соломенный; 8. П.Ф. Свинына; 9.; 10. пом. уполн. Л.П. Агамасова

УСО

1. Уполном. В.Д. Черепанова; п/упол. А.Г. Лысенко

ИНО

1. Нач. отделения А.Б. Аркус – опер. упол. за счет н-ка; 2. уполном. Карант Е.Г.¹¹; 3. К.С. Турин пом. уполн.; 4. Упол.

Инсп. резервов

1. Н-к отделения И.Ф. Маковский; 2. ст. инспектор И.А. Ганжаров; 3. К.С. Голубев; 4. Инспектор Л.П. Тоймер; 5. Зонтаг К.Ф. пом. инсп.

ОО Прим. Обл. Упр. ОО МСДВ

1. Зам. н-ка Н.В. Гизатулин; 2. пом. н-ка Б.Я. Новицкий; 3. делопр. машин Кабанова; 4. машин. Жирякова – Музыченко

1 отделение

2 Начальник отделения А.М. Чепкой; 2. опер. уполном. А.И. Оя; 3. Я.В. Карюкин; 4. Г.Е. Хан-чан-гер; 5. уполном. И.М. Гольдфарб; 6. К.И. Шеремет; 7. Шибанов (Сюй-фа-фан); 8. Д.И. Пак; 9. П.П. Шарыгин; 10. С.С. Конкин; 11. п/уполн....

3 отделение

4 Начальник от-ния К.Ю. Бусико; 2. опер. упол. Н.Н. Югай; 3. Ф.Л. Маринчук; 4. А.Н. Вишневецкий; 5. уполн. И.А. Аксенов; 6. К.И. Ветыхев; 7. А.Н. Вакулин; 8. В.С. Старченко; 9. Н.К. Копотев; 10. И.Ф. Кубышкин – пом. уполн.; 11.

3 отделение

1. Н-к отделения Еремичев; 2. о/уполн. П.П. Сквозников; 3. Н.С. Нужин; 4. уполн. И.А. Реутов; 5. М.Г. Коновалов п/упол.; 6. Н.И. Черкасов; 7. уполн. Н.Г. Мезинов; 8. Н.И. Смирнов; 9. С.А. Ткачев; 10. В.В. Горский; 11. И.М. Харитонов; 12. А.Д. Виноградов; 13. И.А. Юдин; 14. А.В. Коханов; 15. В.Х. Середа; 16. П.А. Денисов; 17. Н.С. Акимов; 18. М.В. Вяткин; 19. уполн.....; 20.; 21. пом. уполн. Н.И. Борчанинов; 22. В.Ф. Фомин

ОО группа «Русский остров»

1. Опер. уполном. П.П.Ченчиков; 2. уполн. А.Ф. Гимилевский; 3. Ю.Ф. Бондарев; 4. И.П. Перелыгин; 5. А.Ф. Гилочкин; 6. пом. уполн. И.А. Морозов

ОО «Шкотово-Сучан»

1. Опер. уполн. В.А. Гостев; 2. уполн. В.К. Кузьмин; 3. Г.Ф. Попов, пом. уполн.; 4. С.А. Кербель; 5. В.И. Хорошко; 6. М.С. Бобрушев; 7. Н.П. Виноградов; 8. Пом. уполн. А.Н. Осипов; 9. Т.С. Николось

§ 2. Объявляется список личного состава районов:

1. Шкотовский РО

1. Начальник И.И. Гамзин; 2. уполн. В.В. Должиков; 3. С.М. Рязанов

2. Сучан. РО

1. Начальник Е.П. Колугин; 2. уполн. Д.А. Чудинов; 3. А.А. Варнилов

3. Посьетское РО

1. Уполн. В.Ф. Власенко; 2. Г.И. Силик

4. Советский РАП

1. Уполномоченный А.А. Мотовилов; 2. п/уполн. Д.А. Шарцев

5. Ольгинский РА

1. Уполном. Ф.А. Гончаренко; 2. п/упол. В.М. Ушаков

6. Тернейский РА

1. Райупол. К.П. Шилин; 2. уполн. П.И. Зуев

7. Артем РА

1. Райуполн. Н.М. Мочалов; уполн. В.Ф. Тарасов

8. Вл. Александр. РА

1. Райуполн.....; 2. уполном. М.А. Жеровин, п/упол.

§ 3. Оставшихся за штатом райуполн. НКВД по Артему т. Шубино К.И. уполн. ОО ПОУ и ОО МСДВ – Р.К. Розенберг и уполн. ЭКО Щербо – откомандировать в распоряжение ОК УГБ УНКВД СССР по ДВК.

ОСНОВАНИЕ: Приказ УНКВД СССР по ДВК от 16/17 IX-34 г. №129.

Нач. ПОУ НКВД и ОО МСДВ Визель

СОВ. СЕКРЕТНО

ПРИКАЗ ПО ПРИМОРСКОМУ ОБЛАСТНОМУ УПРАВЛЕНИЮ Н.К.В.Д.

10 февраля 1936 года

№17

г. Владивосток

СОДЕРЖАНИЕ: С объявлением расстановки личного состава Приморской области по новым штатам.

В соответствии с приказом УНКВД СССР по ДВК №0013 от 1/2-го февраля 1936 года, объявляется расстановка личного состава по новым штатам: УГБ Приморского Облуправления НКВД, ОО ГУГБ ТОФа, районных отделений НКВД, Особоотделений Укрепленных районов и оперпунктов ТО ГУГБ с 1-го января 1936 года¹².

№№ пп.	Штатная должность	Фамилия	Прежняя должность	Примечание
ПРИМОРСКОЕ ОБЛУПРАВЛЕНИЕ НКВД				
РУКОВОДСТВО				
1.	Нач. ОБЛУ и ОО ГУГБ ТОФ	Я.С. Визель	нач. Примоблуправл. НКВД и ОО ГУГБ ТОФ.	
2.	Зам. нач. ОБЛУ	Н.В. Кондратьев	Зам. Нач. Примоблупр. Н.К.В.Д.	
І. УГБ ОБЛУПРАВЛЕНИЯ				
ГРУППА ПО КАДРАМ				
1.	Инспектор	М.Н. Нужин	Инспектор	
СПО				
1.	Нач. СПО	Т.А. Касьянов	Начальник СПО	
2.	Пом. начальника	М.М. Иванов	Опер. уполномоч.	
3.	Оперуполномоч.	Ф.Ф. Вернер	То же самое	
4.	- “-	П.А. Соломенный	Уполномоченный	
5.	- “-	Г.А. Черезов	То же	
6.	- “-	вакантная		
7.	Пом. оперуполн.	М.А. Лесков	Пом. уполномочн.	
8.	- “-	Д.А. Чудинов	Уполномоченный	
9.	- “-	В.М. Бугаев	Пом. уполн. ЭКО	
ЭКО				
1.	Нач. отдела	Д.А. Варенберг	Нач. отделения	
2.	Нач. отделения	М.М. Гриншпун	Опер.уполномоч.	
3.	Пом. нач. от-ния	Н.В. Колабанов	ВРИД Нач. оперпун. Александ. Сахал.	
4.	Опер. уполномоч.	Н.М. Мочалов	Уполномоченный	
5.	- “-	А.И. Вилинский	То же	
6.	- “-	А.Я. Липшес	То же	
7.	П/опер. уполном.	Г.П. Гохберг	То же	
8.	- “-	В.П. Скоков	То же	
9.	- “-	Н.Н. Куприянов	То же	
10.	Опер.уполномочен. по об- служ. Таврич. рудника	В.М. Ушаков	То же	
11.	Опер. уполномочен. по об- служ. Крабтреста ¹³	М.П. Астахов	Уполномоченный	

12.	Опер.уполномочен. по обслуж. Морзверпрома ¹⁴	Г.А. Шевцов	То же	
13.	Опер.уполном. по обслуж. рыбпромыш. Буденов. р.	И.Т. Негров	То же	
14.	Опер.уполном. по обслуж. рыбопромыш. Посъет. Р.	Цой-ко-сан	То же	
15.	Тоже – Тернейского р.	Вакантная		
16.	Тоже – Советского р.	Вакантная		
17.	Тоже - Тралтреста ¹⁵	Вакантная		
ИНО				
1.	Начальн. отделения	Л.В. Попов	Нач. ИНО Амур. ОБЛУ.	
2.	Опер.уполномочен.	К.С. Жури	Уполномоченный	
ОПЕРОД				
1.	Нач. оперода	Е.Г. Карант	Нач. оперода	
2.	Опер. уполномочен.	Вакантная		
3.	Пом. опер. уполномоч.	П.П. Гурба	Уполномоченный	
СПЕЦГРУППА				
1.	Ст. инспектор	А.А. Пудак	Нач.отделения	
2.	Инспектор	Д.М. Ковбас	Уполномоченный	
3.	Шифровальщик	Г.В. Калинина	Шифровальщик	
УСО				
1.	Инспектор	В.Е. Черепанова	Уполномоченный	
2.	Пом. инспектора	А.Г. Лысенко	Пом.уполномочен.	
II. ОО УГБ ОБЛУПРАВЛЕНИЯ и ОО ГУГБ ТОФ:				
	Начальник ОО – он же нач. Примоблуправле-ния НКВД			В штате ОБЛУ
1.	Зам. нач. ОО	И.Г. Кротов	Зам. нач. ОО	
2.	Пом. нач. ОО	О.Н. Новицкий	Пом. нач. ОО	
СЕКРЕТАРИАТ				
1.	Делопр. машинистка	М.Н. Чмунова	Делопр. машин.	
2.	- “-	А.С. Кузьмина	- “-	
3.	- “-	М.М. Катаева	- “-	
4.	Шофер	Ф.А. Голда	Шофер	
1-е отделение				
1.	Начальник отд-ния	К.К. Усик	П/н-ка ОО УГБ ОКДВА	
2.	Пом. нач. отделения	Н.Н. Югай	То же	
3.	Опер. уполномочен.	К.И. Шеремет	Уполномоченный	
4.	Пом. опер. уполномоч.	Н.И. Кухтеев	То же	
5.	- “-	А.Н. Пак	Пом. уполномоч.	
2-е отделение				
1.	Начальник отделения	А.М. Чепкой	Нач. отделения	
2.	Опер. уполномочен.	Л.П. Енданов	Уполномоченный	
3.	Пом. опер. уполномоч.	Вакантная*		
3-е отделение				
1.	Начальник отделения	Ф.И. Маринчук	Опер. уполномоч.	ВРИД
2.	Опер. уполномочен.	Вакантная		
3.	Пом. опер. уполномоч.	В.М. Вьюгин	Уполномоченный	

* Рукописная пометка – Ким Ник.

4-е отделение				
1.	Начальник отделения	В.Н. Вишневский	Опер. уполномоч.	ВРИД
2.	Пом. нач. отделения	А.Ф. Бобров	- “-	
3.	Опер. уполномочен.	И.А. Аксенов	Уполномоченный	ВРИД
4.	- “-	Е.Я. Штамм	- “-	
5.	- “-	Н.Н. Копотев	- “-	ВРИД
6.	- “-	Вакантная		
7.	Пом. опер. уполномоч.	А.Н. Ковригин	Уполномоченный	
8.	- “-	А.С. Поленов	- “-	
9.	- “-	Вакантная		
10.	- “-	Вакантная		
5-е отделение				
1.	Начальник отделения	Ф.Г. Петров	Нач. отделения	
2.	Пом. нач. отделения	П.А. Денисов	Оперуполномоч.	ВРИД
3.	Опер. уполномочен.	Н.М. Болсунов	Уполномоченный	Обсл. части на Океанс.
4.	Оперуполномоченный	А.В. Евлахов	- “-	
5.	- “-	Н.И. Смирнов	- “-	
6.	- “-	А.В. Бастырев	- “-	
7.	Пом. опер. уполномоч.	С.А. Ткачев	- “-	
8.	- “-	Т.А. Фаерман	- “-	
9.	- “-	И.И. Гавриленко	- “-	
10.	- “-	В.Г. Стародубцев		
6-е отделение				
1.	Начальник отделения	П.П. Сквозников	Нач. отделения	
2.	Пом. нач. от-ния	Вакансия		
3.	Опер. уполномочен.	И.А. Юдин	Уполномоченный	
4.	- “-	А.К. Баллод	Оп. уполномоч.	
5.	- “-	М.В. Вяткин	Уполномоченный	
6.	Пом. опер. уполномоч.	М.Г. Коновалов	- “-	
7.	- “-	Д.И. Точилкин	- “-	
8.	- “-	Вакантная		
9.	- “-	Вакантная		
7-е отделение				
1.	Начальник отделения	Гуренко	Пом. нач. ОО 21 Див.	
2.	Пом. нач. от-ния	А.И. Петров	Опер. уполномоч.	
3.	Опер. уполномочен.	Н.Г. Мезинов	Уполномоченный	
4.	Пом. опер. уполн.	Вакантная		
ОПЕРГРУППА «РУССКИЙ ОСТРОВ»				
1.	Начальник отделения	Н.И. Черкасов	Оперуполном.	ВРИД
2.	Опер. уполномоч.	И.А. Морозов	Уполномоченный	
3.	- “-	А.Ф. Гамиловский	- “-	
4.	- “-	Б.П. Шибанов	- “-	2 отд.
5.	- “-	П.Л. Фолькман	- “-	
6.	П/опер. уполн.	Вакантная		
7.	- “-	А.В. Коханов	- “-	
8.	- “-	Вакантная		

III. ОО ГУГБ Ж.Д. КОРПУСА¹⁶				
Транспортное отделение				
1.	Нач. ОО ж/д корп. он же нач. ТО	Черепанов Н.Н.		
2.	Пом. нач. от-ния	Гусев А.А.	Нач. ВОТО ВЛД.	
3.	Секретарь от-ния	Ковшова А.Н.	Секретарь	
4.	Делопр. машин.	Юнушевич М.Н.	Делопр.-машин.	
5.	- “ -	Кистенева Е.С.	- “ -	
6.	Опер. уполномочн.	Гранков Д.В.	Опер.уполн. ОО	
7.	- “ -	Смирнов И.В.	Упол. ВОТО	
8.	- “ -	Костенко П.И.	Опер. упол. ВОТО	
9.	- “ -	Котельников П.А.	- “ -	
10.	- “ -	Кочергин О.А.	Уполн. ВОТО	
11.	Пом.опер. уполн.	Акимов Ф.И.	Уполн. ОО ж.д.к.	
12.	- “ -	Щеницын А.Г.	- “ -	
13.	- “ -	Г.Д. Равинский	п/уп. ОР Кангауз	
14.	- “ -	С.И. Морев	Уполном. ВОТО	
15.	- “ -	С. Иванов	- “ -	
Группа учета ТО				
1.	Пом. опер. уполн.	П.Т. Агамалова	Пом. инсп. кадров	
2.	- “ -	М.Ф. Чекмазова	Упол. УСО ТО	
ОПЕР. УПОЛНОМОЧЕННЫЕ ПОЛКОВ				
1.	Опер.уполн. 5 полк	Д.А. Яковлев	Упол. 5 ж.д.полка	
2.	- “ - “ - 6 - “ -	Г.М. Борщ	- “ - 6 - “ -	
3.	- “ - “ - 7 - “ -	П.К. Селецкий	- “ - 7 - “ -	
4.	- “ - “ - 10 - “ -	Г.М. Вязниковский	- “ - 10 - “ -	
5.	- “ - “ - 12 - “ -	С.И. Аверьянов	- “ - 12 - “ -	
6.	- “ - “ - 13 - “ -	Ф.Н. Колпаков	- “ - 13 - “ -	
7.	- “ - “ - 14 - “ -	А.И. Тетерин	- “ - 14 - “ -	
8.	- “ - “ - 15 - “ -	И.И. Кузнецов	- “ - 15 - “ -	
9.	- “ - “ - 18 - “ -	С.Ф. Ильин	- “ - 18 - “ -	
10.	- “ - “ - 24 - “ -	П.Л. Алферов	- “ - 24 - “ -	
11.	- “ - “ - 16 - “ -	Н. Юрьков	- “ - 16 - “ -	
12.	- “ - “ - 17 - “ -	С.П. Ахапкин	- “ - 17 - “ -	
13.	- “ - “ - 26 - “ -	А.С. Ланин	- “ - 26 - “ -	
14.	- “ - “ - 27 - “ -	В.Н. Аблицев	- “ - 27 - “ -	
15.	- “ - “ - 1, 2, 3 мех.бригады	П.И. Петрухно	- “ - 1, 2, 3 мех.бригады	
16.	- “ - “ - 1, 3, 4, 7 бригады	Г.М. Лопатин	- “ - 1, 3, 4, 7 бригады	
IV. РАЙОННЫЕ ОТДЕЛЕНИЯ НКВД, ОО ГУГБ ТОФ				
Артемовское РО НКВД				
1.	Начальник РО	Г.П. Малышев	Начальник РО	
2.	счет.секрет.	А.П. Задунайский	Счетовод-секретарь	
3.	Делопр. – машин.	В.Ф. Евсильевич	Делопр. – машинистка	
4.	Опер. уполн.	Вакантная		
5.	Пом. опер. упол.	Тарасов В.Ф.	Уполномоченный	
Сучанское РО НКВД				
1.	Начальник РО	Е.П. Калугин	Начальник РО	
2.	Счетовод-секр.	В.И. Кравчук	Счетовод-секр.	
3.	Делопр.-машин.	Вакантная		

4.	Опер.уполномоч. по обл. подъезд. путей Дальугля ¹⁷	Л.Ф. Свинына	Уполн.	
5.	Пом. опер. упол.	В.В. Должиков	- “-	
Шкотовское РО НКВД				
1.	Нач. РО он же нач. ОО УР’а	Н.Ф. Каменский	Начальник РО и ОО УР’а	
2.	Счет. секретарь	А.Ф. Хортов	Счет.секретарь	
3.	Делопр.-машин.	Вакантная		
4.	Опер. уполном.	С.М. Рязанов	Уполномоченный	
5.	Пом. опер. упол.	ХЕ-СИН-БОН	тоже	
ОО ГУГБ НКВД Шкотовского УРа				
1.	Оперуполномоч.	А.А. Мотовилов	Опер. уполномоч.	
2.	- “-	Е.Л. Шевцов	Уполномоченный	
3.	- “-	Г.Ф. Попов	- “-	
4.	- “-	В.И. Хорошко	- “-	
5.	Пом. оперуполн.	А.И. Греков	Пом. уполномоч.	
Буденовское РО НКВД				
1.	Нач. РО он же нач. ОО УРа	В.А. Гостев	Нач. РО и ОО УРа	
2.	Счет. секретарь	Л.П. Пилюгин	Счетовод-секрет.	
3.	Делопр.-маш.	Вакантная		
4.	Пом. оперуполн.	А.М. Шляшкевич	Пом. уполн.	
5.	- “-	Вакантная		
ОО ГУГБ НКВД Сучанского УРа				
1.	Опер. уполномоч.	Г.И. Силин	Уполномоченный	
2.	- “-	М.С. Бобрушев	- “-	
3.	- “-	Л.Ф. Галочкин	- “-	
4.	- “- 17 АЭ	Н.В. Виноградов	- “-	
5.	Пом. опер. уполн.	Д.И. Пак	- “-	
6.	- “-	М.П. Николаев	Пом. уполномоч.	
Ольгинское РО НКВД				
1.	Нач. РО он же нач. ОО УРа	И.И. Гамзин	Нач. РО и ОО УРа	
2.	Счетовод-секрет.	А.С. Кузьмина	Счетовод-секретарь	
3.	Делопр.-машинистка	Вакантная		
4.	Опер. уполномочен.	Ф.А. Гончаренко	Уполномоченный	
5.	Пом. опер. уполном.	П.К. Кушнарв	- “-	
ОО ГУГБ НКВД Ольгинского УРа				
1.	Опер. уполномочен.	В.В. Горский	Опер. уполномоч.	
2.	- “-	В.С. Старченко	Уполномоченный	
3.	- “-	Вакантная		
4.	Пом. опер. уполном.	Н.А. Струнников	Уполномоченный	
Советское РО НКВД				
1.	Нач. РО и ОО УРа	В.С. Незнамов	Нач. РО и ОО УРа	
2.	Счетовод-секретарь	Вакантная		
3.	Делопр.-машинистка	Л.М. Пророкова	Делопр.-машинист.	
4.	Пом. опер. уполн.	П.А. Софронов	Уполномоч. ЭКО	
5.	- “-	Д.А. Шарцев	Пом. уполн. РО	
ОО ГУГБ НКВД Совгаваньского УРа				
1.	Опер. уполномочен.	П.П. Касапов	Опер. уполн.	
2.	- “-	А.Д. Виноградов	Уполномоченный	

3.	Пом. опер. уполном.	В.И. Железнов	Пом. уполном.	
Тернейское РО НКВД				
1.	Нач. РО	Л.А. Ребров	Опер.упол. Ст. РО	
2.	Счетовод-секрет.	Вакантная		
3.	Делопр.-машинистка	Вакантная		
4.	Пом. опер. уполном.	П.П. Зуев	Пом. уполн. СПО	
5.	- “-	Вакантная		
Посьетское РО НКВД				
1.	Нач. РО	Яунпетрович	Нач. РО	
2.	Счетовод-секрет.	И.Ф. Дмитренко	Счетовод-секрет.	
3.	Делопр.-машинист.	Вакантная		
4.	Пом. опер. уполн.	В.Ф. Власенко	Уполномоченный	
5.	- “-	Вакантная		
V. ОПЕРПУНКТ ТО ГУГЪ НКВД				
Оперпункт порт Владивосток – I-й категории				
1.	Начальник оперпун.	Г.И. Зверев	Пом. нач. ВОТО	
2.	Оперуполномоч.	П.М. Опарин	Уполн. ВОТО	
3.	Уполномоченный	А.Г. Петрашкевич	- “-	
4.	Пом. уполномочен.	В.Е. Матвеев	Пом. упол. ТО	
5.	- “-	С.Н. Ленский	- “-	
6.	- “-	В.С. Рубанов	- “-	
Оперпункт I-я Речка – I-й категории				
1.	Начальник пункта	Ф.А. Иванов	Начальник пункта	
2.	Опер. уполномочен.	Вакантная		
3.	Уполномоченный	Вельмесьев	Уполномоченный	
4.	- “-	И.Д. Зубцов	- “-	
5.	Пом. уполномочен.	А.Г. Гриднев	Пом. уполномоч.	
6.	- “-	П.А. Безверхов	- “-	
7.	- “-	Ф.А. Нарайкин	- “-	
8.	- “- по паспорт.	П.И. Лебедев	- “-	
Оперпункт Совгавань – 2-й категории				
1.	Начальник пункта	В.И. Коновалов	Нач. оперпункта	
2.	Уполномоченный	И.Н. Потеряйко	Уполномоч. ВОТО	
3.	- “-	Я.А. Меппе	- “-	
4.	Пом. уполномоч.	Л.Е. Макрушин	Пом. уполн.	
Оперпункт Угольная – 2-ая категория				
1.	Начальн. пункта	И.А. Мазурик	Нач. оп. пункта	
2.	Уполномоченный	И.А. Лебедевский	Уполномоченный	
3.	- “-	В.А. Добижа	Упол. О/П ПРЧ ¹⁸	
4.	Пом. уполномочен.	Н.Ф. Молчанов	Пом. уполномоч.	
5.	- “-	Б.А. Тарасенко	- “-	
Оперпунктст. Кангауз – 2-ая категория				
1.	Начальник пункта	С.С. Гриневский	Нач. оперпункта	
2.	Уполномоченный	Д.А. Манякин	Уполномоченный	
3.	Пом. уполномочен.	Г.М. Макаренко	Пом. уполномоч.	
4.	- “-	П.Д. Фурсов	- “-	

Начальник ПОУ НКВД
Капитан

/Визель/

СПРАВКА

О спекуляции военнослужащих ТОФ на Семеновском базаре в г. Владивостоке

В гор. Владивостоке толкучка (Семеновский базар) заполняется огромным количеством военнослужащих различных рангов и положений, многие из которых в погоне за легкой наживой втянулись в спекуляцию.

18 марта с.г. Особым отделом ТОФ была проведена проверка толкучки для установления количества участвовавших в ее «деятельности» военнослужащих.

Эта проверка, длившаяся с 11 ч. 30 мин. до 15 часов, дала следующие задокументированные в каждом отдельном случае результаты:

1) За три с половиной часа толкучку посетило военнослужащих различных частей ТОФ – 700 человек.

2) Занимались торговлей с рук различного рода казенными вещами – 162 человека, из них среднего начсостава – 8 чел.

Младшего начсостава - 35 чел.

Рядового состава – 121 чел.

В том числе орденосцев – 2 чел.

3) Ассортимент продаваемых вещей военнослужащих:

подметки, ботинки, сапоги, робы, шинели, бушлаты, шапки, кителя, брюки, часы, пластинки, гармошки, личные вещи.

В числе продававших казенные вещи на толкучке 18 марта оказались военнослужащие 72 отдельных частей и соединений, включая и ШТАБ ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА, из состава которого продажей занимались два лица младшего командного состава.

Из 168 военнослужащих, уличенных в продаже вещей, 47 человек не имели никаких увольнительных, а двое имели при себе казенное оружие.

В трех случаях увольнительные выданы с пометкой «для продажи личных вещей».

Опросом проверенных установлено, что никакой разъяснительной работы в частях поли- таппараты и командование в этой части не проводят совершенно. Наоборот, установлены два факта, когда нач. планового сектора 2-го отдельного стройбата ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ поручил продать свой патефон кра-цу этого же батальона АЛЕХИНУ А.Г. и работающий в секретной части УВВС – УМРИХИН поручил продать свою шинель, шелковое платье жены и др. вещи старшине 19 авиасклада УВВС – БЕРКУНУ Афанасию Кондратьевичу.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Список военнослужащих, продававших вещи на базаре.

НАЧ ОО ОКДВА и 5 ОТДЕЛА УНКВД

СТАРШИЙ МАЙОР ГОСУДАРСТВЕННОЙ

БЕЗОПАСНОСТИ

БАРМИНСКИЙ¹⁹

1/197350

28 марта 1937 г.

Председателю Крайисполкома тов.Крутову²⁰(лично)
ОО УГБ ТОФ

СОВ.СЕКРЕТНО

СПРАВКА

О фактах незаконных действий военнослужащих частей ТОФ в отношении должностных лиц совет.органов и гражданского населения Приморской обл.

1. ДЕДЮЛЯ Георгий Куприянович, чл. ВКП(б) с 1932 г., начальник хозчасти 108 авиаэскадрильи СУР, ТОФ, интендант 3 ранга, 1902 года рождения.

30 мая с.г. в селе Новолитовске Буденовского р-на приказал 3-м вооруженным красноармейцам арестовать Председателя Новолитовского сельсовета ПАК Бориса Васильевича, 1890 г. рожд., члена ВКП(б) с 1927 г., бывш. красного партизана Буденовского района в период 1919-22 гг. ПАК был арестован ДЕДЮЛЕЙ в момент работы на огородном участке, расположенном около дома, занимаемого в/ч. 1374. Участок отведен ПАКУ Постановлением общего собрания колхозников и сельсовета.

Дедюля незаконно стал требовать, чтобы ПАК прекратил работы на огороде и после разъяснения ПАК о законности занятия участка, Дедюля выразился, что «я Советской власти не признаю, а ты, как Советская власть, должен подчиняться командиру», стал выражаться нецензурно и послал за двумя вооруженными красноармейцами. Явившись, последние по приказанию Дедюли объявили Пака арестованным и вывели его с огорода во двор дома, занимаемого Дедюлей. Здесь Дедюля дал приказание красноармейцам отправить Пака в органы НКВД и вновь начал нецензурную ругань по адресу Пака, а также сказало, что «вы, корейцы, все шпионы. В райкоме работают и то шпионы».

Благодаря вмешательству подошедшего пом.инспектора Госстраха тов.ПЕТРОВА А.П., ПАК был Дедюлей из-под ареста освобожден.

Аресту ПАКА предшествовали оскорбительные выпады Дедюли в отношении других лиц корейской национальности, присутств. на огороде вместе с Паком: Дедюля потребовал предъявления паспортов у 14-летнего сына Пака и у парикмахера КИМ-У-БОМ. Когда последний предъявил паспорт, а у сына Пака такового не оказалось, как у несовершеннолетнего, Дедюля начал кричать, что может быть они шпионы, КИМ-У-БОМА арестовал и направил в штаб части с двумя мл. командирами. Находящихся в огороде корейнок: жену предсельсовета Пак, жену Моисея Когай, производивших посадку семян, Дедюля обозвал сволочами и приказал мл. командирам выгнать с огорода, оскорбив еще их нецензурными словами. После этого сам ПАК был арестован.

Под арестом ПАК находился в течение 1 часа. Все эти факты подтверждены свидетельскими показаниями и признанием самого Дедюли.

2. ЗАГОРОДСКИЙ, пом.нач-ка 47 участка, УНР 112, ТОФ и нач.участка МЕДВЕДЕВ (Сучанский УР).

17 марта с.г. приказали рабочим участка в количестве 10 чел. (Солодчук, Кунаев, Копцов, Ермаков, Гришин, Зайченко, Сафонов и др.) ехать за сеном на 10-ти подводах к станции Лацис и набрать сена. Рабочие набрали 7 возов сена, принадлежащего колхозу «Большевик» села Синхиндон. На месте преступления их застал бригадир колхоза НАМ-МАН-БОН, который указал, что сено это принадлежит колхозу и предложил его возратить, сложив с возов. Рабочие выругали Нам-Ман-Бона нецензурными словами, сена не сбросили и поехали в село

Екатериновку. На пути подвод Нам-Ман-Бон, следуя за ними, встретил нач-ка участка МЕДВЕДЕВА и предупредил его о похищении рабочими сена, прося возвратить его. МЕДВЕДЕВ приказал рабочим сено везти в Екатериновку и никому не подчиняться. В селе Голубовке, когда колхозники вместе с секретарем сельсовета ЭМ Николаем пытались остановить подводы с сеном, подверглись нападению со стороны рабочих, в результате чего были избиты: ЭМ, бригадир Нам-Ман-Бон и конюх кохозаим.Ленина Нам-Сан-Нен.

Инициаторы избияния – рабочие Солодчук и Бунаев арестованы милицией и преданы суду по ст.165, ч.8 УК.

16/IVс.г. №5005 мы информировали Командование ТОФ о происшедшем случае, считая необходимым привлечь МЕДВЕДЕВА к ответственности. Результаты неизвестны.

3. Группа младших специалистов и ср.командиров Сучанского Укрепрайона.

6 июня с.г. 9-ть чел. мл.специалистов, перепившись пьяными, хулиганили на глазах местного населения села Вл.-Александровки. В тот же день 4 средних командира, двое из них коммунисты ЛУЧКОВ и ПОПОВ, целые сутки пьянствовали в одном из притонов с женщинами, а затем пьяными спали в корейской фанзе. На партсобрание, состоявшееся 6 июня, Лучков и Попов не явились.

4. КОБЕЦ, краснофлотец зенитного дивизиона, Владивосток. УР, ТОФ.

В январе мес. около ст.СмоляниновоШкотовского района произвел ограбление совместно с гражданскими лицами фанзы корейцев, отобрав 47 рублей денег и бутылку водки. Осужден военным трибуналом ТОФ на 4 года.

5. ЛИСИЦЫН Герман Дмитр., мл.командир 44 стр.батальона, Владивост. УР., ТОФ, канд. чл. ВКП(б).

1 мая с.г., во дворе своей квартиры открыл бесцельную стрельбу и одним из выстрелов убил наповал жену квартирохозяина гр-ку ЛЕБЕДЕВУ, находившуюся в уборной. Материал передан Воен.Прокуратуре ТОФ.

6. ЛИСИЦЫН, б/п. воен.техник 2 ранга, 112 авиаэскадрилии 28 бригады (Воздвиженка).

8 мая с.г. пьянствуя с гражданскими лицами, затеял драку. Видя неудачу в драке, пригласил 5 чел. командиров на помощь, находившихся в пьяном состоянии, и избили вместе одного гражданина до потери им сознания.

Зам. нач. обл. УНКВД

16.07.1936

Кондратьев

ПРИМЕЧАНИЯ (Endnotes)

¹ 8 ноября 1937 г. создано 3-е Военно-морское училище (3-е ВМУ), 5 мая 1939 г. – переименовано в Тихоокеанское военно-морское училище (ТОВМУ), в 1940 г. – переименовано в Тихоокеанское высшее военно-морское училище (ТОВВМУ), 21 апреля 1954 г. – присвоено имя русского флотоводца С.О.Макарова, 29 августа 1998 г. – переименовано в Тихоокеанский военно-морской институт им. С.О.Макарова.

² 16 октября 1934 г. Н.В.Гизатулин сдал должность и убыл в распоряжение отдела кадров ГУГБ НКВД СССР. В ноябре 1934 г. на должность заместителя начальника ОО МСДВ был назначен И.Г.Кротов.

³ **ПОПОВ Леонид Васильевич** (1903–?). Лейтенант госбезопасности. Работал оперуполномоченным в Амурском областном Управлении НКВД. 1934 – начальник 1-го отделения, начальник оперативного отделения ОО МСДВ. С 1937 г. – начальник ИНО ПОУ НКВД. Арестован в 1938 г. В 1939 г. после военного трибунала войск НКВД Хабаровского округа вернул дело на доследование.

⁴ В частности, таким образом, в ОО МСДВ были приняты В.П. Андреев, М.В. Вяткин, Н.З. Иванов, А.И. Лукин, С.А. Покрыщенко, Г.И. Пономаренко, Н.С. Тюкавин и др.

⁵ В 1935 г. приказом наркома НКВД СССР в целях подготовки оперативного состава территориальных органов госбезопасности было образовано десять межкраевых школ ГУГБ НКВД, в том числе в Новосибирске. К 1941 г. в Новосибирске прошли подготовку более полутора тысяч оперативных работников. Во время войны подготовку контрразведчиков в Новосибирске осуществляли оперчекистские курсы особых отделов НКВД СССР. В 1943 г. на их базе была организована школа Главного управления контрразведки «СМЕРШ» НКО СССР. После 1945 г. первоначально осуществлялась переподготовка тех сотрудников, кто приобретал опыт оперативной работы в боевых условиях и не смог своевременно получить специальное образование, но уже скоро школа приступила к подготовке специалистов для военной контрразведки. В декабре 1952 г. произошла реорганизация со сменой наименования: средняя специальная школа № 311 МГБ СССР. Срок обучения был определен два года, в течение которого наряду с чекистской подготовкой предполагалось и освоение программы среднего юридического образования. В 1974 г. школа преобразована в Высшие курсы военной контрразведки КГБ при Совете Министров СССР. Курсы предписывалось комплектовать офицерами, имеющими высшее образование, и теперь они стали именоваться слушателями. В 1985 г. за успехи в деле подготовки высококвалифицированных кадров курсы были награждены орденом Красной Звезды с вручением Боевого Знамени. В 1995 г. Высшие курсы были преобразованы в Институт переподготовки и повышения квалификации сотрудников ФСБ России, получившего статус государственного военного образовательного учреждения высшего профессионального образования, а в 2007 г. он был переименован в Институт ФСБ России (г. Новосибирск).

⁶ В конце 1937 г. были произведены аресты ряда работников ОО ТОФ, в связи с чем многочисленные кадровые перемещения. 2 ноября врио заместителя начальника ОО ТОФ был назначен младший лейтенант Г.П. Н. Сквозников, 29 ноября младший лейтенант Г.Н.И.Смирнов был назначен вр.и.д. начальника 5-го отделения, оперуполномоченный 8-го отделения сержант Г.Б.И.А. Морозов – на должность начальника особого отделения Совгаванского УР. Архивных данных об этом периоде крайне мало, но, тем не менее, удалось установить, что в 1937 г. в ОО ТОФ проходили службу: помощник начальника отделения сержант Г.Б.Н.М. Болсунов, помощник начальника 2-го отделения ОО ТОФ младший лейтенант Г.Б.Н.И. Смирнов, помощник начальника 3-го отделения младший лейтенант Г.Б.А.Н. Ковригин; оперуполномоченные – лейтенант Г.Б.П.Л. Алферов, младший лейтенант Г.Б.В.Н. Акатьев, младший лейтенант Г.Б.А.З. Васильев, младший лейтенант Г.Б.А.Ф. Гамиловский, сержант Г.Б.А.В. Евлахов, младший лейтенант Г.Б.И.Н. Потеряйко, сержант Г.Б.А.Я.Л. иппис, сержант Г.Б.Н.Г. Мезино, сержант Г.Б.Т.М. Репин, М.А. Каменский, Р.Я. Омес, Н.И. Шамрай, Т.А. Фаерман, Яковлев; помощники оперуполномоченного – сержант Г.Б.Барашков, Головлев, сержант Г.Б.Елисеев, М.А.Каменский, А.И.Лукин, Чувашев.

⁷ Впоследствии эта программа дополнялась и уточнялась на основании доклада К. Е. Ворошилова «План строительства боевых кораблей МС РККА» (сентябрь 1937 г.), «10-летнего плана строительства кораблей РК ВМФ», утвержденного Комитетом обороны 14 июня 1939 г., «Плана строительства кораблей ВМФ на 1940-1942 гг.» (лето 1940 г.).

⁸ Главная операционная база во Владивостоке должна была обеспечить базирование в б.Золотой Рог 2 КР, 12 лидеров и ЭМ, 4 авиатранспортов, 6 СКР, 26 ПЛ, 4 МЗ с обеспечением ремонта всех видов; в б.Новик – базирование вспомогательных судов, в б.Улисс–28 ПЛ и 40 ТКА, в б.Воевода–12 ТКА, в б.Разбойник–12 ТКА, в б.Находка–36 ПЛ и 18 ТКА.В Советской Гавани была запланирована база для 2 КР, 6 лидеров и ЭМ, 5 СКР, 2 МЗ, 34 ПЛ, 12 ТКА с обеспечением аварийного и текущего ремонта. В заливе Владимира по планам военного времени должно было базироваться до 60 кораблей различных классов, для чего планировалось построить базу для 2 СКР, 2 МЗ, 18 ПЛ, 12 ТКА с обеспечением текущего ремонта. Маневренные базы в Де-Кастри, Николаевске-на-Амуре и Петропавловске-Камчатском по планам мирного времени должны были иметь ограниченное число постоянно приписанных кораблей и обеспечить

передислокацию сил из операционных баз и прием мобилизационных ресурсов от гражданских ведомств. Для этого предусматривалось построить в заливе Де-Кастри базу для 3 СКР, 2 МЗ, 7 ПЛ, 12 ТКА с обеспечением текущего ремонта. В Николаевске-на-Амуре - базу для 3 мониторов, 3 СКР, 1 МЗ, 4 КЛ, 6 ПЛ, 12 ТКА с обеспечением текущего ремонта. В Петропавловске-Камчатском - базу для 4 ПЛ и вспомогательных судов.

⁹ Особое отделение Владимиро-Ольгинского УР (создано 1.09.1938, с 1.12.1940 – Владимиро-Ольгинской ВМБ), Шкотовского УР (деревня Крым, создано 05.1937, с 1.02.1940 – Шкотовского СБО), Владивостокского УР (о. Русский, создан 10.12.1936, 1.08.1940-12.1940 – Владивостокского СБО), Сучанского УР (г. Находка, существовало в период 04.1937–12.1938, затем с 15.09.1940 по 04.1941 – Сучанского СБО), Хасанского Укрепсектора и СБО (04.1940–04.1941), Артемовского укрепсектора и СБО, СТОФ (Совгавань, 1.06.1940–1.05.1941), Совгаванского УР (06.1940–07.1940), Камчатского УР СТОФ (создано 1.11.1939), Петропавловск-Камчатской ВМБ (создано 1.1.1941) Николаевска-на-Амуре ВМБ СТОФ (создано 17.08.1940), Стройкорпуса (Владивосток, создано 10.02.1939), 42-й авиабригады (село Угловое, существовало с 22.08.1936 по 1.10.1938), Нагаевского СБО (создано 1.10.1940), 29-й авиабригады ВВС (село Романовка, 1939), 10-й дивизии ПВО (03.1939–1.11.1940), 7-й авиабригады (1.02.1939–01.05.1941), Комсомольска-на-Амуре ВМБ (создано 10.02.1941), Де-Кастри ВМБ (1.10.1940), 4-й стройбригады (Владивосток, 1938–01.1939) и др.

¹⁰ **ВЕРНЕР Ф.Ф.** В 1938 г. начальник 11-го отделения ОО ТОФ.

¹¹ **КАРАНТ Евгений Григорьевич** (1904–?). Еврей. В органах ОГПУ-НКВД с 1930 г. 1915–1917 – проходил обучение в частном училище, в гимназии в Петрограде. 1920–1927 – учился в вечернем рабочем техникуме. 1921 – ученик слесаря Южно-Русского машиностроительного завода в Киеве, подручный слесаря Юго-Западной железной дороги. 1925–1928 – кабельщик Киевского государственного кабельного завода. 1929 – младший контролер завода «Электроприбор», кабельщик завода «Севкабель» в Ленинграде. 1930 – помощник уполномоченного СО ПП ОГПУ по ДВК, уполномоченный ЭКО Камчатского окружного отдела ОГПУ. С 1931 г. – уполномоченный ЭКО Владивостокского оперсектора ОГПУ. 1933 г. – оперуполномоченный ОО МСДВ. 1934 г. – уполномоченный ИНО ПОУ НКВД. 1935 г. – врио начальника спецгруппы. 1936–1937 – начальник оперативного отделения ПОУ НКВД. Младший лейтенант ГБ. В 1937 г. арестован. 16.11.1937 г. – уволен со службы с исключением с учета.

¹² Стиль, сокращения и орфография оригинала.

¹³ **«КРАБОТРЕСТ»** — Дальневосточный трест плавучих консервных заводов. Образован в октябре 1930 г. на основании приказа Уполномоченного правления Союзрыбы по ДВК для добычи крабов в водах Дальнего Востока, а также для производства и сбыта крабовых консервов на базе объединения краболовов «Дальгосрыбтреста» и Акционерного Камчатского общества (АКО). В состав треста вошли краболовы, выделенные из Дальгосрыбтреста и акционерного Камчатского общества. Первое судно для добычи крабов было закуплено в Японии, там же переоборудовано и получило название «Первый краболов». Второе судно закуплено в США и получило название «Камчатка». «Кработрест» располагался на о. Русский. В 1931 г. в «Кработресте» было 9 краболовов. В первые годы проведена большая работа по обучению рыбаков крабовому промыслу, что позволило отказаться от использования японских членов команд. в 1932 г. прибыл новый краболов «Всеволод Сибирцев». С 1930 г. продукция плавзаводов стала поступать на внутренний рынок. Постановлением СНК СССР от 22 февраля 1937 г. «Кработрест» был объединен с Дальморзверопромом и переименован в «Крабоморзвертрест» (трест по добыче краба и морского зверя). В состав нового треста вошла первая советская китобойная флотилия «Алеут». 26 июня 1941 года краболов «Второй снабженец» погиб в результате навигационной аварии в проливе Лаперуза (посадка на рифы скалы Камень Опасности). В июле 1941 г. краболов «Тунгус» подорвался на советской mine и затонул в районе м. Поворотный, погибло 22 члена команды. «Крабоморзвертрест» был реорганизован в январе 1947 г. в соответствии с постановлением СМ СССР от 8 мая 1946 г. № 1006 и на основании приказа Министерства рыбной промышленности восточных районов СССР от 7 декабря 1946 г. № 181; из состава треста выделена первая советская китобойная флотилия, трест вновь переименован в трест крабоконсервных плавучих заводов «Кработрест». Постановлением СМ РСФСР от 19 октября 1959 г. № 1700 трест крабоконсервных плавучих заводов «Кработрест» переименован в управление краболовных флотилий и плавучих консервных заводов «Крабофлот». В апреле 1970 г. совместным постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 13 октября 1969 г. № 822 Управление краболовных флотилий и плавучих консервных заводов, управление китобойных флотилий и «Дальморепродукт» были реорганизованы и на их базе создано производственное объединение «Дальморепродукт», флотилии и плавбазы перешли в ведение вновь созданного объединения. С момента организации по апрель 1970 г. «Крабофлот» находился в системе Приморрыбпрома.

¹⁴ Трест «Дальморзверопром» организован в 1931 г., путем выделения зверобойного хозяйства из рыбных предприятий, входящих в систему «Востоксоюзрыба», на основании приказа Наркомснаба СССР от 12 сентября 1931 г. № 710. Трест ликвидирован в 1937 г. в соответствии с приказом Наркомпищепрома СССР от 14 марта 1937 г. № 441.

¹⁵ **Дальневосточный государственный траловый трест** организован 13 февраля 1932 г. на основании приказа Всесоюзного объединения рыбной промышленности ДВК «Востоксоюзрыба» от 1 февраля 1932 г. № 14 путем выделения тралового хозяйства, находящегося до этого времени в системе Дальгосрыбтреста и акционерного Камчатского общества (АКО). Трест ликвидирован в 1935 году в соответствии с приказами Востокрыбы от 26 августа 1934 г. № 203и Рыбного управления Дальневосточного края от 31 мая 1935 г. № 123.

¹⁶ 14 января 1932 г. решением СТО СССР был сформирован Особый корпус железнодорожных войск РККА, который предназначался для выполнения крупных строительных работ на железнодорожном транспорте. В Положении о корпусе указывалось, что его части входили в состав РККА, но работы по строительству и эксплуатации железных дорог выполнялись по заданию НКПС. В составе корпуса было 5 железнодорожных бригад, включавших в себя 14 строительных и 9 эксплуатационных полков и 3 батальона механизации железнодорожных работ. На момент создания корпуса каждая бригада состояла из строительных полков и батальонов механизации железнодорожных работ, но в 1937 г. строительные полки были переформированы в строительно-путевые и мостовые батальоны. В 1934 г. корпус в полном составе был передислоцирован на Дальний Восток, где ему была поставлена задача принять от треста «Дальстройпуть» и продолжать на правах самостоятельной строительной организации строительство новых железнодорожных линий Кангауз – Сучан и Смоляниново – Дунай; приступить к развитию Владивостокского железнодорожного узла с постройкой тоннеля; приступить к реконструкции линии Угольная – Кангауз и к строительству новой линии от Сучана до Находки. В последующие годы на корпус были возложены: в 1935 г. – реконструкция железнодорожной линии Манзовка – Камень-Рыболов – Платоновка и строительство нового, конечного участка этой линии от Платоновки до Турьего Рога, а в 1936 г. – строительство новых линий Манзовка – Варфоломеевка и Сучан – Сергеевка. В 1932–1937 гг. корпусом командовал комкор Я.А.Лацис (в 1937 г. умер от разрыва сердца). В 1937 году на командный состав корпуса, его частей и соединений обрушились репрессии. Положение с командным составом стабилизировалось только в 1939 г., в том же году корпус возглавил комбриг Н.А.Просвилов. В 1940 г. основные объекты строительства были сданы в постоянную эксплуатацию, в т.ч. линии Смоляниново – Дунай и Угольная – Кангауз, завершены реконструкция Владивостокского узла и строительство многоэтажных жилых зданий во Владивостоке. Решая задачи по совершенствованию железнодорожной сети Дальнего Востока, корпус много сделал для освоения и благоустройства края, формирования условий устойчивого роста его промышленности и населения, снижения военной угрозы со стороны Японии.

¹⁷ **«Дальуголь»** 1 октября 1925 г. был создан трест «Примуголь», в который вошли Сучанские, Артемовские, Тавричанские и Липовецкие копи. 1 октября 1927 г. «Примуголь» был переименован в государственный каменноугольный трест «Дальуголь», который объединил всю угольную промышленность Дальнего Востока. В 1929 г. «Дальуголь» стал трестом союзного значения. В 1932 г., в связи с реформированием ВСНХ, угольная промышленность ДВК была поделена между двумя трестами – «Дальтрансуголь» НКПС и «Дальуголь» Наркомтяжпрома, но уже в 1933 г. они были объединены в трест «Дальтрансуголь» НКПС, который в 1937–1938 г. был преобразован в угольный комбинат «Дальуголь» Наркомтяжпрома. В 1939 г. вновь преобразован в комбинат «Дальуголь», в состав которого вошли Сучанский, Артемовский, Райчихинский тресты, завод «Металлист» и «Сахалинуголь».

¹⁸ Уполномоченный оперпункта Первая Речка.

¹⁹ **БАРМИНСКИЙ Сергей Арсентьевич** (1900–1938). Из семьи сельского священника. В 1914 г. окончил Арзамасское духовное училище и 1-й класс Нижегородской духовной семинарии. Служба в органах госбезопасности: 1919–1923 гг. – уполномоченный Московской губернской ЧК; уполномоченный, начальник Военного отделения, заместитель председателя Одесской губернской ЧК, 1923–1931 гг. – помощник начальника ОО, секретарь, начальник Административного, КРО Одесского губернского отдела ГПУ; начальник ОО ВЧК румынской границы; заместитель начальника КРО ГПУ при СНК Украинской ССР (г. Харьков); заместитель начальника Киевского областного отдела ГПУ; 1931–1937 гг. – заместитель ПП ОГПУ по ДВК – заместитель начальника УНКВД по ДВК, 1933 г. – врио начальника Приморского областного отдела ОГПУ, 1934–1937 гг. – начальник ОО ОГПУ – ОО ГУГБ НКВД ОКДВА и 5-го отдела УГБ УНКВД по ДВК. 9.08.1937 г. – арестован, 3.02.1938 г. – приговорен в особом порядке к ВМН, 10.02.1938 г. – расстрелян вместе с женой. Старший майор ГБ (1936), комиссар ГБ 3 ранга. Почетный работник ВЧК–ГПУ.

²⁰ **КРУТОВ Григорий Максимович** (1894–1938). 1929–1930 гг. – председатель исполнительного комитета Владивостокского окружного совета. 1933–1937 гг. – председатель исполнительного комитета Дальневосточного краевого Совета рабочих и крестьянских депутатов. 4.06.1937 г. – арестован, в 26.05.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН, в тот же день расстрелян в Хабаровске. 20.10.1956 г. – реабилитирован.

- П Р И К А З -

ОБЪЕДИНЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
за 1932 год.-

№ 721/с. С о д е р ж а н и е :
О переименовании Особого Отделения Морских сил Даль-
него Востока - в Особый Отдел.

№ 721/с " 28 / 31 июля 1932 г. гор. М о с к в а .

С сего числа переименовать Особое Отделение Мор-
ских сил Дальнего Востока - в Особый Отдел Военно-Мор-
ских сил Дальнего Востока.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОГПУ -

(Подпись)
АКУЛОВ

731

П Р И К А З Ы ОБЪЕДИНЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ЗА 1932 ГОД

С О Д Е Р Ж А Н И Е :

№ 721/с. О переименовании Особого Отделения Морских сил Дальнего Востока в Особый Отдел.

№ 721/с. 31-го июля 1932 г., гор. Москва.

С сего числа переименовать Особое Отделение Морских сил Дальнего
Востока - в Особый Отдел Военно-Морских сил Дальнего Востока.

Зам. Председателя ОГПУ И. АКУЛОВ.

(По Отделу Кадров ОГПУ).

1.3. Близниченко С.С., Буяков А.М., Полутов А.В.

Репрессии на Тихоокеанском флоте (1937-1938 гг.)

Репрессии 1937-1938 гг. затронули всю страну, а в Приморской области и на ТОФ они приняли наибольший размах после того, как 29 августа 1937 г. во Владивосток прибыл новый начальник ПОУ НКВД капитан госбезопасности М.И. Диментман, назначенный на эту должность вместо арестованного в Хабаровске своего предшественника Я.С. Визеля¹. Вместе с М.И. Диментманом приехали старший лейтенант погранвойск И.А. Лиходзеевский и сержант ГБ У.П. Заброцкий. Перед отъездом из Хабаровска все трое получили указание начальника управления НКВД по ДВК комиссара государственной безопасности 3 ранга Г.С. Люшкова² – произвести аресты троцкистских заговорщиков и японских шпионов, вредителей, диверсантов и прочего социально опасного элемента. Кроме того, им была дана установка прежде всего произвести аресты среди сотрудников ПОУ НКВД.

Вот что показал на следствии арестованный 25 июля 1938 г. М.И. Диментман: «Направляя в Приморье в качестве начальника управления, Люшков, инструктируя меня, остановился на двух основных моментах: первое, что следствием (показания Визеля и других работников НКВД) точно установлено, что Приморское областное управление засорено врагами, что Визель, выполняя указания дальневосточного право-троцкистского центра, направлял работу НКВД для сохранения заговорщицких кадров. Здесь же мне был дан список работников НКВД, по показаниям Визеля, являвшихся заговорщиками. Для убедительности мне было показано собственноручное заявление Визеля... Из числа этих лиц Люшков приказал по приезду во Владивосток немедленно арестовать половину и направить отдельным вагоном в Хабаровск, в отношении же остальных было предложено проверить их практическую работу. Материалы проверки направить ему, после чего он даст дополнительные указания».

Уже в ночь с 30 на 31 августа были арестованы заместитель начальника ПОУ НКВД Н.В. Кондратьев, секретарь Визеля М.Н. Юнуцевич, помощник начальника ОО УГБ по ТОФ Б.Я. Новицкий, начальник VI отдела и ОО ОКЖДВ секретарь парторганизации ОО УГБ по ТОФ В.Я. Шурупов и его жена, начальник ОО авиабригады А.Ф. Бобров³, на которых в Хабаровске уже были заранее собраны «компрометирующие» материалы.

После арестов М.И. Диментман никого к себе из начальников отделений не вызывал, а все указания давал через оперативного секретаря И.А. Лиходзеевского, который по распоряжению нового начальника ПОУ НКВД незамедлительно организовал отправку первой партии арестованных чекистов в Хабаровск, где в феврале 1938 г. они были расстреляны. Всех арестованных обвинили в том, что они якобы являлись активными участниками «право-троцкистской организации», действовавшей в областном и краевом управлениях НКВД, и, используя служебное положение, прикрывали право-троцкистские и белогвардейские кадры, в том числе и среди самих чекистов, занимались диверсионно-террористической деятельностью, сотрудничали с японской разведкой и готовились создать на Дальнем Востоке государство под протекторатом Японии. В ходе допросов от них были получены «признательные» показания.

По-разному реагировали чекисты на аресты в своей среде. Большинство недоумевали, находясь в растерянности и тревоге. Появились и такие, кто, опасаясь разделить

судьбу своих недавних сослуживцев, «разоблаченных» и арестованных как «враги народа», стали писать доносы друг на друга в партком и руководству управления. 1 сентября 1939 г. бывший сотрудник ПОУ НКВД Н.М. Мочалов на очной ставке с И.А. Лиходзеевским показал: «Диментман и Лиходзеевский толкнули аппарат на применение незаконных методов следствия – это избивание сотрудников не физически, а морально и насаждение в них недоверия друг к другу. Диментман и Лиходзеевский добились такого положения, когда сотрудники стали бояться друг друга и перестали даже разговаривать. Это было достигнуто путем заставления писать каждым друг о друге, что ему известно. Такая писанина друг на друга при одновременном сопровождении арестов сотрудников привела к панике... В управлении работники не так боялись Диментмана, как боялись Лиходзеевского... Помню такой факт. Лиходзеевский вызвал меня к себе в кабинет и заявил: «Ты должен написать заявление или рапорт об известных тебе врагах из числа работников управления. Ты понимаешь, что если не будешь писать, то значит не хочешь бороться с врагами». Точно такой же разговор он проводил с каждым вызываемым к себе сотрудником».

К концу 1937 г. волна арестов несколько спала. Тем не менее, в это время было арестовано более двадцати чекистов, к которым с особой жестокостью применяли активные физические меры воздействия, так как следователи считали их изменниками и предателями и выбивали из них «изобличающие» показания о причастности к правотроцкистской организации. Приговоры над бывшими сотрудниками приводили в исполнение в одном из специально подготовленных для расстрелов помещений гаража во внутреннем дворе здания ПОУ НКВД⁴. При исполнении приговоров присутствовали М.И. Диментман и И.А. Лиходзеевский.

Для работников НКВД был установлен упрощенный механизм осуждения, получивший название «особого порядка». Списки на них подавались на подпись Сталину отдельно, и после их утверждения дела бывших сотрудников НКВД уже не рассматривались ВК ВС СССР и значившихся в списках людей просто расстреливали. 3 февраля 1938 г. на утверждение Сталину был представлен список на 127 бывших сотрудников НКВД по Дальневосточному краю, подписанный начальником 8-го отдела ГУГБ НКВД старшим майором ГБ Цесарским⁵. В ночь с 12 на 13 февраля 1938 г. была расстреляна группа из одиннадцати бывших чекистов, в том числе И.М. Афанасьев⁶, начальники отделений ОО ТОФ К.К. Усик, А.М. Чепкой и Ф.Л. Маринчук, помощник начальника отделения ОО ТОФ Н.Н. Югай, оперуполномоченные ОО ТОФ Л.П. Енданов (Мао Шао Чен), А.А. Морозов, П.П. Шарыгин, Е.Я. Штамм, оперуполномоченные ПОУ НКВД Л.Ф. Свинына и М.А. Краузе. Все они были казнены без суда на основании лишь телеграфного распоряжения наркома внутренних дел генерального комиссара государственной безопасности Н.И. Ежова № 268 от 2 февраля 1938 г., продублированного распоряжением начальника УНКВД по ДВК Г.С. Люшкова № 1824 от 10 февраля 1938 г. В этом же месяце в Хабаровске по постановлению выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР во главе с заместителем председателя ВК ВС СССР диввоенюристом И.Т. Никитченко на основании сфальсифицированных обвинений было расстреляно 39 чекистов.

Следователи получили указание от начальника УНКВД по ДВК завершить все следственные дела на арестованных в марте – мае чекистов к 15 мая 1938 г., но в отпущенный срок не укладывались и торопились получить признания от обвиняемых,

добиваясь от них показаний об участии в заговоре других своих сослуживцев. Спешка была обусловлена тем, что И.А. Лиходзеевский составлял новый «альбом» справок на арест сотрудников госбезопасности для представления первому заместителю наркома НКВД и начальнику ГУГБ командарму 1 ранга М.П. Фриновскому. Другими словами, готовилась новая операция по сотрудникам ПОУ НКВД, в ходе которой планировалось арестовать 25 человек. В конце июня три справки на сотрудников управления из «альбома», в том числе на Н.М. Мочалова, были отосланы в Хабаровск для получения санкции на аресты.

В июле 1938 г. на Дальний Восток прибыл с бригадой М.П. Фриновский для «решительной борьбы с контрреволюционным, социально-чуждым элементом в органах НКВД ДВК». Так начался новый виток репрессий. 23 июля на оперативном совещании сотрудников УГБ и УРКМ ПОУ во Владивостоке М.П. Фриновский выразил резкое недовольство работой ПОУ НКВД по вскрытию агентуры иностранных разведок в Приморской области и разоблачению троцкистских центров, особо подчеркнув при этом, что «товарищ Сталин не знает, чей Владивосток: советский или нет». Далее он заявил: «Прежде всего ищите заговорщиков среди самих себя».

На этом совещании был отстранен от руководства ПОУ НКВД, а затем арестован М.И. Диментман за недостаточную борьбу с «врагами народа», которому после ареста предъявили обвинение в участии в антисоветском заговоре, подрывной и шпионской работе в органах НКВД и в незаконных методах ведения следствия. В ходе следствия М.И. Диментман свою принадлежность к антисоветской организации отрицал, но в то же время признал себя виновным в проведении массовых необоснованных арестов граждан и фальсификации следственных дел.

Сразу же после ареста М.И. Диментмана последовали аресты сотрудников УГБ ПОУ НКВД. 25 июля был арестован И.А. Лиходзеевский как участник контрреволюционного заговора в ПОУ НКВД, «ставившего своей целью предательство в оперативной работе и шпионаж в пользу одного из иностранных государств». Кроме того, ему в вину были поставлены избивание чекистских и партийно-советских кадров, фальсификация следственных дел и незаконные методы ведения следствия. И.А. Лиходзеевского этапировали в Хабаровск, где на допросах к нему применяли те же средства и методы физического воздействия, которые он сам использовал для выбивания показаний. Надо отметить, что после ареста И.А. Лиходзеевского большинство сотрудников ПОУ НКВД вздохнули с большим облегчением. Новым начальником ПОУ НКВД был назначен майор госбезопасности В.Ф. Дементьев⁷, который стал проводить работу по вскрытию заговора в областных органах НКВД. Репрессии обрушились на тех, кто сам принимал активное участие в их проведении, не обойдя и самого Дементьева, который вскоре также был арестован как заговорщик.

17 ноября 1938 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли закрытое постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которое запрещало органам НКВД и прокуратуры производить какие-либо массовые операции по арестам и выселению граждан. После прихода к руководству НКВД СССР Л.П. Берия была создана видимость соблюдения законности в стране. Начался процесс пересмотра ряда сфальсифицированных дел. В 1939 г. были освобождены за отсутствием состава преступления М.П. Альтшуллер⁸, Г.Я. Возняковский⁹, оперуполномоченный СПО И.Н. Климов, помощник начальника ЭКО Н.В. Колабанов, начальник ИНО ПОУ НКВД Л.В. Попов и др.

Если взять среднесписочную численность аппарата УГБ ПОУ НКВД и подведомственных ему городских и районных отделов, а также входящих в его оперативное подчинение ОО армии и флота по состоянию на 1 января 1938 г., то выясняется, что в 1937–1939 гг. было репрессировано свыше 66% руководящего и оперативного состава. С другой стороны, есть данные о том, что каждый второй сотрудник использовал незаконные методы ведения следствия и фальсифицировал следственные дела, за что было уволено из органов НКВД 35 чел. В целом за годы репрессий УГБ ПОУ НКВД потеряло почти половину своего оперативного состава.

Одновременно с репрессиями в отношении сотрудников ПОУ НКВД и ОО ТОФ начались аресты и расстрелы командного состава ТОФ. Следует оговориться, что приказом ОГПУ №1177 от 3 июня 1934 г. регламентировалась деятельность Особых отделов в отношении военнослужащих. Всем оперативным сотрудникам ОО впредь категорически было запрещено вызывать и допрашивать командный и рядовой состав РККФ без ведома и согласия комиссара части. Вызовы военнослужащих в ОО допускались только для допроса в качестве обвиняемых, свидетелей и экспертов по специальным и техническим вопросам. В случаях несогласия комиссара необходимо было ставить в известность руководство Особого отдела, а то, в свою очередь, должно было договариваться с вышестоящим военным командованием. Аресты военнослужащих допускались только с предварительной санкции ПОО ОГПУ. В случаях, не терпящих отлагательства, аресты командного и рядового состава производились без предварительной санкции руководства под личную ответственность начальника периферийного органа, который должен был немедленно доложить об аресте начальнику ОО МСДВ.

Но к началу 1937 г. ситуация в корне изменилась. Дела против командного состава ТОФ заводились по прямому указанию начальников ПОУ УНКВД и ОО ГУГБ НКВД ТОФ М.И. Диментмана и В.Ф. Дементьева, которые действовали на основании оперативных¹⁰ и личных приказов наркома внутренних дел Н.И.Ежова и его заместителя М.П. Фриновского¹¹ об арестах командного состава флота. По неполным данным, в 1937 г. было арестовано свыше шестидесяти офицеров соединений ТОФ, которые затем были расстреляны или приговорены к различным срокам заключения¹².

О том, как допрашивали следователи в 1938 г., можно судить по обращению в Президиум Верховного суда СССР командира бригады ПЛ ТОФ капитана 2 ранга Г.Н. Холостякова, который писал: «Следователи Коцупало¹³ и Ковригин¹⁴ физическими и моральными «мерами» допросов – стойками, побоями и, наконец, с помощью механических наручников, которые заворачивались до нестерпимой боли... заставили меня написать им нужный на меня и на товарищей ложный материал. Общая обстановка во внутренней тюрьме Владивостокского облуправления НКВД была такой: через полы и стены были слышны жуткие вопли «допрашиваемых», а в камеры приводили избитых и опухших людей... Все мои доказательства о моей невиновности не выслушивались, и они, следователи, требовали подписать только один ответ – что я изменник Родины, шпион, диверсант, террорист и член военной фашистской организации на ТОФе».

Одним из самых масштабных по размаху фальсификаций стало дело об «антисоветском военном заговоре» на ТОФ, которое началось 7 августа 1937 г., когда был арестован и этапирован в Хабаровск начальник РО штаба ТОФ капитан 3 ранга С.В. Ребров¹⁵. Через месяц он, не выдержав допросов, стал давать показания о том, что в

ноябре 1936 г. был завербован начальником ПУ ОКДВА армейским комиссаром Л.Н. Аронштамом¹⁶ и начальником РО ОКДВА комбригом А.Ю. Валиным¹⁷, вовлечен в военно-фашистский заговор и проводил «шпионско-вредительскую работу» с целью передачи японской разведке сведений о ТОФ.

23 марта 1938 г. сотрудник РО ОКДВА И.Л. Добровольский¹⁸ на очной ставке с Тонэгава Сиро показал, что последний являлся резидентом японской разведки во Владивостоке, у которого на связи находился он сам, бывший начальник РО ОКДВА А.Ю. Валин, бывший помощник начальника РОФ ТОФ Л.Я. Бурлаков, переводчик РО ОКДВА Тен Хон Сек, сотрудник РО ТОФ В.Т. Бошко, переводчик японского языка РО ТОФ Хан, инструктор-радиотехник РО ТОФ Хан и начальник РО ТОФ С.В. Ребров. Тем самым следователи «прочно» увязали С.В.Реброва с японской разведкой.

Однако на очной ставке 24 марта 1938 г. с бывшим начальником РО АКВФ Ф.Ю. Кяртом¹⁹ он отказался от своего признания о шпионаже в пользу японской разведки и опроверг показания Ф.Ю. Кярта «о своей практической шпионской деятельности против СССР». Показания против С.В. Реброва самого Ф.Ю. Кярта не спасли, и он был расстрелян в тот же день через несколько часов после очной ставки. С.В. Ребров все отрицал и 26 марта 1938 г. на очной ставке с бывшим помощником начальника 1-го (агентурного) отделения РО штаба ОКДВА майором Ф.Е. Ильяшенко²⁰.

3 мая 1938 г. С.В. Ребров, не выдержав пыток и избиений, вновь дал на допросе «признательные» показания: «Я вижу, что мне не удастся скрыть от следствия свою принадлежность к иностранной разведке, в чём меня наглядно убедили проведенные очные ставки с Ильяшенко и Кяртом, поэтому я решил дать правдивые показания по предъявленному мне обвинению. С февраля 1935 года до дня моего ареста я действительно являлся участником военно-троцкистского заговора в РККА и агентом японской разведки. Обработал меня для вступления в заговор бывший начальник разведотдела Черноморского флота Господарик²¹, а привлечён я был к заговору и шпионской работе в пользу Японии активным заговорщиком в РККА и шпионом Боговым²², служившим в то время начальником 5-го отдела Разведывательного управления РККА... Боговой проводил подрывную работу в контакте с японской, германской и польской разведками, готовя свержение советской власти и реставрацию капитализма в СССР через поражение Красной Армии в предстоящей войне с перечисленными выше фашистскими державами».

С.В.Ребров сообщил следствию, что В.Г. Боговой дал ему задание связаться на Дальнем Востоке с «активными заговорщиками и японскими шпионами» начальником РО ОКДВА А.Ю. Валиным и начальником штаба ТОФ О.С. Солониковым²³, причем последний при личной встрече во Владивостоке сообщил о существовании на ТОФ военно-троцкистского заговора во главе с командующим флотом М.В. Викторовым²⁴ и его заместителями Г.С. Окуновым²⁵ и Г.П. Киреевым²⁶. По признанию С.В. Реброва, О.С. Солонников связал его с другими участниками заговора с офицерами штаба ТОФ Н.М. Орловым, П.П. Скобликовым и Е.А. Чернощеком, от которых он должен был получать «шпионские материалы и пересылать их японцам».

По замыслу следователей РО штаба ТОФ должен был играть роль связующего звена между участниками «военного заговора» и японской разведкой. Сломленный морально и физически, С.В. Ребров не переставал сыпать фамилиями офицеров, которые якобы состояли в контрреволюционной организации и являлись агентами япон-

ской разведки, в том числе комкор А.А. Стороженко²⁷, комдив Л.И. Никифоров²⁸, полковник Н.П. Милешкин²⁹, военный цензор РО Э.К. Эсбах, переводчик японского языка РО О.С. Засухин, инженер радиоузла РО Калинин, шифровальщик РО М.И. Левитин, начальник МПРП № 2 РО ТОФ на о. Сахалин старший лейтенант В.И. Иванников, бывший шифровальщик РО В.Т. Бошко, который «воспитывался в Токио в семье японского генерала», бывший помощник начальника РО Л.Я. Бурлаков, чья биография военного разведчика и почетного чекиста в наше время незаслуженно забыта.

«Заговор» приобрел еще более грандиозные масштабы, когда С.В. Ребров сообщил следствию, что в марте 1937 г. М.В. Викторов, Г.П. Киреев и Л.И. Никифоров по заданию начальника Морских сил РККА В.М. Орлова поручили ему связаться с японской разведкой в Китае, для чего «через заговорщика Урицкого³⁰, бывшего начальника РУ РККА, мне была устроена поездка в Шанхай». С.В. Ребров рассказал, что 12 мая 1937 г. он встретился с генеральным консулом Японии в Шанхае Окамото Суэмаса³¹, а 12-14 июня – с контр-адмиралом Хонда Тадао³², которому он гарантировал помощь в случае вооруженного конфликта между СССР и Японией. 23 мая 1937 г. С.В. Ребров вернулся во Владивосток и тайно доложил командующему ТОФ о встречах с японцами, но последний «выслушав меня, был очень озлоблен и недоволен результатами моей поездки».

Дело Реброва прямо или косвенно увязывалось с делами других арестованных представителей командования ТОФ и ВМФ СССР. Так, бывший начальник политуправления ТОФ Г.С. Окунев на одном из допросов показал: «Разведывательный отдел флота был очень засорен троцкистами и другими враждебными элементами. Следует сказать и о частых провалах нашей агентуры, которые были связаны с провокаторской деятельностью начальника разведотдела Реброва, непосредственного участника заговора. Полагаю также нужным заявить о японском шпионаже, проводившемся на Тихоокеанском флоте. В 1936 г. штабом ТОФа было разработано положение о режиме плавания для иностранных судов в заливе Петра Великого, которое было составлено Викторовым и Солонниковым заведомо неверно. В результате оно стало способствовать организации шпионского наблюдения японцев за нашим флотом».

Выше уже отмечалось, что следователям НКВД было отпущено время до 15 мая 1938 г., а они запаздывали с окончанием следствия. 26 мая 1938 г. состоялась очная ставка С.В. Реброва с арестованным 15 марта 1938 г. начальником 1-го отделения РО ТОФ майором Т.А. Шестаковым, который на ней признал себя завербованным еще в 1929 г. японским шпионом. В свою очередь, С.В. Ребров подтвердил, что он «действительно является агентом японской разведки и участником военно-фашистской диверсионно-террористической и шпионской организации троцкистов и правых в ОКДВА и на ТОФ». На следующий день по приговору выездной сессии ВК ВС СССР С.В. Ребров был расстрелян.

Но на этом репрессии в отношении РО штаба ТОФ не закончились. В апреле 1938 г. были арестованы и приговорены к расстрелу начальник РО капитан 3 ранга П.И. Католичук³³ и военный цензор Э.К. Марков-Эсбах, приговорены к различным срокам заключения начальники отделений РО Т.А. Шестаков и И.А. Брянцев, шифровальщик М.И. Левитин. Начальником РО штаба ТОФ был назначен полковник М.В. Ромченко³⁴, но и против него вместе с переводчиками РО Касорчуком, Агишевым, Шелковниковым и др. была начата оперативная разработка по подозрению в «троцкизме, вреди-

тельской деятельности, шпионаже в пользу Японии и тесных связях с арестованными японскими шпионами». Но до арестов дело не дошло. В результате репрессий 1937–1938 гг. РО штаба ТОФ потерял более 50% своего состава, что негативным образом сказалось на его деятельности во время Отечественной войны.

Осенью 1937 г. на ТОФ прибыла инспекция Главного политического управления РККА под руководством армейского комиссара 1 ранга П.А. Смирнова³⁵. Выводы инспекции, хорошо осведомленной о деле С.В. Реброва, дали новый толчок для репрессий, жертвами которых стали представители командования ТОФ. Так, в конце того же года были арестованы член Военного совета ТОФ армейский комиссар 2 ранга Г.С. Окунев, заместитель начальника политуправления ТОФ дивизионный комиссар М.В. Лавров³⁶ и военный комиссар Главного военного порта ТОФ бригадный комиссар Д.А. Сергеев³⁷. В декабре 1937 г. в Москву был вызван командующий ТОФ флагман флота 2 ранга Г.П. Киреев, которого в начале 1938 г. арестовали по обвинению в организации диверсионно-вражеской и шпионско-террористической деятельности на ТОФ и подготовке его поражения в войне с Японией.

В начале апреля 1938 г. на ТОФ вновь прибыл, но уже в качестве наркома ВМФ СССР, армейский комиссар 1 ранга П.А. Смирнов, который вместе с членом Военного совета ТОФ корпусным комиссаром Я.В. Волковым³⁸ и начальником ПОУ НКВД М.И. Диментманом продолжил политику «разоблачения врагов народа» в командном составе ТОФ. Адмирал Флота Советского Союза Н.Г. Кузнецов, занимавший в 1938–1939 гг. должность командующего ТОФ, в своих мемуарах писал: «Диментман доставал из папки лист бумаги, прочитывал фамилию, имя и отчество командира, называл его должность. Затем сообщалось, сколько имеется показаний на этого человека. Никто не задавал никаких вопросов. Ни деловой характеристикой, ни мнением командующего о названном человеке не интересовались. Если Диментман говорил, что есть четыре показания, Смирнов, долго не раздумывая, писал на листе: «Санкционирую». И тем самым судьба человека была уже решена. Это означало: человека можно арестовать. В то время я еще не имел оснований сомневаться, достаточно ли серьезны материалы НКВД. Имена, которые назывались, были мне знакомы, но близко узнать этих людей я еще не успел. Удивляла, беспокоила только легкость, с которой давалась санкция». Перед отъездом П.А. Смирнова в Москве был арестован М.В. Викторov, признавший-ся на допросах, что он якобы был завербован в 1933 г. Гамарником³⁹ и должен был заниматься подрывной работой для «приведения флота в небоеспособное состояние и лишения его возможности активных действий во время войны». В своих показаниях М.В. Викторov упоминал многих представителей командования ВМФ и ТОФ, что дало повод для их ареста. В середине 1938 г. арестовали самого Смирнова, который на допросах подтвердил свое участие в «заговоре» и был расстрелян, а наркомом ВМФ был назначен М.П. Фриновский.

14 июня 1938 г. начальник УНКВД по ДВК старший майор Г.Б. Г. Горбач шифротелеграммой сообщил в НКВД-центр: «На 13 июня всего по делу военно-троцкистской организации ОКДВА и ТОФ проходят 472 участника, из которых арестовано военнослужащих 169, в том числе сознались 116, дополнительно арестовываем, согласно полученной санкции и по согласованию на месте, 70 человек. Ожидаем санкцию на арест 117. Разыскиваем 27, уточняем показания на 89 человек». Как уже упоминалось выше, в июле 1938 г. М.П. Фриновский прибыл на Дальний Восток. Уже 27 июля

1938 г. он доложил из Владивостока в Москву о том, что удалось выявить и обезвредить 68 агентов иностранных разведок из числа командного состава ТОФ. Ранее, 6 июля, М.П. Фриновский своей директивой распорядился в течение семи дней произвести подготовку к проведению массовых оперативных мероприятий по изъятию противников советской власти, в том числе немцев, поляков, корейцев, финнов, эстонцев и т.д. В частности, по его прямому указанию было арестовано пятеро флотских командиров, имевших польское происхождение или фамилии.

Надо отметить, что среди командного и начальствующего состава ТОФ были выявлены все, кто имел хотя бы отдаленное отношение к Польше, Японии и Маньчжурии. Так, начальника отдела редакции флотской газеты «На боевой вахте» Квятковско-го обвинили в том, что «он скрывает свою польскую принадлежность». Было заведено дело на заместителя военного прокурора ТОФ Четверикова, который подозревался в «принадлежности к контрреволюционной организации и одним показанием изобличается как участник террористической организации, готовившей убийство японского консула с целью вызвать конфликт Японии и СССР».

Одним из предлогом для репрессий стал срыв планов и графиков строительства пунктов базирования и объектов береговой обороны ТОФ, для которого хронически не хватало финансовых средств, ресурсов и квалифицированных кадров. В Москве, Ленинграде и Владивостоке по обвинению во вредительстве, саботаже и участии в контрреволюционной террористической организации были арестованы и расстреляны комкор Н.Н. Петин⁴⁰, дивинженер А.П. Бандин⁴¹, военинженеры 1 ранга К.А. Розе⁴², А.И. Васильков⁴³, В.А. Козловский⁴⁴, М.Я. Гмира⁴⁵ и др., занимавшиеся в 1932–1937 гг. строительством береговой обороны МСДВ-ТОФ. Одновременно с военными строителями был репрессирован ряд представителей командного состава береговой обороны ТОФ, в том числе комбриги Н.У. Ездаков⁴⁶ и П.Г. Романовский⁴⁷, полковник П.Ф. Янушкевич⁴⁸ и др.

В 1938 г. аресты комсостава ТОФ продолжились с новой силой. Были арестованы и приговорены к расстрелу флагман 2 ранга А.В. Васильев⁴⁹, комдив Л.И. Никифоров, бригадный комиссар Н.М. Карасев⁵⁰, капитан 1 ранга И.В. Кельнер⁵¹, полковой комиссар Д.С. Семенов⁵², полковой комиссар П.П. Симаков⁵³, капитан-лейтенант М.К. Лорберг⁵⁴ и др. К концу года было арестовано и содержалось под следствием более пятидесяти офицеров ТОФ.

Весьма показательным было дело по обвинению командования 5-й морской бригады ПЛ ТОФ в «вредительстве, направленном на всемерное ослабление боеспособности бригады путем вывода из строя основных механизмов подводных лодок, срыва боевой подготовки личного состава и преждевременного износа материальной части корабля». В мае-августе 1938 г. были арестованы командир бригады капитан 2 ранга Г.Н. Холостяков⁵⁵, начальник штаба бригады капитан 3 ранга А.Э. Бауман, командир 33 ДПЛ 5-й Морской бригады капитан 3 ранга Александр Владимирович Бук, командир 41 ДПЛ 5-й морской бригады Н.С. Иванов-Ивановский, командир ПЛ «Л-7» капитан 3 ранга И.М. Зайдулин. Г.Н. Холостякова, в частности, обвиняли в том, что во время подготовки и проведения «т.н. «автономных» и длительных плаваний подводных лодок преступно прикрывал и замазывал крупнейшие недочеты, создавая этим самым впечатление полного благополучия и больших достижений», «при представлении отчетов об автономном плавании кораблей практиковал систему очковтирательства, со-

знательно скрывал неподготовленность кораблей к походам и др.». Обвинения строились на фальсификациях и показаниях «участников контрреволюционного заговора» М.В. Викторова, Г.П. Киреева и Г.С. Окунева.

16 августа 1939 г. во Владивостоке на закрытом судебном заседании военный трибунал ТОФ приговорил Г.Н. Холостякова к лишению свободы в ИТЛ сроком на 15 лет, А.В. Бука – на 10 лет, А.Э.Баумана и Н.С. Иванова-Ивановского – на 5 лет, И.М. Зайдулина – на 3 года. Последний был освобожден из-под стражи в зале суда по амнистии. В мае 1940 г. Г.Н. Холостяков был освобождён «за недоказанностью обвинения» и восстановлен в звании и правах на награды.

Репрессии в той или иной форме оказали негативное влияние на все стороны деятельности ТОФ. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты учений, проходивших с 25 сентября по 1 октября 1937 г.: 25 сентября в 3-й морской бригаде произошел выстрел торпедой в пирс, 27 сентября произошло возгорание техники при заправке, 28 сентября при выходе в море произошло столкновение торпедных катеров №31 и №41, в этот же день в госпиталь были отправлены два военнослужащих, которые получили поражение ипритом, 29 сентября потерпел аварию самолет МБР-40, во время шторма получила повреждения и выбыла из строя подводная лодка М-10, возник пожар на барже, которая стояла у пирса склада жидкого топлива, совершили вынужденную посадку самолеты из 43-й и 53-й авиационных эскадрилий, «ввиду плохо поставленной разведки истребители 28 аз (28-я авиаэскадрилья – **прим. ред.**) атаковали собственные самолеты», произошло столкновение двух подводных лодок из 4-й морской бригады, 1 октября торпедный катер №17 наскочил на подводную лодку М-26, командир взвода вывел из строя танк, совершил вынужденную посадку истребитель из 9-й авиаэскадрильи, вскрыто вредительство в пищевом блоке 43-й авиаэскадрильи.

Материалы разбора двухсторонних учений ТОФ, состоявшихся в октябре 1938 г., свидетельствуют о наличии серьезных проблем в боевой подготовке подводных сил ТОФ. Так, при проведении торпедных атак подводными лодками были выставлены следующие оценки: «отлично» – 1, «хорошо» – 4, «неудовлетворительно» – 6. При этом явно неудовлетворительные результаты показали подразделения 2-й морской бригады – из 7 атак 2 оценены «хорошо» и 5 «неудовлетворительно». В этом соединении отмечалась неудовлетворительная подготовка отдельных экипажей к учениям и неуверенные действия командного состава. Была отмечена «слабая подготовка к БОУ Щ-103», кроме того, на этой подводной лодке «... при подготовке к походу в коллаторе электромотора обнаружена чайка, положенная явно преднамеренно накануне этого дня». Факты неудовлетворительной подготовки были отмечены посредниками и в других флотских частях и подразделениях, например, во 2-м дивизионе миноносцев: «Личный состав к учению не подготовлен... Материальная часть личным составом не освоена в достаточной степени. Командир театра не знает».

Эти недостатки в боевой подготовке сил флота во многом были следствием политических репрессий. В 1937-1938 гг. за политические преступления было осуждено около 400 представителей командно-начальствующего состава ТОФ, в том числе: флагман флота 1 ранга – 1, флагман 1 ранга – 1, комкор и ему соответствующие – 2, комдив и ему соответствующие – 7, комбриг и ему соответствующие – 14.

17 ноября 1938 г. все «массовые операции» были завершены, деятельность созданных в 1937–1938 гг. «троек», «особых троек», Комиссии НКВД и Прокурора СССР

(«альбомный порядок») официально прекращены. С этого момента решения по всем следственным делам, как и до августа 1937 г., должны были выноситься или судебными органами, или Особым совещанием при НКВД СССР. 22 декабря 1938 г. были упразднены следственные части в оперативных управлениях и самостоятельных отделах НКВД-центра и вместо них создана единая следственная часть НКВД СССР. Аналогичные подразделения были образованы в местных органах НКВД. В связи с этим военная прокуратура вернула в ОО ТОФ свыше 100 дел на военнослужащих из числа командного состава ТОФ, которые в 1939–1940 гг. были прекращены, а офицеры освобождены и возвращены на службу в ВМФ⁵⁶.

Сотрудники НКВД, допускавшие незаконные методы ведения следствия, фальсифицировавшие следственные дела и нарушавшие «социалистическую законность», были отданы под трибунал или уволены из органов госбезопасности. 27 марта 1940 г. военный трибунал войск НКВД СССР Приморского округа приговорил бывшего начальника 4-го отдела ПОУ НКВД младшего лейтенанта госбезопасности К.И. Шеремета к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. В июле 1940 г. в Хабаровске были расстреляны Н.М. Мочалов и Е.П. Хренов. 4 октября во Владивостоке по приговору военного трибунала войск НКВД Приморского округа, утвержденного распоряжением председателя ВК ВС СССР армвоенюриста В.В. Ульриха, был расстрелян И.А. Лиходзеевский. 2 ноября военный трибунал войск НКВД СССР Приморского округа приговорил бывшего начальника отделения 3-го отдела Н.Д. Дегтярева к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. В июне 1941 г. по приговору ВК ВС СССР был расстрелян М.И. Диментман⁵⁷. В июле 1941 г. из органов НКВД были уволены В.В. Абрамов, В.И. Белов и др.

Репрессии нанесли серьезный урон Тихоокеанскому флоту. 16 декабря 1938 г. на заседании главного Военного совета НКВМФ командующий ТОФ флагман 2 ранга Н.Г. Кузнецов доложил: «На Тихоокеанском флоте за 1938 г. сменилось 85% руководящего состава, включительно до командиров кораблей». На фоне хронической нехватки офицерских кадров, усугубленной репрессиями, резко снизился уровень боевой подготовки и общей готовности ТОФ к ведению боевых действий. Укомплектованность командного, начальствующего и политического состава составляла всего 72%.

Укомплектованность командного, начальствующего и политического состава ТОФ по состоянию на 1 января 1939 г.

Категория	По штату	По списку	Некомплект
Командный состав	3110	2365	745
Технический состав	1495	867	628
Административный состав	863	513	350
Медицинский состав	703	588	115
Ветеринарный состав	50	35	15
Политический состав	1376	1128	248
Всего	7597	5496	2101

В начале 1939 г. Особый отдел ТОФ проверяла комиссия из центрального аппарата НКВД, которая по результатам своей работы направила на имя Наркома НКВД СССР комиссара государственной безопасности 1 ранга Л.П. Берии и Начальнику Осо-

бого отдела ГУГБ НКВД СССР старшему майору государственной безопасности В.М. Бочкову⁵⁸ доклад на 200 листах, в котором отмечалось: «На основании вашего приказа от 11 февраля 1939 г. за № 00136 нами было произведено обследование состояния агентурной и следственной работы в Особом отделе ТОФ. Проверкой установлено следующее. Директива ЦК и СНК от 17 июня 1938 г. и ваш приказ от 23 октября 1938 г. за № 00702 «О максимальном усилении агентурной работы» в Особом отделе ТОФ в жизнь не проводится. Агентурной работе по-прежнему отводится второстепенное значение, в результате агентурная работа отдела запущена».

Прежде всего следует уточнить, что под формулировкой «усиление агентурной работы» подразумевалось выполнение в соответствии с Положением ГУГБ НКВД СССР от 1938 г. одной из основных задач – «своевременное, быстрое и исчерпывающее выявление и ликвидацию врагов народа из остатков ликвидированных классов и буржуазных перерожденцев, предотвращение и пресечение их антисоветской работы».

Вот как раз эта «основная задача», по мнению московской комиссии, Особым отделом ТОФ не была выполнена. Комиссия отметила крайне неудовлетворительное состояние 154 разработок и дел-формуляров, имевшихся в ОО ТОФ на начало 1939 г., и оставшихся из заведенных в 1938 г. ОО НКВД ТОФ 462 дел, большая часть которых имела окраску «антисоветский элемент, вредительство, троцкизм, заговор и т.п.» Как отмечала московская комиссия, из 154 дел 87 дел-формуляров и разработок «не разрабатывается вовсе, сотрудники Отдела не ведут работу по людям, а занимаются лишь их служебной деятельностью», и констатировала: «Отдел агентурной работой по выявлению врагов народа не занимается».

Несомненно, деятельность органов государственной безопасности и военной контрразведки в 30-е годы носила противоречивый и неоднозначный характер. Но надо особо отметить тот факт, что Особый отдел флота не имел непосредственного отношения к репрессиям против командного состава ТОФ. Не имеет смысла скрывать, что он принимал участие в репрессиях, по большей части он выполнял вспомогательные задачи. Старшим оперативным начальником в то время было Управление НКВД по ДВК, которое, в свою очередь, действовало на основании московских директив. Указания спускались в ПОУ НКВД, и только после этого «нарезались» задачи и для Особого отдела флота. Причем аресты высшего комсостава флота проводились исключительно в Москве, представителей комсостава среднего звена сразу же после ареста этапировали в Хабаровск, где с ними «работали» следователи УНКВД по ДВК. На местном уровне сотрудников Особого отдела привлекали исключительно для технического обеспечения оперативной и следственной работы ПОУ НКВД. Здесь большую роль сыграли корпоративные и личные амбиции сотрудников УНКВД по ДВК и ПОУ НКВД, которые стремились любыми способами показать свое служебное рвение в борьбе с «врагами народа».

Практически все дела, заведенные в 1937–1938 гг. на командный состав флота в ходе кампании по разоблачению «врагов народа», были прекращены и, по состоянию на декабрь 1940 г., в Особом отделе имелось 376 учетных дел с окрасом «агентура иностранных разведок». Но справедливости ради надо отметить, что примерно 40% учетных дел еще носили политизированный характер. Массовые репрессии 1937–1938 гг. нанесли серьезный урон Тихоокеанскому флоту и военной контрразведке, которым пришлось в кратчайшие сроки преодолевать их последствия.

Документ эпохи

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ
РАЗГРОМА АНТИСОВЕТСКОГО ВОЕННОГО ЗАГОВОРА
НА ТИХООКЕАНСКОМ ФЛОТЕ И О ХОДЕ ЛИКВИДАЦИИ
ПОСЛЕДСТВИЙ ВРЕДИТЕЛЬСТВА**

Совершенно секретно

Начало организованной деятельности антисоветского военного заговора на Тихоокеанском флоте относится к 1933 году, когда бывш. командующим Тихоокеанским флотом ВИКТОРОВЫМ, по заданию ГАМАРНИКА, была развернута работа по созданию заговорщических, шпионских кадров во флоте.

На протяжении 1933–1934 гг., по договоренности ВИКТОРОВА с ГАМАРНИКОМ, были на Тихоокеанский флот и заняли руководящие должности: КИРЕЕВ – зам. командующего флотом, ОКУНЕВ – член Военного совета, СОЛОННИКОВ – начальник штаба, НИКИФОРОВ – начальник Военно-Воздушных Сил флота и ЛАВРОВ – зам. начальника Политического Управления.

КИРЕЕВ, ОКУНЕВ, СОЛОННИКОВ и другие были привлечены ГАМАРНИКОМ и ВИКТОРОВЫМ к активной антисоветской деятельности и вошли в состав руководящего центра военного заговора на Тихоокеанском флоте. Общее же руководство заговором на ТОФе было возложено на ВИКТОРОВА, который лично был связан с ГАМАРНИКОМ.

Следственными материалами по делу разгромленной право-троцкистской организации в Дальневосточном крае установлено, что Дальневосточный «центр» имел тесную связь с руководящими участниками антисоветского военного заговора в ОКДВА: САНГУРСКИМ, ПУТНА, ТАИРОВЫМ, АРОНШТАМОМ, ВАЙНЕРОСОМ и на Тихоокеанском флоте: ВИКТОРОВЫМ, ОКУНЕВЫМ, СОЛОННИКОВЫМ, КИРЕЕВЫМ, НИКИФОРОВЫМ, ЛАВРОВЫМ и другими.

Центр антисоветского военного заговора и лично ГАМАРНИК ТОФу уделяли особое внимание, ставя своей задачей подорвать его боеспособность для обеспечения поражения флота в войне с Японией.

В 1933 году, во время пребывания ГАМАРНИКА на Дальнем Востоке, ВИКТОРОВ получил от него директиву развернуть вредительскую и диверсионную работу на ТОФе, рассчитанную на срыв мероприятий по развитию и укреплению флота, вывод кораблей из строя путем аварий и катастроф, в целях лишения СССР морской базы на Дальнем Востоке.

Арестованный нами ВИКТОРОВ по этому поводу показывает:

«Касаясь значения Дальнего Востока в возможной войне с японцами, ГАМАРНИК мне указал на то, что нам – участникам антисоветской организации на ТОФе в основном необходимо вести подрывную работу, которая должна заключаться в задержке дальнейшего развития флота, ослабляя его боеспособность и тем самым лишая СССР морской базы на Дальнем Востоке, что облегчает его поражение.

В части диверсионной работы на флоте, ГАМАРНИК предложил мне создавать условия, которые могли бы привести к катастрофам, пожарам и уничтожению баз флота, порта, новостроек и т.д., а с другой стороны, не принимать в таких случаях необходимых мер к локализации и ликвидации их».

Для осуществления указанных задач ВИКТОРОВЫМ, КИРЕЕВЫМ и другими была развернута большая вербовочная работа, в результате которой удалось вовлечь в заговор значительное количество руководящего командного и политического состава ТОФа и охватить антисоветской работой почти все основные боевые соединения и укрепленные районы.

Всего арестовано по ТОФу – 305 человек участников антисоветского военного заговора.

Заговорщические кадры были расставлены, главным образом, на следующих участках флота:

Штаб	– 12 чел.
Полит. управление	– 14 -/-
Порт	– 19 -/-
Авиация	– 55 -/-
Подводный флот	– 34 -/-
Укрепл. районы	– 50 -/-
Разведотдел	– 9 -/-
Инженер. строит. учрежд.	– 67 -/-
Бригада заграждения и траления	– 3 -/-
Прочие	– 36 -/-
	305 чел.

В указанных подразделениях флота участниками заговора оказались: по штабу – начальник штаба – СОЛОННИКОВ, пом. нач. штаба – ПОПОВ, начальники отделов штаба БАЧИНСКИЙ, КОМАКОВ и ОРЛОВ.

В Политуправлении: на руководящих должностях состояли: КРАСНЫХ* – начальник ПУ; ЗЕМСКОВ и ЛАВРОВ – заместители нач. ПУ; МАСЕВИЦКИЙ – нач. ПУ ГВП; ГРЕКОВ – зам. нач. ПО 28 авиабригады и другие.

В Разведывательном отделе – нач. Разведотдела РЕБРОВ, зам. нач. РО КАТОЛИЧУК и другие.

В Главвоенпорту ТОФа – руководящую роль играли: ПРОШКИН – пом. командующего по материальному обеспечению; КОСЬЯНЧУК – нач. тех. отдела; ПАШКОВСКИЙ – нач. арт. отдела и СЕРГЕЕВ – комиссар ГВП.

В авиации – ТИХОНОВ – пом. командующего ВВС ТОФа; ИЛЬЕС, ДОБРОЛЕЖ, МИЛЕШКИН и МОРОЗОВ – командиры авиационных бригад и эскадрилий и РЯБОВ – военный комиссар ВВС флота.

Из числа арестованных заговорщиков в подводном флоте выделяются: ВАСИЛЬЕВ – командир 1-й морской бригады, ЗАХАРЧЕНКО – командир береговой базы 4-й морской бригады, ЗЕЛЬТИНГ – командир дивизиона подводных лодок и НОВИКОВ – командир 7-й морской бригады.

Вербовка участников заговора проводилась преимущественно из числа бывших троцкистов, правых, разного рода неустойчивых элементов и бывших офицеров.

«ГАМАРНИК дал мне задание проводить вербовки новых людей в заговор и особо указал на то, что в своей антисоветской подрывной работе я должен, главным образом, опираться на кадры недовольных военнослужащих, причем подчеркнул, что кое-кого из таких людей он постарается перебросить на Тихоокеанский флот».

(Показания ВИКТОРОВА от 24 апреля 1938 года).

Установлено, что заговорщиками на Дальнем Востоке, в соответствии с указаниями японского генерального штаба, для успешности вербовок специально проводилась пораженческая работа среди командного состава армии и флота.

Бывший зам. командующего ОКДВА арестованный японский шпион ПОКУС показывает:

* **Красных Дмитрий Андреевич** – начальник ПУ ТОФ, дивизионный комиссар. Пр. НК ВМФ № 0365 от 4.05.1938 г. уволен по ст. 44 “В” «Положения о прохождении службы комсоставом (в связи с арестом)».

«ПУТНА предложил мне при обработке и вербовке новых участников заговора проводить пораженческую политику, внедряя мысль, что мы не можем оборонять Дальний Восток против такого сильного врага, как японцы, и должны отдать им Приморье. Необходимо распространять пораженчество и добиться расслабления веры в оборону СССР, внедрять страх перед японской армией и её могуществом, дезорганизовать и ослабить в целом оборону Приморья, подчеркивая неизбежность захвата его японцами.

ПУТНА заявил мне, что эта директива японцев, которую он лично получил от МАЦУ-ДАИРО».

Деятельность военного центра антисоветского заговора направлялась и субсидировалась японским генеральным штабом и японскими разведывательными органами.

Эта связь осуществлялась через ряд каналов, в частности, через:

- а) состоящих в заговоре дипломатических агентов НКВД;
- б) участников заговора, имевших на занимаемой должности личное общение с японскими дипломатами.

Целый ряд участников заговора являлись шпионами японской и других иностранных разведок.

Согласно полученной директиве от ГАМАРНИКА, ВИКТОРОВ, КИРЕЕВ, ОКУНЕВ, ЗЕМСКОВ, РЕБРОВ и другие заговорщики на ТОФе в 1934 – 1935 гг. устанавливают шпионскую связь с японским генеральным штабом как непосредственно с японским консулом во Владивостоке, так и через бывшего председателя Приморского облисполкома ПЕТРОВА, агента НКВД – ТИХОНОВА и других лиц, связанных с японскими разведывательными органами.

Арестованный ОКУНЕВ показывает об этом следующее:

«В 1935 году у меня был следующий, весьма важный разговор с ВИКТОРОВЫМ.

Он поднял вопрос о том, что соответствующим развитием пораженческой установки заговора является установление еще в мирное время связи с японской разведкой для передачи ей сведений шпионского характера о ТОФе.

ВИКТОРОВ мне сообщил, что председатель Приморского облисполкома ПЕТРОВ является агентом японской разведки, с которым он уже связан. Затем ВИКТОРОВ сказал, что «раз влезли – то надо продолжать», предложив мне установить связь с ПЕТРОВЫМ по линии разведки.

Кроме этого в начале 1937 года ВИКТОРОВ посылал на корабли Совторгфлота в Шанхай начальника Разведывательного отдела ТОФ РЕБРОВА с заданием установления непосредственной связи с японцами. Эта поездка совершалась под видом ознакомления с театром Японского моря.

РЕБРОВЫМ в Шанхае шпионская связь с японской разведкой была установлена и он передал ряд материалов о строительстве Тихоокеанского флота».

Практическая деятельность заговорщиков на ТОФе шла по линии:

- 1) пораженческих планов – создания благоприятных условий, обеспечивающих поражение флота в войне с Японией;
- 2) широко развернутого вредительства во всех областях боевой подготовки флота, в том числе в оборонительном строительстве;
- 3) диверсии – насаждение диверсионных организаций и групп для проведения плана широкой диверсии в начальный период войны, в том числе диверсии бактериологической;
- 4) зазнайства.

ПОРАЖЕНЧЕСКИЙ ПЛАН ПОДГОТОВКИ ТЕАТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Ставя перед собой задачу подготовки поражения СССР в войне с Японией, участниками заговора на ТОФе КИРЕЕВЫМ, ВИКТОРОВЫМ, СОЛОННИКОВЫМ и ОКУНЕВЫМ велась подрывная работа в части срыва и ослабления боеспособности флота.

Основным участком вредительской деятельности в этой области являлась разработка пораженческого плана войны. При составлении оперативного плана боевых действий были умышленно созданы предпосылки, облегчающие действия интервентов.

Арестованный ОКУНЕВ показывает:

«При составлении оперативного плана боевых действий ТОФ начальником штаба СОЛОННИКОВ, под непосредственным руководством ВИКТОРОВА, при моем и КИРЕЕВА участии, были созданы предпосылки, обеспечивающие успешность действий японских интервентов. Главные направления этой пораженческой деятельности были следующие:

а) сознательное ослабление обороны залива Восток – весьма удобного для высадки десанта противника. Артиллерийская и сухопутная обороны этого района были крайне слабы по сравнению с другими заливами. Тракторная артиллерия, предназначавшаяся для обороны залива Восток, не была по-настоящему испытана для действий против кораблей и десантных средств противника;

б) левый фланг Сучанского укрепленного района фактически был обнажен. Высадка противника в бухте Валентина и Преображение могла встретить весьма слабое сопротивление частей укрепрайона, из-за отсутствия артиллерийской или иной обороны в этих пунктах».

ВИКТОРОВЫМ, КИРЕЕВЫМ, ОКУНЕВЫМ и другими заговорщиками на ТОФе при разработке мероприятий по обороне Амурского залива было сделано так, что Амурское направление защищено крайне слабо. Ни в Посъете, ни в Славянке нет береговой артиллерийской обороны. Этим самым создавалось положение, что противник может сравнительно безнаказанно прорваться в Амурский залив, обстреливая остров Русский, главную базу – Владивосток и берег Амурского залива.

В 1935 году было вредительски разработано положение о режиме плавания для иностранных судов в заливе Петра Великого, по которому японские суда имеют возможность заходить в глубь Уссурийского залива, в глубину расположения Владивостокского и Шкотовского укрепленных районов (морской полигон флота, где проходят стрельбы) и вести шпионские наблюдения за нашим флотом.

В результате японцы последние годы осуществляют подвижный дозор на подходах к главной базе Тихоокеанского флота посредством посылки в этот район так называемых рыболовцев-шихун и кавасаки.

Сознательно срывалась постройка и выставление боновых ограждений по линии Токаревского маяка, у входа в бухту Улисс, на линии мыса Назимова, а также у входа в бухту Находка и Советская Гавань.

Специальный боновой лес, отпущенный для этой цели, умышленно был израсходован на другие нужды.

Велась вредительская линия на срыв плана снабжения ТОФ и другими вспомогательными плавсредствами (буксиры, мореходные катера).

Из 59 единиц, получаемых флотом в период мобилизации, только 11 имеют класс регистра.

ОРЛОВЫМ, ГОРСКИМ и АЛЯКРИНСКИМ были утверждены вредительские крейсера типа «Киров» и миноносцы для ТОФа, в то время как для них район плавания в условиях Дальневосточного театра – 3000 миль, район недостаточен для действия в Охотском море и тем более при базировании на Камчатку.

Другим не менее важным вредительским актом является выбор, лично ГАМАРНИКОМ, места для строительства судостроительного завода в Комсомольске, с постройкой на нем крейсеров и других классов кораблей».

Сущность этого вредительства арестованный СОЛОННИКОВ излагает так:

«Главное вредительство в выборе места Комсомольского завода - невозможность во время войны вывести корабли по фарватерам Амурского залива в случае потери Северного Сахалина. При удержании Северного Сахалина будут большие трудности в переброске и переводе судов (особенно подводных) вследствие мелководности фарватеров и невозможности форсировать их ночью».

В соответствии с пораженческими планами, на вооружение флота вводились подводные лодки и торпедные катера, неудовлетворительные по своим боевым и техническим данным. Подводные лодки типа «Малютка» малопригодны для Дальневосточного театра вследствие малой обитаемости, недостаточной мореходности, малого количества торпед и запаса энергии для длительной работы.

Подводные лодки типа «Щука» принимались с большими недоделками, не имеют оборудования для дополнительной приемки соляра и дистиллированной воды, чем автономность их плавания снижается в 1,5–2 раза.

Особое значение в деле защиты главной базы (Владивосток) имеет бригада минных заградителей. Корабли этой бригады полностью по штатам военного времени не оснащены. Заградители не имеют ныряющих снарядов против подводных лодок; не установлены счетверенные пулеметы и приборы управления огнем.

Угольных барж для погрузки угля на заградители нет. Приемка воды происходит также поочередно без водолея, что задерживает сроки готовности минных заградителей.

Показаниями арестованного бывшего командира первой морской бригады заградителей и тральщиков ВАСИЛЬЕВА установлено, что участником заговора на ТОФе специально велась предательская работа по выводу из строя подводного флота.

«Я должен был вначале военных действий с Японией выводить корабли из строя поодиночке или выскочить на камни во время выхода бригадой на постановку мин. На меня была возложена задача до начала войны устраивать аварии, пожары, выводить корабли на длительный ремонт.

Я содействовал использованию «ТЩ» не по назначению. Зная штаты кораблей, составлял их с недокомплектом в личном составе. Боевая подготовка по артиллерии проводилась явно неудовлетворительно. Завербованным мной я давал задания приводить в непригодность материальную часть, главным образом, ударных приборов мин «26 – 12» года».

Противовоздушная оборона, в целях облегчения наведения авиации противника на главную базу ТОФа и жизненные центры Приморья, заговорщиками была сорвана.

Дислокация зенитной артиллерии неправильна, насыщенность ею системы ПВО недостаточная. В результате – главная база флота прикрыта слабо. Совершенно не защищены: аэродром 125 авиабригады, части 42 авиабригады, морские авиачасти в Ольгинском районе и центре угольной промышленности – Сучан, Артем.

Зенитные точки были так установлены, что обстрел авиация противника могла производить только над нашими базами, а не на подступах к ним.

В пораженческих целях срывалась противовоздушная оборона главной базы ТОФа, в которой отсутствует морской сектор наблюдения, который должен проводиться особыми кораблями, предупреждающими движения самолетов противника со стороны моря. Таких кораблей ТОФ не имеет.

На острове Русском отсутствует истребительная авиаэскадрилья, и в случае появления самолетов противника со стороны моря вызов истребительной авиации с мест её базирования (ст. Угловая) будет запаздывать.

Из года в год отпускаемые средства на ПВО гор. Владивостока не использовались. Приписка местных команд к районам была произведена преступно, явка их по тревогам была 20–30%.

ВРЕДИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗАГОВОРЩИКОВ

Флот

Показаниями арестованных заговорщиков установлено широко развернувшееся вредительство по основным подразделениям флота...

Арестованный Особым отделом ТОФа бывший командир подводных лодок ПАВЛОВ показывает:

«Заговорщики в подводном флоте проделали большое вредительство в области срыва подготовки личного состава и материальной части лодок к боевым действиям. По всем бригадам подводных лодок была сорвана артиллерийская и торпедная подготовка, не проводились артиллерийские стрельбы по береговым и воздушным целям, а также по торпедным катерам. Командиры приучались к торпедным атакам в самой упрощенной обстановке по тихоходным тральщикам и буксирам»...

Морская авиация

Заговорщики умышленно не принимали мер к замене старой материальной части на новую, чем создана благоприятная обстановка к аварийности и катастрофам...

Арестованный ВИКТОРОВ по этому поводу показал:

«Основное направление подрывной работы по линии морской авиации заключалось в создании благоприятной обстановки для аварий и катастроф, в первую очередь, путем непринятия мер к замене старой материальной части новой, затяжки оборудования и постройки основных аэродромов, несбережения самолетов и т.д.

В результате проведенной нами – заговорщиками – подрывной пораженческой работы морская авиация ТОФа не представляет собой достаточно боеспособной силы.

Особенно большая подрывная работа была проведена по линии авиационного строительства. Авиация ТОФа сейчас не имеет нужного количества оборудованных оперативных аэродромов. Мы умышленно делали так, чтобы в случае войны авиация ТОФа при необходимости рассредоточения и перебазирования находилась бы в тяжелом положении»...

Укрепленные районы и строительство

Базы флота с тактико-технической стороны выбраны и построены вредительски...

Срыв строительства осуществлялся путем распыления работ и средств, задержкой проектирования, затовариванием ненужным оборудованием и строительными материалами.

Арестованный СОЛОННИКОВ по этому вопросу показывает так:

«Ежегодно, по указаниям ВИКТОРОВА, мною совместно с начальником 1 отдела штаба ОРЛОВЫМ разрабатывались указания к титульному списку по новому оборонительному строительству. Планы получались вымышленными, что распыляло силы, а дополнительно центр, утверждая план, не обеспечивал их в полной мере рабочей силой.

Это вредительство на месте проводилось ВИКТОРОВЫМ, мною, КИРЕЕВЫМ и БАНДИНЫМ, а в центре – ОРЛОВЫМ и ПЕТИНЫМ.

В результате вредительской работы заговорщиков план строительства 1936 года был невыполнен на 35%, причем целый ряд объектов остался незаконченным до сего времени.

Другой арестованный ЕЛИСЕЕВ, бывший комендант Владивостокского укрепленного района, показывает, что он имел прямое задание от ВИКТОРОВА срывать оборонительное строительство.

«Передо мной, как участником заговора, ВИКТОРОВЫМ были поставлены следующие задачи:

- а) задерживать оборудование сухопутной обороны;
- б) всячески срывать окончание оборудования батарей и путем частых назначений комиссий задерживать их прием;
- в) отпущенные средства на маскировку сооружений расходовать на другие цели, в целях срыва их»...

Наряду с пораженческой деятельностью и вредительством, заговорщики на ТОФе в своей борьбе с Советской властью, становились на путь диверсий – вывода из строя отдельных сооружений и складов.

Установлено, что осенью 1937 года участникам заговора ПРОШКИНЫМ – бывшим помощником командующего ТОФ был организован поджег склада с значительными запасами пенькового троса и ветоши. Этот диверсионный акт причинил убыток государству около 600000 рублей.

Арестованный ПРОШКИН показывает:

«С вредительской целью ШЕЙН, по моему указанию, в ноябре 1937 года перебросил одну треть всего запаса пенькового троса и часть ветоши и каустическую соду в один склад.

ШЕЙН по моему же указанию 2-го ноября 1937 года организовал поджог этого склада, который сгорел полностью».

Учебно-боевая подготовка

Вредительство в области учебно-боевой подготовки ТОФ осуществлялось заговорщиками, главным образом, по линии упрощенности и избегания решать более сложные задачи современного морского боя и современной тактики; недооценки взаимодействия всех родов оружия (надводный и подводный флот, береговая оборона, авиация и десантные войска); оккупирательства; отсутствия изучения в мирное время будущих районов военных действий.

Вследствие этого боевая деятельность ТОФ находится в неудовлетворительном состоянии...

Диверсия в пищевом блоке и санитарной службы

Большая вредительская и диверсионная работа проводилась заговорщиками в области санитарной службы. Основной задачей на этом участке военный центр антисоветского заговора ставил:

- а) срыв санитарной готовности к войне;
- б) развал лечебного дела в мирное время;
- в) активную бактериологическо-диверсионную деятельность путем бактериологических и пищевых отравлений военнотрудовых и населения...

Ликвидация последствий вредительства

Выездом на место в апреле месяце 1938 года Народного комиссара Военно-Морского Флота и оперативного работника ГУГБ НКВД СССР установлено, что несмотря на широкую вредительскую деятельность, проведенную заговорщиками на всех решающих участках ТОФ, должной борьбы по ликвидации последствий вредительства до сих пор не развернуто...

Несмотря на проведенный значительный разгром заговорщических, диверсионных и шпионских кадров на ТОФе, все участники заговора и агентура иностранных разведок на ТОФе ещё полностью не выявлены. Об этом свидетельствует хотя бы то, что на протяжении апреля – мая месяца 1938 года органами НКВД арестовано по флоту 40 человек из командно-политического состава, среди которых значительное количество участников заговора, шпионов, вредителей и диверсантов.

В связи с этим перед Особым отделом ТОФа стоит задача – полного выявления и ликвидации заговорщических, диверсионно-вредительских групп на флоте и их подрывной деятельности.

Учитывая, что одним из слабых мест нашей оперативной работы является недостаточный разгром шпионских гнезд, насажденных японским генеральным штабом и другими иностранными разведками на флоте, помимо использования в этой части участников заговора (всего арестовано 33 человека), особенно направляем наши оперативные мероприятия в этом направлении.

НАЧАЛЬНИК 2 УПРАВЛЕНИЯ НКВД СССР

Комбриг ФЕДОРОВ⁵⁹

РГВА. Ф.9. Оп. 39. Д.65. Л.1-16, 18-29.

СПРАВКА

*О количестве арестованных по Тихоокеанскому флоту
за период 1937 года и с 1-го января по 15 мая 1938 года*

ВСЕГО АРЕСТОВАНО – 305 челов.

Из них:

Участников заговора – 282 -/-

Шпионов – 23 -/-

Арестованные по подразделениям флота распределяются так:

Штаб – 12 человек

В том числе:

1. СОЛОННИКОВ О.С. – нач. штаба ТОФ.
2. ПОПОВ А.С. – пом. нач. штаба ТОФ.
3. ОРЛОВ П.Н. –нач. 1-го отдела штаба.
4. ЕРМАКОВ Я.В. – нач. 4 отдела штаба.
5. ВОСТРОВ П.И. – нач. штаба Сучанского Ура.
6. ВЫВИКОВ В.В. – пом. нач. 9-го Отдела штаба ТОФ.
7. БАЧИНСКИЙ В.Т. – нач. 9 отдела штаба ТОФ.
8. КУЗНЕЦОВ Н.И. – нач. штаба 125 минно-торпедной авиабригады.
9. –.

Политуправление – 14 человек

В том числе:

1. ОКУНЕВ Г.С. – член Военного совета ТОФ.
2. КРАСНЫХ Д.А. – нач. Политуправления ТОФ.
3. ЗЕМСКОВ С.И. – зам. нач. Политуправления.
4. ЛАВРОВ М.В. – зам. нач. ПУ по авиации.
5. ПИЛЯК Ю.П. – нач. Политотдела.
6. БОБАХ А.Г. – ст. инструктор ПУ.
7. КОСЕВИЦКИЙ И.Е. – нач. Политотдела Главного военного порта.
8. МАЛЮТИН А.Л. – нач. Политотдела бригады торпедных катеров.
9. АГАПОВ Н.Т. – нач. Политотдела.
10. ГРЕКОВ М.Г. – зам. политотдела 28 авиабригады ТОФ.
11. СЕМЕНОВ - бывш. нач. политотдела морбригады.
12. КАРАСЕВ Н.М. – нач. политотдела бригады подлодок.

Разведывательный отдел – 9 человек

В том числе:

1. РЕБРОВ С.В. – нач. Разведотдела ТОФ.
2. КАТОЛИЧУК – зам. нач. Разведотдела ТОФ.
3. (Так в тексте. – Авт.).

Главвоенпорт – 19 человек

В том числе:

1. ПРОШКИН И.Г. – пом. командующего по матер. обеспечению.
2. СЕРГЕЕВ Д.А. – комиссар Главвоенпорта.
3. КОТЫЛЕВСКИЙ С.Н. – нач. первого отдела ГВП.
4. КАСЬЯНЧУК П.С. – нач. техотдела -/-.
5. СУМИН И.В. – нач. спецотдела -/-.
6. БАЗУЕВ И.Ф. – нач. продотдела -/-.
7. КУЗНЕЦОВ И.И. – нач. плавсредств -/-.
8. ПАШКОВСКИЙ А.К. – нач. артотдела -/-.

Плавающий состав флота – 37 человек

В том числе:

1. ВАСИЛЬЕВ А.В. – ком-р 1-й морбригады.
2. ГРЕБЕНЩИКОВ Н.А. – военком 6-й морбригады.
3. ЗЕЛЬТИНГ – ком-р бригады подлодок.
4. ЗАХАРЧЕНКО Н.И. – ком-р береговой базы 4-й морбригады.
5. ХОЛОСТЯКОВ Г.Н. – 5-й морбригады подлодок.
6. КАТАЛИЧУК П.И. – нач. штаба 3-й морбригады торпедных катеров.
7. КЕЛЬНЕР И.В. – нач. штаба 2-й морбригады подлодок.
8. СЕМЕНОВ Д.С. – комиссар бригады ЭМ и СКР.
9. СЕМЕНОВ П.П. – командир бригады эсминцев.
10. КУЗНЕЦОВ К.М. – ком-р 2-й морбригады подлодок.
11. КУЛЕШОВ И.Д. – ком-р 4-й морбригады подлодок.
12. СМЕРНОВ – ком-р береговой базы 2-й морбригады подлодок.
13. КАРПУХИН М.С. – ком-р подлодки 2-й морбригады.
14. НОВИКОВ Т.А. – ком-р 4-й морбригады.
15. КОЖАНОВ В.Е. – штурман подлодки 5-й морбригады.

Авиация – 55 человек

В том числе:

1. НИКИФОРОВ Л.И. – нач. ВВС ТОФ.
2. РЯБОВ Л.Е. – военком ВВС ТОФ.
3. ТИХОНОВ Г.Д. – пом. нач. ВВС ТОФ.
4. ТОМБЕРГ К.Г. – пом. нач. отдела кадров ВВС.
5. МИЛЬТ И.А. – нач. отдела вооружений ВВС.
6. ДОБРОЛЕЖ А.Ф. – ком-р 28-й авиабригады.
7. ЖИНКИН Н.И. – военком 28-й -/-.
8. МИЛЕШКИН Н.П. – ком-р 125-й минно-торпедной авиабригады.
9. МОРОЗОВ Ф.А. – -/-.
10. ИЛЬЕС Ф.Я. – -/-.
11. ДАВЫДОВ А.Ф. – штурман 28-й авиабригады.
12. СМЕРНОВ М.К. – военком 125-й авиабригады.
13. ШИЛКИН В.Я. – военком 28-й авиабригады.
14. КОЗЛОВ В.А. – военком 125-й авиабригады.
15. КРЫЛОВ И.Н. – инженер-флагман по эксплуатации ВВС.
16. МАШКОВ А.Ф. – ком-р 3 отд. Отряда 28-й авиабригады.
17. МЫРСОВ В.И. – ком-р 2-й авиабригады авиашколы.
18. ГОЛЬБЛАУМ И.П. – ст. инженер 112-й авиаэскадрильи.

Инженерно-строительные учреждения – 67 человек

в том числе:

1. БАНДИН А.П. – нач. отдела инженерных войск ТОФ.
2. РОЗЕ К.А. – зам. отдела -/-.
3. БАЖЕНОВ С.И. – нач. СКО ТОФ.
4. ГЕРАСИМОВ И.Н. – нач. инспекции СКО ТОФ.
5. ЕВСТИФЕЕВ Н.А. – нач. Военстроя ТОФ.

Укрепленные районы – 50 человек

В том числе:

1. ГРИГОРЬЕВ – комендант Сучанского укрепрайона.
2. ВАСИЛЬЕВ – командир зенитного дивизиона.
3. МУХИН – комендант Ольгинского укрепрайона.

Прочие – 41 человек

(Военторг, ДКА, санотдел, финотдел и другие)

В том числе:

1. ЛАНГЕРМАН – нач. военторга.
2. ПОЛИЩУК – нач. санотдела»

СПРАВКА

по архивно-следственному делу №267782 по обвинению

ТОНЭГАВА Сиро, он же ТОМИКАВА Кэйдзо, 1901 года рождения, уроженец Японии, провинции Чиба, город Еокайчибо, японца, гр-на СССР, б-п, с высшим образованием, быв. подпоручика японской армии, проживающего во Владивостоке с 1929 года и работающего в художественной мастерской.

ТОНЭГАВА СИРО арестован 11 июля 1936 года Приморским облуправлением НКВД за принадлежность к агентуре японских разведорганов.

Будучи арестованным, ТОНЭГАВА СИРО на первых допросах показал, что, проживая на Сахалине в гор.Охе, поддерживал дружескую связь с консулом СУДЗУКИ АИНОСКЕ⁶⁰, которого знал по совместной учебе в Токийском университете, и его секретарем, фамилии которого не помнит. Кроме них по Сахалину знал пом.бухгалтера конторы концессии ЦУСИДА, с которым проживал вместе в общежитии. По Владивостоку знал из работников фирмы «Сёсэн гуми» ТАКАХАСИ и ГОТО, которые занимаются сбором шпионских сведений для передачи в Японию. ТАКАХАСИ давал в 1932 г. ему задания также собирать шпионские сведения, но он от выполнения этого задания отказался.

Кроме него знал по Владивостоку с 1932 года представителя фирмы «Кокусай унью» МИМУРА, который вручил ему 900 иен в счет зарплаты, которую он не получил на Сахалине.

Из работников японского консульства во Владивостоке поддерживал с 1931 года связь с секретарем консульства КАТАОКА⁶¹, которого знал по совместной учебе в Токийском университете, и с 1933 года с секретарем консульства ЯСУГИ⁶². Однако эта связь была чисто личной, а шпионской связи с ними не имел.

На последующих допросах показал, что поддерживал нелегальную связь со своей женой, проживающей в Японии, от которой дважды получал деньги – 100 и 300 иен.

В предъявленном ему обвинении по ст.58-6 УК РСФСР виновным себя не признал, однако на следующем допросе виновным себя признал в том, что, поддерживая с 1931 по 1934 г. связь с органами НКВД, по некоторым вопросам двурушничал. Двурушничал в частности, по таким вопросам, как о своих связях с японцами, о посещении ими японского консульства, о связи и с советскими гражданами, а также в том, что лично установил связь с японским консульством, о чем органы НКВД в известность не поставил.

19/Х-36 года дело по обвинению ТОНЭГАВА СИРО слушалось в закрытом судебном заседании Военного трибунала и на основании ст.315 УПК РСФСР было возвращено на доследование.

В процессе доследования были допрошены сотрудники УНКВД К.И. ШЕРЕМЕТ и П.П. ШАРЫГИН⁶³, которые показали, что ТОНЭГАВА СИРО, находясь у них на связи, был неискренен и они ему не доверяли. В частности, он не ставил их в известность о получении денег от ТАКАХАСИ и МИМУРА, что скрывал от них истинное лицо ТАКАХАСИ, а также не доносил, что последний его вербовал для шпионской цели в пользу Японии.

На очной ставке с ШЕРЕМЕТОМ ТОНЭГАВА в основном отстаивал ранее данные им показания.

15 мая 1937 года дело было рассмотрено спецколлегией Дальневосточного краевого суда, и ТОНЭГАВА СИРО был осужден по ст.58-4 к 10 годам ИТЛ.

Верховный суд РСФСР своим определением 10/VI-37 г. приговор Спецколлегии ДВ край-суда отменил и дело направил на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования.

Будучи допрошен 3 ноября 1937 года ТОНЭГАВА СИРО показал, что он с 1929 года является агентом 2 отдела японского генерального штаба и до дня ареста занимался шпионажем

против СССР. К шпионской работе был привлечен Управляющим главной конторы концессии на Сахалине НОГУЧИ, который предложил ему инсценировать побег с Сахалина и осесть на жительство во Владивостоке, легализоваться и войти в доверие к местным органам власти, после чего начать шпионскую работу, для чего связаться с управляющими контор «Сёсэн гуми» – ГОТО ГОРО и «Кокусай унью» – МИМУРА и КИТАГАВА, председателем японского общества во Владивостоке АКИМОТО, а также заведующим международным рестораном во Владивостоке ХАМАДА. Все они были названы как агенты японской разведки, через которых нужно было направлять получаемые им шпионские сведения в Японию, что им и было сделано. Он «бежал» во Владивосток, где легализовался, вошел в доверие органов НКВД, через них устроился работать клерком иностранного агентства СТФ, впоследствии связался с названными работниками японских фирм, а затем в 1935 году – с секретарем японского консульства ЯСУГИ. Все они отправляли в Японию собранные им шпионские материалы. Свое сотрудничество с органами НКВД использовал для шпионской цели, о чем также информировал 2-й отдел генштаба японской армии.

ТОНЭГАВА СИРО также показал, что им лично были завербованы для сбора шпионских сведений средний командир штаба НОВИКОВ, младший командир КРАСОВСКИЙ и средний командир ДОБРОВОЛЬСКИЙ.

На допросе от 2/І-38 года ТОНЭГАВА СИРО назвал еще ряд лиц, завербованных им лично для шпионских целей, как-то: МОРИ КЭНДЗИ – политэмигранта, БОЖКО – инженера Дальзавода, ЧИНОВСКОГО – старшего аэротехника аэродрома в д.Петровка, ХРИТАНКОВА Николая – музыканта в/части из Шкотово, ФЕКЛИНА Константина – преподавателя японского языка Дальгосуниверситета, ШАПОВАЛОВА – живописца художественной мастерской и АКАСИ ТЭЦУО – политэмигранта.

Об обстоятельствах вербовки БОЖКО он показал, что с ним познакомился на квартире у МОРИ весной 1935 г. Со слов МОРИ ему было известно, что отец БОЖКО кулак и находится в Харбине, что сам БОЖКО антисоветски настроен. МОРИ рекомендовал использовать БОЖКО в целях шпионажа.

Осенью на квартире у него (ТОНЭГАВА СИРО) БОЖКО высказал свое недовольство существующим строем и свое желание попасть к отцу в Харбин. Он (ТОНЭГАВА) обещал БОЖКО содействие пробраться в Харбин и предложил ему сообщать сведения по Дальзаводу. БОЖКО дал согласие. С ним был связан до ареста. Через него получил шпионские сведения по Дальзаводу, как-то: о пропускной способности подводного цеха, количестве выпускаемых подлодок и всех технических и боевых данных о них.

Из материалов дела видно, что ТОНЭГАВА СИРО показания в отношении БОЖКО дал уже после того, как он (БОЖКО) был арестован и сознался в своей шпионской связи, но не с ТОНЭГАВА, а с МОРИ КЭНДЗИ.

Об этом свидетельствует протокол допроса БОЖКО Т.И. от 14/VII-37 года, приобщенный к делу ТОНЭГАВА, из которого видно, что к шпионской работе его привлек Анатолий Модестович АРХАНГЕЛЬСКИЙ, для чего связал с МОРИ.

В июле 1935 года МОРИ познакомил его у себя на квартире с ТОНЭГАВА. После ареста МОРИ он (БОЖКО) поддерживал связь с ТОНЭГАВА, а после ареста и его связь держал с ТАКАХАСИ, который являлся главным резидентом японской разведки во Владивостоке.

На допросе от 22/ІІІ-38 года ТОНЭГАВА изменил ранее данные им показания о связи с БОЖКО и показал, что БОЖКО он не вербовал, так как до его знакомства с ним БОЖКО уже выполнял шпионские задания МОРИ и ему неизвестно, когда он был завербован МОРИ. Далее ТОНЭГАВА показал, что он БОЖКО не знакомил с ТАКАХАСИ и никогда с БОЖКО о ТАКАХАСИ разговора не имел. ТОНЭГАВА также показал, что БОЖКО был знаком с агентом японской разведки АКАСИ.

В деле имеется протокол очной ставки от 22/III-38 г. между обвиняемым ТОНЭГАВА и И.Л. ДОБРОВОЛЬСКИМ, в процессе которой ДОБРОВОЛЬСКИЙ показал, что являлся агентом японской разведки и находился на связи у резидента ТОНЭГАВА СИРО с лета 1934 года и до начала 1936 года, за это время передал ряд шпионских сведений по ТОФ.

Он также показал, что с ТОНЭГАВА были связаны агенты ВАЛИН – бывший начальник разведотдела ОКДВА, Леонид Яковлевич БУРЛАКОВ – б.пом.нач.разведотдела ТОФ, ТЕН ХОН-СЕБ – переводчик РО ОКДВА, ФЕКЛИН Константин – преподаватель японского языка ДВПИ, БОЖКО – работник разведотдела ТОФ, ХАН – первый переводчик японского языка РО ТОФ, ХАН – второй инструктор – радист РО ТОФ, РЕБРОВ Сергей – начальник разведотдела ТОФ.

Данные показания ДОБРОВОЛЬСКОГО ТОНЭГАВА подтвердил полностью, уточнив, что БОЖКО является инженером Дальзавода, а не сотрудником разведотдела ТОФ.

6 апреля 1938 года следствие по делу было закончено и направлено на рассмотрение выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР, которая 7 апреля приговорила ТОНЭГАВА СИРО, он же ТОМИКАВА Кэйдзо, к ВМН.

Судебное заседание под председательством диввоенюриста НИКИТЧЕНКО продолжалось 15 минут. В процессе его ТОНЭГАВА СИРО свои показания, даваемые на предварительном следствии, подтвердил полностью и показал, что «агентом генерального штаба Японии был с 1929 года и по заданию разведки в этом же году принял советское гражданство. Лично он завербовал для шпионской работы ДОБРОВОЛЬСКОГО, БОЖКО, ШАПОВАЛОВА и ФЕКЛИНА». В последнем слове подсудимый ничего сказать не пожелал. Приговор в отношении ТОНЭГАВА СИРО исполнен в день суда, т.е. 7/IV-38 года.

Старший следователь следственного отдела Управления КГБ при СМ СССР по Приморскому краю

Капитан Гладышук

11 мая 1956 г.

г. Владивосток

АВТОБИОГРАФИЯ

*Бурлакова Леонида Яковлевича,
члена КПСС с марта 1920 года,
партибилет №00060229*

Родился 27 октября 1897 года в гор.Бугульма (быв. Самарской губ.), ныне Куйбышевская область. Мои родители: Отец Яков Архипович Бурлаков, до военной службы крестьянин Рязанской губернии и уезда, Троицкой вол., села Конищево. После военной службы остался в городе, работал на железной дороге конторщиком. В русско-японскую войну был призван в армию, принимал участие в боях и был захвачен в плен. Возвратясь из плена, работал чернорабочим на разных работах. Умер в 1909 году, работая на постройке моста через реку Амур под Хабаровском.

Мать Прасковия Яковлевна Бурлакова, уроженка той же местности, что и отец. До русско-японской войны — домашняя хозяйка. С уходом отца на войну работала поденницей прачкой до 1923 года. С 1923 года находилась на моем иждивении. Умерла в 1932 году.

Кроме меня было еще два брата. Старший Александр в настоящее время работает слесарем в мастерской артели в гор. Владивостоке, младший Николай умер в 1926 году на Камчатке.

После ухода отца на войну мать осталась с тремя детьми и вынуждена была пойти на поденные работы к богачам, где она стирала белье, мыла полы. Этого заработка хватало только на хлеб, и поэтому мне пришлось рано начать добывать свой хлеб. Уже с восьми лет я летом занимался продажей цветов и ягод, был подпаском и поваренком у лесовозов. В 1910 году, окончив поселковое одноклассное училище, поступил учеником слесаря в мастерскую 11-го участка службы пути КВЖД. Через полтора года меня перевели в депо подручным слесаря. В депо я проработал до середины 1914 года, а потом уехал во Владивосток, где в то время работал мой старший брат. По приезду во Владивосток поступил в медно-котельную мастерскую Владивостокского военного порта слесарем-медником. В порту я проработал до июня 1916 года, и досрочно был призван в ряды царской армии.

Как мастерового, меня назначали во Владивостокский минный батальон, где я работал в мастерских батальона до мая месяца 1917 г. Февральская революция для меня как солдата принесла некоторые облегчения, меньше стало муштры и мордобития, но власть была в руках офицера. Как отнять

эту власть, какие партии заняты этим, в то время я не знал и поэтому в Февральской революции принимал малое участие, и то только в коллективе. В мае 1917 года часть батальона была переброшена в Финляндию, в крепость Свеаборг, где я работал на ремонте минных катеров в мастерских батальона. В бурной революционной борьбе за массы, происходившей в то время в Гельсингфорсе, рабочему парню нетрудно было разобраться в партиях, и я примкнул в своем коллективе солдат к большевикам.

В сентябре 1917 года с группой товарищей я вступил в ряды финской Красной Гвардии. Вскоре нас командировали на завод Иогансона в г.Гельсингфорсе для постройки железнодорожных броневиков для Красной Армии, где я и проработал до апреля 1918 года. После оккупирования Гельсингфорса немцами на канонерской лодке «Грозный» эвакуировался в Ленинград, а оттуда во Владивосток.

Во Владивосток я приехал в июне 1918 года и сразу же вступил в красногвардейский отряд Союза Горняков, с которым был направлен в низовья реки Амура для проведения национализации так называемых Лимуских приисков. В этой экспедиции отряд пробыл до сентября 1918 года. С открытием Уссурийского фронта против японцев и белогвардейцев отряд был возвращен в Хабаровск и влит в батальон тов. Серошапки. Меня же с группой товарищей командировали в Хабаровский арсенал для работы по ремонту оружия. После падения Хабаровска я еще некоторое время оставался в арсенале, был связан с братьями Ахлюстиными и принимал участие в снабжении партизанского отряда, находившегося на Ивановском приiske. Оружие и материалы добывались нами из арсенала и артиллерийского склада. На лодках из Хабаровска перевозились в деревню Николаевка, а оттуда на лошадях до Ивановского прииска. Весной 1919 года при сопровождении одного из транспортов я участвовал в вооруженной стычке с японцами.

В апреле 1919 года при переходе Амурского моста я был захвачен охраной моста и направлен в Никольск-Уссурийский к воинскому начальнику для зачисления в ряды белой армии, но от воинского начальника мне удалось убежать и уехать во Владивосток.

Во Владивостоке через служащего Дальзавода т. Иванова я связался с нелегальной парторганизацией и поступил работать в паровозно-ремонтный цех Дальзавода. Вскоре на Дальзаводе вспыхнула забастовка из-за увольнения работников профсоюзного руководства, и для того, чтобы подавить забастовку, генерал Розанов начал облавами

на улицах вылавливать молодежь и направлять в воинские части. В одну из таких облав попал и я и был направлен на Русский остров в унтер-офицерский батальон. При отправлении на Русский остров с пристани я убежал и через т.Иванова просил парторганизацию отправить меня в партизанский отряд, но парторганизация, связав меня с т.Марамчиным (Яков), предложила ехать на Русский остров для ведения агитационной работы, что я и сделал. В инструкторской школе я пробыл до Гайдовского восстания 17-18 ноября 1919 года.

В восстании я участвовал на стороне восставших, командуя взводом связи, непосредственно участвовавшим в боях за вокзал. После подавления восстания я был арестован и отправлен на Русский остров для суда, но при помощи парторганизации, устроившей мне побег (способствовали т.т. Дрынгов и Зинченко) во Владивосток, где перешел на нелегальное положение, руководя подрывной командой при штабе тов. Сергея Лазо.

После свержения власти генерала Розанова 31 января 1920 года я был назначен адъютантом Политотдела Военного совета Приморья. В марте 1920 года я вступил в ряды РКП(б). Принят был Владивостокской парторганизацией без кандидатского стажа, как участник нелегальной борьбы с интервенцией и белогвардейщиной.

Японское выступление 4-5 апреля 1920 года застало меня в Военном совете, где нас и арестовали японцы и отправили на вокзал, а оттуда в Гнилой угол – в казармы бывшего полка связи. Через неделю нас освободили, и до сентября месяца я под руководством так называемой Технической комиссии парторганизации выполнял различные поручения, главным образом – по выкачиванию оружия и материалов из Владивостока и отправки их на Сучан и Анучино партизанским отрядам.

В июне месяце 1920 года я был избран председателем третьего райкома РКП(б) гор. Владивостока. В сентябре месяце 1920 года меня командировали в ГПО (Госполитохрана) в качестве помощника начальника⁶⁴, где я и работал до мая месяца 1921 года, то есть до меркуловского переворота, после него с большой группой товарищей ушел в партизанский отряд, где был назначен командиром Железной роты, с которой участвовал в подрывных работах на железной дороге Угольная – Ворошилов-Уссурийский.

В конце 1921 года меня командировали во Владивосток для организации и ведения разведработы. Под руководством нелегального комитета я вел эту работу до июня 1922 года и возглавлял разведсеть 5-й Краснознаменной армии. В начале 1922 года при перестрелке с белогвардейцами при побеге из

полицейского участка я был ранен в правое плечо, но работы не оставлял. За работу по осведомлению 5-й армии и спасению библиотеки Генштаба награжден часами (Приказ РВС 5-й Краснознаменной армии №169 от октября 1922 года)⁶⁵.

В 1922 году я женился на Бурлаковой Вере Петровне (девичья фамилия Гаврилюкова), работала она в то время телефонисткой на Владивостокской городской телефонной станции. В нелегальной работе жена принимала участие путем подслушивания телефонных разговоров, хранения секретных материалов и в качестве связиста с руководящим центром в г.Харбин. В декабре у нас родился сын Юрий. До Отечественной войны учился в средней школе, в 1941 году был призван в армию и погиб под Смоленском в 1943 году.

После советизации Дальнего Востока я работал в Разведупре РККА. Работая в Разведупре, я попутно работал в обкоме ВКП(б) в качестве инструктора информации. Потом был избран членом ревкомиссии обкома и перешел работать в управление Добровольного флота в качестве начальника отдела кадров.

В 1924 году по заданию Разведупра работал в Маньчжурии и Китае. В сентябре 1925 года, выполняя одно из поручений, я был арестован на ст. Пограничная китайской чжанзолиновской полицией. Через два дня после ареста пытался бежать, но неудачно. Как на ст. Пограничная, так и в Харбине я перенес тяжелые пытки. После выздоровления был отправлен в Мукденскую тюрьму. Через полгода меня судили и дали 9 лет 2 месяца каторжной тюрьмы. В тюрьме я просидел по апрель 1930 года (4 года 9 месяцев), освобожден после китайско-советского конфликта путем обмена на пленных китайских офицеров.

В 1930 году я приехал в Москву, и вскоре по путевке ЦК ВКП(б) был направлен в Урало-Казахстанскую промакадемию. Окончил в 1930-1931 годах подготовительные и первый курс факультета цветных металлов.

В декабре 1931 года меня снова призвали в ряды Красной Армии и назначили в 67 дивизию помощником начальника разведки. В феврале я был откомандирован в штаб ОКДВА в гор. Хабаровск и назначен помощником начальника разведки ОКДВА. В сентябре 1932 года переведен в качестве помощника начальника разведотдела Тихоокеанского флота.

Работая в штабе Тихоокеанского флота, в 1933 году я был избран членом пленума обкома ВКП(б) и выполнял поручения по хозяйственному и промышленному развитию Приморья.

В 1937 году был откомандирован в Москву

и назначен начальником отделения Центральной школы подготовки командиров штаба РККА. В сентябре 1938 года я был арестован органами НКВД. Без предъявления какого-либо обвинения я сидел в Лефортовской тюрьме около двух месяцев, и потом через Бутырскую тюрьму меня отправили во Владивосток.

Летом 1940 года я предстал перед судом Военного трибунала Тихоокеанского флота, последний, допросив двух свидетелей, показавших в мою пользу, направил мое дело на следствие. 4 декабря 1940 года НКВД гор. Владивостока извинилось передо мной и освободило за недоказанностью обвинения. По возвращении в Москву в 1941 году меня восстановили в рядах партии, а из рядов армии демобилизовали на пенсию в размере 414 рублей (позднее пенсия была увеличена до 614 рублей).

В июле 1941 года меня мобилизовали и направили в НКГБ гор. Москвы, где я под руководством т. Свердлова Андрея Яковлевича⁶⁶ выполнял специальное задание. За эту работу мне присвоили звание почетного чекиста (нагрудный знак «Заслуженный работник НКВД», вручен в июне 1942 г.).

В конце августа 1943 года я был командирован в партизанский отряд т.Воропаева в качестве помощника командира отряда по спецработе и с частью отряда переброшен в район Гомеля. В связи с тем, что в это время районы Белоруссии стремительно освобождались Красной Армией, отряд вел операции только по уничтожению отступающих немцев и изъятию у них награбленного имущества. Через два месяца отряд встретился с передовыми частями Красной Армии и был отозван в Москву, где и расформирован, а в декабре 1943 года я был откомандирован в Центральное управление Генштаба Советской Армии, где работал до августа 1944 года.

В августе 1944 года, в связи с окончанием партизанского движения в Белоруссии, я был отправ-

лен в отдел кадров Московского военного округа, а последний направил меня в Нарофоминск в 64 офицерский полк, откуда я был демобилизован в сентябре 1945 года.

После демобилизации я восстановил свою военную пенсию и снова стал получать ее с февраля 1946 года в размере 614 рублей за 30 лет выслуги в частях и учреждениях Советской Армии.

В феврале 1946 года я поступил работать в качестве бригадира бригады слесарей в контору спецработ треста «Академстрой» Академии медицинских наук. В 1949 году уволился по состоянию здоровья и после небольшого лечения в ноябре 1949 года поступил работать слесарем-водопроводчиком в Высшую школу профдвижения, где проработал до июня 1953 года. Уволился по состоянию здоровья. До начала 1954 года лечился амбулаторно и после поступил на завод «Платиноприбор». Проработав два месяца, серьезно заболел и по рекомендации врачей поступил в артель «Мостриковяз» вязальщиком шарфов, надомником. В артели проработал до декабря 1955 года, после этого заболел и в настоящее время лечусь амбулаторно.

За все время пребывания в рядах КПСС я не имел никаких партвзысканий, всегда считал, что только партия под руководством ЦК обеспечит построение коммунизма в нашей стране. Все свои знания, силы и здоровье я всегда безоговорочно отдавал делу Ленинской партии и нашей Родине.

По возвращении из Китая за работу, которую я проводил там, правительство наградило меня орденом Красного Знамени. За участие в Отечественной войне я был награжден медалями, и мне присвоено звание подполковника Советской Армии.

Л.Бурлаков

29 мая 1956 года.

(В июле 1957 г. Л.Я.Бурлаков умер от рака легких.

Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Был противником проведения незаконных массовых арестов и необоснованных репрессий против членов ВКП(б), советского и хозяйственного актива, рядовых граждан. В 1935 г. под его руководством была проведена масштабная операция по ликвидации притонов и баз преступности в знаменитом районе Владивостока – «Миллионке». При аресте в Хабаровске, куда он был вызван для участия в совещании, у него был изъят портфель, в котором было полотенце, кусок туалетного мыла и две шоколадные конфеты. В мыле и одной из конфет был обнаружен спрятанный яд. По приказу Г.С.Люшкова яд изымать не стали и вернули Визелью полотенце, мыло и конфеты. 21 августа, сразу же после их получения, Визель принял яд, но мгновенной смерти не последовало и он еще несколько дней прожил в тюремной больнице и дал показания о целом ряде чекистов-«заговорщиков».

² **ЛЮШКОВ Генрих Самойлович** (1900–1945). Еврей. Член ВКП(б) с 1917 г. С 1920 г. – уполномоченный ОО 57-й СД, заместитель заведующего политотдела Тираспольской уездной ЧК, 1920–1921 гг. – заведующий информацией регистрационной части, врид заместителя заведующего Вознесенским секретным подотделом, помощник заведующего орготделением ОАЧ, начальник инспекционной части Одесской губернской ЧК, 1922 г. – старший инспектор по ОАЧ Одесского губернского отдела ГПУ, 1922–1925 гг. – уполномоченный 4 группы, начальник СОЧ, помощник начальника Каменец-Подольского уездного погранотделения ГПУ-ОГПУ, начальник Волочискского погранотряда ОГПУ, начальник Проскуровского окружного отделения ОГПУ, 1925–1930 – начальник ИНФО УОУ ГПУ УССР, 1930–1931 гг. – начальник СО СОУ ГПУ УССР, 1931–1933 гг. – помощник начальника СПО, начальник 2-го отделения СПО ОГПУ СССР, 1933–1934 гг. – заместитель начальника СПО ОГПУ СССР, 1934–1936 гг. – заместитель начальника СПО ГУГБ НКВД СССР, 1936–1937 гг. – начальник УНКВД Азово-Черноморского края, 31.07.1937–13.06.1938 гг. – начальник УНКВД по ДВК. 13.06.1938г. – с территории Хасанского района Приморского края совершил побег в Маньчжурию. Работал в Бюро по изучению Восточной Азии, советником ИРУ штаба Квантунской армии. Предположительно, 19.08.1945 г. в Дайрене убит начальником Дайренской ЯВМ.

³ По приказу начальника ПОУ НКВД в составе группы арестованных отправлен в Хабаровск. В начале февраля 1938 г. был расстрелян по обвинению в участии в «право-троцкистской организации», якобы действовавшей в областном и краевом управлениях НКВД.

⁴ В настоящее время здание Управления внутренних дел по Приморскому краю.

⁵ **ЦЕСАРСКИЙ Владимир Ефимович** (1895–1940). Еврей. Член ВКП(б) с 1919 г. 1935–1937 г. – референт-докладчик секретаря ЦК ВКП(б) Н.И.Ежова. С 1936 г. – особоуполномоченный при наркомне НКВД СССР, начальник УРО ГУГБ НКВД СССР, 1936–1938 гг. – начальник 8-го отдела ГУГБ НКВД СССР, 1938 г. – начальник 4-го отдела 1-го управления НКВД СССР, начальник управления Ухто-Ижемского ИТЛ НКВД. 9.12.1938 г. – арестован, 21.01.1940 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН, в тот же день расстрелян. Не реабилитирован.

⁶ Бывший чекист, на момент ареста сотрудник Севвостоклага.

⁷ 25 октября 1938 г. заместителем начальника ПОУ НКВД и ОО ТОФ майора Г.Б.Дементьева по ОО НКВД ТОФ был назначен капитан Г.Б.Дорожко.

⁸ **АЛЫШУЛЛЕР Павел Моисеевич** (1902–?). Лейтенант госбезопасности. 1919 г. – сотрудник ВЧК. С 1924 г. – сотрудник РКМ. С 1932 г. – уполномоченный ОО Белорусского ВО. 1934–1936 гг. – оперуполномоченный Биробиджанского областного Управления НКВД и ОО НКВД 34-й СД ОКДВА. С 1936 г. – оперуполномоченный ОО НКВД ТОФ. С 1937 г. – оперуполномоченный ИНО, начальник 7-го отделения 4-го отдела ПОУ НКВД. В 1938 г. арестован по обвинению в участии в право-троцкистской организации. В 1939 г. дело прекращено за отсутствием состава преступления. Освобожден. 1939–1940 гг. – начальник центрального склада завода № 49 г. Осиленко Запорожской области. В 1940 г. вновь призван в органы НКВД, заместитель начальника колонии №8 УНКВД Винницкой области в г. Осиенко. 1941–1942 гг. – старший оперуполномоченный ОО НКВД Балаклавского гарнизона Харьковского ВО, ОО НКВД Чкаловского гарнизона Приволжского ВО, старший оперуполномоченный ОО НКВД 214-й СД Южно-Уральского ВО по обслуживанию периферийных объектов. 1942–1945 гг. – заместитель начальника ОО НКВД 39-й гвардейской СД 62-й армии Сталинградского и Донского фронтов, помощник начальника, заместитель начальника ОКР «Смерш» 29-го гвардейского стрелкового корпуса. 1945–1948 гг. – начальник оперативной группы УКР «Смерш» района Целендорф г. Берлина, начальник 2-го отделения, заместитель начальника 2-го отдела, заместитель начальника 1-го отдела Берлинского оперативного сектора МВД-МГБ СССР. В 1948 г. уволен на пенсию в звании подполковника с должности начальника отдела областного Управления по несоответствию.

⁹ **ВОЗНЯКОВСКИЙ Г.М.** В 1939 г. заместитель начальника ОО НКВД по ТОФ.

¹⁰ Приказ № 00439 от 25 июля 1937 г. предусматривал арест всех германских граждан, проживающих в СССР, работающих (или работавших ранее) в оборонной промышленности и на железных дорогах. 5 августа начались аресты по приказу № 00447 (т.н. «жулацкая операция»), 15 августа – по приказу № 00485 (т.н. «польская операция»), затем вступил в силу приказ № 00486, касавшийся членов семей «врагов народа», а 20 сентября – приказ № 00593 по «японо-харбинцам».

¹¹ **ФРИНОВСКИЙ Михаил Петрович** (1898–04.02.1940). Русский, член ВКП(б) с 1918 г. комкор (1935), командарм I ранга (1938). 1919– помощник начальника активной части МЧК, 1919–1920 – начальник ОО Белгородской уездной ЧК, с 1920 г. – начальник ОО Киевской ЧК, начальник ОО Галицийской армии, начальник АОЧ ОО Юго-Западного фронта, 1920–1921 гг. – помощник начальника ОО 1-й Конной армии, заместитель начальника ОО ЦУПРЧРЕЗКОМ, помощник начальника секретного отделения ОО ЦУПРЧРЕЗКОМ, заместитель начальника оперативного отделения СОЧ ВУЧК,

1921–1922 гг. – начальник оперативного отделения СОЧ ВУЧК, 1922 – секретарь ПП ГПУ УССР по Правобережной Украине, 1922–1923 гг. – секретарь Киевского губернского отдела ГПУ, с 1923 г. – секретарь ПП ОГПУ по Юго-Востоку, 1923–1924 гг. – старший инспектор Инспекции войск ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю, 1924–1926 гг. – начальник ЧПО ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и начальник ОО ОГПУ СКВО, 1927–1928 гг. – помощник начальника ОО ОГПУ МВО, 1929–1930 гг. – Старший инспектор войск ОГПУ МВО, 1928–1930 гг. – комдив-военком ОСНАЗ при коллегии ОГПУ СССР, 1930–1933 гг. – председатель ГПУ АзербССР, 1933–1934 гг. – начальник ГУПО и войск ОГПУ СССР, 1934–1937 гг. – начальник ГУПВО НКВД СССР, 1936–1937 гг. – заместитель наркома НКВД СССР, 1937–1938 гг. – первый заместитель наркома НКВД СССР, 1937–1938 гг. – начальник ГУГБ НКВД СССР, с 1938 г. – начальник 1-го управления НКВД СССР. 8.09.1938–6.04.1939 гг. – нарком ВМФ СССР. 6.04.1939 г. – арестован, 4.02.1940 г. – ВК ВС СССР приговорен к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован.

¹² В 1937 г. арестованы и в 1938 г. расстреляны: командир ПЛ «М-19» старший лейтенант **М.Е.Гуткин**, ПК ПЛ «Щ-106» старший лейтенант **М.С.Карпунин**, флагманский артиллерист 5-й морской бригады **Н.Н.Клюквин**, командир ПЛ «М-20» старший лейтенант **В.Е.Кожанов**, командир ПЛ «М-4» старший лейтенант **А.Н.Кочетков**, командир ПЛ «Щ-120» старший лейтенант **Г.А.Наринян**, командир ПЛ «М-9» старший лейтенант **В.А.Павлов**. Тогда же арестованы и приговорены к заключению: флагманский связист 3 БПЛ воентехник 1-го ранга **С.А.Бенкин**, флагманский минёр 12ДПЛ 1БПЛ старший лейтенант **Т.Т.Брыкля**, командир ПЛ «Щ-128» **А.Ф.Горошков**, командир БЧ-1 ПЛ «Щ-104» лейтенант **Г.С.Догаев**, флагманский химик 5-й морской бригады лейтенант **Н.П.Дубов**, командир 2БПЛ капитан 1 ранга **А.И.Зельтинг**, командир БЧ-1 ПЛ «Щ-132» лейтенант **В.М.Лебедев**, командир БЧ-5 ПЛ «М-13» и инженер-механик 24 ДПЛ 2БПЛ военинженер 3-го ранга **А.Н.Попов**, командир БЧ-3 ПЛ «Щ-101» лейтенант **М.Д.Фурутин**.

¹³ **КОЦУПАЛО Григорий Самсонович** (1906–1985). Украинец, член ВКП(б) с 1926 г. 1930–1932 гг. – помощник уполномоченного и уполномоченный Киевского оперсектора ГПУ, 1932–1934 гг. – уполномоченный Киевского областного отдела ГПУ, 1934–1938 гг. – оперуполномоченный АВФ, 1938–1939 гг. – начальник отделения ОО НКВД ТОФ, 1939–1941 гг. – начальник УНКВД Уссурийской области, 1941–1943 – начальник УНКВД Уссурийской области, 1943–1951 гг. – заместитель начальника УНКГБ-УМГБ Приморского края, 1951–1953 гг. – начальник УМГБ Новосибирской области, 1953–1954 гг. – начальник УМВД Новосибирской области, 1954–1957 гг. – начальник УКГБ Новосибирской области. С 1936 г. – лейтенант ГБ, с 1939 г. – капитан ГБ, 1943 г. – подполковник ГБ, 1943 г. – полковник ГБ.

¹⁴ **КОВРИГИН А.Н.** В 1936 г. помощник оперуполномоченного 4-го отделения ОО ГУГБ ТОФ.

¹⁵ **РЕБРОВ Сергей Викторович** (1899–27.05.1938). Русский, член ВКП(б) с 1919 г. Капитан 3 ранга (1936). В 1926 г. окончил курсы при Военно-политической академии им. Толмачева, 1921–1929 гг. – сотрудник ОО ОГПУ, 1929–1932 гг. – окончил ВМА, 1933–1934 – начальник 6-го отдела штаба ТОФ, 1934–1938 гг. – начальник РО штаба ТОФ.

¹⁶ **АРОНШТАМ Лазарь Наумович** (1896–25.03.1938). Еврей, член ВКП(б) с 1915 г. Армейский комиссар 2 ранга (1935). 1918–1921 гг. – военком стрелкового батальона, СП, стрелковой бригады, военком 14-й СД, 28-й СД, 1921–1923 гг. – учеба в Военной академии РККА, 1923–1924 гг. – военком 4-й СД, помощник командира 5-го стрелкового корпуса по политической, 1924–1925 гг. – член ЦК КП Польши, 1924–1926 гг. – секретарь КП Западной Белоруссии, 1926–1928 гг. – арестован в Польше и выслан в СССР по обмену, 1928–1929 гг. – военком инспекции артиллерии и бронесил РККА, 1929–1933 гг. – член РВС – начальник политуправления Белорусского ВО, 1933–1936 – член ВС – начальник политуправления ОКДВА, 1936–1937 гг. – член ВС – начальник политуправления Московского ВО, член Военного совета при наркомате обороны СССР, 1937 – член ВС – начальник политуправления Приволжского ВО, член ЦРК при ЦК ВКП(б). 31.05.1937 г. – арестован, 25.03.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН. 02.06.1956 г. – реабилитирован.

¹⁷ **ВАЛИН-ГАЙЛИС Август Юрьевич** (1895–26.10.1937). Латыш, член ВКП(б) с 1917 г., образование высшее. Комбриг (1936). С 1918 г. в РККА. 1920–1921 гг. – помощник заведующего разведкой 4-й армии на Украине, 1921–1922 гг. – учился в Военной академии РККА, заведующий сектором 3-го отдела РУ Штаба РККА. 1922–1923 гг. – военный советник Компартии Германии. 1923 г. – окончил Военную академию РККА, 1923–1926 гг. – нелегальная работа в Латвии, 1926–1927 гг. – секретарь Китайской комиссии ПБ ЦК ВКП(б), 1926–1930 гг. – помощник начальника, заместитель начальника 4-го отдела РУ РККА, 1930–1931 гг. – военный советник ЦК КП Китая, 1931–1932 гг. – помощник начальника 2-го отдела РУ РККА, 1932–1937 гг. – начальник РО ОКДВА, 04-06.1937 г. – начальник 2-го отдела РУ РККА. 26.07. В 1937 г. арестован, 26.10.1937 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН по обвинению в измене Родине и участии в контрреволюционной террористической организации. 1.06.1957 – реабилитирован.

¹⁸ **ДОБРОВОЛЬСКИЙ Иван Лаврентьевич** (1907–9.04.1938). Техник-интендант 1 ранга. Преподаватель китайского языка в РО ОКДВА. 10.08.1937 г. – арестован, 9.04.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН. 17.11.60 – реабилитирован.

¹⁹ **КЯРТ Феликс Юрьевич** (1899–25.03.1938). Эстонец. Капитан 3 ранга (1936), член ВКП(б) с 1926 г. 1921–1925 гг. – окончил военно-морское училище, 1925–1927 гг. – минер ТЩ «Артемьев», ПК военного судна особого назначения «Смольный». С 1927 г. – в распоряжении РУ РККА, 1927–1931 гг. – начальник сектора 3-го отдела РУ РККА, 1931–1937 гг. – помощник начальника, начальник РО штаба Амурской Краснознаменной военной флотилии. 29.08.1937 г. – арестован, 17.10.1937 г. – уволен из РККА, 25.03.1938 г. – расстрелян.

²⁰ **ИЛЪЯШЕНКО Федор Евгеньевич** (1888–1938). Китаевед. Окончил кадетский корпус и Сумское военное училище, затем китайское отделение Восточного института (Владивосток). Участник Первой мировой войны и Гражданской войны на Дальнем Востоке. В 1918–1920 гг. – переводчик штаба Американского экспедиционного корпуса во Владивостоке. С 02.1920 г. – начальник агентыры РО штаба сухопутных и морских сил Временного правительства Даль-

него Востока Приморской областной земской управы. 11.1921–10.1923 гг. – начальник информационного отдела РУ штаба НРА ДВР, занимал также должность представителя Реввоенсовета НРА ДВР при британском военном атташе полковнике Файмонвилле в Чите. В октябре 1923 г. демобилизовался; работал помощником начальника финансово-экономического бюро Дальневосточного банка. Летом 1924 г. переехал вместе с банком в Хабаровск. В июне 1925 г. командирован в полномочное представительство СССР в Пекине, где работал помощником резидента РУ РККА по агентуре. 6 апр. 1927 г. после нападения на полпредство китайской полиции и военных был арестован. В октябре 1928 г. освобожден и вернулся в СССР. В 1928–1932 гг. работал как журналист в Иркутске и Москве. В июне 1932 г. вновь мобилизован на службу в РУ РККА и командирован в РО ОКДВА в Хабаровск. 11.1932–12.1935 гг. – начальник агентурного сектора, помощник начальника 1-го (агентурного) отделения РО штаба ОКДВА. Арестован 17 июня 1937 г., обвинялся в связях с троцкистами и работе на иностранную разведку. 9 апреля 1938 г. выездной сессией ВК ВС СССР приговорен к ВМН. Расстрелян в Хабаровске. В 1957 г. реабилитирован.

²¹ **ГОСПОДАРИК Деонид (Демид) Степанович** (1898–14.04.1939). Украинец, беспартийный, образование высшее. Капитан 2 ранга. В 1918 г. окончил курсы комсостава флота, 1918–1919 гг. – окончил курсы разведки штаба РККА, 1919–1920 гг. – уполномоченный при штабе Юго-Западного фронта, с 1920 г. – заместитель начальника оперативного отдела 6-й армии, 1920–1921 гг. – начальник РО 61-й СД, 1921 – заведующий сектором штаба Петроградского ВО, 1921–1922 гг. – начальник РУ штаба войск Карельского района штаба Петроградского ВО, 1922–1926 гг. – окончил военно-морской факультет ВМА, 1926–1927 гг. – СПК КЛ «Красная Грузия», 1927–1929 гг. – помощник начальника оперативного отдела РККФ, 1929–1930 гг. – начальник РО РККФ, 1930–1934 гг. – начальник РО штаба ЧФ, 1934–1938 начальник отделения РУ РККА. 30.04.1938 г. – арестован, 13.04.1939 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. 2.04.1957 г. – реабилитирован.

²² **БОГОВОЙ Василий Григорьевич** (28.02.1898–26.10.1937). Русский, из крестьян, 1906–1918 – примыкал к партии эсеров, член ВКП(б) с 1921 г., образование высшее. 1919–1921 гг. – командир 156 СП 18 СД, командир 160 СП, 499 СП, 1921–1922 гг. – комендант г.Архангельска, 1922–1924 гг. – командир 52-й стрелковой бригады 58 СД, 1924–1926 гг. – окончил основной факультет Военной академии РККА, 1926–1928 гг. – помощник по учебно-строевой части начальника Московской пехотной школы им.Ашенбреннера, помощник начальника Научно-уставного отдела Штаба РККА, 1928–1931 гг. – помощник военного атташе, военный атташе в Польше, отбыл из страны после ареста его агента, майора польского Генштаба Петра Демковского (через несколько дней расстрелянного за государственную измену). 1931–1935 гг. – заместитель начальника 3-го отдела РУ РККА, 1933–1934 гг. – окончил оперативный факультет Военной академии им.М.В. Фрунзе, 1935–1936 гг. – начальник 4-го отдела РУ РККА, 1936–1937 гг. – начальник 5-го отдела РУ РККА. 29.05.1937 г. – арестован, 26.10.1937 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной террористической организации. 16.06.1956 г. реабилитирован.

²³ **СОЛОННИКОВ Орест Сергеевич** (29.08.1897–29.07.1937). 10.09.1914 г. – принят в Морское училище. С 1.05.1917 г. – старший гардемариан, плавание на ВСКР «Троян» и ЭМ «Зоркий» в должности вахтенного начальника, 06.1917 г. – участвовал в высадке десанта в Ризе и Орту на турецком побережье. 09.1917 г. прошел обучение в Морском училище. 12.03.1918 г. – уволен из Морского училища и отчислен в распоряжение штаба БФ. 12.1918 г. – в составе 3-й Украинской советской армии. 11.03.1919 г. – командир морской роты и бронекатера №2 Днепровской флотилии, 1.04.1919 г. – заведующий штурманской частью, с 15.04.1919 г. – начальник оперативной части штаба Днепровской флотилии, 17-26.07.1919 г. – руководитель операций по разгрому банды атамана Зеленого под Киевом. С 09.1919 г. – и.д. начальника походного штаба Днепровской флотилии, с 27.10.1919 г. – офицер для поручений при командующем Днепровской флотилией. С 2.05.1920 г. – начальник дивизиона канонерских лодок и десантных частей Южной группы Днепровской военной флотилии, с 1.06.1920 г. – помощник начальника оперативного отдела по морской части, с 17.06.1920 г. – помощник начальника службы связи, с 27.06.1920 г. – начальник службы связи Днепровской флотилии. С 20.08.1920 г. – командир КЛ «Могучий» Днепровской флотилии. 1.10.1920 – флаг-штурман Днепровской флотилии. 1.03.1921 г. – помощник начальника отряда судов по оперативной части, 23.03–1.04, 2.09–6.10.1921 г. – врио командующего Днепровской флотилии. 1.02–31.10.1922 г. – НШ Днепровской флотилии, 11–23.05 и 5–21.08.1922 г. – врио начальника Днепровской флотилии. С 1.11.1922 – председатель ликвидационной комиссии Днепровской флотилии. 24.02.1923 г. – в распоряжении Строевого управления Морского штаба, с 1.03.1923 г. – старший производитель работ, 19.08.1923 г. – помощник начальника стратегической части Оперативного отдела Морского штаба республики. 1.10.1923 г. – помощник начальника стратегического отдела Оперативного управления штаба РККФ. 13.10.1925–30.06.1928 гг. – обучение на военно-морском факультете Военно-морской академии, стажировка в должности старшего помощника командира ЭМ «Незаможник» МСЧМ. 1.03.1929 г. – помощник начальника 2-го отдела 1-го управления Штаба РККА. В 1930 г. – начальник 8-го сектора ГУ РККА. 25.01.1932 г. – НШ Астраханно-Каспийской военной флотилии. 9.03.1932 г. – НШ МСДВ-ТОФ. 26.11.1935 г. – капитан 1 ранга, 23.12.1935 г. – награжден орденом Ленина. 26.07.1937 г. – арестован, 29.07.1937 г. – расстрелян, 27.07.1957 г. – реабилитирован (посмертно).

²⁴ **ВИКТОРОВ Михаил Владимирович** (24.12.1892–1.08.1938). Флагман флота 1 ранга (1935). Русский, член ВКП(б) с 1932 г., образование высшее. Из семьи офицера, окончил Морской корпус, ВМА, лейтенант. ПК ЛК «Гражданин» (б. «Цесаревич»), 1-й ПК КР «Олегр», командир ЭМ «Всадник», командир ЛК «Андрей Первозванный» и «Гангут». 1921–1924 гг. – старший морской начальник Кронштадта, начальник МСБМ, с 1924 г. – начальник МСЧМ, 1924–1926 гг. – начальник Гидрографического управления ВМС РККА, 1926–1932 гг. – начальник МСБМ, 1932–1935 гг. – начальник МСДВ, 1935–1937 гг. – командующий ТОФ, 1937 г. – член Военного совета НКО СССР, начальник Военно-морских сил РККА. 22.04.1938 г. – арестован, 1.08.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации. 14.03.1956 – реабилитирован.

²⁵ **ОКУНЕВ Григорий Сергеевич** (1900–29.07.1938). Русский, член ВКП(б) с 1917 г., обр. высшее (ВМА). Армей-

ский комиссар 2 ранга (1935). 1921–1927 гг. – инспектор, начальник оргинструкторского отдела, заместитель начальника ПУ ЧФ, 1927–1930 гг. – член РВС ЧФ, 1931–1933 гг. – учеба в ВМА, 1932–1933 – помощник начальника ВМС РККА по политчасти, с 1933 г. – начальник ВМА, 1934–1937 – член ВС – начальник ПУ ТОФ, член Военного Совета при наркомате обороны СССР. 2.12.1937 г. – арестован, 28.07.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН по обвинению в участии в военном контрреволюционном заговоре на ТОФ. 19.05.1956 г. – реабилитирован.

²⁶ **КИРЕЕВ Григорий Петрович** (1890–29.07.1938). Русский, член ВКП(б) с 1918 г., образование высшее. Флагман флота 2 ранга. 1918 – начальник отряда особого назначения БФ, 1923–1926 гг. – член РВС МСЧМ, 1926–1931 гг. – член РВС МСБМ, 1928–1931 гг. – начальник политуправления МСБМ, 1931–1933 гг. – окончил ВМА, 1933–1934 г. – командующий КВФ, 1934–1937 – помощник командующего и заместитель командующего ТОФ, 1937–1938 гг. – командующий ТОФ. 10.01.1938 г. арестован, 29.07.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. 13.06.1956 – реабилитирован.

²⁷ **СТОРОЖЕНКО Алексей Алексеевич** (1895–22.08.1938). Украинец, член ВКП(б) с 1930 г. Комкор. 1922–1925 гг. – начальник 6-й СД, 1925–1936 – окончил ВАК РККА, начальник 27-й пехотной школы, начальник Объединенной пехотной школы им. Ашенбреннера и Уншлихта, с 1937 г. – командир 10-го стрелкового корпуса, 1937–1938 – помощник командующего ТОФ по сухопутным войскам. 13.04.1938 г. – арестован, 22.08.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН. 14.07.1956 г. – реабилитирован.

²⁸ **НИКИФОРОВ Леонид Иванович** (1896–23.05.1938). Русский, член ВКП(б) с 1917 г. Комдив. 1934–1938 гг. – командующий ВВС ТОФ. 15.01.1938 г. – арестован. 23.05.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН. 10.11.1956 г. – реабилитирован.

²⁹ **МИЛЕШКИН Николай Петрович** (1897–15.03.1938). Член ВКП(б) с 1924 г. Полковник. Командир 125-й авиабригады ВВС ТОФ. 31.08.1937 г. – арестован, 15.03.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН. 02.07.1957 г. – реабилитирован.

³⁰ **УРИЦКИЙ Семен Петрович** (1898–08.1938). Еврей, член ВКП(б) с 1912 г., образование высшее. С 1917 г. в Красной Гвардии. 1918–1920 – ПНШ 58 СД, командир кавалерийской бригады особого назначения 2-й Конной армии, помощник начальника штаба 187-й стрелковой бригады, 1920 – начальник оперативного отдела РУ Полевого Штаба РВСР, 1920–1922 гг. – учился в Военной академии РККА, 1922–1924 гг. – в командировке в Чехословакии и Германии от РО Штаба РККА, 1924–1927 гг. – помощник начальника, начальник Московской интернациональной пехотной школы, 1927–1929 гг. – командир 20 СД, 1929–1930 гг. – ЗНШ Северо-Кавказского ВО, с 1930 г. – командир 8-го стрелкового корпуса, 1930–1931 гг. – командир 6-го стрелкового корпуса, 1931–1932 гг. – НШ Ленинградского ВО, 1932–1934 гг. – командир 13-го стрелкового корпуса, 1934–1935 гг. – заместитель начальника Управления механизации и моторизации РККА, заместитель начальника Автобронетанкового управления РККА, 1935–1937 гг. – начальник РУ РККА, 1937 – заместитель командующего войсками Московского ВО, член Военного совета при наркомате обороны СССР. Комкор. 4.11.1937 г. – арестован, 1.08.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН по обвинению в участии в контрреволюционной организации. 7.03.1956 г. – реабилитирован.

³¹ **ОКАМОТО Суэмаэ** (1892–1967). Японский дипломат. В 1917 г. окончил юридический факультет Токийского императорского университета, в 1918 г. сдал экзамен и принят на службу в МИД Японии. Работал на различных должностях в дипломатических учреждениях Японии, в Англии и США. С апреля 1931 г. – начальник 2-го отдела департамента Европы и США, с марта 1934 г. – начальник финансового отдела, с мая 1936 г. – директор департамента США МИД Японии. В апреле 1937 г. назначен генеральным консулом Японии в Шанхае. С марта 1938 г. – советник посольства Японии в Великобритании, с октября 1941 г. – генеральный консул Японии в Сингапуре, с ноября 1942 г. – посол Японии в Швеции и Дании (по совм.), с октября 1952 г. – посол Японии в Голландии. С декабря 1956 г. – в отставке.

³² **ХОНДА Тадао** (17.03.1888–10.10.1946). 1.05.1925–1.05.1926 гг. – стажировка в Англии. 1.05.1925–1.09.1927 – помощник ВМАТ Японии в Англии. 15.11.1928–1.12.1930 – офицер 5-го отделения 3-го бюро МГШ. 15.11.1932–1.12.1932 гг. – офицер 6-го отделения 3-го бюро МГШ. 1.12.1932–2.03.1933 гг. – начальник 5-го отделения (США) 3-го бюро МГШ (по совм.). 1.12.1932–1.12.1936 гг. – начальник 6-го отделения 3-го бюро (отдела) МГШ (по совм.). 1.12.1932–1.10.1933 гг. – начальник 8-го отделения 3-го бюро МГШ. 1.12.1936 г. – контр-адмирал. 1.12.1936–25.04.1938 гг. – ВМАТ Японии в Китае. 9.12.1937–25.04.1938 гг. – начальник оперативной резидентуры военно-морской разведки в Китае (по совм.)

³³ **КАТОЛИЧУК Павел Иванович** (1900–1938). Капитан 3 ранга (31.05.36), член ВКП(б) с 1920 г. 1918–1919 гг. – красноармеец, телефонист-наблюдатель, 1919–1922 гг. – адъютант бронепоезда № 81, с 1922 г. – военмор 2-го Балтийского флотского экипажа, 1922–1923 гг. – окончил электроминную школу, 1923–1924 гг. – старший телеграфист КЛ «Красная звезда», 1924–1930 гг. – инструктор политотдела Кронштадтской ВМБ, на политработе на КБФ, 1930–1933 гг. – окончил ВМА, с 1933 г. – помощник начальника 1-го сектора 1-го отдела штаба КБФ, 1933–1934 гг. – дублер командира ПЛД, 1934–1936 гг. – НШ бригады ПЛ МСДВ-ТОФ, 1936–1937 гг. – заместитель начальника РО штаба ТОФ, 1937–1938 гг. – начальник РО штаба ТОФ. Расстрелян. Реабилитирован 26 декабря 1957 г.

³⁴ **РОМЧЕНКО Михаил Васильевич** (11.11.1898–07.1971). Полковник (17.12.1938). В РККА с 1918 г., в ВМФ с 1937 г. Член ВКП(б) с 1917 г. 1922 г. – окончил 29-е пехотные Полтавские курсы, 1929 – Московский межевой институт, 1935 – Военно-инженерную академию РККА им. В.В.Куйбышева. В 1916–1917 гг. – на службе в русской армии, младший унтер-офицер отдельной инженерной роты. 10.1917–05.1921 гг. – участник Гражданской войны, начальник красногвардейского отряда в г. Новгород-Северский, начальник конного отряда, помощник командира батальона, командир полка. 11.1922–05.1925 гг. – командир батальона, 05.1935–11.1937 гг. – начальник пункта РО штаба Киевского

военного округа. 11.1937–04.1938 гг. – заместитель начальника, 04.1938–08.1939 – начальник РО штаба ТОФ. 1938 г. – участник боевых действий у озера Хасан. 1939–1945 гг. – на командных должностях в инженерном управлении ВМФ. 1945–1955 гг. – на руководящих штабных должностях в Главном инженерном управлении ВМФ. С 11.1955 г. – в запасе. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Орден Ленина (1952), орден Красного Знамени (1938, 1947, 1948), орден Отечественной войны II степени (1945), орден Красной Звезды (1944).

³⁵ **Смирнов Петр Александрович** (17.05.1897–23.02.1939). Русский, образование низшее. Член ВКП(б) с 1917 г., рабочий. Армейский комиссар 2 ранга (1935), армейский комиссар 1 ранга (1937). 1918–1922 гг. – военком СП, стрелковой бригады, штаба армии, 1922–1924 – военком СД, стрелкового корпуса, 1924–1926 гг. – заместитель начальника отдела Политуправления РККА, 1926–1929 гг. – член РВС – начальник политуправления БФ, 1929–1931 гг. – член РВС – начальник политуправления Северо-Кавказского ВО, 1931–1933 гг. – член РВС – начальник политуправления Приволжского ВО, 1933–1935 гг. – член ВС – начальник политуправления Белорусского ВО, 1935–1937 гг. – член ВС – начальник политуправления Ленинградского ВО, с 1937 г. – заместитель наркома обороны СССР – начальник Политуправления РККА, 1934–1938 гг. – член Военного совета при наркомате обороны СССР, 1938 г. – нарком ВМФ СССР. 30.06.1938 г. – арестован, 22.02.1939 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН по обвинению в участии в военно-фашистском заговоре. Расстрелян. 16.05.1956 г. – реабилитирован.

³⁶ **ЛАВРОВ Михаил Васильевич** (1897–23.05.1938). Русский, член ВКП(б) с 1919 г. Дивизионный комиссар. 1931–1934 гг. – начальник военно-морского факультета Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева, 1934–1937 гг. – заместитель начальника политуправления ТОФ. 04.10.1937 г. – арестован, 23.05.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН по обвинению в участии в военном контрреволюционном заговоре. 14.07.1956 – реабилитирован.

³⁷ **СЕРГЕЕВ Дмитрий Александрович** (1898–17.08.1938). Русский, член ВКП(б) с 1918 г. Бригадный комиссар. Военный комиссар Главного военного порта ТОФ. 05.11.1937 г. – арестован, 17.08.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН. 27.07.1957 г. – реабилитирован.

³⁸ **ВОЛКОВ Яков Васильевич** (1898–1963). Русский. С 1924 г. – военком Военно-морского училища, с 1937 г. – член Военного совета БФ, 1937–1938 гг. – член Военного совета ТОФ. Корпусной комиссар. Арестован в июле 1938 г. В мае 1941 г. ВК ВС СССР приговорен к 10 годам ИТЛ. В октябре 1954 г. реабилитирован.

³⁹ **ГАМАРНИК Ян Борисович** (2.6.1894–31.5.1937). Еврей, член ВКП(б) с 1916 г. Обучался на юридическом факультете Киевского университета. 1917–1927 гг. – член Киевского ревкома, председатель Одесского губкома КП(б)У, член РВС Южной группы войск, военком 58-й СД, председатель Дальревкома, крайисполкома и секретарь Далькрайкома ВКП(б), 1927–1928 гг. – член РВС Сибирского ВО, 1928–1929 гг. – первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, член РВС Белорусского ВО, 1929–1937 гг. – начальник Политуправления РККА и член РВС СССР, 1930–1934 гг. – заместитель председателя РВС СССР, 1934–1937 гг. – заместитель наркома обороны СССР, член Военного совета при наркомате обороны СССР, 1925–1927 гг. – кандидат в члены ЦК ВКП(б), 1927–1937 гг. – член ЦК ВКП(б). Застрелился накануне неминуемого ареста по «делу Тухачевского».

⁴⁰ **ПЕТИН Николай Николаевич** (02.05.1876–7.10.1937). Русский, из семьи офицера, образование высшее (АГШ), полковник царской армии, кандидат в члены ВКП(б) с 1932 г. НШ: 29.11.1918–05.1919 гг. – 6-й армии, 22.05–11.1919 г. – Западного, с 14.11.1919 г. – Южного, 10.01–12.1920 г. – Юго-Западного фронтов, 01-09.1921 г. – помощник командующего, а затем командующий войсками Киевского ВО. 1921–1922 гг. – командующий Киевским ВО, в 1922–1923 гг. – командующий Сибирским ВО, 1923–1924 гг. – командующий Западно-Сибирским ВО, 1924–1925 гг. – начальник ГУ РККА, 1925–1928 гг. – командующий Сибирским ВО, 1928–1930 гг. – заместитель начальника ГУ РККА, 1930–1932 гг. – инспектор инженерных войск РККА, 1932–1934 – начальник инженеров РККА, 1934–1937 гг. – член Военного Совета при наркомате обороны СССР, начальник Военно-инженерного Управления РККА. Комкор. 5.06.1937 г. – арестован, 7.10.1937 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН по обвинению в участии в военно-фашистском заговоре. 29.09.1956 г. – реабилитирован.

⁴¹ **БАНДИН Александр Павлович** (1895–14.06.1938). Русский, член ВКП(б) с 1925 г. Дивизионный инженер. 1937–1938 гг. – помощник начальника Инженерного управления РККА и начальник отдела инженерных войск ТОФ по совместительству. 14.06.38 – приговорен ВК ВС СССР к ВМН. 25.04.57 г. – реабилитирован.

⁴² **РОЗЕ Карл Андреевич** (23.06.1897–19.03.1938). Латыш. Член ВКП(б) с 1917 г. 1917–1918 гг. – обучение в Петроградском военно-инженерном техникуме. 1918–1919 – командир саперной команды 86 СП 10 отдельной СД, 1919–1921 гг. – помощник командира, командир отдельной саперной роты 10 СД. 1921–1928 гг. – обучение в Военно-технической академии им. Дзержинского. 1932–1937 гг. – начальник и военный комиссар инженеров МСДВ-ТОФ, руководил строительством береговой обороны ТОФ, 1937 г. – начальник НИИ (Москва). ВК ВС СССР приговорен к ВМН.

⁴³ **ВАСИЛЬКОВ Александр Иванович** (1892–15.09.1938). Русский, беспартийный, образование высшее. Старший преподаватель фортификации Военно-инженерной академии РККА. Военинженер 1 ранга. 17.03.1938 г. – арестован, 15.09.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации. 26.06.1957 г. – реабилитирован.

⁴⁴ **КОЗЛОВСКИЙ Владимир Антонович** (1895–15.03.1938). Военинженер 1 ранга. Главный инженер УНР–113 ТОФ. 13.08.37 г. – арестован, 15.03.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН. 09.08.57 г. – реабилитирован.

⁴⁵ **ГМИРА Михаил Яковлевич** (1900–3.12.1937). Военинженер 1 ранга, 1932–1937 гг. – УНИМС ТОФ, с 1937 г. – начальник 5-го УВРС БФ. В августе 1937 г. уволен из РККА. 3 декабря 1937 г. выездной сессией ВК ВС СССР приговорен по ст. 58-16 УК РСФСР к ВМН. Расстрелян в Ленинграде.

⁴⁶ **ЕЗДАКОВ Никифор Ульянович** (1891–04.05.1938). Русский, член ВКП(б) с 1931 г. Комендант Шкотовского УР.

Комбриг. 26.07.1937 г. – арестован, 04.05.1938 – приговорен ВК ВС СССР к ВМН. 09.08.1957 г. – реабилитирован.

⁴⁷ **РОМАНОВСКИЙ Прокопий Григорьевич** (1893–22.05.1938). Украинец, член ВКП(б) с 1923 г. Комендант Де-Кастринского УР. Комбриг. 28.01.1938 г. – арестован, 22.05.38г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН. 04.06.1957 г. – реабилитирован.

⁴⁸ **ЯНУШКЕВИЧ Павел Фомич** (1896–22.05.1938). Член ВКП(б) с 1918 г. НШ Владивостокского УР. Полковник. 2.07.37 г. – арестован, 22.05.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН. 29.05.1958 г. – реабилитирован.

⁴⁹ **ВАСИЛЬЕВ Александр Васильевич** (1887–04.05.1938). Русский, кандидат в члены ВКП(б). 1935–1938 гг. – командир бригады траления и заграждения ТОФ. Флагман 2 ранга. 13.01.1938 г. – арестован, 4.05.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН. 6.06.1957 г. – реабилитирован.

⁵⁰ **КАРАСЕВ Николай Михайлович** (1897–04.05.1938). Русский, член ВКП(б) с 1918 г. Заместитель начальника политуправления ТОФ. Бригадный комиссар. 14.01.38 г. – арестован, 4.05.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН. 8.08.1957 г. – реабилитирован.

⁵¹ **КЕЛЬНЕР Иосиф Викентьевич** (1895–17.08.1938). Чех. Служил в РИФ матросом. Начальник штаба 2-й бригады подводных лодок ТОФ. Капитан 1 ранга. 13.01.1938 г. – арестован, 17.08.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН.

⁵² **СЕМЕНОВ Дмитрий Самуилович** (1901–21.08.1938). Член ВКП(б) с 1919 г. Полковой комиссар. Военный комиссар 7-й морской бригады ЭМ ТОФ. 21.08.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН.

⁵³ **СИМАКОВ Павел Петрович** (1899–17.08.1938). Полковой комиссар. Начальник политотдела бригады ЭМ ТОФ. 17.08.1938 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН.

⁵⁴ **ЛЮРБЕРГ Михаил Константинович**. (1905–14.04.1939). Эстонец, член ВКП(б) с 1926 г. Образование среднее. Командир СКР ТОФ. Капитан-лейтенант. 14.05.1938 г. – арестован, 13.04.1939 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН по обвинению в шпионаже и участии в контрреволюционной организации. 27.07.1957 г. – реабилитирован.

⁵⁵ **ХОЛОСТЯКОВ Георгий Никитич** (2.08.1902–21.07.1983). Русский, член ВКП(б) с 1920 г. 1922–1925 гг. – окончил Военно-морское гидрографическое училище, 1925–1927 гг. – штурман ПЛ «Коммунар», 1927–1928 гг. – окончил подводный класс спецкурсов комсостава ВМС РККА, 1928–1929 гг. – СПК ПЛ «Пролетарий», 1929–1930 гг. – СПК ПЛ «Красноармеец», «Батрак», 1930–1931 гг. – СПК ПЛ «Л-55», 1931–1932 командир ПЛ «Большевик», 1932–1933 гг. – командир ПЛ «Щ-229», 1933–1935 - командир ДПЛ ТОФ, 1935–1938 гг. – командир 5 БПЛ ТОФ, 05.1938–05.1940 репрессирован, 1940–1941 гг. – командир 3 БПЛ ЧФ, 1941–1943 гг. – НШ, командир Новороссийской ВМБ, 1944–1945 гг. – командующий Дунайской военной флотилией. 1950 г. – окончил Высшую военную академию им. К.Е. Ворошилова. 1950–1951 гг. – командующий Каспийской флотилией. 1951–1952 гг. – командующий 7-м флотом (Советская Гавань). 1953–1969 гг. – заместитель начальника управления боевой подготовки Главного штаба ВМФ СССР. С 1969 г. – в отставке. Вице-адмирал (24.05.1945), Герой Советского Союза (7.05.1965). Погиб в собственной квартире от рук профессиональных похитителей наград.

⁵⁶ Так, в 1939–1940 гг. были освобождены и возвращены на службу в ВМФ (должность и звание приводятся на момент ареста) *комбриги*: начальник УНР-111 ТОФ **В.М.Мухин**, комендант Сучанского УР и начальник УНР ТОФ **Г.Т. Григорьев**, комендант Совгаваньского УР **М.Ф. Куманин**; *бригадные комиссары*: начальник политотдела Де-Кастринского УР **С.В. Руднев**, комендант и военный комиссар Владивостокского УР **А.Б. Елисеев**; помощник коменданта Камчатского УР по артиллерии **И.А. Кустов**, военный комиссар ВВС ТОФ полковой комиссар **П.Е. Рябов**, командир БПЛ капитан 1 ранга **Т.А. Новиков**; *капитаны 2 ранга*: НШ 1 БПЛ **Д.Г. Жмакин**, командир 2 БПЛ **К.М. Кузнецов**, командир 4 БПЛ **И.Д. Кулишов**, командир 42 ДПЛ **Л.А. Куриков**, командир 2 БПЛ капитан 3 ранга **А.И. Матвеев**; *капитан-лейтенанты*: командир «Щ-109» **В.К. Векке**, командир ПЛ «Щ-129» **В.В. Гафрон**, командир ПЛ «Щ-125» **Г.А. Гольдберг**, командир ПЛ «Щ-102» **А.И. Корейко**, командир ПЛ «М-12» **И.Т. Морской**, командир ПЛ «М-28» **А.И. Потемкин**, флагманский химик 2 БПЛ **А.И. Раубо**, командир ПЛ «Щ-106» **И.Н. Тузов**, командир ПЛ «Щ-116» **Л.П. Хияйнен**, командир ПЛ «Щ-110» **П.П. Шеркнис**; *военинженеры 3 ранга*: флагманский инженер-механик 3 БПЛ **А.В. Кордюков**, командир БЧ-5 ПЛ «Л-14» **А.В. Мадеев**, инженер-механик 32 ДПЛ **К.И. Сидлер**, инженер-механик 23 ДПЛ **А.С. Степанов**, *старшие лейтенанты*: флагманский минер 4 БПЛ **С.А. Глуховцев**, ПК ПЛ «Щ-120» **И.И. Беззубко**, командир ПЛ «М-13» **И.И. Бородавский**, ПК ПЛ «Щ-109» **И.А. Быховский**, ПК ПЛ «Л-15» **Я.Я. Земмель**, командир БЧ-1 ПЛ «М-16» **Ф.М. Оя**, командир ПЛ «М-1» **А.А. Холмквист**; *лейтенанты*: командир БЧ-1 ПЛ «Щ-107» **В.П. Александров**, командир БЧ-5 ПЛ «Щ-112» **А.И.Амосов**, командир БЧ-3 ПЛ «Щ-102» **А.Н. Биби**, командир БЧ-3 ПЛ «Л-12» **В.М. Гарвалинский**, командир БЧ-1 ПЛ ТОФ **Л.И. Дзевалтовский**, командир БЧ-1 ПЛ «Л-10» **А.Т. Калмыков**, командир БЧ-1 ПЛ «Л-7» **В.П. Приходько**, командир БЧ-1 ПЛ «М-28» **К.А. Соболевский**, командир БЧ-1 ПЛ «М-15» **К.А. Сталбо**, командир БЧ-1 ПЛ «М-23» **А.Г. Яйло** и др.

⁵⁷ Был обвинен в измене Родине, в попытке насильственного свержения советской власти и незаконных методах ведения следствия. Был допрошен 22 раза с применением физических методов ведения следствия. 27 июля 1941 г. ВК ВС СССР приговорен к ВМН, в тот же день расстрелян в Москве.

⁵⁸ **БОЧКОВ Виктор Михайлович** (1900–1981). Русский. Член ВКП(б) с 1919 г. 1938–1940 гг. – начальник 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР, 1940–1943 гг. – прокурор СССР, с 1941 г. – начальник ОО НКВД Северо-Западного фронта, 1944–1951 гг. – начальник Управления конвойных войск НКВД-МВД СССР, 1951–1955 гг. – начальник управления охраны ГУЛАГ МВД СССР, 1955–1957 гг. – заместитель начальника ГУЛАГ МВД СССР, начальник отдела конвойной охраны, 1957–1959 гг. – заместитель начальника ГУИТК МВД СССР, начальник отдела охраны. Генерал-лейтенант.

⁵⁹ **ФЕДОРОВ Николай Николаевич** (1900–04.02.1940). Родился в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1918 г. Депутат Верховного Совета СССР 1 созыва. Образование: церковно-приходская школа (1911); 1 класс 4-классного гор. училища, г.Канск (1912); Высшая воен.-педагогическая школа РККА (09.1925–07. 1926). Откупщик товаров на оптовом складе торговой фирмы «Смирнов и К°» (Томск 11.1912–06. 1915). В армии: рядовой 132 Бендерского пех. полка, Германский фронт (06. 1915—11.1917). Отв. секретарь, пом. ком. отряда Союза фронтовиков и рабочих (Томск 11.1917–05.1918); рассыльный в Томском губ. акционерном упр. (05–11.1918); арестован белогвардейцами; политзаключенный в Томской губ. тюрьме (11.1918–02.1919); рядовой 12 арт. дивизиона Колчаковской армии (07–11.1919). **В РККА:** секретарь военкома 2 Сибирских арт. командных курсов РККА, (11.1919–04.1922); пом. военкома 6 Сибирской арт. школы РККА, по совместительству – политком Политехн. ин-та (04.1922–07.1924); отв. секретарь Томского губисполкома (?–1924); пом. нач. Крымской кав. школы РККА по политчасти (07.1924–09.1925). **В органах ОГПУ–НКВД:** и.о. пом. инспектора УПО и войск ГПУ ПП ОГПУ по Средней Азии (16.07–01.12.1926); военком школы мл. комсостава при УПО и войск ГПУ ПП ОГПУ по Средней Азии (01.12. 1926–20.08. 1927); и.о. уполн. УПО и войск ГПУ ПП ОГПУ по Средней Азии (20.08–10.11.1927); пом. коменданта Отдельной погран. комендатуры ОГПУ по СОЧ, г.Каракал (11.1927–05.1930); комендант Отдельной погран. комендатуры ОГПУ, г.Ош (05-09. 1930); зам. нач. Ошского окр. отд. ГПУ (05–09.1930); нач. опер. отд-я УПО и войск ГПУ ПП ОГПУ по Средней Азии (09. 1930–01.02.1932); нач. 3 отд-я 1 отд. УПО и войск ГПУ ПП ОГПУ по Средней Азии (01.01.1932–02.1933); нач. опер. отд-я УПО и войск ГПУ ПП ОГПУ по Казахстану (02–09.1933); нач. 49 погран. отряда ОГПУ (09.1933–05.1934); нач. 50 погран. отряда ОГПУ–НКВД (05.1934–05.03.1935); нач. 6 Ораниенбаумского погран. отряда НКВД (05.03.1935–20.07.1937); нач. УНКВД Одесской обл. (20.07.1937–26.02.1938); нач. УНКВД Киевской обл. (26.02–28.03.1938); нач. 4 отд. 2 упр. НКВД СССР (28.03–28.05.1938); зам. нач. 2 упр. НКВД СССР (04–28.05.1938); врид нач. 2 упр. НКВД СССР (20.04–28.05.1938); нач. 2 упр. НКВД СССР (28.05–29.09.1938); нач. 4 отд. ГУГБ НКВД СССР (29.09–20.11.1938). Арестован (20.11.1938); приговорен ВК ВС СССР 03.02. 1940 к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован. Звания: полковник (03.04.1936); комбриг (17.11.1937).

⁶⁰ **СУДЗУКИ Ёносукэ**. 1925–1926 гг. – вице-консул генерального консульства Японии в Александровске, 1926–1927 гг. – вице-консул консульского отделения в г.Оха.

⁶¹ **КАТАОКА Нагафую**. 1928–1931 гг. – секретарь генерального консульства Японии во Владивостоке, с 1936 г. – секретарь консульства Японии в Петропавловске-Камчатском и генерального консульства Японии в Хабаровске, 1937–1938 гг. – секретарь посольства Японии в СССР, с 1940 г. – второй переводчик посольства Японии в СССР.

⁶² **ЯСУКИ Икута**. 1926–1928 гг. – переводчик-стажер генерального консульства Японии в Александровске, 1929–1931 гг. – секретарь генерального консульства Японии в Александровске, 1931–1935 гг. – секретарь генерального консульства Японии во Владивостоке, с 1936 г. – секретарь консульства Японии в Петропавловске-Камчатском, 1937–1938 г. – секретарь посольства Японии в СССР, с 1941 г. – вице-консул консульства Японии в Петропавловске-Камчатском.

⁶³ Оперуполномоченные 1-го отделения ОО ГУГБ ТОФ. **П.П.Шарыгин** расстрелян в феврале 1938 г. Помимо всего прочего, ему инкриминировалась связь с японской разведкой.

⁶⁴ Осенью 1920 г. во Владивостоке был создан Приморский областной отдел ГПО ДВР, который действовал по обстановке на легальном или полулегальном положении вплоть до освобождения города в октябре 1922 г.

⁶⁵ Во время Гражданской войны на острове Русский хранились вывезенные из Петрограда более 20 тыс. томов Николаевской академии Генерального штаба и музей А.В. Суворова (знамена, форма, награды, коллекция солдатиков и т.д.). Белые намеревались вывезти их во время эвакуации, но, благодаря своевременным действиям Л.Я. Бурлакова, не смогли этого сделать. Небольшая часть книг до сих пор находится в библиотеке ТОВВМИ им. С.О.Макарова.

⁶⁶ **СВЕРДЛОВ Андрей Яковлевич** (1911–1969). Полковник. Член ВКП(б) с 1932 г. Сын Я.М.Свердлова. В 1935 и 1938 гг. арестовывался органами НКВД «за антисоветскую деятельность». В органах НКВД–НКГБ–МГБ – с 1938 г., работал в контрразведке – заместитель начальника и начальник отделения, заместитель начальника отдела «К» 2-го Главного управления МГБ СССР. 19.10.1951 г. – арестован, в марте 1953 г. – освобожден и реабилитирован, работал помощником начальника в 4-м (секретно-политическом) управлении МВД СССР. Уволен из органов безопасности в 1953 г. (после ареста Берии). Далее – на научной работе в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, кандидат исторических наук.

w 2

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО 1

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
КОМИССАРУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 1 РАНГА

тов. Б Е Р И Я.

КОПИЯ:- НАЧ.ОСОВОГО ОТДЕЛА ГУГБ НКВД СССР-
СТ МАЙОРУ ГОС БЕЗОПАСНОСТИ-

тов. Б О Ч К О В У.

Д О К Л А Д

На основании Вашего приказа от 11/II-1938 года за № 00136, нами было произведено обследование состояния агентурной и следственной работы в Особом Отделе Тихоокеанского флота. Проверкой установлено следующее:

АГЕНТУРНАЯ РАБОТА

Директива ЦК и СНК от 17/XI-1938 года и Ваш приказ от 23/X-1938 года за № 00702, о максимальном усилении агентурной работы в Особом отделе Тихоокеанского флота в жизнь не проводится. Агентурной работе попрежнему отводится второстепенное место, в результате агентурная работа отдела заружена.

Имеющиеся агентурные дела, дела формуляры, среди которых немало дел, представляющих оперативный интерес, лежат без движения - не разрабатываются. Проходящие по делам фигуранты агентурно не обставлены, Особому отделу даже неизвестны их связи и настроения. Агентуры из окружения нет вообще.

1.4. Буюков А.М., Полутов А.В. Органы военной контрразведки Тихоокеанского флота во время Великой Отечественной войны и войны с Японией (1941-1945 гг.)

Ввиду угрозы войны особые отделы были выделены из НКВД СССР и переданы в Наркомат обороны и Наркомат Военно-Морского Флота. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 8 февраля 1941 г. были образованы 3-е Управление НКО и 3-е Управление НКВМФ СССР. Для координирования работы НКВД СССР, НКГБ СССР, 3-го Управления НКО и 3-го Управления НКВМФ СССР 12 февраля 1941 г. был образован Центральный совет в составе народных комиссаров государственной безопасности и внутренних дел, начальников 3-х управлений НКО и НКВМФ СССР. Аналогичные советы из представителей органов НКГБ, НКВД и 3-х отделов НКО и НКВМФ были созданы на местах. Особый отдел НКВД ТОФ, подчинявшийся ОО ГУГБ НКВД, был выведен из подчинения территориальным органам госбезопасности и стал непосредственно замыкаться в своей оперативной и следственной деятельности на 3-е Управление НКВМФ, созданное 12 февраля совместным приказом НКВД и НКГБ СССР № 00151/003.

Уже шла Вторая мировая война и надвигалась Великая Отечественная. В этих условиях военная контрразведка должна была прежде всего выполнять задачи по ограждению вооруженных сил от проникновения вражеской агентуры и срыву разведывательно-диверсионных операций в ближнем тылу приграничных военных округов. С другой стороны, после неудач в финской войне руководство страны искало способы, как подкрепить деятельность Наркомата обороны необходимой оперативной информацией. Но военная контрразведка сама по себе работать автономно не могла в силу своей во многом ограниченной оперативной и материально-технической базы. Вывод из структуры НКВД-НКГБ особых отделов принес существенную пользу в переориентации практической работы военной контрразведки, но одновременно оказал пагубное влияние на эффективность выполнения ею своих основных функций и во многом нарушил систему взаимодействия с внешнеполитической разведкой и территориальными органами госбезопасности.

На совещаниях аппарата 3-го отдела ТОФ неоднократно поднимался вопрос о том, что вывод флотской контрразведки из системы НКВД пагубно повлиял на оперативную работу. Так, территориально-административные органы перестали предоставлять информацию паспортных столов, жилищно-коммунальных хозяйств и других ведомств, «поскольку они не считали оперработников 3-го отдела сотрудниками НКВД-НКГБ».

В этот период основными периферийными подразделениями 3-го отдела ТОФ было около тридцати отделений, обслуживавших шесть ВМБ, десять объединений и соединений флота, десять укрепрайонов и укрепсекторов, две авиабригады, одну железнодорожную бригаду, одну отдельную стрелковую бригаду и др., дислоцированных на огромной территории от Владивостока до бухты Провидения¹.

В 1941 г. в органах военной контрразведки было введено в действие «Наставление по мобилизационной работе», подготовлены и объявлены штаты особых отделов на

военное время. В период с 22 июня 1941 по февраль 1942 г. штат ОО был увеличен на 37 ед. по линии 3-го Управления НКВМФ. В июле-сентябре 1941 г. по разверстке отдела кадров НКВД СССР в связи с переходом в июле 1941 г. на штаты военного времени для покрытия некомплекта оперативного состава в Особый отдел прибыло 132 оперативных работника, в том числе 117 чекистов запаса, включая шесть кадровых оперативных работников из Чкаловского УНКВД, и 15 выпускников Новосибирской и Свердловской МКШ НКВД. Кроме того, на работу в отдел дополнительно было направлено 47 чел., в том числе из соединений и частей флота – 17 чел., из партийно-комсомольских организаций – 13 чел., из других органов госбезопасности – 17 чел. Таким образом, списочный состав отдела увеличился на 179 чел. и общая численность оперативного состава составила 440 чел. а административно-технического персонала – 128 чел. Однако из прибывших 117 чекистов запаса 14 чел. по болезни были откомандированы обратно, а всего с начала войны из отдела выбыло 50 чел.

На 15 мая 1942 г. списочный состав отдела составлял 568 чел. при некомплекте оперативного состава 39 чел., в том числе начальников отделов и отделений – 2 чел., заместителей начальников – 2 чел., старших оперуполномоченных – 5 чел., оперуполномоченных – 29 чел., помощников оперуполномоченных – 1 чел.

Из 265 кадровых оперативных работников только 63 чел. окончили школы и курсы НКВД, а остальные 202 чел. не имели специальной чекистской подготовки, для 128 чел. из них был проведен семинар по 100-часовой программе, предусмотренной приказом НКВД СССР №00989 от 25 августа 1939 г. Как отмечалось в докладах начальника Особого отдела, «прибывшие на доукомплектование чекисты запаса в большинстве своем не соответствовали тем требованиям, которые предъявляются работникам особых отделов». Не на самом высоком уровне была подготовка следственных работников – из семи четверо практически работали в следственном отделении только первый год. В связи с этим при ОО НКВД ТОФ были созданы курсы переподготовки оперативного состава, где оперативные работники проходили учебу по различным программам в течение от двух недель до шести месяцев.

Война требовала от чекистов предельного напряжения сил, многим пришлось учиться контрразведке и военно-морскому делу в процессе оперативной деятельности. В одной из директив отмечалось: «начальники органов «СМЕРШ» обязаны повседневно в практической работе требовать от каждого оперативного работника детального изучения структуры всех особенностей обслуживаемого объекта, знания очередных задач, проводимых командованием». За любые недочеты в работе строго взыскивалось, особенно если это касалось нарушения правил агентурно-оперативной и следственной работы.

23 марта 1942 г. начальником 3-го отдела ТОФ на имя начальников особых отделов и периферийных органов была направлена шифротелеграмма за №441: «16 января 1941 г. было заведено дело, по которому был необоснованно арестован военный П. Приведенный случай показывает, что оперуполномоченный Сурков к данному делу подошел исключительно формально, не разобрался как следует в материалах, а начальник ОО НКВД АСБО Иванюк, представляя материалы для получения санкции на арест, не проверил их достоверности, что привело к необоснованному аресту. Некоторые оперработники утратили чувство ответственности и слепо доверяют вся-

кому сообщению, не подвергают их чекистскому анализу и проверке, стремятся, во что бы то ни стало, зачастую явно вредными методами прямого подсказывания свидетелям, подтвердить не всегда правильные материалы. В ущерб оперативной работе увлекались голой погоней за количеством арестов, подменив глубокую и тщательную агентурную разработку антисоветского элемента поверхностным и поспешным, часто политически безграмотным расследованием всех сигналов об антисоветской деятельности отдельных лиц, в том числе и сигналов элементарно не проверенных оперативным путем и очень часто ложных. За последнее время вскрыто несколько случаев прямых провокационных методов разработки антисоветского элемента. Предлагаю категорически запретить подобную практику. В каждом случае провокации тщательно разбираться, немедленно сообщать о виновниках. Предупреждаю, что за провокационные методы и возникающие в результате этого липовые дела буду предавать суду военного трибунала».

В соответствии с планами Особого отдела систематически проводились совещания руководящего и оперативного состава, на которых тщательному разбору подвергалась текущая деятельность всех подразделений военной контрразведки флота и конкретных работников. В докладах и выступлениях того времени практически невозможно найти слов поощрения в чей-то адрес, чаще всего звучали критические замечания и указания усилить работу по конкретному направлению.

В феврале 1942 г. 3-й отдел ТОФ был вновь реорганизован и вошел в Управление Особых отделов НКВД НКВМФ, которое существовало в период с 31 июля 1941 г. по 14 апреля 1943 г. ОО НКВД ТОФ действовали в период с 11 января 1942 г. по 1 августа 1943 г. Разница в датах объясняется довольно длительным процессом реформирования и перехода на новые штаты, а также созданием новых периферийных органов. Аппарат ОО НКВД ТОФ состоял из секретариата, восьми номерных отделений (с 1-го по 8-е), следственного отделения, учетного отделения, отделения кадров и отделения военной цензуры. В состав ОО НКВД ТОФ входило свыше 30 периферийных органов².

Отдел регулярно направлял в вышестоящие инстанции спецсообщения, донесения, меморандумы, справки, доклады и справки-доклады. Наиболее важные из них ложились на стол высших руководителей государства. Руководство Отдела самым тесным образом взаимодействовало с командованием и Военным советом ТОФ, информируя их по самому широкому кругу вопросов. С момента перехода 3-го отдела в систему НКВД аналогичная информация стала также направляться в партийные органы на имя секретаря Приморского крайкома ВКП(б). Только в 1943 г. было направлено 67 спецсообщений в Военный совет ТОФ и в крайком ВКП(б), которые в основном касались недочетов и неудовлетворительной организации питания личного состава, вскрытых оперативным путем фактов крупных злоупотреблений и хищений продуктов питания, приводивших к дезорганизации работы пищеблоков, фактов искривления дисциплинарной практики и грубого обращения с краснофлотцами со стороны командного состава, бездеятельности и фактов морально-бытового разложения среди командного состава частей, повлекших потерю авторитета и недовольства им со стороны рядового состава и др.

В отличие от территориальных органов госбезопасности, структура и состав периферийных органов военной контрразведки флота постоянно изменялись. В 1941-1942

гг. значительное количество частей ТОФ было отправлено на фронт, а вместе с ними и обслуживавшие эти части особые отделы. В действующую армию было направлено свыше 100 оперработников, многие из которых погибли на фронтах Великой Отечественной. Так, 23 февраля 1943 г. в кровопролитном бою по освобождению села Городище Орловской области пал смертью храбрых оперуполномоченный Особого отдела 116-й отдельной бригады морской пехоты старший политрук Д.О. Вдовушкин. Имена погибших на фронте флотских чекистов еще предстоит выяснить, так как большинство документов военных лет сосредоточено в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Омска и Подольска.

В 1942 г. начался новый этап в развитии Тихоокеанского флота, в ходе которого формировались новые соединения и вводились в строй новые корабли. К 1945 г. ТОФ уже насчитывал в своем боевом составе два крейсера, один лидер, 12 эскадренных миноносцев, 19 сторожевых кораблей, 78 подводных лодок, 52 тральщика, 49 охотников за подводными лодками и 204 торпедных катера. ВВС ТОФ имели на вооружении 1618 летательных аппаратов, в том числе 1382 истребителя и бомбардировщика. Численность личного состава составляла около 165 тыс. чел. Соединения береговой обороны и морской пехоты имели на вооружении 2550 орудий и минометов различных типов и калибров.

19 апреля 1943 г. Совнарком СССР принял решение о передаче Управления Особых отделов НКВД СССР в ведение Наркомата обороны СССР, где на его основе было образовано Главное управление контрразведки «СМЕРШ» НКО СССР. Отдел Управления Особых отделов НКВД СССР по обслуживанию Военно-Морского Флота был передан в Наркомат ВМФ СССР. С 12 мая 1943 г. по 4 мая 1946 г. органы военной контрразведки армии и флота находились в непосредственном подчинении НКО СССР. Государственный Комитет Обороны обязал ГУКР «СМЕРШ» НКО и его органы информировать Военные советы и командование частей, соединений и учреждений Красной Армии о результатах борьбы с агентурной деятельностью противника, дезертирством и изменой Родине, об антисоветских проявлениях в частях и учреждениях Красной Армии, а также поддерживать тесный контакт с территориальными органами госбезопасности и ГРУ ГШ, систематически обмениваться с ними информацией. Аналогичные задачи возлагались на УКР «СМЕРШ» НКВМФ СССР.

Отдел контрразведки «СМЕРШ» ТОФ, организационно входивший в УКР «СМЕРШ» НКВМФ, просуществовал с 1 августа 1943 по 15 февраля 1946 г. В 1943 г., сразу же после реорганизации, перед ОКР «СМЕРШ» ТОФ были поставлены следующие задачи: «Активизировать контрразведывательную работу. Продолжить выявление и изучение каналов проникновения на флот агентуры иностранных разведок, обеспечив активной разработкой всех лиц, подозреваемых в принадлежности к иностранной агентуре. Создать полный оперучет контрразведывательного направления и добиться оперативных результатов в области борьбы с деятельностью иностранных разведок».

В это же время начальником ОКР «СМЕРШ» ТОФ был назначен генерал береговой службы Д.П. Мерзленко, прибывший на флот с должности начальника Особого отдела Ладожской военной флотилии. Д.П. Мерзленко отличался суровым нравом и высокой требовательностью, но самое важное, обладал опытом работы в условиях военных действий. С его приходом деятельность ОКР «СМЕРШ» ТОФ была постав-

лена на военные рельсы, что привело к значительному росту результатов агентурно-оперативной деятельности. Д.П. Мерзленко лично принимал участие в наиболее важных операциях и мероприятиях и неизменно добивался высоких результатов.

В 1943–1946 гг. аппарат ОКР «СМЕРШ» ТОФ состоял из секретариата, четырех отделений (с 1-го по 4-е), следственной группы, оперативного отделения, оперучетной группы, отделения кадров, шифровальной группы, административно-хозяйственно-финансового отделения и комендатуры. С 1945 г. ОКР «СМЕРШ» ТОФ имел в своем ведении внутренние тюремные камеры, находившиеся при отделах военной контрразведки ВМБ и гарнизонов.

Структура ОКР «СМЕРШ» ТОФ и его периферийные органы оперативно и гибко перестраивались в ходе изменений сил флота. В 1943–1946 гг. в состав ОКР «СМЕРШ» ТОФ входило около 40 периферийных органов³. География деятельности ОКР «СМЕРШ» ТОФ охватывала весь Дальний Восток СССР – от бухты Провидения до Хасанского района Приморья. Кроме того, его периферийные органы действовали на территории Кореи и Китая. Почти год функционировал отдел контрразведки в США (Сиэтл), обслуживавший 5-й отряд ВМФ СССР⁴.

Надо отметить, что для обеспечения агентурно-оперативной работы отделов в Китае и Корее остро требовались квалифицированные кадры переводчиков корейского, китайского и японского языков. Первоначально переводчиками работали русские из числа эмигрантов, китайские и корейские коммунисты. Однако для работы в контрразведке требовались более надежные и проверенные кадры. С этой целью был проведен набор переводчиков из числа этнических корейцев – граждан СССР и членов ВКП(б), проживавших на Дальнем Востоке и в Средней Азии. Так, в 1945–1950 гг. в ОКР «СМЕРШ»-МГБ Гензанской ВМБ и ЮЖМОР ТОФ (Сейсин, Расин) вольнонаемными переводчиками работали Квон Сен Хо, А.В. Ким, Ким Хак Кон, И.В. Ким и др.

В 1945 г. на совещании по подведению итогов деятельности Отдела во время войны генерал-майор Д.П. Мерзленко в своем докладе отмечал: «Всего за время войны Военный совет ТОФ получил от нас 218 спецсообщений по самым актуальным вопросам жизни флота. В том числе об антисоветских и аморальных проявлениях в частях флота 54 спецсообщения, о недочетах боевой готовности частей – 39, о недочетах формирования и отмобилизования частей – 15, о недочетах хранения боезапаса и другого военного имущества – 20, о ходе выполнения приказа НКВМФ № 0739 об улучшении связи на военное время – 2, о нарушениях приказа НК ВМФ № 0200 по ведению секретного делопроизводства – 11, о неправильном строительстве оборонных объектов – 4, о необеспечении частей вооружением и другими видами имущества – 3, о подмене воспитательной работы репрессиями – 2, о неудовлетворительном хранении бактериологических культур в ветлаборатории ТОФ – 1 и ряд других. Сама тематика говорит о том, что информация шла по наиболее существенным вопросам деятельности флота и носила профилактический и предупредительный характер».

Касаясь служебной деятельности в годы войны, следует отметить, что ко всем без исключения сотрудникам предъявлялись жесткие требования по соблюдению воинской дисциплины и должностных обязанностей в строгом соответствии с нормативной базой того времени. Нарушители подвергались суровому наказанию, о чем, в частности, свидетельствует этот документ: «Почто-телеграмма. Начальнику ОКР

«СМЕРШ» СТОФ, всем начальникам ОКР «СМЕРШ» ВМБ, секторов береговой обороны, авиадивизий, соединений и бригад ТОФ и СТОФ, начальникам отделений аппарата ОКР «СМЕРШ» ТОФ.

Несмотря на неоднократные указания начальника Управления контрразведки «СМЕРШ» НК ВМФ о создании соответствующих условий по обеспечению хранения совершенно секретных документов, со стороны отдельных оперативных работников за последнее время отмечен ряд фактов халатного отношения к оперативным документам, проявления беспечности, благодушия и политической близорукости в этом вопросе.

В результате притупления революционной бдительности и преступной беспечности заместитель начальника ОКР «СМЕРШ» ХСБО старший лейтенант Журавлев, будучи 1 февраля 1945 г. вызван в ОКР «СМЕРШ» ТОФ по делам службы, на обратном пути, имея при себе оперативные документы, на станции Ворошилов посетил своего знакомого, где и организовал пьянку. Находясь в состоянии опьянения, утерял портфель с совершенно секретными документами. Журавлев арестован и предается суду ревтрибунала. Мерзленко».

Дисциплинарная практика в годы войны была жесткой и суровой. Нарушители заключались под арест, получали строгие выговоры и другие взыскания⁵. В большинстве случаев взыскания через некоторый промежуток времени снимались. За весь военный период известно только четыре случая увольнения по несоответствию и три случая увольнения по собственному желанию.

Требовательность, взыскательность, дисциплинированность, ответственность, профессионализм были основными критериями оценки деятельности сотрудников всех уровней. Другого отношения к службе просто не допускалось. На контрразведку флота возлагался широкий круг задач, среди которых не было второстепенных участков. Практически все оперативные работники периферийных органов постоянно пребывали в обслуживаемых частях и подразделениях, где они состояли на довольствии, имели свое спальное место либо, если позволяли условия, отдельное помещение или каюту. Для оперативных нужд использовался автомобильный или гужевой транспорт части, но чаще всего оперработникам приходилось передвигаться в пешем порядке. О том, чем были вооружены чекисты на флоте в годы войны, свидетельствует следующий документ от 10 апреля 1945 г.: «С получением сего вышлите в ОКР СМЕРШ ТОФ сведения о наличии огнестрельного оружия, находящегося в личном пользовании оперсостава по следующей форме (№ п.п., Ф.И.О. работника, система оружия, № оружия, где получено; оружие, полученное в воинских частях на обслуживаемых объектах и числящееся за в/ч, в данный список не вносить).

При перемещениях внутри органов СМЕРШ ТОФ оружие по желанию оперработника оставлять на руках и вносить в вещевой аттестат с указанием системы и № оружия. В тех случаях, когда оружие работником при перемещении сдано – выдавать оперработнику на руки справку за подписью начальника отдела или его заместителя, в которой указывать, кому передано оружие – его систему и номер. Оружие всех систем калибра 6,35 (браунинг № 1 Коровина и др.) из личного пользования оперсостава изъять, снабдив их табельным оружием (ТТ и наган). Изъятое оружие направить в ОКР СМЕРШ ТОФ.

Предупредить весь оперативный состав об обязательном ношении личного оружия при себе. Категорически запретить хранение оружия на квартирах и в столах ра-

бочих кабинетов. О всех изменениях в учете личного оружия немедленно сообщать в АХО ОКР СМЕРШ ТОФ».

В годы войны в задачи ОО и его периферийных органов входили контрразведывательная работа по немецкой, японской, американской и другим линиям, контрразведывательное прикрытие штабов, частей и кораблей флота, защита военной тайны, борьба с дезертирством и другими воинскими преступлениями и ряд других направлений. Не каждый мог выдержать такую колоссальную нагрузку. Из директивы начальника ОКР «СМЕРШ» ТОФ от 27 февраля 1945 г.: «За последнее время отмечаются случаи несвоевременного представления донесений о чрезвычайных происшествиях со стороны начальников ряда периферийных органов СМЕРШ.

Так, например, начальник ОКР СМЕРШ ШСБО капитан 3 ранга товарищ Резник о имевшем место происшествии 7 февраля (пропажа 2 красноармейцев с секретными документами) донес в ОКР «СМЕРШ» ТОФ только 23 февраля.

Начальник ОКР СМЕРШ ВСБО майор товарищ Баранов представил спецсообщение 17 февраля о поражении 14 военнослужащих отравляющими веществами, происшедшем 9 февраля, то есть спустя 8 дней.

Начальник ОКР СМЕРШ 12 АД майор товарищ Калинин сообщил 17 февраля о катастрофе самолета, происшедшей в 14-м авиаполку 9 февраля.

Аналогичные случаи несвоевременных сообщений о чрезвычайных происшествиях были со стороны и других отделов.

Кроме этого мероприятия по расследованию чрезвычайных происшествий проводятся поверхностно, причины и виновники их не вскрываются и представляемая отчетность не отвечает моим требованиям.

Отмечая недопустимость подобного рода отношения к представлению донесений о чрезвычайных происшествиях, предлагаю: О всех чрезвычайных происшествиях (катастрофы, аварии, дезертирство, убийство, пожары, отравления, пропажа секретных документов и др.) доносить в ОКР «СМЕРШ» ТОФ немедленно шифром-экстренно.

Предупреждаю начальников органов, что впредь за несвоевременное представление донесений о чрезвычайных происшествиях и поверхностное расследование их виновные будут наказываться в дисциплинарном порядке. Мерзленко».

В военное время имелись серьезные трудности со снабжением продуктами и товарами первой необходимости. Даже офицерские пайки оставляли желать лучшего. Для решения этой проблемы руководство ОКР «СМЕРШ» ТОФ предпринимало самые различные меры. Так, во время боевых действий в Корее и Маньчжурии в распоряжение ОКР поступило несколько тонн трофейной соли, которая была одним из самых дефицитных продуктов и выполняла роль «валюты» при расчетах на китайских и корейских рынках.

По распоряжению начальника ОКР «СМЕРШ» ТОФ генерал-майора Д.П. Мерзленко эту соль доставили в Порт-Артур и другие населенные пункты Кореи и Китая, где размещались периферийные отделы флотской контрразведки, и выдавали ее взамен денежного довольствия для обмена на продовольственные и промышленные товары. На какое-то время проблема с продовольствием была решена, но из Москвы раздался грозный окрик – и соляной бартер прекратился, а Д.П. Мерзленко был наказан в дисциплинарном порядке. Надо отметить, что порядки того времени отличались суровостью. Заместителю Мерзленко, полковнику Ларионову, был объявлен строгий

выговор только за то, что он в гражданском платье сфотографировался в Порт-Артуре с японцами, одетыми в свои национальные костюмы. Одно время даже стоял вопрос о понижении Ларионова в должности до старшего оперуполномоченного в связи с этим проступком.

Периферийные отделы ОКР «СМЕРШ» ТОФ в Корее и Китае находились под особым контролем. За любые, даже самые незначительные, проступки руководителей и оперработников не только снимали с должности, но отдавали под суд. В 1945–1947 гг. были отданы под суд несколько руководителей среднего звена за «незаконные торговые операции и спекуляцию», то есть за попытки решить проблемы снабжения единственно возможным способом в послевоенных Корее и Китае – бартером. Еще несколько сотрудников были уволены из органов по той же причине. При этом совершенно не учитывалось, что на фоне ежедневно растущей инфляции китайского юаня и низкой конвертируемости рубля надбавка в 5% заграничную командировку выглядела просто смешной, а зарплата не могла обеспечить даже минимальный прожиточный уровень.

Другим распространенным проступком были массовые задержания и содержание под стражей китайцев и корейцев и несоблюдение при этом норм УПК. Оправдания насчет того, что фильтрация населения на территории ВМБ сопряжена со значительными языковыми и другими трудностями, в расчет не принимались, и многие сотрудники всех уровней понесли различные наказания, вплоть до увольнения и отдачи под суд.

Еще в довоенное время среди сотрудников ОО были чекисты, отмеченные государственными и ведомственными наградами. Полковой комиссар И.Д. Букин, занимавший в годы войны должности начальника Особого отдела бригады торпедных катеров, а затем Артемовского сектора береговой обороны, был награжден в 30-е гг. именным боевым оружием и орденом Боевого Красного Знамени. Один из старейших работников ОО, начавший свою службу оперуполномоченным на Тихоокеанском флоте еще в апреле 1934 г., подполковник А.М. Виноградов неоднократно награждался золотыми часами и грамотами Председателя ОГПУ. Всю войну он прослужил начальником отдела контрразведки Владивостокского сектора береговой обороны. Практически все работники Отдела имели государственные награды за участие в боевых действиях или за выполнение специальных заданий. В предвоенные годы широкое распространение имела практика награждения сотрудников органов госбезопасности именным и охотничьим оружием, почетными грамотами ГПУ-ОГПУ-НКВД и партийных органов.

В военное время отличившихся сотрудников награждали денежными премиями в размере от 200 до 1000 рублей или же ценными подарками. В годы войны с Германией и Японией свыше 1300 сотрудников военной контрразведки ТОФ были награждены орденами и медалями. Наиболее распространенной наградой за выполнение специальных заданий был орден Красной Звезды, которым были награждены свыше 200 сотрудников Отдела. Кроме того, сотрудники Отдела награждались Почетными грамотами Наркома НКВМФ СССР, Начальника УКР «СМЕРШ» НК ВМФ (реже начальника ГУКР «СМЕРШ» НКО), командующего ТОФ, начальника ОКР «СМЕРШ» ТОФ и ценными подарками. Широкую практику имели благодарности от имени командования всех уровней. Ежегодно проводилась аттестация руководящего и оперативного состава военной контрразведки флота.

Документ эпохи

*Членам Секретной Комиссии Политбюро ЦК
т.т. Молотову, Ворошилову, Кагановичу Л.
Ежову.*

*Предлагаю обязать НКОб расследовать дело
и доложить о результатах в ЦК.*

Подпись: И. Сталин

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

7. VII налетевшим шквалом силой 11 баллов в авиачастях ТОФа поломаны 8 самолетов МБР⁶. Поломанные самолеты все требуют капитального ремонта.

Причиной поломки самолетов явилось:

1) Несоответствующее крепление самолетов, рассчитанное на силу ветра не более 9 баллов, и нарушение инструкции крепления; 2) не было контроля со стороны командира эскадрильи Козлова и инженера Викторова за креплением самолетов. Самолеты привязывались к камням, последние при ветре от качания самолетов рассыпались; 3) самолеты стояли в ангаре с открытыми воротами; 4) дежурный аэродрома не вызвал своевременно аварийную команду; 5) большая загруженность аэродрома и скученность самолетов на маневренной площадке.

Расследованием установлена виновность: командира эскадрильи – капитана Козлова, не выполнившего указаний о проверке крепления самолетов, в связи с наступавшим штормом, о чем он был своевременно предупрежден дежурным по аэродрому, и авиатехника Колисова, который, зная о надвигавшемся шторме, не принял мер к креплению самолетов и не вызвал аварийную команду.

НАЧАЛЬНИК 5 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД СССР

НИКОЛАЕВ⁷

1.VIII.37 г.

№58841

Меморандум №100898

В НКВД СССР тов. ЕЖОВУ, ФЕДОРОВУ

По донесению Особого отдела ТОФ по состоянию на 24 часа 1-го августа все соединения флота приведены в боевую готовность. На море ведется разведка морской авиацией, все морские бригады рассредоточены. Усилена оборона подхода к главной базе флота. В Славянку выброшены 3 подводных лодки и отряд торпедных катеров. В бухте Владимир и в заливе Стрелок находится по одному дивизиону подводных лодок. 5-я морская бригада рассредоточивается по всему заливу Америка; на подступах к Владивостоку дежурят две подводные лодки. В районе мыса Гамов бухта Витязь находится сторожевик и 6 торпедных катеров. Отмечены случаи разглашения боевых приказов. При перебазировании частей командир подлодки ПАВЛОВ в присутствии вольнонаемных, членов семей начсостава заявил: лодки идут за полярный круг, лейтенант МАТВЕЕВ добавил: мне квартира не нужна, буду жить в Петропавловске на Камчатке. Проведенной проверкой противопожарной караульной службы важнейших объектов ТОФ обнаружен ряд недочетов, которые в итоге информации Особого отдела ТОФ Военсоветом ТОФ устраняются.

Проверкой боеготовности Амурской Краснознаменной военной флотилии обнаружен ряд недочетов: на мониторы выданы 3-х дюймовые патроны, имеющие начальную скорость вместо 640 метров – 588,3 метра, из-за чего пришлось переделывать таблицы зенитной стрельбы.

Тральщики не обеспечены противохимическими средствами, личный состав имеет совершенно негодные противогазы «БН». На кораблях нет дальномеров и стереотруб. Запасных частей 45 м/м пушке тральщики не имеют. Гранат «Дьяконова» также нет. Дистанционно-действующие снаряды отсутствуют. Для пушек бронекатеров нет совершенно жидкости и запасных сальников.

Выход в рейс канлодки «Красное знамя» по вине Хабаровского военного порта, несвоевременно давшего катера и грузовые машины, был задержан на 4 часа. 69 авиэскадрильи флотилии из 12 самолетов МБР-2 готовых к бою – 8, не хватает 4-х пилотов. Боезапасом обеспечены только одним комплектом.

Зейский отряд Амурской Краснознаменной военной флотилии в боевую готовность приведен не полностью, один бронекатер находится в ремонте, не приведены в готовность 2 тральщика; отряд не имеет боевых противогазов. ПВХО отсутствует. Средств дегазации на кораблях нет.

3.VIII.38 г.

ГОРБАЧ⁸

Спецсообщение

*НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ СССР тов.ЕЖОВУ*

Обеспечение основными запасными частями боевых и транспортных машин ТОФ имеет из расчета 3 месяца военного времени. Особенно остро ощущается недостаток авторезины. По плану 1938 года ТОФ должен был получить авторезиновых покрышек 12.509 шт., фактически получено 4.818 шт., камер по плану 12.487 шт., получено 4.706 шт., что составляет 25% потребного. Другие детали: рессоры, генераторы, гайки, болты – отсутствуют, из-за неимения этих частей имеются случаи простоя автотранспортных машин. Отдельные укрепрайоны Совгаваньский и Владимиро-Ольгинский в основном запасными частями обеспечены на складах на 3-4 месяца, за исключением резины. Сучанский укрепрайон за отсутствием складских помещений НЗ не имеет. Специального имущества 43 отдел АБТ ТОФ не имеет, за исключением незначительного запаса двигателей, коробок передач, задних и передних мостов, генераторов, аккумуляторов, блоков, который создан в сентябре текущего довольствия. Все запасные части как боевых, так и транспортных машин хранятся в специальных складах Главвоенпорта. Тарой, смазочными и упаковочными материалами склады обеспечены. Окончательная проверка комиссией боевых частей по укрепрайонам задерживается по причине отдаленности.

№4064/16.VIII-38 г.

ДЕМЕНТЬЕВ

Директива

*начальника ОКР «СМЕРШ» ТОФ
от 12 ноября 1945 г.*

Всем начальникам отделов СМЕРШ ТОФ и начальникам отделений аппарата. На основании приказа Начальника Управления контрразведки СМЕРШ НК ВМФ № 0070 от 30 октября 1945 г. в период с 20 ноября по 25 декабря 1945 г. провести аттестование всего офицерского состава органов контрразведки СМЕРШ НК ВМФ за 1945 год. При проведении аттестования руководствоваться следующими указаниями:

1. Аттестование офицерского состава является одним из основных средств в деле правильного подбора, целесообразного использования, воспитания и выращивания высококвалифицированных чекистских кадров, беззаветно преданных делу партии Ленина-Сталина и социалистической Родине.

2. Объективная всесторонняя и правильная оценка личных, деловых и политических качеств офицеров-контрразведчиков является основной задачей при аттестовании.

3. Аттестование производится непосредственно начальником аттестуемого, независимо от продолжительности совместной работы.

4. Аттестация составляется в произвольной форме с освещением следующих основных вопросов:

а) знание и опыт агентурно-оперативной работы и следственной работы за истекший год, работа с агентурным аппаратом, обеспечение руководства подчиненными работниками и органами;

б) волевые качества: энергия, решительность, инициатива, принципиальность, требовательность к себе и подчиненным, умение провести намеченные мероприятия в жизнь, личная дисциплинированность, пример и показ;

в) умение передать свои знания и навыки подчиненному составу, забота о подчиненных, активность в партийно-политической работе, деловой и политический авторитет;

г) общее и политическое развитие, марксистско-ленинская подготовка, работа над повышением своего идейно-политического уровня, повышение своих чекистских и военно-морских знаний, степень роста в политическом и деловом отношениях, особые наклонности и способности работника;

д) состояние здоровья;

е) выводы по аттестации:

- соответствует ли занимаемой должности или должен быть предупрежден о неполном служебном соответствии;

- на какие высшие должности может быть продвинут аттестуемый;

- присвоение какого воинского звания достоин в очередном или внеочередном порядке;

- если не соответствует занимаемой должности, то на какую низшую должность целесообразно назначить;

- требуется ли перевод по состоянию здоровья или другим уважительным причинам (куда именно и на какую должность).

5. Аттестация составляется непосредственным начальником и подписывается прямым начальником. Утверждаются аттестации вышестоящим начальником в следующем порядке:

а) Начальник Управления контрразведки СМЕРШ НКВМФ на начальников отделов ОКР СМЕРШ флотилий, морских ВМБ, ВВС, бригад, дивизий, корпусов, СБО, ОВР, учебных отрядов, гарнизонов и им равных курсов, заместителей начальников отделов флотов, флотилий, начальников отделений ОКР СМЕРШ флотов;

б) начальник отдела ОКР СМЕРШ флота на личный состав ОКР СМЕРШ ТОФ;

в) после утверждения аттестация объявляется аттестуемому.

Мерзленко

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Три отделения бригады миноносцев (Владивосток, создано в апреле 1941), отделение Владимиро-Ольгинской ВМБ (создано 29.04.1941), бригады торпедных катеров (создано 19.08.1941), Петропавловск-Камчатской ВМБ (создано 1.04.1941), Николаевска-на-Амуре ВМБ СТОФ (создано 1.05.1941), СТОФ (создано в апреле 1941, ОВРа ГВМБ (создано 1.04.1941), 29-й авиабригады (село Угловое, создано 04.1941), 7-й авиабригады (село Романовка, создано в апреле 1941), Владивостокского СБО (остров Русский, создано в апреле 1941), 12-й железнодорожной бригады (Владивосток, создано 1.05.1941), Сучанского СБО (Находка, создано в апреле 1941), Хасанского СБО (бухта Витязь, создано 1.05.1941), Де-Кастри ВМБ (создано в апреле 1941), 2-й БПЛ (создано 1.05.1941), 1-й БПЛ (создано 1.05.1941), Комсомольск-на-Амуре ВМБ (создано 04.1941), 3-й Отдельной стрелковой бригады (бухта Ольга, создано 1.05.1941), Нагаевского СБО (Магадан, создано 1.05.1941), 5-й БПЛ (Совгавань, создано 1.05.1941), тылового укреплесектора (Артем, 10.12.1941), Северного сектора БО (бухта Провидения, в апреле 1941), Шкотовского СБО (создано в апреле 1941) и др.

² Особые отделы: бригады миноносцев — Отряды легких сил (11.01.1942–4.01.1943), Артемовского СБО (11.01.1942–01.08.1943), Владимиро-Ольгинской ВМБ (создан 11.01.1942), 1-й авиагруппы (село Серафимовка, создан 1.09.1942), Николаевска-на-Амуре ВМБ СТОФ (11.01.1942–4.07.1942), СТОФ (создан 11.01.1942), ОВРа ГВМБ (создан 11.01.1942), 29-й авиабригады ВВС ТОФ (село Романовка, создан 11.01.1942), 7-й бригады ВВС ТОФ (поселок Угловое, 11.01.1942–23.04.1942), 10-й авиабригады затем 10-й АД ВВС ТОФ (село Николаевка, создан 23.04.1942), Комсомольска-на-Амуре ВМБ (создан 11.01.1942), учебных заведений ТОФ (создан 1.09.1942), ВВС и ПВО ТОФ (1.04.1943–1.08.1943); особые отделения 12-й отдельной железнодорожной бригады (создано 2.01.1942), Нагаевского СБО СТОФ (Магадан, 11.01.1942–26. 03.1943), Хасанского СБО (создано 11.01.1942), 14-й бригады МП (поселок Угловое, 1.09.1942–1.08.1943), 15-й бригады МП (о. Русский, 10.05.1942–15.01.1943), 3-й БПЛ СТОФ (6.07.1942–9.07.1943), Де-Кастри ВМБ (создано 11.01.1942), 2-й БПЛ ТОФ (создано 11.01.1942), 13-й бригады МП (Артем, 1.09.1942), 1-й бригады ПЛ ТОФ (создано 11.01.1942), Курсов подготовки (создано 1.06.1942), Тылового сектора ГВМБ (Артем, создано 11.01.1942), Северного СБО (бухта Провидение, 11.01.1942–10.04.1942), 3-й стройбригады (1.09.1942–15.02.1943), Сучанского СБО (Находка, создано 11.01.1942), Владивостокского СБО (о. Русский, создано 11.01.1942), Шкотовского СБО (создано 11.01.1942) и др.

³ Отделы и отделения: Отряды легких сил ТОФ–7-го ВМФ, 522-й стрелковой бригады ТОФ–7-го ВМФ, ОВРа ГВМБ ТОФ, ОВРа ВМОР, 1-й авиагруппы (село Серафимовка), корпуса ПВО ВМОР, Владивостокского УОР, ОКР ВВС и ПВО СТОФ, СТОФ, 15-й смешанной АД СТОФ (город Корсаков), Владимиро-Ольгинской ВМБ, 10-й АД (село Николаевка), 30-й БПЛ СТОФ, 12-й АД ВВС ТОФ (Кневици), 2-й АД ВВС (село Романовка), Петропавловск-Камчатской ВМБ-Камчатского МОР-КВФ, 1-й БПЛ ТОФ, 2 БПЛ ТОФ, 280-го корпуса ПВО ВМОР (село Смоляниново), 280-го ЗАД ВВС ТОФ, 14-й бригады МП КВФ, Владивостокского СБО-Островного СБО (о. Русский), ВВС и ПВО ТОФ (Владивосток), 18-й смешанной АД (Порт-Артурская ВМБ), Порт-Артурской ВМБ, Нагаевского военного гарнизона (Магадан), 7-й АД ВВС ТОФ (Угловое), Хасанского СБО ВМОР ТОФ, Шкотовского СБО ВМОР ТОФ (Крым), Артемовского СБО ВМБ ТОФ, Сучанского СБО ВМОР ТОФ, Николаевска-на-Амуре ВМБ СТОФ, 16-й бригады МП (Порт-Артурская ВМБ), 15-й бригады МП СТОФ (Отомари), 12-й бригады МП ЮЖМОР (Сейсин), Курсов подготовки оперативного состава, 4-й БПЛ (Находка), ЮЖМОР ТОФ (Сейсин), 16-й АД ВВС ТОФ-СТОФ (Ольга-Отомари), СВФ (Отомари), Отомари ВМБ СВФ, 5-й бригады ПЛ КВФ, учебных заведений ТОФ, Де-Кастри ВМБ, 5-го отряда ВМФ СССР в США, 300-го ЗАБ ПВО СВФ (Отомари), ВМБ Рубацу СВФ, Совгаваньской ВМБ СТОФ, 13-й бригады МП (Артем), ВМБ Катаока КВФ, порта Расин ЮЖМОР, Гензанской ВМБ ЮЖМОР, 2-го отряда катеров (Находка), 12-й отдельной железнодорожной артиллерийской бригады ТОФ, 270-го ЗАБ ПВО (Порт-Артурская ВМБ), ЗАБ корпуса ПВО (Николаевка), ВМБ бухты Провидения КВФ, 290-го ЗАД корпуса ПВО ВМОР ТОФ, 2-й бригады тральщиков ВМОР ТОФ, 80-й авиабригады ТОФ (Николаевка) и др.

⁴ Этот отдел во главе с подполковником **Ф.М.Резником** был сформирован в связи с тем, что в 1945 г. 5-й отряд кораблей ВМФ СССР из 153 ед. с личным составом 12 632 чел. базировался на Аляске в бухте Колдбэй. Экипажи кораблей формировались из офицеров и матросов СФ, ЧФ, ТОФ, Амурской и Каспийской флотилий. Оперативные материалы ОКР «СМЕРШ» 5-го отряда кораблей ВМФ СССР свидетельствуют о том, что американские разведорганы проявляли большой интерес к советским военнослужащим, заводили различного рода знакомства, завлекали в частные квартиры, угощали, преподносили подарки, а некоторых под различными предлогами забирали в полицию. Имелись случаи склонения наших военнослужащих американскими разведчиками к измене Родине. По состоянию на апрель 1946 г. было учтено 8524 чел. из числа военнослужащих ТОФ, находившихся в заграникомандировках.

⁵ В документах Отдела зафиксированы случаи *заключения под арест* на различные сроки со следующими формулировками: 20 суток за пьянство и дебош, 10 суток за невыполнение задания, 10 суток за необоснованный арест, 5 суток с исполнением служебных обязанностей за личную компрометацию, 5 суток за злоупотребления и обман начальства, 5 суток за развал оперативной работы, 5 суток за халатное отношение к служебным обязанностям и очковитательство, 3 суток за неудовлетворительную оперативную работу, 3 суток за нарушение уголовно-процессуального кодекса, 3 суток за невыход на службу, 3 суток за участие в коллективной пьянке, 2 суток за распространение слухов среди личного состава, 2 суток за самовольное использование автомашины воинской части и поломку ее и т.п.; **вынесения строгого выговора** за: халатное отношение к работе и утерю чекистской бдительности, нарушение правил конспирации в работе с агентурой, халатное отношение к документам, невыполнение в срок директивного указания,

фальсификацию документов, уход с дежурства, за небрежное и безответственное хранение служебного гардероба, слабую воспитательную работу среди краснофлотцев, получение в кредит продуктов и неоплату их стоимости, нарушение формы одежды и пререкания с комендантом города, опоздание из отпуска, использование гранат для глушения рыбы и т.п.

6 **МБР-2.** Гидросамолет, преимущественно использовался в качестве ближнего морского базового разведчика и легкого бомбардировщика. Находился на вооружении ВМФ СССР в 1934-1946 гг.

⁷ **НИКОЛАЕВ-ЖУРИД Николай Галактионович** (1897–1940). Украинец. Член ВКП(б) с 1920 г. В органах госбезопасности с 1919 г. 14.06.1937–28.03.1938 – начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, 28.03–25.10.1938 г. – начальник 3-го отдела 1-го управления, заместитель начальника 2-го управления, заместитель начальника 1-го управления, начальник 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР. 25.10.1938 г. – арестован, 4.02.1940 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН, расстрелян. Не реабилитирован. Комиссар ГБ 3 ранга (1935). Почетный работник ВЧК-ГПУ.

⁸ **ГОРБАЧ Григорий Федорович** (1898–1939). Украинец. Член ВКП(б) с 1916 г. С 1937 г. – начальник УНКВД Омской области, начальник УНКВД Западно-Сибирского края, начальник УНКВД Новосибирской области. 13.06–28.11.1938 г. – начальник УНКВД по ДВК-Хабаровского края, начальник ОО ГУГБ НКВД ОКДВА. Старший майор ГБ. 28.11.1938 г. – арестован, 7.03.1939 г. – приговорен ВК ВС СССР к ВМН, в тот же день расстрелян. Не реабилитирован.

1.5. А.В. Полутов. Деятельность японской разведки против России и СССР на Дальнем Востоке в 1917–1945 гг.

Разведкой в России и на ее дальневосточных рубежах Япония начала заниматься ещё в 70-е годы XIX в. Накануне русско-японской войны 1904–1905 гг. японская разведка активно действовала в Маньчжурии, на Дальнем Востоке и в европейской части Российской Империи, где она заблаговременно развернула разведывательную сеть и добилась серьезных результатов в изучении своего противника и театра военных действий. Работа разведывательных служб Японии во время этой войны против сухопутной и морской группировки сил России на Дальнем Востоке оказала серьезное влияние на ход военных действий, а ее результаты во многом способствовали победам японской армии и военно-морского флота во время осады Порт-Артура, сражений в Желтом море и в Цусимском проливе.

Не менее активно японская разведка действовала в России в период гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке 1918–1922 гг. Еще в 1916–1917 гг. японский ГШ направил в центральную Россию, Сибирь и на Дальний Восток девять офицеров разведки для сбора информации о политическом и экономическом положении внутри России и на российско-германском фронте. Для ведения разведывательной, диверсионной и подрывной деятельности против России Япония создала во многом уникальный аппарат органов особой службы «токуму кикан», более известный как «японские военные миссии» (ЯВМ), для выполнения задач, «выходивших за рамки компетенции военного верховного командования в области военной дипломатии и получения информации». Автором названия «токуму кикан» считается генерал-майор Такаянаги Ясутаро, специалист по России, который в 1918 г. занимал должность начальника 2-го (разведывательного) отдела ГШ, а затем, с февраля 1919 г. был одновременно начальником штаба японского экспедиционного корпуса во Владивостоке и начальником ЯВМ в Омске при правительстве Колчака.

Предтечей ЯВМ были девять резидентур 2-го (разведывательного) отдела ГШ Японии, развернутые в 1916–1918 гг. во Владивостоке, Иркутске, Харбине, Цицикаре, Алексеевске, Чите, Томске, Омске и Маньчжоули. Руководство их деятельностью возлагалось на Харбинскую ЯВМ, созданную в феврале 1917 г. под руководством подполковника Куросава Дзюн.

Директивой командующего экспедиционного корпуса японской армии в России от 28 февраля 1918 г. была сформирована головная ЯВМ во Владивостоке, на которую стали замыкаться все офицеры японской разведки, действовавшие на территории российского Дальнего Востока. В конце 1918 г. ЯВМ, претерпев ряд изменений, организационно вошли в штаб японского экспедиционного корпуса, но продолжали непосредственно подчиняться 2-му отделу ГШ, причем в оперативных целях и для придания более высокого статуса офицерам ЯВМ разрешалось носить знаки отличия Генерального штаба.

В том же году ЯВМ были развернуты в Омске, Чите, Никольске (Уссурийске), Хабаровске и Благовещенске, которые создали на территории Дальнего Востока России широкую агентурную сеть, осуществляли тотальное добывание информации по широкому кругу источников о политической ситуации, экономическом положении, динамике военных действий, тщательно обрабатывали открытые материалы.

20 августа 1920 г. ГШ издал директиву о новой организационной структуре и функциональных задачах ЯВМ, в которой был обобщен опыт их деятельности на Дальнем Востоке России. Харбинская ЯВМ была переименована в Северо-Маньчжурскую, но уже 30 октября того же года ей было возвращено прежнее название и она вновь была передана в оперативное подчинение штаба Квантунской армии. В тот же день директивой ГШ была развернута Приморская ЯВМ во главе с генерал-майором Такаянаги Ясутаро, в которую вошли ЯВМ во Владивостоке, Хабаровске и Никольске, Амурская ЯВМ с центром в Благовещенске по руководством майора Токинори Хисаси, Восточно-Байкальская ЯВМ во главе с полковником Нагаока Иятака, включившая в себя ЯВМ в Чите, Даурии и Маньчжоули, Западно-Байкальская ЯВМ с центром в Верхнеудинске по главе с полковником ИсомэРокуро. В конце октября Западно-Байкальская и Восточно-Байкальская ЯВМ были объединены в Забайкальскую ЯВМ под началом полковника ИсомэРокуро, а в декабре она была передислоцирована в Маньчжоули. Реорганизации ЯВМ были обусловлены изменениями военно-политической обстановки на Дальнем Востоке и частыми передислокациями японских войск.

По далеко не полным данным, к 1922 г. численность японской агентурной сети составила около 4 тыс. чел., из числа русского, японского, китайского и корейского населения Дальнего Востока. В ходе интервенции ЯВМ прилагали значительные усилия для разведывательного освоения Дальнего Востока с целью реализации в дальнейшем планов закрепления за Японией ряда территорий Советской России. Отличительными особенностями японской разведки в этот период стали комбинирование имевшихся в ее распоряжении средств и методов, концентрация оперативных и агентурных сил по конкретным направлениям. В своей деятельности ЯВМ опирались на консульские учреждения Японии на территории Дальнего Востока и Маньчжурии.

В 1922 г. головная ЯВМ была передислоцирована из Владивостока в Харбин и сразу же приступила к организации разведывательной деятельности против Советского Союза. Харбинская ЯВМ сохранила свой статус головного разведоргана и координационного центра разведывательно-подрывной работы против СССР. Сеть ЯВМ на территории Маньчжурии неуклонно расширялась, а после создания государства Маньчжоу-Го японская разведка стала проводить широкомасштабные разведывательные операции, экономические и идеологические диверсии против Дальнего Востока СССР.

В начале 20-х гг. японская разведка развернула на территории Маньчжурии и узловых пунктах КВЖД сеть ЯВМ, в том числе в Мукдене, Цилине, Яньцзи, Хэйхэ, Хуньчуне, Ляояне, Суйфунхэ, Даляне, Маньчжоули, Фугдине, Айгуне, Цицикаре и Хайларе, располагавших в свою очередь многочисленными ПРП, которые работали под различными прикрытиями. Для разведывательной деятельности широко использовались дипломатические и консульские учреждения Японии в Маньчжурии, в том числе посольство Японии в Чанчуне, консульства в Харбине, Маньчжурии, Чанчуне, Мукдене и Тяньцзине. Кроме того, на Северном Сахалине имелись японские нефтяные и угольные концессии, где работало около 800 японских рабочих и служащих, на Камчатке действовали японские рыболовные промыслы, на которых было занято свыше 18 тыс. рыбаков и другого персонала.

Японская разведка активно использовала дипломатические и консульские представительства Японии и Маньчжоу-Го на территории СССР для работы с легальных

позиций. Кадровые разведчики ЯВМ работали под «крышей» японских консульств во Владивостоке, Хабаровске, Одессе, Благовещенске, Новосибирске и консульств Маньчжоу-Го в Чите и Благовещенске. В своей деятельности они непосредственно подчинялись ЯВМ в Харбине и действовали под дипломатическим прикрытием, пользуясь вымышленными именами: «В том случае, если нельзя будет устроить официальные разведывательные органы, необходимо отправлять в Россию японских разведывательных агентов под видом дипломатических чиновников». Так, генеральным консулом Маньчжоу-Го в Чите был кадровый разведчик подполковник Мацудайра Садатака, работавший под именем Хисамацу, японский вице-консул в Благовещенске Цудзита на самом деле был майором разведки Цутия Сигэо. Вице-консул консульства Маньчжоу-Го в Благовещенске Идзуми в действительности был кадровым разведчиком подполковником Асада Сабура. В 1937–1941 гг. на должности секретаря японского консульства в Александровске находился майор Араи Исаму под вымышленной фамилией Сато Дзиро. Майор Миёси Емитита работал секретарем генерального консульства Японии во Владивостоке под фамилией Мори. В марте 1942 г. для руководства агентурной разведкой с позиций японского посольства в Москве на должность военного атташе был направлен полковник Ябэ Тjuta, руководивший в 1937 г. нелегальной резидентурой в Благовещенске. С этих позиций японцы получали важную экономическую и военную информацию, прежде всего о районах Дальнего Востока и Восточной Сибири СССР. Это направление деятельности японской разведки приняло со временем столь широкий размах, что СССР был вынужден принять меры по сокращению числа японских консульств, а затем практически полностью ликвидировать их на территории Советского Союза.

Японская разведка делала большую ставку на белоэмигрантов, численность которой в Маньчжурии составляла свыше 100 тыс. чел. Из их числа были созданы различные антисоветские организации: «Русский общевоинский союз» (РОВС), «Военно-монархический союз», «Братство русской правды» (БРП), «Трудовая крестьянская партия» (ТКП), «Союз казаков Дальнего Востока», «Российский фашистский союз» (РФС), «Русский национальный союз» (РНС), «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии» (БРЭМ), «Дальневосточный союз военных», «Союз легитимистов-монархистов», «Национально-трудовой союз нового поколения», «Союз мушкетеров» и др.

С 1932 г. Харбинская ЯВМ искала способы обеспечить наиболее эффективный контроль за русской эмиграцией в Маньчжурии. Задача осложнялась тем, что в 1934 г. около половины русского населения Маньчжоу-Го имели советское гражданство – 36,5 из 80 тыс. чел. и таким образом находились вне юрисдикции японо-маньчжурских властей. Начальник Харбинской ЯВМ генерал-майор Комацубара Мититаро и его подчиненные вплоть до 1934 г. занимались насаждением в белоэмигрантских организациях, союзах и обществах своих советников из числа работников спецслужб и агентуры из числа русских эмигрантов.

В конце 1934 г. ЯВМ был разработан план создания единого органа русской эмиграции, наделенного широкими полномочиями для управления русской общиной на территории Маньчжоу-Го. 28 декабря 1934 г. в Русском клубе в Харбине, одновременно являвшемся штаб-квартирой РФС, состоялось чрезвычайное заседание представителей наиболее влиятельных эмигрантских организаций – Союза легитимистов-

монархистов, РОВС, Союза казаков Дальнего Востока, а также чиновников из муниципального совета Харбина, правительства Маньчжоу-Го, консульства Японии, полицейских органов и японской военной жандармерии (кэмпэйти).

На этом заседании от японской стороны выступил сотрудник ЯВМ, советник РФС майор Акикуса Сюн, заявив, что «патриотически настроенные эмигранты должны осознать всю важность объединения своих сил, если они действительно хотят освободить свою родину от большевизма». С этой целью Акикуса предложил создать Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ), в сферу компетенции которого входила бы вся деятельность существующих в среде эмиграции политических, общественных и религиозных организаций. На этом же собрании был назначен первый директор БРЭМ генерал-лейтенант В.В. Рычков, ранее служивший у атамана Семенова*.

Через несколько дней появление БРЭМ было юридически закреплено указом императора Маньчжоу-Го Пу И. БРЭМ по существу стал «внешним органом» японской разведки в Харбине. Уже к середине 1935 г. БРЭМ действовал практически на всей территории Маньчжоу-Го, имея отделения в Мукдене, Хайларе, Айгуни и Пограничной. Под его юрисдикцию попадали также российские эмигранты, бывшие по национальности украинцами, поляками, эстонцами, латышами, грузинами, армянами, татарами и прибалтийскими немцами и составлявшие около 10% от общей численности белой эмиграции в Маньчжоу-Го.

Еще в годы интервенции японская разведка в лице начальника ЯВМ в Харбине Куросавы Дзюн и кадрового военного разведчика Араки Садао рассчитывала использовать отряды Семенова для свержения зарождавшейся советской власти. Позднее, в 1931 г., после захвата Маньчжурии, начальник 2-го отдела штаба Квантунской армии полковник Исимура вызвал Семенова и заявил ему о том, что ГШ Японии разрабатывает план вторжения на территорию СССР и отводит в этой операции большую роль его отрядам. Воинские формирования под командованием походного атамана Г.М. Семенова должны были использоваться во время событий на Халхин-Голе, но по ряду причин их так и не допустили до участия в боевых действиях.

Эмигрантские воинские формирования, такие, как Захинганский казачий корпус, состоявший из пяти казачьих полков, двух отдельных дивизионов и одной отдельной сотни, и Монгольская конная армия, созданные и экипированные за счет японских спецслужб, постоянно участвовали в рейдах по территории СССР, пограничных провокациях, а их члены готовились японской разведкой в диверсионно-разведывательном отряде «Асано», особом отряде «377» (условное наименование «Облако-900»), диверсионной школе «471» и др. Первый отряд «Асано», состоявший из пяти рот диверсантов, готовившихся под руководством полковника Асано для переброски в СССР, был сформирован в Харбине в 1936 г., когда произошло резкое усиление разведывательно-подрывной работы японской разведки против СССР. В 1938 г. ЯВМ был создан еще один отряд «Асано» на станции Сунгари-2, а в конце 1943-го оба отряда «Асано» были переформированы в Российские воинские отряды армии Маньчжоу-Го и имели в своем составе кавалерию, пехоту и отдельные казачьи части.

Белоэмиграция рассматривалась японской разведкой не только как «основная база

* После его смерти в 1937 г. этот пост последовательно занимали генералы А.П. Бакшеев (1937–1938 гг.), В.А. Кислицын (1938–1944 гг.) и Л.Ф. Власьевский (1944–1945 гг.).

для разведывательной работы против России». Еще в 1933 г. лидерам белоэмиграции было заявлено, что «правительство Японии не возражает против создания Сибирского буферного правительства». В своих показаниях атаман Г.М. Семенов говорил: «В 1936 г. я встретился с начальником штаба Квантунской армии генералом Окамура. От него я выяснил, что японский план вторжения предусматривает присоединить Уссурийский край к Маньчжоу-Го и создать буферное государство от Байкала на восток, сделав меня главой правительства...» Разжигая реваншистские настроения в среде эмиграции, японская разведка одновременно требовала от нее усиления антисоветской и разведывательно-подрывной деятельности, достигнув на этом поприще значительных успехов.

В то же время японская разведка не забывала о другом важном источнике пополнения агентурных кадров – японских переселенцах, коренных жителях Китая, Маньчжурии и Кореи, а также представителях национальных меньшинств Дальнего Востока, включая бурят, якутов, нанайцев, ороحوнов и др. Японские поселенцы вовлекались в деятельность общества «Кёвакай» (Сотрудничество наций) и «Союза соседской взаимопомощи». В апреле 1932 г. в Мукдене при «Кёвакай» был создан специальный комитет для пропаганды японизма и идей «Великой сферы процветания в Азии». В рамках общества были организованы специальные боевые группы «Сэмподан» для проведения диверсий на железных дорогах, взрывов мостов, поджогов складов, террористических актов, убийств советских военнослужащих и гражданского населения. На территории Маньчжурии также действовали тайные общества «Кокурюкай» (Общество Черного дракона), «Гэньёся» (Общество Черного океана) и «Хайродосикай» (Общество единомышленников против России), занимавшиеся антисоветской пропагандой и агитацией, подготовкой диверсионных и террористических актов на КВЖД и территории Дальнего Востока СССР.

С помощью японской разведки было организовано тайное «Общество Белого волка», ставшее мощной международной террористической организацией, связанной с аналогичными мусульманскими экстремистскими организациями в Турции и Иране, а также с мусульманскими организациями в среде белоэмиграции. «Общество Белого волка» занималось созданием вооруженных формирований из числа узбеков, туркмен, таджиков и других представителей среднеазиатских национальностей, вело внутри Маньчжурии и на советской территории Дальнего Востока и Средней Азии религиозную и националистическую пропаганду.

Основным органом японской разведки, планировавшим и координировавшим разведывательно-подрывную работу против СССР, являлся 5-й (русский) отдел 2-го (разведывательного) управления ГШ, которому подчинялся 2-й (разведывательный) отдел штаба Квантунской армии. В свою очередь этому отделу подчинялась Харбинская ЯВМ со всеми своими периферийными органами на территории Маньчжоу-Го. Еще в конце 20-х гг. японский ГШ принял решение о превращении Харбинской ЯВМ в основной орган агентурной разведки против СССР. Одновременно 2-й отдел штаба Квантунской армии был освобожден от ведения агентурной разведки и превращен в руководящий центр, координировавший и направлявший разведывательно-подрывную деятельность против СССР. 8 апреля 1940 г. Харбинская ЯВМ была реорганизована в Информационно-разведывательное управление Квантунской армии (ИРУ), включавшее в себя свыше 50 отделов, отделений и ПРП на территории Маньчжурии и Южного

Сахалина. В ведении ИРУ также находилось Исследовательское бюро ЮМЖД, имевшее разветвленную сеть филиалов, исследовательских организаций и обществ, в том числе «Общество по изучению Советского Союза».

Надо отметить, что каждое подразделение японской разведки имело сложную структуру и состояло из значительного числа отделов, отделений и филиалов, различавшихся по функциональному признаку и связанных как между собой, так и внутри себя строгой подчиненностью. Этот отлаженный механизм, который совершенствовался на протяжении почти двух десятилетий, был способен выполнять самые сложные задачи, от информационно-аналитического обеспечения оперативных служб Ставки и ГШ до политических диверсий и террористических актов, располагая для этого хорошо подготовленным оперативным и агентурным составом, широкими финансовыми и материальными возможностями. Так, в 1934–1935 гг. правительством Японии было отпущено по статье «секретные расходы» 13,814 млн иен, из них на нужды военной разведки – 7,334 млн. иен, а уже в 1937–1938 гг. общая сумма бюджетных ассигнований по той же статье возросла до 90 млн. иен.

Главными направлениями деятельности японской разведки против СССР были информационное обеспечение экспансионистской политики Японии против СССР (политическая, экономическая и военная разведки); непосредственный подрыв социалистического строя в СССР (осуществление акций идеологической диверсии, психологическое давление, стимулирование бандитско-повстанческой деятельности); создание разведывательных позиций против СССР.

Территория Дальнего Востока СССР была разбита на ряд стратегических направлений: хабаровское, владивостокское, куйбышевское, благовещенское, биробиджанское и борзинское, по которым японская разведка планомерно осуществляла разведывательно-подрывную работу. При сборе разведанных об СССР и его вооруженных силах японские спецслужбы серьезное значение придавали в первую очередь агентурной разведке, изучению открытых печатных изданий, обмену информацией со спецслужбами дружественных Японии стран, а также разведывательным поездкам, радио и телефонному подслушиванию и другим методам сбора информации.

В июле 1941 г. был принят план «Кантокуэн» (Особые маневры Квантунской армии), который предусматривал начало военных действий против СССР в тот период, когда Советский Союз в войне с Германией окажется в наиболее тяжелом положении и начнет перебрасывать войска с Дальнего Востока. Разведывательно-диверсионное обеспечение плана «Кантокуэн» было возложено командующим Квантунской армией генерал-лейтенантом Умэдзу Ёсидзиро на начальника ИРУ генерал-майора ЯнагитаГэндзо. ИРУ разработало комплексный план мероприятий по разведывательно-диверсионному обеспечению «Кантокуэн», включая такие, как усиленная подготовка агентуры по тотальному принципу, планирование диверсионно-террористических акций, идеологические диверсии с целью подрыва морально-политического состояния советских войск и гражданского населения.

Целью идеологических диверсий было вызвать у населения тревогу и неуверенность в возможности построения социалистического общества, недоверие к советскому и партийному руководству, нагнетать страх перед неизбежной войной. Эти цели получили конкретное содержание: клевета на советский строй, дискредитация командного и политического аппарата Красной Армии, спекуляция на временных трудностях Советского государства.

При организации и проведении идеологических диверсий японская разведка учитывала обстановку того времени. Массовая миграция населения на Дальний Восток с Украины, из Белоруссии и европейских районов РСФСР, хетагуровское движение, репрессии среди крестьянства, принудительное переселение китайцев и корейцев с территории Дальнего Востока во многом обуславливали усиление социально-экономической нестабильности.

Японская разведка любыми средствами пыталась ослабить боеспособность советской армии и флота на Дальнем Востоке. С этой целью на советскую территорию агентурным путем забрасывались антисоветские материалы с призывами к измене, клеветой на командиров и политработников, извращенной трактовкой дисциплинарной практики в армии и на флоте, письма от изменников Родины с призывом к военным служащим бежать в Маньчжурию, велись антисоветские передачи через громкоговорители, установленные рядом с границей, распространялись панические слухи среди личного состава армии и флота, пограничных войск и населения края.

По течению пограничных рек подбрасывали стеклянные контейнеры, бутылки, заполненные листовками антисоветского содержания. Пользуясь челночной информационной сетью, состоявшей из китайской, корейской и белогвардейской агентуры, японская разведка отправляла на территорию СССР памфлеты, тексты религиозных проповедей, призывавших «не подчиняться советским антихристам». Антисоветская литература на русском, корейском и китайском языках в больших количествах завозилась по железной дороге с территории Маньчжоу-Го членами поездных бригад.

Японская разведка напечатала огромное количество листовок, брошюр, фальшивых денежных знаков с антигосударственными надписями, всевозможных этикеток, почтовых марок, открыток и календарей антисоветской направленности, которые поступали из Токио в ИРУ штаба Квантунской армии, а затем распределялись по отделениям ЯВМ и ПРП, откуда они переправлялись на советскую территорию.

Особое внимание японская разведка обращала на работу по психологическому подавлению и склонению военнопленных армии и флота к бегству на территорию Маньчжурии, преследуя тем самым две цели: во-первых, подорвать боеспособность частей армии и флота, а во-вторых, использовать перебежчиков для получения разведывательной информации по широкому кругу вопросов.

Как явствует из захваченных в Маньчжурии и Корее органами военной контрразведки документов японской разведки, в процессе разведывательного опроса военнопленных-перебежчиков выяснялись следующие детали: причина перехода границы, номер войсковой части, фамилия ее командира и непосредственного начальника перебежавшего и их характеристика; вооружение и техническая оснащенность воинской части, наличие других воинских частей в районе дислокации, их род и количество, вооружение, состояние боевого духа, дисциплины и многое другое.

Объем сведений, полученных японской разведкой после начала Великой Отечественной войны путем опроса перебежчиков, был довольно велик, так как в этот период изменяли Родине военнопленные, имевшие антисоветские настроения, не желавшие находиться в частях действующей армии на советско-германском фронте, трусы и паникеры.

Одновременно ИРУ составило план мероприятий по разведывательному обеспечению вооруженного вторжения на территорию СССР и организации подрывных акций

во время боевых действий. На разведку возлагался сбор информации об укрепрайонах в советской пограничной полосе, дислокации и численности войск в районах озера Ханка, юга Приморского края, Нерчинска и Халхин-Гола, состоянии береговой обороны Приморья, Северного Сахалина и Камчатки. Диверсионно-террористические акции планировалось совершать на железнодорожных и оборонных объектах Приморья, Забайкалья и Сибири, против командиров, политработников и представителей власти в приграничных районах.

ИРУ в срочном порядке приступило к ускоренной подготовке для заброски в тыл советских сухопутных войск и флота шпионов и диверсантов. При ЯВМ в Харбине, Яньцзи, Муданьцзяне, Сахалыне, Трехречье, Ванемяо стали расширяться существовавшие ранее разведывательно-диверсионные отряды, насчитывавшие к концу 1941 года более двух тыс. чел. Эти отряды формировались из русских эмигрантов, китайцев, монголов, корейцев, японцев и представителей малых народностей Дальнего Востока. Штабом Квантунской армии было создано еще четыре новых диверсионных отряда общей численностью свыше 500 чел.

Надо отметить, что еще в 1940 г. японский ГШ направил в Германию полковника Акикуса Сюн для ознакомления с организацией административных органов управления на оккупированных немцами территориях европейских стран. После нападения Германии на Советский Союз материалы Акикуса были использованы для разработки плана мероприятий на случай оккупации японскими войсками советского Дальнего Востока. На занимаемой в ходе боевых операций советской территории японским командованием предусматривалось создание поэтапных штабов во главе с представителями ЯВМ, военно-полевой жандармерии и армии. Штабы должны были вести борьбу с партизанами, выявлять коммунистов и комсомольцев, сотрудников НКВД и контрразведки, вести разведывательную и контрразведывательную работу, организовывать пропагандистские мероприятия среди населения. На штабы также возлагалась ответственность за порядок и безопасность военных перевозок. Первостепенное внимание уделялось созданию новых административных органов власти на захваченных территориях.

Разведке в лице Харбинской ЯВМ и ее правопреемника ИРУ отводилась основная роль в подготовке и организации вооруженной агрессии Японии против СССР. Именно ей были поручены мероприятия, которые должны были облегчить вторжение японской армии на Дальний Восток СССР. С начала 20-х гг. и вплоть до 1941-го японская разведка, осуществляя разведывательно-подрывную работу против СССР с позиций Маньчжурии, планомерно занималась изучением экономического потенциала и вооруженных сил Советского Союза и к началу Великой Отечественной войны располагала исчерпывающей прогностической и текущей информацией политического, экономического и военного характера, что дало ей возможность заблаговременно подготовить оперативные планы военных действий против СССР с учетом вариантов развития военно-политической ситуации.

Разведкой против Дальнего Востока СССР занимался также 2-й (разведывательный) отдел Корейской армии, расквартированной на территории Корейского генерал-губернаторства. Во время японской интервенции на Дальнем Востоке России в 1918–1922 гг. одной из основных функций 2-го отдела была организация и ведение агентурной разведки на всей территории Приморского края и восточной части

провинции Цзилинь, примыкавшей к корейско-маньчжурской границе*. После вывода японских войск зона ответственности в Приморском крае была разделена между разведорганами Квантунской и Корейской армий. 2-му отделу отошла южная часть края вплоть до г. Спасска. Для организации агентурной разведки в своей зоне ответственности 2-м отделом были созданы две ЯВМ – на ст. Пограничная и в г. Лунцзин. Лунцзинская ЯВМ имела филиал – ПРП в г. Хунчунь, который в июле 1933 г. был преобразован в головную ЯВМ с одновременным упразднением ЯВМ в Лунцзине. В том же году Пограничная ЯВМ была передана в ведение Квантунской армии.

Начиная с 1922 г., планы разведывательной работы ежегодно составлялись начальником штаба Корейской армии с их последующим утверждением заместителем начальника Генерального штаба. Так, планом на 1926 год предусматривалось «ведение разведки по Приморскому краю прежде всего с целью сбора сведений об оперативных и мобилизационных планах<...>, политическая информация и данные по ГПУ являются второстепенными». Последнее было обусловлено тем, что сбор сведений о политике, разведывательных и контрразведывательных органах СССР являлся исключительной прерогативой ЯВМ Квантунской армии.

Агентурный аппарат 2-го отдела состоял преимущественно из корейцев, которых вербовали как в Корее и Маньчжурии, так и на территории Приморского края. Еще в начале XX века японская разведка активно использовала корейцев как свою «пятую колонну», так как корейцы, проживавшие в России с 1910 г. и не принявшие ее подданства, автоматически считались подданными Японии. В советский период японская разведка часто прибегала к прямому шантажу и применяла институт заложничества, опираясь на специфику семейно-родственных отношений у корейцев. При вербовке или перевербовке корейцев** им давали понять, что в случае измены члены их семей и родственники будут подвергнуты репрессиям вплоть до смертной казни.

Засылка и насаждение корейской агентуры с разведывательными и диверсионными целями в Приморском крае приняли такой размах, что 21 августа 1937 г. по представлению командующих ТОФ и ОКДВА было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о депортации корейцев***. 2-й отдел внимательно следил за депортацией, информируя о ее ходе ГШ. В феврале 1938 г. на совещании руководителей разведорганов Корейской армии начальник штаба, генерал-майор КуноСэйити заявил: «Депортация корейцев в конце прошлого года практически полностью уничтожила нашу агентурную сеть в Приморском крае<...>, в связи с этим каждый орган должен предпринять все усилия, чтобы исправить ситуацию и одновременно поставить заслон разведке противника».

После депортации 2-й отдел отказался от практики массовой засылки агентов на территорию Приморского края и перешел к оперативным играм с перевербован-

* В настоящее время это территория Яньбеньского корейского автономного округа провинции Цзилинь КНР.

** Имеется ввиду перевербовка корейцев, являвшихся агентами разведорганов ТОФ, ОКДВА и госбезопасности. – Примеч.авт.

*** В ходе операции органов НКВД из Приморского края в Казахскую, Узбекскую ССР и в Астраханский округ Сталинградской области был депортирован 171781 кореец. Массовых репрессий и поражения в правах, за исключением ограничения на право передвижения в пограничных районах, отмененное в 1946 г., к ним не применялось. – Примеч.авт.

ными агентами-двойниками для сбора разведывательной информации*. Руководители японской разведки считали, что «надо добиться использования агентов противника против него самого». Только в 1939 г. 2-м отделом было перевербовано 67% советских агентов, заброшенных в Корею и на юг Маньчжурии.

В 1926–1938 гг. 2-й отдел занимался сбором информации о сухопутных войсках, ВВС и флоте на юге Приморского края. Значительная часть сведений была получена 2-м отделом в ходе допросов советских агентов и от агентов-двойников. В 1938 г. 2-й отдел завершил составление ряда информационно-аналитических докладов, отличавшихся высокой степенью достоверности. Это совершенно секретные «Доклад о дислокации, вооружении и численности сухопутных сил на юге Приморского края» на 60 страницах с перечислением всех воинских частей и пунктов их дислокации, номеров части и полевой почты, их вооружения и штатно-организационной структуры, «Сведения об аэродромах на юге Приморского края» на 35 страницах с описанием их самолетного парка, размеров и характеристик взлетно-посадочных полос, ангаров, хранилищ топлива и других сооружений, «Тихоокеанский флот» на 20 страницах с описанием корабельного состава и пунктах базирования со схемами и картами, а также несколько докладов о запасах вооружения, боеприпасов, снаряжения и продовольствия.

В октябре 1938 г. в соответствии с соглашением между разведслужбами Квантунской и Корейской армий Хунчунская ЯВМ была переподчинена Квантунской армии. В соглашении говорилось: «В соответствии с распоряжением Центра Корейская армия будет вести разведывательную, пропагандистскую и подрывную деятельность в том объеме, в каком это необходимо для выполняемых ей задач по обороне Кореи, и не создавая при этом помех аналогичной деятельности Квантунской армии». С этого момента 2-й отдел имел право вести разведку только с позиций вновь созданного ПРП в Раджине, который в скором времени превратился по существу в пункт фельдегерской связи для обмена информацией с Квантунской армией. В 1941–1945 гг. 2-й отдел занимался преимущественно контрразведкой совместно с военной жандармерией и активной разведывательной работы против СССР не вел.

В 1937–1941 гг. 2-й отдел совместно с департаментом связи генерал-губернаторства Кореи занимался радиовещанием на русском языке в агитационно-пропагандистских целях. 13 декабря 1937 г. начали работу радиостанции в Сеуле и Сэйсине, мощность которых позволяла покрыть всю территорию Приморского и часть Хабаровского края. Но с 6 января 1938 г. эти передачи стали глушить. Генеральные консульства во Владивостоке и Хабаровске изучали эффективность вещания и пришли к выводу, что слушать его может незначительная часть населения, в первую очередь партийная и военная номенклатура. Всего в эфир вышло 754 передачи, носивших антисоветский характер и прославлявших мощь японской армии. После заключения 13 апреля 1941 г. советско-японского пакта о нейтралитете вещание по политическим соображениям было прекращено.

Тихоокеанский флот с момента его основания и до наших дней остается объектом

* Позже японская разведка была вынуждена признать, что использование агентов-двойников оказалось неэффективным. В сентябре 1942 г. Информационно-разведывательное Управление Квантунской армии направило в ЯВМ на местах распоряжение об очистке агентурного аппарата от агентов-двойников и запрещении их дальнейшего использования. – Прим.авт.

пристального внимания военной, военно-морской и внешнеполитической разведки Японии. Активная работа разведывательных служб Японии против военно-морской группировки сил России на Дальнем Востоке оказала серьезное влияние на подготовку и ход военных действий на море, а ее результаты во многом способствовали победам японского военно-морского флота во время осады Порт-Артура, сражений в Желтом море и в Цусимском проливе.

Во время гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке и Сибири 1918–1922 гг. Япония задействовала значительные силы военно-морского флота, разведывательное обеспечение которых координировало 5-е отделение 3-го бюро МГШ. В походных штабах соединений, выполнявших задачи на Дальнем Востоке России, была организована служба разведки, начальником которой назначался один из офицеров штаба, который привлекал для выполнения разведывательных задач корабельных офицеров, унтер-офицеров и нижних чинов. В январе 1918 г. во Владивосток прибыл японский отряд крейсеров и его командир, контр-адмирал Като Хирохару, приказал капитанам 3 ранга Найто Сёити и Икэнака Кэнъити немедленно приступить к организации разведывательной работы в городе.

Так как происходила плановая замена соединений, то для обеспечения стабильной работы и координации действий с военной разведкой была развернута резидентура военно-морской разведки под прикрытием генерального консульства во Владивостоке, которую в 1918–1919 гг. возглавлял капитан 2 ранга Ёнаи Мицумаса, а затем – капитан 3 ранга Минодзума Дзюндзи. Последний, после эвакуации японских войск из Владивостока*, перешел на нелегальное положение и занимался сбором разведывательных сведений вплоть до своего ареста вместе с вице-консулом Гундзи Томомаро органами ОГПУ в 1925 г.

По свидетельству Минодзума Дзюндзи, в 1918–1922 гг. одной из основных задач японской разведки был сбор и добывание сведений о политических настроениях офицерского и личного состава, дислокации и передвижении кораблей, состоянии корабельного состава, пунктов базирования и береговой обороны флота на Дальнем Востоке, положении на фронтах гражданской войны, политическом и экономическом положении России. В годы гражданской войны японской военно-морской разведкой были составлены детальные карты военно-морских баз Владивостока, Николаевска-на-Амуре, Петропавловска-на-Камчатке, Александровска-на-Сахалине, Хабаровска, ряда других гаваней и стратегически важных участков береговой обороны, добыты шифры и подробные данные о корабельном составе военно-морского флота России на Дальнем Востоке.

Созданные 20 ноября 1922 г. Морские силы Дальнего Востока (МСДВ) находились на тот момент времени в удручающем состоянии и не представляли собой реальной

* 17 октября 1945 г. Минодзума Дзюндзи был арестован отделом контрразведки «СМЕРШ» Гензанской ВМБ ТОФ и вывезен в Москву, где в ходе следствия дал показания: «Я прибыл во Владивосток на крейсере «Ниссин» осенью 1922-го года уже после того, как японские оккупационные войска покинули город». Неизвестно, по какой причине Минодзума скрыл факт своего пребывания во Владивостоке с сентября 1919 г., но можно предположить, что это как-то связано с событиями в Николаевске в 1920 г., куда Минодзума выезжал в составе экспедиционного отряда армии и имел отношение к расследованию преступлений отряда Тряпицына против японского населения. Возможно, что следственные органы не были заинтересованы в упоминании этих событий, которые вплоть до настоящего времени болезненно сказываются на российско-японских отношениях.

боевой силы. Тем не менее, они продолжали оставаться объектом постоянного интереса японской военно-морской разведки, которая вела свою работу против СССР в тесном взаимодействии с военной разведкой и Министерством иностранных дел. 1 сентября 1924 г. ГШ Японии выпустил секретный справочник, включавший раздел «Рабоче-крестьянский флот России» с данными по центральным органам управления и учебным заведениям РКВМФ, боевой организации, командному и корабельному составу Морских сил Балтийского, Черного, Северного морей и Дальнего Востока. Точные и подробные данные о МСДВ были составлены на основе сведений, полученных военно-морской разведкой и консульскими учреждениями Японии на Дальнем Востоке.

В декабре 1924 г. были перераспределены функции между подразделениями МГШ, и разведкой против СССР стало заниматься 6-е отделение 3-го бюро, которое возглавляли офицеры флота, имевшие значительный опыт разведывательной работы. Стратегическая разведка возлагалась на аппарат военно-морских атташе в СССР, Китае, Германии, Франции и Турции и резидентуры в Польше, Финляндии прибалтийских государствах, а оперативная – на соединение ОВРа ВМБ Оминато и все входившие в ее состав корабельные силы, экипажи гидрографических и вспомогательных кораблей и судов военно-морского флота, команды торговых и рыболовных судов, представителей рыболовных и торговых компаний. Регулярные гидрографические исследования и разведку вблизи территориальных вод Дальнего Востока СССР вел ледокол «Одомари», на котором в 1942–1945 гг. постоянно находилась группа военно-морской разведки. Офицеры запаса флота по заданию 3-го бюро МГШ вели агентурно-разведывательную работу на Сахалине, Камчатке и других районах советского Дальнего Востока, работая под прикрытием в представительствах и конторах угольных, нефтяных, лесных и рыболовных концессий. По свидетельству Минодзума Дзюндзи, уже в 1933 г. на связи у русского сектора 7-го отделения 3-го отдела МГШ находилось 11 активно действовавших агентов из числа японских подданных и советских граждан.

10 октября 1932 г. произошла реорганизация МГШ, был учрежден секретариат начальника 3-го бюро, функции разведки против СССР были переданы вновь учрежденному 7-му отделению 3-го бюро, а 1 декабря 1933 г. бюро были преобразованы в отделы. Эти изменения практически совпали по времени с созданием 13 апреля 1932 г. МСДВ, которые в январе 1935 г. были переименованы в ТОФ. Возрождение флота на советском Дальнем Востоке не прошло незамеченным у японской военно-морской разведки, которая стала активно наращивать силы и средства и расширять свою деятельность против ТОФ.

В 1931 г. произошло вторжение японской армии в Маньчжурию, в ходе которого 3-е бюро МГШ развернуло в Чаньчуне временную военно-морскую миссию, на которую возлагались руководство операциями экспедиционного отряда флота против хунхузов на реке Сунгари и действиями геологоразведочных партий по поиску нефти и других полезных ископаемых на территории Маньчжурии. На следующий год после создания государства Маньчжоу-Го, 1 апреля 1933 г. миссия была преобразована в представительство японского военно-морского флота и 15 ноября 1938 г. упразднена, как выполнившая поставленные перед ней задачи по организации маньчжурского флота. В 1931–1938 гг. офицеры миссии, служившие советниками и инструкторами Сунгарийской военной флотилии, занимались организацией и ведением разведки против Амурской флотилии.

С февраля 1933 г. была введена должность военно-морского атташе Японии в Маньчжоу-Го, аппарат занимался агентурно-разведывательной работой против СССР, а с 1939 г. стал специализироваться на перехвате радиопередач ТОФ и Амурской флотилии, которые для последующей дешифровки отправлялись в МГШ. Кроме того, в 1936–1942 гг. в Харбине действовала резидентура военно-морской разведки, занимавшаяся во взаимодействии с ЯВМ Квантунской армии агентурно-разведывательной работой во Владивостоке и Хабаровске.

Наиболее активно действовала против ТОФ резидентура японской военно-морской разведки в Сейсине (Чхонджин), развернутая в начале 1933 г. Ее возглавил упоминавшийся выше капитан 1 ранга Минодзума Дзюндзи (1887–15.02.1947). В марте 1916 г. он закончил 2-годичные курсы русского языка при Токийском институте иностранных языков, а в 1917–1925 гг. занимался агентурной разведкой на российском Дальнем Востоке. В 1926–1931 гг. он состоял в должности начальника сектора (СССР) 6-го отделения 3-го бюро, а в 1931–1933 гг. – помощника начальника 3-го отдела МГШ.

В соответствии с директивами и инструкциями 3-го отдела МГШ резидентура военно-морской разведки в Сейсине в 1933–1945 гг. занималась добыванием и сбором сведений по Тихоокеанскому флоту:

- боевой состав и организация, количество, тип и тактико-технические элементы кораблей, подводных лодок и летательных аппаратов;
- техническое состояние, ремонт и докование корабельного состава, постройка новых кораблей и подводных лодок;
- боевая подготовка кораблей и соединений, планы и мероприятия по повышению боеготовности и подготовке к военным действиям;
- дислокация береговых частей и соединений;
- система базирования, организация, силы и средства береговой обороны и охраны водного района;
- органы управления и учебные заведения, кадровые назначения и перемещения;
- морально-политическое состояние и настроения офицерского и личного состава, вольнонаемных рабочих и служащих;
- портовые сооружения, судостроительные и судоремонтные заводы во Владивостоке и других портах Дальнего Востока СССР;
- планы и ход строительства новых баз и пунктов базирования ТОФ, объектов береговой обороны, аэродромов и т.д.

Сбором сведений занимались завербованные резидентурой члены экипажей судов компаний «Кита Нихон», «Нихонкай» и «Тёсэн юсэн», совершавших в 1933–1937 гг. заходы во Владивосток. На основании директивы начальника МГШ капитанам и помощникам судов японского торгового флота во время заходов в советские территориальные воды и порты вменялось в обязанность собирать разведывательные сведения в интересах военно-морской разведки. Минодзума Дзюндзи лично инструктировал и обучал капитанов японских судов приемам наблюдения и фиксирования их результатов. Так, капитан и двое членов экипажа парохода «Ниссан-мару» на регулярной основе собирали сведения о подводных лодках, торпедных катерах и гидросамолетах ТОФ и портовых сооружениях Владивостока, часть из которых они смогли сфотогра-

фировать. На основании этих сведений резидентура регулярно составляла разведывательные сводки об обстановке во Владивостоке, к которым прилагались фотографии и схемы.

Резидентура использовала корейские рыболовные шхуны для визуальной разведки в заливе Петра Великого. Находясь на удалении 6–10 миль от берега, офицеры резидентуры и завербованные капитаны корейских шхун вели наблюдение за кораблями и летательными аппаратами ТОФ, изучали и фотографировали объекты береговой обороны. Эти шхуны неоднократно задерживались пограничниками в советских территориальных водах, где они занимались разведкой под видом лова рыбы.

В 1937–1945 гг. с высот, расположенных на корейской и маньчжурской территории, резидентурой велось постоянное наблюдение за акваторией залива Петра Великого. На них было оборудовано два стационарных наблюдательных поста, на которых дежурили агенты, завербованные из числа корейского населения. У них имелись бинокли и специальные приборы, позволявшие отслеживать движение кораблей и судов в заливе Посыет и на подходах к Владивостоку. Между постами и резидентурой была установлена телефонная связь, по которой наблюдатели круглосуточно сообщали сведения о выходах и заходах кораблей и судов во Владивосток. В 1937–38 гг. в Хуньчуне было завербовано шесть агентов из корейцев и китайцев, которые перебрасывались через границу и собирали сведения об обстановке в заливе Посыет. По результатам агентурной и визуальной разведки резидентура регулярно отправляла в МГШ сводки о навигационно-гидрографической обстановке и движении кораблей и судов в акватории залива Петра Великого.

В феврале 1944 г. резидентура сформировала группу из русских эмигрантов, которая занималась перехватом и обработкой сообщений широковещательных и шифротелеграмм военных радиостанций Владивостока и Хабаровска. В результате дешифровки ряда шифротелеграмм резидентура получила ценные сведения, в том числе о появлении самолетов-торпедоносцев в районе Владивостока, а в 1945 г. одной из первых сообщила в МГШ о том, что СССР в ближайшее время вступит в войну против Японии.

Эффективность работы резидентуры военно-морской разведки в Сейсине была обусловлена хорошо отлаженной системой взаимодействия между различными разведывательными службами Японии и в первую очередь с Министерством иностранных дел. На основании совместных директив начальника МГШ, морского министра и министра иностранных дел Генеральное консульство Японии во Владивостоке занималось сбором сведений в интересах военно-морской разведки. В 1939–1942 гг. вице-консул Такасуги Нобору по заданию резидентуры завербовал шесть агентов из числа советских граждан, включая работников судостроительных и судоремонтных предприятий Владивостока, которые давали ценные сведения о подводных лодках, запасах вооружения, боеприпасов и топлива и др. В 1935–1939 гг. капитан 3 ранга запаса Танигути Нобуёси под прикрытием должности секретаря консульства и с документами на вымышленное имя вел агентурную разведку во Владивостоке по заданию начальника 3-го отдела МГШ*. Разведывательная информация о ТОФ поступала в военно-морскую разведку и из других дипломатических и консульских

* Арига Цутао. Указ соч., С. 294.

учреждений Японии. Так, 30 апреля 1944 г. консул Японии в Муданьцзяне направил в МИД донесение о боевом составе и дислокации сил ТОФ, составленное на основе агентурных сведений.

Сведения о ТОФ поступали в резидентуру из штаба военной жандармерии в Корее, которая располагала агентурной сетью на территории Приморского края. Донесения агентов из числа советских корейцев и членов экипажей японских судов содержали сведения о боевой подготовке, выходах в море и стоянке кораблей и судов в бухтах Владивостока. Пограничные отряды жандармерии располагали собственными наблюдательными пунктами на высотах вблизи советской границы, с которых велось наблюдение за сухопутными военными объектами и акваторией залива Петра Великого. Штаб военной жандармерии пересылал копии сводок по результатам визуальной разведки в резидентуру.

Штаб пункта базирования сил флота в Расине (Наджин) раз в десять дней направлял в резидентуру сводку о выходах в море и учениях кораблей и судов, полетах летательных аппаратов ТОФ, количестве аэростатов и прожекторов во Владивостоке. Данные о летательных аппаратах и аэродромах ВВС ТОФ резидентура, в частности, получала от ЯВМ в Хунчуне, располагавшей агентурной сетью в районах базирования флотской авиации.

Значительный массив сведений о ТОФ был накоплен 2-м (разведывательным) отделом штаба Корейской армии, расквартированной на территории Кореи. В 1938 г. отдел составил и направил в ГШ и МГШ доклад «Тихоокеанский флот» с подробным описанием боевой организации, органов управления, корабельного состава и пунктов базирования флота со схемами и картами. В том же году для усиления работы против ТОФ и обеспечения более эффективного взаимодействия с разведывательными органами Корейской и Квантунской армии, военной жандармерии, дипломатическими и консульскими учреждениями Японии в Маньчжоу-Го и на Дальнем Востоке СССР в Сеуле было развернуто представительство военно-морской разведки.

Это было обусловлено, с одной стороны, тем, что усиление боевого состава ТОФ, в первую очередь за счет увеличения числа подводных лодок, торпедных катеров и морской авиации, вызывало серьезное беспокойство у командования японского военно-морского флота, требовавшего от военно-морской разведки оперативного предоставления достоверных данных, а с другой – широкомасштабным противодействием работе японской разведки со стороны советских органов государственной безопасности на Дальнем Востоке СССР, в первую очередь по искоренению агентурной сети из числа корейцев.

После разгрома корейской агентурной сети японская военная и военно-морская разведка оказались в затруднительном положении и в большинстве случаев была вынуждена довольствоваться информацией, поступающей из дипломатических источников, в том числе из Генерального консульства Японии во Владивостоке, сумевшего сохранить своих немногочисленных агентов из числа советских граждан. В 1941–1942 гг., когда на фронтах Великой Отечественной войны сложилась тяжелая обстановка, увеличилось количество перебежчиков в Маньчжоу-Го, в том числе из числа военнослужащих армии и флота*. Их допросами занимались органы военной

* По данным штаба Квантунской армии, только в 1936–1938 гг. число перебежчиков в Маньчжоу-Го из числа советских граждан и военнослужащих составило 188 чел.

жандармерии и ЯВМ Квантунской армии. Сведения, полученные от перебежчиков, передавались также в резидентуру военно-морской разведки в Сейсине.

Однако, возможности для ведения агентурной работы на советской территории постоянно сокращались и японская военная и военно-морская разведка сделали упор на перехват и дешифровку метеосводок и шифротелеграмм радиостанций ОКДВА (КДВФ) и ТОФ и др. Следует отметить, что еще в сентябре 1933 г. военная жандармерия смогла выкрасть шифровальную книгу, хранившуюся в сейфе начальника отделения советского торгпредства в Хакодате, а в июле 1939 г. купить у сотрудника советского консульства в Ханькоу сводную шифровальную книгу НКВД СССР и шифровальную книгу советского полпредства в Китае, которые использовались криптографическими службами ГШ и МГШ для дешифровки советских шифров и кодов*. На территории Кореи радиоперехватом и дешифровкой занималась радиостанция японского военно-морского флота в Кайбуне, которая тесно взаимодействовала по этой линии с резидентурой в Сейсине.

К концу 30-х гг. командование японского военно-морского флота уже оценивало ТОФ как серьезного вероятного противника и прилагала большие усилия для получения о нем разведывательной информации. Перед началом военных действий против США приказом Ставки Верховного Главнокомандующего по военно-морскому флоту за №11 от 1 декабря 1941 г. командующему военно-морским районом Майдзур, командующему районом морской обороны Чинхэ и командующему районом морской обороны Оминато предписывалось «предпринять меры предосторожности в отношении России», а военно-морской разведке – обеспечить оперативными разведывательными данными о ТОФ. В 1941–1945 гг. японская военно-морская разведка, во взаимодействии с разведорганами Корейской и Квантунской армии, военной жандармерии и Министерством иностранных дел, активно работала против ТОФ и нанесла довольно серьезный ущерб государственной безопасности СССР на Дальнем Востоке.

В заключение следует отметить, что японская разведка представляла собой высокоразвитую военно-политическую структуру со строго очерченными принципами организации и ведения разведывательно-подрывной деятельности, которое сводились к следующему:

- 1) строго централизованное руководство деятельностью всей системы разведывательных органов Японии;
- 2) конкретная и четкая постановка задач перед разведорганами и руководимой ими агентурой;
- 3) концентрация сил и средств разведорганов и агентуры на выполнение решающих задач и их правильное определение с учетом возможного противодействия;
- 4) безотказные и быстродействующие каналы связи с оперативной и агентурной периферией;
- 5) быстрое и возможно более частое ознакомление органов разведки с новыми данными об объектах разведки;

* Функции дешифровки шифров и кодов СССР и других иностранных государств в 1933–1937 гг. возлагались на 9-е отделение 4-го отдела, а в 1937–1945 гг. – на 10-е отделение 4-го отдела МГШ. В 1940–1945 гг. перехватом и дешифровкой дипломатической почты и шифротелеграмм занималось особое отделение МГШ, 2-й сектор (дешифровальный) которого состоял из трех групп: США и Англия (50 чел.), Китай (20 чел.) и СССР (30 чел.).

- 6) налаживание агентурных сетей по тотальному принципу;
- 7) активное использование легальных позиций для ведения разведывательной работы.

Японская разведка проводила комплексную подготовку к войне с СССР путем информационно-аналитического обеспечения армии и флота в русле подготовки к военным операциям, подрывной деятельности, включая политические диверсии, разработки мероприятий по разведывательно-диверсионному и террористическому содействию в ходе боевых действий на территории СССР.

В силу этого абсолютно несостоятельными являются утверждения о том, что японская разведка выказала в период до и в течение Второй мировой войны «свою очевидную слабость», что затем привело к «трагедии сильного государства со слабой разведкой», что она «терпела поражение за поражением в силу отсутствия должной организационной структуры, недостаточного финансирования и слабой кадровой базы». На деле японская разведка всегда была сильным противником, в борьбу с которым военная контрразведка Тихоокеанского флота вступила в 1932 г. и продолжала ее вплоть до 1945 г. Необходимо подчеркнуть, что усилиями территориальных органов госбезопасности и военной контрразведки деятельности японской разведки был поставлен прочный заслон и она была практически полностью нейтрализована комплексом мер, в том числе принятых на государственном уровне в целях обеспечения государственной безопасности и обороноспособности на Дальнем Востоке СССР.

Документы эпохи

Секретно

№402

22 ноября 1937 г.

*Резидент военно-морского флота
в Северной Корее Минодзума*

*Начальнику штаба Корейской армии
генерал-майору Куно Сэйити*

Разведывательная сводка по Владивостоку

1. Недавно наступило похолодание и утром 19 ноября температура воздуха снизилась до -12°C.
2. В 10 часов утра 19 ноября в бухте Улисс находились два эсминца (двухтрубные) и три подводные лодки.
3. Примерно в это же время на всех артиллерийских батареях, расположенных на полуострове Чуркина, проводились работы по укрытию батарей камуфляжными сетями, видимо, в связи с тем, что опала листва с деревьев.
4. В тот же день на внутреннем и внешнем рейде порта находилось свыше 30 пароходов, большая часть которых прибыла с Камчатки.
5. В тот же день у пирса №10 стоял под выгрузкой английский пароход (водоизмещение около 3000 т, на трубе синяя и красная полосы с буквой «N»), который должен выйти из порта

20 ноября.

6. В тот же день у пирса напротив парка Италия (полуостров Чуркина) стоял под погрузкой иностранный пароход (водоизмещение около 4000 т, труба желтого цвета), который должен выйти из порта 20 ноября.

7. В 11.40 19 ноября подводная лодка «М-16» вышла в море из порта.

8. В тот же день примерно в 3 часа пополудни одна большая подводная лодка из порта в море.

9. В тот же день примерно в 3 с половиной часа пополудни один малый эсминец (двухтрубный) вышел из порта в море.

10. В тот же день примерно в 4 часа пополудни плавбаза подводных лодок и вспомогательный корабль зашли в порт.

11. В тот же день примерно в 7 часов вечера два больших эсминца (трехтрубные) зашли в порт.

12. В 7.30 утра 20 ноября один средний эсминец (однотрубный) вышел из порта в море.

13. В 4 часа пополудни 20 ноября к причальной линии прибыл железнодорожный состав с пятью катерами в разобранном состоянии. Наблюдением точно установлено наличие четырех двигателей, корпуса покрашены в шаровый цвет, с надстроек сняты мачты. Несмотря на то, что катера находятся в полуразобранном состоянии, с высокой степенью вероятности можно полагать, что привезено пять или более катеров.

Примечание:

а) Не исключено, что указанная выше большая подводная лодка закуплена в США, а всего лодок этого типа имеется примерно 2–3 ед.

б) Точно установлено, что трехтрубных эсминцев 3 ед.

в) Получены сведения (военная жандармерия в Расине) о том, что 19 ноября во Владивосток были доставлены 8 скоростных торпедных катеров.

г) Ряд приведенных выше сведений требуют проверки и уточнения.

14. Обстановка на внутреннем и внешнем рейде Владивостока по состоянию на вторую половину дня 20 ноября приводится на прилагаемой схеме:

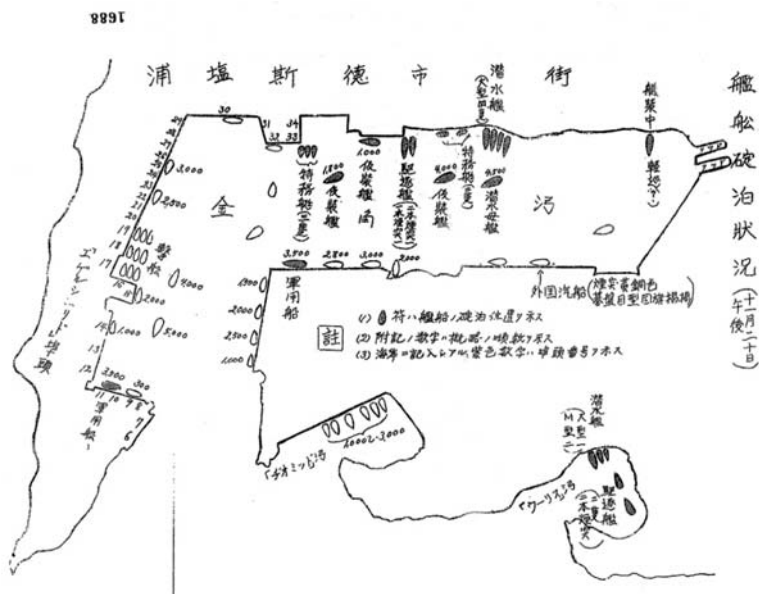

Схема к разведывательной сводке. Корабли (отмечены черным цветом) и суда в бухтах Владивостока

Секретно
№1814

25 ноября 1937 г.

Штаб военной жандармерии в Корее

Разведывательная информация по СССР

1. Военно-морской парад

Начавшиеся в конце сентября осенние учения советского Тихоокеанского флота 3 октября завершились и 4 октября командующий Киреев принимал во Владивостоке на улице Ленинской и на площади парад, в котором приняли участие офицеры и матросы флота частей Красной Армии, расквартированных в городе, и члены Осовиахима общей численностью свыше 4,5 тыс. чел. За парадом наблюдал командующий ОКДВА маршал Блюхер.

В этот день в параде приняли участие следующие летательные аппараты:

- тяжелые бомбардировщики – 37 ед.;
- легкие бомбардировщики – 18 ед.;
- самолеты-разведчики – 36 ед.;
- истребители – 36 ед.;
- гидросамолеты – 27 ед.

Всего: 154 летательных аппарата (сведения представлены лично наблюдавшими за парадом агентами).

Информация представлена отрядом военной жандармерии в Нанаме и отделением военно-жандармерии в Сейсине.

2. Корабли и суда в порту Владивосток (агентурная информация по состоянию на середину октября)

Место базирования	Класс корабля	Водоизмещение, т.	Кол-во, ед.	Вооружение	Примечание
Золотой Рог	эсминец	2000	1	На носу и на корме два орудия крупного калибра, один 2-трубный ТА	По сообщению агента, переоборудован из торгового судна, 10 октября спущен на воду в Золотом Роге, где стоит на якоре.
Золотой Рог	эсминец (Войков)	1200	1	3-трубный	По донесению агента, в 12:00 10 октября вышел из порта, в 18:00 того же дня вернулся и встал на якорь в глубине бухты.

Золотой Рог	эсминец	600	1	2-трубный	
Золотой Рог	эсминец	1000	2	В настоящее время оборудуются	1. 1 октября сотрудник консульства лично наблюдал как они оборудуются на Дальзаводе (Золотой Рог). 2. Работы планируется завершить в мае следующего года.
Золотой Рог	ПЛ типа «Л»	1200	6		1. В конце сентября сотрудник консульства лично наблюдал выход ПЛ из порта. 2. В настоящее время две ПЛ этого типа находятся в постройке.
Улисс	ПЛ типа «Щ»	800	2		Агент из команды парохода «Сайбериа-мару» сообщил, что в 8:00 19 октября ПЛ вышли из Улисса и взяли курс на остров Аскольд.
Золотой Рог	эсминец	600	1		Агент из команды парохода «Сайбериа-мару» сообщил, что в 13:00 20 октября эсминец вышел в море.
Золотой Рог	вспомогательный крейсер	2000	6	Один имеет на вооружении спаренное орудие и два зенитных пулемета	Агент из команды парохода «Сайбериа-мару» сообщил, что они стоят на якорь в Золотом Роге напротив флотского экипажа.
Улисс	эсминец (дизельный)	1500	2	В носовой части: одно орудие калибра 120 мм (?), один зенитный пулемет; в кормовой части: три орудия калибра 120 (?), 100 (?), 80 (?) мм; в центральной части: три ТА и один зенитный пулемет	По сообщению агента, утром 20 октября вышли из Улисса и взяли курс на остров Аскольд.
	эсминец	900	2		По сообщению агента, 21 октября шли курсом на залив Америка.
	Плавбаза ПЛ	Нет данных	1		
	ПЛ типа «М»	Нет данных	2		
	Большая ПЛ		1		

Совершенно секретно

15 февраля 1938 г.

Штаб Корейской армии

Разведывательный доклад «Тихоокеанский флот»

Большая часть приводимой разведывательной информации основывается на данных, добытых капитаном 1 ранга Минодзума, который, находясь в Сейсине, получал их как от своей агентуры из числа членов экипажей судов таких компаний как «Кита Нихон кисэн» и «Тёсэн юсэн», собиравшей сведения во время заходов во Владивосток, так и путем постоянного наблюдения за акваторией залива Петра Великого. Данная информация о современном состоянии Тихоокеанского флота является наиболее достоверной.

1. Общие сведения

Тихоокеанский флот в последнее время заметно активизировал свою деятельность и пережил значительные обновления. Начиная с 1933–1934 гг., существенно выросли кораблестроительные мощности Дальзавода. Часть кораблей малого водоизмещения было завезено сухопутным путем, закуплены эсминцы в Италии*, часть кораблей перешло морским путем, в результате чего корабельный состав значительно увеличился. В прошлом году в состав флота вошли подводные лодки большого водоизмещения.

За последние три – четыре года усилилась боевая подготовка флота, регулярно совершаются дальние походы и морские учения.

Следует обратить внимание на строительство военных портов в Советской Гавани, Де-Кастри и Нагаево, а также на то, что развитие Севморпути открыло возможность межтеатровых переходов кораблей и судов. Это дает основания считать, что советское руководство, используя свои военно-морские силы на Дальнем Востоке, прилагает усилия для утверждения своего господства в Японском море.

Такие факты, как заход во Владивосток летом прошлого года пяти кораблей Азиатского флота США, новая кораблестроительная программа, образование в прошлом году Наркома-та ВМФ СССР, свидетельствуют о намерениях Советского Союза наращивать свою военно-морскую мощь, что обуславливает необходимость самым серьезным образом следить за обстановкой на Тихоокеанском флоте.

2. Командование и учреждения военно-морского флота во Владивостоке

Командующим Тихоокеанского флота является флагман 1 ранга Киреев Г.П., штаб флота располагается на ул. Ленинской, в здании напротив почтамта, морской экипаж находится рядом с Дальзаводом. Во Владивостоке насчитывается более пяти тысяч военнослужащих флота, большая часть из них расквартировано в морском экипаже и на острове Русском, остальные – на улице Ленинской, на полуострове Басаргина и на станции Океанская. Во Владивостоке находятся следующие учреждения военно-морского флота:

- Инженерный отдел Тихоокеанского флота;
- Управление оборонительного строительства Тихоокеанского флота;
- Третье военно-морское училище;
- Военный трибунал Тихоокеанского флота;
- Военно-морской госпиталь;
- Строительный завод;
- Дальзавод;
- Радиостанция.

* Имеются ввиду эсминцы проекта 7, проектирование и строительство которых осуществлялось с помощью итальянской фирмы «Ансальдо».

2. Корабельный состав Тихоокеанского флота (по состоянию на февраль 1938 г.)

Класс	Тип	Водоизмещение, т.	Количество, ед. (+) – точно установленное количество (±) – количество с высокой степенью вероятности	Всего, ед.	Примечание
Подводные лодки	Л	1200	(+) 4 (±) 2	(+) 57 (±) 14 Всего: 71	СБ – специальные ПЛ большого водоизмещения появились в августе прошлого года. По неподтвержденным данным, они были закуплены в США, что требует проверки. Кроме того, по имеющимся данным, ПЛ перевозились по железной дороге во Владивосток и Советскую Гавань, где в настоящее время строится примерно 4-5 ед. В течение 1937 г. были установлены следующие девять ПЛ по тактическим номерам: Тип «Л»: 7, 8, 9, 10; Тип «Щ»: 27, 134; Тип «М»: 8, 18, 19.
	Щ	800	(+) 27 (±) 7		
	М	300-500	(+) 26 (±) 3		
	СБ	1500	(±) 2		
Плавбаза подводных лодок		4500	1	1	Переоборудованный пароход «Саратов».
Эсминцы		1000	(+) 2 (±) 1	(+) 8 (±) 4 Всего: 12	В 1934 г. после постройки в Италии два однотипных эсминца (водоизмещение 900 т.) перешли на Дальний Восток. В ноябре 1937 г. еще один новый эсминец (водоизмещение 900 т.) перешел на Дальний Восток. В октябре 1936 г. на Дальний Восток прибыли 2 эсминца (водоизмещение 1300 т.), 4 эсминца (водоизмещение 650 т.) Всего: 12 ед.
		650	(+) 4 (±) 1		
		800	(±) 2		
		1300	(+) 2		
Авианосцы		нет			
Вспомогательные крейсера		4000	1	5	Переоборудованы из торговых судов.
		3800	1		
		3000	1 (В настоящее время переоборудуется в бухте Золотой Рог)		
		2000	(+) 1 (±) 1		
Транспорты (танкеры)		2000–3000	7(1)	8	Один танкер водоизмещением 500 т.
Минные заградители		1000–4500	≈3	≈3	
Скоростные торпедные катера		40	≈30	≈60	Скорость 50-60 уз., дизельные, привезены по железной дороге.
		15	≈30		
Тральщики		100–400	≈12	≈12	Имеют на вооружении одно орудие небольшого калибра.
Сторожевые корабли		4000	1	4	
		2000	1		
		800	1		
		300	1		

Сторожевые катера	≈150	(+) 8	8	Имеют на вооружении один пулемет, несут службу у берегов Приморья, можно предположить, что их численность около 30 ед.
Ледоколы	300–2300	1 (ВМФ) 4 (порт Владивосток) 2 (Севморпуть)	7	В январе 1938 г. прибыл во Владивосток один ледокол (водоизмещение 2300 т.), вошел в состав ТОФ.

Численность подводных лодок Тихоокеанского флота (по данным Минодзума)

Тип ПЛ	По состоянию на:									Примечание
	Май 1936 г.			Февраль 1937 г.			Февраль 1938 г.			
	+	±	÷	+	±	÷	+	±	÷	
Л	0	0	0	0	0	0	4	2	4	(+) – точно установленное количество; (±) – количество с высокой степенью вероятности; (÷) – количество с низкой степенью вероятности.
Щ	21	1	4	25	0	4	27	7	0	
М	16	3	5	23	0	5	26	3	0	
СБ	0	0	0	0	0	0	0	2	1	
Итого:	37	4	9	48	0	9	57	14	5	
Примечание: в постройке 4–5 ПЛ.										

4. Пункты базирования Тихоокеанского флота

Главным пунктом базирования Тихоокеанского флота является бухта Золотой Рог. Очевидным фактом является то, что в последние годы Тихоокеанский флот значительно усилился, а его корабельный состав увеличился. В связи с тем, что в бухте Золотой Рог расположен торговый порт, в который заходят иностранные суда, возникает опасность утечки военных секретов. Поэтому, особенно это заметно в зимнее время, когда бухта замерзает, часть кораблей и судов флота переводится в другие пункты базирования. Помимо бухты Золотой Рог Тихоокеанский флот имеет другие пункты базирования и вспомогательные базы, перечень которых приводится ниже:

Советская Гавань. Численность военнослужащих военно-морского флота несколько сот чел. На нее базируются: подводные лодки – 7–8 ед., плавмастерская – 1–2 ед., торпедные катера водоизмещением около 50 т. – 10 ед., торпедные катера водоизмещением около 10 т. – 10 ед. Летом прошлого года с Черного моря прибыл плавучий док водоизмещением 5000 т.

Находка. Численность военнослужащих военно-морского флота свыше ста чел. В последнее время корабли и катера флота часто заходят в Находку, на которую постоянно базируются торпедные катера водоизмещением около 50 т. – 3 ед., торпедные катера водоизмещением около 10 т. – 5 ед. Имеется угольный склад.

Восток. Численность военнослужащих военно-морского флота свыше ста чел. На бухту Гайдамак постоянно базируются несколько торпедных катеров водоизмещением 50 т. и 10 т. и периодически используют для якорной стоянки 2–3 подводные лодки, численность которых иногда увеличивается до 10 ед.

Стрелок. На острове Путятин и на берегу бухты Разбойник численность военнослужащих военно-морского флота около 30–40 чел. На якорной стоянке у северо-западной оконечности острова Путятин часто стоят эсминцы и подводные лодки, а также постоянно базируются торпедные катера водоизмещением около 50 т. – 2 ед., торпедные катера водоизмещением около 10 т. – 5 ед.

Кангауз. Численность военнослужащих военно-морского флота свыше трехсот чел. Имеется штаб соединения подводных лодок. Постоянно базируется примерно 7–8 подводных лодок.

Улисс. Несколько кораблей и катеров малого водоизмещения, включая скоростные торпедные катера и подводные лодки. Иногда стоят на якоре плавмастерские и другие корабли специального назначения. Судя по частым заходам и выходам кораблей, эта бухта является вспомогательной базой военного порта Владивосток и пунктом передового базирования для кораблей и катеров малого водоизмещения. Имеется судостроительный завод.

Новик. Пункт базирования подводных лодок и скоростных торпедных катеров. Осенью 1936 г. по случаю приезда маршала Тухачевского и 1 мая 1937 г. в бухте проводились военно-морские парады, в которых участвовало около 50 подводных лодок и несколько десятков скоростных торпедных катеров. По результатам недавних визуальных наблюдений здесь базируется: два эсминца большого водоизмещения, 5–6 средних подводных лодок, 5–6 малых сторожевых кораблей.

Кроме того, корабли и катера имеют якорные стоянки в бухтах *Светлая, Ольга, Патрокл, Славянка, Троицы, Посьет и Парис.*

5. Боевая подготовка Тихоокеанского флота

По имеющимся данным, в последние годы Тихоокеанский флот заметно активизировал боевую подготовку. Особенно это касается боевой подготовки недавно сформированных соединений подводных лодок, в состав которых входит от трех до шести единиц ПЛ. Если три года назад районы боевой подготовки находились в прилегающей к Владивостоку акватории, то с августа прошлого года подводные лодки совершают одиночные и групповые плавания в район Охи и Охотска. Кроме того, есть неподтвержденные данные о плавании подводных лодок на Камчатку летом прошлого года. Боевая подготовка приобретает регулярный характер, а ее районы постоянно расширяются. В настоящее время районы боевой подготовки находятся в 150 милях от Владивостока и, судя по имеющимся сведениям, в учениях принимает большое количество кораблей и катеров. С появлением подводных лодок типа «Л» и «специальных лодок большого водоизмещения», имеющих по неподтвержденным данным устройства для постановки мин, районы их боевой подготовки и службы еще более расширятся, на что следует обратить особое внимание. В последнее время отмечаются совместные учения эсминцев и скоростных торпедных катеров. Наиболее активно учения проводятся в акватории, прилегающей к Владивостоку, и отмечаются случаи выхода на учения в район Советской Гавани. Известно, что недавно был сформирован отряд минных заградителей, который регулярно проводит учения по постановке мин в акватории, прилегающей к Владивостоку. Скоростные торпедные катера отрабатывают учебные торпедные атаки по своей плавбазе.

Кроме того, после начала военных действий в Китае в июле прошлого года, морские и сухопутные части провели мероприятия по повышению боевой готовности. В августе прошлого года армия и флот провели совместные учения по противовоздушной обороне. С 27 сентября по 2 октября, в течение шести дней, проводились осенние маневры, целью которых, как можно судить по имеющимся сведениям, была отработка действий по всесторонней обороне Владивостока. Как на этих маневрах, так и на предыдущих, крупномасштабные наступательные действия против нашей страны не отрабатывались. В тоже время районы боевой подготовки подводных лодок и скоростных торпедных катеров по планам мирного времени постоянно расширяются и отодвигаются от советского побережья, на что следует обращать внимание.

В настоящий момент из-за сложной ледовой обстановки активность кораблей и катеров весьма низкая, не было зафиксировано ни одного выхода подводных лодок. Вероятнее всего, в зимний период боевая подготовка не проводится, а для стоянки кораблей и катеров используются другие бухты и заливы.

Совершенно секретно

№95

20 апреля 1944 г.

Его Высокопревосходительству
Чрезвычайному и Полномочному Послу в
Маньчжоу-Го

Умэдзу Ёсидзиро*

Разведывательные сведения о Тихоокеанском флоте

Направляю Вам сведения о Тихоокеанском флоте, полученные из различных источников.

Консул в Муданьцзяне
ФуруяКацумаса

1. Корабельный состав Тихоокеанского флота

Класс	Тип	Название корабля	Количество, ед.	Примечание
Крейсер	Киров	Калинин	1	Строительство одного корабля этого типа в ближайшее время будет завершено.
Лидер		Орджоникидзе Тбилиси	2	
Эсминец	Гневный (?)		6	
Эсминец	Ленин (?)		2	
Эсминец	Гневный (?)		2	В постройке
Торпедный катер	S		7	
Скоростной торпед- ный катер			≈100	

* **УМЭДЗУ Ёсидзиро** (4.01.1882–8.01.1949). В 1903 г. закончил Военное училище, в 1911 г. – Военную академию. 1919–1921 гг. – военный атташе Японии в Швейцарии. 1924 – 1926 гг. – командир 3-го пехотного полка, полковник. 1930–1931 гг. – командир 1-й пехотной бригады, генерал-майор. 1931–1933 гг. – начальник общего отдела ГШ. 1934 г. – генерал-лейтенант. 1935–1936 гг. – командир 2-й дивизии. 1936–1938 гг. – заместитель Военного министра. 1938–1939 гг. – командующий 1-й армии. 1940 г. – генерал армии. 1939–1942 гг. – командующий Квантунской армией. 1942–1944 гг. – главнокомандующий Квантунской армией и чрезвычайный и полномочный посол Японии в Маньчжоу-Го по совместительству. 1944–1945 гг. – начальник ГШ. 2 сентября 1945 г. подписал от вооруженных сил Японии Акт о капитуляции на борту линкора «Миссури». Был арестован американскими оккупационными властями и предстал перед Международным военным трибуналом по Дальнему Востоку, признан виновным по пунктам 1, 27, 29, 31 и 32 Обвинительного акта и 12 ноября 1948 г. приговорён к пожизненному заключению. Умер в заключении от рака толстой кишки.

Подводная лодка	Щ		38	По сведениям, полученным от интернированных лиц, ПЛ типа «Щ» – 50, типа «Л» – 20, типа «М» – 70, типа «S» – несколько ед.
Подводная лодка			12	
Подводная лодка			35	

2. Дислокация Тихоокеанского флота

Пункт базирования	Класс и тип корабля	Количество, ед. (количество соединений)
Владивосток	Крейсер	1
	Лидер	2
	Эсминец	8
	1-я бригада ПЛ	(1)
Золотой Рог	Бригада ПЛ типа «Щ»	(1)
	Бригада ПЛ типа «Л»	(1)
	ПЛ типа «М»	≈20
Большой Улисс	Соединение скоростных торпедных катеров	≈75
Горностай	6-я бригада ПЛ	≈50 (?)
Разбойник	Бригада ПЛ типа «М»	(1)
Преображение	Соединение быстроходных катеров	14 (1)
Владимир	2-я бригада ПЛ	(1)
Петровка	Соединение ПЛ типа «Щ»	(1)
	Соединение ПЛ типа «Л»	(1)
Местоположение точно неизвестно (бухты и заливы юга Приморья)	Соединение быстроходных катеров	(1)
	Морской охотник	2

1.6. А.В. Полутов. Военная контрразведка Тихоокеанского флота против японской разведки в 1932–1945 гг.

Япония, начиная с 1926 г., усилила подрывную деятельность против СССР. Разведывательную работу вели ГШ, МГШ, МИД, жандармские и полицейские органы, а также различные коммерческие компании и предприятия. Характерно, что от разоблаченных ранее шпионских и диверсионных действий разведывательные и контрразведывательные органы перешли к строгой координации подрывных акций, выдвинув на первый план добывание сведений о военно-экономическом потенциале Советского Союза. Основной упор японская разведка делала на создание массовой агентурной сети на территории СССР, в первую очередь на вероятных ТВД, то есть на советском Дальнем Востоке.

В предвоенный период и в военные годы основная тяжесть противостояния японской разведке на Дальнем Востоке легла на плечи территориальных органов государственной безопасности Приморского и Хабаровского краев, которые вели работу по выявлению японской агентуры и пресечению ее разведывательно-подрывной деятельности на советской территории, проводили закордонные операции по нейтрализации устремлений противника и, тем самым, обеспечивали надежную контрразведывательную защиту внешнего периметра Тихоокеанского флота. Только в 1940 г. территориальными органами государственной безопасности было задержано 245 японских агентов, а всего в 1939–1941 гг. в приграничных районах Дальнего Востока было задержано и разоблачено свыше 2,5 тыс. агентов японской разведки.

В результате проводившихся в 1937–1945 гг. контрразведывательных мероприятий органы госбезопасности и военной контрразведки получили информацию разведывательного и контрразведывательного характера о дислокации, численном составе, вооружении, передвижении частей и соединений Квантунской и Корейской армий Японии, а также воинских подразделений китайских генералов, местах дислокации объектов военного назначения. Было установлено большое количество агентов и разведчиков иностранных спецслужб, а также членов различных белоэмигрантских организаций, проживавших на территории Маньчжурии и Кореи. Устанавливались постоянные дворы, гостиницы, концессии на сопредельной стороне, в которых агентура иностранных, в основном японской и китайской разведок, находилась перед выходом в СССР и после возвращения.

Выявлялись наиболее уязвимые участки госграницы, которые использовались или могли использоваться иностранными разведками для заброски агентуры на советскую территорию. Органы госбезопасности располагали данными о японских и китайских разведывательных, контрразведывательных и полицейских органах в Маньчжурии и Корее, знали их руководящий и отчасти оперативный состав, обладали частичной информацией о структуре и составе разведывательных центров американской, английской и французской разведок в Китае.

Контрразведывательная работа в пограничных районах Приморского края осуществлялась местными территориальными органами безопасности во взаимодействии с пограничниками и особыми отделами частей и соединений армии и флота на основе совместных планов по обнаружению, задержанию и проверке нарушителей границы. В этих планах оговаривались способы взаимодействия, определялся порядок привлечения органов милиции, регулярных частей РККА; осуществлялся взаимный обмен

информацией по вопросам оперативной деятельности, формам и методам деятельности иностранных спецслужб и т. д.

В Приморье все районы были объявлены пограничными зонами и укреплялись военно-техническими средствами на случай военных действий. С 1932 г. в пограничных зонах была введена обязательная паспортизация и прописка по месту жительства, а лица с «темным прошлым» лишались права проживания и прописки в Приморье и выселялись за его пределы. Массовые выселения в конце 30-х гг. осуществлялись по решению СНК и ЦИК СССР от 17 июля 1935., в соответствии с приказами НКВД СССР от 26 декабря 1935 г. и 27 июля 1938 г., директивой наркома внутренних дел Л. П. Берии «Об очистке края...» от 1939 г., в которых предлагалось в кратчайший срок произвести учет «всякого рода антисоветского элемента» (перечислялись категории, представляющие собой «базу для деятельности японских и других разведок») и «немедленно приступить к очистке Владивостока и Приморского края» от этих лиц, к которым были отнесены «харбинцы», представители китайской, литовской, латышской, эстонской, польской и других национальностей. В 40-е гг. режимные мероприятия по выселению из Приморского края «неблагонадежных» лиц проводились на регулярной основе.

Розыск иностранной агентуры, нелегально проникавшей на территорию СССР, осуществлялся территориальными органами безопасности и военной контрразведки на основе информации Центра, данных, полученных от закордонных разведчиков и агентов, показаний разоблаченных в СССР агентов иностранных спецслужб, заявлений жителей Дальнего Востока, сообщений партийных и государственных органов, различных учреждений, ведомств и организаций. Серьезное значение придавалось оперативным разработкам лиц, имевших контакты с иностранцами, или же тех, чьи родственники или знакомые проживали за границей и имели отношение к иностранным спецслужбам или эмигрантским организациям. Территориальные органы госбезопасности и военная контрразведка располагали информацией о том, что японская разведка активно использовала в своей деятельности перебежчиков из СССР и контрабандистов, и предпринимали меры к предотвращению попыток жителей Дальнего Востока и военнослужащих совершить нелегальный переход государственной границы в Маньчжурию или Корею.

Оперативная обстановка того времени была сложной и напряженной. Если корабельный состав флота был сконцентрирован в трех основных военно-морских базах – Владивостокской, Владимиро-Ольгинской и Камчатской, то части авиации и береговой обороны были разбросаны по всему Дальнему Востоку – от бухты Нагаева Магаданской области до бухты Витязь Приморского края. Большинство объектов Тихоокеанского флота находилось в труднодоступных местах, отсутствовали хорошие дороги и связь.

Значительное число частей флота дислоцировалось в непосредственной близости от государственной границы. Практически рядом с каждой частью в населенных пунктах проживало значительное число китайцев и корейцев, несмотря на массовое выселение последних в 1937–1938 гг. в среднеазиатские республики. Среди местного русского населения многие имели родственников и знакомых из числа эмигрантов в Маньчжурии, Корею и Китае. Из-за острой нехватки рабочей силы для строительства объектов Тихоокеанского флота приходилось довольно часто привлекать указанные категории лиц.

Во Владивостоке, на Камчатке и на Северном Сахалине находились японские консульства и представительства различных фирм и компаний, сотрудники которых активно занимались разведкой в интересах ГШ и МГШ Японии. Японские рыбаки вели промысел в непосредственной близости от мест базирования и береговых объектов флота. Через Главную базу флота – Владивосток – проходил основной транзитный путь по Транссибирской железной дороге и морской путь в Японию, Корею, Китай и США, которым постоянно пользовались кадровые разведчики и агентура иностранных спецслужб.

Эти условия давали благоприятные возможности для ведения визуальной, технической и агентурной разведки главному противнику военной контрразведки – японской разведке. Но действия военной контрразведки Тихоокеанского флота носили не только оборонительный, но и наступательный характер. Флотские чекисты планировали и проводили в жизнь мероприятия по проникновению в разведывательные и контрразведывательные органы противника.

Первой удачей вновь созданного Особого отдела НКВД по МСДВ можно считать поимку в мае 1933 г. японского агента на аэродроме 110-й авиаэскадрильи. Этот агент прошел подготовку в Харбинской ЯВМ и под видом глухонемого инвалида пытался собирать сведения о тактико-технических данных самолетов, их численности и боеготовности, состоянии объектов наземного обслуживания. В японской разведке ему сделали несколько пластических операций. После задержания агент имитировал глухонемому в течение восьми дней, и только после вмешательства врача-психиатра, проводившего сеанс гипноза, он стал давать признательные показания. Выяснилось, что он был завербован японцами еще в русско-японскую войну и в течение ряда лет неоднократно перебрасывался на территорию российского и советского Дальнего Востока.

В 1932–1940 гг. Особый отдел НКВД по Тихоокеанскому флоту организационно подчинялся УНКВД Приморской области. В связи с этим основную нагрузку по японской линии несло контрразведывательное подразделение территориального органа, а оперативные работники особого отдела занимались преимущественно вопросами обеспечения режима секретности и боеготовности частей и подразделений флота. Кроме того, численность кадрового состава и его профессиональная подготовка еще не позволяли вести активную контрразведывательную деятельность по японскому направлению.

Негативное влияние оказало и вовлечение Особого отдела в кампанию по выявлению врагов народа среди командования и личного состава флота, когда по указанию руководителей территориального органа, являвшихся по совместительству начальниками отдела, мероприятия по розыску японской агентуры стали подменяться фабрикацией дел по обвинению военнослужащих в шпионаже в пользу Японии.

С 1941 г. ситуация коренным образом изменилась и военная контрразведка ТОФ стала активно заниматься реальной и наступательной работой по японской линии. Прежде всего, контрразведка флота ставила перед собой задачу проникновения в японскую военно-морскую разведку, представленную в Приморье рыболовной компанией «Нитиро». С этой целью в 1941 г. была, в частности, проведена следующая операция.

Агент «Крымов», являвшийся одним из офицеров разведотдела ТОФ, находился в течение года на Камчатке, на арендуемом японцами рыбоконсервном заводе, где подвергся тщательной и настойчивой обработке со стороны установленного японского разведчика Хонда. Однако, не успев завербовать агента, Хонда перед своим отъездом

в Японию, а «Крымова» – во Владивосток, дал последнему рекомендательное письмо к другому установленному разведчику, работнику фирмы «Нитиро» во Владивостоке – Оцука.

Флотскими чекистами был предпринят ряд мер для установления связи Оцука с «Крымовым» с помощью рекомендательного письма Хонда. Агента стали осторожно и постепенно подводить к Оцука через окружение последнего. Были уже достигнуты первые успехи, но начало войны Японии против США на Тихом океане усилило бдительность и осторожность японцев в общении с русскими, что не позволило осуществить намеченную комбинацию. Только в апреле 1941 г. удалось создать ситуацию и познакомить «Крымова» с Оцука на рыбных торгах во Владивостоке. Но «Крымов» в скором времени вновь уехал на Камчатку, что помешало развить и углубить это знакомство в интересах флотской контрразведки.

Однако флотские чекисты продолжали разработку Оцука, который довольно часто посещал ресторан «Золотой Рог» и завязывал там знакомства. Чекисты использовали это обстоятельство и через другого агента – «Кольцова», сотрудника управления Дальрыбы, который ведал рыбоконсервными заводами, сданными в аренду японцам, и, тем самым, представлял интерес для Оцука. Агент стал посещать тот же ресторан с тем, чтобы познакомиться с Оцука и установить с ним связь. Следующим шагом чекисты намеревались через «Кольцова» подвести к Оцука доверенное лицо из числа командного состава флота.

Но и здесь чекистов поджидали неожиданные трудности. Как раз в то время, когда «Кольцов» уже познакомился с Оцука, из поездки в Токио во Владивосток вернулся японский вице-консул Нэи Сабуро, который привез с собой новые директивы МИДа и японской контрразведки. В соответствии с этими директивами, все сотрудники консульства и компании «Нитиро» прекратили общение с советскими гражданами и посещения общественных мест.

Однако Оцука и его разведывательная деятельность под прикрытием представляли собой большой интерес для чекистов. В ходе постоянного наблюдения за Оцука выяснилось, что он иногда посещает книжный магазин, где подыскивает для себя редкие издания на русском языке. Постепенно были установлены книги, интересовавшие Оцука, и флотские чекисты вновь вышли на него через букиниста, у которого, по «счастливой случайности», оказались как раз интересовавшие японского разведчика издания.

Эта операция продолжалась не один год. За это время Оцука успел с помощью чекистов «завербовать» двух агентов из числа офицеров ТОФ. Так, в мае 1942 г. флотская контрразведка направила на японские рыбоконсервные заводы на Камчатке своего агента «Ракова», перед которым была поставлена задача – вызвать у японцев интерес к себе и, если они попытаются его завербовать, то дать согласие на сотрудничество. Вскоре «Раков» был завербован японской разведкой, сумел завоевать доверие японцев и заинтересовать их своей осведомленностью в военных вопросах. В дальнейшем «Раков», придерживаясь выработанной ему линии поведения, снабжал японскую разведку дезинформацией о сухопутной и морской группировках сил на Дальнем Востоке СССР.

Таким образом, военная контрразведка флота смогла выяснить конкретные устремления военно-морской разведки Японии, выявить практически всю агентурную сеть японского разведчика, провести ряд мероприятий по дезинформации противника,

установить еще нескольких кадровых японских разведчиков, действовавших под прикрытием компании «Нитиро» и других компаний и занимавшихся сбором разведанных по Тихоокеанскому флоту.

Операция завершилась в 1945 г., когда Отделом контрразведки «СМЕРШ» Северной Тихоокеанской флотилии агент японской разведки, бывший сотрудник компании «Нитиро» Оцука Токудзо был арестован. По его показаниям проходило 47 японцев, занимавшихся разведкой на японских концессиях на Камчатке. На основе показаний Оцука были задержаны три японских агента. Прекрасно знавший русский язык, Осака был долгое время начальником отдела кадров рыбоконсервного завода. С 1928 г. Осака работал в компании «Нитиро» на Камчатке, где в течение 16 лет вел разведывательную деятельность по следующим направлениям: сбор характеризующих данных на русских работников концессий, представителей советской администрации; сбор данных о дислокации, количестве постов, вооружении, численности погранзастав; сбор характеризующих данных на руководящих работников НКВД, погранвойск, изучение качеств этих лиц, их слабости, сильные стороны.

В первые два года Великой Отечественной войны военной контрразведке флота пришлось выполнять и другие задачи по японскому направлению. В 1941–1942 гг. угроза военного вторжения Японии на территорию Дальнего Востока силами Квантунской армии с маньчжурского плацдарма и морских десантов с военно-морских баз метрополии и Кореи при поддержке мощного японского флота была вполне реальной. Расчеты показывали, что японская армия и флот могут довольно быстро сломить сопротивление сухопутных частей ДВФ, надводных, подводных сил и береговой обороны Тихоокеанского флота и завладеть значительной частью территории Приморского и Хабаровского краёв.

В первые дни войны с Германией в 1-м Управлении НКГБ-НКВД была создана Особая группа во главе с П.А. Судоплатовым, преобразованная 3 октября 1943 г. во 2-й отдел НКВД СССР с непосредственным подчинением наркому внутренних дел Л.П. Берии. Основной задачей Особой группы было ведение разведывательно-диверсионной войны на оккупированной территории, в прифронтовой полосе и глубоко тылу противника.

Уже в сентябре-октябре 1941 г. Особая группа прорабатывала возможные мероприятия в связи с угрозой начала военных действий на Дальнем Востоке. Несмотря на то, что части Квантунской армии продолжали оставаться в местах постоянной дислокации, и, по многократно проверенным данным закордонной агентуры, не проявляли активности, характерной во время создания наступательных группировок, исключать возможность неожиданного удара со стороны японцев было нельзя. Обстановка на границе оставалась напряженной, японцы практически каждый день организовывали вооруженные провокации и разведывательные поиски.

Закордонные резидентуры внешней разведки НКВД давали информацию о том, что Япония в настоящее время не собирается вступать в войну против СССР. Вся получаемая из различных источников информация сводилась к тому, что Япония до весны 1942 г. наступательных действий не предпримет. Однако, как вновь показало сокрушительное нападение Японии на Пёрл-Харбор, ставшее полной неожиданностью для США и советского командования, японские спецслужбы продолжали оставаться мастерами маскировки военных планов и дезинформации противника.

В связи с этим военная контрразведка Тихоокеанского флота приступила к работе по созданию агентурного аппарата для деятельности в тылу противника на случай

войны с Японией. Для проведения диверсионных мероприятий по складам, мастерским и ангарам Главной базы флота было подготовлено 45 агентов, главным образом, из числа вольнонаемных рабочих и служащих на этих объектах и из граждан, проживавших в непосредственной близости от них. В апреле 1942 г. эта агентура прошла обучение в месячной спецшколе УНКВД Приморского края, в которой готовили кадры диверсионников. В этой же школе трое оперативных работников флотской контрразведки прошли обучение на 15-дневных курсах оперативного состава УНКВД по подготовке руководителей диверсионных групп. После возвращения с курсов эти оперработники приступили к обучению других работников аппарата Особого отдела ТОФ. В июне-августе 1942 г. еще десять оперработников прошли обучение в этой школе. Таким образом в Особом отделе флота была сформирована группа диверсантов из 15 человек.

Несколько хуже обстояли дела с насаждением агентуры для разведывательных целей, численность которой была в 1942 г. еще предельно мала. В ходе решения этой задачи возникало много трудностей, прежде всего, при отборе кадров. Часть этой агентуры была подготовлена в спецшколе разведчиков при УНКВД Приморского края, созданной незадолго до этого. Особый отдел также разработал план, по которому намечались наиболее вероятные места базирования кораблей и частей противника с тем, чтобы посадить там агентуру.

Для выполнения этого плана был мобилизован аппарат Особого отдела и все периферийные органы. Всю работу по созданию агентурного аппарата для действия на территории противника намечалось провести в максимально жесткие сроки. Возлагалась она персонально на начальников отделений и их заместителей аппарата Особого отдела, которые были обязаны уже к концу второго квартала 1942 г. закончить в основном вербовку агентуры для этих целей, составить в отношении каждого утвержденного агента план с указанием, в каком направлении он будет работать, – разведчик, диверсант, содержатель явочной квартиры, переправщик, связник, резидент; как с этим агентом будет осуществляться связь – лично или через резидента; кто из оперработников будет его инструктировать, содержание инструктажа и т. п. Разработали также и схему связи с агентурой, оставляемой в тылу врага, создание явочных квартир и резидентур.

Поставленные задачи были в целом выполнены, но, как отмечалось в спецсообщении начальника Особого отдела ТОФ в НКВД СССР, «работа по созданию агентурной сети в тылу противника развернута пока еще недостаточно, и основным тормозом в проведении этих мероприятий является отсутствие какого-либо опыта в этой работе».

Тем не менее, подготовка к борьбе с противником в условиях возможной оккупации продолжалась. С конца 1942 г. Особый отдел ТОФ стал использовать в реализации этих мероприятий различные методики, разработанные на основе опыта разведывательно-диверсионной войны в тылу немецких войск. В середине 1943 г. начальник Особого отдела НКВД ТОФ генерал-майор Д.П. Мерзленко сообщил в Центр: «На случай войны на Дальнем Востоке и временного тактического успеха противника на отдельных участках нами готовится агентурная сеть на основных морских базах и в крупных гарнизонах береговой обороны и ВВС ТОФ для проведения разведывательной, диверсионной и вредительской деятельности на случай оккупации. Для этой цели намечено создать 21 разведывательную и диверсионную резидентуры с количеством агентуры от 3 до 7 человек в каждой. На 1 июня 1943 г. уже создано 13 резидентур с

общим количеством агентуры 54 чел. Агентура для этих резидентур подбирается за счет осведомления из гражданского окружения и частично из числа вольнонаемного состава гарнизонов. В работе по созданию спецрезидентур контактируем с УНКГБ Приморского края».

Но уже в начале 1943 г. стало очевидным, что Япония терпит крах в войне на Тихом океане, а поражение германской армии под Курском в июле 1943 г. окончательно подвело черту под японскими планами войны против СССР. Работа по созданию разведывательной и диверсионной резидентур для действий в тылу врага была свернута и уступила место дальнейшим наступательным операциям Отдела контрразведки «СМЕРШ» по Тихоокеанскому флоту против японской разведки.

Однако, справедливости ради, надо отметить, что на этом участке работы дело обстояло не так уж безоблачно. Из доклада «О работе отдела контрразведки «СМЕРШ» Тихоокеанского флота» следовало: «Как в первом полугодии 1943 г., так и во втором мы не добились оперативных успехов, не сумели вскрыть и разоблачить ни одного агента японской разведки... Нами выявлено и учтено в частях и учреждениях Флота 258 человек, которые посвоему социально-политическому прошлому и связям могут служить наиболее вероятными кадрами для японской разведки». На тот момент времени оперативная разработка велась в отношении 49 чел., из них 14 чел. – по делам формулярам, а 35 чел. – по учетным делам.

С другой стороны, были и очевидные успехи. Советская разведка располагала информацией о том, что на территории Маньчжурии специальные подразделения Квантунской армии в обстановке глубокой секретности разрабатывают биологическое оружие, которое в случае военных действий должно было применено против СССР с помощью авиации и путем диверсионных мероприятий.

Органы военной контрразведки флота провели значительную работу по предотвращению возможной бактериологической диверсии на флоте. Прежде всего, были учтены и взяты под тщательное наблюдение все лица, имеющие то или иное отношение к работе с бактериологическими культурами в частях флота. Был усилен контроль за хранением бактериологических культур и работой бактериологических лабораторий. Флотские чекисты реализовали целый комплекс мероприятий под предотвращению возможных диверсионных актов с применением бактериологического оружия. Эта страница истории противостояния военной контрразведки флота и японской разведки подробно освещена в агентурном деле «Юрта».

Вплоть до 1946 г. во Владивостоке действовало Генеральное консульство Японии, которое вело активную разведывательную деятельность с легальных и нелегальных позиций. С начала 30-х гг. сотрудники генконсульства приступили к работе по сбору данных о Тихоокеанском флоте, используя для этого все доступные средства и методы.

Здание Генерального консульства находилось на возвышенности, и из его окон открывался прекрасный вид на бухту Золотой Рог. Еще в годы интервенции на Дальнем Востоке японцы развернули на крыше и на втором этаже здания пост визуального наблюдения за бухтой. В 30-е гг. для того, чтобы предупредить визуальную разведку за движением кораблей и подводных лодок флота, здание было обнесено забором высотой до восьми метров, а по периметру здания постоянно дежурили бригады наружного наблюдения. Часть городских районов, примыкавших к местам базирования сил флота, были закрыты для посещения иностранцами.

Тем не менее, японцы, пользуясь дипломатическим статусом, совершали в черте города и за его пределами разведывательные поездки на автомобилях. Предметом их пристального интереса были объекты береговой обороны, аэродромы, места базирования кораблей и подводных лодок, здания штабов, места дислокации частей и складов. Особое внимание уделялось наблюдению за железной дорогой. В 1938 г. комендант Владивостокского укрепрайона полковник Арсеньев в письме на имя председателя горсовета сообщал: «В районе Эгершельда имеется позиция батарей, которая совершенно открыта для наблюдения из расположенных на сопке 26 жилых домиков, из которых совершенно свободно можно наблюдать за работой на позиции, а из некоторых можно слышать команды на компосту и самой позиции. Это место привлекает внимание также японского консульства. Например, 31 мая 1938 г. эсминец проводил стрельбу, и к началу стрельбы консульская машина прошла по Складочной улице. 2 июня 1938 г. во время учений эсминцев консульская машина опять была в этом районе. Это только последние случаи. Внимание консульства привлекали также садик водников, танцевальная площадка, а зимой – каток».

Начиная с середины XIX в., генконсульство накопило значительный опыт разведывательной работы во Владивостоке, и военной контрразведке, совместно с территориальными органами госбезопасности, приходилось проявлять недюжинную смекалку, настойчивость и изобретательность для нейтрализации устремлений японской разведки. В период войны японские специальные службы активно использовали в разведывательных целях поездки дипломатических курьеров из Токио в Москву и обратно через Владивосток. Как правило, все дипкурьеры были офицерами 2-го Управления Генштаба Японии, 3-го отдела МГШ, 2-го отдела штаба Квантунской армии, сотрудниками русского отдела Исследовательского бюро Южно-Маньчжурской железной дороги, а иногда и офицерами жандармерии. Следуя по маршруту, чаще всего под чужими фамилиями, они собирали военно-экономическую и политическую информацию. Основными методами получения разведывательных сведений являлись визуальное наблюдение, подслушивание и выведывание. Способами фиксации информации были фотографирование, кодированные записи, составление схем с нанесением на них местонахождения военных и оборонных объектов.

Кроме того, между Москвой и Токио курсировали сотрудники военного и военноморского атташатов, которые под различными предлогами останавливались во Владивостоке. На перегоне Хабаровск-Владивосток окна купе японских дипломатов были наглухо зашторены, а сами японцы находились под постоянным наблюдением. Тем не менее, как вспоминает кадровый японский разведчик Асаи Исаму, «мы, сменяя друг друга, считали стыки рельс, чтобы на отдельных участках установить точное расстояние. В других случаях, отвлекая внимание сотрудников НКВД, фотографировали различные военные объекты, мосты и тоннели».

Японцы вели визуальное наблюдение и фотографирование с борта почтово-пассажирских пароходов, курсировавших между Владивостоком и Японией. По решению военной контрразведки флота вход в бухту Улисс, где базировались подводные лодки, при проходе пассажирских судов, перекрывался специальными баржами, на которых были установлены брезентовые щиты высотой до 10 метров.

В период войны японские разведчики придавали большое значение установлению агентурных отношений с женщинами, работавшими на военных предприятиях, в воинских штабах и учреждениях, имевшими семейно-родственные и другие связи с военнотружущими армии и флота. При завязывании знакомств с женщинами японцы

проявляли настойчивость и изобретательность, используя бытовые трудности военного времени и особенности женской психики. Кадровый японский разведчик, помощник военного атташе в Москве майор Асаи Исаму, часто бывавший во Владивостоке, вспоминал: «Я активно использовал женщин, имевших отношение к армии и флоту, для получения самой разнообразной информации. С некоторыми из них у меня была любовная связь, и я никогда не жалел средств на подарки».

Для получения военной и политической информации японские кадровые разведчики и их агентура прибегали к подслушиванию. Они пристраивались, например, к очередям, находясь в толпе в часы пик. Полученные таким образом сведения сами японцы называли «уличной информацией», которую собирали и методом выведывания. Ставя вопросы в завуалированной форме, они старались получить интересующие их секретные сведения. На основе полученных данных японское посольство и консульства составляли специальные сводки «уличной информации» и направляли их в МИД Японии, ГШ и МГШ.

Эти методы широко использовались сотрудниками Генерального консульства Японии во Владивостоке, которые постоянно посещали рестораны города и там входили в контакты с офицерами Тихоокеанского флота. Японцы придавали большое значение получению т.н. «пьяной» информации. Для этого они в вечернее время посещали рестораны Владивостока, знакомились там с офицерами флота, спаивали их, иногда добавляя в спиртное расслабляющий волю или же усиливающий степень опьянения препарат, и проводили разведывательные опросы. За период войны было отмечено свыше 70 таких случаев. Для пресечения таких «пьяных» опросов сотрудники наружного наблюдения военной контрразведки под видом комендантского патруля или же посыльных отводили военнослужащих от японцев. Как выяснили контрразведчики, особой активностью в сборе «уличной и ресторанной информации» отличались майоры Такахаси Тэцуо и Миёси Ёситака, прибывшие в СССР под вымышленными именами и действовавшие под дипломатическим прикрытием. Кроме того, военная контрразведка флота вела работу по выявлению и пресечению контактов сотрудников генконсульства с военнослужащими и членами их семей.

Важнейшей задачей военной контрразведки было поставить прочный заслон на пути проникновения японской агентуры в штаб Тихоокеанского флота, его РО и агентурный аппарат последнего. На этом участке у флотских чекистов на протяжении всей войны было много работы. Так, в целях предотвращения проникновения агентуры японской разведки в аппарат РО ТОФ, флотские контрразведчики насадили свою агентуру в диверсионные группы и группу разведчиков, совершавших ходки на корейскую сторону.

Японская разведка всегда славилась своим умением работать с двойными агентами. Преследуя цели создания разведывательных позиций на территории советского Дальнего Востока, японцы стремились проникнуть в разведывательные и контрразведывательные органы. При этом японская разведка активно использовала такие методы проникновения, как вербовка агентов из переводчиков-китайцев и корейцев, работавших в советской разведке, проникновение в здания советских органов и другие объекты.

В работе с двойниками японская разведка преследовала следующие цели: внедриться в агентурную сеть органов государственной безопасности с тем, чтобы выявлять формы, методы и направления их работы, объекты заинтересованности; скрывать истинное положение дел, особенно в части военных приготовлений путем снабжения

дезинформацией; использовать двойников в сборе разведывательной информации во время нахождения на советской территории, изучения местности и системы охраны границы при движении на явку, похищения отдельных документов при приеме на конспиративных квартирах. С началом военных действий японская разведка в целях завладения оперативной документацией органов НКВД-НКГБ планировала прибегнуть к осуществлению острых мероприятий: заманивание агентами-двойниками работников советской разведки на территорию, контролируемую японцами, или их убийство.

Особые надежды возлагались на агентов-двойников, которые после проникновения в разведывательные органы НКВД-НКГБ и вооруженных сил должны были добывать разведывательные данные самыми различными способами, в том числе, путем похищения источников информации. Руководители японской разведки считали: «Надо добиться использования агентов противника против самого противника».

Вероятность перевербовки японской разведкой агентов РО ТОФ в ходе закордонной деятельности была весьма велика. Такие перевербованные агенты могли стать каналом проникновения японской разведки в военно-морскую разведку флота. Для борьбы с агентами-двойниками чекисты создали свою агентурную сеть, нацеленную на тщательное изучение поведения и разговоров агентов после их возвращения со стороны противника для выявления среди них лиц, которые могли быть арестованы и завербованы японской разведкой и затем возвращены обратно на нашу сторону. В 1942 г. уже появились первые результаты по борьбе с двойными агентами и изменническими намерениями в агентурном аппарате РОТОФ: «От недавно завербованного нами агента уже получены данные о предательских намерениях одного из разведчиков, которые он намерен осуществить при выброске его за кордон. Нами эти данные проверяются, после чего будут приняты меры по предупреждению этого предательства. Имея в виду чрезвычайно тяжелые условия связи с этой агентурой, находящейся на пограничном морском разведпункте в 260 км от города, мы свели ее в резидентуру, использовав в качестве резидента одного из оперативных работников разведпункта».

В уставе японской разведки говорилось: «Если будет точно установлено, что данный агент подослан неприятельской контрразведкой, не следует изобличать его открыто и отводить от себя. Необходимо приложить все усилия к его перевербовке для обратной дезинформации. Если это невозможно, то связь с таким агентом надо прекращать постепенно, не отталкивая его от себя». В течение длительного времени территориальные органы государственной безопасности и военной контрразведки, с одной стороны, и японские спецслужбы, с другой, вели друг с другом оперативную игру по выявлению и перевербовке агентов-двойников.

На сленге оперативников того времени японские агенты-двойники назывались редисками, а японцы в свою очередь называли советских двойных агентов «обратными редисами». В конце 30 – начале 40-х гг. дело доходило до того, что один и тот же агент перевербовывался до 10 раз. В известном всем спецслужбам ресторане на берегу реки Сунгари в Харбине такие двойные агенты почти открыто предлагали свои услуги японской и советской разведкам.

В 1942 г. РО ДВФ принял решение о ликвидации предателя, агента №306, который к этому моменту был перевербован уже более 15 раз. При очередном переходе границы в районе Спасска он был застрелен. Информация об этом была соответствующим образом распространена в Маньчжурии и Корее, после чего количество зарабатывавших на жизнь двойной игрой существенно снизилось. Интересно, что в оперативном сленге появилось новое выражение — «отправить по маршруту «306». С другой стороны,

органами государственной безопасности велась надлежащая воспитательная работа в отношении агентов-двойников, с использованием, в частности, ненависти китайского и корейского населения к японским оккупантам.

Еще в начале XX в. японская разведка активно использовала корейцев как свою «пятую колонну», так как, согласно действовавшим тогда нормам, корейцы, проживавшие в России с 1910 г. и не принявшие ее подданства, автоматически считались подданными Японии. Кроме того, японская разведка зачастую прибегала к прямому шантажу и применяла институт заложничества, опираясь на специфику семейно-родственных отношений у корейцев. При вербовке или перевербовке корейцев японская разведка давала понять, что в случае измены члены семей и их многочисленные родственники будут подвергнуты репрессиям вплоть до смертной казни.

Тем не менее, японская разведка была вынуждена признать, что применение агентов-двойников было неэффективным и в большинстве случаев проигрышным. Уже в сентябре-октябре 1942 г. Информационно-разведывательное управление Квантунской армии направило в ЯВМ на местах распоряжение об очистке агентурного аппарата от агентов-двойников и запрещении их дальнейшего использования.

В 1941–1945 гг. работа РО ТОФ характеризовалась низким уровнем кадрового состава, слабой агентурной сетью, неудовлетворительной подготовкой агентуры, наличием большого количества двойных агентов. В связи с этим военная контрразведка предприняла соответствующие меры, в рамках которых было заведено агентурное дело «Черная переправа» по выявлению двойных и японских агентов в агентурном аппарате разведотдела флота.

В указанный период перед РО ТОФ ставились задачи по сбору данных о состоянии ПВО портов Северной Кореи, наличии аэродромов для базирования истребительной авиации, о состоянии береговой обороны портов Юки, Сейсин и Расин. Одновременно должны были быть составлены планы и подробные характеристики ВМБ, торговых портов в Корее и прилегающих к ним районов. Кроме того, РО ТОФ вменялось в обязанность собрать данные по восточному побережью Хонсю, западному Кюсю, Хоккайдо и другим островам и полуостровам Японии, а также установить наличие в портах Северной Кореи плавсредств с целью определения возможности высадки десанта первого эшелона с уточнением, какие силы и в каком составе противник может перебросить по морю для десантных операций в направлении ВМБ и секторов береговой обороны ТОФ. К февралю 1945 г. стало очевидным, что РО ТОФ с поставленными перед ним задачами не справился, во многом из-за слабой агентурной работы за рубежом.

Заместитель начальника РО по информации штаба ТОФ в 1938–1943 гг. К.В. Денисов вспоминал: «Анализ результатов боевых действий ТОФ в период хасанских событий показал, что нашего столь агрессивного соседа – Японию – мы знали еще очень слабо. Информация о военном, морском, воздушном и других видах ее вооруженных сил и об их потенциалах у нас была еще в зачаточном состоянии. А технические возможности оформления разведывательной информации о состоянии и направлении развития вооруженных сил и, в частности, ВМС Японии находились на уровне XIX в.: еженедельные разведсводки для командования соединений и частей флота докладывались устно начальником отделения информации (а спустя некоторое время – дежурными офицерами разведотдела) и затем размножались ротапринтом». Справедливости ради надо отметить, что информационная работа РО ТОФ, в отличие от агентурной, была поставлена на хорошую основу и постоянно совершенствовалась.

Следует также сказать, что в течение всего времени противостояния СССР и Японии на дальневосточных рубежах имелся существенный перекося в сборе информации о японских вооруженных силах. РУ ГШ РККА и внешняя разведка НКВД-НКГБ отдавали предпочтение сбору информации по сухопутным силам Японии, а в отношении военно-морского флота их интересовали исключительно данные о его возможностях по обеспечению и поддержке десантных операций на Приморском, Курильском и Камчатском плацдармах.

Но вернемся к делу «Черная переправа». В 1943 г. разведпункт РО ТОФ в Посыте располагал четырьмя агентами-маршрутниками из числа советских корейцев. Эту группу возглавлял агент Агай, который еще в 1939 г. был награжден орденом Красной Звезды. Группа довольно успешно действовала около четырех лет. Но при проверке выяснилось, что тот же Агай завербовал агента из числа местных жителей в Корею, который впоследствии оказался агентом японской разведки, направленным на советскую территорию для проникновения в агентурную сеть РО ТОФ. Подчиненные ему агенты Хан Гван и Капри также вели себя подозрительно и впоследствии были установлены как агенты-двойники, перевербованные японцами во время одной из перебросок на корейскую территорию.

В 1944 г. РО ТОФ направил в Северную Корею еще одну маршрутную группу из трех агентов, которые перед отправкой прошли полный курс радиодола, конспирации и военно-морского дела. Однако во время обучения все трое отличались недостойным поведением – устраивали драки и пьяные дебоши, уходили в самовольные отлучки, а в разговорах между собой высказывали намерения перейти на сторону японцев. После их возвращения оказалось, что их всех перевербовала японская разведка.

В документах того времени отмечалось, что РО ТОФ, начиная с сентября 1944 г., не осуществил ни одной переброски агентуры за кордон, хотя до начала войны на Дальнем Востоке подготовку проходило 50 агентов. От имевшейся закордонной агентуры ценных сведений не поступало, и приходилось пользоваться исключительно данными авиаразведки. Так, РО ТОФ не имел своей агентуры в портах Юки, Расин и Сейсин, которые по планам командования флота рассматривались как пункты высадки морских десантов.

Со своей стороны, в начале 1945 г. военная контрразведка флота на основе агентурных данных, материалов УНКГБ Приморского края и Управления погранвойск НКВД Приморского округа подготовила и направила в центр подробные записки о портах Сейсин, Расин, Юки, Дайрен и Порт-Артур, к которым прилагались схемы и фотографии. Эти справочные материалы во многом помогли в августе 1945 г. нашим войскам при захвате этих портов и городов.

Как следует из дела «Черная переправа», практически вся агентурная сеть РО ТОФ состояла из агентов-двойников или работала под контролем японцев. Характерно, что за два месяца до начала войны с Японией закордонные агенты активизировались и стали запрашивать инструкции, что им делать в случае военных действий. После войны в ходе допросов арестованных двойных агентов выяснилось, что такие запросы они делали по прямому указанию японской разведки. В свою очередь надо отметить, что некоторые из двойных агентов давали сигнал о работе под контролем.

В целом агентурную сеть РО ТОФ отличал низкий уровень деловых и интеллектуальных качеств агентов, большинство из которых были выходцами из Средней Азии и до этого в Китае, Корее и Японии никогда не бывали. После засылки в Корею они устраивались на самые низовые работы – разнорабочими, дворниками, прачками – и,

естественно, под таким прикрытием не могли добывать сколько-нибудь ценную в разведывательном отношении информацию. Перед началом войны у РО ТОФ в Пусане, Дзенсене и Гензане было по три агента, а в Дайрене – четыре, но большинство из них являлись двойниками.

В июне 1944 г. агент «Наумов» (Ли Тын Чун) был переброшен в Корею с целью изучения порта Пусан. Позднее выяснилось, что в том же месяце он добровольно рассказал в японской жандармерии о своем задании и цели прибытия в Корею. Со дня переброски «Наумов» только в сентябре 1944 г. передал одну шифровку, трудно поддавшуюся раскодированию, в которой он косвенно дал знать о том, что у него неисправна радиоаппаратура. В марте 1945 г. РО ТОФ установил с ним связь под «дубок» в Сеуле, после чего он стал настойчиво требовать денег и указаний.

Агент «Петя» (Ной Ки Юн) был переброшен в апреле 1943 г. в Гензан. В сентябре того же года его вызвали в управление жандармерии, где он подробно рассказал о своем задании и цели прибытия в Корею. Агент «Лазарь» (Дю Сон Хан) был переброшен в августе 1944 г. и тогда же расшифровался перед японцами. Агент «Восточный» (Цой Ди Кен) был переброшен в октябре 1944 г. с разведывательными задачами по порту Цинкай и в мае 1945 г., будучи заподозренным, признался японцам и был ими перевербован. При его задержании в городе Тайко японцами была изъята радиостанция.

В сентябре 1945 г. в Гензане был арестован японский агент, кореец Пак Пен Но, который в 1943 г. выявил советского разведчика Лян Е Хана. Последний, он же Ямамото Коро, был агентом разведотдела ТОФ «Коля». Пак перевербовал Ляна, который добровольно выдал японцам радиостанцию и рассказал о своем задании. Вплоть до 5 августа 1945 г. Лян передал 26 радиотелеграмм дезинформации, за что получал от японцев 200 иен в месяц. Кроме того, он заманил на территорию Кореи еще одного агента РО ТОФ и перевербовал его. Позднее Пака и Ляна лично задержал и арестовал начальник отдела контрразведки «СМЕРШ» Гензанской ВМБ капитан 3 ранга Потехин.

5 февраля 1945 г. отдел контрразведки «СМЕРШ» флота направил в Военный совет ТОФ спецсообщение о работе РО ТОФ, в котором отмечалось: «проведенная незначительная работа по заброске агентуры за кордон ни в коей мере не могла обеспечить разведку интересующих нас районов и объектов, так как качество подбираемой агентуры, организация работы, степень ее подготовленности, обеспечение агентуры перед выброской не соответствовали требованиям, которые диктовались обстановкой за рубежом». Впоследствии в результате проведенных отделом контрразведки «СМЕРШ» флота мероприятий по розыску агентуры иностранных разведок на территории Кореи было арестовано девять предателей из числа бывших агентов РО ТОФ, что составило почти половину всей численности закордонной агентуры разведки флота.

Так, в мае 1946 г. Отделом контрразведки «СМЕРШ» флота было заведено дело-формуляр на гражданина СССР, корейца Цой Ди Ена, бывшего агента РО ТОФ, который в 1944 г. был переброшен с заданием в Корею и арестован японцами. Впоследствии Цоя освободили из-под стражи, а после окончания войны он сам пришел из Южной Кореи и добровольно рассказал представителям контрразведки флота об обстоятельствах своего ареста, допросах и предложении японской разведки. Тем не менее, в отношении Цоя в течение длительного времени проводилась проверка, в ходе которой выяснилось, что Цой Ди Ен был не во всем искренен. Когда в 1944 г. его перебрали в район Гензана с рацией и разведывательными задачами, он был пойман

полицией, где признался на допросах в принадлежности к советской разведке и рассказал о своем задании и полученной подготовке. Но самое главное, Цой дал согласие японской контрразведке дезинформировать РО ТОФ путем передачи сведений по радио. На этом основании он был арестован и осужден за измену Родине.

С началом войны с Японией Отдел контрразведки «СМЕРШ» ТОФ направил на территорию Кореи, Маньчжурии, Южного Сахалина и Курильские острова опергруппы для поимки японской агентуры и сотрудников спецслужб. Однако, эти опергруппы не всегда имели четкое представление о том, что собой представляла японская разведка. 31 августа 1945 г. Отделом контрразведки «СМЕРШ» ТОФ в адрес начальников отделов и опергрупп была направлена директива, в которой разъяснялась структура японских разведывательных органов.

За период с 25 ноября 1945 г. по 1 января 1946 г. в результате проведенной работы по розыску разведывательной агентуры противника опергруппами ОКР «СМЕРШ» ТОФ на территории Маньчжурии и Кореи было арестовано 12 чел.: агентов японских разведывательных органов – 4, официальных сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов Японии – 1, пособников японским властям – 6, диверсантов – 1.

Через четыре дня после начала боевых действий в Маньчжурии опергруппа из трех работников отдела контрразведки «СМЕРШ» 12-й штурмовой авиадивизии ВВС ТОФ прибыла в Хуньчунь, где приступила к выполнению задач по розыску сотрудников и агентов японской разведки. За 34 дня эта опергруппа во главе с майором Лякишевым задержала 193 японца и китайца, среди которых оказались четверо сотрудников японской полиции, 11 агентов ЯВМ, 19 агентов полиции и пограничной полиции Хуньчуна, 49 агентов жандармерии.

В ходе оперативно-розыскных мероприятий были задержаны, а затем арестованы заместитель начальника Хуньчуньской ЯВМ Тэцудзакэ Суэкити, он же Ли Чи, начальник пограничной стражи уезда Хуньчунь Синодзакэ Иваи, начальник политического отдела полиции уезда Тумынь Кобаяси Синдзо, начальник политического отдела Хуньчунской пограничной полиции Оба Рэйфу, агенты ЯВМ Огай Мен Хван, Хо Лин Сан, агенты политического отдела Хуньчунской пограничной полиции Гван Чай Хай, Ким Пен Хан, резидент БРЭМ по уезду Хуньчунь З.П. Чевгус и др.

Начальник 4-го отделения ОКР «СМЕРШ» ТОФ майор Шмагайлов в составе опергруппы произвел в Харбине 30 арестов японских агентов. Так, им лично был задержан гласный сотрудник Харбинской ЯВМ Дроздов, на которого еще в 1943 г. было заведено агентурное дело «Маска». Впоследствии Дроздов был осужден и приговорен к 10 годам лишения свободы.

Оперативными группами в портах Расин, Юки и Сейсин было арестовано 13 человек, из которых наибольший интерес представляли кореец Пак Тын Хен, жандармский инспектор городов Расин и Юки, сотрудничавший с японской военно-морской миссией, проводившей разведывательную деятельность против СССР; японец Сато, пытавшийся по заданию ЯВМ совершить поджог на металлургическом заводе в Сейсине после занятия завода нашими войсками; кореец Цой Ин Нам, агент расинской военно-морской миссии, который выдавал японцам просоветски и антияпонски настроенных корейцев; кореец Ли ЕнУк, управляющий рыбным комбинатом и руководитель созданной японцами организации «Тяутон», оказывавшей помощь полиции и японской военно-морской миссии; уже упоминавшийся кореец Ким Василий, который, будучи

переброшенным в Корею органами НКВД со специальным заданием, рассказал японцам о цели задания и был ими перевербован.

В конце августа 1945 г. был создан отдел контрразведки «СМЕРШ» в порту Расин и гарнизоне Юки, которые долгое время являлись базами японской разведки для переброски своей агентуры на территорию СССР. Оперативной группой подполковника Храпова, а затем отделом было арестовано 23 корейца, большинство из которых обвинялось в поимке и выдаче советских разведчиков. Позднее 11 человек было осуждено военным трибуналом и приговорено к различным срокам лишения свободы.

В их числе были корейцы Тен Сен Су и Ким Ин Сен. В 1938–1945 гг. Тен, находясь на службе в японской жандармерии, арестовал трех советских разведчиков и лично вел по ним следствие с применением пыток. Последним местом службы Тена была ЯВМ в Яньцзи. Ким также служил в японской жандармерии и через свою агентурную сеть выявлял антияпонски настроенных корейцев и советских разведчиков. В июле 1944 г. он принимал участие в задержании советского разведчика, который был убит при попытке к бегству. В январе 1944 г. Ким выезжал для поимки трех советских агентов в Харбин, где лично задержал советского разведчика Пака и на следствии применял к нему пытки. По его показаниям были разысканы и арестованы агенты ЯВМ в Яньцзи Ямада Сатору и Кадонихара Кэйроку. В числе арестованных и осужденных был и некто О Дон Нью, тайный агент контрразведывательного органа «Представительство Северной Кореи», созданного главным полицейским управлением города Ронан.

Опергруппой Храпова был арестован агент японской разведки Цой Лон Гю. Еще в 1928 г. Цой арестовывался ОГПУ Владивостока за нелегальный переход границы. В 1933 г. он бежал в Корею, где был завербован японцами и служил в полиции, а затем в жандармерии, занимаясь выявлением советских разведчиков. В 1940 г. Цой выдал советского разведчика Ким ЕнУка в Ронане, а в 1943 г. – Ким Пен Гвана в Маньчжурии.

В этот период было также задержано и арестовано значительное число полицейских, жандармов и агентов японской военно-морской миссии. Основной упор при проведении следствия по делам арестованных делался на вскрытие агентуры японской разведки, засланной и насажденной на территории СССР.

В ходе боев за город Сейсин и в первые дни занятия нашими войсками городов Кореи опергруппами были обезврежены путем уничтожения на месте большое количество японских террористов и диверсантов, оставленных в тылу советских войск. Так, в городе Юки выявлен и изъят склад оружия, в том числе 5 пулеметов, 24 винтовки и гранаты, спрятанные жандармерией для использования в советском тылу. В Юки, Расине и Сейсине захвачены архивы японской военно-морской миссии, полиции, суда и сейсинской тюрьмы, которые в дальнейшем использовались для розыска и поимки японских разведчиков и агентов.

С момента высадки десанта в Сейсине и за все время пребывания отдела контрразведки ВМБ на территории Кореи было задержано 75 чел., в том числе: изменников – 1, террористов и диверсантов – 3, членов правительства Северной Кореи – 13, белоэмигрантов – 6, агентов жандармерии – 11, предателей – 1, членов организации Ли Хай Чена – 6, работников разведорганов – 2. Так, кореец Цой Лун Сен, бывший агент РО ТОФ, был арестован как изменник Родины, а кореец Ан Пён Ель как агент японской разведки.

Необходимо отметить, что сотрудники отдела военной контрразведки в Сейсине поставили последнюю точку в деле Ли Хай Чена и его организации. Еще в ноябре 1940 г. чекисты Приморского управления НКВД в результате удачно проведенных

агентурно-оперативных комбинаций в рамках дела «Провокаторы» вывели на территорию края и ликвидировали резидентуру японской разведки, которую возглавлял кадровый разведчик Ли Хай Чен.

По заданию японской разведки он длительное время занимался подготовкой и засылкой агентов на советскую территорию под видом участников революционно-освободительного движения в Корее и Маньчжурии. С целью создания широких возможностей для осуществления подрывных акций против СССР Ли Хай Чен разработал ряд мероприятий, направленных на установление связи с Коминтерном от имени якобы существовавшей в Маньчжурии и Корее крупной организации, проводившей активную борьбу против японских оккупантов. После его вывода на территорию СССР Ли Хай Чен был арестован и приговорен к высшей мере наказания.

В 1945 г. отделом военной контрразведки в Сейсине были получены дополнительные сведения о деятельности шпионско-диверсионной организации 2-го отдела штаба Квантунской армии под руководством Ли Хай Чена, который под предлогом идей освобождения Кореи от японцев вербовал агентуру. Во время вербовки он объяснял кандидатам в агенты, что в СССР во Владивостоке на станции Океанская есть «комвуз», созданный специально для корейцев. Получив согласие поехать на учебу, агента отправляли в Чанчунь, где завербованный проходил подготовку на двухмесячных курсах при Харбинской ЯВМ. Отделом в Сейсине было разыскано и задержано 15 членов организации Ли Хай Чена, но практически все они оказались агентурой УНКГБ Приморского края или же не вели практической деятельности. Тем не менее, в сентябре 1945 г. были арестованы член организации Ли Хай Чена – Чан Хо Сын и два связника, прибывшие с разведывательным заданием из Токио и имевшие при себе 588 тыс. иен для организации и ведения агентурной работы.

Отделами контрразведки «СМЕРШ» флота в Корее было заведено 11 агентурно-розыскных дел на сотрудников Расинской ЯВМ Одокадзава, Миимоти, Сиганума, Цой Ван Мена, Павла Калинина и др. В ходе оперативно-розыскных мероприятий стало известно, все они сбежали в Японию и на юг Кореи 10 августа, когда из Расина ушел пароход, на котором уезжали сотрудники ЯВМ и их семьи.

Одновременно шел розыск Танака, Абэ и Мацусиро – официальных сотрудников японской радиостанции особого назначения, подчинявшейся дешифровальному отделению особого отдела МГШ, которые занимались перехватом шифротелеграмм, передаваемых советскими военными кораблями и базами.

17 сентября 1946 г. было реализовано агентурное дело «Полицейские» на трех лиц, в том числе Чан Ден Су, бывшего начальника корейской полиции Сейсина. Выяснилось, что в 1932 г. он выдал японцам прибывшую в Сейсин на шхуне со спецзаданием группу советских разведчиков. Чан Ден Су долгое время сотрудничал с японской контрразведкой, и для того, чтобы скрыть свое прошлое, по его инициативе в сентябре 1945 г. без суда и следствия были расстреляны трое сотрудников японской полиции, которые могли разоблачить его.

В октябре-ноябре 1945 г. был сформирован Отдел контрразведки «СМЕРШ» Южного морского оборонительного района ТОФ, на который возлагался розыск кадровых сотрудников и агентуры японской разведки и контрразведки. Отдел постоянно организовывал выезды оперативно-розыскных групп в районы Средней и Северной Маньчжурии, в результате чего подверглись задержанию и аресту 26 человек. Всего же было задержано и профильтровано следствием 196 человек. Так, в январе 1946 г. в Порт-Артуре был задержан проходящий по следственному делу агент ЯВМ Гирко, который на первичном допросе полностью признался и был арестован.

30 ноября 1945 г. было заведено агентурно-розыскное дело на Пак Чи Мога, в отношении которого были получены данные о том, что он являлся агентом Хуньчунской ЯВМ и в 1936–1937 гг. неоднократно перебрасывался на территорию СССР с разведывательными целями. Дополнительной проверкой по оперативным учетам ИНО УНКВД по ДВК было установлено, что разыскиваемый агент японской разведки Пак Чи Мог с 1934 г. являлся закордонным агентом «Володя» ИНО УНКВД по ДВК. До этого он имел связь с резидентурой ИНО ГУГБ в Сеуле. Вместе с другими агентами ИНО, корейцами Ким Ян Ченом и Ли Дя Баном, Пак Чи Мог использовался в агентурной разработке «Квантунцы» по освещению Квантунской армии. В процессе разработки установлено, что все они оказались провокаторами и поддерживали связь с ИНО с ведома и под руководством штаба Квантунской армии и Харбинской ЯВМ. Кроме того, все они расшифровались друг перед другом как агенты ИНО.

6 декабря 1945 г. оперативно-розыскной группой ОКР «СМЕРШ» Южного морского оборонительного района ТОФ Пак Чи Мог был установлен в Хуньчуне, задержан и взят под стражу. В ходе предварительного следствия он сознался, что в марте 1932 г. он был завербован представителем Харбинской ЯВМ Сакадзава и передан на связь резиденту Хуньчунской ЯВМ корейцу Ким Як Чену. По заданию последнего в 1933 г. он перешел на территорию СССР с целью внедрения в советские разведорганы, а в 1934 г. был завербован сотрудниками советской разведки Силовым и Моровым. Впоследствии, получая от Силова и Морова газеты «Правда», «Тревога» и «Авангард», Пак Чи Мог передавал их японской разведке. В том же году Пак Чи Мог прервал связь с советской разведкой и, уже по заданию японской разведки, неоднократно проникал на территорию СССР с разведывательными целями. По завершении предварительного следствия Пак Чи Мог был арестован и передан в УНКГБ Хабаровского края по просьбе начальника управления А.С. Гоглидзе.

29 ноября 1945 г. заведено агентурно-розыскное дело на Ким Хэ Сана, который являлся резидентом разведотдела штаба Квантунской армии в городе Томун. В процессе розыска агентурным и следственным путем были установлены вероятные места пребывания Ким Хэ Сана. 8 декабря он был задержан и взят под стражу вместе со своим сообщником корейцем Хон Че Намом. На допросе Ким Хэ Сан, он же Ким Чан Дег, сознался, что ранее состоял в партизанском отряде Ким Ир Сена, а в 1940 г. добровольно сдался в плен японцам и оказывал помощь японским карательным органам в борьбе с корейским партизанским движением. Ким Хэ Сана завербовал начальник 2-го отдела штаба Квантунской армии генерал-майор ЯнагитаГэндзо и поставил перед ним задачу по вербовке агентуры для засылки в СССР из числа партизан отряда Ким Ир Сена.

С 1943 г., уже будучи официальным сотрудником разведотдела штаба Квантунской армии в Томуне, Ким Хэ Сан завербовал для разведывательной деятельности против СССР 17 агентов из числа бывших участников партизанского движения, прибегая к угрозам, запугиванию и шантажу. Как бывший заместитель Ким Ир Сена, Ким Хэ Сан многих партизан знал лично и при вербовке угрожал им различными карами вплоть до расстрела. Из 17 завербованных им агентов семеро неоднократно перебрасывались на советскую территорию с разведывательными задачами.

16 декабря 1945 г. на основании показаний свидетелей и личного признания Ким Хэ Сан и Хон Чё Нам были арестованы ОКР «СМЕРШ» ТОФ. Так появилось групповое дело на Томунскую резидентуру 2-го отдела штаба Квантунской армии, в которую, помимо Ким Хэ Сана, входили Хон Ир Чун, И Чун Сор, Ким Ён Гван, Хон Чё Нам. В ходе расследования было арестовано еще пять агентов этой резидентуры.

5 ноября 1945 г. было заведено агентурно-розыскное дело на корейца Ким Сын Джона, который в 1939 г., будучи агентом советской разведки, был перебросен в Корею, где, задержанный японской полицией, на допросе сознался в своей причастности к советским разведорганам. После этого он был перевербован японцами и вплоть до августа 1945 г. использовался иностранным отделом губернского полицейского управления в городе Раннан для розыска агентуры советской разведки, перебросенной в Корею.

Проверка показала, что Ким Сын Джон, он же Ким Андрей Степанович, уроженец Сучанского района Приморского края, действительно являлся закордонным агентом РО ТОФ и был перебросен на территорию Кореи в 1939 г. В процессе розыска Ким Сын Джона были получены данные о том, что с приходом в Корею частей Советской армии он работал переводчиком в одной из воинских частей. 3 декабря 1945 г. было установлено, что Ким Сын Джон работает переводчиком в отделе контрразведки «СМЕРШ» 39-го стрелкового корпуса в городе Канко, где он и был арестован опергруппой флотской контрразведки. В это же время в Хуньчуне опергруппа «СМЕРШ» ТОФ задержала корейца Ким Дю Хо, который на допросе дал показания, послужившие для заведения агентурно-розыскных дел на агента Хуньчунской ЯВМ корейца Ван ДяПи-на, дважды перебрасывавшегося с разведывательными целями в СССР, официального сотрудника японской жандармерии корейца Тен Сен Муга, которого до 1938 г. по заданию Харбинской ЯВМ неоднократно перебрасывали на территорию СССР, изменника Родины, бывшего агента советской разведки китайца Тянь Су Хена, завербованного японской разведкой и перебрасывавшегося на советскую территорию, агента хуньчунской ЯВМ корейца Ли Тя Бана, начальника полицейского участка деревни Кусапен корейца Юн Ту Пена, который занимался переправкой японских агентов в СССР.

Отделом контрразведки «СМЕРШ» Гензанской ВМБ ТОФ были разысканы и арестованы начальник политического отдела полиции Гензана Хиродзава, начальник политического отдела полиции Канко Имамура, агент политического отдела полиции Гензана кореец Пак Пен По, который лично задержал и выдал японцам советского разведчика Лян Рей Хвана, агенты японской разведки, корейцы Тен Хо Сен и Цой Дан Сен, прошедшие обучение в разведшколе. Тен Хо Сен и Цой Дан Сен неоднократно забрасывались в СССР, были перевербованы советской разведкой и брошены в Маньчжурию, но вновь оказались перевербованными.

По имевшимся агентурным и следственным данным, полученным в ходе розыска, следовало, что японские спецслужбы имели мощную агентурную сеть из числа японцев, корейцев и китайцев, которая действовала на территории Кореи, Маньчжурии и Южного Сахалина. В директивных документах отдела контрразведки «СМЕРШ» ТОФ отмечалось: «Значительная часть этой агентуры, действовавшей против СССР, нами еще не раскрыта, а другая часть контрразведывательной агентуры, использовавшаяся японцами по выявлению антияпонской деятельности корейцев и китайцев, проживает в населенных пунктах, где имеются наши части. Такая агентура вполне вероятно может быть использована как японской, так и другими разведками, в первую очередь США и Китая. Изучая каналы возможного проникновения агентуры иностранных разведок на объекты флота, нами установлено, что характерными для всех соединений флота, дислоцирующихся в Северной Корее, на Южном Сахалине и в Порт-Артуре, являются:

а) наличие окружения из числа японцев, корейцев и китайцев в непосредственной близости от частей и стоянки кораблей;

б) общение наших военнослужащих и членов их семей с местным населением;
в) использование командованием частей и подразделений флота японцев, корейцев и китайцев на разных хозяйственных работах в качестве обслуживающего персонала – уборщиц, прачек, поваров, а также переводчиков;

г) проживание офицеров и их семей в домах, занимаемых японцами на Южном Сахалине и китайцами в Порт-Артуре, ввиду недостатка квартир, отведенных частям.

Все это представляет благоприятную обстановку для деятельности иностранных разведок против наших частей.

Наряду с общими характерными каналами, которые могут быть использованы иностранными разведками для внедрения своей агентуры в части и соединения флота, нами установлены каналы возможного проникновения агентуры американской, японской и других разведок через демаркационную линию из Южной в Северную Корею, с Хоккайдо на Южный Сахалин, из Китая в Порт-Артур, то есть в места дислокации частей флота».

По данным на февраль 1946 г. отделами ОКР «СМЕРШ» ТОФ было задержано 172 чел., в том числе двойных агентов – 11, сотрудников ЯВМ Сэйсин – 6, сотрудников полиции – 44, жандармерии – 4, тайных агентов полиции – 1, арестовано 22. Кроме того, 11 арестованных сотрудников спецслужб Японии были отправлены во Владивосток. Уже на 1 мая 1946 г. отделы контрразведки «СМЕРШ» ТОФ Тихоокеанского флота арестовали 154 чел. в Корее, Маньчжурии и на Южном Сахалине, в том числе сотрудников и агентов японской разведки – 59, изменников Родины – 15, диверсантов – 10. В период с августа 1945 г. по январь 1946 г. ОКР «СМЕРШ» ТОФ только в Корее задержал и проверил 1695 чел., из которых 62 чел. было арестовано, 62 чел. передано «СМЕРШ» НКО и 33 чел. – органам НКГБ СССР.

После войны оперативная обстановка в Корее и Маньчжурии продолжала оставаться сложной и напряженной. Одним из серьезных вопросов стало установление контроля за перемещением на этих территориях больших масс китайского, корейского и японского населения, а также военнослужащих армии и флота, так как в огромном людском потоке могла легко раствориться агентура и кадровые сотрудники японской и других разведок.

Высокие темпы работы в послевоенный период обуславливались жесткими требованиями руководства военной контрразведки флота. В первую очередь это было связано с тем, что, как показала практика розыскной работы в Германии, спецслужбы США и Великобритании активно вели поиск агентуры и сотрудников немецких спецслужб с целью привлечения их на свою сторону как для дальнейшей работы против СССР, так и для получения архивов и других сведений о Советском Союзе и его вооруженных силах. Тем же самым спецслужбы США стали активно заниматься и на территории Кореи и Маньчжурии.

В Корее наблюдалась активная миграция населения, в ходе которой на территорию Северной Кореи могла свободно проникать американская агентура из числа корейцев и японцев, а в Южную Корею – уходить бывшие гласные и негласные сотрудники японских спецслужб. Сразу же после окончания войны с Японией началась борьба военной контрразведки флота с американской и китайской разведками, которые нацелились на Северную Корею и Квантунский полуостров.

В директивных документах ОКР «СМЕРШ» ТОФ отмечалось, что существует свободное перемещение населения через демаркационную линию в Корее из одной

зоны в другую. Причем при переходе никаких пропусков не требовалось. Наиболее интенсивное передвижение населения происходило через железнодорожный мост около станции Дзенкоку, через который ежедневно из Северной в Южную Корею проходило до 1000 чел. и в обратном направлении 600–700 чел. Имелись неограниченные возможности для передвижения через демаркационную линию нелегальным путем, минуя погранзаставы и посты.

В конце марта 1946 г. отделом контрразведки «СМЕРШ» Гензанской ВМБ были изучены цели передвижения корейцев через демаркационную линию, и в результате проведенных опергруппой опросов о цели прибытия из Южной в Северную Корею было установлено, что 44% перешедших линию – это мелкие торговцы, 30% прибыли к родственникам или возвращаются от них, 6% – учащиеся в Сеуле и следующие к семьям, проходящих на постоянное место жительства – 12% и 8% по другим причинам.

В послевоенной Корее на фоне сложной политической и экономической ситуации существовало около 35 политических партий, организаций и группировок, из которых самыми крупными были коммунистическая, народная, демократическая, национальная и Союз построения государства, причем три последних – проамериканские. Практически каждая партия и организация имела свои разведывательные подразделения, которые вели работу по советским войскам в Северной Корее.

В августе-сентябре 1946 г. отделом контрразведки МГБ Гензанской ВМБ была задержана и арестована группа из 10 военных разведчиков корейской армии «Кван Пок Кун», созданной в Китае корейским реакционным правительством Ким Ку. Все члены группы прошли разведкурсы и направлялись в Северную Корею для ведения разведывательной работы против частей Советской армии и флота и сбора сведений о положении в Северной Корее. Все арестованные виновными себя признали. В разное время было задержано и арестовано большое число агентов временного корейского правительства в Сеуле, которые вели разведывательную деятельность на территории Северной Кореи.

Разведка корейского правительства Ким Ку активно работала против частей Советской армии и флота на территории Северной Кореи. За ее спиной действовал разведывательный орган Американского военно-политического управления в Сеуле. Для разведывательной деятельности против советских войск в Корее широко использовались молодежные организации Южной Кореи, такие, как Союз молодежи Северной Кореи и Маньчжурии, Союз молодежи по ускорению установления независимости Кореи и другие. Члены этих организаций под видом коммерсантов и поездок к родственникам перебрасывались на территорию Северной Кореи для выполнения разведзаданий по Советской армии и флоту, армии Народно-Демократической Кореи, сбора данных о политико-экономическом положении страны и для создания подпольных формирований.

В феврале 1947 г. в Сейсине была раскрыта подпольная группа во главе с Ли Гван Уком, связанная с нелегальной организацией «Хам Бук», занимавшейся сбором разведданных по советским войскам в Корее. Все члены группы были арестованы. В мае того же года арестовали группу агентов разведки правительства Ким Ку. При аресте у членов группы были изъяты разведывательные донесения на имя начальника северо-восточного представительства в Мукдене Ким Ин Сека и начальника отделения в Инькоу Ким Гук Пона.

В июне 1947 г. стало известно, что в Юки существует нелегальная организация, связанная с Сеулом, члены которой, корейцы Юн Тхя Гвон, Ли Мен Хва, Ким Сен Ук, занимаются сбором разведанных по советским войскам в Корее. В результате агентурно-оперативных мероприятий по делу «Сеульцы» они были арестованы. Следствием по делу были установлены и другие члены этой организации, Цой Дон Ин и Ли До Бяк, которые передавали руководителю Союза молодежи по ускорению установления независимости Кореи Хан Чель Мину сведения о советских войсках в Ранане и рананской корейской дивизии. В работе этой организации принимал участие представитель американской армии, сотрудник SIS. Всего по делу «Сеульцы» было арестовано семь человек, а в 1947 г., кроме того, один американский шпион в Гензане.

В Порт-Артуре после вступления советских войск японцы были выселены, и в начале 1946 г. их насчитывалось всего 200 чел. из числа специалистов на железной дороге и в электрической компании. В то же время в Порт-Артуре проживало свыше 50 тыс. китайцев. После капитуляции Японии число китайцев резко возросло за счет приезда их из разных мест для поиска работы. Состоятельные китайцы развернули в Порт-Артуре торговлю, открылось множество ресторанов и торговых лавок. Пользуясь беспрепятственным проездом по железной дороге и морским путем в Порт-Артур и Дальний, они привозили товары и продукты из Дальнего, южных городов Китая и Чифу, а вместе с ними на территорию ВМБ проникала иностранная агентура. В Дальнем проживало 800 тыс. китайцев, 300 тыс. японцев и 2,8 тыс. русских эмигрантов. В городе функционировали шведское и швейцарское консульства, а с 8 апреля 1946 г. – консульство США, которые вели активную разведывательную работу.

Порт-Артурская ВМБ была сформирована в октябре-ноябре 1945 г. Основные соединения ВМБ базировались в старом Порт-Артуре, а части ПВО были разбросаны по всему квантунскому побережью, пулбаты же находились в радиусе 50 км по побережью от Порт-Артура. Такая разбросанность частей сильно усложняла работу органов военной контрразведки флота.

Отдел контрразведки «СМЕРШ» Порт-Артурской ВМБ вел агентурно-оперативную работу по противодействию китайским разведорганам. После окончания войны с Японией 2-й департамент Министерства государственной безопасности Гоминьдана (Гофанбу) развернул активную разведывательную работу по советским войскам на территории Маньчжурии. Непосредственно эту работу осуществлял через группу связи отдел МГБ при штабе северо-восточной группы войск Гоминьдана. Группа связи во главе с генералом Ма Де Ляном дислоцировалась в Мукдене. Кроме того, разведкой занимались специальные отделы партийных организаций Гоминьдана.

Переброска китайской агентуры на территорию Квантунского полуострова осуществлялась под видом коммерсантов. В августе 1947 г. были арестованы агенты китайской разведки ГянДзи Вен, Ван Го Чин, Дзян Шу Тин. Следствие установило, что Гян является официальным сотрудником информационного отдела 2-го управления северо-восточного административно-политического органа в Мукдене. Этот периферийный орган МГБ вел разведывательную работу по Квантунской области и напрямую подчинялся МГБ Гоминьдана в Нанкине.

В конце 1946 г. Гян по заданию начальника информационного отдела Ван Дзе дважды нелегально выезжал в Дальний из Мукдена с разведывательными целями, в марте 1947-го встречался с начальником 2-го управления 2-го департамента МГБ Го-

миньдана генералом Ляном, находившимся тогда в Мукдене. Лян назначил Гяна руководителем разведгруппы в Дальнем. В апреле Гян был заброшен вместе с радистом в Дальний, где завербовал четырех агентов из китайцев.

Кроме того, китайская разведка вела работу по созданию повстанческих формирований на Квантунском полуострове. Так, в апреле 1947 г. руководитель разведгруппы Ен Дзя Син прибыл в Дальний, где установил связи с партийными организациями Гоминьдана и приступил к созданию подпольных повстанческих организаций. Группа Ена в составе пяти человек была задержана и арестована.

На тот момент времени экономическое положение на основных предприятиях Порт-Артура оставляло желать лучшего. На морском заводе Техотдела флота план производственных работ был выполнен за декабрь 1946 г. только на 43,7%. Из 1216 китайских рабочих и служащих, принятых на завод в 1946 г., на 1 января 1947 г. уволилось или самовольно покинуло работу 458 чел., или 37,7%. Не выходило на работу до 30% рабочих и служащих. На строительстве № 141 в 1947 г. до 90% китайцев прекратили работу. Подавляющее большинство китайцев являлось квалифицированными рабочими – электросварщиками, котельщиками, токарями, кузнецами. Заменить их было нечем, и строительство находилось под угрозой срыва. Это было вызвано плохим материальным положением китайских рабочих и резким повышением цен на продовольствие и другие товары, которые выросли более чем в три раза при зарплате на уровне 1945 г. При этом в Дальнем рабочие получали помимо зарплаты 250%-ю надбавку на дороговизну, а на морском заводе и строительстве № 141 платили только зарплату. Резко падал курс юаня. Агентурные данные свидетельствовали о том, что китайская разведка, используя экономические трудности, способствовала массовому уходу китайцев с этих предприятий и занималась обработкой китайского населения в прогоминьдановском духе.

Так, китаец Кан Шао Бао говорил своим знакомым: «Здесь сейчас все стало дорого, а при японцах все было дешево. Рис, другие продукты и товары стоили копейки. Поэтому сейчас китайцы, которые жили здесь при японцах десятки лет, бегут к Чан Кай Ши. Руководитель 8-й революционной армии Мао Цзедун сбежал на сторону Чан Кайши. Войска Чан Кай Ши успешно продвигаются вперед и скоро подойдут к Дайрену». Китайцы, работавшие на строительстве № 141, жаловались на дороговизну и уповали на скорый приход Чан Кай Ши: «Сейчас жить стало трудно, денег имеешь полные карманы, а кушать приходится плохо, так как все стало дорого. Но ничего, скоро придет Чан Кай Ши, и тогда этим юаням конец, тогда будут другие деньги и все будет дешево. Революционной полиции не будет, а будут здесь солдаты Чан Кай Ши и всех, кто не будет подчиняться, будут убивать, так же будут убивать революционную полицию. Чан Кай Ши приедет сюда с американскими представителями с целью проверки морального состояния китайского населения. Всех отрицательно настроенных к Чан Кай Ши лиц будут убивать».

Экономические трудности создавали благоприятную среду для агентурной работы китайской разведки в Порт-Артуре и Дальнем. На основе агентурных данных, флотские чекисты пришли к выводу, что основное направление деятельности агентуры иностранных разведок шло в то время по линии прощупывания каналов, по которым они могли бы осуществлять свою деятельность. Так, китайские агенты предпринимали активные попытки установить связи с военнотружениками и их семьями, используя

для этого подарки и разнообразные услуги. Причем значительная часть агентов была из китайцев, ранее сотрудничавших с японской полицией и разведкой.

Отделом контрразведки «СМЕРШ» Порт-Артурской ВМБ был взят в разработку китаец Сун Хин Хо, который с помощью щедрых подарков заводил связи с военнослужащими и имел контакты с японцами. К сожалению, в ходе оперативной разработки был упущен китаец Чжан Ши Чин, член Гоминьдана и в прошлом негласный сотрудник японской жандармерии. Чжан собирал сведения об оборонительных сооружениях Порт-Артурской ВМБ ТОФ, действуя путем спаивания военнослужащих и тайно поставляя им женщин легкого поведения. Опасаясь разоблачения, Чжан, захватив секретные чертежи, сбежал на юг Китая. Тем не менее, в 1947 г. в Порт-Артуре было арестовано два американских шпиона из числа китайцев.

После победы над Японией на Южный Сахалин передислоцировались части Северной Тихоокеанской флотилии, которая была переименована в Сахалинскую военную флотилию. На одном из освобожденных Курильских островов, Шумшу, была создана ВМБ Катаока с подчинением Камчатской военной флотилии. Одновременно там же были сформированы отделы контрразведки «СМЕРШ», перед которыми стояли задачи по розыску и разоблачению агентуры японской и других разведок.

Во время войны с Японией японское население Сахалина и Курильских островов по большей части не эвакуировалось, за исключением небольшой группы зажиточных японцев. После войны японцы с Курильских островов небольшими группами переправлялись на Хоккайдо, а оттуда на Южный Сахалин, оседая на жительство в Отомари и других населенных пунктах. В связи с этим была высока вероятность проникновения на Сахалин японской и американской агентуры. Так, в феврале 1946 г. среди японцев, прибывших на Южный Сахалин с Хоккайдо, был задержан американский шпион. На Сахалине японцы активно завязывали контакты с военнослужащими, привлекали их в различные увеселительные заведения, приглашали в гости и, как было установлено органами военной контрразведки, вели таким образом интенсивную разведывательную деятельность.

В 1945–1946 гг. отдел контрразведки «СМЕРШ» Сахалинской военной флотилии вел розыск бывших агентов РО ТОФ, забрасывавшихся на территорию Южного Сахалина. Эти агенты вербовались из представителей малых народностей острова – орохонов, гиляков и нивхов*. Часть этих агентов добровольно сдалась японской контрразведке, была перевербована и переброшена японцами обратно на Северный Сахалин. Нельзя сказать, что розыск этих двойных агентов проходил удачно. Опергруппы флотской контрразведки на Южном Сахалине не задержали ни одного предателя, в то время как отдел контрразведки «СМЕРШ» Дальневосточного военного округа арестовал ряд таких агентов.

* Надо отметить, что к представителям малых народностей Сахалина, Приморского и Хабаровского краев, Камчатки и Чукотки большой интерес в равной мере испытывали как советские, так и японские разведорганы. В 1941–1945 гг. японская разведка предпринимала попытки создать из орохонов, удэгейцев, гиляков и нивхов разведывательно-диверсионные подразделения. По мнению японцев, представители малых народностей являлись наиболее эффективными агентурными кадрами в связи с тем, что они были физически выносливыми, умеющими приспосабливаться к сложной обстановке, способными выжить в неблагоприятных условиях, в том числе без пищи и воды, хорошо ориентирующимися на незнакомой местности, прежде всего в сопках и тайге. Позднее японский опыт был востребован американскими спецслужбами, которые в начале 60-х гг. готовили для диверсий на дальневосточном театре военных действий специальные десантные группы из народностей Крайнего Севера, проходившие обучение на Аляске, в Южной Корее и на острове Гуам.

Опергруппы флотской контрразведки не имели списков лиц, подлежащих задержанию и пошли в своей работе по ложному пути массовых задержаний полицейских, жандармов и вспомогательного персонала жандармерии и полиции. На деле же оказалось, что разведывательную и контрразведывательную работу вела ЯВМ Карафуту, о которой органы военной контрразведки не имели никакого представления.

Отдел контрразведки «СМЕРШ» Сахалинской военной флотилии быстро перестроил свою работу и в сжатые сроки смог исправить ошибки первых дней. Одним из первых был выявлен и арестован японский агент И.Е. Беспальченко, который проходил по розыску и неоднократно забрасывался в СССР японской разведкой.

В конце сентября 1945 г. был задержан японец Хасимото Риндзо, являвшийся специальным агентом японской разведки. В 1940–1945 гг. ЯВМ Карафуту с контрразведывательной целью посадила на границе между Северным и Южным Сахалином своих агентов под «крышей» охотников-промысловиков. Эти «охотники» жили в тайге в специально построенных домах, снабженных телефонной связью с резидентом. В задачи им ставилось наблюдение за состоянием границы, за лицами, переходящими границу в оба направления, задержание этих лиц и доставка их к резиденту. Каждому «охотнику» был определен участок протяженностью три-пять километров в зависимости от рельефа. «Охотники» получали от ЯВМ денежное вознаграждение в размере 40–60 иен в месяц. Одним из таких «охотников» являлся Хасимото, поступивший на службу в ЯВМ по рекомендации хозяина магазина Хоригура, который дал рекомендательное письмо начальнику ЯВМ Ота. Последний принял Хасимото на работу, отвел ему участок и провел инструктаж. Хасимото был на связи у фельдфебеля Фукумото, который требовал задерживать русских разведчиков. Также Хасимото обеспечивал переброску японской агентуры на советский Сахалин.

Одновременно задержали японца Карасава, являвшегося резидентом ЯВМ. В его распоряжении был специальный дом, в котором проходили явки официальных сотрудников ЯВМ с охотниками. По поручению ЯВМ Карасава снабжал «охотников» деньгами, оружием, боеприпасами, продовольствием и т.п. Со всех домиков «охотников» была протянута тайная телефонная связь с Карасава, который ежедневно принимал доклады, обобщал их и докладывал в ЯВМ города Хутору. За свою шпионскую деятельность Карасава был приговорен к восьми, а Хасимото к десяти годам заключения.

Военная контрразведка флота многое сделала в войне с Японией в 1945 г. и полностью выполнила поставленные перед ней задачи по разгрому агентурной сети японских спецслужб на территории Кореи и Маньчжурии. Было разыскано и задержано свыше 500 сотрудников и агентов японской разведки, контрразведки и жандармерии, проведены операции по захвату архивов различных органов спецслужб Японии. Благодаря успешной деятельности контрразведки «СМЕРШ», ТОФ удалось решить главную задачу – ликвидировать органы японских специальных служб, которые в течение многих лет занимались организацией и осуществлением разведывательно-подрывной деятельности против нашей страны.

Документ эпохи

Директива

начальника Отдела контрразведки «СМЕРШ» ТОФ от 14 мая 1945 г.

Разведки иностранных государств в своей враждебной деятельности против Советского Союза исключительное внимание уделяют вопросу внедрения своей агентуры в штабы и разведорганы Красной Армии и Военно-морского флота как места, откуда можно почерпнуть наиболее полные и ценные разведданные. Учитывая это обстоятельство, начальники органов «СМЕРШ» обязаны повседневно в практической работе требовать от каждого оперативного работника детального изучения структуры всех особенностей обслуживаемого объекта, знания очередных задач, проводимых командованием, и направления секретного аппарата на вскрытие недочетов, влияющих на боеспособность части или дающих основание подозревать преступную или вредительскую работу вражеского элемента с тем, чтобы путем правильной организации наших контрразведывательных мероприятий парализовать деятельность агентуры иностранных иноразведок.

Мерзленко

Директива

начальника Отдела контрразведки «СМЕРШ» ТОФ от 28 июля 1945 г.

В целях активизации розыска агентуры японской разведки в дополнение моей директивы № 597 от 16 января 1945 г. предлагаю:

К 15 августа 1945 г. представить в ОКР «СМЕРШ» ТОФ по прилагаемой форме обстоятельные списки на следующий контингент лиц из числа военнослужащих и гражданского окружения во всех районах дислокации обслуживаемых вами частей:

1. Проживавшие на ДВК в период японской интервенции и имевшие общение с японцами.
2. Имеющие родственные и другие связи в Японии, Корее и Маньчжурии.
3. Имеющие связи среди белоэмигрантов за границей.
4. Принимавшие участие в белых бандах на ДВК и пособники этих банд.
5. Знающие уроженцев ДВК, ныне проживающих на территории Японии, Маньчжурии и Кореи.
6. Ранее бывавшие в Японии, Маньчжурии и Корее.
7. Имевших общение с японскими представителями на нашей территории после установления советской власти на ДВК (сотрудниками консульств, транзитниками и прочими). Весь учтенный контингент взять в активную оперативную разработку.

В целях установления возможного появления на нашей территории уроженцев ДВК, ныне проживающих за границей, проводить оперативную работы в вероятных местах их появления.

Впредь в отчетность о результатах розыска вражеской агентуры включать ход выполнения настоящей директивы.

Мерзленко

*Директива**начальника Отдела контрразведки «СМЕРШ» ТОФ от 3 августа 1945 г.*

На случай военных действий на Дальнем Востоке устанавливаю для периферийных органов следующий порядок оперативной отчетности перед ОКР СМЕРШ ТОФ.

Немедленно доносить шифром об активных контрреволюционных проявлениях и чрезвычайных происшествиях, как то: о фактах измены Родине, террористических и диверсионных актах, вредительской деятельности антисоветского элемента по срыву снабжения частей боеприпасами, горючим, продовольствием, снаряжением, о провалах боевых операций, об их причинах и виновниках, о случаях хищения, утери и пропаже важных секретных документов и шифров и мерах принятых по их розыску, о катастрофах самолетов и гибели кораблей, о массовых случаях отравления и эпидемических заболеваниях военнослужащих, а также вспышках эпидемии среди гражданского населения в районах расположения воинских частей, о фактах дезертирства и членовредительства, о бандпроявлениях и борьбе с ними, о распространении провокационных и панических слухов, антисоветских листовок и анонимок. Ежедневно доносить шифром результаты работы за истекшие сутки.

О произведенных отделами арестах, задержании агентуры противника и дезертирах, о полученных важных показаниях арестованных, о вскрытых антисоветских формированиях, вновь возникших агентурных разработках и полученных отделом агентурных и официальных данных, вскрывающих активные враждебные действия или намерения со стороны антисоветского элемента, о предупрежденных путем ареста или через командование намерениях и попытках к совершению измены Родине, террористических и диверсионных актов, дезертирства и вредительства.

Высылать спецсообщения о фактах трусости и паникерства военнослужащих и о мероприятиях по их предупреждению, а также спецсообщениями по другим наиболее важным вопросам боевой жизни частей, представляющим оперативно-чекистский интерес.

Не реже одного раза в месяц представлять спецсводки по агентурным разработкам, стоящим на контроле в ОКР СМЕРШ ТОФ. По остальным делам оперативного учета спецсводки высылать по мере получения новых данных об антисоветской деятельности разрабатываемых.

Ежемесячно к 25 числу высылать докладную записку об агентурно-оперативной работе по пресечению деятельности агентуры противника. В докладной записке отражать мероприятия отдела по организации розыска агентуры разведывательных и контрразведывательных органов противника, выявления шпионского элемента и мероприятия по его разработке, проведенные дела по шпионажу, мероприятия по организации контрразведывательной и зафронтальной агентуры и работы с ней.

К тому же сроку высылать докладные записки: а) о борьбе с изменой Родине и предательством, б) о борьбе с террором, в) о борьбе с дезертирством и членовредительством.

В докладных записках сообщать обобщенные данные о наличии среди военнослужащих изменнических, террористических и дезертирских намерений и настроений, мероприятия по их предупреждению и состояние агентурной разработки лиц, взятых на оперативный учет по этим окраскам. Порядок отчетности по следственным делам остается прежним.

Мерзленко

Наркому ВМФ СССР
адмиралу флота Кузнецову

Докладная записка

*«О мероприятиях ОКР СМЕРШ ТОФ в период военных действий
против Японии»*

В целях нанесения удара по разведорганам Японии, вскрытия японской агентуры, засланной и насажденной на территории СССР, а также разгрома белоэмигрантских организаций, проводивших подрывную антисоветскую деятельность, выявления и ареста изменников Родины, бежавших из Советского Союза невозвращенцев, нами созданы и направлены на территорию Кореи и Южного Сахалина 5 оперативных групп: одна в количестве 8 оперативных работников во главе с подполковником Храповым в район Юки-Расин и две в количестве 5 оперативных работников во главе с капитаном Севериным в порт Сейсин. Еще одна опергруппа из 5 оперативных работников направлена в занятый частями СТОФ Южный Сахалин. Возглавляет ее капитан Новицкий. Пятая оперативная группа из 8 оперативных работников направлена в Харбин.

Кроме этого с десантными и другими частями флота, действующими в Корее, Маньчжурии (Хунчунь) и на Южном Сахалине, убыли обслуживающие их оперативные работники, перед которыми поставлены задачи наряду с обеспечением государственной безопасности частей проводить работу в указанном выше направлении.

Для руководства и координации работы оперативных групп и оперативных работников, обслуживающих части, в Корею направлен мой заместитель полковник Ларионов.

Приняты меры к усилению розыскной работы по выявлению и задержанию агентуры противника и других преступников».

23 августа 1945 г.

Мерзленко

Директива

начальника Отдела контрразведки «СМЕРШ» ТОФ от 31 августа 1945 г.

Анализ первых дней работы оперативных групп и отделов, находящихся на территории противника, занятой нашими войсками, показывает, что некоторые органы, видимо, не знают структуру японских разведывательных органов и их линий подрывной деятельности против СССР, поэтому проводят работу только по линии задержания сотрудников полиции, работая над которыми ничего ценного для нас не достигают.

В связи с этим для ориентировки и руководства в работе, кратко разъясняю структуру японских разведывательных органов, действовавших против Советского Союза.

Главными центрами в системе японской разведки являются Генеральный штаб и Морской генеральный штаб, которые концентрируют в своих разведывательных отделах все поступающие к ним от других, формально неподчиненных им, центров разведки (Министерство иностранных дел, Военное министерство и т.п.) материалы военно-оперативного характера.

1. Основным разведывательным центром Генерального штаба является 2-й отдел, эти же отделы в армиях руководят работой разведывательных секторов войсковых соединений и ча-

стей, входящих в данную армию, и держат оперативный контакт с так называемыми «органами специальной службы» – органами заграничной разведки (токумукикан), находящимися в зонах расположения армий. Органы специальной службы (военные миссии) занимаются проведением провокаций, организацией восстаний (в Китае, Корее), террористических актов, диверсий, созданием банд, подготовкой разведчиков и заброской их на нашу сторону. Они поддерживают тесную связь с тайными организациями воров, контрабандистов, содержателей притонов, аферистов и т.п., используя их в своих целях.

Органы специальной службы имели свои филиалы вдоль всей границы Маньчжурии, в Корее и на Сахалине, и руководили работой подчиненных им отдельных резидентур в виде фиктивных фирм, ассоциаций и т.п. Так, например, в портовых городах Кореи (Расин, Юки, Сейсин) ими проводилась разведывательная работа против нас под крышей «опытных станций рыбопромышленности».

Военные атташе и официальные резиденты военно-воздушного и военно-технического управлений.

2-й отдел Генштаба использовал в разведывательных целях:

а) осведомительно-исследовательские отделы ЮМЖД и заграничных представителей ЮМЖД;

б) заграничных представителей печати;

в) Маньчжурскую золотодобывающую акционерную компанию;

г) японские военно-фашистские организации, имеющие зарубежные отделы (Промышленная партия «Сэйсанто», группа справедливости «Сэйгидан», Ассоциация государственной основы «Кокухонся», бывшие члены общества «Кокурюкай»);

д) культурно-просветительные организации за пределами Японии (Дзэнрин-кёкай, Мококэнкюкай, Маммо Кёкай);

е) религиозные организации, действующие за пределами Японии (секта Оомото, секта Тэнри, Ничирэн, Сингон, Хоккё, Дзэн), которые, наряду с прояпонской проповеднической деятельностью, используются в качестве резидентур.

2. Разведывательную деятельность Морской генеральный штаб (3 отдел) проводит через морские атташаты при посольствах и разведывательные сектора морских баз.

Наряду с этим использует следующие линии:

а) заграничные представительства частных фирм;

б) концессионные предприятия и эксплуатационные группы Министерства земледелия и лесоустройства (на территории СССР использовались Северо-Сахалинская нефтяная концессионная компания «Китакарафутосэкию», Северо-Сахалинская угольная концессионная компания «Китакарафутосэкитан», объединение рыбопромышленников «Ничиро гёгё кайся»).

3. Разведывательную деятельность проводит Министерство иностранных дел Японии через своих дипломатических и консульских работников, а также таких работников других стран.

В составе Министерства иностранных дел разведывательные функции выполняют два отдела: информационный отдел (дзёхобу) и осведомительно-исследовательский отдел (чёсабу).

4. Активная разведывательная деятельность японцами проводится через экономическую разведку – Министерство торговли и промышленности, используя с этими целями коммерческих атташе при посольствах, заграничные представительства крупнейших концернов, банков и различных экспортно-импортных предприятий (концерны «Мицуи» и «Мицубиси», «Июогама спешиял банк», Японский государственный банк, Корейский банк «Чёсэн гинко», текстильные компании «Канэгафучи» и «Тоё босэки»).

5. Японской разведкой используются для разведывательных целей созданные японцами в Маньчжурии и Корее военно-полицейские разведывательные аппараты, возглавляемые японцами.

Контрразведывательный аппарат Японии:

1. Министерство внутренних дел, при котором имеется департамент полицейской охраны (кэйхокёку). По линии контрразведки работают два отдела данного департамента: иностранный отдел (гайдзика) и отдел тайной полиции (токкока).

При генерал-губернаторстве в Корее отдел тайной политической полиции имеет свои специальные резидентуры в пограничных районах Северной Кореи, которые также ведут разведывательную деятельность против СССР.

2. Жандармерия, которая подчинена Военному министерству, ее основными функциями является борьба с иностранным шпионажем в зоне расположения частей и с политически неблагонадежными элементами в армии.

Наряду с этими основными функциями, японская жандармерия проводит активную разведку за рубежом через жандармские филиалы при отдельных армиях и дивизиях.

Основными кадрами агентуры, используемой японскими разведывательными органами для засылки в Советский Союз наряду с японцами, корейцами и китайцами, являются русские белоэмигранты.

Белоэмигрантские организации целиком состоят на службе у японской разведки и поставляют ей шпионские, диверсионные, террористические и другие кадры для использования против СССР.

Таковыми организациями являются:

а) Российский общевоинский союз, возглавлялся белыми генералами – Акинтьевским, Кислицыным, Рачковым, Кузьминым и др.;

б) Союз возрождения России, возглавлял генерал Коснин;

в) Российский фашистский союз, возглавляет Родзаевский;

г) Фашистская группа Вонсяцкого;

д) Братство русской правды, возглавляли в разное время генерал Краснов, белые офицеры А.Н. Кольберг, С.А. Соколов-Кречетов, А.П. Ливен, генералы Бурлин, Хорват, офицеры Ларин, Пурин, Гаврик, Кобылкин, Преладов, Кустов и другие;

е) Союз мушкетеров;

ж) Христианский союз молодых людей, возглавлялся японским шпионом Грызловым;

з) Дальневосточный союз военных, возглавлял генерал Семенов;

и) Бюро по делам русских эмигрантов;

к) белоэмигрантские националистические организации: «Украинская просвита», грузинская «Саэрто», армянская «Миютюн».

Ориентируя о разведывательных органах Японии, предлагаю:

1. Принять активные меры розыска и задержания гласных сотрудников японских разведывательных органов и их агентуры, используемой для шпионской, диверсионной, террористической и другой подрывной деятельности против СССР.

2. Лиц, уличенных в шпионаже, терроре и диверсии и другом, подвергнуть аресту.

3. Основной упор в работе над арестованными и задержанными должен быть взят на вскрытие агентуры, насажденной Японией в Советском Союзе (армии, флоте). Настоящую директиву-ориентировку изучить со всем оперативным составом.

Мерзленко

*О работе органов «СМЕРШ» на территории,
освобожденной от противника*

30 августа 1945 г. № 10758.

Всем начальникам отделов
и опергрупп ОКР «СМЕРШ» ТОФ

Территория, освобожденная Красной Армией и Военно-морским флотом от противника, представляет собой базу весьма удобную для ведения интенсивной антисоветской работы оставленных в тылу наших войск шпионов, диверсантов и террористов, состоящих на службе японской и других иностранных разведок.

Во время отхода японских войск в Корею, Маньчжурии, Сахалине и Курильских островах японская разведка безусловно оставила кадры своей агентуры с заданиями подрывной деятельности против СССР, как непосредственно против частей флота, так и для проникновения вглубь Советского Союза.

Как японская агентура, так и оставшиеся на территории, занятой нашими войсками, представители всяких антисоветских организаций в первые же дни будут перестраиваться, уходить в глубокое подполье, организовывать явочные квартиры, налаживать технику связи, создавать склады оружия и т.п.

Оставленная противником агентура будет прибегать под всяким благовидным предлогом к завязыванию связей с нашими военнослужащими. К расспросам их о численности частей Красной Армии и Флота, о состоянии боевой техники, дисциплине, оборонных предприятиях и другом.

Японская разведка через свою агентуру прибегает и будет прибегать к совершению террористических актов над офицерским составом и другими военнослужащими, отравлению их, минированию дорог, поджогам, распространению антисоветских листовок среди наших военнослужащих и местного населения.

В целях своевременного пресечения подрывной деятельности японской и других разведок, антисоветских организаций и охраны государственной безопасности кораблей и частей флота, находящихся на территории освобожденной от противника, предлагаю:

1. Активизировать агентурно-оперативную работу по розыску и аресту шпионов, диверсантов, террористов, изменников родины, предателей, лиц занимающихся бандитизмом.

Эту задачу необходимо решить путем:

а) розыска и захвата секретных документов архивов разведывательных и контрразведывательных органов Японии и контрреволюционных организаций, обработки и их использования по розыску агентуры;

б) розыска гласных и негласных работников разведывательных и контрразведывательных органов, руководящего состава белоэмигрантских и других контрреволюционных организаций через агентов-опознавателей и другими путями;

в) первичных допросов военнопленных японцев, могущих показать об интересующих нас лицах.

2. Срочно активизировать организацию агентурного обслуживания населения, для чего тщательно проинструктировать нашу агентуру из числа военнослужащих на изучение и разработку окружения выявления связей военнослужащих с окружением.

Наряду с этим приступить к вербовке агентуры из местного населения, в первую очередь из числа заявителей, обращающихся к военным комендантам и стремящихся помочь нам. При этом учитывать, что если к одной части этой категории людей (заявителей) можно относиться как к людям истинно желающим помочь нашим войскам, то к другой части «заявителей» отношение должно быть весьма осторожным и критическим, имея в виду то, что они могут быть специально подсланы японской разведкой, чтобы войти к нам в доверие.

Следующий контингент лиц для вербовки – рабочие предприятий, которых использовать для получения данных об оставленной японцами агентуре, членах контрреволюционных организаций и наводящих данных в отношении лиц, представляющих интерес с точки зрения их дальнейшей разработки.

Необходимо также подбирать для вербовки лиц из числа выявленного подучетного, элемента в той или иной мере причастного к контрреволюционной деятельности, или скомпрометировавших себя службой в пользу Японии. Среди них вербовать агентов в качестве внутренних. И, наконец, в качестве внутренних следует вербовать лиц из числа участников контрреволюционных групп и организаций и отдельных сотрудников разведывательных и контрразведывательных органов Японии.

Вербовки внутренних проводить с моей санкции, запрашивая об этом шифром. Такая категория агентуры во избежание предательства с ее стороны, как правило, должна быть обеспечена тщательным агентурным наблюдением при помощи контрольной агентуры и проверке ее данных.

3. Улучшить руководство агентурой из числа военнослужащих по активизации разработки подучетников в частях с целью своевременного пресечения их преступной деятельности, особенно лиц, подозрительных по шпионажу, террору и диверсии.

Полностью прикрыть агентурой объекты, опасные в диверсионном отношении (штабы, склады, корабли, столовые и т.п.).

4. Через командование частей и соединений усилить охрану в частях ТОФ, бдительность среди личного состава и ограничить возможность общения военнослужащих с местным населением.

Настоящую директиву проработать со всем оперативным составом.

Мерзленко

Директива

начальника Отдела контрразведки «СМЕРШ» ТОФ от 8 августа 1945 г.

Окончание войны с фашистской Германией не только не уменьшает задач, стоящих перед органами «СМЕРШ», но, напротив, эти задачи, особенно перед отделом контрразведки «СМЕРШ» ТОФ, значительно возрастают. Рост и серьезность задач в новой обстановке определяется тем, что: а) разбитый германский фашизм в открытой вооруженной борьбе будет прибегать через свою агентуру к самым коварным и подлым способам борьбы против Советского Союза и его вооруженных сил – террору, диверсиям, шпионажу, провокации и др.; б) японский империализм, верный союзник фашистской Германии и еще до ее краха обреченный на полный разгром, прибегает и будет прибегать к засылке своей агентуры в СССР, и в первую очередь на Дальний Восток, и активизации подрывной деятельности имеющейся здесь агентуры; в) пребывание большого количества наших военнослужащих и моряков торгового флота в США и Канаде дает большие возможности американской и английской разведкам для насаждения своей агентуры среди наших людей; г) остатки контрреволюционных элементов внутри страны, делавшие ставку на победу фашистской Германии над СССР и лишённые этой надежды, также в бессильной злобе будут прибегать к более острым формам борьбы против нашего государства. Все это требует от всего оперсостава ОКР «СМЕРШ» ТОФ решительно покончить с позорным отставанием в решении главных задач по вскрытию и пресечению подрывной деятельности агентуры иностранных разведок.

Мерзленко

Директива

начальника Отдела контрразведки «СМЕРШ» ТОФ от декабря 1945 г.

Согласно ориентировке Управления контрразведки НКВМФ «СМЕРШ» разведывательные органы иностранных государств для переброски своей агентуры в целях шпионажа как на территории Советского Союза, так и на территории других государств, где дислоцируются части Красной Армии и военно-морского флота, используют благоприятные для этой цели возможности передвижения по дорогам на автомобильном и гужевом транспорте.

По имеющимся данным, водители автомашин, принадлежащих флотам, флотилиям и управлению тыла военно-морского флота, а также работники связи, особенно частей, находящихся на территории Германии, Польши, Румынии, Болгарии, Австрии, Венгрии, Маньчжурии и других, совершенно свободно за соответствующее вознаграждение провозят на своих машинах через границы любого гражданина или гражданку, в том числе различного рода спекулянтов, явно сомнительных лиц, а среди них могут быть, и несомненно есть, шпионы. В условиях Тихоокеанского флота не исключена возможность проникновения таким образом агентуры иностранных разведок.

1. По грунтовым дорогам со стороны Кореи и Маньчжурии.
2. На транспортах и кораблях флота из портов Кореи, Маньчжурии, Южного Сахалина и Курильских островов.
3. Агентура американской и других разведок через демаркационную линию в Корее в пункты дислокации частей ТОФ.
4. Используя физическую маскировку, агентура японской разведки из числа японцев, корейцев и китайцев может проникать в северные районы Дальнего Востока под видом орочей и других народностей.
5. Переход через границу скрытно, а затем продвижение вглубь нашей территории транспортом и другими средствами.

В целях предотвращения проникновения агентуры иностранных разведок на территорию СССР транспортными средствами частей и соединений ТОФ предлагаю:

1. Немедленно тщательно изучить вопрос о движении транспорта, принадлежащего вашему соединению, по грунтовым дорогам за границу и обратно (Корея, Маньчжурия), движение работников связи, движение транспортов, кораблей и самолетов и разработать специальные агентурно-оперативные мероприятия, направленные на предупреждение проникновения агентуры и разведок в СССР через границу сухопутным, водным и воздушным путем.
2. При организации агентурно-оперативной работы необходимо создать такие условия, при которых ни один шпион не мог бы безнаказанно передвигаться с преступными целями на машинах и другом виде транспорта, принадлежащего вашему соединению.
3. Поставить перед командованием вопрос о необходимости усиления воспитательной работы среди шоферов по повышению их бдительности и об улучшении работы контрольно-пропускных пунктов.

4. Всех лиц, замеченных в перевозке на машинах посторонних граждан через командование, привлекать к строгой ответственности.

Отстранять от работы на КПП лиц, не внушающих доверия и не обеспечивающих бдительного несения службы.

5. Установить тесный контакт с соответствующими органами «СМЕРШ» НКО, обслуживающими свои КПП.

6. Лиц, пытающихся пробраться через государственную границу и перешедших ее, задерживать и подвергать их тщательной всесторонней проверке и допросу. О каждом задержанном доносить мне шифром.

7. Начальникам отделов «СМЕРШ» ТОФ, дислоцирующихся в Корее, Маньчжурии, на Южном Сахалине и Курильских островах, через оперативный состав и погранвойска обеспе-

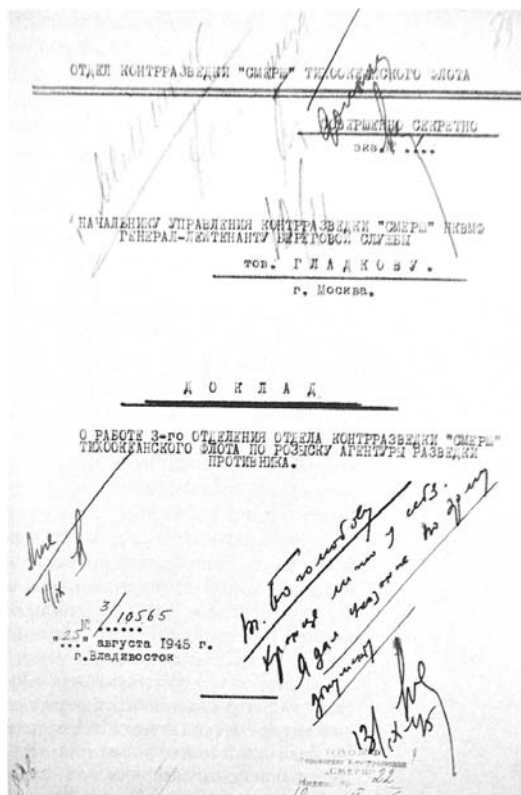
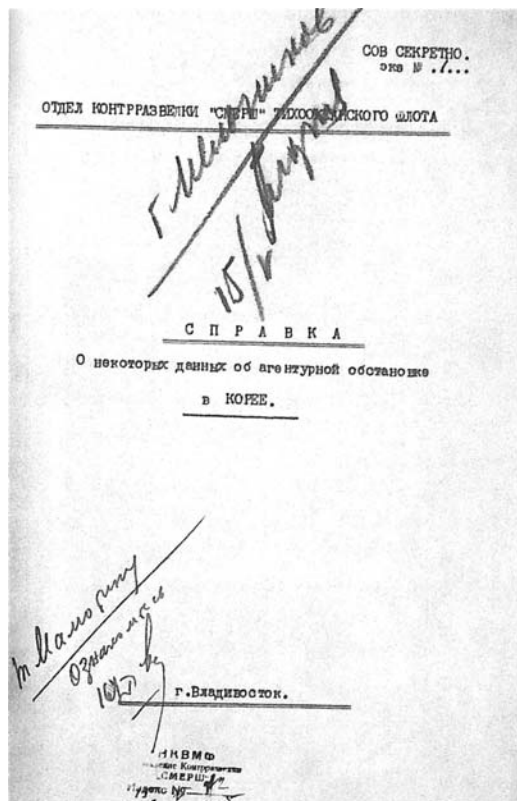
читать недопущение перевозки на транспортах, кораблях флота и самолетах идущих в СССР посторонних лиц; при посадке таких лиц на корабли, самолеты или попытки к этому задерживать и подвергать всесторонней проверке, одновременно выявляя лиц из числа военнослужащих, содействовавших выезду того или иного лица.

8. Начальникам всех органов «СМЕРШ» активизировать агентурно-оперативную работу среди окружения:

а) начальникам отделов, дислоцирующихся в СССР, особое внимание обратить на разработку лиц из гражданского окружения, бывших ранее за границей, имеющих там родственников и знакомых, с целью выявления возможного появления к ним агентов иностранных разведок.

б) начальникам отделов, дислоцирующихся в Корее, Маньчжурии, на Южном Сахалине и Курильских островах, через агентуру из окружения вскрывать факты перехода на нашу сторону японцев, корейцев, белоэмигрантов и других лиц, принимая немедленные меры к их розыску, а также выявляя лиц, готовящихся к переходу границы СССР, принимая своевременные меры к их задержанию и установлению целей перехода.

9. Установить тесный контакт с транспортными органами НКГБ, с военными комендантами на железнодорожных станциях с целью задержания шпионов, проникших на нашу территорию.

11.09.45

362

№ 11087

сов. секретно

экз. №... 2

НАЧАЛЬНИКУ УПРАВЛЕНИЯ КОНТРАЗВЕДКИ НКВМФ "СМЕРШ"
ГЕНЕРАЛ-ЛЕИТЕНАНТУ БЕРЕГОВОЙ СЛУЖБЫ

тов. ГЛАДКОВУ.

г. Москва.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

О недочетах в работе разведывательного отдела штаба Тихоокеанского флота.

В работе разведывательного отдела штаба Тихоокеанского флота, недочеты о которых мы сообщали Вам №№ I-2I40, I-5I74 до сего времени остались не изжитыми, руководство разведотдела по прежнему не осуществляет достаточного контроля и помощи в работе подчиненному ему оперативному составу, в результате чего работа разведотдела стоит на низком уровне, не отвечает требованиям настоящего дня.

Членам Секретной Комиссии Политбюро ЦК
т.т. Молотову, Ворошилову, Кагановичу Л.
Бжову.

Предлагаю обязать НКОб расследо-
вать дело и доложить о результатах в ЦК.

112 113

И. Г. Гинзбург

Политбюро ЦК
5. АРГ 1987

Вх № 2345 6. АЛБ. АЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ.

7. УП, неответившим шквалом силой 11 баллов в авиачастях
полномехи. 3 самолетов МЕР. Поломанные самолеты все
требуют капитального ремонта.

Причиной поломки самолетов явилось:

1) Несоответствующее крепление самолетов, рассчитанное
на силу ветра не более 9 баллов и нарушение инструкции креп-
ления; 2) не было контроля со стороны командира эскадрильи
Козлова и инженера Викторова за креплением самолетов. Самоле-
ты привязывались к камням, последние при ветре от качания
самолетов рассыпались; 3) самолеты стояли в ангаре с откры-
тыми воротами; 4) дежурный аэродрома не вызвал своевременно ава-
рийную команду; 5) большая загруженность аэродрома и скучен-
ность самолетов на маневренной площадке.

Расследованием установлена виновность: командира эскад-
рильи - капитана Козлова, невыполнившего указаний о проверке
крепления самолетов, в связи с наступающим штормом, о чем он
был своевременно предупрежден дежурным по аэродрому и авиатех-
ника Колисова, который, зная о надвигавшемся шторме, не при-
нял мер к креплению самолетов и не вызвал аварийную команду.

НАЧАЛЬНИК 5 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД СССР
НИКОЛАЕВ.

1. VII. 37г.
№ 58841

8. аф

 СССР
 НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
 ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА.
 Третий Отдел
 Тихоокеанского Флота
 17 сентября 1941 г.
 г. Владивосток

Вх. № 20 IX 1941
 Входящий № 3625/сс
 на № 1941
 При ответах ссылаться на № и число

Подлежит возврату
 в особый сектор
 Литер. 20/1941

СОВ. СЕКРЕТНО

Т. Назаров
 Т. Барков
 Т. Юдин

СЕКРЕТАРЬ КРАЕВОГО КОМИТЕТА
 ТОВ. БАРКОВУ.
 г. Хабаровск.

Краткое содержание:

Предписанием 3-го Управления Народного Комиссара Военно-Морского Флота, 3-му Отделу ТОФ подлежит немедленно подготовить организацию сети военной цензуры и подобрать штат работников. Сеть должна войти в действие по особому распоряжению центра.

В соответствии с утвержденными Наркомом ВМФ штатами и сетью полевой почты Тихоокеанского флота, кроме других пунктов /по территории Приморского края/ надлежит организовать группы военной цензуры в г. Николаевске н/Амуре, Де-Кастри, Петропавловске на Камчатке, Магадане и Охотске.

Штат каждой группы должен состоять из старшего уполномоченного, 3-х контролеров и 2-х младших контролеров.

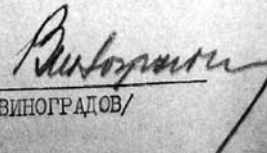
Комплектование штата контролеров и младших контролеров должно пройти за счет выделения на эту работу проверенных, преданных, политически развитых и общеобразовательно грамотных членов ВКП/б и ВЛКСМ.

Приморский Краевой Комитет ВКП/б, по указанным выше пунктам, расположенным на территории Хабаровского края, выделить работников не может.

В соответствии с разъяснением 3 Управления ВМФ ТОФ, прошу Ваших распоряжений о быстрейшем выделении местными партийными и комсомольскими организациями, необходимого количества коммунистов и комсомольцев для комплектования штата контролеров военной цензуры.

До введения в действие сети военной цензуры по Тихоокеанскому флоту, выделенные товарищи будут работать на прежних должностях.

Для практического разрешения вопросов местные партийно-комсомольские организации должны увязаться соответственно с 3-ми отделениями Военно-мор. баз и Секторов ТОФ.

НАЧАЛЬНИК 3-го ОТДЕЛА ТОФЛОТА
 ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР:
 /ВИНОГРАДОВ/

2-ВЛК

сов. секретно

экз. №...

Д О К Л А Д

ОБ ИТОГАХ КОНТРАРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ОТДЕЛА
КОНТРАРАЗВЕДКИ МГБ ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА ЗА 1946
ГОД ПО БОРЬБЕ С АГЕНТУРОЙ ИНОСТРАННЫХ РАЗВЕДОК
И ЗАДАЧАХ ПО ВЫПОЛНЕНИЮ ПРИКАЗА МИНИСТРА ГОСУ-
ДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗА ССР № 0048 от
2-го февраля 1947 года.-

Контрразведывательная работа в 1946 году нами прово-
дилась в период победоносного окончания нашей Родиной
Великой Отечественной войны, в которой советский народ,
его вооруженные силы разгромили фашистскую Германию и
империалистическую Японию.

Советский народ в 1946 году отдавал свои силы мирному
труду, восстанавливал народное хозяйство, разрушенное
немецко-фашистскими варварами. Наша страна зажила мирной
жизнью.

Органы Государственной Безопасности, призванные пар-
тией, правительством и советским народом для охраны безо-
пасности советского государства, всегда находились и долж-
ны находиться в состоянии борьбы с иностранными разведы-
вательными органами, как в период войны, так и в мирное
время, поэтому наши задачи по борьбе с агентурой иностран-
ных разведок после окончания войны остаются в существе

1.7. А.В. Полутов. Переплетение судеб: советский военный контрразведчик Михаил Крыгин и японский разведчик Минодзума Дзюндзи

В 1965 г. городские власти Владивостока приняли решение: «В ознаменование 20-летия со дня Победы над фашистской Германией и увековечения памяти героев дальневосточников, павших смертью храбрых в боях Великой Отечественной и гражданской войны, исполнительный комитет владивостокского совета депутатов трудящихся решил: переименовать улицу Экспортную Фрунзенского района в улицу имени Героя Советского Союза лейтенанта Михаила Крыгина».

Биографию Михаила Петровича Крыгина можно назвать обычной для тех лет. Родился Михаил 25 июля 1918 г. в селе Кабановка Куйбышевской области. В 1925–1934 гг. он учился в школе и, окончив семилетку, пошел работать в типографию газеты политотдела МТС, а затем трудился еще на нескольких печатных предприятиях Куйбышевской области.

В 19 лет Михаил вступил в комсомол, а через два года, в 1939 г., был призван на Тихоокеанский флот. Во Владивостоке Михаил Крыгин окончил курсы младших командиров и проходил службу в 39-м отдельном батальоне морской противовоздушной обороны и через некоторое время был назначен на должность помощника политрука.

Когда началась Великая Отечественная война, Михаил Крыгин служил на батарее 68-го зенитного артиллерийского дивизиона учанского базового района ПВО флота. Несколько раз он писал рапорт с просьбой отправить его с маршевыми батальонами на фронт, но всякий раз получал отказ. 8 апреля 1943 г. Михаил Крыгин написал рапорт в особый отдел: «Настоящим прошу Вас зачислить меня в органы Особого отдела НКВД, так как я имею большое желание быть оперативным работником и вести борьбу с контрреволюцией, шпионажем, с врагами Советской власти. В дни, когда советский народ занят Великой Отечественной войной и живет единой мыслью – изгнать немецко-фашистских захватчиков с нашей территории, я обязуюсь, не щадя своих сил и жизни для блага советской Родины, оправдать высокое звание чекиста. Прошу Вас не отказать в моей просьбе». Руководством военной контрразведки флота было принято положительное решение и после окончания краткосрочных курсов подготовки оперативного состава Михаил Крыгин был назначен оперуполномоченным отдела контрразведки «СМЕРШ» Владимиро-Ольгинской ВМБ ТОФ.

Как вспоминал один из его сослуживцев, «Крыгин никогда не жаловался на трудности, хотя порученный ему участок работы отличался разбросанностью объектов оперативного обслуживания на сотни километров. Несмотря на отсутствие транспорта, он регулярно бывал на всех объектах, знал оперативную обстановку на них, поддерживал тесную связь с командованием, оказывая действенную помощь в укреплении боеготовности».

Товарищи, знавшие его по работе в этом подразделении, вспоминали о Михаиле Крыгине как о трудолюбивом и оптимистичном человеке, которого знали и уважали командиры, офицеры и личный состав. Позже его сослуживцы рассказывали: «В отдел военной контрразведки он всегда являлся бодрым, докладывал о проделанной работе и вновь отправлялся в путь. Вспоминается и такой случай, свидетельствующий о его

смелости и выносливости. В марте 1944 г., решив сократить путь из подразделения в отдел, он ночью пошел напрямик по заливу, но, не рассмотрев полосу взломанного прошедшим кораблем льда, в шубе и валенках провалился под лед. Не растерялся, выплыл к кромке льда и около семи километров бежал, чтобы не замерзнуть, до отдела. Часа два терли его снегом, чтобы предотвратить заболевание, но на другой день он заявил, что сделал из происшедшего один вывод – «Очень полезно купаться зимой».

Во время службы в отделе контрразведки «СМЕРШ» Владимиро-Ольгинской ВМБ Михаил Крыгин впервые показал свои незаурядные оперативные способности. В личном деле Крыгина имеется запись о том, что «в результате правильной организации оперативной работы им была вскрыта преступная деятельность враждебно настроенных лиц, проникших на военную службу, которые пытались сколотить в одной из частей антисоветскую группу с целью измены Родине. Трем из этих преступников удалось с оружием скрыться в тайге, однако Крыгин, возглавив одну из оперативно-розыскных групп, длительное время преследовал бежавших и вынудил их к явке с повинной».

Вскоре Михаила Крыгина перевели в отдел контрразведки «СМЕРШ» островного сектора береговой обороны Владивостокского морского оборонительного района Тихоокеанского флота на острове Русский. Заместитель начальника отдела подполковник Платошин так характеризовал Крыгина: «Он был молодой, энергичный, веселый офицер. Будучи хорошо развитым, словоохотливым, он пользовался уважением товарищей по работе в особом отделе, уважением личного состава воинской части, которую он, как уполномоченный особого отдела, обслуживал. А обслуживал он крупнокалиберную батарею береговой обороны, которую называли Ворошиловской».

Михаил Крыгин не признавал кабинетной работы. Его знали во многих частях и подразделениях острова Русский. За один день он спокойно мог появиться в нескольких частях, расположенных в разных точках сектора. Михаил легко находил язык со всеми, от старших офицеров до матросов. Как свидетельствовали знавшие его лично, «это был всегда жизнерадостный, веселый и общительный человек. Он горячо любил свою Родину – Советский Союз, постоянно заботился об укреплении мощи Вооруженных Сил и отдавал все свои способности и знания делу обеспечения государственной безопасности на участке, который ему был поручен. В работе он проявлял смелость, находчивость, принципиальность, а в повседневной жизни Михаил отличался чуткостью к товарищам. Он мог отдать все свое, даже последнее, если считал, что нужно помочь. Не терпел хлюпиков и подхалимов. Прямо, а иногда и резко критиковал сослуживцев за их ошибки, не терпел обмана».

Когда в августе 1945 г. СССР вступил в войну с Японией все работники ОКР «СМЕРШ» ТОФ уже находились на военном положении и ночевали у себя в кабинетах в ожидании боевого приказа. Михаила Крыгина и его сослуживца Николая Семина вызвал к себе заместитель начальника Отдела контрразведки «СМЕРШ» ТОФ полковник С.А. Ларионов и поставил перед ними боевую задачу: «Завтра торпедные катера высадут первую группу десанта в корейский порт Сейсин. Это последняя крупная база снабжения и эвакуации японских войск и важный транспортный узел, которым должны овладеть десантники. У вас задача особая – захватить японскую военно-морскую миссию, где расположена база японского резидента Минодзума».

Этот кадровый японский разведчик был хорошо известен дальневосточным чекистам еще со времен гражданской войны и иностранной интервенции на Дальнем Востоке. После ухода в 1922 г. японских войск из Владивостока Минодзума остался в городе и вел разведывательную работу до своего ареста органами ГПУ 25 апреля 1926 г., а затем выдворен из страны.

В начале 30-х гг. капитан 1 ранга Минодзума был назначен начальником японской военно-морской миссии в корейском порту Сейсин. В спецсообщениях военной контрразведки ТОФ отмечалось: «Военно-морская миссия в Сейсине имеет в качестве основного направления своей разведывательной деятельности Тихоокеанский флот. Также установлено, что ВММ ведет активную разведку советского побережья, начиная от реки Тюмень-Ула и выше на север при помощи рыболовецких шхун, специально имеющих для этого в распоряжении миссии. С этих шхун производились фотосъемки и наблюдение за советским побережьем. Разведку вели капитаны, специально подобранные и завербованные начальником ВММ».

Было также установлено, что «кроме разведки побережья Сейсинская военно-морская миссия вела и радиоразведку. С этой целью недалеко от квартиры Минодзума был установлен радиопередатчик, на котором работали русские, дети эмигрантов. Они производили подслушивание и перехват Владивостокской и Хабаровской широковещательных радиостанций должностных лиц, а также перехват работы военно-морских станций во время учений и маневров частей и кораблей флота».

Позже на допросе сотрудник Сейсинской военно-морской миссии поручик Аидзава Нобукико показал: «Еще до работы в миссии мне приходилось читать донесения, которые поступали от Минодзума. В них в основном содержались данные радиоперехватов об учениях авиации и кораблей ТОФ, о движении транспортов США во Владивосток, а также данные разведки по Советскому Приморью в районе Посыета».

Под началом Минодзума радиоперехватом занимались русские эмигранты из семьи известного приморского предпринимателя Янковского, которые, находясь в эмиграции, работали в японской военно-морской разведке, затем служили переводчиками в контрразведке «СМЕРШ» флота и армии после освобождения Кореи, а в 50-е годы двое Янковских были сотрудниками ЦРУ.

Т.П. Янковская, занимавшаяся под началом Минодзума радиоперехватом, вспоминала о своей первой встрече в 1943 г. с японскими разведчиками: «Они меня привели к себе и спросили: «Вы писать по-русски хорошо умеете?» Я говорю: «Да». – «Ну вот и будете слушать радио из Владивостока и Хабаровска и фиксировать то, что вам укажут по расписанию». Ну, я знала, что этим когда-то занимались старшие братья, и говорю: «Но где же я буду жить?» – «А мы как раз строим там помещение, где вы и поселитесь. Там же будете и работать. Два раза в месяц вас будут отпускать к маме».

Мы не имели права ни в кино, ни куда-то еще идти, не спросив разрешения. Кроме того, я заметила, что, когда мы идем гулять, мы говорим, куда конкретно идем, и, когда возвращаемся, обнаруживаем, что у нас все вещи перевернуты – все обыскивали. Японцы остались мною довольны. У меня была серебряная медаль, я и читала, и слушала, быстро записывала. Я изобрела свой способ записывать информацию – лист делила на три части – в одной доклады, имена, фамилии, в другой даты, а в третьей города».

По свидетельству Т.П. Янковской, Минодзума был «страшный человек», которого боялись все, от девушек-японок, работавших в военно-морской миссии, до кадровых офицеров разведки: «Он был очень вежлив. В военной форме, говорил по-русски, правда, с ужасным акцентом, но говорил и понимал хорошо. «Садитесь, пожалуйста». Закурить предложил. Короче говоря, он вел себя как очень воспитанный человек, как офицер. Но вскоре после этой встречи все в корне поменялось. Когда я ходила к нему докладывать, он принимал меня на полу, сидя в японском халате и даже не застегнув брюки. И я не имела права стоять и говорить, потому что он сидел внизу, а я стояла вверх. Я должна была садиться, как японцы, – под себя подкладывать ноги и сидеть так 20, а то и 30 минут. Так, сидя, ему и докладывала. Он курил и пускал в мою сторону дым. И никогда больше не предлагал мне закурить. Он меня возненавидел только потому, что я русская».

Вот такого опытного кадрового разведчика и его резидентуру должны были захватить Михаил Крыгин и Николай Семин. На сборы у них ушло несколько минут, но домой в эту ночь они не пошли, а остались ночевать в здании ОКР «СМЕРШ» ТОФ. Утром, когда Крыгина представили морским пехотинцам, то по неуставному прорезиненному плащу, морской форме и фотоаппарату многие сочли его за корреспондента флотской газеты. Впоследствии командир одного из подразделений, участвовавших во взятии Сейсина, Герой Советского Союза подполковник Яроцкий вспоминал: «Старший лейтенант Крыгин произвел на меня хорошее впечатление, я подумал о нем: «Этот будет драться». Михаил Петрович офицером был молодым, не имел опыта ведения войны, и нас, участников Великой Отечественной, прибывших с Балтийского флота, он подробно расспрашивал как о морских боях, так и о тактике ведения десантных операций, элементарных правилах ведения уличного боя и других военных вопросах».

Позже Николай Семин вспоминал о событиях на пирсе перед отправкой: «Во время распределения десантов по катерам я должен был сесть на головной катер, а Крыгин на последний, но Михаил подошел ко мне и предложил сесть на последний катер, так как у него не было семьи, а у меня были жена и ребенок. Он имел в виду, что первый катер примет на себя основной бой, и если что случится, то пусть это произойдет с ним, а не со мной. Я отверг это предложение, и мы заняли места на катерах так, как это намечалось первоначально».

13 августа, когда под прикрытием дымовой завесы катера уже подходили к пирсам Сейсина, с берега внезапно ударила японская артиллерия и пулеметы. Последний катер, на котором вместе с десантом шел Михаил Крыгин, волнами от шедших впереди катеров бросило на мол. Из-за тумана и дымовой завесы часть десантников спутала мол с портовым пирсом и высадилась на берег. Вместе с ним на берегу оказался и Михаил Крыгин. В это же время командир катера, увидев, что до места высадки еще далеко, дал команду догонять передовые силы.

Высавившимся на мол десантникам нужно было любым способом прорваться к основным силам, но перед ними оказался хорошо укрепленный рубеж обороны противника. Большая группа японских солдат кинулась наперерез десантникам. Завязался тяжелый бой, но, несмотря на шквальный огонь, группа десантников продвигалась вглубь города. Участники этого боя вспоминали, что «Михаил всегда оказывался в тех местах, где было трудно его боевым товарищам, и своей беззаветной храбростью вдохновлял десантников на победу». Вскоре погибло несколько десантников, в том

числе командир отряда сержант Ушаков. Тогда Михаил Крыгин, как старший по званию, командовал прорываться к железнодорожной насыпи. К тому времени он вооружился автоматом одного из убитых бойцов.

Михаил Крыгин несколько раз поднимал десантников в атаку, и они неуклонно шли на соединение с основным отрядом, но с каждой минутой пробиваться становилось все труднее. На исходе были боеприпасы. Михаил Крыгин дал команду оставшимся в живых десантникам собирать оружие и боеприпасы погибших товарищей.

Японцы поняли, что группа малочисленна, и усилили свой натиск, бросив в бой свежие силы. Тогда Михаил Крыгин приказал оставшимся в живых отходить к гавани, а сам, собрав оружие и боеприпасы убитых десантников, остался прикрывать отход. В неравном бою он пал смертью храбрых.

В исторической литературе есть много описаний Сейсинской десантной операции, но ни в одном из них не упоминается этот бой и подвиг Михаила Крыгина. Его имя есть только в списках краснофлотцев, представленных к званию Героя Советского Союза. Известно лишь, что десантная операция, в которой принимали участие 140-й разведотряд в составе 60 чел. и 2-я рота 390-го батальона в составе 121 чел. под командованием начальника РО ТОФ полковника Денисина, прошла успешно.

Наверное, никто не возьмет на себя смелость определить, что важнее – выполнение служебного задания или же своего воинского долга. Именно такая дилемма всегда стояла перед военными чекистами всех поколений. Это было в годы Великой Отечественной войны, во время локальных конфликтов времен «холодной войны», в ходе антитеррористической операции в Чеченской республике. С уверенностью можно лишь сказать, что военные чекисты всегда выполняли и выполняют свой служебный и воинский долг до конца и иногда ценой своей собственной жизни.

Прах Михаила Петровича Крыгина покоится в братской могиле на одной из центральных улиц города Сейсина Корейской Народно-Демократической Республики. За проявленные бесстрашие и героизм в борьбе с японскими захватчиками Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 сентября 1945 г. лейтенанту Михаилу Петровичу Крыгину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Но вернемся к операции по поимке Минодзума. Николай Семин вместе с десантом высадился в Сейсине и сделал все возможное для выполнения боевого приказа: «После высадки основного десанта я приступил к выполнению задания. Вскоре при помощи местных жителей была задержана сотрудница Минодзума, радиоразведчица Татьяна Янковская. Она подтвердила место расположения штаба Минодзума, место его жительства, показала, где она зарыла радиоаппаратуру, пишущую машинку на русском языке, а также места нахождения документов. Вскоре был задержан второй сотрудник миссии из числа русских эмигрантов Семен Бирюков. Он дал показания, что в Сейсине несколько дней тому назад он видел адъютанта Минодзума. При помощи корейца Кима адъютант был задержан. На допросе он показал, что Минодзума во время высадки нашего десанта в своем рабочем кабинете второпях сжигал большое количество документов, после чего поджег японский флаг миссии и поднял его на древке. После этого он сбежал с семьей в сторону города Канко, где впоследствии и был нами задержан. Таким образом, задание командования было выполнено, и за боевые действия Михаил Крыгин был представлен посмертно к званию Героя Советского Союза, а я награжден орденом Красного Знамени».

Воспоминания бывшего начальника отдела контрразведки «СМЕРШ» Гензанской ВМБ ТОФ подполковника в отставке Михаила Потехина позволяют более полно представить картину тех далеких событий: «К розыску и обнаружению Минодзума я имел непосредственное отношение. Он был обнаружен уже после окончания боев. Минодзума скрывался в Гензане под другой фамилией среди гражданского японского населения, ожидавшего отправки в Японию. Я лично задержал Минодзума и вместе с моим переводчиком Каревым доставил его в отдел. Тогда же была задержана его самая доверенная сотрудница миссии, шифровальщица Фурудзава. Почти одновременно был задержан целый ряд агентов разведывательных и полицейских органов. Сейчас, спустя 50 лет, осознаешь, какая трудная задача была выполнена сотрудниками моей оперативной группы, а потом отдела контрразведки «СМЕРШ» в Гензане. Обстановка того времени не позволяла раскрывать все вопросы, связанные с выполнением этих задач. Да и не было времени подробно описывать весь ход операций и их результаты. Хотя для молодого поколения чекистов изучение нашего опыта было бы весьма полезным. Одна деятельность Минодзума и его аппарата чего стоит. Еще раз скажу, что донесения скрытой связью о тех событиях были краткими и не отражали истинного объема усилий и времени, затраченных на обнаружение Минодзума. Я лично доставил партбилет и служебное удостоверение Крыгина начальнику Отдела контрразведки «СМЕРШ» по Тихоокеанскому флоту. Могу рассказать, как отнесся к моему докладу о подвиге Крыгина начальник отдела генерал-майор Д.П. Мерзленко, который, выслушав меня, заявил: «А ведь Минодзума не захвачен. Задание не выполнено». Он и слушать не захотел о том, как много было предпринято усилий и потрачено человеческих жизней для того, чтобы добраться до шпионского гнезда Минодзума. Вот такая была цена оперработников. Такое было отношение к тем, кто рисковал жизнью, выполняя задание. Да и звание Героя Советского Союза Крыгин получил не по представлению руководства отдела контрразведки «СМЕРШ», а по представлению командования Тихоокеанского флота».

13 августа 1945 г., когда советский десант высаживался в порту Сейсин, а Крыгин вел свой неравный бой с японцами, Минодзума в спешке сжег наиболее важные документы миссии и пешком отправился в город Ранан. 16 августа Минодзума поездом приехал в Гензан, где остановился на квартире начальника штаба Гензанской ВМБ контр-адмирала Хори. 21 августа он переехал на квартиру Асигама, председателя Гензанского экономического общества, где жил почти полтора месяца. 6 октября Минодзума попытался скрыться в лагере японских беженцев, ожидавших отправки в Японию.

17 октября он был арестован начальником отдела контрразведки «СМЕРШ» Гензанской ВМБ ТОФ Михаилом Потехиным, который в тот же день подписал постановление об аресте Минодзума на основании ст. 58-6 (шпионаж) УК РСФСР, в котором говорилось: «...с февраля 1935 г. вел шпионскую работу против СССР, для чего через своих агентов организовал сбор данных о состоянии Тихоокеанского флота, состоянии береговых укреплений морского побережья от бухты Посьет до залива Америка и островов Фуругельма, Аскольда, Путятина, Рикорда, Русский, Попова, Лисий, Римского-Корсакова, заливов Амурский и Уссурийский, состояния военно-морских баз, мест базирования надводных и подводных кораблей, состояния противовоздушной обороны, расположения авиабаз, состояния портов и движения кораблей. Зани-

мался разведкой хода боевой подготовки кораблей и авиации. Производил разведку состояния экономики Приморского края и работы предприятий по выпуску продукции, изучал вопросы политико-морального состояния войск и населения Приморского края. Изучались работа торгового порта и укомплектованность личным составом Тихоокеанского флота. Имел специальный аппарат разведки, который лично обучал методам работы против СССР».

11 января 1947 г. Минодзума на допросе в Москве показал: «Виновным себя признаю в том, что с 1917 по 1922 год, работая в Генеральном военно-морском штабе помощником начальника русского сектора 3-го разведывательного отдела, принимал непосредственное участие в руководстве всей разведывательной деятельностью против Советского Союза.

Через агентуру мы приобретали шпионские сведения о политических настроениях личного состава военно-морского флота, о дислокации кораблей, их вооружении, наличии военно-морских баз и береговой обороны, положении на фронтах гражданской войны.

Осенью 1922 г. по приказу Генерального военно-морского штаба для шпионской работы я был командирован во Владивосток, где, выдав себя за гражданское лицо, поселился на жительство, приобрел агентуру и через нее собирал шпионские сведения о военно-морских силах, Красной Армии и политико-экономическом положении.

За шпионаж в ноябре 1924 г. я в числе других японских шпионов был арестован органами ОГПУ и через несколько месяцев содержания под стражей был направлен в Японию.

Признаю себя виновным также и в том, что с 1935 г. являлся начальником военно-морской миссии в Сейсине. Вел активную шпионскую работу против Советского Союза, для чего вербовал агентуру, обучал ее, перебрасывал на территорию Советского Союза со шпионскими заданиями. Направлял свою агентуру в территориальные воды СССР для наблюдения за советским флотом и авиацией. Кроме того, по собственной инициативе организовал радиоподслушивание советских радиопередач, перехват шифротелеграмм, кодированных телеграмм. Сам лично расшифровывал их и таким путем добывал сведения о Красной Армии, местах дислокации, количестве и вооружении частей».

15 февраля 1947 г. военный трибунал в составе председательствующего генерал-майора юстиции Орлова, полковника юстиции Данилова и полковника юстиции Денисова приговорил Минодзума Дзюндзи на основании ст. 58-6 ч.1 УК РСФСР к высшей мере наказания – расстрелу с конфискацией имущества. В тот же день Минодзума был расстрелян.

19 июля 2001 г. заместитель начальника 7-го управления Главной военной прокуратуры, помощник Главного военного прокурора полковник юстиции Чичуга, оценив собранные по делу доказательства, пришел к выводу, что Минодзума Дзюндзи, осужденный по ст. 58-6 ч.1 УК РСФСР, «являясь офицером военно-морских сил Японии, занимался выполнением своих профессиональных обязанностей, не нарушая законов своего государства. На территории СССР он преступлений не совершил и под юрисдикцию советских законов не подпадает, а поэтому в соответствии с п. «а» ст. 3 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. подлежит реабилитации».

*Показания Минодзума Дзюндзи,
написанные им собственноручно 4 ноября 1945 г.
во Владивостоке на русском языке**

(извлечения)

В конце 1934 г. я после тяжелой болезни был поставлен на резервную службу и в начале следующего года был командирован в Сейсин, где в скором времени начал разведочную работу как следует. Потом в ноябре 1941 г. я, кроме вышесказанной работы, был назначен начальником новостроенного в Сейсине Военно-морского ведомства с целью охранять морское сообщение в Японском море. Я занимался исследованием военных дел (особенно военно-морских) и всеобщего положения в Приморье в сфере на факте от Советско-Корейской границы до залива Америка.

В 10 лет этой службы мне часто пришлось переменить способы разведки следующим образом:

С самого начала пришлось воспользоваться служащими наших пароходов компаний «Китанихон», «Нихонкай», «Чосен-Юсен», которые очень часто входили в порт Владивосток. После того, как эти пароходы перестали ходить в тот же порт, я воспользовался рыболовными лодками, плававшими в заливе Великого и в то же время я начал посылать людей с биноклями на горы, находящиеся на японской и маньчжурской территориях, с которых можно смотреть часть гавани Посьета и западную часть Владивостока. От апреля 1944 г. я начал слушать радиопередачи из Хабаровска и Владивостока при помощи русских эмигрантов.

Я никак не могу считать себя выдающимся разведочной деятельностью. Но если моя работа хоть немножко увенчалась успехом, то это должно сводиться к следующему принципу. Мой принцип заключается в простом – в терпеливости и сохранении безопасности, как это ясно показывают вышесказанные способы. Я никогда не принял такой активный способ, как например посылать людей внутри Советской территории. За то раз я приступил одному способу, то я ни раз перестал его пока не получается хороших результатов.

Что касается воспитания агентур, Я всегда воспитывал их отдельно и на практике и очень стараюсь чтобы они все сознали необходимости достижения цель <...>

В 1915 г., – меня, как знающего русский язык, назначили в русское отделение 3-го (разведывательного) отдела японского ГМШ, где прослужил около 5 лет. После этого, начиная с 1922 г., я три года находился во Владивостоке для ведения разведывательной работы и практики русского языка. Для реализации этих задач мне удалось в качестве квартиранта войти в семью начальника штаба русского Тихоокеанского флота капитана 1 ранга Насимова. На его квартире я стал проживать благодаря ходатайству, с которым обратился к Насимову капитан 1-го ранга Суэда Кёсаичи. Насимов мне говорил, что он запрашивал соответствующие органы для прописки меня к себе на квартиру и получил разрешение. Для того, чтобы войти в эту семью и вообще для того, чтобы иметь возможности для ведения разведывательной работы, мне пришлось перейти на положение гражданского лица, проживающего во Владивостоке в целях изучения русского языка.

В связи с тем, что в 1917 г. в России произошла революция, работа японской разведки, в частности военно-морской, была коренным образом перестроена. Основные задачи, были поставленные перед русским бюро японской военно-морской разведки, сводились к изучению изменений, происшедших после революции в ВМФ СССР:

- а) политические настроения личного состава;
- б) дислокация и передвижение кораблей;

* Стиль и орфография оригинала.

- в) тактическо-технические данные кораблей и их вооружение;
- г) детальное изучение технической оснащенности военно-морских баз. Тихоокеанского флота и состояние береговой обороны;
- д) положение на фронтах гражданской войны;
- е) политическое и экономическое положение страны в целом.

В 1917 г. японская разведка создала «органы особой службы», известные как «японские военные миссии». Такой особый орган был создан во Владивостоке в 1917 г. и просуществовал вплоть до эвакуации из Приморья японских войск. Вся разведывательная работа этого органа проводилась путем широкого использования агентуры, которая вербовалась как из числа японских, так и советских граждан и велась на всей территории Дальнего Востока и Сибири.

Разведкой занимался также военно-морской атташе Японии в Харбине. Свою работу он проводил против Амурской военной флотилии через японских морских офицеров, служащих в качестве инструкторов на кораблях Маньчжурской Сунгарийской военной флотилии. Кроме того, этот атташе имел свою агентуру в японских военно-морских частях, дислоцировавшихся на южном берегу Амура.

Военно-морские атташе Японии в Петрограде и в Константинополе подчинялись начальнику 3-го отдела, но свою разведывательную деятельность вели на основании приказов русского бюро. По такому же принципу проводили разведработу японские рыбные концессии на Камчатке, нефтяные и угольные – на Сахалине и лесные – в Приморье.

Разведданные поступали из штаба 5-й эскадры японского флота, корабли которой в то время базировались во Владивостоке, из штаба командования экспедиционного корпуса японской армии во Владивостоке, из информационного отдела МИДа, которое имело консульства в Петропавловске-на-Камчатке, Александровске-на-Сахалине, Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске, Чите, Маньчжурии и Одессе.

В результате проведенной работы японскими разведывательными органами в 1917–1922 гг. были получены очень ценные сведения по широкому кругу вопросов. Успешной работе японской разведки в Сибири и на Дальнем Востоке способствовало то обстоятельство, что там находились войска Колчака. Адмирал Колчак перед созданием своего правительства в Омске посетил в Токио, где был принят начальником 3-го отдела контр-адмиралом Морияма. Позже в ставку Колчака с разведывательными целями ездил начальник 7-го отделения 3-го отдела капитан 1 ранга Танака. В годы гражданской войны японской военно-морской разведкой были составлены детальные карты военно-морских баз Владивостока, Николаевска-на-Амуре, Петропавловска-на-Камчатке, Александровска-на-Сахалине, Хабаровска и ряда других гаваней, а также стратегически важных участков береговой обороны, были добыты шифры военно-морского флота России, детальные данные о численности, технике и вооружении кораблей.

Особое внимание уделялось сбору сведений о государственном строе СССР, о роли коммунистической партии и ее влиянии на широкие массы населения. Эти задачи были поставлены в связи с тем, что встал вопрос, признавать или не признавать Советский Союз как государство, так как ряд стран в то время уже признал Советский Союз и установил с ним дипломатические отношения.

Итак, я прибыл во Владивосток на крейсере «Ниссин» осенью 1922-го г. уже после того, как японские оккупационные войска покинули город. Я через командира крейсера получил телеграмму от начальника 3-го отдела ГМШ о том, что остаюсь во Владивостоке для выполнения разведывательных задач. У меня была специальная разведывательная миссия, и я перешел на нелегальное положение, но, хотя я и оставался под фамилией Минодзума, выдавал себя за лицо гражданское, имея при этом на руках соответствующие, подтверждающие это документы.

По инструкции я должен был собирать разведывательные данные о боевом составе Тихоокеанского флота и тактическо-технических характеристиках кораблей, их дислокации, личном

составе флота, учреждениях и учебных заведениях ВМФ, характере возводимых укреплений в порту и крепости Владивостока, дислокации частей Красной Армии в Приморье, политико-экономическом положении СССР.

На связи у меня находился редактор местной небольшой английской газеты, английский подданный, фамилию которого я забыл. Впоследствии я слышал, что за связь со мной он был тоже арестован. Кроме того на связи со мной находился японец, переводчик русского языка Симада Мотомару. Симада был гораздо старше меня по возрасту, долго жил во Владивостоке и хорошо владел русским языком. Поэтому, имея среди русских довольно обширные связи, он оказывал мне большую помощь в сборе необходимых сведений. Сам Симада имел у себя на связи несколько агентов из числа русских. Симада эти связи никому не передавал, так как накануне ухода японцев из Приморья агенты стали бояться с ним работать.

В мои обязанности в этот период входил сбор сведений военного, политического и экономического характера. Одновременно я должен был собирать сведения о ходе советизации населения Приморья и всего Дальнего Востока, а также о системе ведения народного хозяйства в СССР. Во Владивостоке мне удалось завербовать большое количество людей из числа служащих различных учреждений, с помощью которых я собирал ценные сведения военного, политического и экономического характера.

В частности, мой агент, председатель «Чёсэн-гинко» (Банк Кореи), дал мне очень ценные сведения об экономическом положении Приморья и всего Дальнего Востока. Редактор английской газеты, о котором я уже упоминал, сообщал мне сведения политического характера, собирал для меня данные о руководящем составе советских и партийных органов. Через своих агентов я получал сведения о настроениях населения во Владивостоке, об отношении населения к советской власти. Будучи во Владивостоке, мне удалось через одного полиграфического работника достать вновь изданную секретную литературу по гидрографии. Должен сказать, что во Владивостоке мне удавалось собирать очень ценные сведения и начальство было довольно моей работой.

В 1925 г. я вместе с вице-консулом Гундзи Томомаро был арестован органами ОГПУ, но на следствии в принадлежности к японской военно-морской разведке не признался и просидел в тюрьме четыре месяца до момента признания Японией Советского Союза. Перед арестом я проживал на квартире прокурора города Владивостока. Сразу же после освобождения меня из тюрьмы я выехал в Токио. Через год я был назначен уже начальником русского отделения 3-го отдела ГМШ и прослужил в этой должности 5 лет. В 1935 г. меня назначили на должность начальника Сейсинской военно-морской миссии, где я служил до разгрома Японии в 1945 г.

В тот период, когда в начале 30-х годов я работал начальником русского отделения 3-го отдела, его руководителем был бывший морской министр контр-адмирал Ёнаи Мицумаса. Впоследствии его сменил контр-адмирал Кавано. 3-й отдел подчинялся непосредственно начальнику ГМШ и был разбит на следующие отделения: европейское, которое организовало работу во всех европейских странах и Америке; в составе этого отделения было так называемое русское бюро, начальником которого я и являлся; кроме «европейского», отдельно функционировало «китайское» отделение. Существовало также шифровальное отделение.

Перед русским бюро в то время стояли следующие задачи: а) в связи с захватом Маньчжурии и организацией Маньчжоу-Го высшие круги японского правительства интересовала реальная позиция Советского правительства на происходящие события и на Маньчжоу-Го, как на государство, призванное укрепить японское владычество на азиатском материке; б) в то время во Владивостоке начали появляться подводные лодки, и перед нами была поставлена задача выяснить их тактико-технические данные. Прибытие во Владивосток подводных лодок и торпедных катеров вызвало сильное беспокойство в ГМШ.

По первому вопросу проведенная мною и другими разведорганами работа показала, что Советское правительство не намеревалось оказывать активного противодействия политике Японии в Маньчжурии и в Китае.

Что касается второго вопроса, то от военно-морского атташе в Москве нами были получены сведения о том, что СССР будет увеличивать Тихоокеанский флот за счет строительства так называемого «москитного флота», то есть малых кораблей – подводных лодок и катеров. На основании этого был сделан вывод, что Советское правительство отказалось в принципе от строительства крупных военных кораблей на Тихоокеанском флоте и намерено в массовом количестве строить подводные лодки и торпедные катера, которые смогут оказать активное противодействие проведению против Советского Союза операций на море крупными кораблями.

Для сбора информации по советским подводным лодкам и торпедным катерам, поступавшим на ТОФ, я в 1928 г. привлек к разведывательной деятельности капитана парохода «Ниссан-мару» Нако Токусукэ и его 2-го помощника унтер-офицера Такасэ, а также матроса этого же парохода Комацу. Этот пароход совершал рейсы между Владивостоком и Цуругой. Во время пребывания во Владивостоке агенты по моему заданию систематически производили наблюдение за советскими военными кораблями.

Такасэ, Комацу и Нако собирали сведения о размерах подводных лодок и торпедных катеров, о их тоннаже и вооружении. Вместе с тем они добывали данные о других военно-морских объектах ТОФ, например, о базе подводных лодок во Владивостоке, аэродроме гидросамолетов и портовых сооружениях.

Кроме этих агентов, русский сектор имел свою агентуру на острове Сахалин среди служащих японских нефтяных концессий. Их задачи сводились к сбору сведений о военных кораблях ТОФ, самолетах, аэродромах, численности и дислокации воинских частей на острове, а также о состоянии советских нефтепромыслов. Надо сказать, что до 1929 г. агентурная работа проводилась очень слабо. Поэтому я почти заново насаждал агентуру. В 1933 г. русский сектор японской морской разведки уже имел 11 активно работавших агентов.

Начиная с 1938 г., я приступил к активной работе по изучению советской авиации. Инцидент на озере Хасан и последующие события показали сильное превосходство советской авиации над японской. Это обстоятельство вызывало сильное беспокойство японского командования. Для этого я собирал сведения о технических характеристиках советских самолетов, а также по их боевому применению во взаимодействии с надводными кораблями, подводными лодками и силами береговой обороны. В тот же период в порту Посыет появились минные заградители, которые также были предметом моей разведывательной деятельности.

Русское бюро в то время занималось следующим:

- 1) руководством всей японской военно-морской разведкой, работавшей против СССР;
- 2) сбором сведений по советскому военно-морскому флоту на Балтийском море, Черном море, а особенно сбором сведений по Тихоокеанскому флоту и Амурской флотилии, о количестве кораблей, подводных лодок, о береговых укреплениях, о строительстве заводов морского направления, о строящихся кораблях, подводных лодках, о дислокации военно-морских частей на Дальнем Востоке, о строительстве новых военно-морских баз, в особенности для подводных лодок, и других сведений;
- 3) сбором сведений экономического характера, в особенности по Дальнему Востоку, о запасах и добыче нефти, о продовольственных запасах, о положении нефтяных и рыбных промыслов на Сахалине;
- 4) сбором сведений политического характера о настроениях населения, руководящем составе партийных и советских органов, о событиях, происходящих внутри Советского Союза, и многим другим.

В этот период я осуществлял практическое руководство периферийными военно-морскими разведывательными органами, руководил работой военно-морских миссий в Харбине и Сеуле, занимался разведкой против СССР, создал резидентуры на Камчатке и Сахалине, которые активно работали против Советского Союза, курировал секретаря генерального консульства Японии во Владивостоке Такасуги Нобору, который, выполняя мои задания, приобрел ценных агентов, работавших на морских заводах по строительству подводных лодок, одного или двух лиц, знавших о запасах топлива и нефти во Владивостоке и его окрестностях, насадил свою агентуру на корабли и пароходы, которые ходили во Владивостоке.

С целью получить возможность развернуть еще более активно разведывательную работу, я хотел попасть военно-морским атташе Японии в Москву, для чего в 1928–1932 гг. познакомился с военно-морским атташе Советского Союза в Токио И.К. Кожановым и послом А.А. Трояновским и старался всеми способами завоевать их доверие.

По моему предложению была организована военно-морская миссия в Сейсине. Организация этой миссии в 1935 г. была поручена ГМШ лично мне. Необходимость создания в Сейсине военно-морского разведоргана диктовалась близостью расположения Сейсина к Советскому Союзу и в особенности к главной базе ТОФ.

Разведывательная работа по сбору сведений военного и политического характера о Советском Союзе и, в частности, о Тихоокеанском флоте русским отделением осуществлялась через капитанов пароходов и их помощников, так как капитаны всех японских пароходов, ходивших в то время в советские воды и советские порты, и их помощники были обязаны по нашему указанию заниматься сбором сведений интересующих 3-й отдел и русское отделение.

Помимо капитанов разведывательная работа проводилась через японцев, рабочих и служащих японских рыбных и угольных концессий на Камчатке и на Сахалине. Для этого наиболее подходящие кандидатуры из числа выезжающих на Камчатку и Сахалин вызывались в 3-й отдел, где я или мой помощник ставили перед ними задачи по сбору шпионских сведений, что они и делали самостоятельно или же через своих подчиненных. Безусловно, они опирались на свою сеть из числа служащих и рабочих, но об этом я почти ничего не знал. Помню только что, у Наритомы был еще один помощник Насиноти, который также вел активную разведывательную работу. От этих лиц разведывательные сводки поступали регулярно.

Мое назначение на должность начальника Сейсинской военно-морской миссии, как я думаю, было связано с тем, что я знал русский язык и русскую действительность, перед этим около 10 лет проработал в разведке против советского флота на Тихом океане, а Сейсинская военно-морская миссия являлась ближайшей к границе и одним из основных органов японской разведки, работавших против Тихоокеанского флота.

Я организовал Сейсинскую военно-морскую миссию и являлся ее первым и единственным начальником. Вначале миссия работала под вывеской «казенная квартира Минодзума», а о том, что она фактически являлась разведывательным органом, было известно только высшим городским чинам.

На первом этапе через Токио и капитанов японских пароходов, ходивших во Владивосток, я получал советские газеты: «Известия ЦИК СССР», «Правду», «Красное знамя», «Красную звезду» и другие. Эти газеты мною изучались, а нужные материалы систематизировались и анализировались в разведывательных целях. Кроме того, я давал задание каждому капитану парохода отслеживать военные корабли, самолеты и портовые сооружения и по возможности их фотографировать. Через капитанов я старался установить количество грузов, находившихся в том или ином порту, длину причалов, число кораблей. Каждого капитана я лично обучал приемам наблюдения и записи нужных мне сведений. При помощи капитанов мне удалось установить количество подводных лодок во Владивостоке, их типы и вооружение, а часть из них – даже сфотографировать.

В 1937 г. рейсы японских пароходов во Владивосток прекратились, и после этого я решил организовать наблюдение за советской границей с приграничных сопок. Я подобрал нескольких корейцев и китайцев, которых периодически посылал на приграничные сопки, в том числе на те, что находились на территории Кореи и прилежали к морю, для визуального наблюдения за советской границей и движением кораблей в пограничных водах.

На этих сопках я установил два наблюдательных поста, на которых постоянно дежурили мои агенты. Эти посты были оборудованы биноклями и специальными приборами, позволявшими вести наблюдение за объектами. Кроме того, посты были снабжены средствами связи. У меня была с ними прямая телефонная связь. Благодаря наблюдению с сопки, я ежедневно получал информацию о движении советских кораблей по заливу Посьет и в порту Владивосток. Моими наблюдателями контролировались все выходы и заходы кораблей в порт.

Это слежение в комплексе с другими методами разведки, в частности, с наблюдением с рыболовных шхун, позволяло мне делать выводы о том, чем занимаются советские корабли, сколько времени бывают в море, какие учения и какими силами проводятся. Так, весной 1945 г. вблизи Посьета советские корабли проводили учения по совместному плаванью. Это удалось обнаружить путем наблюдения с сопки, а затем подтвердить отслеживанием со шхун.

После того как стало ясно, что только одна визуальная разведка вблизи сухопутной границы малоэффективна, я и решил вести разведку по Тихоокеанскому флоту со стороны моря при помощи рыболовецких шхун. В 1938 г. я в разведывательных целях использовал шхуну «Хокуё-мару», принадлежавшую Сейсинской рыболовной испытательной станции. Капитан этой шхуны, японец Миядзаки, был мною завербован и обучен приемам разведки. Во время конфликта в районе озера Хасан Миядзаки, выполняя мое задание, вошел в советские территориальные воды и возле острова Фуругельма был задержан советской морской охраной. В ноябре 1944 г. шхуна «Дайкоку-Косэй-мару», на которой находились сотрудники миссии Окада и Маэда, была задержана советской пограничной охраной.

В 1943 г. для тех же целей я использовал шхуны сейсинского рыбопромышленника, корейца Цой Ун Хака, с которым заключил соответствующее соглашение. Шхуны подходили к советским берегам на расстояние 6–10 миль, и капитаны вели наблюдение за движением военных кораблей, полетами самолетов, освещением маяков, изучали береговые укрепления и проводили их фотографирование.

О движении кораблей Тихоокеанского флота я также получал информацию от военноморского отряда Расинской военно-морской базы, который занимался пограничной охраной. Раз в десять дней я получал от них сведения о выходах кораблей в море, о выходах тральщиков на учения, о продолжительности их плавания, о полетах самолетов и их типах, о количестве поднятых аэростатов во Владивостоке в ночное время, о количестве прожекторов в окрестностях города.

В 1937–38 гг. по моему заданию владелец маленького ресторана, Кагава Сёити, в городе Хунчунь завербовал для меня шесть агентов, фамилий которых я не знаю. Он лично обучал их и перебрасывал через сухопутную границу в Советский Союз. Задания давались им довольно примитивные, так как агентура, подобранная из числа корейцев и китайцев, была большей частью малограмотная. Перед агентами ставилась задача собирать данные о количестве морских отрядов и кораблей, стоящих в заливе Посьет, их вооружении и добывать другие сведения военного, экономического и политического характера. Агенты из числа корейцев и китайцев чаще всего возвращались обратно в Маньчжурию и Корею, но ценных сведений никто из них не принес – они лишь подтвердили уже известные ранее данные.

Я также знакомился с показаниями перебежчиков из Советского Союза в Маньчжурию, которые получал от военной разведки. В период, когда советские войска на Западном фронте отступали, значительное количество красноармейцев переходило границу Маньчжурии и Ко-

реи. Все перебежчики из числа военнотружущих задерживались и тщательно допрашивались армейскими разведывательными и контрразведывательными органами, а их показания посылались и в мою миссию. Я их скрупулезно изучал, сравнивал с собственными данными и составлял обобщенные разведсводки.

В феврале 1944 г. я организовал прослушивание советских широкоэвещательных и военноморских радиостанций. На моей квартире в Сейсине по адресу Аоичи, дом 3, были установлены два радиоприемника. Затем рядом со своей квартирой я построил новое помещение из трех комнат, где установил уже три английских радиоприемника – один для Владивостока и два для Хабаровска и вообще для приема передач советских широкоэвещательных и военных станций. Для работы на этих приемниках я привлек двух человек, детей русских эмигрантов, знающих одновременно русский и японский языки, – Бирюкова Семена Николаевича и Татьяну Павловну Янковскую, которых лично обучил радиodelу.

Они несли постоянное дежурство и все радиопередачи стенографировали, а потом отпечатывали на машинке и ежедневно передавали мне сводки. Впоследствии моя радиостанция стала принимать и шифрованные телеграммы. Зная лично некоторые советские шифры, я лично и расшифровывал эти телеграммы, а те, которые не мог раскодировать сам, направлял в Кайбунскую дешифровальную радиостанцию. Таким способом мною было установлено, что на аэродромах вблизи Владивостока появились советские самолеты-торпедоносцы. Я всегда знал о важнейших политических событиях, происходящих в СССР. Также я одним из первых получил информацию о том, что Советский Союз объявит войну Японии.

К началу войны между Японией и Советским Союзом в Японии существовали три самостоятельных разведывательных органа, которые координировали свою деятельность между собой: Бюро информации при японском правительстве, военная разведка, военно-морская разведка.

Бюро информации подчинялось непосредственно кабинету министров. Это был правительственный разведорган, укомплектованный представителями различных разведывательных учреждений японской армии и военно-морского флота, министерства иностранных и внутренних дел, корреспондентами, специалистами всех видов промышленности и отраслей сельского хозяйства. Созданное в 1944 г. Бюро в основном занималось политической и экономической разведкой для решения следующих задач:

а) обработка всех разведывательных данных, поступающих из других разведывательных органов;

б) информирование населения страны о внутреннем и внешнем положении Японии по военным и политическим вопросам;

в) дезинформация иностранных государств.

Высшим органом военной разведки был 2-й отдел Генштаба японской армии, которому подчинялись разведывательные отделы Квантунской, Формозской, Корейской и Китайской армий. Против Советского Союза активно работали разведорганы в Харбине, Канто, Расине и Хуньчуне.

Военно-морская разведка при ГМШ японского флота осуществлялась 3-м и 4-м отделами. 3-й отдел был организован по географическому принципу и в своем составе имел американское, китайское отделения, южноамериканское, русское, английское и итальянское бюро. 4-й отдел был образован в 1942 г. Он назывался отделом дешифрования и занимался расшифровкой кодов иностранных государств и разработкой кодов военно-морского флота.

В начале июля 1945 г. от начальника 3-го отдела ГМШ контр-адмирала Ока я получил телеграмму с требованием немедленно направлять ему любую информацию о малейших признаках активизации действий ТОФ<...>

Михаил Крыгин

Партбилет М. Крыгина

Миодзума Дзюндзи. 30-е гг.
XX в., Япония

Миодзума Дзюндзи. Лефортово

1.8. А.В. Полутов. Борьба военной контрразведки Тихоокеанского флота с воинскими и уголовными преступлениями в 1941–1960 гг.

Во время Великой Отечественной войны одной из важнейших функций органов военной контрразведки было пресечение изменнических намерений, предательства и дезертирства с оружием. В решении Государственного Комитета Обороны говорилось: «Главной задачей особых отделов на период войны считать решительную борьбу со шпионажем и предательством в частях Красной Армии и ликвидацию дезертирства непосредственно в прифронтовой полосе».

9 апреля 1943 г. Совнарком СССР принял решение о реорганизации особых отделов в отделы контрразведки и о передаче их из системы НКВД в ведение Наркомата обороны СССР. Так был создан легендарный «СМЕРШ», в задачи которого входило пресечение враждебных действий антисоветских элементов, проникавших в войска, борьба с предательством, изменой Родине, дезертирством, обеспечение непроницаемости линии фронта для агентуры противника и выполнение специальных заданий Народного комиссара обороны.

Напомним, какие наказания за государственные и воинские преступления предусматривались Уголовным кодексом РСФСР в редакции 1926 г. Измена Родине в форме шпионажа, выдачи военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, совершенные военнослужащими, карались расстрелом с конфискацией всего имущества; недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене влекло за собой наказание в виде лишения свободы сроком на 10 лет.

Наказание за бандитизм предусматривало лишение свободы на срок не менее трех лет вплоть до расстрела с конфискацией имущества, хищение оружия и боеприпасов – лишение свободы на срок не менее одного года вплоть до расстрела с конфискацией имущества.

Неисполнение отданного в порядке службы приказа каралось лишением свободы сроком до пяти лет, а в военное время, при наличииотягчающих обстоятельств, расстрелом. Самовольная отлучка из части продолжительностью свыше двух часов в военное время наказывалась лишением свободы на срок от трех до семи лет. Самовольная отлучка свыше суток считалась дезертирством и влекла за собой лишение свободы на срок от 5 до 10 лет, а в военное время и в боевой обстановке каралась расстрелом.

На Тихоокеанском флоте, как свидетельствуют документы военной контрразведки, «дезертирство массового характера не имело. Поэтому борьба с дезертирством, проводимая по нашей линии, не может являться характеристикой работы ОО НКВД ТОФ». На 1 июля 1941 г. в розыске дезертиров из частей Тихоокеанского флота состояло 3 чел., из них младшего начсостава – 1, рядового состава – 2. С начала войны по январь 1942 г. дезертировало 79 чел., из них начсостава – 3, младшего начсостава – 8, курсантов – 1, рядового состава – 67. Был объявлен всесоюзный розыск на 32 дезертира, из них начсостава – 1, младшего начсостава – 3, курсантов – 1, рядового состава – 27. Силами военной контрразведки ТОФ было найдено 19 дезертиров из числа объявленных во всесоюзный розыск и задержано без объявления в розыск 47 чел.

В 1942 г. из частей и соединений ТОФ дезертировало 208 чел., которые поддались паническим и пораженческим настроениям. За первую половину 1943 г. дезертировало 60 чел., а во второй половине – 37 человек, из которых 26 было задержано и привлечено к ответственности, а трое были объявлены во всесоюзный розыск. В первой половине 1943 г. было арестовано 111 военнослужащих, в том числе за хищение оружия – 4 чел., дезертирство – 25 чел., членовредительство – 6 чел., другие воинские преступления – 8 чел., а также шесть агентов немецкой разведки. Во второй половине 1943 г. было арестовано 87 чел., в том числе 1 диверсант и трое за хищение оружия.

В одном из спецсообщений ОО НКВД ТОФ в вышестоящие инстанции приводились следующие данные: «С начала войны по 15 мая 1942 г. аппаратом ОО НКВД ТОФ и подчиненными ему органами арестовано всего 356 человек. Осуждены судебными инстанциями 138 человек, в том числе к высшей мере наказания – 18 чел., до 10 лет исправительно-трудовых лагерей – 85, до 5 лет – 31, прочие меры – 4. В 1940 г. было арестовано всего 81 чел. За первый квартал 1941 г. – 69. Всего за время войны следственным аппаратом проведено 319 дел, из них 28 групповых, с общим количеством проходящих по ним 67 человек арестованных. Случаев измены Родине в 1939-1942 гг. по частям ТОФ не было. Всего за это время было арестовано за намерение изменить Родине 27 человек, в том числе одиночек 13 человек и проходящих группами 14 человек».

Приведем несколько примеров. В ноябре 1941 г. были арестованы краснофлотцы 1-го батальона 262 СП ВО ВМБ Д.С. Церенов, М.И. Михайлов, которые намеревались похитить из части оружие и в удобный момент уйти за границу. Обвиняемый Михайлов на следствии показал: «Церенов мне говорил: «Гитлер скоро заберет Москву, так как их орудия уже достают до Москвы. А здесь на днях должна выступить Япония. На границе уже есть вооруженные конфликты, и с выступлением Японии против СССР нас здесь побьют с первой пули». А затем заявил: «Чем идти в бой, давай лучше уйдем в Японию», и я согласился».

21 декабря 1941 г. ОО СТОФ был арестован красноармеец 193 СП Северной Тихоокеанской флотилии Бабченко И. И., который на следствии показал, что между ним и краснофлотцами П.П. Железновым, В.Ф. Мудрицким и В.И. Мудрицким на почве антисоветских убеждений был сговор – в случае направления их части на фронт сдать-ся в плен к немцам. Все участники сговора были преданы суду военного трибунала.

12 февраля 1942 г. была арестована красноармейцы 202-й отдельной местной стрелковой роты ХСБО ТОФТОФ В.Т. Смирнов, Н.Н. Савчинский, А.Я. Кириллин, А.И. Харитонов, которые организованно вели подготовку к измене Родине путем побега за границу. Преступный сговор военные контрразведчики выявили в ходе агентурно-оперативной разработки, группа была разоблачена и арестована на стадии подготовки.

8 марта 1942 г. были арестованы краснофлотцы 254-го батальона 138-го отдельного артиллерийского дивизиона ХСБО ТОФ ТОФ младший сержант М.Т. Романов и краснофлотец Н.М. Дрогальцев. В ходе следствия выяснилось, что Романов склонил Дрогальцева к побегу из части и переходу границы, а также обрабатывал других военнослужащих своей части, предлагая им изменить Родине и уйти в Японию. Оба были осуждены и приговорены военным трибуналом к 10 и 7 годам исправительно-трудовых лагерей.

В апреле 1942 г. красноармейцы С.М. Варнавский, М.М. Халявин, В.А. Шляхов, В.И. Сериков договорились изменить Родине и перейти на сторону врага, будучи уверенными в поражении Советского Союза. Они собирались перейти либо к немцам, либо к японцам в зависимости от того, где будет находиться их часть. Вся группа была осуждена военным трибуналом и приговорена к длительным срокам исправительно-трудовых работ.

В октябре 1942 г. военнослужащий 14-го авиаполка ВВС ТОФ А.Н. Коваленко создал преступную подпольную группу, в которую вошли его сослуживцы Г.Г. Башков и А.М. Воронин. Они планировали установить связи с японской разведкой и оказать помощь японской армии путем уничтожения самолетов и летного состава. С этой целью предатели намеревались похитить оружие и взрывчатку, а также искали возможности установить связь с японцами через местное население. По приговору военного трибунала каждый получил 10 лет исправительно-трудовых работ.

В декабре 1942 г. красноармейцы 20-го отдельного пулбата Артемовского сектора береговой обороны ТОФ Якишев, Ровшан и Разакуллы Чириев договорились в случае посылки на фронт убить командиров и уйти к немцам. Они были арестованы и приговорены военным трибуналом к различным срокам исправительно-трудовых работ.

В 1942 г. военнослужащий 16-го отдельного авиаполка ВВС ТОФ Ачкасов бежал к японцам в Маньчжурию и был заочно приговорен к высшей мере наказания. В ходе и после войны с Японией оперативные группы ОКР «СМЕРШ» ТОФ вели розыск Ачкасова в Маньчжурии, в ходе которого было установлено, что он сначала находился сначала в отделении ЯВМ на станции Пограничная, а затем в Муданьцзянской ЯВМ, откуда был направлен в лагерь «Хогоин»*. Флотскими контрразведчиками было установлено, что, после нескольких месяцев пребывания в лагере, Ачкасов в составе группы был арестован за участие в сговоре к побегу, после чего следы его теряются навсегда.

5 января 1943 г. в результате оперативных мероприятий по агентурному делу «Соседи» ОО НКВД ХСБО ТОФ арестовали красноармейцев 202-го местного стрелкового взвода В.Н. Каверницкого, К.А. Гзымса и Н.П. Макаровского, которые намеревались в случае отправки на фронт перейти на сторону врага и сдаться в плен немцам. Все они были преданы суду военного трибунала.

17 апреля 1943 г. ОО НКВД Сучанского сектора береговой обороны ТОФ арестован разрабатывавшийся по делу-формуляру М.П. Арбузов, который вел среди личного состава антисоветскую агитацию, высказывал угрозы в адрес командного состава и

* 20 октября 1949 г. в ходе судебного процесса по делу военнослужащих японской армии, обвинявших в подготовке и применении бактериологического оружия, свидетель Иидзима Ёсиро, бывший майор японской армии, показал: «Лагерь «Хогоин», или, как он иначе назывался, «Научно-исследовательский отдел», находился в ведении Харбинской ЯВМ, начальником которой в то время был генерал-майор Акикуса. Лагерь «Хогоин» был рассчитан на 150 человек, в нем содержались советские граждане, по разным причинам оказавшиеся на территории Маньчжурии и задержанные японскими пограничными и полицейскими отрядами. В лагере «Хогоин» содержались исключительно мужчины, которые работали на разных сельскохозяйственных работах в подсобном хозяйстве. Режим в лагере был строгий, за малейшие нарушения режима виновных наказывали, особенно тех лиц, которые имели намерения совершить побег из лагеря. Таких лиц с разрешения Харбинской ЯВМ я отправлял в 731-й отряд Квантунской армии, где была лаборатория, в которой над советскими людьми производили опыты, исследуя действия всевозможных бактерий».

намеревался изменить Родине путем перехода на сторону Японии. Арбузов склонял к измене красноармейцев Хрычева, Плотникова и Маслевского, предлагая при этом похитить из части винтовки, гранаты и патроны. 12 мая военный трибунал приговорил Арбузова к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

Осенью 1943 г. дезертировала группа из семи человек во главе с краснофлотцем 87-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона Владимиро-Ольгинской ВМБ ТОФ И.Д. Дегтяревым. Захватив с собой оружие, группа намеревалась скрыться в тайге и оттуда вести вооруженную борьбу с Советской властью, прибегнув для этого к помощи заключенных из лагерей, располагавшихся поблизости. Поиском и задержанием этой группы занимался оперуполномоченный ОКР «СМЕРШ» Владимиро-Ольгинской ВМБ лейтенант М.П. Крыгин.

В результате оперативно-розыскных мероприятий Борзенков М. И., А.В. Кузьмин, Н.Х. Заковряжин, К.П. Шипицин были арестованы, а Дегтяреву, С.М. Леонову и В.А. Тризне удалось скрыться в тайге. После длительного поиска, продолжавшегося до весны 1944 г., дезертиры были обнаружены на территории Тетюхинского района и при задержании оказали вооруженное сопротивление. Во время боестолкновения с чекистами Тризна был убит, а Леонов ранен. Дегтярев и Леонов попытались скрыться в тайге и затем уйти в Маньчжурию, но, увидев, что они окружены, сдались. Поиск и задержание этой группы дезертиров стали первым крупным делом будущего Героя Советского Союза лейтенанта М.П. Крыгина.

В архиве Управления ФСБ по ТОФ хранится следственное дело № 679, на страницах которого подробно описана история еще одного предательства. В марте 1943 г. красноармеец Нефедов из состава вооруженной охраны парохода «Кара», находясь в американском порту Филадельфии, сбежал с корабля с целью остаться на жительство в США. По данным флотской контрразведки, полученным в ходе расследования дела Нефедова, американские полицейские неоднократно предпринимали попытки склонить к измене членов экипажей советских судов, в частности, двух краснофлотцев с парохода «Урицкий». Следствие выяснило, что после своего бегства Нефедов допрашивался американской военной разведкой.

Через несколько дней Нефедов был задержан американскими властями в Балтийском море, доставлен в советское консульство, откуда на теплоходе «Двина» был этапирован в СССР. 28 мая 1943 г., когда «Двина» уже подошел к восточному побережью Камчатки, Нефедов вторично совершил побег и на похищенной с теплохода шлюпке высадился на южной оконечности острова Карагинского. Шлюпка была разбита волнами у берега, и Нефедов решил добраться до материка, воспользовавшись лодкой колхозников-оленьеводов. Чтобы завладеть лодкой и не быть задержанным, Нефедов в ночь на 10 июня совершил убийство двух человек и ранил пятерых родственников и знакомых колхозника Попова, у которого проживал несколько дней после высадки на остров. 4 августа 1943 г. флотские контрразведчики установили местонахождение Нефедова и арестовали его.

Ранее был арестован краснофлотец команды вооруженной охраны парохода «Кара» Хатько, который помог дезертиру похитить шлюпку и сбежать с теплохода. Как выяснилось на следствии, они поддерживали дружеские отношения, а во время пребывания в США вместе пьянствовали, опаздывали из увольнения, посещали русских эмигрантов. Нефедов хотел жениться на русской эмигрантке Галине Ковальчук и обе-

щал ей остаться в Америке. Военный трибунал Петропавловска-Камчатского приговорил Нефедова к высшей мере наказания, а Хатько – к длительному сроку заключения.

Всего за 1943 год из частей ТОФ дезертировало 45 чел., в том числе среднего начсостава – 1, младшего начсостава – 3, рядового состава – 41. Основными мотивами дезертирства, как было установлено следствием, являлись нежелание служить в РККА, недовольство условиями службы и требовательностью командного состава, а также плохое питание в некоторых частях флота. Имелось несколько случаев дезертирства с целью избежать отправки на фронт. Из 45 человек по местному розыску флотскими чекистами было задержано 32 чел., а остальные 13 объявлены во всесоюзный розыск.

В конце 1943 г. руководство ОО НКВД ТОФ спецсообщением проинформировало вышестоящие инстанции о результатах работы на этом направлении: «Проводя агентурную работу по выполнению директивы № 169 по предупреждению измены Родине ОО НКВД ТОФ было выявлено и репрессировано в 1943 г. за попытки и намерения изменить Родине 10 военнослужащих рядового состава и 1 вольнонаемный. Случаев измены в частях ТОФ не было. Путем ареста реализовано 1 агентурное дело на 3 человек, 6 дел-формуляров, 1 учетное дело. 1 чел. арестован как дезертир с изменническими намерениями».

Зимой 1944 г. флотскими чекистами была разоблачена группа изменников из числа белорусов и поляков, в которую входили С.С. Годлевский, Н.Н. Игнатович, М.И. Кулай и А.К. Авдеюк. Еще в декабре 1941 г., прибыв по разнарядке трудовых батальонов в Лесозаводск на лесозавод № 1, они попытались совершить побег и уйти за границу, но были пойманы и возвращены. Затем они долго вели подготовку к новому побегу, планируя перейти на сторону врага, но были арестованы и преданы суду военного трибунала.

В сентябре 1944 г. краснофлотцы 2-го отдельного артдивизиона островного сектора береговой обороны ТОФ А.Ф. Митин, В.Г. Погорелов, Б.М. Крылов, как выяснилось в ходе агентурно-оперативной разработки, намеревались совершить вооруженный побег и перейти на сторону японцев. С этой целью инициатор побега Митин похитил винтовку и 90 патронов. Группа наметала переход границы в августе 1944 г., в ночное или дождливое время в районе между Ворошиловом (ныне Уссурийск) и Спасском. Боясь разоблачения, Митин сбежал, прихватив с собой винтовку, но был задержан в районе Ворошилова, арестован и предан суду военного трибунала.

Еще один изменник затерялся в Америке – в 1944 г. совершил побег с корабля, находившегося в США, военнослужащий 2-й бригады подводных лодок ТОФ Гончаров.

Военная контрразведка флота вела напряженную агентурно-оперативную работу по пресечению не только прямых изменнических намерений, но и выявлению фактов высказываний изменнических и пораженческих настроений. Так, 9 января 1941 г. был арестован за антисоветскую агитацию красноармеец 56-й отдельной рабочей роты С.И. Байнов, который в разговоре с другими военнослужащими заявил: «Если пошлют на фронт, то при первой возможности сдамся в плен». 23 февраля 1942 г. был арестован краснофлотец 16-го авиаполка ВВС ТОФ И.Е. Скобленко, который, наряду с антисоветской агитацией, высказывал изменнические настроения: «Перейду в плен

к немцам и всю правду расскажу, воевать я буду только с поднятыми руками и других буду приглашать, чтобы они тоже переходили на сторону немцев, нам одно спасение – попасть к немцам в плен».

Красноармеец 973-й батареи 97-го Отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона Косарев в разговоре с агентом военной контрразведки признался: «Не рад я этой Советской власти, она мне еще дома надоела, а теперь в армии еще больше. Скорее бы японцы вступали в войну, сдаться бы им в плен. Так бы лучше было». 6 марта 1943 г. красноармеец 291-го отдельного пульбата ТОФ Гаджи Джабаров в разговоре с сослуживцем заявил: «Нас призвали сюда учиться, чтобы мы стали снайперами, а потом нас пошлют на фронт на пушечное мясо. Все равно, ребята, если полезут японцы, то Красной Армии будет капут, а у нас есть один выход – сдаться в плен, перейти на сторону японцев, там будем работать, а по окончании войны поедem домой».

В целях предотвращения попыток измены Родины путем бегства за границу органы военной контрразведки ТОФ провели в частях и соединениях флота, дислоцированных вблизи границы с Японией и Кореей, огромную профилактическую работу. Личный состав всех частей и особенно постов ВНОС, расположенных вблизи границы, был проверен. Все неблагонадежные военнослужащие были переведены в части, расположенные на значительном удалении от границы.

Одновременно были приняты меры по усилению агентурно-оперативной работы в частях, весь гласный и негласный аппарат контрразведывательных органов был нацелен на опережающее выявление изменнических намерений, обнаружение материалов антисоветского характера, сомнительных связей с местным населением из числа корейцев и китайцев. Такая же работа была проведена в отношении 30 команд вооруженной охраны от Тихоокеанского флота на кораблях и судах, совершающих заграничные рейсы, и в результате тщательной проверки представленных к заграничному плаванию 649 военнослужащих 337 чел. из них было заменено.

Выявленных фактов изменнических намерений и антисоветских высказываний было довольно много. Зачастую изменнические настроения переплетались с недовольством в отношении офицерского и сержантского составов. Во многом это было связано с тем, что наиболее подготовленный в военном и морально-политическом отношении личный состав в начале войны в массовом порядке перебрасывался на Западный фронт, а на его замену приходило молодое пополнение, чей боевой дух оставлял желать лучшего. Особенно это касалось выходцев из среднеазиатских республик, высказывавших резкое недовольство службой на флоте, о чем свидетельствуют документы флотской контрразведки: «За последнее время в частях и соединениях ТОФ имеют место факты, свидетельствующие об активизации антисоветского элемента среди призванных на флот татар, узбеков и башкир, в форме контрреволюционной националистической агитации». Так, в 1944 г. был арестован краснофлотец 52-й батареи 44-й ОЗАД ПВО ТОФ Ш.М. Абдиев, узбек по национальности, который подбивал своих земляков к неподчинению командирам и говорил: «Этих русских убивать надо. Русские нас обманывают, чтобы узбекский народ на русских работал. Это им не пройдет».

Только в 1942–1943 гг. органами флотской контрразведки было зафиксировано свыше 300 фактов подобных высказываний, сопровождавшихся угрозами в отношении командиров. В докладной записке на имя начальника управления контрразведки «СМЕРШ» НКВМФ сообщалось: «Из имеющихся материалов видно, что причинами, порождающими террористические намерения, являются:

1) наличие в частях флота элементов, которые в силу своего социально-политического прошлого и антисоветских взглядов выступают против порядка, установленного в ВМФ, и на требовательность командиров выказывают угрозы и террористические намерения;

2) наличие морально разложившихся элементов, недисциплинированных и отрицательно реагирующих на требовательность со стороны офицерского, старшинского и сержантского состава и высказывающих такие же намерения;

3) недочеты в работе политорганов и партийно-комсомольских организаций».

18 августа 1945 г. во все органы ОКР «СМЕРШ» ТОФ была направлена директива: «По имеющимся данным, через письма, присылаемые родными и знакомыми, в части флота проникает религиозная пропаганда. Имеются факты, когда в письмах, прошедших военную цензуру, бойцы и офицеры обнаруживают религиозные прокламации, обращения, молитвы и сектантские листовки. Управлением контрразведки НКВМФ «СМЕРШ» сообщено об этих фактах отделу «В» НКГБ СССР на предмет усиления просмотра направляемой военнослужащим корреспонденции и конфискации церковно-сектантских документов. Согласно указаниям Начальника Управления контрразведки НКВМФ «СМЕРШ» генерал-лейтенанта береговой службы тов. Гладкова, предлагаю усилить агентурно-оперативную работу по выявлению каналов, по которым на флот проникает религиозная пропаганда и контрреволюционные сектантские воззвания, развернуть работу по выявлению авторов церковно-сектантских документов и лиц, занимающихся контрреволюционной сектантской деятельностью на флоте».

В этом смысле показательным делом № 381 на краснофлотцев 16-го авиаполка ВВС ТОФ Кононова и Шевелева, которые были сектантами и по сговору между собой отказались от принятия воинской присяги. Они были арестованы и Кононов на допросе показал, что «он желал победы Германии над СССР, так как ненавидит Советскую власть за то, что она против религии, и поэтому защищать ее не желает».

8 августа 1945 г. начальник ОКР «СМЕРШ» ТОФ генерал-майор береговой службы Мерзленков своей директиве отмечал: «Анализируя итоги агентурно-оперативной деятельности и следственной работы за период Великой Отечественной войны, проведенной органами контрразведки «СМЕРШ» ТОФ (до организации органов «СМЕРШ» Особых отделов), необходимо отметить, что большинство органов провело значительную работу по выявлению и репрессии антисоветского элемента, проводившего на флоте контрреволюционную деятельность. В частности, достигнуты положительные успехи по борьбе с изменой Родине, терроризмом, дезертирством и лицами, проводившими антисоветскую агитацию».

В 1945 г. ОКР «СМЕРШ» ТОФ было арестовано 105 военнослужащих, осужденных впоследствии военным трибуналом, в том числе за измену Родине – 1, за террористическую деятельность – 1, за антисоветскую агитацию – 15, за диверсионный акт – 4, за разную антисоветскую агитацию – 59, за бандитизм – 1, за хищение оружия – 6, за дезертирство – 7.

Анализ данных по борьбе с дезертирством позволяет сделать следующие выводы. Наиболее часто воинские и уголовные преступления в годы войны совершались военнослужащими частей береговой обороны, частей обслуживания ВВС, строительных подразделений, куда отбор призывников производился не самым строгим образом, а

иногда и с грубыми нарушениями. Это было вызвано хронической нехваткой личного состава, так как наиболее подготовленный личный состав отправлялся на фронт, а ему на смену приходило разношерстное пополнение, засоренное уголовными и антисоветски настроенными элементами.

За все время войны на Тихоокеанском флоте не было ни одной диверсии, совершенной агентами иностранных разведок. Немецкая разведка вела активную диверсионно-террористическую деятельность против частей Красной Армии на Западном фронте и не ставила перед собой задач по проведению диверсий на Тихоокеанском флоте. Японская разведка активно разрабатывала планы диверсионно-террористической деятельности против Советской армии и флота и готовила кадры для их реализации, но вела себя очень осторожно, сообразуясь с изменениями военно-политической ситуации и не желая до поры до времени обострять отношения с Советским Союзом.

Тем не менее, диверсионные акты на Тихоокеанском флоте были. В 1943 году чекистами был арестован краснофлотец Власов за попытку произвести диверсионный акт по уничтожению самолета. Военным трибуналом Власов был приговорен к высшей мере наказания.

18 июля 1942 г. во время стоянки у пирса в базе в Николаевск-на-Амуре на подводной лодке Щ-138 (V-бис-серия) произошел взрыв стеллажных торпед во II отсеке. В результате взрыва полностью уничтожена носовая часть подводной лодки до 40 шпангоута; механизмы и оборудование в I, II, III и частично IV отсеках, а также часть прочного и легкого корпуса в этом районе были разорваны на крупные и мелкие куски и отброшены взрывом на расстояние до 500–1000 м от места стоянки подводной лодки. Подводная лодка затонула.

Тот же взрыв разрушил прочный корпус стоявшей рядом ПЛ Щ-118 (V-бис-серия) в районе 23-30 шпангоута (II отсек) по левому борту (размер пробоины 5х1 м). До взрыва подводная лодка стояла с открытым рубочным люком и люком I отсека и с отдраенными междуотсечными переборками.

Так как во II отсеке образовалась пробоина, вода быстро затопила I, II, III, IV, V отсеки и подводная лодка затонула. Личный состав в количестве 20 чел. сгруппировался в загерметизированных VI и VII отсеках. Через 5 часов после подъема краном кормовой части людей удалось вывести из лодки. Одной из главных версий причин аварии считалась диверсия.

В 13.55 26 апреля 1945 г. на подводной лодке Щ-139 (X серия) 2-го Отдельного дивизиона подводных лодок Владимиро-Ольгинской ВМБ ТОФ, пришвартованной к пирсу № 2, произошел взрыв, в результате которого в течение 30–45 секунд подводная лодка опустилась кормой на грунт, а V, VI и VII отсеки были залиты забортной водой. Находившиеся в VI отсеке четыре краснофлотца погибли. В ходе расследования, проведенного отделом контрразведки с привлечением широкого круга специалистов, было установлено, что затопление лодки произошло в результате взрыва находившихся в VII отсеке 25 тротильных подрывных патронов № 3 весом 1,2 кг каждый. В ходе многочисленных экспертиз выяснилось, что версия о самопроизвольном подрыве полностью исключается, так как для взрыва тротила необходимы детонаторы и бикфордов шнур. Флотские чекисты установили, что незадолго до взрыва командир БЧ-3 лейтенант Ефимов получил для проведения занятий с личным составом детонаторы и бикфордов шнур.

На первых порах Ефимов полностью отрицал свою причастность к происшедшему, но, в результате неопровержимых улик, проведенных экспертиз и показаний свидетелей, признал на допросе, что, «решив покончить с собой и с лодкой на почве онанизма, установил детонаторы и поджег бикфордов шнур, да в последний момент струсил и пошел последний раз перекурить в 1-й отсек». Судебно-психиатрическая экспертиза Ефимова признала вменяемым, и он был приговорен военным трибуналом к высшей мере наказания. Неустроенность личной жизни лейтенанта и его неспособность совладать с самим собой обошлась государству и флоту в четыре человеческих жизни, в выведенную на год из строя подводную лодку и три миллиона рублей, затраченных на ее ремонт.

Еще одним диверсантом, выявленным отделом контрразведки «СМЕРШ» Петропавловск-Камчатской ВМБ ТОФ, оказался старший краснофлотец В.И. Мешалов, который, проходя службу на одной из подводных лодок, намеревался ее взорвать. Еще до призыва на флот Мешалов, будучи жителем Москвы, намеревался в 1941 г. перейти на сторону немецкой армии. Для осуществления своих планов подрыва лодки Мешалов собирал все необходимое для сборки взрывного устройства замедленного действия. Через агентурные источники чекистам стало известно о намерениях Мешалова, и во избежание диверсии его перевели для дальнейшего прохождения службы в судоремонтные мастерские тыла военно-морской базы.

Однако прямых улик против него не было, и контрразведчики ограничились лишь дальнейшим наблюдением за матросом. На новом месте службы Мешалов не успокоился и приступил к изготовлению мины замедленного действия для взрыва артиллерийского склада. После взрыва он хотел связаться с японцами и перейти на их сторону. Медлить было нельзя, и Мешалова арестовали, а полностью готовую мощную мину с пятью килограммами тротила изъяли. 18 мая 1945 г. Мешалов был приговорен военным трибуналом к 15 годам исправительно-трудовых работ.

13 июля 1945 г. красноармеец аэродромного батальона 2-й авиабазы ВВС ТОФ М.Г. Ахмадулин во время несения караульной службы подпилит у шести самолетов СБ вертикально-продольные трубки цилиндров шасси, выпустил гидросмесь и тем самым вывел самолеты из строя. В ходе расследования флотские чекисты выяснили, что сослуживцы Ахмадулина Нурлиев и Сулейманов намеревались сделать то же самое по его совету. Ахмадулин вел активную антисоветскую агитацию среди татар, подбивая их к неподчинению и совершению диверсионных актов. На следствии Ахмадулин показал, что делал это по причине «ненависти к Советской власти и нежелания служить на флоте». Все трое были арестованы контрразведкой, а затем преданы суду военного трибунала.

В большинстве случаев органы военной контрразведки флота, благодаря правильно поставленной агентурно-оперативной работе, еще на ранней стадии выявляли такие намерения и предотвращали умышленную порчу военной техники и имущества.

Закончилась война с Германией и Японией. Страна стала возвращаться к мирной жизни, но органы военной контрразведки продолжали свою работу в прежнем режиме. На смену борьбе с изменой Родине и дезертирством пришла работа по пресечению бандитизма и других тяжких уголовных преступлений, совершавшихся военнослужащими.

25 января 1945 г. начальник ОКР «СМЕРШ» ТОФ направил в периферийные органы директиву: «Всем начальникам ОКР «СМЕРШ» ВМБ, секторов БО, авиадивизий и бригад Тихоокеанского флота. Народный комиссар ВМФ адмирал флота товарищ Кузнецов своим приказом № 9 от 9 января 1945 г. в целях решительного пресечения случаев хулиганства, грабежа и убийств со стороны военнослужащих ВМФ приказал: 1. За каждое совершенное такого рода преступление отдавать под суд военного трибунала не только преступников, но и привлекать к ответственности вплоть до предания суду самих командиров частей. 2. Немедленно изъять непопавшее огнестрельное и холодное оружие у военнослужащих. 3. Не допускать увольнений на берег рядового, старшинского и сержантского состава с оружием.

В связи с этим, руководствуясь телеграфным распоряжением начальника Управления контрразведки НКВМФ «СМЕРШ» предлагаю: 1. С приказом наркома ВМФ № 9 от 9 января 1945 г. ознакомиться в штабах соединений. 2. К 10 февраля 1945 г. представить мне докладную записку о фактах нарушения и невыполнения указанного приказа и принятых командованием по вашей информации мерах к командирам частей, где имели место случаи хулиганства, грабежа и убийства. 3. В дальнейшем о фактах нарушения и невыполнения приказа НКВМФ № 9 немедленно доносить мне обстоятельным сообщением. Директиву проработать со всем оперативным составом ОКР «СМЕРШ» флота».

Во время военных действий в Корее и Маньчжурии фактов совершения тяжких преступлений зафиксировано не было. Известно только одно дело, когда 27 августа 1945 г. в ходе боевой операции по очистке железнодорожной станции Гензан краснофлотец разведвзвода 76-го батальона 13-й бригады морской пехоты Голосов убил из автомата старшего лейтенанта Ромахина за то, что офицер дал ему 10 суток ареста, и двух краснофлотцев, чтобы скрыть свое преступление.

После окончания военных действий особенно много работы по пресечению бандитизма, убийств, грабежей, разбоев и других преступлений легло на плечи отдела контрразведки «СМЕРШ» Порт-Артурской ВМБ Тихоокеанского флота. Уже в 1946 г. военной прокуратурой Порт-Артурской ВМБ было привлечено к уголовной ответственности 12 человек. В 1946 г. и в начале 1947 г. отделом контрразведки базы было ликвидировано четыре бандгруппы из числа военнослужащих общей численностью 16 чел. Кроме того, было арестовано за подготовку побега за границу семь военнослужащих.

В 1946 г. отделом контрразведки «СМЕРШ» Порт-Артурской ВМБ было реализовано агентурное дело «Дайренцы», по которому проходили В.В. Малеев и П.В. Романов, планировавшие совершить побег из Порт-Артура в Китай на шхуне, прихватив с собой похищенное из части оружие – три пистолета ТТ. Пистолеты они продали китайцам за 13 тысяч юаней, а полученные деньги хотели использовать для оплаты своего проезда на юг Китая. По делу было арестовано еще четверо военнослужащих, которых военный трибунал вместе с Малеевым и Романовым приговорил к различным срокам исправительно-трудовых работ.

Показательным является дело матросов Порт-Артурской ВМБ Садовского, Рахманова и Голощапова, которые в конце 1945 г. дезертировали из своей части с помощью офицера Вашкевича. На следствии выяснилось, что Вашкевич предлагал дезертирам: «Обратитесь к консулу США в Шанхае и передайте ему привет от человека, которого

он знает, консул все поймет, окажет вам помощь и переправит в Америку, но для этого нужны деньги». Средства дезертиры добывали кражами и грабежами. В ночь на 7 декабря Садовский, Голощапов и Рахманов по сговору похитили из гаража флотской поликлиники 10 автопокрышек и на автомашине вывезли их с территории части, а затем продали китайцам за 200 тыс. юаней. Затем Садовский и Голощапов отправились в Далянь, где через японку Судзуки, знавшую русский язык, познакомились с владельцем ресторана Тодахара и до самого ареста скрывались у него на квартире. Садовский и Голощапов обещали Тодахара 60 тыс. юаней за то, чтобы он договорился со знакомыми капитанами шхун о их переброске в Шанхай. Тодахара согласился и договорился об этом с японским торговцем Аикава, но арест помешал дезертирам осуществить их планы.

Пока Садовский и Голощапов скрывались у Тодахары, деньги кончились и они вновь занялись бандитизмом. За несколько дней до ареста они на дороге между Порт-Артуром и Дальним совершили налет на машину нефтеперегонного завода промтодела 39-й армии. Садовский четырьмя выстрелами из ранее похищенного у офицера в поликлинике маузера убил шофера-японца, труп которого бандиты выбросили под откос бухты Рокотан, а машину попытались продать через Тодахара. Арестованные чекистами Садовский и Голощапов на первом же допросе полностью признали свою вину и в 1946 г. были приговорены военным трибуналом к суровой мере наказания.

В 1947 г. флотскими чекистами вновь была арестована в Порт-Артуре группа из шести военнослужащих, готовивших побег и переход на сторону американских или гоминьдановских властей.

21 февраля 1946 г. Отделом контрразведки МГБ Порт-Артурской ВМБ ТОФ были задержаны и арестованы матросы Афанасьев, Богданов, Калинин, Ребизов, Переверзев и Сигнатулин, которые неоднократно совершали вооруженные налеты на китайские шхуны для грабежа в период с ноября 1945-го по февраль 1946 г. Как было установлено следствием, эта группа совершила 15 налетов и ограбила 10 китайских шхун. Награбленное преступники продавали военнослужащим по спекулятивным ценам. Вся группа была осуждена и приговорена к длительным срокам заключения.

10 марта 1946 г. военной контрразведкой Порт-Артура был арестован младший лейтенант Достов, командир взвода 432-го отдельного пульбата береговой обороны Порт-Артурской ВМБ. Достов командовал заставой на берегу одной из бухт близ Порт-Артура и, когда 30 января 1946 г. китайская шхуна зашла спрятаться от шторма в бухту, вышел к ней на шлюпке вместе с сержантом и переводчиком-китайцем, поднялся на борт шхуны, осмотрел ее, а затем приказал изъять принадлежащие китайцам 9 ящиков бренди, 2 ящика мыла, 3 ящика яиц, 270 кг свинины, 4 настольных часов. Часть изъятых Достов взял себе, а остальное отдал личному составу своего взвода. Военным трибуналом Достов был приговорен к 9 годам заключения и лишен офицерского звания.

2 ноября 1946 г. Отделом контрразведки МГБ Порт-Артурской ВМБ ТОФ были арестованы матросы Герфанов, Савощенко, Новиков и Белоусов, проходившие службу в 391-м отдельном батальоне ВНОС 270-й бригады ПВО Тихоокеанского флота. В ходе предварительного следствия было установлено, что матрос Герфанов, будучи начальником поста 04 ВНОС, организовал вооруженную бандгруппу, которая неоднократно выходила на шлюпке в море вместе с китайскими рыбаками и совершала

вооруженные нападения на проходящие мимо парусные шхуны, принадлежавшие торговым организациям местного китайского самоуправления и отдельным торговцам.

Преступники силой отбирали продукты питания, домашние вещи, спиртные напитки, деньги, золото и другие ценности, которые затем делили между собой, а часть отдавали китайцам, принимавшим участие к грабежах. При аресте и обыске часть награбленного была обнаружена и возвращена кооперативу селения Дзиньчжоу. Однако ряд вещей, в том числе 3 лян золота (125 граммов), так и не были найдены. Общий ущерб составил 158 тыс. юаней. Кроме того, преступники совершили групповое изнасилование китаянки Ван Цинь Ю, которую обманом завлекли в помещение поста. Вся группа была осуждена и приговорена к длительным срокам заключения.

9 сентября 1946 г. совершил побег матрос 49-го Отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона 270-й бригады ПВО флота И.В. Бутиков и унес с собой автомат ППШ с патронами. Бутиков не хотел служить и решил уйти из зоны расположения частей Красной Армии в Мукден (ныне Чанчунь) и устроиться там на работу под видом местного жителя. На попутной машине он уехал из Порт-Артура в Дальний, откуда собирался дальше ехать на поезде, но его постигло разочарование – поезда на Мукден не ходили. Тогда он пошел пешком вдоль линии железной дороги. 13 сентября он дошел до китайского поселка в шести километрах от маньчжурской границы, но испугался переходить границу в форме и с оружием в руках. Тогда он вновь вернулся в Дальний, где форму обменял на гражданскую одежду и продал китайцу автомат, достал фиктивные документы и вновь решил идти в Мукден, но 23 сентября был задержан военными контрразведчиками. За свои «путешествия» по Китаю он получил 10 лет исправительно-трудовых работ.

Так же, как и Бутиков, матросы Афиногенов, Калинин и Миронов дезертировали из своей части и поехали в Харбин в поисках новой жизни, совершая по пути нападения на китайцев, у которых отобрали 12 тыс. гоби, большое количество продуктов и промтоваров. В скором времени они были задержаны флотскими контрразведчиками и впоследствии приговорены к длительным срокам заключения.

2 февраля 1946 г. парторг батареи 222-го отдельного железнодорожного артиллерийского дивизиона Порт-Артурской ВМБ сержант Гордеев, старший лейтенант Жилин, матросы Воскресенский, Курочкин и Ивлев совершали комендантский обход в Порт-Артуре и напились в одном из китайских ресторанчиков, за что были отстранены комендантом от несения патрульной службы и возвращены в часть. Но по дороге в часть они ворвались в квартиру китайского полицейского и под угрозой оружия отобрали у него 4,9 тыс. юаней и наручные часы. В тот же день все пятеро были задержаны и арестованы флотской контрразведкой.

Первые два послевоенных года характеризовались падением воинской дисциплины. Участились случаи совершения уголовных преступлений, пьянства, самовольных отлучек из части, хищений воинского имущества. В какой-то мере на это влияло нахождение военнослужащих на зарубежной территории – в Китае и Корее. Был ослаблен контроль за передвижением военнослужащих и гражданских лиц через границу. В директиве начальника ОКР «СМЕРШ» ТОФ отмечалось: «Имеют место случаи выезда за пределы СССР в Корею и Маньчжурию разных лиц по личным делам (отпуска, за покупками). Без согласования с органами СМЕРШа выезжают лица для работы по вольному найму. Кроме этого отделами контрразведки беспрепятственно допускается

перевод по службе за границу активных подучетников и других антисоветски настроенных и подозрительных лиц. Такое недопустимое положение приводит к тому, что за последнее время имеют случаи измены Родине в Порт-Артуре».

14 августа 1947 г. во время конвоирования на гауптвахту сбежали подследственные солдаты 379-й отдельной местной стрелковой роты Сейсинской ВМБ Чистюхин и Хайдаров. Как выяснилось, они вместе с конвоиром зашли на квартиру знакомого корейца, напились и приняли решение сбежать к американцам. Вернувшийся в часть конвоир был арестован, а сбежавшие солдаты были немедленно объявлены в розыск. Чистюхина чекисты задержали недалеко от демаркационной линии. Хайдаров успел перейти на территорию Южной Кореи и был задержан американцами. По имевшейся договоренности между советским и американским командованием Хайдарова передали назад.

В том же году матросы 12 Отдельной морской железнодорожной бригады Гридазов, Лысенко, Игроватый похитили два автомата ППШ, 4 тыс. патронов и совершили групповой побег, но далеко уйти не успели и были задержаны контрразведчиками. За это преступление они были осуждены военным трибуналом на длительные сроки лишения свободы.

Эйфория победы порождала у ряда военнослужащих чувство вседозволенности, которое приводило к совершению преступлений. Учитывая всю сложность внутриполитической ситуации в Корее и в Китае после окончания войны с Японией, когда за власть боролись многочисленные политические группировки, такие факты противоправной деятельности со стороны советских военнослужащих могли привести к серьезным осложнениям.

Поэтому органы военной контрразведки Тихоокеанского флота жестко и решительно пресекали преступную деятельность отдельных военнослужащих на территории Китая и Кореи, не оставив нераскрытым ни одного преступления. В 1945–1947 гг. флотской контрразведкой было арестовано и привлечено к уголовной ответственности свыше 300 военнослужащих, совершивших уголовные и воинские преступления.

Следует отметить, что у флотской контрразведки были и серьезные недочеты на фронте борьбы с преступностью. Так, занимавший в 1945–1947 гг. должность начальника Отдела контрразведки «СМЕРШ» по Порт-Артурской ВМБ капитан 2 ранга И.И. Логинов неоднократно подвергался взысканиям за упущения в следственной работе, нарушение норм уголовно-процессуального кодекса, формальный подход и слабый контроль к руководству оперативной работой. В конце концов он был уволен из органов контрразведки и в течение длительного времени находился под следствием, в ходе которого ему вменялись в вину серьезные упущения в борьбе с воинскими преступлениями, несмотря на то, что Логинов был кадровым чекистом, занимавшим руководящие должности во флотской контрразведке и имевшим высокие результаты в оперативной деятельности.

С конца 40-х гг. ситуация с тяжкими преступлениями на Тихоокеанском флоте коренным образом изменилась. Значительно сократилось их число, в первую очередь убийств, грабежей и хулиганства. За десять лет, с 1950 по 1960 гг., флотским контрразведчикам пришлось расследовать только три случая убийств, совершенных военнослужащими. Эти преступления были раскрыты, а виновные понесли заслуженное наказание.

Вплоть до начала 60-х гг. численность дезертировавших из частей и с кораблей флота не превышала 50 чел. в год. Изменились и мотивы, толкавшие военнослужащих на дезертирство. На флоте стало появляться уродливое явление – «дедовщина». В сообщениях Военному совету Тихоокеанского флота военные контрразведчики неоднократно отмечали, что происходит искривление дисциплинарной практики, отмечаются массовые случаи неуставных взаимоотношений между молодыми призывниками и старослужащими, особенно проходящими службу на надводных кораблях. Так, в одном из документов Особого отдела КГБ по Тихоокеанскому флоту на имя командующего флотом отмечалось: «Часть старослужащих, увольняющихся в запас, занимаются избиением молодого пополнения и называют себя «карателями», при полном попустительстве со стороны офицерского состава». Военные контрразведчики принимали решительные меры по искоренению этого явления и добились в этом значительных результатов.

В этот период были пресечены отдельные случаи, когда военнослужащие дезертировали с намерением изменить Родине. В сентябре 1956 г. матрос одной из частей флота Сиверский написал заявление в военный трибунал ТОФ, в котором отказывался от данной им воинской присяги, мотивируя свой поступок несогласием с политикой КПСС. Сразу же после этого он решил сбежать в Японию и составил план побега, по которому хотел захватить катер постановки дымовых завес. С этой целью Сиверский искал моториста и рулевого среди своих сослуживцев. У него был и альтернативный вариант ухода сухим путем через южные границы. 16 октября 1956 г. он был арестован, а затем осужден.

В 1958 г. военные контрразведчики занимались довольно интересным случаем дезертирства на Камчатке, где проходил срочную службу на флоте некто Агеев. Не желая служить в вооруженных силах, он вынашивал планы дезертировать и убежать за границу. Среди своего окружения Агеев нашел единомышленников в лице матросов Бабинова и Чумака. Эта троица намеревалась покинуть часть, перейти границу и обосноваться «в одной из нейтральных стран – Швейцарии или Шотландии». Предусматривался и другой вариант – уйти в Японию на лодке. Оставив часть, они несколько дней скрывались в сопках, пока не были разысканы и арестованы чекистами. Суд приговорил всех троих к длительным срокам заключения от 10 до 14 лет.

Отмечались единичные случаи вредительства и порчи военного имущества по различным мотивам. Так, 9 апреля 1952 г. на эсминце «Волевой» командир отделения машинистов обнаружил на крышках носового и кормового подшипников турбин высокого и низкого давления кусочки миллиметровой проволоки длиной от 15 до 25 мм. Так как ремонтных работ не производилось, это вызвало у него подозрение. Проверкой было установлено, что вахту стоял матрос Пузырев Л. С., который в ходе следствия признался, что сам лично засыпал в подшипники турбин кусочки проволоки. На допросе Пузырев сообщил: «Не веря в силу ВМФ СССР, будучи пораженчески настроен на случай возможного нападения США на Советский Союз и проявляя трусость, я любыми средствами стремился освободиться от службы. С этой целью я совершил диверсионный акт на корабле, имея в виду то, что за это я буду приговорен к уголовной ответственности и осужден. Я думал, что это даст мне возможность сохранить жизнь во время войны с США». 4 июня 1952 г. военный трибунал признал Пузырева виновным и приговорил его к 25 годам исправительно-трудовых работ.

Дело не всегда доходило до суда. На минно-торпедной базе в 1956 г. было выявлена порча резиновых покрышек торпедных тележек. Как выяснили чекисты, караульный базы протыкал покрышки только потому, что ему нравился свист выходящего из них воздуха. Караульный понес дисциплинарное взыскание. В другом случае была вскрыта намеренная порча двигателя самолета. Чекисты установили, что это сделал сам пилот, не желая по приказу командира части пересаживаться на другую машину. В ходе разбирательства выяснилось, что командир отдал приказ на почве неприязненных отношений с этим летчиком, бывшим на хорошем счету. Конфликт был урегулирован, а виновник лично отремонтировал возвращенного ему любимца.

В 1955 г. на территории одного из камчатских гарнизонов были обнаружены растяжки с гранатами «Ф-1», установленные на тропинках вблизи домов офицерского состава. Начав расследование, чекисты и установили, что лейтенант медицинской службы Сажин решил таким образом отомстить своему начальнику. Более того, выяснилось, что Сажин – это не настоящая фамилия лейтенанта и в часть он попал по подложным документам, стремясь таким образом уйти от наказания за ранее совершенное дезертирство. Сажин был арестован и осужден.

В 40–50-х гг. флотская контрразведка реализовала несколько дел с политическим окрасом. В конце 1945 г. отдел контрразведки «СМЕРШ» Владимиро-Ольгинской ВМБ завел дело-формуляр № 1366 на старшего лейтенанта Закатова. В ходе агентурно-оперативной разработки выяснилось, что «Закатов после командировки в 1943 г. в США стал проводить антисоветскую агитацию и выказывать изменнические намерения». В своих доверительных разговорах с сослуживцами Закатов говорил, что намерен организовать партию гуманистов.

В результате агентурно-оперативных мероприятий стали известны взгляды и высказывания Закатова. В частности, он говорил: «Гуманист» – это есть партия, состоящая из людей, которые стоят за подлинную демократию в нашей стране. В настоящий момент у нас нет никакой демократии. В любой буржуазной стране демократии в несколько раз больше, чем у нас. У нас нельзя даже свободно передвигаться без особого разрешения по стране, нельзя переходить с работы на работу, у нас нет никакой личной свободы человека. В общем, у нас существует система государственного рабства. В буржуазных странах ничего подобного нет. Даже рабы Древнего Рима и Греции экономически жили лучше, чем живет наш народ. Наш народ раздет, разут и голоден. Наш народ терпелив, много веков он переносит лишения и нужды, но рано или поздно он от них избавится и будет жить счастливо свободной жизнью. Вывести народ из теперешнего состояния – задача нашего поколения».

Дело Закатова сразу же было поставлено руководством ОКР «СМЕРШ» ТОФ на контроль. Чуть позже стали известны конкретные планы Закатова. Подведенному к нему агенту он рассказал: «В 1943 г. я не остался в США из-за семьи. Теперь я в семье разочаровался, и меня здесь ничего уже не удерживает. Поэтому мои планы сейчас таковы: во-первых, вновь попасть в заграничную служебную командировку и бежать в США, во-вторых, организовать там, в Америке, международную организацию и разоблачать все, что творится у нас здесь, в-третьих, подобрать здесь из надежных людей руководящий состав организации».

Разработка Закатова продолжалась еще довольно долго, а затем было принято решение ходатайствовать перед командованием флота об его увольнении с воинской службы, что и было сделано. Мотивировка такого решения была проста — намерения

Закатова были вскрыты на ранней стадии, и на настоящий момент он никакой опасности не представляет. Дело-формуляр было направлено по месту жительства Закатова.

В 1945 г. инженер-капитан В.П. Гавриленко, инженер по вооружению 52-го авиаполка 2-й авиационной дивизии ВВС ТОФ, в день Военно-морского флота распространил у себя в части рукописные листовки с призывами к труженикам и техническому составу гарнизона, в которых он разоблачал, в том числе в стихах, командиров и начальников, занимающихся злоупотреблениями и хищениями, критиковал ужасные бытовые условия и плохое питание, подчеркивая, что «даже простой скот живет лучше нас». Гавриленко, в частности, в одной из своих листовок отметил: «У нас была Победа, и Сталин поднял тост за нас – за «винтиков» Победы».

За свои действия Гавриленко поплатился служебной карьерой, но те, кого он открыто обвинил в многочисленных нарушениях, после разбирательства, проведенного командованием, и чекистского расследования были подвергнуты суровым наказаниям, вплоть до возбуждения уголовных дел.

В 1957 г. в поле зрения Особого отдела КГБ по Амурской военно-речной базе попал матрос срочной службы Эдвин Александрович Фомин, призванный из Ангарска, откуда на него пришло дело-формуляр, заведенное территориальными органами государственной безопасности. Была проведена агентурно-оперативная разработка, и 22 февраля 1958 г. Фомин был арестован. Предварительное следствие установило, что Фомин еще до призыва на воинскую службу создал в Ангарске группу под названием «Союз освобождения трудового народа» (СОТН), в которой состояли Дианов и Дейч. Фомин разработал программу СОТН, текст клятвы и шифр для переписки. Каждый член группы имел свой псевдоним: Фомин – «Янош», Дианов – «Роман», Дейч – «Гарри». Члены СОТН договорились, что будут привлекать новых членов в свою организацию, изготовлять и распространять листовки. На службе Фомин продолжал устно и письменно распространять идеи «Союза освобождения трудового народа» и призывал к активной борьбе против партии и правительства.

В переписке с родными и членами СОТН Фомин признавался: «Мою душу распирает радость. Мне стало известно, что по центральным областям СССР прошла волна арестов студентов. Я радуюсь не за то, что их арестовали, а за то, что есть люди, мыслящие так же, как и я и как мой друг Володя. Их арестовали за вольные мысли, за недовольство правительством и за то, что они призывали подняться за лучшую жизнь, за свободу! Ура, мы не одни, есть еще люди, у которых девиз: буря, скоро грянет буря! Наверняка ясно, есть политические кружки, подобные нашему СОТН. Нужно объединяться, нужно действовать, черт побери!»

Следствие полностью установило вину Фомина, который, не скрывая, рассказал о своих убеждениях, и военный трибунал приговорил его к трем годам лишения свободы.

Еще одним важным направлением деятельности военной контрразведки Тихоокеанского флота было контрразведывательное прикрытие органов секретного и шифровального делопроизводства флота, выявлению и пресечению попыток разглашения военной и государственной тайны военнослужащими. Уголовным кодексом РСФСР в редакции 1926 г. статьями 58-1 «а», 58-6, 193-25 предусматривались суровые наказания за разглашение государственной и военной тайны, которое практически приравнялось к измене Родине и к шпионажу. Редакция статьи 193-25 в разделе «воинские преступления» неоднократно менялась. До 1947 г. «разглашение являющихся специ-

ально охраняемой тайной сведений о вооруженных силах и об обороноспособности Союза СССР» влекло за собою высшую меру социальной защиты с конфискацией имущества. Но и в новой редакции наказание было не менее суровым. Разглашение военных сведений, не подлежащих оглашению, но не являвшихся специально охраняемой тайной, наказывалось лишением свободы сроком до одного года, а то же деяние, при наличии смягчающих обстоятельств, наказывалось в рамках правил Дисциплинарного устава вооруженных сил.

Военная контрразведка обеспечивала надлежащее хранение и оборот секретной документации в частях и на кораблях Тихоокеанского флота, осуществляла агентурно-оперативные мероприятия по проверке военнослужащих, имевших допуск к секретной работе. На флотских чекистов возлагалась обязанность открытия допуска к секретной работе и контроля за соблюдением ее правил и инструкций. Это было одной из самых сложных и многогранных задач, особенно накануне и во время Великой Отечественной войны, когда на Тихоокеанском флоте развернули 238 шифровальных органов, в которых проходило службу 408 шифровальных работников. Флотскими чекистами в годы войны были предприняты беспрецедентные меры контрразведывательного прикрытия шифровальных органов и их сотрудников, в том числе многоступенчатый тщательный кадровый отбор, глубокое изучение их окружения и связей. Тем самым была создана система по предотвращению проникновения в шифровальные органы агентуры противника и ее обнаружению на самой ранней стадии.

В то же время, несмотря на все усилия военной контрразведки, на Тихоокеанском флоте имели место многочисленные нарушения правил секретного делопроизводства, что приводило к утрате секретных документов, в первую очередь из халатности и личной недисциплинированности ряда офицеров и других военнослужащих частей, соединений и кораблей флота.

Только в 1944 г. было выявлено 378 случаев утери секретных, совершенно секретных документов и документов скрытой связи, а за первое полугодие 1945 г. было утеряно 117 секретных документов. К концу того же года это число увеличилось до 159 документов. Такое положение дел в условиях военного времени было совершенно недопустимым.

5 июля 1945 г. начальник ОКР «СМЕРШ» ТОФ генерал-майор береговой службы Мерзленко в докладной записке о фактах нарушения приказов НКВМФ №№ 0320 и 050 по хранению секретных документов, допуску к секретной работе и о фактах беспечности и разглашения военной тайны в частях и соединениях ТОФ отмечал: «В ряде частей и соединений ТОФ отмечаются факты нарушений приказов Наркома ВМФ о порядке организации и охраны секретных документов и вследствие этого имеют место случаи их утери, а также факты допуска к работе с секретными документами без согласования с органами контрразведки «СМЕРШ» лиц, подозрительных по своему прошлому и связям, факты разглашения секретных документов в разговорах по телефону и в присутствии лиц, не имеющих отношения к секретной работе».

По каждому факту утери секретных документов военными контрразведчиками проводилось тщательное расследование, вскрывались обстоятельства утери и устанавливались конкретные виновники. В зависимости от обстоятельств утери и характера документа виновные несли различные наказания – от выговора до приговора военного трибунала.

Так, на эсминце «Рекордный» произошла утеря секретной таблицы флажных позывных ТОФ по халатности лейтенанта Соловьева и старшины 2-й статьи Жарского, которые были осуждены военным трибуналом соответственно к трем и четырем годам исправительно-трудовых работ. Во время передислокации 104-го Краснознаменного артиллерийского пушечного полка из Печенги на Тихоокеанский флот утеряли ящик с секретной документацией, за что виновный в пропаже, капитан Цыганов, понес уголовное наказание.

В мае 1945 г. лоцман гидрорайона Главной базы флота старший лейтенант Якимов, находясь в состоянии алкогольного опьянения, не сдал в установленном порядке и утерял пять секретных документов, включая лоцманские карты, содержавшие расположение и нумерацию средств ТСО, переговорную таблицу ПТ-35 и ключи к ней, инструкцию о проводке кораблей. Сверток с документами нашли военнослужащие ТОФ недалеко от дома Якимова. Последний был арестован и приговорен военным трибуналом к пяти годам лишения свободы условно.

На береговой базе 4 БПЛ при сверке документов по описи обнаружилась пропажа совершенно секретного пакета с документом, содержавшим особые сигналы по флоту. Чекисты выявили виновника, лейтенанта Еремеева, которого приговорили к двум годам лишения свободы условно.

На СКР «Вьюга» выявили пропажу пяти секретных документов, которые затем были найдены чекистами, а виновник, лейтенант Куликов, по приказу Главкома ВМФ в дисциплинарном порядке получил семь суток ареста. На капитан-лейтенанта Кинобурского также было наложено дисциплинарное взыскание и задержано на один год представление к очередному воинскому за утерю двух секретных документов бригады траления ОВР Главной базы флота. Старшему технику-лейтенанту Додонову объявили выговор за утерю секретного чертежа строительства командного пункта Военного совета ТОФ.

Военная комендатура Находки задержала в состоянии алкогольного опьянения шифровальщика подводной лодки Щ-126, краснофлотца Хатнюка, находившегося в самовольной отлучке, с секретными документами в кармане. За свой проступок он понес дисциплинарное взыскание, получив семь суток ареста.

В июне 1945 г. контрразведка флота установила, что штурман подводной лодки М-11 1-й БПЛ старший лейтенант Соболев рассказал своим сослуживцам и знакомой девушке о том, что в ближайшее время он уходит в море для выполнения особо важного и секретного задания, связанного с большим риском. Действительно, в преддверии начала военных действий против Японии Соболева предполагали отправить со специальным заданием для изучения побережья Кореи и наблюдения за японским военным и коммерческим флотом на судне Востокрыбпрома. С этой целью он прошел подготовку в разведотделе флота, был ознакомлен с характером задания, получил паспорт и легенду. По результатам проведенного чекистами расследования о факте разглашения секретных сведений, командующий Тихоокеанским флотом отстранил Соболева от выполнения задания и наказал его в дисциплинарном порядке.

В результате постоянного усиления профилактической работы военной контрразведки флота по линии защиты государственной и военной тайны резко сократились утери секретной документации, улучшилось секретное делопроизводство, практически исчезли со страниц спецсообщений факты о разглашении военной тайны отдельными военнослужащими в личных беседах и в телефонных переговорах.

Необходимо сказать о военной цензуре, которая внесла значительный вклад в деятельность флотской контрразведки по защите военной и государственной тайны. Сеть военной цензуры на Тихоокеанском флоте была введена в действие в конце 1941 г. и к середине 1942 г. состояла из трех отделений военной цензуры при военно-морских почтовых отделениях во Владивостоке, Советской Гавани и бухте Ольга и пятнадцати групп военной цензуры при военно-морских почтовых станциях, военно-морских базах, секторах береговой обороны и соединениях ТОФ. Численный состав сотрудников военной цензуры в 1942 г. составлял 105 чел., из них старших оперуполномоченных – 14 чел., контролеров – 61 чел., младших контролеров – 26 чел. К 1945 г. численный состав сотрудников военной цензуры увеличился до 220 чел.

В одном из докладе руководства военной контрразведки ТОФ отмечалось: «В процессе обработки корреспонденции военнослужащих ТОФ за март и апрель 1942 г. было отмечено, что письма, в которых излагается отношение к внутреннему и международному положению страны и к службе в армии и на флоте, в основной массе носят патриотический характер. Только незначительная часть переписки со стороны лишь отдельных военнослужащих по этим же вопросам носит отрицательный характер. Отрицательные проявления в письмах военнослужащих касаются главным образом вопросов питания. Так, органами ВЦ было отмечено и вычеркнуто из текстов с такими проявлениями 9635 фрагментов, причем часть из них носит характер не только жалоб на недостаточное питание, но недовольство в связи с этим на военную службу вообще».

В другом спецсообщении говорилось: «Многие из военнослужащих, главным образом рядового состава, в переписке с родными и знакомыми в ряде случаев распространяют сведения, составляющие военную тайну. Таких случаев органами ВЦ отмечено и вычеркнуто из текстов 539 фрагментов. По этому вопросу информирован Военный совет ТОФ для проведения разъяснительной работы в частях».

Органы военной цензуры флота также отмечали, что «во входящей корреспонденции в адрес военнослужащих флота отмечаются факты, в которых описываются экономические затруднения в стране. В ряде случаев эти факты преувеличиваются и переходят в провокацию. Отмечено таких фактов 320».

В 1944 г. только за два месяца работы органами военной цензуры конфисковано 448 единиц корреспонденции, большинство из которой поступило от родных и знакомых военнослужащих с фактами об экономических затруднениях и резкого недовольства снабжением. Также было конфисковано 168 писем, разглашающих военную тайну. Всего за это время из общего количества корреспонденции, составившей 1503855 писем, было сделано 9635 вычеркиваний из текстов.

Приведенные цифры дают представление о том, какой труд проделан военной цензурой во время войны не только по защите государственной и военной тайны, но и по выявлению агентуры противника и раскрытию воинских преступлений. Так, в 1945 г. органы военной цензуры передали в оперативные подразделения 595 меморандумов для учета и использования в работе, по материалам цензуры был арестован один военнослужащий, а в двух случаях данные цензуры послужили уликовыми материалами для изобличения изменников Родины.

Заканчивая эту главу, следует еще раз подчеркнуть, что в военные и послевоенные годы органы контрразведки Тихоокеанского флота много сделали для укрепления боеготовности флота, занимаясь раскрытием и предотвращением уголовных и воинских преступлений, зачастую работая на пределе своих сил и возможностей.

1.9. А.В. Полутов. «Немецкая линия» в работе военной контрразведки Тихоокеанского флота в 1941–1961 гг.

С началом Великой Отечественной войны военная контрразведка Тихоокеанского флота перешла на режим военного времени, а в ее агентурно-оперативной работе появилось новое направление – «немецкая линия». Так, уже в августе 1941 г. флотская контрразведка агентурным путем установила, что лекарский помощник Владимиро-Ольгинской ВМБ ТОФ Я.И. Шелест тайно вел дневник, в котором помещал заметки контрреволюционного содержания с клеветническими измышлениями о РККА, руководителях ВКП(б) и Советского правительства и намеревался опубликовать эти записи в немецкой печати в случае оккупации немцами СССР. Шелест, в частности, писал: «Вот еще раз немцы врезали красным как следует <...> Ничего, вот когда немцы войдут в Москву и от Советов ничего не останется, я со многими посчитаюсь <...> я все немцам расскажу, как при этой власти жили, что это за флот и армия у нас были». Военный трибунал приговорил Шелеста к высшей мере наказания.

В 1941 г. в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны на ТОФ было сформировано и отправлено на западный фронт 25 морских стрелковых бригад. В 1942 г. с флота убыло 103 983 чел., на смену им прибывали призывники и военнослужащие, имевшие контакты с фашистами в плену или на оккупированных территориях. Среди них флотским чекистам необходимо было выявлять агентов спецслужб противника, изменников, карателей и пособников, которые либо пытались скрыться от возмездия за свои преступления, или же выполняли задание своих немецких спецслужб по длительному оседанию на Дальнем Востоке СССР.

К тому времени органы государственной безопасности и военной контрразведки, действовавшие на Западном фронте, выявили немало вражеской агентуры. На основании показаний разоблаченных агентов противника и захваченных в плен официальных сотрудников немецких спецслужб составлялись алфавитные списки и розыскные альбомы, которые рассылались во все органы государственной безопасности.

По этим спискам и альбому военная контрразведка ТОФ активно разоблачала немецкую агентуру в частях флота. В документах того времени отмечалось, что «значительно улучшилась агентурная работа оперативного состава по немецкой линии».

Если в 1942 г. ОО НКВД ТОФ еще не располагал существенными материалами о деятельности немецкой разведки в частях флота, то уже в 1943 г. было реализовано 10 дел-формуляров и одно учетное дело на военнослужащих флота, разрабатывавшихся по подозрению в принадлежности к немецкой разведке. Из числа арестованных пять человек были разоблачены как агенты немецкой разведки. На основании постановления ГКО №1123сс «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» от 10 января 1942 г. военная контрразведка флота добилась увольнения 16 немцев с подсобных предприятий ТОФ, которых отправили в трудовые батальоны.

С конца 1942 г. в части флота стали в массовом порядке прибывать военнослужащие, имевшие контакты с немцами в плену и на оккупированных территориях. Начальник военной контрразведки ТОФ сообщал в Центр: «Анализ агентурно-следственных

материалов показывает, что основным каналом проникновения агентуры немецкой разведки на ТОФ является прибывающее пополнение из лиц, призванных на военную службу с территории, освобожденной от немецких войск в ходе войны, а также лиц, вышедших из окружения и находившихся в плену у немцев. Как установлено в результате реализованных дел, деятельность агентуры немецкой разведки вследствие, видимо, затруднения установить с ней связи со стороны немецких разведцентров, направляется главным образом по линии распространения среди военнослужащих профашистской пораженческой агитации и по линии распространения клеветы на руководителей ВКП(б), Советского правительства и Красную Армию).

В 1943–1945 гг. ОКР «СМЕРШ» ТОФ в результате агентурно-оперативной работы по «немецкой линии» выявил и поставил на оперативный учет 1035 военнослужащих, в том числе: находившихся в тылу и окружении немецких войск в Отечественную войну – 125 чел., проживавших на территории временно занимавшейся немецкими войсками – 844 чел., находившихся в немецком плену в первую империалистическую войну – 13 чел., имевших связи с немецкими подданными, проживавшими в СССР, – 10 чел., бывших в командировках в Германии – 17 чел., немцев по национальности – 26 чел.

В одном из оперативных документов военной контрразведки флота отмечалось: «На 1 июня 1943 г. нами разрабатываются на принадлежность к немецкой разведке 125 человек, из них по делам-формулярам – 40 и 85 по учетным делам. В том числе военнослужащие и члены их семей – 117 человек. Основная масса разрабатываемых является лицами, находившимися в окружении и в плену у немцев, и лицами, проживавшими на оккупированной территории».

10 февраля 1943 г. ОКР «СМЕРШ» ТОФ был арестован красноармеец 73-го отдельного артдивизиона Владимиро-Ольгинской ВМБ ТОФ С.Ф. Борисов 1924 года рождения, Тульской области, из крестьян, русский, беспартийный, в РККА призван в 1942 г. с территории, освобожденной от немецких войск. В спецсообщении об его аресте указывалось: «Прибыв на службу в ТОФ, вел среди личного состава части антисоветскую агитацию, восхваляя порядки, устанавливаемые немцами на оккупированных территориях, распространял содержание фашистских листовок, клеветал на РККА и советскую печать». Сам Борисов уже на первых допросах показал, что «он, находясь в плену, был завербован немцами в декабре 1941 г. и является агентом немецкой разведки, а антисоветской деятельностью занимался по заданию немецкой разведки». Борисов признан виновным в измене Родине и приговорен военным трибуналом Владимиро-Ольгинской ВМБ ТОФ к высшей мере наказания.

Одновременно с Борисовым арестовали красноармейца 73-го отдельного артдивизиона Владимиро-Ольгинской ВМБ ТОФ Н.В. Козырева, 1924 года рождения, призванного в 1942 г. с освобожденной от немцев территории Тульской области. На допросах он признал, что был завербован немцами в декабре 1941 г. во время оккупации и выполнял задания немецкой разведки в прифронтовой полосе советских войск. Козырева приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

5 мая 1943 г. был арестован красноармеец 52 отдельной пульроты Владимиро-Ольгинской ВМБ ТОФ Н.И. Соловьев, 1924 года рождения, Тульской области, призванный в РККА в 1942 г. с освобожденной от немецких войск территории. Соловьев был приговорен к высшей мере наказания, а в приговоре по его делу отмечалось: «С

прибытием на службу Соловьев вел среди военнослужащих антисоветскую агитацию, восхвалял немецкую армию, проявлял недовольство службой в РККА, нарушал воинскую дисциплину и склонял сослуживцев к дезертирству».

ОКР «СМЕРШ» ТОФ всеми доступными средствами решительно пресекал антисоветскую, профашистскую и религиозную агитацию, своевременно выявлял и предупреждал подобного рода настроения среди личного состава. Так, в марте 1945 г. в докладной записке ОКР «СМЕРШ» ТОФ отмечалось: «Призванные с территории Украинской ССР, из Крыма и Поволжья военнослужащие во время временной оккупации этих районов немецко-фашистскими войсками обрабатывались фашистской пропагандой в антисоветском духе, одурманивались религиозными предрассудками. Мы располагаем данными, что некоторые из призванных с освобожденных от противника территорий в беседах с военнослужащими восхваляют немецких захватчиков, верят религиозным предрассудкам и привезли с собой религиозные прокламации, кресты, записи религиозных молитв».

Среди рядового состава ТОФ, призванного с освобожденных от немцев территорий, органами военной контрразведки неоднократно фиксировались подобные высказывания, о содержании которых флотские чекисты своевременно информировали командование и политорганы флота для дальнейшего проведения профилактической и разъяснительной работы.

Приведем несколько наиболее характерных примеров подобного рода высказываний военнослужащих флота. Красноармеец 5-й роты связи ВВС ТОФ А.И. Титов в беседе с сослуживцами заявил: «Гитлер вешает только евреев, а русских никого не трогает. Это я знаю по рассказам очевидцев, а тому, что пишут в газетах, я не верю и верить не буду. Сейчас я бы сам перебил всех тех, кто не русские, я их ненавижу».

Краснофлотец ЭМ «Аян» Ю.И. Шишкин, стоя на вахте, сказал о фильме «Северная звезда»: «Правды в картине мало. Муть все это, агитация. Ведь нужно же, чтобы народ возненавидел фашистов, вот и рисуют их по-всякому. Например, Гитлера у нас нарисовали так, что он и на человека не похож, а на самом деле он же обыкновенный человек. Я видел портреты Гитлера, Геббельса, Геринга. Немцев мы показываем не как людей, а как зверей, и они нас рисуют, как зверей».

Краснофлотец В.А. Грязнов рассказал сослуживцам: «Как только наши войска отступили, нашу деревню заняли немцы, которые установили сразу же свою власть, выбрали из русских старосту и взяли некоторых работать в гестапо. В наш дом поселилось 9 немецких офицеров, а в дом моей бабушки – штабные офицеры. В ее доме я был два раза, чистил немецким офицерам сапоги, за что получал сигареты. Жилось нам неплохо, и вообще, кто к немцам относился хорошо, того они не обижали. Работали мы у них, как у нас в колхозе. Девушки повыходили замуж за немецких офицеров, они сразу же одели их в шелка, да вообще немцы одеваются во много раз лучше наших. У них рядовой солдат одевается не хуже нашего офицера. Кушают они шоколад, у каждого имеется коньяк, а у наших сухарь заткнут за голенище сапога. Немцы нельзя сказать что плохие, ибо, когда они стали отступать из нашей деревни, многие наши плакали, жалея их, и часть людей ушла с немцами. А вообще немцы народ очень культурный».

Краснофлотец Кукин С.П. о своем пребывании в оккупации рассказал: «Когда немцы были у нас, я жил хорошо. Немецкие солдаты кушают хорошо, у них имелись

всевозможные продукты. Я два месяца работал у немцев – копал окопы, и нас кормили очень хорошо. Немецкие части, которые стояли на передовой, – гражданских лиц не убивали, а карательные немецкие отряды, которые шли позади, – убивали только партизан».

Краснофлотец 447-й батареи Владимиро-Ольгинской ВМБ ТОФ П.А. заявил в беседе с сослуживцами: «Когда пришли немцы, то дали нам коров и землю. Если есть три лошади, две коровы, две чушки, то ничего не отбирали, а брали только тогда, когда немцы попросят, и им добровольно отдавали, а сами никогда не отбирали, так что при советской власти жили хуже. Когда жили дома, кушали сколько хочешь, а здесь кормят очень плохо. Когда нас брали в армию, то службу хвалили, а получается наоборот — живем очень плохо. Я теперь понял, что нас обманули, теперь приходится не верить тому, что будут говорить про жизнь при советской власти».

Краснофлотец 446-й батареи Владимиро-Ольгинской ВМБ ТОФ И.В. Лакеев в споре со своими сослуживцами сказал: «Что вы нам рассказываете, в колхозах жить плохо – одно только разорение и нищета. Все хозяйство разваливается и рушится, вот возьмите пример – даже хлеба на всех не хватает. Когда жили единолично, то хлеба всегда было в достатке, а также было свое хозяйство».

Красноармеец 12-й морской железнодорожной артиллерийской батареи ТОФ Г.А. Федоренко в личном разговоре отметил: «Сейчас рабочие и крестьяне во много раз живут хуже, чем при немцах, ибо сейчас весь собранный хлеб государство отбирает у крестьян, а немцы давали народу скот, землю и сельхозмашины».

Подобные высказывания наказывались по статье 58-10 Уголовного кодекса РСФСР, которая применялась следственными органами военной контрразведки ТОФ довольно часто. В годы войны по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде было арестовано и осуждено около 200 военнослужащих ТОФ.

21 марта 1945 г. начальник ОКР «СМЕРШ» ТОФ направил в Военный совет флота спецсообщение: «В числе прибывшего на флот в период с октября 1944 по март месяц 1945 г. молодого пополнения по предварительным данным нами учтено 1312 призывников с наличием компрометирующих материалов на лиц, родственники которых: 1) арестованы органами НКВД-НКГБ-Контрразведки СМЕРШ – 129 чел.; 2) во время пребывания на временно оккупированных территориях сотрудничали с немецкими захватчиками – 21 чел.; 3) раскулачены – 36 чел.; 4) привлекались к уголовной ответственности за совершенные ими преступления – 153 чел.; 5) во время гражданской войны служили в белых армиях – 6 чел.; 6) дезертировали из Красной Армии и сейчас скрываются – 2 чел.; 7) проживают за границей – 2 чел.»

По данным ОКР «СМЕРШ» ТОФ, в феврале – апреле 1945 г. на флот прибыло 7319 чел. с освобожденных от немецких войск территорий, а на 1 мая 1945 г. это число достигло 7,9 тыс.чел., среди которых на оперативный учет было поставлено 65 чел. по подозрению в принадлежности к немецкой агентуре. К 1 августа 1945 г. число призывников с ранее оккупированных территорий достигло 8820 чел., а к 1 сентября – 8,8 тыс.чел., среди которых в оперативной разработке по подозрению в принадлежности к немецкой агентуре – 81.

Война с Японией близилась к завершению, и основные силы военной контрразведки флота были брошены на выявление агентуры японской разведки. В связи с этим возникали проблемы с работой по «немецкой линии». На приемных комиссиях и в

частях военным контрразведчикам ТОФ приходилось выполнять колоссальный объем работы по выявлению и дальнейшей оперативной разработке лиц, подозревавшихся в сотрудничестве с немецкими спецслужбами, пособничестве оккупационным властям. Требовалось проверить по многочисленным алфавитным спискам и розыскным альбомам огромное количество информации. Следует сказать, что, несмотря на все напряжение сил, органы военной контрразведки флота не всегда справлялись с такой нагрузкой.

В 1943–1945 гг. ОКР «СМЕРШ» ТОФ активно вел розыск изменников и предателей Родины, в том числе через их родственников и знакомых, проходивших службу на кораблях в частях Тихоокеанского флота. Так, ГУКР «СМЕРШ» разыскивался изменник Родины и агент немецкой разведки Хандожко Василий, он же Дубров, бывший лейтенант артиллерии РККА, взятый немцами в плен в 1941 г. в районе Брянска, а в ноябре 1943 г. завербованный в лагере для военнопленных и направленный в разведшколу в местечке Нойендорф Восточной Пруссии. После окончания разведшколы в мае 1944 г. он прибыл на разведпункт в Минске, откуда был переброшен в район Киева для работы в тылу Красной Армии.

Брат Хандожко проходил службу на Тихоокеанском флоте, и одно из подразделений ОКР «СМЕРШ» ТОФ, после получения ориентировки, приступило к его агентурной разработке, в ходе которой были получены данные о том, что Василий Хандожко под чужим именем скрывается в одном из населенных пунктов Украинской ССР. Составленная на основании этих данных ориентировка военной контрразведки позволила территориальным органам госбезопасности задержать немецкого агента и предать его суду за измену Родине.

Точно так же разыскан и обезврежен изменник Родины некто Петров, он же Кряжев, бывший полковник РККА, добровольно перешедший на сторону немцев и ставший активным участником антисоветской организации «Политический центр борьбы с большевизмом» (ПЦБ). Кроме того, Петров был начальником штаба группы Бессонова в Веймаре, которая входила в ПЦБ и вела подрывную деятельность среди советских военнопленных и в тылу Красной Армии. В 1942–1943 гг. Петров являлся начальником отдела безопасности штаба ПЦБ, находившимся в местечке Лейбус.

Из опросов членов ПЦБ и других агентов немецкой разведки органы контрразведки «СМЕРШ» установили, что сын Петрова является курсантом ТОВВМУ во Владивостоке. В результате агентурно-оперативной разработки стало известно, что сыну ничего неизвестно о судьбе и местонахождении его отца. В то же время флотские чекисты смогли установить, что через дальних родственников Петров пытается выяснить судьбу сына. Эту информацию военная контрразведка флота направила в территориальные органы госбезопасности по месту возможного пребывания Петрова, и спустя некоторое время он был арестован.

ОКР «СМЕРШ» ТОФ на основе данных РО Невинномысского МВД Ставропольского края вел агентурно-оперативную разработку краснофлотца 14-й бригады морской пехоты ТОФ Н.Д. Фурсина, который во время оккупации работал конюхом в немецкой полиции, а его двоюродный брат был заместителем начальника полиции и, по официальным и агентурным данным, насаждал агентурную и осведомительскую сеть, производил аресты и пытки советских граждан, лично принимал участие в расстрелах и умерщвлении в душегубках, а затем был уполномоченным немецких войск по

комплектованию добровольческих казачьих формирований. Через родственные связи краснофлотца контрразведчики смогли установить предполагаемое местонахождение преступника.

В 1945 г. из июльского бюллетеня розыска ГУКР «СМЕРШ» стало известно, что родственник офицера ТОФ, некто В.В. Беляев, разыскивается как немецкий агент. В результате агентурно-оперативной разработки Беляев был установлен в Орловской области и по ориентировке ОКР «СМЕРШ» ТОФ арестован и осужден военным трибуналом НКВД Брянской области к 20 годам каторжных работ. В розыске преступника большую помощь чекистам оказал офицер флота, который, узнав о предательстве своего родственника, помог установить наиболее вероятные места, где мог бы скрываться Беляев.

В том же году была проведена розыскная агентурная разработка на изменника Родины, бывшего начальника политотдела немецкой полиции Мариуполя П.Н. Бердичевского, одновременно служившего в период оккупации в карательном отряде при СД и принимавшего участие в массовых казнях советских граждан. Он также был установлен военной контрразведкой через родственников, проходивших службу на Тихоокеанском флоте. Полученные таким путем данные позволили территориальным органам госбезопасности арестовать карателя в Мариуполе, куда были направлены материалы розыска, вошедшие затем в обвинительное заключение.

Вскоре после окончания войны с Германией большое количество военнослужащих переводилось на Дальний Восток для дальнейшего прохождения службы. Этим не замедлили воспользоваться изменники, каратели и пособники, которые вместе с частями, убывавшими к берегам Тихого океана, под любым предлогом спешили покинуть те места, где их легко могли опознать как изменников Родины.

В апреле 1945 г. в одном из городов Украины состоялся брак офицера Красной Армии с некой В.Г. Кудрявцевой-Одынец. Спустя несколько месяцев офицера перевели на Дальний Восток, где он продолжил службу в 16-й бригаде морской пехоты ТОФ. Однако некоторые факты биографии молодой жены офицера заинтересовали органы военной контрразведки флота. Прежде всего насторожило то обстоятельство, что Кудрявцева-Одынец путается в своих автобиографических данных, особенно касающихся периода ее пребывания на оккупированной немцами территории. В ходе агентурно-оперативной разработки флотские чекисты выяснили и не менее странный факт того, что Кудрявцева-Одынец не только не поддерживает связей со своими родственниками по прежнему месту жительства, но и старается избегать любых контактов с людьми, ранее проживавшими в том же населенном пункте.

Дальнейшая работа по выяснению подлинной биографии Кудрявцевой-Одынец дала следующие результаты. Оказывается, во время оккупации она добровольно пошла на службу к немцам, в октябре 1943 г. закончила курсы административных работников трудовых лагерей с присвоением ей звания «абтайльонг-фюрер», после чего была назначена на должность начальника сначала трудового лагеря № 3, а затем № 10, в котором содержались женщины и подростки. По фотографии ее опознали свидетели из числа бывших заключенных этих лагерей и подробно рассказали следователям органов госбезопасности о том, как Кудрявцева-Одынец поддерживала в лагерях жесткий режим, сажала людей в карцеры, лишала их пищи, лично занималась розыском бежавших и лично задержала и вернула в лагерь 20 человек.

На работу по разоблачению Кудрявцевой-Одынец потребовалось почти два года, в которой принимали участие различные подразделения органов госбезопасности. 4 мая 1947 г. она была арестована ОКР МГБ 16-й БМП Порт-Артурской ВМБ ТОФ и в конце того же года ее осудили и приговорили к шести годам исправительно-трудовых лагерей.

В марте 1945 г. ОКР «СМЕРШ» ВВС ТОФ арестовал А.Н. Гуденко, жену техника-лейтенанта 117-го авиаполка ВВС флота, переведенного на Дальний Восток с Кавказа. Как и в деле Кудрявцевой-Одынец, военная контрразведка флота выяснила, что Гуденко вышла замуж практически сразу после освобождения Кавказа от немецких войск и настойчиво просила мужа ходатайствовать о переводе из действующей армии на Дальний Восток под предлогом слабого здоровья. Настораживали путаная автобиография Гуденко и противоречивые анкетные данные. В ходе оперативной проверки было установлено, что в период оккупации Гуденко была завербована немецкой разведкой и выполняла ее разведывательные задания в Нальчике.

Кроме того, военная контрразведка флота получила от территориальных органов госбезопасности Кабардино-Балкарии информацию о том, что ранее арестованная А.Д. Зяброва дала показания в отношении Гуденко: «Передо мной и Гуденко немцы и староста поставили следующие задачи: выявлять партизан, коммунистов, лиц, укрывающих военнопленных и оружие. Информацию мы сообщали старосте Кравченко. В период оккупации мы с Гуденко вели легкий образ жизни, часто бывали в компании немецких офицеров. Гуденко сожительствовала с немцем Валдесом, а я – с Рейнгольдом».

После ареста и первых допросов в ОКР «СМЕРШ» ТОФ Гуденко этапировали в Кабардино-Балкарское НКГБ, где она, по результатам следствия, вскрывшего ее преступную деятельность, была приговорена к длительному сроку заключения.

В мае 1945 г. сотрудниками ОКР «СМЕРШ» ТОФ на основе алфавитных списков и ориентировок ГУКР «СМЕРШ» был опознан немецкий агент Б.А. Самигулин, который работал вольнонаемным рабочим №5 тыла ТОФ. В период оккупации Самигулин был завербован немецкой разведкой и прошел обучение в разведоргане «Цеппелин», с февраля по октябрь 1943 г. он служил солдатом в 329 карательном ост-батальоне и неоднократно участвовал в операциях против партизан и расстрелах мирных граждан. Самигулин неоднократно забрасывался для выполнения разведывательных заданий в тыл Красной Армии, а в 1944 г., когда поражение фашистской Германии стало неизбежным, он не стал возвращаться к немцам и, боясь разоблачения, скрылся на Дальнем Востоке.

ГУКР «СМЕРШ» располагал подробной информацией на Самигулина и установить его идентичность с разыскиваемым немецким агентом не представляло особого труда. К тому же Самигулина опознал по фотографии другой немецкий агент – Узбеков, к тому времени уже осужденный. Несмотря на это, ОКР «СМЕРШ» ТОФ провел значительную агентурно-оперативную работу в отношении Самигулина с целью выявить его возможные связи с другими скрывающимися на Дальнем Востоке немецкими агентами.

Военные контрразведчики внимательно изучили окружение Самигулина и в поле их зрения попал рабочий владивостокского завода «Металлист» некто Нуриев, на которого в ГУКР «СМЕРШ» был направлен запрос с описанием внешности и устано-

вочными данными. Ответ пришел незамедлительно: «По полученным от вас данным, Нуриев А. является немецким агентом, прошедшим обучение в разведоргане «Цеппе-лин», а также в школе разведчиков-диверсантов в г. Осветце».

Военная контрразведка приступила к активной разработке Нуриева. Все приметы и биографические данные полностью совпадали, но в ходе дополнительной проверки совместно с территориальными органами госбезопасности, Нуриев оказался однофамильцем, который вдобавок ко всему в 1941–1945 гг. не покидал Владивостока. После перепроверки было принято решение о прекращении разработки Нуриева. Самигулин был арестован и уже на первом допросе признал свою вину и дал весьма ценные показания для розыска других агентов немецкой разведки, оставшихся на территории СССР. А настоящий немецкий агент Нуриев был позже арестован органами госбезопасности и осужден военным трибуналом.

28 августа 1945 г. ОКР «СМЕРШ» ТОФ арестовал краснофлотца 140-го особого разведотряда Разведотдела ТОФ Полякова В.Н., который в ноябре 1941 г. сдался в плен немцам и, будучи выпущенным из лагеря, уехал домой в Алупку. В июне 1942 г. Поляков с женой добровольно выехал на работу в Германию, а в декабре того же года вернулся в Алупку и поступил на работу в местный карательный орган СД. В июле 1943 г. СД направило Полякова для прохождения службы в РОА, в октябре того же года он был завербован гестапо. Впоследствии Поляков был приговорен к длительному сроку заключения.

В марте 1945 г. ОКР «СМЕРШ» ТОФ завел дело-формуляр № 792 на преподавателя школы подплава ТОФ капитана 3 ранга Лисина Сергея Прокофьевича* с окраской «шпионаж в пользу фашистской Германии». В материалах дела указывалось: «17 октября 1942 г. Лисин, будучи командиром ПЛ С-7 КБФ вышел на выполнение боевого задания в Аландское море, где был торпедирован финской ПЛ. Из команды затонувшей ПЛ С-7 были подобраны финской ПЛ Лисин, сигнальщики Оленин Александр, Субботин Василий и трюмный краснофлотец Куница. На финской подводной лодке Лисин и краснофлотцы были доставлены в город Мариенхем на Аландских островах, где его допрашивали финские офицеры. После допроса Лисин вместе с краснофлотцами был направлен в Хельсинки на гарнизонную гауптвахту, где также вызывался на допрос финским офицером. На гауптвахте Лисин в январе 1943 г. познакомился с сержантом финского флота, который якобы предлагал ему помочь осуществить побег. Однако побег совершить не удалось. 17 января 1943 г. Лисин был переведен в Берлин, где содержался в лагере на набережной Шлиффена и неоднократно допрашивался капитаном 2 ранга Баумбехом. Во время пребывания в лагере Лисин общался с военнопленными — бывшим командиром отряда торпедных катеров КБФ старшим лейтенантом Николаем Филипповым и бывшим командиром отряда торпедных катеров капитан-лейтенантом Лавриновичем. Филиппов проходит по алфавитному списку разыскиваемых агентов

* **ЛИСИН Сергей Прокофьевич** (13.07.1909–5.01.1992). Родился в Саратове в семье рабочего. Русский. На флоте с 1931 г. В 1936 г. окончил Военно-морское училище имени М.В. Фрунзе. В 1938 г. принимал участие в боевых действиях республиканского флота против фашистских ВМС в Испании в качестве старшего помощника на испанских ПЛ «С-2» и «С-4». В годы Великой Отечественной войны был командиром ПЛ «С-7» БФ. К сентябрю 1942 года им было совершено 4 боевых похода, произведено 9 торпедных атак и потоплено 4 немецких транспорта. В 1945–1948 гг. служил на ТОФ, затем вновь был переведен на БФ и находился на преподавательской работе. Награжден орденами Ленина (1956), Красного Знамени (1951), Красной Звезды (1946), шестью медалями. Герой Советского Союза (23 октября 1942 г.).

германской морской разведки. Он был завербован немцами в Берлине. По имеющимся у нас данным, отдел контрразведки «СМЕРШ» КЧФ располагает материалами о том, что Лавринович был завербован и являлся преподавателем одной из разведшкол германской морской разведки. Не исключена возможность того, что Филиппов и Лавринович были подсажены к Лисину для его обработки и привлечения к разведработе в пользу Германии. 3 мая 1943 г. Лисин был вновь переведен в Финляндию в офицерский лагерь № 1 на станции Пейпахья. 19 октября 1944 г. Лисин на основании договора о перемирии с Финляндией из лагеря был освобожден и 26 октября с эшелоном прибыл в Подольск, где проходил фильтрацию. По агентурным данным, Лисин, будучи в плену, работал в морском министерстве, где занимал ответственный пост. В немецких газетах печатались его фото».

После окончания проверки в фильтрационном лагере С. П. Лисин получил назначение в школу подплава ТОФ, а затем в бригаду подводных лодок, базировавшуюся на Порт-Артур. По службе он характеризовался как прекрасный офицер-подводник с большим боевым опытом, который пользовался командования и подчиненных огромным авторитетом. Военная контрразведка Тихоокеанского флота длительное время вела агентурно-оперативную разработку С.П. Лисина, по результатам которой было принято решение «Дело-формуляр № 792 прекратить и сдать в архив».

В 1944–1945 гг. аналогичная проверка проводилась в отношении летчика 115-го авиаполка ВВС ТОФ лейтенанта В.А. Машенкина, который в 1942 г. во время боевого вылета на самолете МБР-2 был сбит и взят немцами в плен, но бежал из лагеря и смог, перейдя линию фронта, вернуться к своим. Было заведено дело и на летчика 26-го авиаполка ВВС ТОФ С.П. Шумилова, который в январе 1943 г. во время бомбежки немецких позиций был подбит и сел на занятую немцами территорию. Шумилов был ранен и потерял сознание. Его вытащил из горящего самолета бортстрелок, но и его ранили. Они вместе попали в немецкий плен. В лагере Шумилова неоднократно сажали в карцер. Спустя некоторое время, с помощью одного из лагерных работников, Шумилов совершил побег, и в Краснодаре его прятали две девушки вместе с партизаном и еще одним летчиком вплоть до прихода Красной Армии. По результатам проверки агентурно-оперативные разработки Машенкина и Шумилова были прекращены. Оба офицера продолжили свою службу, отличившись во время войны с Японией.

В 1943 г. ОКР «СМЕРШ» ТОФ разрабатывал по подозрению в немецком шпионаже командира артиллерийской батареи Артемовского сектора береговой обороны ТОФ лейтенанта И.Т. Смирнова, 1911 года рождения. Были получены данные о том, что Смирнов якобы был командиром батареи в городе Измаиле, где принимал участие в боях, а затем был в немецком окружении. Проверкой по учету агентуры немецкой разведки было установлено, что по списку № 67 2-го управления НКВД СССР значится Смирнов со следующими приметами: «Лет 25–28, бывший лейтенант РККА, служил в корпусе генерала Белова, выше среднего роста, широкоплечий, светло-русый, глаза серые, на лице веснушки, борода рыжая. Участник российской национальной армии. Командир взвода в чине лейтенанта. На учет взят УНКВД по Смоленской области. Приметы разыскиваемого схожи с приметами разрабатываемого нами Смирнова». В результате агентурно-оперативных мероприятий было установлено, что Смирнов не имеет никакого отношения к разыскиваемому предателю, который был задержан органами госбезопасности в декабре 1945 г.

Выявление немецкой агентуры, предателей и пособников было одним из важных направлений в послевоенной деятельности военной контрразведки Тихоокеанского флота. Показательным примером является уголовное дело № 1157, которое в 1946 г. завело следственное отделение отдела контрразведки МГБ по Тихоокеанскому флоту в отношении солдат 943-го отдельного строительного батальона Коновалова, Лысак, Лесуна и Новикова, которые в 1941 г. попали в плен к немцам, а на следующий год, освободившись из лагеря, добровольно поступили на службу в полицейский карательный батальон. На допросах они назвали имена еще 76 предателей, с которыми вместе проходили службу в этом батальоне и в других немецких административных и карательных органах. На каждого завели розыскное дело и разослали ориентировки, позволившие впоследствии установить и задержать бывших немецких полицейских и пособников.

В декабре 1945 г. ОКР «СМЕРШ» ТОФ завел учетно-наблюдательное дело № 1116 на красноармейца 280-й бригады ПВО ТОФ И.Г. Черного, 1918 года рождения, уроженца Тернопольской области, разыскиваемого ГУКР «СМЕРШ» по алфавитному списку агентов немецкой разведки № 1. В 1941 г. Черный сдался в плен немцам в районе Воронежа, впоследствии освобожден из плена и снабжен пропуском для следования к месту жительства, где якобы и проживал до прихода частей Красной Армии.

По оперативным данным, Черный в 1941–1942 гг. обучался в Варшавской разведшколе, а затем неоднократно перебрасывался за линию фронта для выполнения заданий немецкой разведки. На момент получения этой информации из Центра Черный уже демобилизовался и убыл к месту жительства. Его дело было отправлено в УНКГБ по Тернопольской области, которое арестовало и поставило последнюю точку в карьере немецкого шпиона.

Всего по состоянию на 1 января 1946 г. ОКР «СМЕРШ» ТОФ было учтено 10350 чел., призванных с ранее оккупированных территорий, на оперативном учете состояло и разрабатывалось по подозрению в принадлежности к агентуре немецкой разведки 85 чел., из них по делам-формулярам – 46 чел. и по учетно-наблюдательным делам – 39 чел.

В начале 1946 г. ОКР «СМЕРШ» ТОФ выявил и арестовал вольнонаемного служащего Тихоокеанского флота Ф.Н. Медынского, который, как выяснилось, добровольно перешел на сторону немцев и поступил на службу в полицию на должность старшего полицейского в Киевской области. В 1941 г. он закончил спецшколу полиции, принял присягу «на верность Великой Германии» и участвовал в карательных экспедициях против партизан. Во время своей службы он лично арестовывал и допрашивал советских граждан.

После войны, боясь разоблачения, Медынский бежал из Букского района на Дальний Восток, где устроился на работу в одну из частей ТОФ. Однако вскоре был опознан одним из земляков, который проходил срочную службу на флоте и хорошо помнил Медынского как одного из активных пособников немцев.

Флотские чекисты, получив сообщение о том, что Медынский, возможно, является военным преступником, приступили к его агентурно-оперативной разработке и нашли в частях флота еще нескольких свидетелей его преступлений во время оккупации. Эти сведения были перепроверены территориальными органами безопасности

по прежнему местожительству Медынского, и после восстановления полной картины предательства его арестовали и предали суду. Медынский был приговорен к 25 годам исправительно-трудовых лагерей.

В 1946 г. флотская контрразведка задержала и арестовала краснофлотца 3-го зенитно-артиллерийского полка ПВО ТОФ И.В. Трястовского, который на Украине в период оккупации в январе 1942 г. был завербован немецкой комендатурой под кличкой «Генрих». При вербовке с него взяли подписку и дали задание выявлять партизан, коммунистов и комсомольцев. В ходе следствия выяснилось, что по его доносам немцы арестовали 25 советских граждан. На допросах Трястовский показал, что вместе с ним немцы завербовали еще 11 человек и сообщил о них подробные сведения, позволившие разыскать еще несколько агентов и осведомителей немецкой разведки и жандармерии. Трястовского этапировали в распоряжение территориальных органов НКГБ по месту жительства и совершенных преступлений, где предали суду. Он понес суровое наказание.

В течение 1945–1955 гг. органы военной контрразведки выявили и арестовали несколько десятков немецких агентов, карателей и пособников среди военнослужащих, вольнонаемных, проходивших службу на Тихоокеанском флоте. Только в 1946 г. опознано и арестовано 22 чел. Немало предателей было установлено по родственным связям военнослужащих. В частности, в 1946 г. военной контрразведкой разрабатывалась сестра жены одного из офицеров флота, некая О.Д. Литовченко. В результате оперативной проверки было установлено, что Литовченко в 1942 г. прошла обучение в разведешколе «Орион» и являлась агентом немецкой разведки.

Военной контрразведкой флота был арестован краснофлотец 12-й морской железнодорожной артиллерийской бригады ВМОР ТОФ С.М. Алешин, который в 1941 г. служил в немецкой полиции в Брянске и Орджоникидзеграде, а затем вышел в тыл Красной Армии, легализовался и был призван в ВМФ. В начале 1947 г. в этой же бригаде опознали изменника Родины и карателя матроса Г.П. Саблина, который был арестован и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

В 1947 г. продолжалась работа по розыску немецкой агентуры. Органами военной контрразведки флота было учтено 7 тыс. чел., проживавших на оккупированной немцами территории, 114 чел., находившихся в окружении и плену, бывших на службе у оккупантов – 34 чел., родственников лиц, объявленных в розыск – 39 чел.

Военная контрразведка флота в разное время задержала и арестовала красноармейца М.С. Виноградского, служившего во время оккупации в немецкой жандармерии; краснофлотца В.У. Дьяковского, добровольно поступившего на службу к немцам и, будучи секретарем сельской управы, отправлявшего советских граждан на принудительные работы в Германию; краснофлотца Юркевича, добровольно поступившего на службу в полицию, грабившего и выдававшего немцам еврейское население, которое отправляли на уничтожение в Тарнопольский концентрационный лагерь; курсанта В.Е. Остапчука, служившего в бандеровском отряде, где он лично принимал участие в убийствах советских военнослужащих и грабежах местного населения; краснофлотца М.А. Ковальчука, который в Польше состоял в организации, выявлявшей русских и немецких шпионов; краснофлотца И.Н. Мельника, который вместе с отцом служил в немецкой полиции в селе Старая Гупта, выдал немцам 8 раненых красноармейцев и

был установлен как агент германской разведки; краснофлотец И.Г. Василишина, который добровольно вступил в украинскую полицию в Тарнопольской области вместе со своими братьями и являлся членом УПА. Много усилий пришлось приложить, чтобы разоблачить бывшего агента немецкого разведоргана «Люфт-группа» в Минске П.М. Козлова, он же Смирнов, который проходил службу старшиной команды 18-го военно-морского госпиталя Владимиро-Ольгинской ВМБ ТОФ.

Органы военной контрразведки флота, благодаря правильно поставленной работе с алфавитными списками и розыскными альбомами, сумели выявить и арестовать таких предателей, как краснофлотец 25-го ОАД ХСБО ТОФ Н.А. Власов, установленный по алфавитным спискам ГУКР «СМЕРШ» как агент германской разведки, неоднократно перебрасывавшийся через линию фронта; матрос А. Гаркуша, служивший в отряде вольных казаков, прошедший обучение в немецкой школе, после чего командовавший отрядом и в 1943 г. принимавший участие в боях под Ростовом против Красной Армии; краснофлотец 16-й бригады морской пехоты ТОФ Н.Д. Яцкевич, установленный как агент германского разведоргана «Абвергруппа-315»; Федор Дубинин, который в 1942 г. был арестован за связь с партизанами и завербован абвером; краснофлотец катера МО-187 2-го отдельного дивизиона морских охотников И.А. Корнюшин, который с декабря 1942 по март 1943 г. служил в русском батальоне, сформированном немцами для борьбы с партизанами.

Довольно долго военные контрразведчики работали по розыску крупного немецкого агента, которым оказался красноармеец Ф.Г. Бондарь. Последний, попав в 1942 г. в плен, был завербован немцами и неоднократно перебрасывался абвером в тыл Красной Армии, часто бывал с различными заданиями в Польше, Чехословакии, Венгрии, Франции, хорошо владел языками этих стран и мог работать на радиостанции, передавая в минуту 12 групп.

Несомненной удачей было выявление военной контрразведкой флота немецкого агента и карателя красноармейца 52-й отдельной пульроты Н.И. Соловьева, завербованного во время оккупации абвером и подписавшего письменное обязательство германской разведке. Соловьев неоднократно переходил линию фронта и сообщал немецкой разведке о дислокации советских воинских частей, выдавал немцам раненых активистов и партизан. После ареста Соловьев был предан суду военного трибунала, который впоследствии заменил ему высшую меру наказания на 15 лет каторжных работ.

В октябре 1956 г. ОО КГБпо Совгаванской ВМБ проводил проверку В.К. Иванина, который имел сходство с объявленным в розыск УКГБ Брянской области немецким карателем Иваниным, служившим у немцев охранником в Локоцкой тюрьме и карателем в бригаде РОА. Проверка показала, что места работы и службы до декабря 1945 г., указанные Иваниным, не подтверждались, но потребовалось еще очень много времени и сил, чтобы получить документальные доказательства того, что Иванин действительно являлся карателем.

Особым отделом КГБ по 101-й ЗАД ПВО ТОФ проверялся офицер тыла Малахов, имевший сходство с объявленным в розыск алфавитным списком № 2 Малаховым Василием, который с конца 1943 г. находился в плену, в 1944 г. был завербован немецкой разведкой и переброшен в тыл Красной Армии для прохождения службы в одной из

частей. В спецсообщении по его делу указывалось: «Служба Малахова с первой половины 1943 и до конца 1944 г. официальными документами не подтверждается, а сам он дает по этому вопросу путанные объяснения». В конце концов предателя все же разоблачили.

Вольнонаемный 618-го строительства А.С. Москаленко по приметам имел сходство с объявленным в розыск алфавитным списком №2 агентом германской разведки карателем Дариенко, он же Москаленко. Москаленко прибыл на Сахалин в 1946 г., но некоторые указанные им места работы и жительства не подтвердились в ходе проверки. Его фотографию направили на опознание в УКГБ по Николаевской области, в результате чего установили еще одного изменника Родины.

По фотографии, которая предъявлялась негласному аппарату Особого отдела КГБ по 3-й МТАД в Кневичах, был опознан в фотоальбоме № 16 разыскиваемых государственных преступников М.П. Тягура. Агент германского контрразведывательного органа «Абвергруппа 308» по кличке «Иван», он же матрос В.С. Виноградов, опознан по алфавитному списку № 2.

Одним из значительных успехов военной контрразведки Тихоокеанского флота по праву можно считать работу по очищению личного состава флота от изменников и предателей. Наиболее активно работали в этом направлении органы военной контрразведки, обслуживавшие части и подразделения береговой обороны, ВВС и строительные отряды флота, в которые направлялась основная масса призывников из западных областей страны и среди которых пытались скрыться от возмездия предатели и пособники.

В 1955 г. Особым отделом КГБ по ТОФ был установлен государственный преступник, изменник Родины, Рудаков, находившийся во всесоюзном розыске. Особый отдел КГБ по 93-й ЗАД ПВО ТОФ выяснил, что в этой дивизии проходит службу его брат. В результате проверки связей брата Рудакова обнаружилось, что он ведет активную переписку с некой Голубевой, проживавшей в Сталинграде. Как выяснили чекисты территориальных органов, получившие ориентировку из Владивостока, в действительности письма писались Голубевой под диктовку Рудакова. Последний был задержан, арестован и предан суду.

В том же году Особый отдел КГБ по 14-й отдельной бригаде морской пехоты завел дубликат розыскного дела на некого Русланцева, объявленного в розыск как агент немецкой полиции Пятигорска, занимавшийся выявлением партизан и коммунистов и принимавший личное участие в арестах. В январе 1943 г. при отступлении немцев Русланцев сбежал в Мелитополь, где был завербован сотрудником абвергруппы-321. Военные контрразведчики вели розыск предателя через его брата, начальника штаба 50-го отдельного дивизиона бригады майора Русланцева. Боевой офицер никогда не скрывал этого факта и в своей автобиографии всегда указывал, что его родной брат стал изменником Родины. Благодаря его активной помощи, Особый отдел КГБ ТОФ смог в сжатые сроки выяснить местонахождение предателя и он был задержан территориальными органами госбезопасности.

На 5 марта 1956 г. в производстве Особого отдела КГБ по ТОФ находилось 12 розыскных дел на 4 агентов и сотрудников иностранных разведок, 5 изменников Родины и 3 пособников.

В 1958 г. Особый отдел КГБ по 15-й дивизии крейсеров разыскал активного карателя Носенко, участвовавшего в арестах и массовых расстрелах. Родственник предателя служил офицером на эсминце «Встречный». Военные контрразведчики провели ряд оперативных мероприятий, в результате которых получили информацию, позволявшую точно установить местонахождение преступника. По ориентировке Особого отдела КГБ ТОФ Носенко обнаружили в городе Коканде Ферганской области, где тот скрывался у родственников. Он арестован и предан суду.

В 1959 г. Особый отдел КГБ ТОФ установил государственных преступников Ямпольского и Федосеева в результате агентурно-оперативного изучения по розыскным делам их родственников, проходящих службу в частях флота. По ориентировке военной контрразведки флота Ямпольский, он же Коваленко, был обнаружен и задержан в Краснодаре.

В свое время имена молодогвардейцев из Краснодона прогремели на всю страну и стали на долгое время символами патриотизма, гражданского мужества и человеческой стойкости. Особый отдел КГБ по 25-й Краснознаменной дивизии торпедных катеров Амурской флотилии поставил последнюю точку в деле розыска и предания суду одного из тех, кто пытал молодогвардейцев. В одном из спецсообщений на имя начальника Особого отдела КГБ по ТОФ сообщалось: «Е.А. Плохих объявлен алфавитным списком № 1 как активный немецкий пособник-полицейский, принимавший лично активное участие в допросах и избиении арестованных советских граждан. Он учинял пытки над арестованными членами подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». В дивизии служит его сын, матрос Плохих. В ходе розыска были получены данные о том, что он после бегства из Краснодона в 1946 г. служил в армии, откуда своей жене присылал письма. Переписка сына контролируется». В результате оперативных мероприятий каратель был обнаружен и его настигла заслуженная кара.

Ориентировкой 3-го Главного управления КГБ № 3/26со от 22 августа 1956 г. была объявлена в розыск М.А. Нестеренко, являвшаяся агентом английской разведки, которую завербовал британский разведчик Унгар-Майер в Одессе во время немецкой и румынской оккупации. По агентурным данным, Нестеренко после освобождения Одессы советскими войсками вышла замуж за подполковника или полковника Красной Армии. В ходе розыска было установлено, что жена заместителя командира 105-го военно-строительного отряда ТОФ капитана Загоруйко по установочным данным и внешним приметам имеет сходство с разыскиваемой.

Наряду с другими проверочными мероприятиями военные контрразведчики получили и направили фотографию Нестеренко-Загоруйко в УКГБ по Одесской области. Фотографию предъявили некому Билюку, служившему во время оккупации Одессы штатным агентом в румынском разведывательно-контрразведывательном органе «СС-И», который опознал Нестеренко-Загоруйко как известную ему по имени Мусю бывшую сожительницу агента английской разведки Унгара-Майера, он же Пепер. Билюк на допросе показал: «Нестеренко-Загоруйко рассказывала, что Унгар привлек ее для работы в пользу английской разведки и за выполнение заданий она получала деньги. По указанию резидента отдела «СС-И» Пурумбеску, Билюк в августе 1943 г. арестовал Мусю и доставил в отдел. Со слов Пурумбеску и начальника отдела Аргира, ему стало также известно, что Муся созналась в преступных связях с Пепером и была

перевербована отделом «СС-И» для работы в пользу румынской разведки». Фотографию Нестеренко-Загорулько опознали также другие агенты, знавшие ее во время оккупации, и показали, что она была в хороших отношениях с немцами и имела документ от коменданта, разрешавший свободное передвижение по городу в любое время.

В 1957 г. Особый отдел КГБ по ТОФ, по согласованию с командованием, организовал перевод мужа Нестеренко-Загорулько для дальнейшего прохождения службы в Одесский военный округ с тем, чтобы выявить ее связи. Дело передали в УКГБ по Одесской области. Вскоре Нестеренко-Загорулько была опознана, арестована и предана суду.

Еще одним крупным делом по розыску государственных преступников стала разработка бывшего агента немецкой разведки Баскакова. 1 июля 1958 г. Особый отдел КГБ по Совгаванской ВМБ ТОФ завел дело оперативной проверки на рабочего УНР-302 Н.С. Баскакова, уроженца Белгородской области. Причиной проверки послужило сходство Баскакова с бывшим немецким агентом, который алфавитным списком № 1 был объявлен во всесоюзный розыск: «Баскаков, он же Иван или Николай Днепров, 22–27 лет на 1943 год, уроженец Тамбовской области. Находясь в плену с 1942 года, служил полицейским в Белостокском лагере военнопленных, с января 1943 г. обучался в Варшавской разведывательной школе, летом того же г. переброшен в тыл Красной Армии. Объявлен во всесоюзный розыск на основании показаний агентов Варшавской разведшколы Попова и Ильина, которым предъявлялась для опознания фотокарточка Баскакова».

В ходе оперативных мероприятий было установлено, что в своих биографических данных Баскаков сообщает противоречивые сведения, скрывает пребывание в плену и имеет сходство с разыскиваемым. В ответ на запрос в УКГБ по Тамбовской области, Особый отдел получил сведения о том, что Баскаков служил рядовым в 217-м стрелковом батальоне и 28 июня 1941 г. попал в плен. По данным из окружения Баскакова стало ясно, что последний действительно является уроженцем Тамбовской области. Но этого было недостаточно для задержания Баскакова.

Его фотографию вновь предъявили для опознания бывшему агенту Ильину, который ранее был осужден за пособничество и работу на германскую разведку. Однако Ильин не опознал Баскакова. В ходе совместной работы флотских чекистов с территориальными органами было установлено, что Ильин не опознал Баскакова умышленно, в силу своего враждебного отношения к органам КГБ, и в целом характеризуется как лживый и нечестный человек.

Чекисты держали Баскакова под постоянным наблюдением, но время уходило. В любой момент он мог заподозрить неладное и скрыться. Тогда фотографию Баскакова предъявили для опознания еще четырем бывшим немецким агентам, обучавшимся с ним в Варшавской разведшколе. Все четверо уверенно опознали Баскакова, он же Иван, или Николай Днепров. По результатам опознания и на основании других розыскных данных, Баскакова задержали и арестовали. В очередной раз военная контрразведка флота довела до логического конца сложное розыскное дело и не дала возможности преступнику уйти от возмездия.

Поиск государственных преступников через их родственные связи давал ощутимые результаты. Особый отдел КГБ по 7-й истребительно-авиационной дивизии уста-

новил через двоюродного брата, проходившего службу в этой части, местонахождение карателя Романенко, который в 1942 г. добровольно стал командиром особого полицейского отряда внутренней охраны Черниговской области. В сентябре 1943 г. по приказу Романенко сожгли тюрьму, в которой заживо сгорело 47 арестованных советских граждан, он лично участвовал в арестах и в операциях против партизан.

Флотские чекисты с помощью родственников из числа офицеров флота разыскивали изменников Родины Овчинникова и Богданова, которые в 1942 г. и 1943 г. добровольно перешли к немцам. За свои преступления они заочно осуждены к высшей мере наказания.

Изменник Родины и агент немецкой разведки Шереметьев закончил разведшколу в г. Валоу, а затем занимался изготовлением ядовитых и взрывчатых веществ для немецкой агентуры, забрасываемой в тыл Красной Армии. В 1944 г. Шереметьев стал преподавателем разведшколы в Зоненберге, а позже переведен в штаб РОА. Его бывшая жена вышла замуж за офицера флота, и по этому каналу чекисты смогли установить точное местонахождение преступника в немецком городке Платлинге на территории американской зоны оккупации.

В 1955 г. прекращен розыск родственника офицера Тихоокеанского флота некоего Миненко, который в 1942 г. попал в плен и перешел на сторону немцев. Миненко закончил школу пропагандистов РОА в местечке Дабендорф и в 1943–1945 гг. работал пропагандистом в Кайзенштенбурге близ Вены. По полученным сведениям, он в 1948 г. проживал с женой и дочерью в Австрии в зоне оккупации англо-американских войск и, к сожалению, оказался вне досягаемости.

Особый отдел КГБ по Владимиро-Ольгинской ВМБ через родственные связи установил агента контрразведывательного органа СД Г.В. Фридмана, который по списку № 1 подлежал розыску и немедленному аресту. Этот предатель добровольно стал агентом контрразведки, затем был назначен следователем, а позднее начальником политического отдела СД в Смоленске. С 1942 г. Фридман – начальник политического отдела Смоленской окружной полиции СД, а в 1945 г. перешел на службу в контрразведку РОА. В мае 1945 г. его следы обнаружены военными контрразведчиками в Зальцбурге, откуда он хотел перейти на службу в американскую разведку.

В 1958 г. ОО КГБ по ТОФ была закончена проверка капитана 2 ранга Е.И. Маслова, проходившего службу во Владимиро-Ольгинской ВМБ. Его установочные данные и приметы, фамилии, имена и отчества его отца и матери полностью совпадали с данными на агента румынской разведки. В результате агентурно-оперативных мероприятий было установлено, что это простое совпадение.

Следует отметить еще одно розыскное дело. В течение долгого времени органами государственной безопасности разыскивался особо опасный преступник Данильченко, бывший во время Великой Отечественной войны карателем. На его руках – кровь свыше пятисот невинных советских граждан. Во время одного из походов в 1959 г. отряда боевых кораблей Тихоокеанского флота в Индонезию военные контрразведчики во время пребывания в Джакарте смогли установить Данильченко, выяснить его нынешний род занятий и местожительство. Этой операцией лично руководил начальник Особого отдела КГБ по ТОФ генерал-майор Гудков И. С. Все полученные в ходе розыска данные были направлены в соответствующее подразделение КГБ СССР.

И это не единственный результат работы контрразведчиков Тихоокеанского флота за рубежом. В 1958–1960 гг. Особый отдел КГБ ТОФ и его подразделения установили троих государственных преступников, проживавших за границей. Особый отдел Камчатской флотилии установил через родственные связи государственного преступника Луцевича, проживавшего в Германии, а затем перебравшегося в Калинин. По ориентировке флотских чекистов Луцевич впоследствии задержан территориальными органами КГБ.

Задачи по розыску, установлению и задержанию государственных преступников сводились не только к преданию суду изменников, карателей и пособников. В условиях «холодной войны» эти преступники могли и становились орудием в руках иностранных спецслужб, которые вели разведывательную и подрывную деятельность против Советского Союза. Поэтому розыск государственных преступников продолжался как внутри страны, так и за рубежом.

Директивой председателя КГБ №161-сс от 1954 г. предусматривалась организация работы по выявлению, проверке и изучению лиц, отбывших наказание за шпионаж, дедертизм, диверсионную, террористическую и националистическую деятельность. Военной контрразведкой флота в 1954–1955 гг. было выявлено, главным образом в строительных частях и военно-строительных отрядах, 36 человек, возвратившихся из заключения. Большинство из них имело судимость за участие в различных националистических организациях и за измену Родине.

Только Особым отделом КГБ по 80-й бригаде строящихся кораблей ТОФ в Комсомольске-на-Амуре среди военнослужащих и в окружении было установлено 97 спецпоселенцев, 27 лиц, имевших переписку с зарубежными странами, 57 судимых за государственные преступления, 400 репатриантов, 200 чел. с уголовным прошлым.

В середине 50-х гг. органами КГБ проведена работа по пересмотру прекращенных дел на преступников, живущих в капиталистических странах, и вновь были объявлены в розыск те из них, которые могли представлять опасность с точки зрения возможной заброски их на территорию СССР для проведения подрывной работы. Было усилено наблюдение за родственниками и близкими связями этих преступников.

Западные спецслужбы, в первую очередь США, вели активный поиск бывшей немецкой агентуры, карателей и пособников на территории Советского Союза и в других странах с тем, чтобы привлечь их на свою сторону для реализации разведывательных и подрывных операций против СССР как в мирное, так и в военное время.

В связи с этим одной из основных задач органов военной контрразведки Тихоокеанского флота еще долгое время оставалось выявление бывших немецких агентов, карателей и националистов, чтобы тем самым сорвать замыслы иностранных спецслужб. Так, в октябре 1961 г. КГБ при СМ СССР дал указание всем органам государственной безопасности и военной контрразведки проанализировать возможность создания противником организованного вражеского подполья и бандитских групп на территории Советского Союза, в том числе из бывшей немецкой агентуры и националистов, в случаях обострения международной обстановки или начала вооруженного конфликта и принять меры для того, чтобы сорвать намерения противника. Эта задача Особым отделом КГБ по Тихоокеанскому флоту была выполнена.

Докладная записка

*начальника ОО НКВД ТОФ на имя начальника Управления ОО НКВД
от 22 мая 1942 г.*

С первых дней Отечественной войны с германским фашизмом мной перед Отделом и подчиненными особорганами и всем оперативным составом были поставлены следующие основные задачи:

а) решительное изъятие путем ареста всех лиц, ведущих антисоветскую деятельность, сеющих панику и провокационные слухи;

б) активизация контрразведывательной работы и проведение активных оперативных мероприятий;

в) активизация всех без исключения разработок антисоветского элемента;

г) оперативность информации командования о недочетах, снижающих боеготовность флота.

Особенностями работы особорганов ТОФ за этот период Отечественной войны являлись:

а) флот непосредственно не участвовал и не участвует в войне. Однако с июня месяца прошлого года находится в постоянном напряжении и ожидании со дня на день непосредственного вступления в боевые операции;

б) рост флота по количеству личного состава, примерно в полтора раза; в связи с призывом запаса личный состав флота был значительно засорен антисоветским и другим малоустойчивым элементом;

в) постоянное формирование новых частей и переформирование существующих продолжается до сегодняшнего дня;

г) известный отрыв работы 3-х отделов от общей работы органов НКВД и в частности особорганов армии; 3-й отдел ТОФ работал в течение года под руководством 3 управления ВМФ;

д) постоянный недокомплект оперсостава и низкая подготовленность оперработников, пришедших из запаса и взятых из частей флота.

Все это, с одной стороны, нас обязывало очень ко многому, а с другой стороны, так или иначе положительно или отрицательно отражалось на работе.

В контрразведывательной работе мы поставили перед собой следующие основные задачи: создать твердый оперативный учет контингентов, представляющих наиболее вероятную базу японской, немецкой и других иностранных разведок, и организовать глубокую агентурную разработку этих контингентов для выявления среди них агентуры врага. На 15 мая 1942 г. в частях ТОФ нами учтено 965 человек, представляющих тот или иной интерес в этом направлении.

Виноградов

Директива

начальника ОКР «СМЕРШ» ТОФ от 8 января 1945 г.

Начальнику ОКР «СМЕРШ» СТОФ
Начальникам ОКР «СМЕРШ» ВМБ, СБО,
дивизий, бригад

С 10 января 1945 г. в части и соединения ТОФ будет прибывать молодое пополнение, значительная часть которого с освобожденной от немецких оккупантов территории областей Украинской ССР. Приемные комиссии для приема прибывающих призывников создаются в 12 ОЖДАБ, ССБО, ШСБО, АСБО, 2 АД и флотском экипаже ТОФ. Конкретно предлагаю провести следующие мероприятия:

1. Начальникам ОКР «СМЕРШ» 12 ОЖДАБ, ССБО, ШСБО, АСБО, 2 АД и 1 отделения ОКР «СМЕРШ» ТОФ организовать оперативное обслуживание молодого пополнения в период прохождения приемных комиссий.

2. По прибытию молодого пополнения в части немедленно начать оперативную работу по выявлению среди них агентуры немецкой разведки, пособников, предателей и другого контрреволюционного элемента. В первую очередь организовать оперативную разработку лиц, на которых будут получены компрометирующие материалы, выявленные во время работы приемных комиссий.

Мерзленко

Директива

начальника ОКР «СМЕРШ» ТОФ от 23 сентября 1945 г.

Начальникам ОКР «СМЕРШ» ВМБ, СБО,
дивизий и бригад ТОФ и СТОФ.

Проведенной проверкой состояния работы по розыску агентуры иностранных разведок в отделах контрразведки СМЕРШ АСБО, 13 БМП и ССБО и в результате анализа оперативной отчетности других органов установлено, что розыскная работа в периферийных отделах СМЕРШ ТОФ организована неудовлетворительно. Все мероприятия по розыску вражеской агентуры в большинстве органов как правило сводятся только к проверке по розыскным ориентировкам и бюллетеням личного состава частей и соединений, и то не регулярно. Других мероприятий, перечисленных в пп.4 и 5 Инструкции об организации розыска агентуры противника (номер 49519 от 9 сентября 1945 г.) не проводится. В целях активизации розыскной работы предлагаю:

1. Инструкцию Главного управления контрразведки НКО «СМЕРШ» по организации розыска агентуры разведки противника номер 49519 от 9 сентября 1945 г. еще раз тщательно проработать со всем оперативным составом, добившись ее усвоения каждым оперработником.

2. Организовать систематическую проверку по розыскным ориентировкам и бюллетеням всего личного состава частей и соединений. При проверке обращать внимание не только на выявление самих агентов в частях, но и на установление их родственников и земляков с последующим проведением оперативных мероприятий, направленных на розыск агентов через установленные связи в частях.

3. Договориться с начальниками органов НКГБ, НКВД, РКМ и военными комендантами об информации вас о задержанных ими военнослужащих, вызывающих подозрение своим поведением или имеющимися у них документами.

4. Систематически проводить спецпроверку военнослужащих, призванных с территорий, освобожденных от немцев, с целью установления причастности их и их родственников, близких и знакомых к вражеской агентуре.

5. Об установленных агентах противника в результате проведения указанных выше мероприятий немедленно шифром доносить в ОКР «СМЕРШ» ТОФ, а при возможности их скрыться от ареста — задерживать с последующим подробным сообщением о наличии на них материалов для решения вопроса об аресте.

6. На агентов противника, родственников, близких и знакомых, которые будут вами установлены в частях, заводить розыскные дела и проводить активные мероприятия по розыску агентов, руководствуясь при этом п.4 Инструкции ГУКР НКО «СМЕРШ».

7. Для отражения проводимых мероприятий по розыску вражеской агентуры завести при отделах отдельные дела, в которых концентрировать все материалы, отражающие состояние розыскной работы.

8. Ответственность за организацию розыскной работы в соответствии с настоящей директивой возлагаю на начальников органов.

9. О выполнении директивы отчитываться ежемесячно докладными записками перед ОКР «СМЕРШ» ТОФ.

Мерзленко

1.10. Смирнов А.М. Дело Габова

Александр Михайлович
Смирнов

В органах государственной безопасности работал с 1954 по 1988 год. Из них – с 1957 по 1981 в органах флотской контрразведки на Дальнем Востоке и в Ленинграде. С 1982 по 1988 год – преподаватель КПОС института ФСБ. Капитан 2 ранга в отставке.

В ходе Великой Отечественной войны огромное военно-политическое значение имели блистательные победы Советской Армии в 1944 г. В результате была полностью освобождена от вражеской оккупации территория СССР, восстановлена государственная граница от Баренцева до Черного морей.

Остатки разгромленных стратегических группировок противника постепенно отступали на Запад. Покидали насиженные места и немецко-фашистские разведслужбы, карательные органы. Вместе с ними бежали и многие их прислужники. Однако на освобожденных территориях оставалось немало пособников фашистов, активно сотрудничавших с оккупационными властями. Значительная часть из них влилась в специально созданную спецслужбами разветвленную и глубоко законспирированную агентурную сеть для подрывной деятельности на территории нашей страны. Они тщательно маскировались, прибегали к различным ухищрениям, от смены фамилий до пластических операций, стремились перебраться в Восточные районы и осесть за Уралом и на Дальнем Востоке.

Все это усложнило работу территориальных органов государственной безопасности и военных контрразведчиков.

В Особом отделе КГБ по Краснознаменному Тихоокеанскому флоту розыску и задержанию преступников, агентов спецслужб и карательных органов поверженного фашистского рейха, уделялось в военные и послевоенные годы самое серьезное внимание.

В подтверждение отмечу, что оперативными подразделениями Особого отдела флота было обезврежено большое число находящихся в розыске карателей и агентов, таких, как агент абвера Базаревская и другие.

Свою лепту в разоблачение активных пособников противника внес в послевоенные годы и Особый отдел Южно-Сахалинской военно-морской базы, где я проходил службу оперативным уполномоченным.

История, о которой хочу рассказать, началась летом 1958 г., а закончилась в середине шестидесятых.

После окончания в июле 1957 г. школы военной контрразведки я был направлен в распоряжение Особого отдела КГБ по Краснознаменному Тихоокеанскому флоту, где получил назначение на должность оперативного уполномоченного Особого отдела КГБ по Южно-Сахалинской ВМБ.

По сложившейся практике, в оперативное обслуживание, помимо основного объекта, принял дополнительный — военно-морской госпиталь.

Как каждому начинающему самостоятельную работу, на первых порах мне приходилось нелегко, хотя и имел четырёхлетний опыт флотской службы, солидную юридическую подготовку и некоторые навыки её организации, приобретённые во время стажировки в Риге.

Мне повезло в том отношении, что моим наставником оказался опытный чекист

капитан третьего ранга Константин Дмитриевич Тучин. Константин Дмитриевич в военной контрразведке прослужил всю войну. Это был умный, душевный, с высокими нравственными качествами человек, примерный семьянин и надёжный товарищ. Я многому научился у него. Однако, вскоре он перевёлся на материк.

По традиции флотские и армейские контрразведчики в тесном контакте с политорганами активно занимались вопросами повышения бдительности личного состава частей и соединений. Часто выступали с лекциями и беседами в отведённые для политинформаций часы.

Летом 1958 г. во время такой встречи с медицинским персоналом госпиталя ко мне обратился военный врач и конфедициально поделился сомнениями. Суть их составляла в следующем. Он вместе с работающим по вольному найму начальником продовольственно-вещевой службы госпиталя Габовым Дмитрием Петровичем ездил рыбачить на озеро Тунайча. Порыбачив, на берегу и заночевали. После ужина у костра Габов быстро уснул. Во время сна он что-то говорил на немецком языке. Произносил не отдельные фразы, а большие предложения. Это его удивило и не даёт покоя по сей день.

Я спросил: «Что представляет собой Габов и выезжает ли во время отпусков на материк?» (безвыездное проживание не без основания рассматривалось косвенным признаком возможного нахождения лица в розыске). Мой собеседник рассказал, что он спокойный, уравновешенный человек. У командования на хорошем счету. Успешно справляется с обязанностями по работе и председателя профсоюзного комитета госпиталя. Проживает с женой. Увлекается рыбалкой. Выезжал или нет во время отпусков в Европейскую часть страны точно не знает, однако он никогда не рассказывал о поездках на материк, хотя знакомы они более семи лет.

Я поблагодарил офицера и, не покидая госпиталя, ознакомился с личным делом Габова (в те годы отделы кадров вели на рабочих и служащих личные дела, а не учётные карточки, как в настоящее время). Из анкетных данных было видно, что он русский, родился в 1912 г. в г. Николаеве, образование 6 классов, иностранными языками не владеет. Родителей не помнит. В армии служил с 1944 г., с 1945 г. – в составе ансамбля песни и пляски Дальневосточного фронта. Демобилизовался в 1945 г., женился на солистке ансамбля (к сожалению, её фамилию не помню, да это и не так важно). Жена работает в городской библиотеке. Сам с 1945 г. – в госпитале.

По прибытии в отдел, проверил Габова по учёту агентов фашистских спецслужб и карателей, находящихся в розыске. Его фамилия в списках разыскиваемых не значилась. Как и следовало ожидать, УКГБ по Николаевской области в отношении Габова компрометирующими сведениями не располагало. И всё же что-то удерживало нас от прекращения проверки, несмотря на отсутствие видимых причин.

Этому, как помнится, способствовали сомнения в отношении биографических данных Габова, его образа жизни и сокрытие знаний иностранного языка. Нами учитывалось также, что уже к осени 1941 г. фашистские войска оккупировали не только Николаевскую область, но и Краснодарский, Ставропольский края.

В ходе проведения определённых оперативных мероприятий наша настойчивость была вознаграждена. Возможно помог случай, но так или иначе через некоторое время была получена информация о том, что проверяемый не является Габовым. Гражданка, прибывшая из г. Николаева к дочери, проживающей в Корсакове, случайно увидела Габова и опознала в нём Матииса Гаппа, из немцев Поволжья. Матиис был женат на русской, которую с приходом фашистов выгнал из дома, поступил к ним на служ-

бу, носил офицерскую форму, по слухам, якобы был переводчиком. Потом, очевидно, ушёл с немцами в глубь нашей страны, так как она не встречала его с 1942 г.

Вскоре удалось встретиться с ней, как с возможным свидетелем. Среди предъявленных фотографий она выделила фото Габова, как соседа по месту проживания в г. Николаеве, назвав его Матиисом Гаппом. Подтвердила упомянутую информацию и сделала письменное заявление.

Теперь материалов для более глубокой проверки Габова-Гаппа у нас имелось более чем достаточно.

Однако, проверяемый под настоящей фамилии в списке разыскиваемых также не значился, а в ответе на наш запрос из Николаева сообщалось, что Матиис Гапп, 1912 г. рождения, уроженец г. Николаева, из немцев Поволжья, в период оккупации служил переводчиком, и данными о его возможной преступной деятельности УКГБ не располагает.

Тогда решили пригласить Габова-Гаппа на профилактическую беседу. Поскольку было важно знать, как поведёт себя проверяемый после встречи с офицерами контрразведки, мы заручились согласием руководства Управления КГБ по Сахалинской области о выделении бригады сотрудников 7 отдела Управления.

Бригада прибыла в г. Корсаков. В те годы это был небольшой портовый городок с преобладанием домишек деревянной постройки, раскинувшихся по улочкам вокруг огромной, покрытой лесом сопки и населением в 40 тысяч человек. После изучения обстановки, возможных маршрутов движения объекта и согласования совместных действий, Габова-Гапп под благовидным предлогом был приглашен в Особый отдел и в сопровождении «НН» прибыл к нам в назначенное время.

Беседу с мнимым Габовым вёл начальник отдела подполковник Михаил Ефимович Долгий. Рассказывая о себе, проверяемый убежденно «развивал» версию, изложенную в анкетных данных.

– Почему вы не искренни? – строго, но вполне доброжелательно спросил М.Е. Долгий. Габова несколько опешив, ответил:

– Я говорю правду.

– Нет, вы говорите не правду. Вы не Габова Дмитрий Петрович. Ваша настоящая фамилия – Гапп. Вы не русский. Вы – немец. Почему скрываете настоящую фамилию и прошлое?

Только что нагло уверявший нас в искренности, не моргнув и глазом, с легкостью ответил:

– Это верно. Моя настоящая фамилия – Гапп, а имя Матиис.

Последовала новая биография, совсем близкая, как позже было установлено, к истине. Легко угадывалось стремление показать себя в выгодном свете.

Нас интересовало его поведение в оккупации г. Николаева. На требование подробно рассказать о деятельности с 1941 по 1944 годы, Гапп продолжил рассказ и сообщил, что с оккупацией г. Николаева поступил на должность переводчика в новую администрацию, но ничего предосудительного не совершал.

– Зачем сменили фамилию?

– Из-за боязни. Поскольку приглашался как переводчик, для участия в допросах захваченных разведчиков-парашютистов, партизан, арестах подпольщиков, а также расстрелах. С немцами отступал до Одессы. Тогда решил остаться в Советском Союзе. Моя знакомая, сотрудничавшая с фашистами, изготовила документы на имя Габова Дмитрия Петровича. С новыми документами затерялся в массе людской, был зачислен

в ряды Советской Армии, прошёл с войсками до Румынии, а в 1945 г. переведён на Дальний Восток, остальное вам известно, – закончил рассказ профилактируемый.

Чувствовалось, что перед нами находится опытный и волевой враг, нахальный и лживый, а непосредственных улик против него не было. Мы досадовали на свою беспомощность. Очевидно, он также это почувствовал, так как не назвал ни одной немецкой, русской или иной фамилии из числа сотрудников разведывательных и карательных органов, агентов и пособников фашистов или расстрелянных патриотов.

В заключение беседы Гапп в письменной форме подробно изложил свою, так называемую «исповедь», заверил органы государственной безопасности, что работал у фашистов из-за безысходности и фактически по принуждению. Преступлений он не совершал, а фамилию своих предков восстановит. Высказал признание за «снятие с плеч тяжёлого груза». Покидая кабинет, он, разыгрывая фарс, спросил нас и как бы сам ответил, что теперь может вступить в партию, чем чуть не вывел из равновесия начальника отдела.

При выходе из здания отдела, находящегося напротив железнодорожного вокзала, Гапп-Габов вновь был взят под наблюдение. К удивлению сотрудников, он показал определённое знание методов работы. Профессионально проверялся, стараясь обнаружить в числе пассажиров, прибывших на поезде из Южно-Сахалинска, наших сотрудников. «Эта возможность была предоставлена» и Гапп «легко» ушёл от сопровождения...

Всё это усиливало наши сомнения в отношении профилактируемого. Мы предполагали, что он был не безвинным переводчиком, не сомневались в его намерениях бежать с фашистами, однако по каким причинам остался, было загадкой.

Для более обстоятельной проверки полученной информации идеальным вариантом было бы командирование оперативного сотрудника в г. Николаев, но руководство отдела флота, по причине начавшегося сокращения Вооружённых Сил, на это не пошло.

По имеющимся материалам я подготовил обобщённую справку, которая была отправлена в УКГБ по Николаевской области.

В 1960 г. я был переведён во Владивосток, а в 1961 поступил в ВКШ и утратил интерес к этому делу. Между тем николаевские, а затем и ставропольские чекисты внимательно подошли к оценке наших материалов. В поисках истины они проследили весь путь этого человека, у которого, кроме ненависти к нашей стране и народу, ничего не было за душой, вскрыли и задокументировали преступную деятельность Гаппа, лично творившего зверства при осуществлении карательных операций в период 1941–44 гг., и ещё девяти связанных с ним, скрывавшихся преступников.

Об этом я узнал из статьи в газете «Правда», кажется летом 1964 г., находясь на учёбе в Москве. В статье сообщалось о громком процессе в суде Минеральные Воды и суровом, но справедливом наказании указанной группы карателей.

Так завершилось многолетняя работа по делу, возникшему благодаря бдительности наших граждан.

Значительно позднее, встретив сослуживца капитана 3 ранга В.А. Быкова, я поинтересовался, как происходило задержание Гаппа. Владимир Алексеевич рассказал, что с прибытием в г. Корсаков сотрудников УКГБ по Ставропольскому краю с ордером на арест Гаппа, он по поручению руководства отдела был отправлен в командировку в Москву. Ему вручили билет на самолёт, проводили на посадку. В самолёте Гаппа ожидали сотрудники Управления, арестовавшие его по прилёту в Москву.

ЧАСТЬ 2. ВО ИМЯ ПОБЕДЫ

2.1. ВСПОМИНАЮТ ВЕТЕРАНЫ ЛЕГЕНДАРНОГО СМЕРША

Многие сотрудники военной контрразведки Тихоокеанского флота прошли дорогами Великой Отечественной войны. Но время неумолимо, и ветераны уходят из жизни. Тем большую ценность приобретает живое слово тех, кто здравствует ныне и может поделиться своими воспоминаниями о тех далеких и суровых днях. Непосредственными участниками противостояния советских и германских спецслужб были чекисты С.И. Девятисильный, А.А. Лазарев, Е.Н. Дружинин, В.М. Астафьев, прошедшие всю Великую Отечественную.

В органах военной контрразведки служили не только мужчины, огромную техническую работу выполняли и женщины. Именно о них сказано — «люди молчаливого подвига». На архивных полках стоят сотни тысяч дел военного времени, каждая страница которых написана или напечатана руками женщин — сотрудников военной контрразведки. На оборотной стороне документов того времени нет даже маленькой строчки — «Отп. машинистка имярек». Много таких женщин самоотверженно трудились и в подразделениях военной контрразведки Тихоокеанского флота.

А.И. Дворницына

Агния Ильинична Дворницына родилась 16 января 1922 г. на станции Надеждинская Приморской области в семье потомственного оренбургского казака. В 1940 г. закончила среднюю школу № 23 и поступила на работу секретарем-машинисткой в Надеждинское отделение Владивостокского райпотребсоюза. Когда 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война, Агнии было всего 19 лет.

Через нее шли все секреты

(Из воспоминаний А.И. Дворницыной)

Тихоокеанский флот перешел на военное положение. Началось развертывание новых частей и укрепрайонов для защиты Главной базы и побережья Приморского края от возможного нападения Японии. Вместе с флотом приступили к развертыванию своих сил по штатам военного времени и органы военной контрразведки. Появилась острая необходимость не только в оперативных работниках, но и в административно-техническом персонале.

25 октября 1941 г. стало первым рабочим днем Агнии на новом месте в должности машинистки 3-го отделения Тылового укрепсектора Главной морской базы Тихоокеанского флота. Отделение находилось в Артеме и первоначально размещалось в одном здании со штабом укрепсектора.

Начальником только что сформированного отделения был капитан Николай Петрович Никитин, который в свои 30 лет казался девушке очень взрослым, повидавшим жизнь человеком. Первоначально Агния работала вместе с Никитиным в небольшой комнатухе, в которой Николай Петрович преподавал ей уроки ведения секретного делопроизводства.

Агния Ильинична запомнила Никитина как очень вежливого, доброжелательного и воспитанного человека. Он никогда не позволял себе грубого слова, не повышал голоса и был предельно тактичен в отношениях с подчиненными. Каждый день в обеденный перерыв Агния вместе с Никитиным ходила обедать в столовую. Частенько Никитин ласково называл ее Нюрой – уж очень редкое было у Агнии имя.

Преемник Никитина, полковой комиссар Букин, переведенный из Особого отдела бригады торпедных катеров в Улиссе, оказался совсем другим. Его речь была обильно сдобрена крепкими выражениями, которые не пристало слушать молодой девушке. Не отставал от начальника и его заместитель, батальонный комиссар Завольский, служивший до этого начальником Особого отдела Шкотовского сектора береговой обороны, а в 1942 г. назначенный на должность начальника 8-го отделения Особого отдела НКВД по ТОФ.

В распоряжении Агнии был старенький «Ундервуд», на котором она печатала агентурные донесения, спецсообщения, докладные записки, приказы и распоряжения. Шла массовая отправка моряков на фронт, и ей приходилось непрерывно и в большом количестве оформлять справки допуска, учетные дела и дела-формуляры.

Сейфа в отделении не было. Все дела хранились в простых деревянных шкафах. Прошитые и запечатанные пакеты Агния заворачивала в старую газету и несла на почту. Только спустя некоторое время появился фельдъегерь, тоже женщина, которая забирала секретную почту.

Начальство из Владивостока приезжало редко. Гораздо чаще по делам службы уезжал в Особый отдел ТОФ начальник или его заместитель. Оперативные работники практически постоянно находились в частях укрепсектора – танковых и стрелковых ротах, батальонах. Аппарат отдела состоял из четырех человек, включая начальника. Оперативные работники приезжали в отдел только для доклада или на совещание. О чем шла речь за закрытой дверью кабинета начальника, Агния не знала, да и никогда не интересовалась. Еще в первые дни Никитин объяснил ей главный принцип работы – «делай только то, что тебе положено». Использованную копирку, испорченные или отработанные документы Агния выбрасывала в корзину для бумаг, а что с ними делали дальше – не знала. Это уже ее не касалось. Хотя и в то время всякое бывало. Один оперуполномоченный, к примеру, возвращаясь на объект, потерял пакет с секретными документами при посадке на попутную машину. Отсидел на гауптвахте.

Большинство оперуполномоченных были чуть старше Агнии по возрасту. Тогда даже в официальных документах не было принято писать инициалы. Друг друга называли по фамилии или по имени, а в служебной обстановке – по званию или должности. Хотя безжалостное время многое стерло из памяти, но Агния Ильинична до сих пор помнит оперуполномоченных Алексея Мудрякова, лейтенанта Ивана Болдырева, Ивана Казанцева, Николая Клименко, Николая Щученко. Кое-кто из них уже к началу войны успел обзавестись семьей. Это были молодые, жизнерадостные люди, многие из которых рвались на фронт. Кто-то добился отправки на Запад и сложил голову в боях.

11 января 1942 г. отделение было переименовано в Особый отдел Артемовского сектора береговой обороны ТОФ. Распорядок работы отдела выполнялся неукоснительно. Агния жила на квартире в 20 минутах ходьбы от места службы. Работа началась в 9 часов утра. С 13 до 14 часов был перерыв на обед, а с 17 до 20 часов – на ужин. И с 20 часов труд продолжался до часа ночи. Причем на рабочем месте было не

принято пить чай или приносить с собой съестное. В отделе не водился даже чайник. И на праздники дело ограничивалось только официальными поздравлениями, после чего все вновь возвращались на службу.

Так шли день за днем без выходных и отпусков. Распорядок работы не предусматривал субботы и воскресенья. На развлечения и общение вне службы времени также не оставалось. За всю войну Агния только два раза побывала на концертах приезжих артистов, выступавших в 7-й авиадивизии, располагавшейся в районе поселка Угловое, и в клубе Артема. Каждый день по пути на службу и обратно девушка проходила мимо кинотеатра, в котором так и не посмотрела ни одного фильма. Подруг у нее тоже не было. Иногда она перебрасывалась парой слов с молодой служащей тыла штаба сектора, но в обычных для ее возраста девичьих посиделках Дворницкой принять участие так и не довелось. В комсомол Агния вступила еще в 1939 г. и числилась членом комсомольской организации тыловой службы штаба. Однако и в комсомольских собраниях ей нечасто приходилось участвовать. Начальник отдела не отпускал ее на собрания из-за большого объема работы.

Иногда Агния заступала на дежурство по отделу. Решеток на окнах не имелось, только шторы затемнения. На дверях круглосуточно стоял караульный. За все время войны в отделе не было ни одного случая отключения света, воды или отопления.

С 1 августа 1943 г. отдел был вновь переименован – в отдел контрразведки «СМЕРШ» Артемовского сектора береговой обороны ТОФ. В это время она встретила свою судьбу и вышла замуж за оперуполномоченного отдела, старшего лейтенанта Алексея Еремеевича Загрибина.

Служба продолжалась в том же напряженном военном ритме. Документы, пакеты, почта. В начале войны с продуктами дело обстояло неплохо, но затем ввели карточки. Старший брат Агнии служил в действующей армии, младшие брат и сестра жили с отцом и матерью в Надеждинском. Отец Агнии, Илья Семенович, был железнодорожником, и в 1943 г. его отправили в длительную командировку на Запад для восстановления железных дорог на освобожденных от немцев территориях. Агния стала практически единственной кормилицей для своей семьи.

Примерно раз в месяц можно было отпроситься у начальника на сутки, чтобы навестить семью. Агния садилась в субботу на вечерний поезд и уже вечером в воскресенье возвращалась. От станции до квартиры приходилось идти несколько километров пешком.

8 марта 1944 г., в Международный женский день, Агнии впервые объявили благодарность за добросовестное исполнение служебных обязанностей. Сегодня Агния Ильинична подробности уже запаматовала. Но очень хорошо помнит, что самым главным для нее в то время была работа. Позднее ее разок поощрили орденом на отрез, и она сшила себе платье. Как-то не принято было тогда раздавать благодарности и поощрения.

20 апреля 1944 г. Агнию перевели на должность делопроизводителя-машинистки в отдел контрразведки «СМЕРШ» 13-й бригады морской пехоты, а 26 мая того же года ей присвоили воинское звание «младший лейтенант административной службы». Она стала ходить в форме. Паек, включавший в себя муку, крупы, хлеб, американскую тушенку, сахар, стал хорошим подспорьем для семьи.

Война с Германией подходила к концу. Работа в отделе шла своим чередом, но уже к весне 1945 г. люди почувствовали облегчение и даже немного расслабились. Поэто-

му подготовка к военным действиям против Японии оказалась неожиданной. В конце июня 1945 г. 13-ю бригаду морской пехоты развернули в районе бухты Горностай, где был разбит палаточный городок. Агния вместе со своим мужем и его сослуживцами провела в общей палатке около месяца. Тогда всех объединяла служба и военная форма и особых различий между мужчинами и женщинами не было.

В это время Агния уже ждала ребенка, и 10 июля 1945 г. ее перевели на должность машинистки отделения «Б» отдела контрразведки «СМЕРШ» по Тихоокеанскому флоту.

Началась война с Японией, и 13-я бригада морской пехоты, а вместе с ней и муж Агнии, с боями прошла по Маньчжурии до Порт-Артура. После окончания войны Агния с ребенком отправилась к мужу, который уже проходил службу начальником оперативного отделения Отдела контрразведки «СМЕРШ» НКВМФ по Порт-Артурской ВМБ, которым командовал подполковник Карпов.

Агнии запомнились веселые и дружелюбные китайские торговцы, которые охотно давали свои товары в кредит и целый день сновали по улицам с криками «купи-купи!» Всех русских в форме китайцы называли «капитана» и старались сделать их своими постоянными клиентами, обещая скидки и разнообразные услуги. Время в Китае пролетело быстро. В 1946 г. Агнию уволили в запас, и вскоре у нее уже было двое сыновей.

Но в 1951 г. семью постигло несчастье – умер младший ребенок. А в 1954 г. Агния рассталась с мужем, который уехал к себе на родину и уже больше никогда не давал о себе знать. В 2000-м г. в возрасте 55 лет скончался сын-первенец.

С 1955 г., уже 47 лет, Агния Ильинична продолжает работать в библиотеке Тихоокеанского военно-морского института, поддерживая свое хозяйство в таком же образцовом порядке, какому ее научил Никитин. 16 января 2002 г. ей исполнилось 80 лет. Ее дочь, Людмила Алексеевна Загрибина, работает в библиотеке Дальрыбвтуза. У Агнии Ильиничны внук и внучка.

В память о военных годах осталась только одна любительская фотография в форме, сделанная соседским мальчиком в далеком 44-м г. Лучшие годы своей жизни А.И. Загрибина отдала военной контрразведке. Она не ловила вражеских агентов, не участвовала в розыске дезертиров, не занималась оперативной работой – только печатала документы, не вдаваясь в их содержание, так как это не входило в обязанности секретаря-машинистки. Но через ее руки прошли все секреты подразделений, в которых она служила. Однако и сейчас, спустя полвека, Агния Ильинична более чем скупко отвечает на вопросы о содержании своей прошлой работы.

За свой труд в годы войны Агния Ильинична награждена медалью «За Победу над Японией». Есть у нее и две юбилейные медали – по случаю сорокалетия и пятидесятилетия Победы в Великой Отечественной войне, а также медаль «Ветеран труда». Она не любит говорить о своих заслугах. Служба в годы войны была и осталась для нее той обязанностью, которую время возложило на плечи ее поколения. Но в рассказах славной женщины сквозит гордость за то, что она выполнила свой долг перед Родиной до конца.

Приказом Верховного Главнокомандующего Вооруженных сил Российской Федерации № 2 от 27 апреля 2000 г. А.И. Дворницыной присвоено воинское звание «лейтенант». 22 апреля 2002 г. начальник Управления ФСБ по Тихоокеанскому флоту контр-адмирал Н.Н. Соцков вручил Агнии Ильиничне орден Великой Отечественной войны 2-й степени.

За американцами — на подножке поезда

*(Из воспоминаний
Натальи Георгиевны Рудневой)*

В середине лета 1941 г. я работала на железной дороге бухгалтером на станции Первая Речка во Владивостоке. Я уже была комсомолкой, и вот как-то раз меня вызвали в райком и предложили работу в органах. Я жила в общежитии на небольшой улочке в районе Некрасовской.

Тогда девушек брали работать регулировщицами, но я наотрез отказалась от такой службы. Тем не менее заполнила очень большую и подробную анкету на себя и на всех своих родственников. Я ведь сибирячка, и родственников у нас всегда было много. Когда я вписала всех родных, то, посмотрев мою анкету, мне сказали, что вызовут позже. И вот только в октябре, наверное, после того, как проверили всех моих родственников, меня вызвали вновь. На мою работу пришло указание — в 24 часа произвести расчет и выдать выходное пособие. Так я пошла работать в органы НКВД.

Вначале попала в территориальные органы. У меня была оперативная работа. Тогда это назывался 7-й отдел. Мы вели наблюдение за консульствами и за отдельными гражданами. Я там проработала около года, и мне присвоили воинское звание младшего лейтенанта. Потом я вышла замуж. В первый год службы я жила на Китайской улице (ныне Фокина). Там, где сейчас 33-я аптека, стоял небольшой двухэтажный домик — это было наше общежитие. В 7-м отделе я проработала до 1953 г. и стала лейтенантом. И все время занималась наружным наблюдением. Раньше слово «наружка» нельзя было даже произносить. Больше всего мы работали по консульствам. В нашем «подчинении» были японское, американское и китайское консульства. Ходили и за нашими гражданами. Это сейчас все больше работает техника. А раньше везде ходили люди. Иногда парами нас направляли — девушка с парнем.

В общежитии мы, молодые девчонки, жили вчетвером. Нормально жили. Мы вместе работали и всем делились друг с другом. А по документам мы вообще где-то на каком-то заводе работали. Городской отдел НКВД тогда был там, где сейчас магазин фототоваров возле клуба Дзержинского. Иногда мы там и базировались. А вообще у нас были конспиративные квартиры, на которых мы большую часть времени и обитали.

В 1953 г. я попала под сокращение. Тогда шло «хрущевское» сокращение, а у меня уже был ребенок. Он родился в 1946 г. Муж у меня тоже работал в органах. Правда, меня не столько сократили, сколько перевели. Я ни одного дня не оставалась без работы — меня направили сразу же в Особый отдел КГБ по Тихоокеанскому флоту. Тогда все органы КГБ располагались в здании, где сейчас краевое УВД. Я работала старшим

Н.Г. Руднева

Я родилась 6 июля 1919 г., училась в школе, и во многом моя жизнь ничем не отличалась от биографий моих сверстников. Наше поколение многое перенесло, многое видело. И сейчас, когда вспоминается прошлое, я могу сказать, что ни о чем не жалею. Это были трудные, но прекрасные годы.

инспектором. У нас был начальник, майор, я – его заместитель и еще четыре девушки-машинистки. В секретариате я проработала до 1974 г.

Хочу сказать, что сейчас на органы госбезопасности льют всякую грязь, а у нас ведь работали честнейшие ребята. При Сталине действительно очень многие погибли, но мы не знали обо всем этом. Из моих знакомых, пока я работала, ни одного не арестовали, никто не пропадал на моей памяти.

Квартиру мы получили в Косом переулке. Сейчас этого дома уже нет. Я работала одна, ко мне даже оперативные работники не имели права зайти. Но после работы мы собирались. У нас начальником был Иван Сергеевич Гудков, очень простой и приятный в общении человек. Жена у него очень хорошая была женщина. Мы часто выезжали летом за грибами на Русский остров. Эта территория была запретная для всех гражданских. Но у нас имелся свой катер, и нам разрешалось. И просто так собирались, и по праздникам, вместе Новый год встречали.

Во время войны мы получали офицерские карточки. Продуктовый набор нам давали. Там было даже масло. Я сейчас уже не все помню. Но помню, что не голодали, хотя жили скромно. Уже после войны нам выдавали продуктовые карточки. Некоторое мы меняли. Я, к примеру, не курила, так папиросы или мужу отдавала, или меняла на продукты.

Пока работала в военной контрразведке, там сменилось несколько начальников. Когда пришла, начальником был Гудков. Потом Тимофеев – контр-адмирал, невысокого роста. Лепихин – на морском кладбище ему бюст поставлен – он из Германии приехал. Потом был Кошелев. Всех я уже не помню. А последний мой начальник – Евгений Никитич Дружинин.

По тревоге нас нередко поднимали. Я считалась гражданской, а ко мне в три часа ночи приезжает матрос и сообщает: явиться с чемоданчиком. Это у нас всегда стоял наготове такой «чемоданчик», в котором продукты на три дня и все предметы первой необходимости лежали. Но я ведь была уже не военнотруженица. Нас вызывали в ночное время, но за это не платили.

А ведь у меня было большое хозяйство – куча бумаг. И вот только вынесли, а ведь я еще должна каждый мешок опечатать, только погрузили – отбой. Бывали случаи, что неделями жили за городом. На этой почве и возникали иногда конфликты. Ведь мы вольнонаемные. Нам столько-то часов отработать – и все, а нас то и дело поднимали по тревоге. Я даже высказывала недовольство своему начальнику Тихонову.

Однажды, мы тогда жили уже на Ленинской, меня вызвали среди ночи. А ведь женщина одна ночью по городу не побежит. И я не явилась. А когда пришла утром, то получила замечание. Кстати, выговор я получила всего один раз. Я провожала сына в армию, и у меня вытащили из сумочки печать, которой я сейфы опечатывала. А так нам всегда говорили: если не хотите ночью работать – увольняйтесь.

В общей сложности я отработала в органах НКВД-КГБ 33 года. У нас был очень хороший коллектив. Если кто выпьет и попадетсЯ, так такого на всех собраниях постоянно «по косточкам» разбирали. А если по женщинам пойдет, то тут вообще неприятностей не оберется.

Наш маленький коллектив секретариата тоже был очень сплоченным. Женщины очень дружные. Начальник всегда с нами. Правда, машинистки держались немного обособленно. Мы всегда поздравляли друг друга с днем рождения. Мне однажды часы

подарили с гравировкой. И сегодня мы все, ветераны, очень довольны, что о нас не забывают – поздравляют со всеми праздниками, помогают чем могут. В общем, очень хорошо относятся.

Я была во многих наших частях с проверкой. Один случай помню до сих пор. Я еще работала в территориальных органах, и однажды мне пришлось ехать в Хабаровск на подножке поезда. «Дежурила» по американскому консульству, тогда мы глаз с него не спускали. Прямо в доме напротив консульства была наша квартира, и мы оттуда вели наблюдение. Оно располагалось на Тигровой. Обычно, когда американцы выезжали в Москву или еще куда-либо, нам немедленно об этом сообщали. Но как-то раз мы с напарником ведем наблюдение, а нам ничего не сообщили. Вдруг выезжает машина — и на вокзал. Я уже не помню, как я добиралась, наверное, пешком, там ведь рядом. В чем была, в том и пошла. Билетов нет, никто мне сесть на поезд не помог. Американцев провожали два человека. А я не могла даже в вагон войти и до станции Угольной ехала на подножке. Это было осенью – холод. Как только мы остановились, я – к начальнику поезда. Созвонились, меня посадили в поезд, и я вела «подопечных» до Хабаровска. Там передала их другой группе наружного наблюдения, и так этих американцев «вели» до самой Москвы...

В душе остаюсь чекистом

(Из воспоминаний С.И. Девятисильного)

22 марта 1939 г. началась служба в органах государственной безопасности. С 1939-го по май 1941 г. – оперуполномоченный Особого отдела НКВД 55-й авиабригады и 2-й авиадивизии. С 1 октября по май 1941 г. участвовал в советско-финской войне вместе с бойцами отдельного авиаполка. С мая 1941 по февраль 1942 г. – старший оперуполномоченный 2-й смешанной авиадивизии на Ленинградском фронте. В феврале-сентябре 1942-го – оперуполномоченный 2-го отделения Особого отдела Ленинградского фронта. С сентября 1942-го по январь 1943-го занимал должность начальника Особого отдела НКВД 14-й воздушно-десантной бригады Московского военного округа. С января по май 1943-го – старший оперуполномоченный Особого отдела НКВД 3-го истребительного авиакорпуса Северо-Кавказского фронта. С мая 1943-го по март 1946-го – старший оперуполномоченный отдела контрразведки «СМЕРШ» 278-й истребительной авиадивизии и 260-й стрелковой дивизии Группы советских оккупационных войск в Германии. С марта 1946-го по май 1947-го – старший оперуполномоченный отделов контрразведки частей Киевского военного округа.

С.И. Девятисильный

Сергей Иванович Девятисильный родился 7 октября 1917 г. в селе Орелька Лозовского района Харьковской области. В 1937 г. закончил среднюю школу и поступил в Автодорожный институт им. В.В. Куйбышева в Ленинграде. С марта 1938-го по март 1939 г. проходил обучение в межкраве-вой школе ГУТБ НКВД СССР.

С 12 мая 1947 г. началась служба на Дальнем Востоке. В 1947–1951 гг. – старший оперуполномоченный отдела контрразведки МГБ 10-го учебного отряда 5-го Военно-морского флота. В 1951–1952 гг. – заместитель начальника отделения отдела контрразведки МГБ по 5-му Военно-морскому флоту. В 1952–1953 гг. – старший оперуполномоченный периферийных объектов. В 1946 г. присвоено воинское звание «майор». В годы войны награжден орденами Великой Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, медалями «За оборону Ленинграда», «За оборону Кавказа», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За боевые заслуги». Приказами Верховного Главнокомандующего объявлены благодарности «За прорыв обороны немцев на западном берегу Одера», «За овладение городом Бранденбург», «За окружение города Берлина».

1924 год. Небольшая железнодорожная станция Опочка, что на магистрали Ленинград – Москва. Мы, дети железнодорожников, играя, проводили много времени у перрона вокзала, встречая и провожая пассажирские и грузовые поезда, останавливающиеся на станции для дозаправки паровозов дровами и водой. Здесь мы часто наблюдали, как чекисты линейного поста ОГПУ станции, а это были два молодых парня, одетых в красноармейскую форму, с орденами Красного Знамени на груди, снимали с крыш вагонов, тамбуров и платформ беспризорников, голодных, грязных, в оборванной одежде, едущих неизвестно куда. Здесь же их сажали на подводы, запряженные лошадьми, и везли в город Опочка, что в трех километрах от станции, в детский дом, который был создан по указанию Ф.Э. Дзержинского. Так состоялось мое первое знакомство с деятельностью чекистов.

Спустя почти десять лет мне уже самому довелось принять участие в работе органов государственной безопасности. 7 октября 1932 г. в Опочечком районе проводилась операция по выселению кулаков. Как мне стало известно позднее, в райотдел НКВД поступило сообщение, что группа кулаков Куткинского сельсовета собирается оказать вооруженное сопротивление в случае их выселения. В райотделе находилось только двое чекистов – явно недостаточно для проведения операции по разоружению и задержанию кулаков, и было принято решение мобилизовать пятерых комсомольцев, прошедших подготовку в Осоавиахиме и владеющих оружием.

В числе этих комсомольцев оказался и я. Нас вооружили винтовками, выдали боевые патроны, и мы под руководством чекистов вечером того же дня пошли пешком в деревню Кутка, что в 12 километрах от Опочки.

Пришли на место примерно к 23 часам и уже к утру задержали всех шестерых кулаков, подозревавшихся в вооруженном сопротивлении. Но, как оказалось после соответствующей проверки, информация, поступившая в райотдел, не соответствовала действительности, и мы, покинув Кутку, к вечеру вернулись в Опочку. Так состоялось мое второе знакомство с деятельностью чекистов. В день проведения операции мне исполнилось 15 лет.

Отец мой еще до революции закончил Киевский политехнический институт и работал на железной дороге инженером. Он рано умер, и нашей семье пришлось пережить много трудностей. С ведомственной квартиры нас хотели выселить, средств к существованию практически не было. Отчаявшись ходить по инстанциям, моя мать написала письмо на имя Н.К. Крупской, и, благодаря вмешательству Надежды Константиновны, многие наши проблемы благополучно разрешились. Ответное письмо Крупской на имя местных руководителей я очень долго хранил у себя, но, к сожалению, во время пожара на квартире во Владивостоке оно сгорело. В этом письме были такие строки: «Научитесь не только выполнять, но и правильно понимать законы».

В 1937 г. я уже учился в Автомобильно-дорожном институте им. Куйбышева в Ленинграде. В один из декабрьских дней нас, студентов двух факультетов, собрали в лекционном зале и предложили написать автобиографию, ответив на вопросы, уже обозначенные заранее на доске, что мы и сделали.

Вскоре после ряда собеседований со мной в Управлении НКВД по Ленинградской области мне объявили, что я, по решению ЦК ВЛКСМ, направляюсь на учебу в Ленинградскую школу НКВД. После окончания школы я сказал на комиссии, что хочу только в армию, и получил назначение в Особый отдел НКВД 55-й авиационной бригады, базировавшейся на аэродроме в городе Старая Русса, на должность старшего оперуполномоченного 44-го Отдельного бомбардировочного полка, в которой проработал более трех лет.

Начальником Особого отдела бригады был Павел Васильевич Ефищенко – опытный чекист, хорошо образованный человек и незаурядная личность. На второй день моего приезда П.В. Ефищенко вызвал меня к себе в кабинет, где обстоятельно объяснил мне, как я должен строить свою работу и отношения с личным составом полка. «Запомните, – сказал он, – что наш Особый отдел и все мы являемся неотъемлемой частью боевого организма 55-й авиационной бригады. Вы должны хорошо знать весь личный состав полка, постоянно общаться с людьми, знать состояние боевой подготовки и всех служб полка, ориентироваться в тактико-технических данных самолетов и вооружения. Любая полученная вами информация должна тщательно перепроверяться».

Я все хорошо запомнил, и это всегда помогало мне в оперативной работе. Весь день, с 10 часов утра, оперработники находились в частях. С 17 до 18 часов был перерыв, а вечером мы занимались агентурно-оперативной работой, написанием справок, донесений и прочих документов. Оперработники работали до часа, а начальник и заместитель – до трех часов ночи.

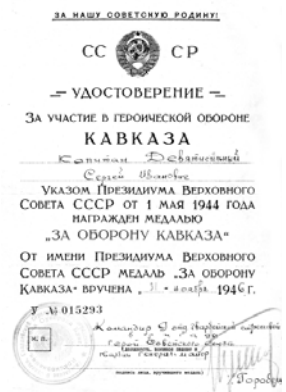
Заместитель начальника отдела Гусев, в отличие от Ефищенко, был совершенно другим человеком, сильно напоминаяшим булгаковского Шарикова. Вспоминается такой случай. В бригаду прилетел самолет из Москвы, на котором привезли ветошь для протирки механизмов. Ветошь была очень плохого качества и оказалась непригодной для использования. Механик полка, техник-лейтенант Подколзин, очень экспансивный человек, в сердцах воскликнул: «Пусть такой ветошью в Кремле подтираются!» Естественно, информация сразу же дошла до Гусева, который в это время замещал находившегося в командировке Ефищенко. Гусев приказал мне оформить арест Подколзина за антисоветские высказывания, но я отказался. Тогда Гусев стал грозить мне арестом за отказ от борьбы с контрреволюцией. Меня фактически спас вернувшийся в отдел Ефищенко, который поддерживал меня. А тут еще пришла директива о прекращении арестов военнослужащих, по малозначительным фактам попадающих под статью 58-10.

Подколзина я встретил уже после войны, которую он закончил полковником, механиком авиадивизии. А в 70-е годы я встречался в Москве с Ефищенко, который сказал, что мне тогда очень повезло, так как меня ждали увольнение и репрессии. Могу сказать, что еще в школе НКВД вопрос о правомерности репрессий волновал не только меня одного. Хорошо помню, как один из слушателей на занятиях по агентурной работе спросил преподавателя Зубкова: «Зачем эти репрессии?» На практике в Ленинградском управлении НКВД я также столкнулся с делами, которые явно были сфальсифицированными.

С самого начала службы в полку я увлекся вооружением и частенько бывал в тренажерном зале. Особенно я любил пристреливать ШКАСы и со временем стал хоро-

Удостоверения и грамоты
С.И. Деятисильного

шим стрелком. Осенью 1939 г. в нашем полку работала инспекция. Командир полка Василий Иванович Колеванов, которого все звали Чапаем, зная о моей стрелковой подготовке, сказал мне: «Летим вместе». Мы отстрелялись по конусам и получили высокую оценку инспекции. Одновременно я своей отличной стрельбой завоевал уважение всего летного состава, с которым у меня установились хорошие отношения. Это всегда помогало мне в оперативной работе.

Наш отдельный авиаполк успешно участвовал в финской войне. Однажды я принял участие в групповом боевом вылете на самолете «СБ» вместе с командиром полка, который взял меня, зная, что я неплохой бортстрелок. Мы успешно отбомбились по цели, но по возвращении у командования возникли сомнения в том, что мы действительно накрыли цель. Тогда командир полка сказал: «А вы спросите у оперуполномоченного, попали мы или не попали в штаб корпуса финской армии. Он сам с нами летал». Я подтвердил слова командира. Однако руководство Особого отдела меня строго предупредило о недопустимости впредь подобных вылетов.

22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. 44-й авиационный полк и вся 55-я авиабригада уже в первые дни войны участвовали в боевых действиях, нанося бомбовые удары по немецким войскам, наступающим на Псковском направлении и на границе с Финляндией.

В октябре 1941 г. полк перебросили в блокадный Ленинград, сначала на аэродром Левашово, затем на Кавгольские озера и позднее – на аэродром, оборудованный непосредственно на территории одного из ленинградских парков.

Весной 1942 г. Ленинград подвергался не только ожесточенным обстрелам, но и бомбардировкам с воздуха. Ночные бомбардировки фашистов показали, что в городе действует немецкая агентура, которая с появлением вражеских бомбардировщиков осуществляла подсвечивание важных военных и промышленных объектов.

Органы НКВД, в том числе и особые отделы контрразведки частей, длительное время не могли выйти на эту агентуру, хотя постоянно создавались оперативные группы, действовавшие по ночам в целях задержания лиц, осуществляющих подсвечивание. Выброски агентуры носили массовый характер, и я постоянно работал в составе опергрупп.

И вот однажды, возвращаясь с ночного рейда и проходя по поселку, около калитки одного из домов я заметил цветную оберточку от шоколадной плитки с надписью на немецком языке. У меня сразу же возникло подозрение, что этот дом мог посетить человек по заданию немецкой разведки. Это сейчас иностранная упаковка является обычным делом, а в то время такой вроде бы малозначительный факт сразу же наводил на размышления.

В этот же день я выяснил, что в доме, около которого была поднята оберточка, проживает инвалид Первой мировой войны, безногий офицер царской армии, побывавший в плену у немцев. Мои подозрения усилились, и я доложил о них Управлению контрразведки Ленинградского фронта, которому подчинялся.

За домом было установлено круглосуточное наблюдение, все лица, посещавшие его, тщательно перепроверялись. Здесь я пошел на нарушение и использовал для наблюдения двух военнослужащих из полка, которым доверял. Наблюдение мы вели девять дней. И вот около дома появился человек, который вел себя несколько необычно. Я решил задержать его. Задержанный оказался связным немецкой разведки. Так была раскрыта рассчитанная на глубокое оседание резидентура немецких агентов, завербованных из числа бывших военнопленных русской армии.

2 сентября 1942 г. я покинул блокадный Ленинград и попал в Москву на должность заместителя начальника Особого отдела 14-й воздушно-десантной бригады, ко-

торая располагалась в парке Горького. Все военнослужащие бригады перед отправкой на фронт должны были прыгать с парашютом, сначала с вышки, а потом с самолета. Прыгал с парашютом и я.

Штаб бригады и Особый отдел находились в одном здании. Начальником отдела был майор Гнездилов. Перед отправкой на фронт в воздушно-десантных частях всегда обнаруживались дезертиры, которые пытались уклониться от выброски. В нашей бригаде также дезертировало 8 человек, которых в результате розыскных мероприятий мы задержали на вокзалах Москвы.

Во время службы в отделе бригады мне пришлось столкнуться с человеческой подлостью. Ко мне в кабинет стала заходить врач бригады Уманская, молодая женщина, которая беседовала со мной на различные темы. Но, оказывается, к ней был равнодушен начальник отдела Гнездилов, который по возвращении из командировки узнал о том, что предмет его воздыханий почти каждый вечер заходит в мой кабинет. На этой почве Гнездилов за моей спиной фактически оклеветал меня, сделав записи в моем личном деле о том, что я якобы отказываюсь от назначений. Последствий это каких-то особых не имело, тем более что бригада была расформирована на батальоны, а вместе с ней был расформирован и Особый отдел.

В январе 1943 г. я уже был старшим оперуполномоченным 3-го авиационного истребительного корпуса, который вел боевые действия на Кубани и в Крыму. Особые отделы частей, действующих в Крыму, осуществляли большую оперативно-розыскную работу по розыску немецких пособников, а их было немало. Немцы также активно забрасывали агентуру в прифронтовую полосу для ведения разведки, и я постоянно в составе опергрупп занимался розыском вражеских агентов.

Во время оккупации Крыма немцами был сформирован 21-й батальон из крымских татар, которые вели активную вооруженную борьбу против наших партизан, участвуя также в расправах над гражданским населением Крыма, в первую очередь над членами семей моряков Черноморского флота.

Из оперативных работников особых отделов частей были созданы опергруппы, действовавшие в Симферополе и его окрестностях под руководством Особого отдела 21-й пехотной армии. Группа обычно состояла из четырех человек и работала в течение 8–10 дней. В одну из них был направлен и я.

В числе разыскиваемых значился некто под кличкой «Агроном», пользовавшийся у немцев исключительным доверием и якобы участвовавший в захоронении на территории Крыма каких-то значительных ценностей при отступлении немцев из Симферополя.

Наша оперативная группа задержала нескольких немецких пособников, но выйти на «Агронома» ни мы, ни другие не смогли. Прошло десять дней. К этому времени наши войска освободили Севастополь, и нас должны были откомандировать по своим частям.

В последний день работы в Симферополе, идя по городу, я решил зайти в областной совет, поинтересоваться общей обстановкой в Крыму. Меня принял председатель облсовета. Во время беседы в кабинет заходит какой-то человек и, обращаясь к председателю, говорит: «Сегодня утром агроном вернулся». Председатель отвечает: «Вот и хорошо, будет нам с кем решать сельскохозяйственные проблемы».

Я тут же вспомнил ориентировку и принял решение о задержании агронома, не докладывая в Особый отдел армии, опасаясь, что если это действительно он, то, посетив семью, быстро скроется. Вместе с председателем облсовета мы отправились к агроному домой. Когда мы пришли, то по побледневшему лицу агронома сразу стало понятно, что он понял, кто и зачем к нему пришел. Я разрешил ему дообедать вместе с

семьей и попрощаться. Не очень приятная картина, но человек этот был преступником и предателем. Мы доставили его в Особый отдел 21-й армии. Задержанный действительно оказался разыскиваемым немецким пособником по кличке «Агроном».

В 1944 г. в Витебске произошел любопытный случай. Когда я шел по улице города, ко мне подбежал мальчишка лет двенадцати и спросил: «Дяденька, вам наган не нужен?» Я удивился: «А что, у тебя есть?» И тут мальчишка заявил: «Наган мне дали немцы и сказали, что я должен убить офицера. Но я, как и другие пацаны, никого не хочу убивать». Оказывается, немцы создали в Витебске школу для подростков 12–14 лет, где их готовили для совершения террористических и диверсионных актов, обучали обращению с оружием и взрывчаткой. Некоторым давалось задание подкладывать взрывные устройства, замаскированные под куски угля, в тендеры паровозов. Большинство обучавшихся в школе уклонилось от выполнения задания немцев. На основании полученной от мальчишки информации была направлена ориентировка по всем отделам контрразведки фронта. Позднее я встретил еще одного из этой подрывной школы, прибывшего в нашу часть с молодым пополнением.

В марте 1945 г. я был направлен для работы в аппарате Особого отдела фронта, но, пробыв там десять дней, попросил отправить меня в Особый отдел любого рода войск, действовавших на фронте: меня не устраивала аппаратная служба. Просьба была удовлетворена, и я оказался в Особом отделе 260-й стрелковой дивизии, где работал до дня Победы.

На территории Германии особыми отделами частей и соединений велась активная оперативная работа. Я неплохо владел еще со школы немецким языком и постоянно совершенствовал свои навыки в общении с хозяевами квартиры, в которой жил. То была немецкая чета средних лет. Глава семьи оказался инженером. Мы часто вместе обедали и ужинали. Я приносил продукты, из которых хозяйка готовила нам разнообразные блюда. Общение с ними помогло мне понять немецкий характер, узнать многие тонкости и национально-психологические особенности, что явилось бесценным подспорьем в оперативной работе в Германии.

Так, к примеру, по указанию из Москвы отдел контрразведки 260-й стрелковой дивизии, где я временно исполнял обязанности начальника отдела, сумел организовать захват одного из руководителей проекта ракет ФАУ-1 и ФАУ-2, проживавшего в американской зоне, и доставить в нашу зону с последующей отправкой его в Москву. Вот как это произошло. У меня на агентурной связи был немец, который после окончания войны работал в немецкой полиции. Сам бывший летчик, он оказывал нам значительную помощь в розыске и поимке сотрудников немецких спецслужб и эсэсовских военных преступников. С его помощью мы установили местожительство инженера-ракетчика. Он проживал в американской зоне оккупации, в городке Гота. Вместе с нашим агентом мы легко прошли в зону американцев, встретились с инженером и убедили его вместе с семьей отправиться в Советский Союз. Сборы были недолги, и уже через несколько дней инженер был в Москве. Это только один из многочисленных эпизодов деятельности военной контрразведки в послевоенной Германии.

Видел я и те зверства, которые творили СС в последние дни войны. Сейчас некоторые докатились до того, что полностью отрицают сам факт совершения гитлеровцами преступлений против человечества. В ходе нашего наступления нам была поставлена задача освободить женский концлагерь, в котором содержались участники партизанского движения во Франции, Голландии и в других европейских странах. Находились там и советские женщины. Среди иностранных подданных было много жен влиятельных европейских политиков и военных, что особенно интересовало СМЕРШ.

После освобождения лагеря многих женщин отправили в Москву. Как я сейчас понимаю, у нашего руководства имелись в отношении них далеко идущие планы для организации агентурной работы в послевоенной Европе.

Наша опергруппа на бронетранспортерах шла впереди наступающих частей. К сожалению, мы опоздали примерно на 30–40 минут. В панике бежавшая охрана лагеря намеревалась, видимо, эвакуировать заключенных женщин, но, видя, что уже не успеет этого сделать, решила их ликвидировать. До нашего приезда в лагерь эсэсовцы успели расстрелять прямо на дороге недалеко от концлагеря несколько десятков женщин. Я никогда не забуду этих расстрелянных почти в упор женщин и еще дымящуюся кровь в дорожной пыли. До сих пор слова «человек» и «эсэсовец» для меня являются несовместимыми понятиями.

Окидывая взглядом прошлое, могу сказать, что глубоко убежден в том, что особые отделы частей и соединений сыграли исключительную роль в деле победы наших вооруженных сил в Великой Отечественной войне.

После службы в особых отделах частей Киевского военного округа я в декабре 1951 г. был направлен для прохождения дальнейшей службы в Управление контрразведки Тихоокеанского флота. Здесь мне довелось трудиться на разных участках, в том числе в должности старшего оперуполномоченного 1-го отделения Управления. В моем оперативном обслуживании были управления штаба флота – инженерное, минно-торпедное, тыла и другие. Скажу, что среди офицеров штаба были и такие, которые попали на Тихоокеанский флот по протекции, уклоняясь таким образом от службы в действовавшей армии. Участок работы был сложным, но я справлялся, и никаких претензий ко мне не предъявлялось.

Хочу отметить, что атмосфера на Тихоокеанском флоте в то время резко отличалась от той, какая была в Германии. Среди оперативного состава мало кто прошел войну. Некоторые начальники и оперработники с предубеждением относились к фронтовикам, а иногда открыто высказывали свою недоброжелательность. Однако это частные случаи, а в целом Управление контрразведки ТОФ в то время было укомплектовано опытными в профессиональном отношении чекистами, хорошими организаторами оперативной работы.

Хотел бы сказать несколько слов о начальнике Управления генерале И.С. Гудкове. Это был большой профессионал, который бережно и уважительно относился к своим подчиненным, правильно организовывал и направлял деятельность Управления.

Прошло уже много лет, как я уволился из органов военной контрразведки. Несколько десятилетий проработал в Дальневосточном морском пароходстве и повидал практически весь мир. Бывал в Канаде, США, Австралии, Японии. Встречался с самыми разными людьми, в том числе и с видными учеными, специалистами, представителями русской эмиграции. Во время своих заграничных поездок постоянно помогал органам государственной безопасности в их деятельности, обеспечивал проведение некоторых операций.

В декабре 2000 г. умерла моя жена Клавдия Алексеевна, с которой я прожил 58 лет, и сейчас живу один. Сын уже взрослый и проживает отдельно. Он доктор наук и работает в Дальневосточном отделении Академии наук. Годы понемногу берут свое. Я никогда не курил, да и спиртным никогда сильно не увлекался. Еще в молодости занимался спортивной гимнастикой. Во время обучения в школе НКВД выступал на соревнованиях за Ленинградский военный округ. И по сей день занимаюсь гимнастикой и каждую неделю играю в большой теннис на корте. Жизнь идет своим чередом. Но и сейчас, когда мне исполнилось уже 85 лет, я не мыслю себя без военной контрразведки, оставаясь в душе военным чекистом.

А.А. Лазарев

Андрей Алексеевич Лазарев родился 27 октября 1914 г. В 1936–1940 гг. работал учителем и директором средней школы. С февраля 1940 г. – курсант 875-го стрелкового полка 158-й стрелковой дивизии Северо-Кавказского военного округа. В 1940–1941 гг. – курсант военно-политического училища СКВО в Ростове. В 1941–1943 гг. – инструктор политотдела 68-й и 34-й кавалерийской дивизии, 59-й стрелковой бригады Северо-Кавказского фронта. С июня по август 1943 г. – слушатель курсов оперативного состава УКР «СМЕРШ» Северо-Кавказского фронта, а с октября 1943 г. по август 1944 г. – Новосибирской школы ГУКР «СМЕРШ» НКО СССР. В 1944–1946 гг. – оперуполномоченный ОКР «СМЕРШ» 4-го корпуса ПВО Северного фронта. В 1946–1947 гг. – оперуполномоченный ОКР МГБ 19-й дивизии Северо-Западного округа ПВО. В 1947–1949 гг. – оперуполномоченный ОКР МГБ 15-й зенитно-артиллерийской дивизии Северо-Западного округа ПВО. В 1949–1952 гг. – оперуполномоченный ОКР МГБ 125-й истребительной авиадивизии ПВО Белорусского военного округа. В 1952–1955 гг. – старший оперуполномоченный 2-го и 5-го отделов УКР МГБ Группы советских войск в Германии. В 1955–1957 гг. – начальник ОО КГБ по 13-й Гвардейской зенитно-артиллерийской дивизии Группы советских войск в Германии. В 1957–1959 гг. – начальник ОО КГБ по 18-й артиллерийской дивизии ТОФ. В 1959–1964 гг. – начальник ОО КГБ по ВМБ «Стрелок» ТОФ. В 1964–1968 гг. – начальник ОО КГБ по Краснознаменной Каспийской флотилии. Скончался 20.12.2009 г., похоронен на Морском кладбище Владивостока.

Не жалел ни времени, ни сил

(Из воспоминаний А.А. Лазарева)

59-я отдельная стрелковая бригада, в которой я исполнял обязанности инструктора политотдела, после неравных ожесточенных боев на Рыбацком полуострове в районе станицы Черносоковской и в Кубанских плавнях оказалась расформированной. В июне 1943 г. я был направлен в резерв политуправления Северо-Кавказского фронта. В одной из станиц, помнится, Усть-Лабинской Краснодарского края, нас, резервистов, которых было свыше 500 человек, держали без дела в ожидании новых назначений. Станица – вся в зелени и цветах. Июньское южное солнце нещадно паляет, а мы загораем. Между тем война идет, и каждый из нас стремится быть ее участником.

Хорошо помню, как 20 июня я неожиданно был вызван к начальству на беседу. При закрытых дверях почувствовал, что передо мной «сваты». И не ошибся. Два старших офицера любезно встретили меня, поговорили о том о сем и в то же время ни о чем. Из беседы заметно было, что им многое известно обо мне. На столе лежало мое досье, то есть личное дело. В конце беседы мне прямо предложили работать в военной контрразведке «СМЕРШ». Долго не раздумывая, я дал свое согласие и уехал с ними в Краснодар.

После краткосрочных месячных курсов подготовки оперсостава, где нам преподали основы работы в фронтовых условиях, меня направили стажироваться на один из военных заводов Краснодара к сотруднику Грише Иванецкому. Он просто и доходчиво, с акцентом украинской мовы, рассказывал о своей работе. Я, в свою очередь, с большим любопытством и интересом слушал его и забрасывал вопросами. Наконец наступило самое интересное – предстояла встреча с негласным сотрудником, или агентом, как его тогда называли.

Вечернее время. Мы – на явочной квартире в ожидании. Условный знак – стук в дверь, и в комнате появляется обыкновенный человек, по должности инженер. Рассаживаемся, и тот начинает без лишних слов рассказывать о том, какое задание у него было и каким образом он его выполнил. Затем ему предлагается написать отчет о выполнении задания и подписать сообщение псевдонимом. Беседа заканчивается, и агент получает новое задание.

Вместе с Гришей я провел вербовку нового агента из числа служащих заводоуправления. Это была молодая женщина лет 25-ти, веселая, находчивая и грамотная. Предложение наше приняла охотно. Оформили подписку о неразглашении сотрудничества с контрразведкой, избрали псевдоним, которым она должна была теперь подписываться, и дали первое задание. Условились о последующих встречах.

Итак, сначала в паре с Гришей, а потом самостоятельно я закончил стажировку с положительными результатами. Затем некоторое время работал в учетном отделе, знакомясь с документацией.

С 15 ноября 1943 г. по 15 августа 1944 г. я — слушатель Новосибирской спецшколы контрразведки «СМЕРШ». В июле 1944 г. ко мне приехала моя жена Таня. Я устроил ее на квартиру вблизи школы, где она прожила с неделю. С разрешения начальника школы меня отпускали после занятий к ней до утра. По договоренности с заведующим столовой я обеспечивал жену питанием — приносил ей положенный мне паек, и мы вместе кушали. Расставание было тяжелым. Жена выглядела худенькой, но по-прежнему бодрой и милой моему сердцу.

В феврале 1944 г., под большим секретом, прервав нашу учебу, всех слушателей школы посадили в пассажирские вагоны, и мы поехали. Куда — неизвестно. Тряслись в поезде около недели. Прибыли в город Грозный, где нас распределили по городам и населенным пунктам Чечено-Ингушетии. Каждой группе определили задачу. Только тогда нам стало известно, что приказом Верховного Главнокомандующего товарища Сталина предлагалось провести депортацию населения республики. Заранее, под видом отдыха, с фронтов прибыли дивизии и бригады и рассредоточились в заданных районах.

Как происходило выселение — покажу на примере событий в станице Малгобек, в которых мне пришлось принимать непосредственное участие.

23 февраля 1944 г. в клуб были приглашены все мужчины на торжественное собрание, посвященное дню Красной Армии и ВМФ. Как положено, по традиции избрали рабочий президиум, затем — почетный президиум во главе со Сталиным. Представитель политотдела выступил с докладом. Принят текст приветствия в адрес руководителей партии и правительства и исполнен Гимн Советского Союза. После закрытия собрания представитель военной контрразведки «СМЕРШ», призвав собравшихся соблюдать порядок, предложил всем приглашенным сдать имеющееся при них огнестрельное и холодное оружие. Почуввав недоброе, мужчины кинулись к окнам и дверям, но там в полной боевой готовности уже стояла охрана. Обезоружив участников

собрания, им объявили, что они будут находиться в клубе до 7 часов утра. Утром, выпуская из клуба по списку отдельных лиц, сажали их в автомашины и развозили по домам.

Каждому хозяину предлагалось взять на семью до 500 килограммов необходимого имущества, предметов домашнего обихода и питания. Все семьи доставлялись до железнодорожной станции, где их ожидали

товарные вагоны. Только глубокой ночью поезда стали один за другим уходить на Восток. Жуткая картина наступила в станции – завывали собаки, завопили кошки, замычали коровы, загорланили ослы. В унисон к ним присоединились, рыдая детским плачем, шакалы. Были волки. Нам не спалось в эту, прямо скажу, Варфоломеевскую ночь. Покинули мы эту, теперь уже безлюдную, республику с тяжелым настроением.

15 августа 1944 г. мы закончили учебу в школе, и я был направлен в распоряжение отдела контрразведки 4-го корпуса ПВО Северо-Западного фронта в Барановичи. Войска наши продвигались на Запад, и меня включили в оперативную группу в Белостоке на территории Польши. Обстановка там сложилась в то время весьма тревожная. Многие поляки приветствовали освобождение от немцев, а другие, недовольные, совместно с агентурой и диверсионно-террористическими формированиями, тайно, а иногда буквально в открытую, вели подрывную деятельность, терроризировали население, убивали активистов и советских военнослужащих. Мне много раз приходилось с автоматом в руках находиться в засадах, преследовать и раскрывать немецко-бандитские гнезда, задерживать и арестовывать членов бандформирований.

В октябре 1944 г. меня отозвали из Белостока и назначили обслуживать самый неуправляемый и беспокойный объект – батальон воздушного наблюдения и связи (ВНОС). Около двухсот постов ВНОС были рассредоточены на всей территории Белоруссии. На каждом посту по 12-18 девушек несли дежурство по наблюдению за воздушной обстановкой и докладывали о появлении воздушных целей в штаб батальона.

В течение месяца мне приходилось выезжать почти на каждый пост, изучать обстановку, приобретать негласных сотрудников. Сначала я использовал трофейный автомобиль марки «Оппель-капитан», который пригнали из Белостока. Как-то я появился на этом «Оппель-капитане» в отделе корпуса. Красивое авто заметил мой начальник отдела подполковник Жмудь и попросил уступить машину ему, в обмен на свою. Я без сожаления отдал «Оппель» шефу, но предпочтя его машине мотоцикл. Как-то раз полихачил, развил большую скорость на грунтовой дороге и на пригорке перевернулся. Меня отбросило в кювет, а мотоцикл бешено гудел с невыключенным мотором. После этой аварии стал ездить с солдатом-мотоциклистом.

Обстановка в этих районах была тревожной, так как в лесах и на хуторах бродили бандиты, так называемые «лесные братья». Они убивали активистов, занимались грабежом. Чтобы хорошо знать положение дел, мне нужны были негласные помощники из местных жителей, которых приходилось приобретать с большим трудом, а также создавать народные дружины. И не по моей прихоти, а по острой необходимости. На один из постов ВНОС, что размещался в 15 километрах от города Лида, напали бандиты.

В ходе расследования было установлено следующее. Рано утром на двух подводах, запряженных лошадьми, к посту подъехали человек десять в форме работников МВД и попросили напиться воды. Начальник поста сержант Наташа Пономарева вышла навстречу и, приветствуя их, сказала: «Хорошо, что вы прочесываете местность,

избавляя нас от бандитов». При этом, как положено, попросила у старшего группы документы. В ответ прозвучал выстрел. Другой бандит прикладом автомата сбил с ног часового – солдата Людмилу Черных, которая упала в траншею. С нее сняли сапоги и одежду. Остальные девушки закрылись в землянке, заняли оборону и стали отстреливаться. Но силы были неравные. Бандиты через амбразуры и окна забросали их гранатами. Девушкам следовало использовать запасной выход и занять круговую оборону. Но, видимо, от неожиданности они растерялись и погибли.

Захватив оружие, телефонные аппараты и радиостанцию, бандиты скрылись. Сержант Пономарева смертельно раненная пыталась на четвереньках поползти до ближайшего дома на хуторе, но не смогла. Солдат Черных, единственный живой свидетель, все слышала, но была в глубоком шоке. Придя в себя и поднявшись из траншеи, увидела ужасное кровавое зрелище – все ее семь подруг убиты и зверски растерзаны. Она, не помня себя, в одних чулках в апрельские заморозки побежала на хутор. Из-за боязни бандитов ей никто не открыл дверь. Бедная девушка пробежала еще 15 километров до ротного поста и рассказала о трагедии. Я срочно выехал на место происшествия. Затем ко мне прибыли представитель местной прокуратуры, территориальный чекист и командование. В течение двух дней мы занимались разбирательством, прочесывали близлежащие хутора и лесные массивы, но бандитов так и не обнаружили.

Похороны состоялись в городе Лида Гродненской области. На кладбище в сестринской могиле похоронили восемь отважных и мужественных солдат-девушек. Ни одна из них не испытала сладости материнства и не оставила после себя наследников.

Недели через две Люда Черных, оправившись от пережитого, была на танцах в клубе, где неожиданно увидела одного из нападавших и закричала: «Держите бандита!» Он оказался не один. Бандиты успели убежать. Мы своей народной дружиной из солдат роты, преследуя их, обошли десятки дворов на окраине города, где, по слухам, обьявлялись «лесные братья», но никого не обнаружили.

С помощью местных органов КГБ нам удалось-таки задержать двух бандитов, участвовавших в расстреле девушек на посту ВНОС. Один из них на допросе со злорадством заявил мне, что, мол, ты, капитан, в рубашке родился. Сожалел, что меня не зарезал. Оказывается, когда мы первый раз прочесывали дворы на окраине, он стоял за дверью с ножом в руке, ожидая моего выхода из квартиры. Но я прошел и его не заметил, а тот не вонзил нож в мою спину.

До августа 1950 г. мне неоднократно приходилось участвовать в поисках и разоблачении бандитов на территории Белоруссии и Литвы, а также задерживать и арестовывать немецких резидентов и агентов.

Вот один из таких случаев. В 1947 г. по ориентировке КГБ разыскивался резидент гестапо Станислав Якубчик, житель Гродненской области. В мою бытность оперуполномоченным Особого отдела Белорусского военного округа, Станислав Якубчик мною был установлен, и с санкции руководства на него завели учетно-розыскное дело.

В ходе агентурно-оперативных мероприятий были собраны данные о деятельности Якубчика в период немецкой оккупации Гродненской области. По решению руководства отдела мне было предложено негласно задержать объект разработки и доставить в Особый отдел Белорусского военного округа в Минске.

Получив данные от осведомителя том, что Якубчик болен и находится на лечении в одной из сельских больниц, что в сорока километрах от Гродно, я продумал операцию по его задержанию. По договоренности с командованием артдивизиона, который я оперативно обслуживал, в мое распоряжение были выделены санитарная машина с

водителем и трое переодетых в гражданскую одежду солдат, вооруженных автоматами.

Представившись заведующему больницей сотрудником областного управления заготовок, где Якубчик устроился на работу, я сообщил, что их больной будет переведен в городскую больницу для дальнейшего лечения. Усомнившись в моем «представительстве», заведующий больницей решил с кем-то согласовать этот вопрос. Не исключая, что он был агентом КГБ. Пришлось показать мое удостоверение, и заведующий успокоился.

Но тут неожиданно в больнице появился брат Якубчика – Николай, который упротсил нас разрешить сопровождать больного. Я согласился, ибо за больным действительно нужен был уход. Переправившись на пароме через Неман, мы услышали на противоположном берегу реки крики, сопровождаемые стрельбой из пистолета. Решив, что это погоня бандитов, а в те годы много еще их гуляло по лесам, мы спешно стали удаляться.

Однако на полпути к Гродно нас вновь стала преследовать легковая автомашинa типа ГАЗ-47, а люди, находившиеся в ней, потребовали остановиться. На всякий случай мы приготовились к бою. Но неожиданно, буквально в ста метрах от нас, машина преследователей остановилась. Мы благополучно доставили задержанного в Гродно, а вечерним поездом – в Минск.

Наверное, внимательные читатели заметили, что мы пренебрегли основным правилом, как при заведении оперативных дел, так и при задержании подозреваемого преступника, и не произвели проверку в учетном отделе Управления КГБ. Чтобы исправить ошибку, я на скорую руку подготовил запросы, подписанные руководством отдела, и выехал в Гродно. Когда я предъявил запросы в учетный отдел, то сразу же почувствовал недоброе. Сначала меня пригласили во 2-й отдел Управления, где сделали серьезное предупреждение, а затем вызвали на «ковер» к начальнику Управления КГБ области полковнику Политико.

Он разнес меня, как говорится, в пух и прах. При этом, не жалея привычных для него нецензурных выражений, пригрозил меня, несмышленного капитана, строго наказать. Слова его сбылись. Приказом КГБ СССР из Москвы мне дали выговор, моему начальнику отдела – подполковнику Синяку – строгий выговор. Признаюсь, для меня беседа с полковником Политико стала уроком на всю жизнь. Оказалось, что в Управлении КГБ по Гродненской области на Станислава Якубчика было заведено дело-формуляр. Оперативная группа Управления КГБ, которую мы приняли за бандитов, опоздала буквально на несколько минут с арестом Якубчика. А не смогли они догнать нас по причине того, что лопнула камера в колесе и их машина остановилась.

В ходе следствия по делу Станислава Якубчика было установлено, что немцы, стремясь укрепить свой тыл, создавали в селах и городах широкую агентурную сеть, поощряли создание всевозможных антисоветских организаций. Отступая, фашистские разведывательные и контрразведывательные органы спешно вербовали и оставляли в нашем тылу свою агентуру, диверсионно-разведывательные и шпионские группы.

Так, в одном из районов Гродненской области работала резидентура гестапо под видом подпольного райисполкома. Эту резидентуру и возглавлял местный житель, 23-х летний Станислав Якубчик. Действуя якобы от имени подпольного областного совета, фашистские прихвостни провели учет коммунистов и активистов, остававшихся в районе.

Они создавали лжепартизанские отряды и уничтожали честных советских людей под предлогом, что те якобы были немецкими агентами. В состав резидентуры входил один из местных жителей – Николай Удод. Несколько позднее мною он был задержан и арестован. На допросах Николай Удод подробно рассказал, как он стал предателем. Зимой 1943 г. немцам удалось напасть на след партизан и засечь явочную квартиру, где были задержаны два связника от партизан. В застенках гестапо немцы пытались завербовать этих связников, но безуспешно. Те вели себя мужественно, как истинные патриоты своей Родины. После зверских пыток гитлеровцы расстреляли партизан. В их числе был Иван Удод. С целью вербовки гестаповцы арестовали его младшего брата Николая. Когда Н. Удод также отказался сотрудничать с немцами, они показали ему истерзанный труп брата Ивана и сказали, что в случае отказа работы с ними его ждет такая же участь. Представив (признавался на допросах в военной контрразведке Николай Удод), что его любимая жена и четверо детей останутся без отца, тот смало-душничал и согласился сотрудничать с немцами.

По заданию гестаповцев он выдал одного из руководителей партизанского отряда. Насколько ценным для немцев оказался этот гестаповский агент, свидетельствует факт, что легенда его прикрытия, выработанная немцами, не давала никакого повода подозревать Николая в причастности к гестапо. После освобождения села от немецких оккупантов он, как активный участник партизанского движения в Белоруссии, единогласно был избран депутатом сельского совета.

Хорошо помню, как при его задержании на квартире рыдала жена, плакали дети, но Николай Удод держал себя спокойно и без всякого сопротивления сам сел в автомашину.

Что касается резидента Якубчика, то он, после освобождения Гродненской области от немцев, долгое время скрывался в лесах, примыкал к националистическим подпольным отрядам, часто менял места работы и жительства.

Таким образом, своевременное задержание и арест предателей Якубчика и Удода положили конец их преступной деятельности. Органами военной контрразведки они были разоблачены и понесли суровую кару советского правосудия. По итогам проделанной мною работы объявленное мне взыскание было снято, а в порядке поощрения присвоено внеочередное звание – майор.

15 октября 1951 г. в составе 125-й авиадивизии я выехал в город Финов Германской Демократической Республики. Работа чекистов в Германии отличалась высокой сложностью. В первую очередь, перед нами стояла задача не допускать случаев измены Родине, а также обеспечивать безопасность частей и соединений советских войск.

С 17 января 1952 г. я был переведен на должность старшего оперуполномоченного в аппарат Управления на самый горячий участок работы, осуществлявший борьбу с изменой Родине. И днем и ночью, в любую погоду, приходилось, не считая пройденных километров, курсировать по городам и весям ГДР.

Помню, что только за 1953 год совершили побег на Запад около 50 военнослужащих и вольнонаемных Группы советских войск в Германии. Как правило, побег совершались с помощью немок легкого поведения, завербованных на Западе в качестве агентов. Они склоняли военнослужащих к побегу и выполняли роль проводников.

В период службы в Управлении особых отделов группы войск мне в ходе проведения оперативных комбинаций приходилось дважды негласно бывать в Западном Берлине. В одном случае я принимал участие в разоблачении агента трех разведок, а во втором выводил из Западного Берлина советского офицера.

Такие выходы были небезопасны. Руководство об этом предупреждало и рассчитывало только на мое согласие. Но я не привык отказываться и пошел добровольно. В нашей оперативной работе все держалось под большим секретом. Я не имел права даже жене сказать о предстоящем деле. И все-таки, опасаясь, что могу не вернуться благополучно домой, несмотря на строгий запрет не разглашать тайну, поделился с женой. Допустил слабость. Она заволновалась, схватила за сердце. «Почему именно тебя посылают? Что там, кроме тебя никого нет? – с волнением и причитаниями говорила Таня. – Не хочу, не отпущу!» Представьте себе, каких трудов мне стоило успокоить жену. Я как-то заколебался, подумал, а не отказаться ли мне, но потом еще раз все взвесил и твердо решил участвовать в операции. Мои дочери, Эля и Люда, ничего не знали, а то бы они тоже устроили мне головомойку. Хотя, кто знает, может, они и заметили тогда напряженность и волнение мамы.

Сегодня уже можно рассказать о том, что в свое время хранилось под семью замками. Это происходило далеким летом 1953 г. и было запрятано в глубинах моей памяти так хорошо, что я не сразу нашел ключи к моим семи замкам.

У руководства Управления находился на связи ценный агент сразу трех разведок по кличке «Геноссе», немец по происхождению. В свое время он был завербован английской разведкой «Интеллидженс Сервис» и направлен для работы в Западный Берлин. Там он оказался в поле зрения западногерманской разведки, которая завербовала его для работы против советских войск в ГДР. Особым отделом, который дислоцировался в Дрездене, он был задержан при подозрительных обстоятельствах и передан в Управление особых отделов ГСВГ, где его вновь завербовали и направили для выполнения задания в Западный Берлин. Агент «Геноссе» установил связь с сотрудником одного из западных разведорганов, сумел устроиться на службу. Стал поставлять сведения о западной агентуре, работавшей в ГДР. Однако возникли подозрения в правдивости поступающей информации, так как при аресте таких агентов оказывалось, что они представляли собой чистейший, говоря на чекистском языке, «балласт», то есть не работали. К тому же «Геноссе» уже сорвал две явки и в течение 20 дней не выходил на связь. Требовалось срочно выяснить причину срыва запланированных встреч «Геноссе».

В Западном Берлине имелись наши явочные квартиры, были подобраны и использовались негласные проходы. Вот туда-то, в это опасное пекло борьбы спецслужб, и предполагалось направить меня. Предварительно экипировали, немного загримировали, оформили документы на имя бежавшего из рижской тюрьмы преступника.

Я по схеме детально изучил город и по фотографиям – здания. Паролем для встречи были ключи от явочной квартиры и брелок, а также две фотографии, из которых одна была подписана самим агентом. Я встретился с «Геноссе» в условленном месте. Встреча наша происходила далеко не просто. Вначале он мне не доверял, приняв за провокатора, и пригрозил сообщить обо мне в полицию. Разумеется, я знал, что он этого не сделает, так как в планы «Геноссе» не входили контакты с полицией по вполне понятным причинам.

На мой вопрос, почему не явился на запланированную явку, «Геноссе» ответил сразу – подвернул ногу. Он действительно прихрамывал, опираясь на тросточку. Постепенно мы разговорились. Он предложил выпить по рюмочке коньяка. Опасаясь подвоха, я выдержал паузу, предоставив возможность выпить ему первому. Он заметил мою предусмотрительность, улыбнулся и почему-то сказал: «А вы – битый кирпич!» Я выпил, закусил шоколадом. Потом пили чай. Мне повезло. Я сумел договориться с «Геноссе» о следующей явке в Потсдаме. С наступлением темноты я прибыл в услов-

ленное место, где меня ждала автомашина БМВ, на которой я вернулся домой где-то за полночь. Вы думаете, моя жена спала? Отнюдь нет! Только после ночного ужина, забравшись в постель и крепко обнявшись, мы смогли уснуть.

В дальнейшем руководство Управления, не веря в искренность агента, приняло решение арестовать «Геноссе». И только на допросах выяснились все подробности его деятельности в трех разведках. Скажу вам, что это был на редкость умный, находчивый и талантливый, с необычайной интуицией человек. Он в совершенстве владел английским, французским и русским языками. Не могу не отметить, что он был красив, привлекателен и отличался изысканными манерами поведения. Помнится, я восхищался им и как-то по-доброму завидовал и был немного огорчен, когда узнал, что его отправили в Москву.

Второй раз я побывал в Западном Берлине весной 1954 г. Поводом послужило то, что молодой лейтенант Василий Звягинцев, недавно прибывший из Союза для прохождения службы, оказался в западной зоне Берлина. По неопытности и будучи большим любителем спиртного, он завел себе друзей из числа сомнительных гражданских лиц. Однажды после крепкой попойки эти «друзья» уговорили Василия поехать к девушкам. Таким образом, он, бедолага, оказался в Западном Берлине. Друзья почему-то сразу его покинули. Он был вынужден обретаться на одном из вокзалов, о чем нам сообщил закордонный агент. Организация вывода Звягинцева из Западного Берлина была поручена моему начальнику отделения Павлу Буркову и мне. Об этой поездке я своей жене не сообщил, чтобы в очередной раз не расстраивать ее.

Процедура приготовления нас к поездке была проведена, как и в первом случае. По фотографиям мы его опознали, когда он сидел в закуской рядом с железнодорожным вокзалом. Мы предъявили ему свои документы. Звягинцев не только не испугался, а даже обрадовался. По знакомому уже пути мы доставили его в Управление особых отделов Группы войск. После тщательного расследования Звягинцева возвратили в Советский Союз, а нам с Пашей Бурковым приказом генерала Георгия Карповича Цинева объявили благодарность.

За время службы в ГДР мне многократно приходилось участвовать в спецмероприятиях по обеспечению безопасности известных деятелей нашего государства — В.М. Молотова, К.Е. Ворошилова, А.А. Громыко, Д.Ф. Устинова и других, а также лидеров стран народной демократии.

Разные у нас были руководители. Самое приятное впечатление оставили в моей памяти те дни, когда я в составе опергруппы сопровождал В. М. Молотова. Он мне запомнился как выдержанный, скромный и простой в обращении человек. Бросилось в глаза, что его круглое симпатичное лицо выглядело нездоровым. Казалось, оно покрыто каким-то восковым налетом. Одет он был в обыкновенный плащ из хорошего сукна, на голове — фетровая шляпа, а на носу — известное по портретам знаменитое пенсне.

Приведу один из запомнившихся мне случаев простоты и скромности В.М. Молотова. В одной из воинских частей вблизи Лейпцига, куда прибыл Молотов, как раз выпало время обеда. Солдаты поротно, чеканя шаг, стройными рядами да еще с веселой и задорной песней направлялись в столовую.

Командир части, в звании полковника, пригласил Вячеслава Михайловича и сопровождавших его лиц отобедать. В офицерской столовой, куда мы зашли, стол уже был накрыт. Молотов обратился к полковнику с просьбой показать, как питаются солдаты. И тогда мы направились в другую половину зала. У одного из столов Вячеслав Михайлович вежливо попросил крайнего солдата потесниться на общей скамейке и

присел рядом. Повар в белом халате тут же поставил перед ним на красивом подносе тарелку с борщом, закуску, хлеб и столовые приборы. Молотов поднялся, по привычке протер свое пенсне, не торопясь надел его, посмотрел на солдат, которые тут же перестали есть и во все глаза смотрели на одного из высших руководителей государства. Затем он подошел к повару, вежливо взял его под руку и, приказав захватить поднос, повел на пищеблок. Возвратившись, повар поставил на стол тарелку, которую Вячеслав Михайлович сам наполнил из солдатского котла борщом. Так состоялся, без всякого преувеличения, исторический обед Министра иностранных дел Союза ССР В.М. Молотова с солдатами. Свита же не ела и затем уговорила его зайти в офицерский зал, где в дружественной обстановке все подняли тост за здоровье наркома В.М. Молотова. И я там был, «водку пил, по усам текло – в рот не попало».

Такой же скромностью отличался и его заместитель А.А. Громыко. Громыко был высокого роста, на голову выше своего шефа. Он всегда неотступно следовал позади В.М. Молотова.

После того, что я увидел собственными глазами, у меня как-то язык не поворачивается сказать доброе слово о тогдашнем Председателе Верховного Совета К. Е. Ворошилове. Все его знали как легендарного героя гражданской войны и любимого наркома обороны страны. При встрече же он показался мне грубоватым, капризным и недалеким человеком, не лишенным в то же время притворного низкопоклонства.

В те годы мне посчастливилось увидеть вблизи и встречаться с такими людьми, как Клемент Готвальд, Болеслав Берут, Энвер Ходжа, Матиас Ракоши, Фан Ван Донг, Чжоу Энлай, которые участвовали в Берлинской конференции. Мне выпала честь завтракать за одним столом с премьер-министром Вьетнама Фан Ван Донгом и секретарем ЦК КП Албании Энвером Ходжей.

Так получилось, что в аэропорт Берлина первыми прибыли они. Для приема гостей было отведено специальное помещение. Там же был приготовлен стол. Я попросил подать завтрак прибывшим гостям. Фан Ван Донг пригласил меня разделить с ними трапезу. Я не посмел отказаться и принял его приглашение. На завтрак были поданы в основном фрукты, вино и кофе. Их сопровождали по одному человеку из охраны. Они оба довольно сносно говорили по-русски. Что греха таить, бывали и у нас приятные события.

Но чаще всего происходило по-другому. В одном из полков, дислоцировавшихся в Лейпциге, при подозрительных обстоятельствах исчез из караула солдат Тяпко. Находясь в караульном помещении на охраняемом объекте, примерно в час ночи часовой Тяпко с криком «Держите его!» неожиданно побежал через лес в сторону канала, стреляя на ходу из автомата. Караул был поднят по тревоге. Предпринятый по свежим следам поиск результата не дал. По предварительным данным, полученным от командования и сослуживцев Тяпко, он по службе в основном характеризовался положительно. Вместе с тем, Тяпко обладал неуравновешенным характером, был довольно мнительным и грубоватым. В Лейпциге у Тяпко была связь с немкой, на которой, по словам сослуживцев, он собирался жениться. Имелась информация и о том, что какой-то его дальний родственник якобы проживает во Франции. Из полученных данных вытекало несколько версий, в том числе заранее подготовленный побег с немкой за границу.

Эта версия, кстати, косвенно подтверждалась рассказами свидетелей из немцев о том, что они ночью слышали шум машины и разговор людей в этом районе. Один из

немцев даже сообщил, что среди них он заметил солдата с автоматом. Проверялась версия и о том, что Тяпко утонул в канале.

В ходе проведенных агентурных мероприятий было установлено, что жительница Лейпцига, немка по имени Марта, действительно была знакома с Тяпко. Однако версия о замужестве, а тем более о побеге вместе с Тяпко на Запад не подтвердилась. Родственников за границей у Тяпко тоже не оказалось. В отношении его родителей также не было никаких компрометирующих материалов. Наши оперативно-следственные и поисковые мероприятия зашли в тупик. Начальник Особого отдела 8-й армии полковник Николай Николаевич Лепихин и руководство Управления особых отделов Группы советских войск в Германии требовали от меня срочно представить заключение о мотивах побега Тяпко на Запад. Вскоре мне стало известно, что в Лейпциг выезжает представительная комиссия из Управления особых отделов Группы войск и Особого отдела 8-й армии и везет с собой проект приказа о наказании виновных, которые допустили измену Родине со стороны Тяпко. Но в день приезда комиссии водолазами был обнаружен труп Тяпко в канале. До сих пор я считаю, что мы проявили выдержку и объективность в ходе розыска. Мы не могли, да и не имели морального права прилепить клеймо изменника Родине солдату, не имея на это достаточных оснований и неопровержимых доказательств.

Был и другой весьма неприятный случай, когда я обнаружил потерю табельного пистолета системы Макарова. 23 февраля 1953 г. нам с коллегами присвоили очередное воинское звание «подполковник». Возвращаясь в Веймар с оперативного совещания, которое проходило в Потсдаме, мы по дороге останавливались, заходили в закусочные, поздравляли друг друга с новым званием, после чего я толком и не помнил, как оказался дома. Мой верный и преданный водитель ефрейтор Похилко буквально на своих плечах внес меня в квартиру. Так как я, свалившись с его плеч словно мешок, не подавал признаков жизни, испуганная жена закричала: «Что случилось? Убили или ранили?»

Утром еще на хмельную голову обнаружил, что пистолета нет. Вызвал автомашину и бросился на поиски, а водителю сказал, что вчера обронил ключи. Он вспомнил, что, не доезжая до Веймара километров 15, я выходил из машины оправиться. Пистолет находился в заднем кармане брюк. Тогда-то он, очевидно, и выпал на обочине дороги. Только на третий день поиска тот же Похилко нашел пистолет и, хитро улыбаясь, подозвал меня к машине со словами: «Эти ключи вы ищете?» За верность службе и дисциплинированность я присвоил ефрейтору Похилко звание сержанта. Об этом случае я поведал сейчас впервые. Для себя же взял за твердое правило – при любых обстоятельствах больше ста граммов спиртного не употреблять. Не лукавя скажу, что это свое решение до сих пор стараюсь выполнять.

В 1957 г. по замене я вернулся в Советский Союз и приступил к работе на острове Русском в должности начальника отдела КГБ 108-й дивизии береговой обороны. В первые дни я несколько растерялся. Мне казалось, что здесь и делать нечего – врагов ведь здесь нет, как в ГДР. Но мнение насчет ничегонеделания было временным заблуждением.

Во время представления начальнику Особого отдела КГБ по Тихоокеанскому флоту генералу Ивану Сергеевичу Гудкову, последний обрисовал оперативную обстановку, поставил задачи и попросил еженедельно докладывать ему лично о работе. Я — человек обязательный и, как положено, две недели подряд исправно прибывал во Владивосток для доклада. После второго доклада Иван Сергеевич пригласил меня

отобедать с ним в столовой МВД и в непринужденной беседе заявил, чтобы в дальнейшем я работал самостоятельно, так как он мне доверяет.

Коллектив в отделе сложился спаянный, дружный. До сих пор помню болевшего за любое порученное дело капитан-лейтенанта Золотова, опытного и умного Митина, находчивого и с хитрецей капитана 3 ранга Сыроватского, молодых, но исполнительных старших лейтенантов Цветкова, Володина, Гусева. И, конечно же, трудолюбивую и всегда готовую к работе секретаря-машинистку Анну Федосеевну Черных.

Ни времени, ни сил своих я не жалел и не позволял бездельничать своим работникам. Не случайно комиссия Особого отдела ТОФ, возглавляемая заместителем начальника отдела капитаном 1 ранга Тихоновым А.М., работу за полугодие признала положительной. За отчетный 1958 год наш отдел занял 3-е, прямо скажем, почетное место после таких крупных отделов, как по Камчатской флотилии и Совгаванской военно-морской базе. Меня, как руководителя отдела, командующий Тихоокеанским флотом наградил позолоченными наручными часами.

Мой любимый поэт Владимир Маяковский во вступлении к поэме «Во весь голос» писал: «Роясь в сегодняшнем окаменевшем г..., Вы, быть может, вспомните и обо мне». Не так давно, перебирая документы в своем домашнем архиве, обнаружил одно из писем сорокалетней давности, которое привлекло мое внимание.

Мой бывший сотрудник отдела на Русском острове капитан-лейтенант Николай Петрович Митин поделился в нем воспоминаниями о нашей совместной работе. Я позволю себе процитировать отдельные его мысли: «Хотелось бы написать несколько слов о нашей работе с Вами, Андрей Алексеевич. Сейчас, когда прошло столько времени, особенно четко вырисовывается все то хорошее, что было у Вас как руководителя. Я хотел бы, чтобы Вы не поняли меня как-то по-другому. Ни подхалимничать, ни льстить, как мне кажется, перед Вами и раньше не нужно было, тем более, сейчас. Что же я видел положительного? Это ясность цели и конкретность в работе, умение найти главное и сделать так, чтобы это главное поняли мы, рядовые работники. Ежедневный контроль, который понимаешь и задумываешься над тем, а что ты сделал сегодня. Умение сколотить коллектив на деловой и честной основе. Наконец, умение найти приводные ремни и заставить работать их инициативно и ответственно. Одного похвалить, другого пожурить, третьего наградить и по-деловому опираться на парторганизацию. Скажу Вам откровенно, что если бы я вновь пришел в органы, то на обучение пошел бы только к Вам. Вы многому нас научили. В этом большая заслуга лично Ваша, а именно дисциплинированность, собранность, решительность и оперативность. Просто я написал Вам то, что о Вас думал и что я хотел Вам рассказать перед отъездом за чашкой чая, но так и не удалось, а в кабинете как-то разговор не клеился».

Я внимательно прочитал это письмо и открыл для себя то, что не знал о себе – как и что думали обо мне подчиненные. Я просто работал, любил эту профессию, отдавая себя и накопленный мною опыт весь без остатка людям.

С июля 1959 г. руководители Особого отдела ТОФ начали уговаривать меня принять Особый отдел ВМБ «Стрелок». Предполагалось пополнение базы новейшими видами вооружения — атомными подводными лодками. В связи с этим планировалось из базы создать флотилию, а Особый отдел, естественно, должен был стать корпусным. Звание у начальника — капитан 1 ранга. Тогда-то я и согласился переехать. На острове Русском передал дела в полном порядке моему другу — капитану 2 ранга Митрофану Федосеевичу Осипову.

Начальника особого отдела военно-морской базы «Стрелок» капитана 2 ранга Петра Ивановича Широкова я знал как опытного руководителя и остроумного человека. Он переходил на должность начальника 1-го сектора Особого отдела ТОФ. В ходе ознакомления с положением дел на новом месте несколько разочаровался. Бытует поговорка – театр начинается с вешалки. Так и я воспринял свое первое посещение отдела, который размещался в каком-то старом и обветшавшем бараке. Полы гнулись и отчаянно скрипели. Как назло пошел дождь и через дырявую крышу вода устремилась прямо на рабочие столы оперативных работников. Единственная автомашина ГАЗ-69 оказалась в ремонте. Заместитель начальника отдела предстал передо мною в каком-то затрапезном и замызганном костюме. Отдельные оперативные работники, такие, как старший лейтенант Иван Лысенко, капитан Лесин, тоже не отличались аккуратностью и дисциплинированностью.

Вместе с тем, сразу же мне понравились такие славные ребята, как Миша Самозванов, Костя Попов, Федя Алферов, Гриша Шкурыгин. Позднее ко мне были назначены замечательные парни с высшим образованием – Анатолий Сиденко, Александр Жардецкий, Виктор Ведей. Приятное впечатление на меня произвело знакомство с командиром ВМБ «Стрелок» контр-адмиралом Даниилом Ивановичем Агафоновым и начальником политотдела капитаном 1 ранга Алексеем Ивановичем Сорокиным. Вникая в обстановку на базе и знакомясь с офицерским составом, я ежедневно посещал утренние штабные пятиминутки, совместно с оперработниками объехал все объекты обслуживания.

В соседней бригаде надводных кораблей тоже размещался Особый отдел. Его возглавлял капитан 3 ранга Лев Гвоздев – симпатичный и воспитанный человек. Мы подружились семьями, в праздничные дни ходили друг к другу в гости. Где-то через год его перевели в аппарат Особого отдела ТОФ. Позднее я узнал о его печальной судьбе – он тяжело заболел и умер. Вместо Л.Я. Гвоздева назначили молодого и энергичного капитан-лейтенанта В.Ф. Доценко.

Войдя в контакт с командованием базы, мне удалось разместить отдел в отдельном домике, куда я пригласил и размещавшийся на корабле отдел В.Ф. Доценко. Силами матросов отделения охраны был построен гараж, обустроен двор. Мы получили новую автомашину ГАЗ-69, а также торпедный катер. В выходные дни всем коллективом выходили на острова Путятин и Аскольд, иногда выезжали в тайгу на рыбалку, где из серебристой форели готовили 3–4-кратную уху, не забывая, конечно, и о спиртном в умеренных дозах. Рыбалка – дело деликатное, и рыбачить надо с умением.

Любители рыбалки – начальник Особого отдела ТОФ генерал Иван Сергеевич Гудков и командир 108-й дивизии генерал Владимир Васильевич Маслов – неоднократно приезжали к нам отдохнуть и половить форель или пиленгаса.

В 1961 г. проездом из США в КНР заехал во Владивосток первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев. Зная его пристрастие к охоте, местное начальство заранее приготовило на острове Аскольд охотничий домик со всеми удобствами. Когда Хрущеву показали этот сказочный коттедж, он пренебрежительно сказал, что ему и так надоели гостиничные номера – хочу, мол, на природу. И, как по мановению волшебной палочки, на другой полянке вырос палаточный лагерь.

Не забыли даже спилить крупное дерево, оставив пень, напоминающий тот, что служил Ленину столиком в Разливе. Как и предполагалось, гость осмотрел палаточный городок и решил отдохнуть. Местом отдыха он избрал пень, отполированный до блеска. В украинской косоворотке, блестя на солнце лысиной, Никита Сергеевич

позировал фотокорреспондентам. Затем показал инкрустированный драгоценными камнями приклад двустольного ружья, который подарила ему в ответ за двух русских рысаков королева Англии Елизавета II.

Во время охоты он подстрелил, не сходя с автомашины, двух пятнистых оленей. После охоты лучшими поварами и официантами ресторана «Золотой Рог» был накрыт стол. Гость со своей свитой приступил к трапезе. В честь высокого гостя один за другим провозглашались велеречивые тосты. Рекой лилось шампанское, коньяки, вино и водка. Вспомнил Хрущев и о креветках. На столе их не оказалось. Боевой торпедный катер сходил во Владивосток за сотню с лишним километров и через час доставил креветки.

Когда участники застолья были уже навеселе, поднялся, как глыба, мой начальник генерал И.С. Гудков с очередным тостом: «Никита Сергеевич, – громким басом, чеканя слова, проговорил он, – я единственный хочу сказать вам правду – народ-то на вас обижается!» Присутствующие разом протрезвели, наступила напряженная тишина. Напряглись охранники, с лиц посдувало улыбки. Кто-то тихонько промолвил: «Спят особи!» А генерал упрямо сдвинул брови и отчаянно, после паузы, рубанул: «Потому что вы много работаете, но мало отдыхаете!» Общий вздох облегчения прокатился за столом. После успешной охоты и обильных возлияний Хрущев и сопровождающие его лица на эсминце поздно ночью покинули Аскольд.

Не менее интересным был приезд на военно-морскую базу министра обороны Малиновского. Быстро выслушав доклады командования базы в штабе, министр со свитой выехали на объект особой важности. Это хорошо замаскированное, врытое в сопку убежище строго охранялось. Не очень широкий, в человеческий рост тоннель заканчивался просторной площадкой, где размещались боеголовки. Малиновский и сопровождающие его лица проследовали по тоннелю.

Когда министр взшел на площадку, дежурный офицер включил рубильник, но свет моментально погас. Наступила крошечная темнота. И тут министр разразился грубой нецензурной бранью в адрес командира базы контр-адмирала Д.М. Агафонова. Вскоре загорелся свет, а наш командир, стоя навытяжку, бледный, с холодной испариной на лице, толком не мог ничего объяснить. Малиновский круто повернулся и пошел к выходу, где стоял маршал Баграмян, его заместитель. Последнего он грубо оттолкнул, говоря: «Какого х... ты здесь стоишь?» Баграмян тут же отпарировал: «Ты что, Родион, озверел?»

А ведь и не подумаешь, что такие большие руководители, с виду примерные, в жизни и на службе – явные хамы. С другой стороны, могу заверить, что наши начальники, с которыми мне приходилось встречаться, были всегда на высоте, умными и коммуникабельными.

Невозможно, например, забыть начальника Управления особых отделов группы войск в Германии генерал-лейтенанта Железникова. На службе он был строг и взыскателен, а на отдыхе – друг и товарищ. Как-то мы с женой в один из воскресных дней оказались в лесном массиве Потсдама на пикнике. Организатором поездки был Николай Иванович Железников. Он со всеми выпивал, играл в волейбол, купался в реке, рассказывал анекдоты, шутил. Мне под его непосредственным руководством приходилось участвовать в сложной и опасной операции по выходу в Западный Берлин, о которой я уже упоминал.

Другой начальник Управления особых отделов группы войск в Германии генерал-лейтенант Георгий Карпович Цинев, назначенный на эту должность из военной раз-

ведки, был человеком с непростой биографией, со сложным, противоречивым характером. Он всегда упорно стремился к власти. Не случайно уже в 1979 г. он стал заместителем Председателя КГБ при СМ СССР.

В кругу друзей он отличался певческим талантом при исполнении украинских песен, был весьма остер на язык. Помню, получили мы сигнал об исчезновении в одной из воинских частей солдата и с Сережей Тихомировым явились в приемную, чтобы получить инструктаж. Ждем час, два и решили, что вроде бы надо напомнить генералу Циневу о нас. Я был посмелее, зашел в его кабинет с просьбой разрешить выезд. Он как-то нервно поднялся из-за стола и напустился на меня: «Ты что, майор, думаешь, я бездельничаю? Почему врываешься в кабинет, когда я напряженно работаю? Немедленно выезжайте и докладывайте мне о поиске!» Это и был весь инструктаж. В дальнейшем мне еще раз пришлось встретиться с генералом Циневым, когда он, кажется, в октябре 1963 г., нанес визит во Владивосток.

Утром мой начальник контр-адмирал Николай Николаевич Лепихин по телефону сообщил, что сегодня ко мне приедет наш старый знакомый по Германии генерал Цинев Г.К. Я его встретил, доложил. Он остался доволен. Я познакомил гостя с командиром военно-морской базы Агафоновым и начальником политотдела Сорокиным. Угостили его обедом. В ходе беседы Георгий Карпович разоткровенничался и сказал, что специально заехал ко мне, чтобы посмотреть, как работает его выдвиженец. «Мне сказали, что ты неплохой моряк, да и чекист перспективный». Помнится, я что-то пролепетал, вроде – служу Родине и людям. И изумился, подумав, какая у него цепкая память. Ведь приказ о моем освобождении от должности старшего оперуполномоченного аппарата Управления особых отделов группы войск в Германии и назначении начальником особого отдела 13-й зенитно-артиллерийской дивизии был подписан генералом Циневым еще в мае 1955 г.!

Итак, я в основном освоился на новом месте службы. Объем работы значительно увеличился: соединения боевых кораблей, бригада торпедных катеров, батальон морской пехоты, военно-строительные отряды, а главное – сосредоточение объектов особой важности. В Большом Камне разворачивалось строительство атомных подводных лодок, в бухте Павловского формировалось соединение по их испытанию и вводу в эксплуатацию.

В целях обеспечения секретности и безопасности этих объектов был создан Особый отдел из четырех оперативных работников. Возглавил отдел мой выдвиженец – Александр Владиславович Жардецкий, умный, эрудированный, талантливый работник. С моей легкой руки, Жардецкий достиг больших постов. Позднее он был переведен в 3-е Главное управление КГБ, где руководил военно-морским отделом. Затем стал заместителем, а впоследствии начальником Управления. Ему было присвоено звание «вице-адмирал». Правда, закончил он свою службу весьма неожиданно. Хотя такого поворота событий, учитывая его характер и взгляды, можно было ожидать: Жардецкий поддержал своего шефа – председателя КГБ Крючкова – в событиях 19 августа 1991 г. и поэтому лишился должности.

В 1964 г. я расстался с Тихоокеанским флотом, который успел искренне и глубоко полюбить. Меня перевели на Каспий, где я в 1968 г. закончил свою службу в органах государственной безопасности в должности начальника Особого отдела КГБ по Каспийской флотилии. Была, естественно, возможность остаться в европейской части России, но Дальний Восток так запал в мою душу, что я вернулся во Владивосток.

Ошенко В.Г. Из поколения фронтовиков

(Из воспоминаний Е.Н. Дружинина)

Это потом он стал адмиралом. Они столкнулись в коридоре парикмахерской в Ленинграде, еще сжато кольцом блокады, хотя уже и изрядно ослабевшим, и там они были молоды, красивы и хотели любить. Встретились глазами – и больше не расставались.

Познакомились случайно, по-фронтовому быстро поженились. Так в 1944 г. лейтенант военной контрразведки Евгений Дружинин попал в сердечную блокаду, из которой и не пытался вырваться, потому что девушка Катя из ленинградской парикмахерской стала его соратницей, верным другом и матерью его детей. Екатерина Дмитриевна, адмиральская жена, пообещала: «Мы и 60-летие нашей блокадной свадьбы отметим!». Не выполнила обещание, в декабре 2001 г. оставила адмирала Дружинина одного, без своей поддержки и преданности.

Их, родившихся в 1923 г., остались считанные единицы. Особенно мужчин. В июне 1941 г. им было по 18. Евгения Никитовича Дружинина призвали в августе 41-го: артиллерийская разведка, полторы тысячи километров пешком да на конной тяге. «На лошадь садился с табуретки», – усмехается в усики нынешний адмирал.

Адмиральский путь, как и сердечная осада, тоже войной был выбран. Войной и случайностью. Оказался артиллерийский разведчик в училище ПВО ВМФ, а потом под Сталинград – сначала в батальон морской пехоты, в самый разгар величайшей битвы той войны. «18 человек живых от бригады осталось», – коротко говорит об этом Дружинин. Потом воевал на бронекатерах: сражения на Волге-матушке были похлеще, чем в ином море.

Чью судьбу ни взять, кто выжил из военкоматского «23-го года рождения», все корни биографий оттуда – из кошмара и хаоса войны. И нынешние старики, что лейтенантами и капитанами вышли из мясорубки, отличаются сегодня от всех следующих поколений какой-то особой мудростью. Эдаким жизнеутверждающим фатализмом: как было суждено, так и прожито – и потому все правильно, не стоит в чем-то раскаиваться и начинать что-то сначала, смысл жизни в самой жизни.

Военная контрразведка положила глаз на флотского лейтенанта, прошедшего от Сталинграда до форсирования Днепра зимой 1944 г. Особые отделы в войсках, подчинявшиеся непосредственно Сталину, были для фронтовиков тайной за семью печатями, людей с синими просветами на погонах боялись и сторонились. Но жизнь есть жизнь: на передовой они появлялись лишь после каких-то ЧП (а значит, имели больше шансов выжить), у них были белые воротнички, от них пахло одеколоном, они лучше питались.

«Мы сделаем вам предложение, от которого вы не сможете отказаться». Лейтенант Дружинин, в подразделении которого из увольнения не вернулся матрос, вначале был в глазах контрразведчика-следователя офицером, допустившим должностную

Е.Н. Дружинин

Евгения Никитовича Дружинина призвали в августе 41-го: артиллерийская разведка, полторы тысячи километров пешком да на конной тяге. «На лошадь садился с табуретки», – усмехается в усики нынешний адмирал.

халатность, затем, когда при активном участии подозреваемого выяснилось, что боец погиб в нашем глубоком тылу от рук украинских националистов, контрразведка сочла нужным видеть умелого офицера, который, собственно, и раскрутил это дело, в своих рядах.

Сам Евгений Никитович Дружинин рассказывает о фронтовой дороге, приведшей его в контрразведку, достаточно сдержанно: «В августе 1941 г. меня призвали. Вначале я служил в запасном артиллерийском полку в Пугачеве. До него мы прошагали полторы тысячи километров пешком. Потом было несколько месяцев военно-морского училища противовоздушной обороны в Энгельсе. В составе сводной бригады морской пехоты я побывал под Сталинградом. Тогда из ряда военно-морских училищ формировались сводные бригады морской пехоты. Мы приняли участие и в самом сражении. После этого меня отправили в Ленинград в начале 43-го года. На линкоре «Октябрьская революция» я служил старшиной группы комендоров. Это было нечто вроде практики. Там я пробыл три месяца и возвратился в Иваново — здесь находилось училище после эвакуации. В мае 43-го нам присвоили звания лейтенантов, и я вновь отправился на Волжскую флотилию, став командиром БЧ 2-3 на бронекатере. А во 2-й половине 43-го нас погрузили в теплушки и отправили на Украину в Днепровскую флотилию. Здесь в составе зенитно-артиллерийского дивизиона (ЗАД) в районе Чернигова мы форсировали Десну. На зиму встали в затоне на бронекатерах в составе ЗАД.

Вот там и был случай, когда матрос, ушедший в увольнение в составе группы, исчез. По этому поводу прибыл опер военной контрразведки, около месяца, пока он был у нас, мы с ним прожили в одной землянке. Разговаривали вечерами о разном. В конце, перед отъездом он мне сказал: «Мы вас скоро заберем». И действительно месяца через полтора пришла телефонограмма — сдать батарею помощнику и явиться в отдел кадров офицерского состава флотилии в Киев. А там — в ОКР «СМЕРШ». Это был уже конец 43-го. Я пытался отказаться от такой чести. Но пришлось согласиться, и я был отправлен в высшую школу контрразведки «СМЕРШ» в Ленинград в феврале 44-го».

Так лейтенант Дружинин стал особистом. Чисто случайно? Как и все, что происходит на войне с обычным человеком. О том, чем занимался контрразведчик Дружинин на войне и после нее, написаны десятки детективов и снят не один боевик. После высшей школы контрразведки в конце 1944 г. его направили в Эстонию, где лейтенант работал в группе розыска выпускников двух немецких разведывательно-диверсионных школ из Прибалтики — Мыза и Валга. «Контрразведка искала этих курсантов вплоть до 1947 г., — рассказывает Дружинин. — Немцы набирали их из числа советских военнопленных и жителей Прибалтики, так что раствориться им было где. А детективов не хватало. Была нудная, рутинная работа — бумаги, свидетели, протоколы».

Вот как описывает свою военно-разведывательную работу в Прибалтике контр-адмирал Дружинин: «После высшей школы в Ленинграде я получил назначение в Эстонию. Став оперативным работником в дивизии ПВО под Таллином, занял в оперативное обслуживание батальон воздушного наблюдения, оповещения и связи. Потом дивизия была расформирована, отдел ликвидирован и меня забрали в отдел контрразведки 8-го Военно-морского флота постоянным оперативным дежурным, немного позже назначив в оперативную контрразведку береговой обороны. В моем ведении был артиллерийский дивизион, который располагался на острове в 10 милях от Таллина, и штаб береговой обороны.

Я, конечно, принимал участие в розыске «лесных братьев» — отрядов местных националистов. Но это продолжалось очень недолго. То были своеобразные зачистки,

но яркими их назвать нельзя. Да, приходилось иметь дело с очень жестокими людьми, главный мотив действий которых определялся ненавистью. Были и перестрелки, были трупы.

На острове я пробыл около года. Потом меня направили в город Палдиски, недалеко от Таллина, где дали в обслуживание дивизион торпедных катеров, гарнизоны. В этом городке нас было три оперработника. Недалеко от Палдиски при немцах располагались две разведывательно-диверсионные школы. Естественно, кроме военнопленных, немцы набирали туда и местное население. И в тот период мы занимались розыском. Многих находили, но некоторые исчезали. А в 55-м году был принят закон, по которому реабилитировались полицейские и курсанты этих школ. Кто был в тюрьме, тех освободили, а кто был на свободе – так и остались неизвестными ».

– «А как же известные ярлыки? Контрразведка, особые отделы, МГБ, КГБ – ведь это же то самое!»

– «На войне у особых отделов, кроме борьбы с немецкой агентурой и дезертирством, имелись и политические задачи – выявлять паникеров, сплетников. Такое время было, – говорит Дружинин и не отводит глаз. – А насчет «того самого», так у нас теперь имеются и всенародно избранные выходцы «оттуда».

Послевоенные маршруты капитана Дружинина пролегли от Финляндии до Камчатки: «Из Палдиски меня вновь перевели в Таллин. А потом была такая военноморская база Поркалаут в Финляндии, куда меня отправили в 50-м г. Здесь я работал с составом пулеметно-артиллерийской дивизии. Причем сейчас уже мало кто знает, но там у нас были пулеметы, стволы которых загибались под углом. Весь ДОТ был выбит в скале внизу, а наружу торчал лишь ствол пулемета. Тут я пробыл до 55-го года. Как раз тогда по указу Хрущева эту базу ликвидировали. Все вооружение и оборудование отправили в Закавказье, а меня вернули в Таллин, где я служил года полтора в аппарате военной контрразведки Балтийского флота. А потом мне предложили должность заместителя начальника военной контрразведки 157-й бригады подводных лодок в Палдиски и после полугода службы назначили начальником. Это шел 56-й год, и я уже был капитаном 3-го ранга. В этой должности я находился года три. А потом приезжал начальник ВКР БФ, и я стал заместителем начальника 1-го отдела ВКР БФ. Вскоре заболел и умер мой начальник, сделали представление на его место, а мне в результате предложили Камчатку».

«Кому война – кому мать родна» – есть такая циничная народная присказка о тех, кто в мутной воде страданий и бед людских ловит свою золотую рыбку. Впрочем, она и для мирного времени актуальна, потому и не забыта. Война дала лейтенанту Дружинину многое: профессию, биографию и самое важное в жизни – любовь. И все это он пронес по жизни с достоинством, не растеряв, не ловча и не предавая.

«На Камчатке, в 1963-м году, я стал начальником особого отдела 41-й дивизии атомных подводных лодок. Дивизия только формировалась, и я создавал Особый отдел. Практически сразу за мной на Камчатку пришло звание капитана 2-го ранга. Одним из первых в этот отдел поступил Анатолий Сиденко, тогда старший лейтенант. Особый отдел дивизии входил в состав особого отдела эскадры подводных лодок. Месяцев через десять нас расформировали, и мне предложили должность начальника Особого отдела эскадры. До меня там был начальником Сергей Михайлович Седов, с авиационным образованием, и его перевели во Владивосток, назначив начальником Особого отдела ВВС флота.

Послужил я в этом качестве шесть лет, после чего попросился направить меня вновь на запад, но начальство распорядилось по-другому и назначило меня в 1968 г.

начальником 1-го сектора аппарата ВКР ТОФ. В отделе было 32 опера. Многих уже нет, другие на пенсии. В 1972 г. мне предложили должность заместителя начальника контрразведки, и я в этой должности проработал до 1976 г. В то время начальником был контр-адмирал Николай Николаевич Кошелев. После него сменилось еще несколько начальников. Но в 1976 г. мне предложили должность начальника, а заместителем назначили Николая Егоркина. И до 1982 г. я возглавлял контрразведку ТОФ, а после этого ушел в запас. А Егоркин был назначен на мое место. Я просил, чтобы меня перевели на запад, но место не нашли. Будучи в 1983 г. в Москве на совещании, я попросил об увольнении из органов. Меня принимал Андропов, который помог мне с жильем в Минске. 10 лет там я работал начальником отдела мониторинга в комитете по гидрометеорологии. Но потом сын предложил мне вернуться.

Если говорить о конкретных операциях и задержаниях, то надо сразу сказать, что оперативная обстановка тогда и теперь абсолютно разная. Ведь в те годы Владивосток был закрытым городом, иностранцев здесь практически не было.

В Охотском море американцы к нашему кабелю пристроили свою систему прослушивания. Я туда отправлял оперативного работника, и он все это наблюдал. Подняли на кабельное судно два контейнера метров по восемь каждый. Оба контейнера имели ядерные реакторы для питания. Устроены они были так, что, пока один реактор работает, другой охлаждается. Также была и громадная антенна. Этот аппарат много бед стране принес.

«Вычислить» сей агрегат удалось достаточно просто. Кабельное судно вышло проконтролировать сам кабель, его состояние. Есть специальное приспособление, которое надевается на кабель, и судно идет и проверяет его состояние по всей длине. И в каком-то месте приспособление за что-то зацепилось. Вначале подумали, что там нечто постороннее, никак не предполагая узреть такой мощный агрегат. Но когда кабель подняли, увидели эти контейнеры.

Предположение, однако, прежде возникало. Мы выяснили: где-то идет достаточно мощная утечка информации. Была версия, что на кабеле может находиться какое-то устройство. И именно поэтому судно стало проверять кабель по всей длине.

Другой случай. Там же, на Камчатке, исчезла подводная лодка К-178. Она ушла на боевую службу, но вдруг перестала выходить на связь. Прилетела огромная комиссия, которую возглавлял главком Горшков, и стали разбираться. Мы получили информацию, что в этот же период в японский порт Йокосука вошла в аварийном состоянии американская подлодка. Я доложил главкому, но он махнул рукой. Позже в американской прессе появилась информация о том, что построено специальное глубоководное судно «Глоумар эксплорер», которое отправилось в тот же район, где должна была находиться наша лодка. Оно пробыло там и ушло, но через год опять появилось. ТОФ выставил свои корабли, и они там вели патрулирование, но, когда ушли, американское судно появилось вновь. Оно подняло часть лодки. И опять в американской военной печати появились материалы о том, что поднята часть субмарины, а на ней торпеды с ядерными зарядами. Через некоторое время отдали трупы. Позже выяснилось, что под водой столкнулись советская и американская подлодки. Наша была дизельная, но очень тяжелая. На ней находились ракеты с ядерными боеголовками. А потом был еще случай в Находке. Офицер-гидрограф познакомился с сотрудницей японского торгового представительства, которое там располагалось. Он долго встречался с этой женщиной, а мы все фиксировали и пытались изучить характер этих встреч. Но вот однажды из Японии в его адрес пришла бандероль, а в ней оказалась книга «Война и

мир». Внутри книги обнаружили спрятанными несколько тысяч японских иен. Мы начали разработку, но все оказалось очень просто: офицеру хотелось иметь японский радиоприемник, а денег на это не было. И когда эта женщина возвращалась домой, он попросил прислать такой приемник, но вместо этого она отправила ему деньги. Можно было этого офицера привлечь к ответственности, ведь тогда военным вообще запрещалось общаться с иностранцами. Но его перевели подальше от японцев во Владивосток. И он дослужился до капитана 1 ранга.

Я должен сказать, что в моем отделе, в аппарате были очень порядочные и трудолюбивые оперативные работники. Из нашего оперативного состава вышло очень много начальников, несколько человек получили звания адмиралов».

В 1982 г. Евгений Никитович Дружинин уволился в запас с должности начальника особого отдела КГБ СССР по Тихоокеанскому флоту в звании контр-адмирала.

Евгений Никитович, конечно же, показал свои фотоальбомы. Контр-адмирал довольно быстро перебрасывал листы с парадными фотографиями: «Вот я в Москве у Андропова, вот Чебриков, вот Брежнев, вот Ломакин, вот Гагаров...» Искал, наверное, самую важную для себя фотографию: 1944 год, Ленинград, молодожены Дружинины.

Владимир Маркович Астафьев, по национальности белорус, родился в 1918 г. на станции Шимановская Амурской области в крестьянской семье. В 1937 г. закончил Речицкое педагогическое училище, а в 1939-м – заочно Гомельский двухгодичный учительский институт. После окончания начал работать учителем в сельской школе, но уже с января 1940-го по июнь 1941-го оказался курсантом Бобруйского военно-пехотного училища.

Боевой путь контрразведчика

(Из воспоминаний В.М. Астафьева)

Чем дальше в историю уходит Великая Отечественная война, тем меньше остается среди нас ее участников. 9 октября 2001 г. ушел из жизни ветеран войны и военной контрразведки Тихоокеанского флота Владимир Маркович Астафьев. Он так и не успел написать воспоминания о своей интересной и замечательной жизни, о своей службе в СМЕРШе в годы войны, о своей работе во флотской контрразведке. Но мы постараемся, насколько это возможно, описать славный путь этого настоящего военного чекиста и прекрасного человека.

Владимир Маркович, по национальности белорус, родился в 1918 г. на станции Шимановская Амурской области в крестьянской семье. В 1937 г. закончил Речицкое педагогическое училище, а в 1939-м – заочно Гомельский двухгодичный учительский институт. После окончания начал работать учителем в сельской школе, но уже с января 1940-го по июнь 1941-го оказался курсантом Бобруйского военно-пехотного училища.

Из училища его направляют на курсы оперативного состава при Особом отделе НКВД Белорусского особого военного округа в Могилеве, которые он заканчивает 23 июня 1941 г. – на второй день Великой Отечественной. Владимира Марковича сразу направили в действующую армию. С июня 1941 г. – он оперуполномоченный Особо-

го отдела НКВД 49-го стрелкового полка 50-й стрелковой дивизии, с которой прошел практически всю войну. Его дивизия под командованием генерал-майора Лебедеенко воевала на Западном, Юго-Западном, 1-м и 2-м Украинском фронтах. С мая 1942 г. он становится старшим оперуполномоченным Особого отдела, а затем отдела контрразведки «СМЕРШ» этой дивизии.

В сентябре 1941 г., когда они стояли на Можайском шоссе, батальон, в котором находился молодой лейтенант Астафьев, оказался отрезанным от своих. Командира батальона убило, и Владимир Маркович взял командование на себя. На третьи сутки боев ему стало известно, что некий Митрофанов склоняет группу красноармейцев к сдаче в плен. Предатель даже наметил план, на каком участке фронта и в какое время суток это удобнее сделать. Это было первое самостоятельное дело лейтенанта Астафьева, который предотвратил сдачу в плен группы бойцов и обезвредил предателя. В те тяжелые затяжные бои за Москву от полка осталось менее 200 человек, и сам он получил контузию. Владимир Маркович был награжден медалью «За отвагу».

Летом 1943 г. его полк стоял в обороне недалеко от Святогорского монастыря. В одну из теплых летних ночей ему сообщили о двух неизвестных девушках, которые переплыли реку на участке полковой обороны. На допросе они рассказали, что родом из соседней деревеньки и спасаются от угона на работу в Германию. Но жестокое военное время отучило Владимира Марковича доверять на слово. Посланная в указанную деревню разведка доложила, что жители с такими фамилиями никогда в ней не проживали. Тогда Астафьев решил «подыграть» девушкам и оставил их в полку, в роте связи. А вскоре, когда одна из них попыталась по радиации выйти на связь с немцами, разоблачил их как агентов немецкой разведки.

В ноябре 1944 г. последовало новое назначение – старшим оперуполномоченным 3-го отдела контрразведки «СМЕРШ» 52-й армии 1-го Украинского фронта. День Победы Владимир Маркович встретил на улицах Праги.

11 мая люди пели и танцевали прямо на улицах столицы Чехословакии. Во время этого всеобщего ликования Владимир Маркович получил записку, в которой сообщалось, что, по сведениям немецких военнопленных, в канализационной системе Праги готовится взрыв. Владимир Маркович тут же с двумя бойцами отправился в подземный тоннель. Перед тем как спускаться, он выпустил в небо всю пистолетную обойму в честь Победы — на всякий случай, если не вернется назад.

Оказывается, под землей еще оставались немецкие солдаты и офицеры, в том числе и эсэсовцы. Всего около 150 человек. Они-то и намеревались взорвать подземные коммуникации в случае своего обнаружения советскими войсками. Как вспоминал сам Владимир Маркович, переговоры были краткими.

«Я обратился к немецким солдатам и офицерам, просто крикнув, что война окончена, сопротивление бесполезно. На немецком языке, а я им владел неплохо, крикнул буквально следующее: «Немецкие солдаты и офицеры, сдавайтесь! Война закончена». Немцы стали сдаваться прямо в тоннеле и, выходя на свет, бросать передо мной свое оружие».

В 1947 г., по ходатайству командующего 8-й механизированной армии и по представлению Главкома Центральной группы войск, Владимир Маркович за свои действия по предотвращению взрыва был награжден правительством Чехословакии медалью «За храбрость».

В июне 1946 г. Владимир Маркович переведен на должность старшего оперуполномоченного 3-го отделения отдела контрразведки МГБ 8-й механизированной армии Прикарпатского военного округа. С апреля по август 1948 г. – начальником 3-го отде-

ления того же отдела контрразведки. В 1949–1952 гг. последовательно занимает должности начальника 1-го отделения, а затем – вновь 3-го отделения Отдела контрразведки МГБ 38-й армии Прикарпатского военного округа.

1 сентября 1952 г. Владимир Маркович вступает в должность заместителя начальника 5-го отделения отдела контрразведки МГБ 7-го Военно-морского флота в Советской Гавани. Затем, в 1953–1954 гг., служит начальником 2-го отделения 2-го сектора Особого отдела МВД Тихоокеанского флота, а в 1954–1957 гг. – старшим оперуполномоченным Особого отдела КГБ по ТОФ. В 1957 г. Астафьева назначают начальником Особого отдела КГБ по бригаде учебных и строящихся подводных лодок Тихоокеанского флота во Владивостоке.

19 января 1960 г. уволен из органов КГБ в запас в звании капитана 2 ранга. За свою ратную службу Владимир Маркович награжден орденами Великой Отечественной войны 1-й и 2-й степеней, двумя орденами Красной Звезды, 12 медалями, в том числе «За оборону Москвы», «За победу над Германией». Имеет 11 благодарностей от Верховного Главнокомандующего.

Незадолго до своей кончины он направил письмо начальнику УСФБ по ТОФ контр-адмиралу Н.Н. Соцкову, которое, к сожалению, оказалось последним. Приводим его текст полностью.

«Издание книги, посвященной 70-летию юбилею Управления ФСБ по Тихоокеанскому флоту, безусловно является делом нужным, полезным, особенно для ныне действующих молодых контрразведчиков. Инициатива прекрасная, и заранее можно сказать: книге быть! Материал для нее, конечно же, по крупицам будет собран. Но мое личное участие в этом благородном деле, к сожалению, назвать значимым никак нельзя.

Дело в том, что мне уже пошел 84-й год, служил я в Особом отделе флота очень давно, более 40 лет тому назад, и всего-то менее 10 лет. Поэтому говорить сегодня о событиях того далекого времени я просто не рискую, это непосильно. Ведь для книги нужна конкретика, а не расплывчатость.

И все же несколько штрихов. На флот я прибыл в Советскую Гавань в 1952 г. из 38-й армии (г. Станислав, ныне Ивано-Франковск). Там я был начальником 1-го отделения, затем 3-го отделения аппарата Особого отдела армии. В Советской Гавани при генерале Гудкове И. С. я также занимал должность начальника отделения. И потом, после объединения в 1953 г. 7-го и Тихоокеанского флотов в один – ТОФ, когда Гудков И. С. стал начальником Особого отдела Тихоокеанского флота уже во Владивостоке, я был переведен сюда на должность начальника 2-го сектора. Я закончил службу в 1960 г. начальником Особого отдела 4-ой бригады подводных лодок. В оперативное обслуживание отдела тогда входили также 79 БСРК, 2 военных завода, госпиталь, находившиеся на Дальзаводе на ремонте корабли флота.

Помню, что в это время в Особом отделе флота было немало по-настоящему весомых разработок, удачных находок и решений, но, повторяюсь, рассказывать сегодня о них по памяти не рискую, можно ошибиться. Лучше заглянуть в архив.

Хотелось бы только немного сказать о нашем коллективе. В Особом отделе флота в то время работали преданные делу профессионалы. Сплоченности и дружбе контрразведчиков можно было позавидовать. Примером для всех нас был генерал И.С. Гудков, человек спокойной натуры, справедливый и заботливый. Он умел тебя, и выслушать, и профессионально подправить. Работать под его началом было и приятно, и легко, говорю это без преувеличения. Не ошибусь, если скажу, что та добрая традиция

Контр-адмирал Соцков Н.Н.

Вручает почетную грамоту В.М. Астафьеву

сохраняется и сегодняшним руководством. Мы, чекисты-пенсионеры, очень чувствительны, это нам очень и очень видно, в том числе при наших встречах.

А теперь, после мучительных раздумий, я все же решил чуть-чуть поделиться воспоминаниями, не относящимися непосредственно к работе в Особом отделе нашего флота.

Нехорошо признаваться, но после увольнения в запас мне довелось всего один раз откровенно поделиться с флотскими контрразведчиками своим опытом работы, особенно в военное время. Здесь есть своя специфика, а моя встреча была с особистами-авиаторами лет 35 тому назад.

Справедливости ради должен заметить, что это, конечно же, зависело не только от меня. Не приглашали. Как говорят: «Что было, то было!» Время ушло. Нас, старых чекистов-особистов, которые были на войне, становится все меньше и меньше. И опыт уходит.

Конечно, сейчас опасность возникновения новой войны сведена до минимума, но, как я считаю, пока никто еще не решается заявить, что эта опасность ликвидирована полностью. Так я думаю. И общение фронтовиков с нынешними молодыми контрразведчиками считаю пока полезным. Хорошо бы об этом подумать тем, кто уходит на пенсию сегодня, уже после Чечни.

На фронте я был всю войну, в одном и том же стрелковом полку. Это был 49-й стрелковый полк 50-й стрелковой дивизии. Боевой путь дивизии таков. Сначала первые бои в Белоруссии, под Молодечно, затем тяжелое отступление, бои под Смоленском, Ярцево, Духовщина и Вязьма, выход осенью 1941 г. из окружения под Москву, защита ее зимой 1941–1942 гг., в 1943 г. – Юго-Западный фронт (Запорожье, Кировоград, Северский Донец), 1944 год – Молдавия, Румыния (Яссы), 1945 год – Польша, Германия, Чехословакия. Таков был и мой путь – путь рядового контрразведчика, вначале оперуполномоченного, затем старшего оперуполномоченного отдела контрразведки «СМЕРШ» 50-й стрелковой дивизии. В контрразведку я был взят в июне 1941 г. сразу же после окончания Бобруйского военно-пехотного училища. И уже на фронте набирался опыта у старших товарищей.

От меня требовалось сделать так, чтобы в полк не проникла немецкая агентура, чтобы не было в полку измены Родине, трусости, паникерства, дезертирства и других явлений, отрицательно действующих на общее состояние полка. Отмечу, что в полку было три оперативных работника. Я до сегодняшнего дня твердо считаю, что контрразведчик на фронте, в действующем подразделении, – это активный боец и, когда нужно, он берет в руки оружие, делает то, что делают люди обслуживаемой им части. Иначе его не поймут, он будет просто чужаком. Вспоминая то тяжелое время Великой Отечественной, скажу, что в моей работе были и успехи, и промахи.

Написал. Прочел. Все вразброс, не сконцентрировано, многое можно было и опустить. Возраст! Если что-то заинтересовало и можно использовать при издании книги, готов к встрече, пояснениям.

Н. К. О.
ОТДЕЛ КОНТРАЗВЕДКИ
"СМЕРШ"
— 50 —
Стрелковой Дивизии
"анв." 1945 г.
№ 126

Смерть немцам захватчикам!

Справка

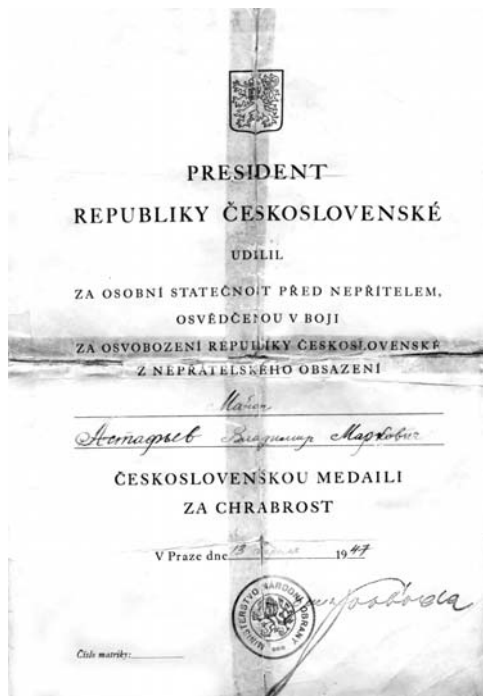
Выдана капитану Астафьеву
Злат. Чик. в том, что ему

За отличные боевые действия при овладении областным и промышленным центром Украины городом ЗАПОРОЖЬЕ приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 14 октября 1945 года объявлена БЛАГОДАРНОСТЬ.

М. П.

Злат. Чик. в том, что ему

С уважением,
Капитан 1 ранга в отставке В. Астафьев
03.10.2001 г.»

За этими, в общем-то, скучными строками виден боевой путь военного контрразведчика. Именно такие люди и ковали Победу нашего народа над фашизмом. Вечная им слава!

ЧАСТЬ 3. **ВОЕННАЯ КОНТРАЗВЕДКА ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА В АТОМНУЮ ЭРУ**

3.1. А.В. Полутов. Военная контрразведка ТОФ в эпоху океанского флота

После окончания Великой Отечественной войны произошла очередная реформа ВМФ СССР. 25 февраля 1946 г. был упразднен Наркомат ВМФ. В 1947 г. Тихоокеанский флот был разделен на 5-й и 7-й ВМФ, что повлекло за собой создание двух самостоятельных отделов контрразведки со своими периферийными органами. Раздел флота и многочисленные реорганизации системы органов государственной безопасности негативно сказались на работе военной контрразведки флота. С образованием МГБ СССР в марте 1946 г. ОКР «СМЕРШ» ТОФ был переименован в ОКР МГБ ТОФ и стал подчиняться 3-му Главному управлению МГБ СССР. На следующий год он был ликвидирован и на его основе созданы ОКР МГБ по 5-му и 7-му ВМФ.

В 1953 г. 5-й и 7-й ВМФ были преобразованы в ТОФ, вновь созданный ОКР МГБ ТОФ был переименован в Особый отдел МВД ТОФ с подчинением 3-му Главному управлению МВД СССР. В 1953 г. в аппарат Отдела входили: секретариат, 1-й сектор (два отделения), 2-й сектор (два отделения), 6-й (следственный) сектор, сектор кадров, 7-е (оперуочетное) отделение, оперативное отделение, отделение ВЧ, шифровальная группа, финансовая группа и комендатура.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС от 12 марта 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР указом от 13 марта 1954 г. образовал Комитет государственной безопасности при Совете Министров СССР. На этом реформа органов госбезопасности в целом закончилась и Отдел стал именоваться Особым отделом КГБ при СМ СССР по ТОФ с подчинением 3-му Управлению КГБ. В 1953-1960 гг. аппарат ОО КГБ ТОФ состоял из секретариата, 1-го и 2-го секторов, следственной группы, 5-й (оперуочетной) группы, группы кадров, шифровальной группы, отделения ВЧ, финансовой части и комендатуры. В те же годы в подчинении ОО КГБ по ТОФ находились особые отделы по Тихоокеанскому погранокругу, КВФ, СТОФ, ВМБ «Стрелок», Краснознаменной Амурской речной базе, надводным кораблям ТОФ, авиации ТОФ, 6-й эскадре ПЛ, 15-й эскадре ПЛ, 14-й дивизии крейсеров, 15-й ИАД, 15-й дивизии крейсеров, 25-й дивизии торпедных катеров, 30-й дивизии ОВРа, 89-й МТАД, 130-й МТАД, 143-й МРАД, 147-й ИАД, 3-й отдельной аэродромно-строительной бригаде, 4-й отдельной БПЛ, 29-й бригаде ОВРа, 33-й бригаде ОВРа, 90-й отдельной БПЛ, спецчастям Владивостокского ВМГ, отдельным частям ВВС ТОФ, учебным отрядам и школам ТОФ, Военно-морскому строительному управлению «Дальвоенморстрой» и др.

Быстрый рост сил флота в послевоенный период значительно влиял на деятельность военной контрразведки, перед которой вставали новые и все более сложные задачи. В 50-60 гг. произошли коренные изменения в кадровом составе военной контрразведки флота. Во-первых, в ходе реорганизации органов госбезопасности в

1946–1953 гг. из органов МГБ–МВД–КГБ было уволено значительное число руководящих и оперативных работников, в той или иной степени имевших отношение к репрессиям 1937–1939 гг. Этот процесс затронул и контрразведку флота, из которой было уволено порядка 60 сотрудников как «по служебному несоответствию», так и «по фактам дискредитации органов госбезопасности». В таких случаях обычно увольняли в запас вооруженных сил без права ношения военной формы одежды. Большинство уволенных таким образом пришло в военную контрразведку флота уже после 1945 г. по переводу из западных частей СССР или Групп советских войск в Германии, Польше и Венгрии. Не всегда эти увольнения были обоснованными, а являлись лишь отголосками той политической борьбы, которая развернулась после смерти Сталина в высших эшелонах власти СССР.

Во-вторых, к 1953–1958 гг. большая часть руководящего и оперативного состава контрразведки флота уже достигла предельного срока службы в органах государственной безопасности. Еще в 1946–1947 гг. свыше 50 руководящих работников было уволено в запас по возрасту или по болезни. Это старшее поколение военных чекистов, пришедшее на службу в органы госбезопасности в 1939–1941 гг., имело значительный опыт оперативной работы, но не обладало надлежащей общеобразовательной и профессиональной подготовкой. Практически 100% этой категории кадров военной контрразведки флота не имело законченного среднего, а тем более высшего образования. Только небольшая часть из них закончила специальные школы системы НКВД–НКГБ преимущественно по укороченной программе военного времени. Крайне мало было чекистов, имевших специальную военно-морскую подготовку.

В это время шло быстрое развитие ракетно-ядерных вооружений и электроники, на флот непрерывным потоком поступали новые корабли и подводные лодки, ракетно-носная авиация, появились береговые ракетно-артиллерийские войска, современная морская пехота. Совершенствовалось оперативное искусство, значительно усложнилась система боевого управления объединениями и соединениями флота. В боевой подготовке флота и морской выучке большое место стали занимать длительные океанские походы кораблей и дальние полеты самолетов, выходы на боевые службы атомных и дизельных подводных лодок.

В этих условиях возникла острая необходимость в пополнении кадров военной контрразведки специалистами с высшим военно-морским и техническим образованием, в переподготовке и повышении квалификации действующего руководящего и оперативного состава. В эти годы большое распространение получили заочные формы обучения в ВЮЗИ, Высшей школе КГБ, педагогических вузах и университетах марксизма-ленинизма. Ежегодно заочно училось в вузах – 25–30 чел., в средних школах – 15–20 чел. В 1956 г. в органы военной контрразведки флота было принято 43 офицера, в том числе из частей ТОФ — 21 чел. В 1957 г. ОО КГБ по ТОФ пополнился 22 офицерами, в том числе 17 выпускниками ТОВВМУ.

По состоянию на 1 мая 1958 г. образовательный уровень руководящего состава ОО КГБ по ТОФ представлял собой следующее: высшее или незаконченное высшее имели 17 чел. (31,5%), среднее образование – 34 чел. (62,9%), незаконченное среднее – 3 чел. (5,6%), из них специальную чекистскую подготовку – 48 чел. (88,8%). При этом стаж работы в органах госбезопасности у руководящего состава составлял: 5–10 лет – 7 чел., 10–15 лет – 17 чел., 15–20 лет – 27 чел., 20–25 лет – 2 чел. Средний возраст

этой категории сотрудников был: 30–35 лет – 2 чел., 35–40 лет – 24 чел., 40–45 лет – 22 чел., 45–50 лет – 3 чел. Образовательный уровень оперативного состава характеризовался следующим образом: высшее или незаконченное высшее имел 41 чел. (17%), среднее образование – 173 чел. (71,8%), незаконченное среднее – 27 чел. (11,2%), из них специальную чекистскую подготовку – 170 чел. (70,5%). 55 оперативных работников были выпускниками военных училищ. Стаж работы в органах госбезопасности у оперативного состава составлял: 5–10 лет – 84 чел., 10–15 лет – 69 чел., 15–20 лет – 37 чел., 20–30 лет – 72 чел. Средний возраст этой категории сотрудников был: 30–35 лет – 70 чел., 35–40 лет – 67 чел., 40–45 лет – 28 чел., 45–50 лет – 3 чел.

В Отделе постоянно проводилась учеба по повышению профессиональной подготовки. В 1958 г. на учебу было затрачено 96 часов, из которых 28 пришлось на практические занятия и семинары, а остальные – на лекции и обзоры, посвященные особенностям оперативной обстановки, специфике агентурной работы и т.п. С целью мобилизации оперативного состава на быстрейшее устранение имевшихся в работе недостатков, руководством ОО КГБ по ТОФ проводились кустовые совещания во всех отделах по итогам работы за 1957 г. Планы работы на первый квартал 1958 г., разработанные с учетом отмеченных при проверке недостатков, брались на контроль.

В январе 1958 г. были проведены 20-дневные сборы молодых оперработников особых отделов, на которых изучались основы организации контрразведывательной работы. В марте 1958 г. проводились сборы оперработников, проработавших в органах два-три года, на которых они обменивались опытом работы.

Одной из новых форм работы Отдела стало укрепление связей с личным составом обслуживаемых частей. В этих целях оперсостав стал больше проводить лекций и бесед о повышении бдительности. В ряде частей по согласованию с партийными органами практиковались политзанятия. Так, Особый отдел по спецчастям Владивостокского гарнизона провел 256 лекций и бесед для аудитории более 17 тыс. чел., а отдел по 40-й дивизии ПЛ – 75 бесед и лекций с аудиторией около 6 тыс. чел. Эта работа во многом способствовала повышению общеобразовательного и профессионального уровня сотрудников военной контрразведки флота.

Противостояние СССР и США, выражавшееся в «холодной войне», гонке вооружений и многочисленных кризисах по всему миру, обусловило быстрое развитие советских Вооруженных сил и оснащение их самыми современными видами вооружений. В 1960 г. в боевой состав ТОФ вошли первые ракетные и атомные подводные лодки и тем самым был сделан первый шаг от прибрежного к океанскому флоту. В 60–80-х гг. ТОФ превратился в одно из крупнейших оперативно-стратегических объединений ВМФ СССР с зоной ответственности от восточного сектора Арктики до Индийского океана. Коренным образом изменилась стратегия и тактика боевого применения армии и флота.

1960 г. стал переломным и для органов военной контрразведки ТОФ. В запас по выслуге лет было уволено значительное количество руководящего состава среднего звена и оперативного состава, на смену которым пришли молодые сотрудники с высшим военно-морским и чекистским образованием. Уже через несколько лет штат ОО КГБ по ТОФ почти полностью состоял из офицеров с высшим образованием, прошедших несколько уровней специальной подготовки.

«Холодная война» как форма противоборства двух социальных систем в условиях научно-технического прогресса приводила к созданию все более совершенных средств вооруженной борьбы. Для достижения паритета каждая из сторон развивала наземный, воздушный и морской компоненты триады ракетно-ядерных сил. В Советском Союзе шло бурное строительство атомного подводного флота. С 1960 г. в состав Тихоокеанского флота одна за другой стали входить атомные подводные лодки первого поколения, имевшие на вооружении баллистические и крылатые ракеты.

10 июня 1960 г. начальник Особого отдела КГБ при СМ СССР по ТОФ генерал-майор И.С. Гудков издал директиву, в которой отмечалось: «За последний период, характеризующийся бурным прогрессом военной техники, быстрее других классов кораблей совершенствовались и развивались подводные лодки и их оружие. В настоящее время подводные лодки, вооруженные ракетами с термоядерными зарядами и атомными торпедами, превратились в самое грозное оружие флота. 4-я сессия Верховного Совета СССР дала оценку подводным лодкам как главной ударной силе ВМФ. Следовательно, главным звеном контрразведывательной работы в ВМФ является организация высококачественной и квалифицированной оперативной работы на подводных лодках, так как наш вероятный противник, несомненно, будет стремиться добывать сведения прежде всего о развитии подводных сил, о их боевой и повседневной деятельности».

Одной из главных задач военной контрразведки флота стало контрразведывательное обеспечение соединений атомных подводных лодок, мест базирования и ремонта, ракетно-ядерного вооружения. Флотские чекисты прошли вместе с подводниками-тихоокеанцами весь путь создания атомных подводных сил Тихоокеанского флота, участвовали во всех боевых службах, трансарктических, межбазовых и кругосветных переходах.

Изменилась и структура ОО КГБ при СМ СССР по ТОФ. В 1969 г. аппарат Особого отдела состоял из секретариата, 1-го и 2-го секторов, следственного отделения, 10-й (оперучетной) группы, группы кадров, группы правительственной связи, группы шифровальщиков, финансовой части и комендатуры. В подчинении отдела находились следующие особые отделы: по Тихоокеанскому погранокругу, КВФ, Магаданскому ВМГ, ВМБ «Стрелок», Совгаванской ВМБ, надводным кораблям ТОФ, авиации ТОФ, 6-й эскадре ПЛ, 10-й ОПЭСК, 15-й эскадре ПЛ, 3-й МРАД, 9-й дивизии кораблей ПЛО, 26-й дивизии ПЛ, 49-й дивизии речных кораблей, 55-й дивизии МП, 143-й МРАД, 29-й бригаде ОВРа, 33-й бригаде ОВРа, спецчастям КВФ и др.

В директивных документах этого периода указывалось: «Вследствие агрессивных замыслов империалистического лагеря во главе с США вопросы войны и мира стали основными вопросами современности. Учитывая угрозу войны, Коммунистическая партия и Советское правительство всемерно укрепляют оборонную мощь нашей Родины. Программа КПСС обязывает Вооруженные силы, органы государственной безопасности, все народы СССР проявлять неослабную бдительность в отношении агрессивных происков врагов мира, быть всегда на страже мирного труда, в постоянной готовности к вооруженной защите своей Родины.

Чтобы выполнить это программное требование, органы государственной безопасности должны неустанно совершенствовать контрразведывательную работу, с тем чтобы максимально затруднить деятельность противника по разведывательной под-

готовке войны и сделать бесплодными его попытки подорвать нашу способность к отражению ракетно-ядерной агрессии. Они обязаны принимать меры к тому, чтобы ослаблять позиции противника в его собственном тылу, суживать его военные возможности, подготавливая, таким образом, определенные условия, которые будут способствовать его разгрому. Одновременно с этим органы государственной безопасности должны вести активную подготовку к обеспечению государственной безопасности в период войны. При этом нужно исходить из того, что контрразведывательная работа в условиях ракетно-ядерной войны не будет простым продолжением этой работы в мирное время. Война поставит перед контрразведывательными органами много совершенно новых проблем, внесет серьезные изменения в содержание тех вопросов, с которыми они сталкиваются сейчас или сталкивались еще в минувшую войну, потребует изменения приемов, форм и методов оперативной работы».

Тихоокеанский флот находился под постоянным воздействием сил и средств спецслужб США, Японии и Китая. Разведорганы США и Японии вели слежение за деятельностью ТОФ, особенно в периоды его активности. Интенсивность американской и японской воздушной разведки постоянно усиливалась и в количественном отношении возросла до 1500 разведывательных полетов в год. На подходах к базам ТОФ постоянно вели разведку три и более атомных подводных лодок ВМС США. Разведчики-дипломаты США, Великобритании, ФРГ, Франции и Японии ежегодно совершали более 50 разведывательных поездок по территории Дальнего Востока СССР в год. Сбор данных о флоте велся по широкому кругу вопросов, начиная с вскрытия и подтверждения боевого состава, перевооружения и переоснащения, планов и замыслов командования ТОФ на случай войны, политико-морального состояния личного состава, материально-технического обеспечения.

Противник, в частности, стремился любыми способами получить сведения о технологиях, элементах корпуса и ядерной энергетической установке, компоновке устройств, покрытии корпуса и биологической защите реактора, тактико-технических характеристиках вооружения атомных подводных лодок, боевых информационно-управляющих системах, комплексах обнаружения подводных и надводных целей и т.д.

Разведорганам противника удалось в этот период получить данные о дислокации многих соединений и частей ТОФ, складов и баз, позиций береговой обороны и средств ПВО, добытых всеми видами разведки. Вместе с тем иностранные разведки не имели достоверных сведений о планах командования и степени боевой готовности флота.

На просторы океана вместе с дизельным вышел и наш атомный подводный флот. Поэтому крайне остро стал вопрос обеспечения скрытности действий подводных лодок в дальних зонах, а главный вероятный противник весьма озаботился проблемой своевременного обнаружения развертывающихся подводных лодок, непрерывного за ними слежения и готовности в случае начала военных действий к немедленному их уничтожению. Это соревнование флотов подводой особенно остро протекало в семидесятые годы, и только теперь оно приняло несколько иные формы. Соперничество же в развитии ударных и оборонительных систем флотов, в том числе и подводных, оперативного использования и тактики действий сил не прекращается и поныне, независимо от новых оборонительных доктрин и миротворческих политических курсов.

Одним из эпизодов противостояния иностранным спецслужбам стала операция «Камбала». В конце 1971 г. ЦРУ США приступило к подготовке операции «Ivy Bells» (Говорящие колокольчики), целью которой было подключение к стратегическим магистральным кабелям военной связи СССР, проложенным по морскому дну. К кабелю, протянувшемуся в Охотском море от Магадана до Камчатки, водолазы с американской лодки специального назначения «Грэйбэк» подключили сверхсекретное устройство, которое представляло собой две цистерны диаметром 1,2 метра и весом по пять с лишним тонн каждая, переполненные электронными устройствами, включавшими в себя 60 магнитофонов, системы очистки и усиления сигналов. Недостатком подслушивающих устройств было то, что они не могли самостоятельно передавать записанное, и информацию приходилось перекачивать несколько раз в год с помощью подводных лодок, роботов и боевых пловцов.

Специальные индукционные датчики позволяли дистанционно снимать информацию с кабеля, защищенного мощной изоляцией и экранированного стальной лентой. В качестве источника питания использовался атомный реактор. Как считали американцы, эффективность операции обеспечивалась за счет того, что при передаче информации по подводным кабелям советская сторона не использовала сложных шифров, полагая невозможность подключения к такой линии связи.

22 октября 1981 г. подслушивающее устройство было обнаружено и поднято на борт кабельного судна «Тавда» Тихоокеанского флота. Американской стороне до сих пор точно неизвестно о том, когда, откуда и как военная контрразведка смогла получить информацию о совершенно секретной операции, утвержденной лично президентом США. Существует несколько версий, начиная от случайного порыва кабеля сетью рыболовного судна и заканчивая передачей информации об устройстве советским агентом в Агентстве национальной безопасности США Робертом Пелтоном.

По одной из версий, в августе 1981 г. в системе штабов Камчатской операционной зоны произошло прекращение кабельной связи на линии Петропавловск – Магадан – Центр. Специалисты пришли к выводу, что повреждена подводная часть кабеля в районе залива Шелихова. Камчатская флотилия отправила в Пенжинскую губу гидрографическое судно, буксир и бот для выполнения следующей задачи – взять кабель от побережья, поднять и перекантовать через палубу, найти и завулканизировать поврежденное место. В ходе этих работ якобы и обнаружилось американское устройство. Непосредственным участником этих событий был командир кабельной партии «Тавды» А.З. Шамовка, который вплоть до недавнего времени проходил службу в Управлении ФСБ по Тихоокеанскому флоту. В 1982 г. он награжден орденом Красной Звезды за операцию «Камбала».

Вот что рассказывает сам Александр Захарович: «В 32 милях от западного побережья Камчатки с глубины 120 метров кабельное судно подняло участок подводного кабеля, на котором висели два цилиндрических предмета. На них были пластиковые выюшки со шнурами длиной 60 метров, на концах которых имелось 24 датчика. Устройство датчиков позволяло им буквально впиваться в защитное гудроновое

А.З. Шамовка

покрытие кабеля. На одной из цистерн был установлен акустический маяк-ответчик «ANQ-45/49», который используется ВМС США.

В ходе поиска места порыва кабеля, когда он выбирается на поверхность по ходу судна, мы вдруг заметили, что нагрузка на кабель неожиданно увеличилась до шести тонн вместо обычных для таких глубин полутора. Стали выбирать кабель. Я находился рядом с лебедкой и первым увидел странные предметы, свисавшие с кабеля. Спустился еще ниже и обнаружил на огромных цилиндрах наклейки с надписью «Solid California. Property of US government». На одном из цилиндров был тумблер, который я немедленно поставил в положение «выключено». Интересно, что цилиндры имели номер – № 3 и № 4. До сих пор иногда думаю: а где же установлены № 1 и № 2?

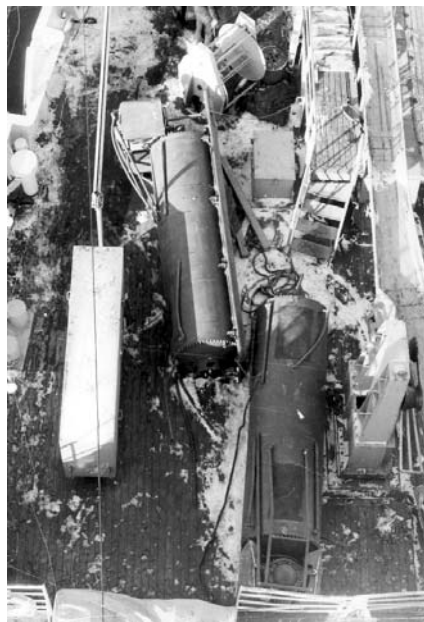
Краном, у которого максимальная нагрузка всего пять тонн, мы эти устройства вытащить не смогли, пришлось поднимать их на палубу стрелами. Замерили радиационный фон, который оказался значительно выше нормы – 40 микрорентген в час.

Об обнаруженном устройстве мы немедленно дали телеграмму в штаб Тихоокеанского флота на имя вице-адмирала Исакова. Поступил приказ немедленно доставить устройства в Магадан, откуда их самолетом перевезли в Москву.

В целях безопасности их поместили в жидкий азот, и в одном из герметичных контейнеров контрразведчики обнаружили электронные устройства, способные в течение 125 суток накапливать информацию, в другом – миниатюрный ядерный реактор для энергоснабжения подслушивающей аппаратуры. Реактор отправили в Казахстан на Семипалатинский ядерный полигон, где его обезвредили в штольне для подземных взрывов. В обезвреживании реактора участвовали два офицера – специалист-атомщик и контрразведчик, что сопрягалось с немалым риском, так как на реакторе мог быть установлен самоликвидатор. Спустя некоторое время место обнаружения устройств тщательно обследовала лодка специального назначения, но больше ничего найдено не было».

В целях контрразведывательного прикрытия операции «Камбала» и подкрепления «рыбацкой версии» тогдашний командующий Тихоокеанским флотом адмирал Сидоров дал соответствующее интервью газете «Известия»: «Обнаружить американское подслушивающее устройство помог случай. Рыбаки вышли в море за камбалой, зацепили телефонный кабель и порвали его». Но случайностей в работе контрразведки не бывает. Американцы вплоть до декабря 1985 г. скрывали провал своей операции, которая могла больно ударить по ним, особенно в условиях начавшегося сближения СССР и США после прихода к власти Горбачева. Тем не менее, операция «Ivy Bells» стала известна и в США, и во всем мире.

Эта операция имела и другие внешнеполитические последствия. Незадолго до обнаружения подслушивающих устройств в Охотском море дизельная подводная лодка

Американское подслушивающее устройство на палубе «Тавды»

Балтийского флота из-за ошибки в счислении нарушила территориальные воды Швеции. Разразился международный скандал, подогревавшийся спецслужбами США. Факт обнаружения устройств стал хорошим аргументом для того, чтобы остудить пыл американцев и истерия по поводу советских лодок в скандинавских шхерах быстро пошла на спад.

Примерно в это же время на Тихом океане были выявлены американская система дальнего гидроакустического обнаружения «Цезарь», входившая в общую систему противолодочной обороны SOSUS, инфразвуковые комплексы дальнего обнаружения и слежения на атомоходах ВМС США второго поколения, гидроакустические системы ВМС Японии в проливных зонах Японского моря, автоматизированные подсистемы разведки «Черный ящик» на подходах к нашим базам и т.д.

В этот период перед военной контрразведкой Тихоокеанского флота стояло несколько важнейших задач. Во-первых, контрразведывательный поиск шпионов, диверсантов, других враждебных государству лиц и средств совершения государственных преступлений. Наряду с решением главной задачи – ограждением флота от разведывательно-подрывной деятельности иностранных разведок, Особый отдел КГБ ТОФ занимался вопросами борьбы с идеологическими диверсиями и враждебными элементами, устремлявшимися к личному составу флота с преступными намерениями. Здесь усилия сосредоточивались на предупредительно-профилактических мероприятиях. Во-вторых, шла постоянная работа по повышению боевой и мобилизационной готовности военной контрразведки флота, ориентированию руководящего и оперативного состава на вероятного военного противника, изучению его возможностей, планов и намерений, сил и средств, по отработке всего комплекса контрразведывательных мероприятий в военное время.

Послевоенный период ознаменовался бурным научно-техническим прогрессом, в том числе в области разведки. На вооружение разведывательных органов США и других стран постоянно поступали самые современные образцы техники, позволявшей осуществлять перехват телефонных переговоров, слежение за кораблями и подводными лодками, выявлять тактико-технические данные военной техники, проникать в системы закрытой связи. Все более совершенными становились дешифровальные и криптографические системы, способные взламывать и читать самые сложные шифры.

Разведывательное сообщество США вплоть до недавнего времени ежегодно тратило колоссальные средства на совершенствование своей системы глобального прослушивания и слежения, а также на проведение сложнейших специальных операций в целях получения информации о Вооруженных Силах СССР, в том числе о Тихоокеанском флоте. В таких условиях военные контрразведчики принимали целый комплекс технических и оперативных мер по предотвращению утечки секретной информации. В первую очередь, благодаря профилактической работе особых отделов флота, значительно сократились утери секретных документов. В 1956 г. было зафиксировано всего 15 случаев, а в 1959 г. – 17.

Наиболее распространенными причинами нарушений режима секретности были беспечность, халатность и излишняя болтливость отдельных военнослужащих, в том числе занимавших довольно высокие должности. Такие нарушения выражались в передачах по открытой связи закрытой информации, расшифровке позывных, дублировании шифротелеграмм по открытым частотам и каналам связи, разглашении секретной информации в разговорах с посторонними лицами. Контрольные проверки

неоднократно показали, что многие офицеры ведут служебные разговоры по незащищенным линиям связи.

Так, начальник штаба 126-й Отдельной бригады подводных лодок Владимиро-Ольгинской ВМБ наводил по телефону справки о районах стрельб подводных лодок, обеспечении кораблями-целями, называл боевые номера и количество лодок, номера и места полигонов. Такие случаи, к сожалению, были не единичными и могли нанести огромный ущерб флоту, особенно на фоне постоянно растущей разведывательной активности военно-морской разведки США и Японии, чьи подводные лодки, корабли и самолеты постоянно вели радиоразведку вблизи основных пунктов базирования Тихоокеанского флота.

Начиная с 1959 г., постоянно росло число полетов разведывательных самолетов ВМС США в районах побережья Дальнего Востока СССР, о чем свидетельствуют следующие данные: август 1959 г. – 4 полета, сентябрь – 9, октябрь – 9, ноябрь – 10, декабрь – 15, январь 1960 г. – 15, февраль – 23, март – 27. Корабли и авиация флота, гражданские суда неоднократно обнаруживали иностранные подводные лодки в непосредственной близости от военно-морских баз. В течение всего января 1960 г. в районе Камчатки находилась в разведке подводная лодка «Блэкфин» ВМС США, в феврале-марте ее сменила подводная лодка «Брим». В том же году в течение длительного времени 17 японских рыболовных шхун, сменяя друг друга, недалеко от наших территориальных вод вели активную радиоразведку в Авачинском заливе. Чем сильнее становился Тихоокеанский флот, тем активнее действовали разведорганы США и Японии, осуществлявшие все виды наблюдений за боевым составом и местами его базирования с использованием самых современных средств.

В конце 50-х – начале 60-х гг. значительное место в деятельности военной контрразведки флота занимало обеспечение сохранности государственной и военной тайны, особенно на режимных объектах и в частях с новыми видами вооружений. В целях исключить получение иностранцами сведений о флоте при их поездке по территории Приморского края был разработан план маскировки военных объектов ТОФ и создание условий, затрудняющих сбор разведывательных сведений.

Так, в соответствии с разработанными мероприятиями, 5 апреля 1960 г. при поездке из Хабаровска в Находку помощников военно-морского и военно-воздушного атташе США Смита и Хеллета, наряду с соответствующей маскировкой объектов, были прекращены полеты самолетов, работа радиотехнических и радиолокационных средств и приняты другие меры.

В связи с постоянным поступлением на флот новых кораблей, подводных лодок и другой боевой техники разрабатывались различные планы контрразведывательно-го прикрытия и защиты режима секретности. В частности, военной контрразведкой создан план по маскировке и зашифровке режимных кораблей, перегонявшихся из Комсомольска-на-Амуре во Владивосток, с целью исключить возможность получения о них сведений иностранцами, в том числе японскими, разведчиками, находящимися в портах Маго и Лазарев.

В это же время шло быстрое развитие ракетного вооружения. Постоянно проходили испытания новых образцов этого мощного и современного оружия, окруженного плотной завесой секретности. Приказом Главкома ВМФ на Тихоокеанском флоте были отнесены к особо режимным объектам Управление ракетно-артиллерийского вооружения штаба флота, 65-й спецполигон в бухте Стрелок, 568-й минно-торпедный

авиационный полк, 3-й отдельный истребительный авиационный отряд 143-й минно-торпедной авиадивизии, 567-й минно-торпедный полк 893-й минно-торпедной авиадивизии, 822-й отдельный подвижной спецдивизион береговой артиллерии, эсминцы «Неудержимый», «Храбрый», «Гордый» и 11 подводных лодок различных проектов, которые сегодня уже стали историей флота.

Защита подобных объектов стала важнейшей задачей различных оперативных и технических подразделений военной контрразведки флота, проделавших большую работу по пресечению контактов военнослужащих, проходивших службу на этих объектах, с иностранцами и разглашению государственной тайны. В ряде случаев произведено отселение иностранных граждан, проживавших в непосредственной близости от некоторых особорежимных объектов.

В период «холодной войны» эта линия работы военной контрразведки имела исключительное значение. В директивных документах того времени отмечалось: «Империалистические государства придают разведывательной подготовке ракетно-ядерной войны исключительное значение, считая, что она имеет решающее значение для успешного исхода вооруженной борьбы. Признается, что из всех видов разведки – агентурной, радиотехнической, воздушной, космической – агентурная разведка занимает ведущее положение в разведывательной подготовке войны, поскольку в мирное время возможности других видов разведок не позволяют собрать всю сумму данных, необходимых для ведения военных действий. По мнению противника, агентурная разведка сохраняет свое значение и в военное время. Противник исходит из того, что, несмотря на небывало возросшую мощь ядерного оружия, применение его без точных разведывательных данных не даст возможности сокрушить военный потенциал социалистического лагеря. Основные усилия органов государственной безопасности должны быть сосредоточены на охране наших государственных и военных тайн. Практика показывает, что их охрана в ряде случаев весьма ненадежна. Наши секреты иногда попадают в руки к противнику. Так и получилось, например, с картографическими и геодезическими материалами. Мы поставили вопрос о строгом их засекречивании только после того, как узнали, что противник уже приобрел немало нужных ему материалов».

Надо отметить, что работа по защите государственной и военной тайны велась флотскими контрразведчиками постоянно. Тщательно проверялся любой сигнал, любое сообщение. В большинстве случаев результаты проверки говорили не о злом умысле, а о человеческом факторе. Приведем один из таких примеров. В октябре 1981 г. Особый отдел флотилии атомных подводных лодок получил данные о том, что офицер Крюков заносит в неучтенную записную книжку секретные сведения, в другую записывает несекретную справочную информацию и хранит их обе в рабочем сейфе. Крюков был взят в проверку, тщательно изучался в течение года, однако данных о его возможной причастности к шпионской деятельности получено не было. Одновременно установили, что Крюков по службе характеризуется положительно и считается грамотным, хорошо подготовленным и патриотически настроенным офицером. Причиной же того, что Крюков вел в нарушение инструкций секретные записи, являлась простая человеческая забывчивость, так как по службе ему был необходим широкий круг информации, в том числе и секретного характера.

Но наблюдались и другие случаи. В марте 1982 г. оперативному работнику Особого отдела соединения надводных кораблей стало известно: матрос Носков, узнав о том,

что корабль, на котором он служит, вскоре выйдет в Индийский океан, высказал мысль о возможности побега за границу. Оперативный работник и руководитель отдела выдвинули версию, что Носков готовится изменить Родине. При этом было учтено, что он может стать на путь инициативного шпионажа. После легализации изменнических высказываний Носкова с ним была проведена профилактическая беседа, во время которой он сам рассказал о том, что в течение длительного периода собирал и запоминал секретную информацию, рассчитывая после службы продать ее иностранцам.

Особым отделом КГБ флотилии подводных лодок было заведено дело оперативной проверки «Хитрец» с окраской «измена Родине в форме инициативного шпионажа» на химика атомной подводной лодки, который под различными предложениями собирал сведения о тактико-технических данных торпедного и ракетного оружия и их носителей. Чтобы ограничить возможности «Хитреца» по сбору секретных сведений, он, под предлогом обнаружения у него кожного заболевания, был переведен с подводной лодки в котельную. Последующий контроль его поведения показал, что он не подозревает об истинных причинах своего перевода, но продолжает изыскивать возможности по сбору информации другими средствами – зарисовки силуэтов, сбор документов для служебного пользования. Такая мера позволила не только ограничить доступ «Хитреца» к секретам, но и подтвердить его намерения по сбору секретной информации. В процессе проверки «Хитреца» было установлено, что он намерен переслать по почте посылку на адрес своей матери. Посылку перед отправкой досмотрели, обнаруженные в ней материалы с грифом «для служебного пользования» изъяли, а с «Хитрецом» провели профилактические мероприятия от имени Особого отдела.

И в наше время государственная тайна – это защищаемые государством сведения в области его военной, внешнеполитической, экономической, разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, распространение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации. К носителям сведений, составляющих государственную тайну, относятся материальные объекты, в том числе физические поля, в которых сведения, составляющие государственную тайну, находят свое отображение в виде символов, образов, сигналов, технических решений и процессов. Одним из органов защиты государственной тайны является Федеральная служба безопасности. Управление ФСБ по Тихоокеанскому флоту осуществляет защиту государственной тайны в частях и на кораблях флота в соответствии с действующим законодательством.

Как и много лет назад флотские контрразведчики ведут сегодня большую работу по предотвращению утечки секретной информации. Вот несколько самых последних дел, проведенных военной контрразведкой по этой линии.

В июне 2000 г. в отдел ФСБ по одной из частей, дислоцирующейся в Большом Камне, поступила информация об обнаружении на атомной подводной лодке 96 документов с грифом «секретно» и «совершенно секретно». Документы были найдены членами технического экипажа завода «Звезда». В ходе проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий установлено, что в октябре 1999 г. эта подводная лодка передана из состава Приморской флотилии в ведение Министерства по атомной энергии для дальнейшей утилизации.

В процессе сдачи секретных документов с корабля к начальнику секретной части ПЛ обратился командир БЧ-5 с просьбой передать ему ряд секретных документов, которые подлежали уничтожению или сдаче в секретную часть. Офицер мотивиро-

вал свою просьбу тем, что эти документы якобы необходимы ему для дальнейшего решения задач по поддержанию ядерной безопасности и живучести корабля, так как на тот момент времени активные зоны из реактора еще не были выгружены. Получив согласие, он лично отобрал порядка ста наставлений, пособий, ведомостей, инструкций и схем. Затем был подготовлен фиктивный акт об уничтожении этих документов. Однако документы были вовремя обнаружены и изъяты, а в отношении виновников военная прокуратура возбудила уголовное дело.

13 апреля 2001 г. одним из отделов ФСБ по ТОФ была получена оперативная информация об утрате совершенно секретных и секретных документов: Приказа ГК ВМФ и Правил пользования аппаратурой Т-612. По предварительному заключению компетентных специалистов, сведения, содержащиеся в документах, составляют государственную тайну, а их утрата может привести к причинению ущерба безопасности ВМФ России. Физический розыск документов результатов не дал. Было заведено дело оперативного розыска «Акация», в ходе которого выполнен комплекс оперативно-розыскных мероприятий, направленных на определение местонахождения утраченных документов и установления лиц, причастных к утрате. В результате установлено, что документы похищены и сожжены из чувства личной мести к командиру подразделения одним из военнослужащих секретной части.

Приведем один пример из прошлого, который наглядно показывает как изменилось время. В 1960 г. на одном из складов флота обнаружилось хищение секретного долгосрочного часового механизма к корабельной мине. Вскоре установили виновника – вольнонаемного рабочего, который хотел секретный механизм приспособить к своему фотоаппарату для автоматического спуска. Прибор был возвращен на склад. Сегодня в большинстве случаев кражи секретной аппаратуры имеют под собой исключительно корыстные мотивы, когда военнослужащие совершают хищения секретных блоков и технических устройств не для того, чтобы усовершенствовать свои бытовые приборы или же продать их иностранным разведчикам, а с целью сдать богатые золотом, серебром и платиной изделия перекупщикам цветных металлов, чтобы заработать себе на жизнь.

6 июня 2001 г. контрразведчики получили информацию об утрате трех секретных блоков из комплекта аппаратуры опознавания. Розыск по горячим следам не дал результатов, и тогда были спланированы и выполнены оперативно-розыскные мероприятия для выявления местонахождения утраченных изделий и установки лиц, причастных к утрате. Одновременно проверялась версия умышленного хищения в связи с содержанием в них драгоценных металлов. В результате розыска задержаны лица, совершившие хищение секретных блоков со склада воинской части: капитан К.Ч. Абдраимов, старший лейтенант Е.А. Юрко, матрос Д.Н. Соболев. Похищенные блоки были обнаружены, а военная прокуратура по факту хищения возбудила уголовное дело по статье 158 УК РФ.

26 октября 2001 г. в отдел военной контрразведки одной из частей флота поступила информация о том, что 25 октября командиром СР-111 капитаном 3 ранга В.Н. Торбиным, совместно с командиром 126-го дивизиона судов обеспечения СВФ ТОФ капитаном 2 ранга А.Н. Будариным и представителями секретной части, организован поиск якобы пропавших двух секретных блоков аппаратуры «Пароль». Полученная информация в ходе оперативных мероприятий нашла свое подтверждение. Розыск утраченных блоков на корабле положительных результатов не дал. Ответственным за

сохранность аппаратуры в июне 2000 г. назначен капитан-лейтенант С.Н. Холодилин, который проверки наличия секретных блоков проводил формально, не удостоверившись в их наличии. По проверкам составлял фиктивные акты. Оперативная группа установила, что указанные блоки в июне 2001 г. похищены Холодилиным с целью продажи радиодеталей, содержащих драгоценные металлы. Однако при разборке узлов он обнаружил, что таких деталей блоки не содержат. Чтобы избавиться от них, Холодилин выбросил корпуса блоков и другие составляющие из иллюминатора каюты за борт. Предполагая, что два разъема одного из блоков все-таки содержат серебряные контакты, Холодилин отнес их домой, намереваясь впоследствии продать.

25 октября 2001 г., узнав о поисках похищенных им блоков, Холодилин в присутствии своей жены положил разъемы в пакет и попросил ее выбросить в мусорный бак, что она и сделала. О хищении секретных блоков Холодилин рассказал добровольно и собственноручно написал объяснительную записку. Жена Холодилина также подтвердила, что по просьбе мужа выбросила в мусорный бак два разъема, указав местонахождение этого бака. Причинами, побудившими Холодилина к хищению секретных блоков, послужило то, что с января по июнь 2001 г. он числился за штатом в связи с сокращением должности. Имея на своем иждивении жену и малолетнего ребенка, снимая квартиру, он испытывал постоянные материальные затруднения. Ребенок часто болел, поэтому и жена вынуждена была оставить работу.

Такие случаи на флоте происходят сегодня нередко. И чаще всего причинами, заставляющими офицеров идти на преступление, становятся их тяжелое экономическое положение, хронические задержки заработной платы, отсутствие нормальных бытовых условий. Но как бы ни менялась оперативная обстановка, военные контрразведчики всегда стоят на защите государственной тайны для поддержания высокой боевой готовности всех объединений, соединений, частей и кораблей Тихоокеанского флота.

В 1991 г. закончилась «холодная война» и распался Советский Союз. Эпоха глобального противостояния двух мировых систем ушла в прошлое. Перед Тихоокеанским флотом и военной контрразведкой встали новые задачи. Тихоокеанский флот обеспечивает защиту государственных интересов Российской Федерации в зоне, которая включает акватории Индийского, Тихого и Северного Ледовитого океанов, что составляет более 50% акватории Мирового океана. Тихоокеанский флот осуществляет прикрытие побережья и территории России протяженностью более 13 тыс. км. Силы флота дислоцируются по всему Дальнему Востоку, от Владивостока до Берингова пролива. Политические и экономические интересы России в этом регионе огромны и требуют масштабного подхода к формированию сил флота, особенно для действий в проливных и островных зонах.

На Тихоокеанский флот возлагается выполнение следующих задач:

- поддержание благоприятного режима в прибрежных морях для обеспечения безопасности страны с морских направлений;
- ядерное сдерживание наличием в своем составе стратегических сил;
- выполнение внешнеполитических акций путем военного присутствия и демонстрации флага;
- обеспечение безопасности гражданского судоходства и гарантированного доступа России к ресурсам Мирового океана и защита морских районов в пределах 200-мильной экономической зоны.

В XXI в. океан превратится в основной источник минеральных и биологических

ресурсов. Уже сейчас морские державы расширяют свои зоны прибрежного контроля и переходят от 12-мильной к 200-мильной прибрежной зоне. Уже в ближайшем будущем велика вероятность раздела Мирового океана на зоны экономических интересов ведущих государств мира. Россия по своему геополитическому положению объективно является великой морской державой и имеет свои национальные интересы в Мировом океане, защита которых в зоне АТР возлагается на Тихоокеанский флот. В свою очередь Управление ФСБ по ТОФ в полном объеме выполняет поставленные перед ним задачи по контрразведывательному обеспечению флота, срыву разведывательных устремлений иностранных спецслужб, борьбе с международным терроризмом и наркобизнесом, защите государственной и военной тайны.

Анатолий Николаевич Сиденко родился 12 декабря 1932 г. в Хабаровске. В марте 1956 г. закончил кораблестроительный факультет Дальневосточного политехнического института во Владивостоке, работал мастером, начальником отдела – заместителем начальника цеха судостроительного завода в г. Хабаровске. В 1957–1959 гг. прошел обучение в 311-й школе КГБ при СМ СССР в Новосибирске. В 1972 г. учился на курсах повышения квалификации руководящего состава, а в 1980–1986 гг. – на курсах при ВКШ КГБ СССР.

В 1959–1960 гг. – оперуполномоченный Особого отдела КГБ по 108-й артиллерийской дивизии береговой обороны ТОФ. В 1960–1961 гг. – оперуполномоченный Особого отдела КГБ по ВМБ «Стрелок», в 1961–1962 гг. обслуживал 9-ю Отдельную бригаду подводных лодок и сдаточную базу судостроительного завода в Комсомольске-на-Амуре. В 1962–1963 гг. — старший оперуполномоченный по ПЛА К-151, К-175 26-й дивизии подводных лодок. В 1963–1966 гг. обслуживал ПЛА К-151, К-122, К-116, К-178 и штаб 45-й дивизии подводных лодок на Камчатке.

В 1967–1969 гг. – старший оперуполномоченный 2-сектора Особого отдела КГБ по ТОФ. В 1969–1972 гг. – заместитель начальника Особого отдела КГБ по 6-й эскадре подводных лодок. В 1974–1981 гг. – начальник 2-го сектора Особого отдела КГБ по ТОФ. С 1981 г. – заместитель начальника Особого отдела КГБ по Северному флоту. В 1986–1992 гг. – начальник Особого отдела КГБ по 2-й флотилии подводных лодок на Камчатке.

Срок службы в органах государственной безопасности – 35 лет. В 1988 г. присвоено звание контр-адмирала. В 1967 г. награжден орденом Красной Звезды. Имеет 12 медалей, награжден грамотами Верховного Совета РСФСР и Председателя КГБ СССР.

3.2. А.Н. Сиденко.

Мы честно служили Отечеству

Приказ о моем зачислении в кадры Особого отдела КГБ СССР по Тихоокеанскому флоту подписал 1 августа 1959 г. начальник отдела генерал-майор Гудков Иван Сергеевич, насколько я знаю, выходец из бедной крестьянской семьи. Великую Отечественную войну встретил, находясь на должности заместителя начальника Особого отдела армии, которая в составе Южного фронта принимала активное участие в боевых действиях против немецких захватчиков. Затем — перевод на Дальний Восток, где вместе с военными моряками он участвовал в войне с Японией. За заслуги перед Родиной И.С. Гудков награжден тремя орденами Боевого Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I-й степени, многими медалями, а также государственными наградами КНР, КНДР и Болгарии, удостоен звания «Почетный сотрудник органов государственной безопасности».

В декабре 1960 г. И.С. Гудков был назначен на должность начальника Особого отдела КГБ СССР по Черноморскому флоту. Закончил военную службу Иван Сергеевич в 1972 г. в качестве советника начальника отдела военной контрразведки ВМС Болгарии. 10 октября 1999 г. на 92-ом году жизни скончался в Севастополе.

Основа моих практических навыков оперативной работы была заложена во время моей службы на острове Русском, куда в августе 1959 г. после окончания Новосибирской школы военной контрразведки меня направили оперуполномоченным Особого отдела КГБ по 108-й дивизии береговой обороны. Начальником этого отдела был капитан 2 ранга Осипов Митрофан Федосеевич. Именно здесь я получил первые уроки чекистского мастерства, приобрел опыт общения с флотскими коллективами, начал познавать особенности военно-морской службы.

В те годы острова Русский, Попова, Рейнеке были насыщены военными объектами Тихоокеанского флота и Дальневосточного военного округа. В то время шло сокращение вооруженных сил, одновременно с которым происходило переоснащение

армии и флота новым оружием и боевой техникой. Русский и прилегающие к нему острова являлись огромным арсеналом и полигоном Главной базы ТОФ. Оперативная обстановка здесь была достаточно сложной.

В Особом отделе дивизии трудилось около десяти сотрудников разного возраста. В коллективе царила атмосфера дружбы и взаимопонимания, доброго отношения друг к другу. Безусловно, это было заслугой начальника отдела. Не помню ни одного случая, чтобы он повысил голос на кого-нибудь или не помог в составлении служебного документа, разработке оперативных мероприятий.

Из всех сотрудников того времени более всего остались в памяти старший оперуполномоченный капитан 3 ранга Золотов Сергей Матвеевич и секретарь отдела старший мичман Черных Анна Федосеевна. Сергей Матвеевич слыл опытным агентуристом, и ему поручались наиболее важные и трудные задания. Свою службу он закончил в Особом отделе КГБ по ВВС ТОФ. Анна Федосеевна была одним из старейших сотрудников Особого отдела флота, прослужив в должности секретаря четверть века. Ее «хозяйство» отличалось полным порядком, а для оперативного состава она была строгим «начальником». После увольнения в запас ей предоставили квартиру в Коломне.

Из разговоров со старшими товарищами я узнал, что М.Ф.Осипов был чекистом с большим опытом оперативной и следственной работы. Митрофан Федосеевич пользовался заслуженным авторитетом не только у подчиненных, но и у командования дивизии и других частей гарнизона. Он всегда с вниманием и заботой относился к подчиненным.

Сразу же по прибытии в отдел я получил квартиру. Она располагалась в старом, 1904 г. постройки, кирпичном доме с печным отоплением. Вода – в колонке, все удобства – на улице. Но мы с женой были счастливы иметь собственное жилье после скитаний по частным квартирам. Хочу отметить, что Митрофану Федосеевичу стоило немалых усилий «выбить» у начальника политотдела дивизии это жилье. В последующем он помог моей жене устроиться на работу, а сына определить в детский садик.

Чуткость и душевность Митрофана Федосеевича я бы привел в пример другому моему бывшему начальнику. В морозный и ветреный февральский день он выделил мне грузовик, чтобы привезти домой из госпиталя жену и новорожденную дочь. Я, сидя в кузове, наблюдал, как начальник в УАЗике обогнал нас, спеша на обед. В дальнейшем, уже будучи сам руководителем, я старался никогда не походить на этого черствого человека.

Объекты моего оперативного обслуживания были разбросаны по всему Русскому, а также располагались на островах Попова и Рейнеке. Несмотря на значительные

трудности с транспортом, я никогда не получал отказа в средствах передвижения для служебных поездок в отдаленные воинские части. Впоследствии за мной был даже закреплен мотоцикл с коляской и молодой матрос-водитель.

М.Ф. Осипов отлично знал оперативную обстановку в гарнизоне, поддерживал деловые отношения с командованием, лично участвовал в процессе получения, оценки и реализации информации, а также приобретения ее источников. Именно его поддержка, советы и непосредственная помощь сыграли определяющую роль в моем становлении оперативным работником.

Из периода совместной службы хорошо запомнился один эпизод. В 1960 г. мною проверялся по признакам возможной шпионской деятельности житель острова Русский, некто Мишин, работавший водителем в воинской части. Причиной проверки стал его повышенный интерес к только что появившемуся на острове ракетному оружию. Вызывало подозрение и то обстоятельство, что он не поддерживал связей со своими родственниками, хотя в ходе проверки установили: в Москве проживают его родители, с которыми он не общался с момента призыва в армию в 1941 г. Отец и мать считали, что сын пропал без вести на фронте. Возникла версия: а не скрывается ли по документам настоящего Мишина немецкий агент?

По предложению М.Ф. Осипова в Управление КГБ по Московской области направили письмо с просьбой провести беседу с родителями Мишина и показать им для опознания недавно сделанную фотографию. Отец и мать сразу же узнали сына и были несказанно рады, что он жив.

Учитывая, что наблюдением за Мишиным данных о враждебных действиях получено не было, а версия о том, что по его документам скрывается другой человек отпала, приняли решение провести с ним беседу. Мишин объяснил, что ракетной воинской частью интересовался из простого любопытства. С родителями же не переписывался сначала из-за лени, потом стал считать, что они умерли. Узнав о родителях, он признался, что ему «бесконечно стыдно за свое поведение». Вскоре после беседы в Особом отделе Мишин поехал в отпуск в Москву, встретился с отцом и матерью. Вот так военная контрразведка помогла воссоединению семьи.

Вспоминается и другой случай, когда я потерпел, что называется, фиаско. Получив данные о наличии у одного из офицеров нетабельного пистолета, я перепроверил и легализовал их. Затем провел беседу с офицером. Он подтвердил: пистолет у него действительно есть, пообещал на следующий день отдать. Однако в назначенное время оружие не принес, заявив, что выбросил его. О своей неудаче я незамедлительно доложил начальнику. Он выслушал меня, успокоил, пообещал помочь. Через день мы выехали в воинскую часть, где служил офицер. Разговор продолжался не менее двух часов, причем в исключительно доброжелательном тоне. Митрофан Федосеевич сумел убедить офицера отказаться от занятой линии поведения, сознаться в правонарушении, принести и сдать нетабельный пистолет.

Митрофан Федосеевич был страстным охотником и заядлым рыболовом. К зимней рыбалке я прикипел благодаря ему. После тяжелой болезни он был уволен на пенсию, но большая жизненная сила, энергия и упорство, любовь к природе помогли ему восстановить здоровье. Несколько лет подряд все осенние месяцы он проводил на озере Хасан, где у него были любимые места утиной охоты. Неоднократно встречаясь там, мы, молодые, поражались его физической выносливости, зоркости, быстроте

На охоте. В центре А.Н. Сиденко

реакции, умению находить и добывать дичь. Только в последние два года до своей кончины в 1994 г. он оставил свое увлечение: здоровье больше не позволяло делать длительные переходы с рюкзаком и снаряжением за плечами.

В моей памяти Митрофан Федосеевич навсегда останется первым наставником-чекистом, добрым, отзывчивым и справедливым человеком, сыгравшим большую роль в моей судьбе.

В июне 1960 г. я расстался с Русским островом. Меня перевели в Особый отдел по ВМБ «Стрелок», кото-

рый возглавлял подполковник Лазарев Андрей Алексеевич, прошедший с 1941 г. всю войну. В отделе половина сотрудников прошла фронтовой путь. Они занимали должности старших оперуполномоченных. Другую половину составляли молодые офицеры, закончившие военно-морские училища и только начинавшие служить в контрразведке. Это были капитан-лейтенант А.В. Жардецкий, старшие лейтенанты В.Т. Весть, Г.Т. Чеботаев, Н.В. Грицык и Н.В. Решетов.

Молодые оперативные работники обслуживали особорежимные объекты флота в бухте Павловского – атомные подводные лодки, штабы, ракетно-техническую базу, службу радиационной безопасности, береговую базу, УНР, военно-строительные отряды, сдаточную базу судостроительного завода в Комсомольске-на-Амуре. Кроме того велась работа по окружению на значительной территории вплоть до Находки.

В 1961 г. был создан Особый отдел КГБ по 9-й бригаде ПЛА, через год преобразованный в Особый отдел по 26-й дивизии подводных лодок. Начальником отдела бригады, а затем дивизии назначили старшего оперуполномоченного капитан-лейтенанта Александра Владиславовича Жардецкого, пришедшего в военную контрразведку с должности командира звена торпедных катеров 165-й бригады, которая базировалась в бухте Большой Улисс.

Мы искренне радовались этому назначению. А.В. Жардецкий выделялся военно-морской эрудицией, настойчивостью, умением работать с людьми, энергией и трудолюбием. Он на лету схватывал суть поступавшей информации, умел быстро и четко принимать по ней правильные выводы и решения, стал хорошим организатором, волевым и решительным руководителем. Зная его более сорока лет, могу сказать, что это человек бесконечно преданный работе в контрразведке и службе на флоте, отдававший все силы и знания обеспечению безопасности нашей страны, принимавший личное участие в разоблачении агентуры противника и пресечении деятельности иностранных спецслужб против военно-морского флота. А.В. Жардецкий – исключительно принципиальный человек. Если что-то касалось интересов дела, то для него не существовало препятствий и он выполнял свой долг без оглядки на авторитеты.

Приведу лишь один пример. В 1981 г. в стадии завершения находились переговоры с Индией по передаче в аренду сроком на два г. АПЛ второго поколения проекта 670. Только благодаря решительному вмешательству и настойчивости А.В. Жардецкого,

бывшего тогда начальником отдела 3-го Главного управления КГБ СССР, было преодолено сопротивление высоких должностных лиц министерства обороны и военноморского флота, намеревавшихся направить корабль во временную эксплуатацию без переоборудования с полным комплектом технической документации. Удалось отстоять интересы государства и предотвратить разглашение сведений о новых конструктивных и технологических решениях, по ГЭУ, ракетному, гидроакустическому и навигационному комплексам, боевой информационно-управляющей системе, торпедному оружию. В процессе подготовки корабля часть оборудования заменили на устаревшие образцы, а перечень передаваемой документации существенно сократили.

Закончил службу вице-адмирал Жардецкий в должности начальника 3-го Главного управления КГБ СССР – руководителя военной контрразведки Вооруженных Сил Советского Союза. Вплоть до своей кончины в 2005 г. он проживал в Москве и плодотворно работал.

Перед Особым отделом КГБ по 26-й дивизии ПЛА стояли сложнейшие задачи. Прежде всего – вскрытие разведывательно-диверсионных устремлений спецслужб противника к атомным подводным лодкам, поступавшим на Тихоокеанский флот. Большая работа велась по предупреждению утечки информации о состоянии боеготовности ПЛА, их тактико-технических данных, планах их боевого использования, маршрутах развертывания, организации связи, ракетно-ядерном оружии. Отдел оказывал помощь командованию дивизии в обеспечении ядерной безопасности ГЭУ ПЛА и оружия, предотвращении взрывов, пожаров и других чрезвычайных происшествий, аварий и катастроф в ходе государственных испытаний и боевого использования атомных подводных лодок. Сотрудники отдела постоянно контролировали состояние режима секретности и охраны в базе и на ракетно-ядерном арсенале.

Агентурно-оперативная работа велась с учетом таких факторов, как наличие в бухте Павловского и в Большом Камне большого количества специалистов промышленности и НИИ, прибывших сюда со всего Советского Союза. Отмечался и повышенный интерес к нашим объектам со стороны жителей близлежащих населенных пунктов.

Совместно с командованием проводились специальные мероприятия по скрытию от противника истинных сроков выхода подводных лодок в море и районов несения боевой службы, выявлению каналов утечки секретной информации. В целом работа нашего дружного и сплоченного коллектива оценивалась вышестоящим руководством положительно.

В те годы в Особом отделе по 26-й дивизии были заложены традиции творческой чекистской работы, характеризовавшейся системным подходом и инициативностью. Сотрудников отдела отличала высокая служебная дисциплина и ответственность за порученное дело. Многие офицеры выросли в дальнейшем до руководителей крупных органов военной контрразведки.

Так, сменивший А.В. Жардецкого на посту начальника отдела дивизии капитан-лейтенант Н.В. Егоркин в 1967 г. был переведен на Северный флот на должность заместителя начальника Особого отдела 1-й флотилии подводных лодок, а затем вырос до начальника этого отдела. Досрочно получил воинские звания капитана 1 ранга и контр-адмирала. Это был самый молодой контр-адмирал в системе органов военной контрразведки советских вооруженных сил.

Вернувшись на Дальний Восток, он более десяти лет возглавлял Особый отдел Тихоокеанского флота. Н.В. Егоркина отличали решительность, инициативность, высокие профессиональные качества, творческий подход к любому делу, широкий кругозор и благожелательное отношение к людям. Прошло уже почти 20 лет после его трагической гибели, но память о нем как о прекрасном человеке и выдающемся чекисте жива и по сей день.

Оперуполномоченный старший лейтенант Чеботаев Гавриил Тимофеевич с 1969 г. служил в аппарате Особого отдела флота, в 1971 г. переведен в отдел военно-морской контрразведки 3-го Главного управления КГБ СССР, а затем в течение ряда лет руководил организационно-мобилизационным отделом в звании капитана 1 ранга. Это исключительно честный, искренний и порядочный человек. Он все отдавал службе и для него не существовало понятия «личное время». В совершенстве знал организацию Военно-Морского Флота и Вооруженных Сил СССР. Проявляя настойчивость и инициативу, преодолевая бюрократические рогадки центрального аппарата КГБ СССР, он очень много сделал по совершенствованию организационной структуры и мобилизационной готовности органов военной контрразведки, приведя их в соответствие с организацией и задачами вооруженных сил и Комитета государственной безопасности. Г.Т. Чеботаев выполнял задачи и в Афганистане в период активных боевых действий. За свою службу отмечен медалью «За боевые заслуги» и другими правительственными наградами.

Виктор Титович Ведь закончил службу в военной контрразведке начальником Особого отдела по Камчатской военной флотилии. Он много сделал для совершенствования контрразведывательного обеспечения атомных подводных лодок, прилагая все силы для обучения и профессионального роста молодых оперативных работников. Виктор Титович награжден медалью «За боевые заслуги». Вне службы оставался страстным любителем и знатоком дальневосточной природы.

Николай Васильевич Решетов после 26-й дивизии работал в аппарате Особого отдела флота, а затем стал начальником Особого отдела по 6-й эскадре подводных лодок и закончил службу в звании капитана 1 ранга. Он был первым оперативным работником Особого отдела флота, который в 1962 г. выходил в составе экипажа ПЛА проекта 659 на боевую службу.

Старший оперуполномоченный капитан-лейтенант Николай Васильевич Грицык служил в Совгаванской ВМБ, а затем перевелся на Черноморский флот, где руководил Особым отделом КГБ по Керченско-Феодосийской ВМБ. Закончил службу в звании капитана 2 ранга.

Сентябрь 1963 г. в Приморье выдался на редкость солнечным и теплым. Стояла золотая осень. В один из этих дней из бухты Павловского вышла на боевую службу атомная ракетная подводная лодка К-151 659-го проекта. Корабль был недавно принят в состав ВМФ и имел на вооружении торпеды и крылатые ракеты «П-5» и «П-5 Д».

Эти ракеты представляли качественный скачок в развитии отечественных крылатых ракет. В первую очередь это было связано с тем, что до появления «П-5» все советские и зарубежные крылатые ракеты перед стартом подлежали сборке или предварительному раскрытию крыла.

Новая ракета с ядерной боевой частью мощностью 200 Кт легко вписывалась в цилиндрический контейнер небольшого диаметра и имела очень высокие для своего

времени характеристики, позволявшие ей легко преодолевать систему ПВО США. В сфере досягаемости ракет подводных лодок 659-го проекта находились военные объекты на Западном побережье США и в Японии. Всего на Тихоокеанском флоте было пять атомных подводных лодок этого проекта, ставших первыми атомоходами, построенными на Дальнем Востоке в Комсомольске-на-Амуре.

Экипаж К-151 под командованием капитана 2 ранга И.В.Василенко принял подводную лодку в Комсомольске-на-Амуре, обеспечил заводские и государственные испытания, успешно сдал все курсовые задачи.

Особенность этого похода состояла в том, что впервые на Тихоокеанском флоте атомная подводная лодка шла в режиме полной автономности, направляясь в южные широты Тихого океана. Распоряжением командования предусматривался скрытый переход в район боевой службы, патрулирование в течение 30 суток, ракетная стрельба в Беринговом море и переход к новому месту базирования на Камчатке. В походе необходимо было проверить работу всех систем ядерной энергетической установки и ракетного комплекса в условиях плавания с температурой заборной воды +28–29 градусов. Такие задачи были, в частности, обусловлены тем, что дальность стрельбы, средняя скорость полета ракеты «П-5» и боеготовность комплекса в целом существенно зависели от колебаний температуры воздуха и заборной воды.

Вместе с экипажем вышел на боевую службу и я, тогда еще старший лейтенант, обслуживавший К-151 с момента ее прибытия в Приморье. Поставил задачи на период плавания и провел инструктаж первый начальник Особого отдела 26-й дивизии подводных лодок капитан-лейтенант А.В. Жардецкий*.

Последние дни перед выходом в море для экипажа были очень напряженными. Готовность лодки тщательно проверяли представители штаба ТОФ и командования дивизии. Был произведен контрольный выход, после чего началась погрузка на лодку оружия, ГСМ, продуктов, регенерации. От проверок и напряженной работы на берегу люди сильно устали и стремились как можно быстрее выйти в море.

Но и после выхода плавание проходило в условиях постоянного совершенствования организации службы по готовностям №1 и №2, отработки действий экипажа по аварийным тревогам. Боевая учеба шла в очень напряженном ритме. Особое внимание уделялось качеству несения вахты на боевых постах.

Люди привыкали к жизни в условиях длительного плавания под водой — отсутствию свежего воздуха и дневного света, постоянному шумовому фону от работающих

* **ЖАРДЕЦКИЙ Александр Владиславович** (18 сентября 1931 г., г. Кимры Тверской обл. – 11 марта 2005 г., г. Москва). Военная служба: В 1953 г. окончил ВВМУ им. М.В. Фрунзе, до 1958 г. служил на ТОФ. Последняя должность – командир звена торпедных катеров. **В органах госбезопасности с 1958 г.:** 12.1958–01.1959 – оперуполномоченный ОО КГБ по 14-й дивизии крейсеров ТОФ, 01.1959–04.1960 – оперуполномоченный ОО КГБ по спецчастям Владивостокского военно-морского гарнизона, 09.1960–06.1961 – старший оперуполномоченный ОО КГБ по ВМБ «Стрелок» ТОФ, 06–10.1961 – начальник ОО КГБ по отдельной бригаде ПЛ ТОФ, 10.1961–08.1965 – начальник ОО КГБ по 26-й дивизии ПЛ ТОФ, 08.1965–06.1969 – заместитель начальника ОО КГБ Камчатской военной флотилии, 06.1969–10.1971 – начальник сектора ОО КГБ БФ, 10.1971–03.1975 – заместитель начальника ОО КГБ БФ, 03.1975–08.1979 – заместитель начальника, начальник отдела 3-го управления КГБ СССР, 1979–12.1988 – заместитель начальника 3-го Управления – 3-го Главного управления КГБ СССР, 11.1990–08.1991 – начальник 3-го Главного управления КГБ СССР. Вице-адмирал. Награды: ордена Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, медали, ведомственные награды, знак «Почетный сотрудник госбезопасности» (1975 г.).

механизмов и систем вентиляции, шуршанию забортной воды при движении на больших скоростях, поскрипыванию переборок и шпангоутов при погружении на большую глубину.

По решению командира подводной лодки меня разместили в четырехместной каюте 2-го отсека вместе с командирами групп дистанционного управления главной энергетической установки. Свой рабочий день я организовал с первой боевой сменой. Беседы с нужными мне людьми проводились в любое время суток в зависимости от того, как человек нес вахту.

В целях конспирации встречи с негласными помощниками я осуществлял только на боевых постах, выбирая места вне визуального технического контроля и в стороне от приборов внутрикорабельной связи «Каштан». Учитывая, что мои перемещения по кораблю постоянно контролировались с центрального поста, мне приходилось делать обходы подводной лодки от носа до кормы несколько раз в сутки.

Во время обхода я в каждом отсеке обязательно беседовал на самые различные темы с двумя-тремя подводниками, находившимися на вахте или отдыхавшими, вне зависимости от их звания и должности. Я устанавливал личное знакомство с матросами, обсуждал с подводниками международные и внутривнутриполитические проблемы, изучал вместе с членами экипажа устройство отсеков или какой-либо системы.

Наиболее укромными для проведения встреч местами были боевые посты в трюмах электротехнического и 8-го отсеков – кормовая холодильная машина. Очень удобным местом для наблюдения за обстановкой на центральном посту и поведением интересовавших меня людей был закуток между радиорубкой и шахтой выдвижных устройств. Там же, как правило, я изучал различные документы и инструкции по устройству корабля и боевому использованию атомных подводных лодок. Экстренные встречи нередко проводил в коридоре реакторного отсека при переходе в кают-компанию для приема пищи или же на киносеанс.

В результате постоянного общения люди быстро привыкали к присутствию оперативного работника и переставали его сторониться, «теряла бдительность» и вахта в центральном посту.

Для прикрытия своей агентуры я искусственно афишировал дружеские отношения с несколькими офицерами и мичманами. Последних, как правило, и считали в экипаже моими источниками информации.

С целью наиболее рационального использования времени и самодисциплины я вел ежедневное планирование и дневник, в котором кратко излагал основные события на корабле, результаты проделанной за сутки работы, полученную информацию, меры по ее реализации и многое другое. Моя рабочая тетрадь вместе с шифроблокнотом хранилась в сейфе-шкатулке, который в опечатанном виде сдавался мною в шифровальный пост.

Кроме плановых и внеочередных встреч с негласными помощниками, изучения конкретных лиц, я постоянно контролировал порядок работы с секретными документами, режим на ракетной палубе и в торпедном отсеке, а также принимал участие в расследовании различных происшествий. В мои задачи входило информирование командира лодки и его заместителя по политической части о нарушениях режима секретности и предпосылках к чрезвычайным происшествиям.

В директивных документах Особого отдела КГБ по Тихоокеанскому флоту того

времени постоянно подчеркивалось, что «одной из важных задач оперработников на подводных лодках является обеспечение сохранности военной и государственной тайны, борьба с болтливостью, беспечностью, несоблюдением режима секретности, притуплением бдительности».

Так, однажды ночью мой негласный помощник, сменившийся с вахты в центральном посту, сообщил, что при всплытии на сеанс радиосвязи наша лодка едва не столкнулась с иностранным транспортом. Произошло это по вине вахтенного офицера, который, не произведя циркуляцию для проверки отсутствия надводных и подводных целей на кормовых углах, дал команду на всплытие. Когда в перископ осмотрели горизонт, то обнаружили в нескольких кабельтовых прямо по курсу огни удалявшегося транспорта.

Проверив информацию источника по записям в вахтенном журнале центрального поста и гидроакустики и легализовав ее, я доложил об этом факте командиру лодки. Последний незамедлительно провел разбор происшествия со всеми вахтенными офицерами и наказал виновного.

Любой подводник знает, что самое страшное на лодке – это пожар. Наиболее частыми предпосылками к возникновению пожаров были нарушения в использовании пластин регенерации воздуха, в том числе для мытья палубы и других загрязненных поверхностей, повышенное содержание водорода в аккумуляторной яме, курение перед фильтрами очистки воздуха, в том числе в реакторном отсеке.

В походе не обошлось без происшествий. Примерно на десятый день плавания произошел разрыв первого контура главной энергетической установки. Дальнейшая практика показала, что это «болезнь» присуща практически всем атомным подводным лодкам первого поколения.

Была сброшена аварийная защита реактора. Подводная лодка потеряла ход, а в отсеках, особенно в турбинном и реакторном, резко повысился уровень радиоактивности. Нужно отдать должное механикам, в первую очередь командиру БЧ-5 и командиру 1-го дивизиона капитан-лейтенанту Алексею Пшеничному. Они сумели быстро определить «потекший» парогенератор и отсечь его. Реактор и турбинная установка вновь были введены в строй. На корабле провели дезактивацию, а ночью подводная лодка всплыла для вентилирования отсеков. Смертельных доз облучения никто из членов экипажа не получил, и боевая служба была продолжена.

Причиной аварии оказался конструктивный недостаток парогенераторов, которые на атомных подводных лодках первого поколения теряли герметичность еще в ходе заводских или государственных испытаний.

Дважды во время плавания происходило возгорание фильтров очистки воздуха. При этом очень едкий дым мгновенно распространялся по отсекам. Вахтенных приходилось быстро эвакуировать из-за сильного отравления угарными газами. В таких случаях грудь буквально разрывало от кашля. К счастью, оба возгорания были в считанные минуты ликвидированы.

На походе мне приходилось часто выступать перед экипажем и рассказывать о необходимости политической бдительности, о подрывной деятельности иностранных спецслужб, требованиях Министра обороны СССР и Главкома ВМФ о сохранении государственной и военной тайны. Такие беседы проводились по боевым сменам, в

кают-компаний и в 8-м отсеке. Вместе с офицерами подводной лодки я также участвовал в занятиях по боевой и политической подготовке.

В середине ноября, после выполнения ракетных стрельб в заданном районе, наша лодка вошла в бухту Крашенинникова – место базирования атомных подводных лодок. Поднявшись на командирский мостик, мы увидели заснеженные сопки, лунную дорожку на глади моря, силуэты стоявших у пирсов атомных и дизельных подводных лодок.

Экипаж успешно выполнил поставленные перед ним задачи. Хотя мы пришли в базу ночью, нас встречало командование эскадры и дивизии, а также начальник Особого отдела КГБ СССР по 45-й дивизии атомных подводных лодок капитан 2 ранга Евгений Никитович Дружинин. На следующий день меня представили коллективу военных контрразведчиков.

Моими новыми коллегами по работе и друзьями стали старшие оперуполномоченные капитан 3 ранга Ю.С. Шлыков, капитан-лейтенанты Д.И. Никитин, В.И. Малинин, Н.В. Митин, А.И. Малютин, К. Марченко, капитан Голотин, старший лейтенант Ю.С. Савинов, секретари главстаршина Нетесов и мичман Яндудкин. Должен отметить, что это был дружный и работоспособный коллектив. В нем всегда царила товарищеская атмосфера взаимопонимания и взаимовыручки.

В честь экипажей К-151 и прибывших на Камчатку чуть раньше нас с Северного флота К-178 и К-115 командование эскадры на плавбазе «Нева» устроило торжественный ужин. По давней традиции подводников, на столы подали жареных поросят. Но главной радостью для офицеров и мичманов стало известие о выделении для них квартир в новом доме.

Атомные подводные лодки К-115 627-го проекта под командованием капитана 2 ранга Дубяги И.Р. и К-178 658-го проекта под командованием капитана 1 ранга Михайловского А.П. были первыми атомоходами, совершившими межбазовый переход подо льдами Арктики. Они проложили путь, по которому на Тихоокеанский флот в последующие годы стали прибывать новые атомные подводные лодки. Оба командира за этот переход были удостоены высокого звания Героев Советского Союза, 46 офицеров были награждены орденами, а матросы и старшины – медалями.

О работе на боевой службе, результатах и выводах я подготовил отчет и представил его в Особый отдел КГБ по Тихоокеанскому флоту. Год спустя я составил подробный обзор уже на основе опыта контрразведывательного обеспечения боевых служб К-151 и К-178.

Эти походы имели для меня как для контрразведчика очень большое значение. Я изучил устройство атомных подводных лодок 659-го и 658-го проектов и, прежде всего, главных энергетических установок, ракетных комплексов, руководящие документы по боевому использованию атомных подводных лодок, что весьма необходимо для правильной организации контрразведывательного обеспечения ядерной безопасности оружия и ГЭУ, предотвращения чрезвычайных происшествий и катастроф.

Особо хотел бы отметить, что в этих походах я приобрел навыки конспиративной работы с негласным аппаратом в пределах ограниченного пространства корпуса лодки. Поход сблизил меня с подводниками, для которых я стал, как говорится, своим человеком и полноправным членом коллектива.

Опыт самостоятельной работы вдали от базы, своего начальства и товарищей, с которыми можно было бы посоветоваться для принятия правильного решения, очень

пригодился мне в дальнейшем. Боевые службы в 1964–1967 гг. оказались еще более сложными и ответственными, в том числе в морально-психологическом плане.

В 1966 г. состоялась моя третья боевая служба, на этот раз на атомной подводной лодке К-116 проекта 675, вооруженной ракетным комплексом «П-6» и ядерным оружием на борту. На корабле был резервный экипаж, который хотя и находился в первой линии, но на боевую службу шел впервые. Плавание продолжалось 50 суток, указанные в боевом распоряжении задачи мы выполнили. Но за это время произошло много событий, из-за которых этот поход хорошо запомнился.

Дней через двадцать после выхода из базы доктор доложил командиру, что у машиниста-турбиниста наблюдаются признаки острого аппендицита. Приняли решение срочно оперировать больного. Операционную развернули в кают-компанию во втором отсеке подводной лодки. Делал операцию корабельный врач, имевший хирургическую практику, ассистент и химик-санинструктор мичман Коршунов. Ассистентом был я, так как на объявленное по трансляции предложение принять участие в экстренном деле никто из офицеров и мичманов не откликнулся.

Подготовку помещения, спецодежды и инструментов произвел мичман Коршунов. Моей обязанностью было держать расширителями разрез открытым и помогать доктору накладывать швы. Операция длилась более часа. Хирург долго не мог отыскать аппендикс, который прятался глубоко в брюшной полости. Новокаина мы не жалели. Операция прошла успешно, и впоследствии никаких осложнений у матроса не было. Уже через десять суток он заступил на вахту.

Экстренная операция на борту атомхода

Не прошло и двух недель, как история повторилась. У матроса-электрика возник острый приступ аппендицита. Операционная бригада в том же составе взялась за дело. Аппендикс был быстро найден и удален. К концу похода моряк уже мог нести вахту. В обоих случаях в журнале боевых действий были сделаны записи о проведенных операциях с указанием времени, глубины погружения, скорости хода, воинских званий, должностей и имен членов операционной бригады.

Эта боевая служба оказалась для меня нелегкой с моральной точки зрения, так как пришлось еще раз, как говорится, на своей шкуре, прочувствовать слабую правовую базу, на которой основывалась деятельность органов военной контрразведки. В то время существовал лишь один устаревший совместный приказ Председателя КГБ при СМ СССР и Министра обороны СССР, в котором в общем плане излагались задачи, права и обязанности особых отделов КГБ. Имелось еще несколько приказов и инструкций МО СССР и ГК ВМФ по вопросам сохранения государственной и военной тайны, где упоминались отдельными пунктами права сотрудников особых отделов проверять режим в секретных делопроизводствах, постах ЗАС, в штабах, на ракетно-ядерных и других режимных объектах.

Однако многие командиры кораблей и частей флота с этими документами не знакомились. К тому же над органами КГБ продолжала витать зловещая тень 37-го года,

что порождало озлобленность и негативную реакцию на любые действия оперативно-го состава. Таким образом, зачастую эффективность контрразведывательной работы зависела от взаимоотношений оперсостава и командования, точнее от уровня правосознания последнего. Эта проблема особенно остро проявилась в дальних походах, когда даже радиogramму в адрес своего начальства оперработник мог дать только с разрешения командира корабля.

В этом плавании я столкнулся с многочисленными нарушениями правил работы с секретными документами, фактами свободного допуска личного состава к сведениям о районе боевого патрулирования, халатного несения вахты в торпедном и ракетном отсеках. Из-за грубого нарушения правил пожарной безопасности произошло несколько случаев возгорания. В офицерском коллективе существовали нездоровые взаимоотношения, сопровождавшиеся пьянками и даже драками.

Обо всех упущениях в вопросах сохранения государственной и военной тайны, обращения с ракетно-ядерным и торпедным оружием, предпосылках к чрезвычайным происшествиям я своевременно информировал командира подводной лодки, старшего помощника и замполита. Адекватной реакции не было, напротив, командиром было отдано приказание не допускать меня на приборную палубу ракетного отсека. Одновременно был усилен контроль за моими передвижениями по кораблю. В этой ситуации мне приходилось лично проводить разъяснительную работу с нарушителями, ставить задачи негласным помощникам пресекать нарушения режима секретности, ядерной безопасности оружия и ГЭУ, используя их служебное положение. По возвращении в базу обо всех происшествиях на ПЛ в ходе боевой службы и реакции командования на мою информацию я доложил начальнику Особого отдела 15-й эскадры подводных лодок капитану 2 ранга Е.Н. Дружинину. Командованием эскадры командир корабля, старший помощник и замполит были строго наказаны в дисциплинарном и партийном порядке.

Как уже было сказано выше, в ноябре 1963 г. я прибыл к новому месту службы на Камчатку в Особый отдел КГБ по 45-й дивизии подводных лодок. Через год его расформировали и наш коллектив влился в состав Особого отдела по 15-й эскадре подводных лодок во главе с капитаном 2 ранга Дружининым Евгением Никитовичем, начавшим службу в военной контрразведке еще в годы Великой Отечественной войны. Как и все чекисты старшего поколения, он испытал на себе все тяготы и лишения военных и послевоенных лет, «прелести» жизни в отдаленных гарнизонах, суровую атмосферу, царившую в органах государственной безопасности в 50-е гг.

На Камчатку Евгений Никитович прибыл летом 1963 г. из Калининграда и прослужил на Тихоокеанском флоте около 20 лет, в том числе последние 5 лет в качестве начальника Особого отдела флота. Контр-адмирал Дружинин был строгим руководителем с высоким чувством ответственности, имея огромный опыт оперативной работы, профессионально и целеустремленно направлял деятельность большого коллектива отдела.

15-я эскадра подводных лодок была ядром подводных сил Тихоокеанского флота. В канун 50-летия Вооруженных Сил СССР за выдающиеся заслуги в боевой подготовке, освоение новой техники эскадра была награждена орденом Красного Знамени. Высокую награду вручил первый заместитель Главнокомандующего и член Военного

совета ВМФ СССР адмирал В.А. Касатонов. А ещё через пять лет – в октябре 1973 г. – эскадра была реформирована во 2-ю флотилию атомных подводных лодок.

За первые четыре года моей службы на Камчатке в отделе эскадры произошли большие перемены. Многие сотрудники, выслужив на Дальнем Востоке установленные сроки, переводились в западные районы страны, а на их место прибывали новые офицеры из Ленинграда, Севастополя и других городов. Из всех моих коллег и товарищей я хотел бы отметить тех, кто больше всех прослужил на Дальнем Востоке и многое сделал для защиты стратегических сил Тихоокеанского флота.

Это старший оперуполномоченный капитан-лейтенант Авраменко Владимир Иванович, прибывший на Камчатку в июле 1965 г. Мы вместе с ним размещались в смежных каютах на «ПКЗ-10», обслуживали экипажи атомных подводных лодок и другие важные объекты.

В 1969 г. Авраменко назначили начальником отдела в Корсакове, в 1971 г. его перевели во Владивосток заместителем начальника 1-го сектора Особого отдела флота, а позднее он стал начальником этого подразделения, которое вело работу в штабе и управлениях Тихоокеанского флота. Родина отметила заслуги Владимира Ивановича медалью «За боевые заслуги».

Период с 1971 по 1983 гг. был временем наиболее активной и напряженной чекистской работы В.И. Авраменко. Именно тогда наиболее ярко раскрылись его способности. Обладая аналитическим складом ума, он всегда точно оценивал оперативную обстановку и поступавшую информацию о разведывательных устремлениях спецслужб США и много сделал для перекрытия утечки по техническим каналам секретной информации о деятельности флота. В 1983 г. Владимир Иванович Авраменко перевелся на преподавательскую работу в Ленинград, где и проживает в настоящее время.

Еще один мой коллега и товарищ по службе на Камчатке, старший оперуполномоченный капитан-лейтенант Михаил Иванович Прокопчук, обслуживал важные береговые объекты и атомные подводные лодки, а затем служил в Особом отделе Каспийской флотилии. За свой труд удостоен медали «За трудовую доблесть». Позднее вновь вернулся на Тихоокеанский флот и в 1985 г. с должности заместителя начальника Особого отдела 2-й флотилии атомных подводных лодок убыл на Черноморский флот. Контр-адмирал М.И. Прокопчук – последний начальник Особого отдела КГБ СССР по Черноморскому флоту. Уволенный в 1991 г., он остался жить в Севастополе.

Старший оперуполномоченный капитан-лейтенант Семен Иванович Чирский прибыл в Особый отдел по 15-й эскадре летом 1966 г. из Севастополя. На Камчатке обслуживал бригаду дизельных подводных лодок. Преданный своему делу офицер, он был общительным и верным товарищем. В 1971 г. его, как опытного агента, перевели в Приморский край на должность заместителя начальника Особого отдела КГБ по ВМБ «Стрелок», а через два года назначили руководителем этого важного и крупного контрразведывательного органа. В 1980 г. уже капитаном 2 ранга он вернулся в Севастополь, где и проживал после увольнения в запас.

В декабре 1964 г. ушел из жизни начальник Особого отдела КГБ по Тихоокеанскому флоту контр-адмирал Николай Николаевич Лепихин. На Дальний Восток он прибыл в 1960 г. из Группы советских войск в Германии. Бывший фронтовик в 40 лет стал полковником. Молодой, энергичный, с большим опытом борьбы с немецкой, американской

и английской разведками, Лепихин принял руководство отделом флота в тот период, когда началось широкомасштабное перевооружение военно-морского флота. На ТОФ поступали надводные корабли новых проектов, атомные подводные лодки, самое современное ракетно-ядерное оружие.

Одновременно шла перестройка деятельности органов государственной безопасности. Происходило обновление чекистских кадров – на смену фронтовикам приходили молодые выпускники военно-морских училищ, получившие теоретическую оперативную и юридическую подготовку на специальных курсах. Н.Н. Лепихин очень много сделал для правильной и эффективной расстановки кадров и организации работы особых отделов флота в новых условиях. Прах контр-адмирала Лепихина покоится на Морском кладбище Владивостока.

Второй раз мне довелось служить в поселке Рыбачий на Камчатке с июня 1986 по декабрь 1992 г. в должности начальника Особого отдела КГБ по 2-й флотилии атомных подводных лодок. Здесь мне было присвоено высокое воинское звание контр-адмирала, здесь я закончил свою чекистскую деятельность.

На встрече с адмиралом флота Советского Союза С.Г. Горшковым

Если в первый период моей службы атомоходы только начинали осваивать стратегически выгодный район базирования, то заключительный этап службы связан с апогеем развития стратегических сил ТОФ и началом их сознательного уничтожения.

В свои лучшие годы флотилия состояла из пяти дивизий, в том числе две с модернизированными баллистическими ракетными комплексами, две с крылатыми ракетами и дивизия с новейшими многоцелевыми атомными подводными лодками. На флотилию ежегодно по-

ступали подводные лодки 3-го поколения: многоцелевые, малозумные 971 проекта «Барс», тяжелые подводные ракетные крейсера 949-А проекта «Антей».

Вернемся к прошлому. В октябре 1967 г. меня перевели во Владивосток на должность старшего оперуполномоченного 2-го сектора Особого отдела КГБ по ТОФ. В 60–80-е гг. это подразделение фактически являлось штабом военной контрразведки флота. Оно занималось планированием основных мероприятий, контролем за деятельностью подчиненных органов, оказывало помощь в работе по наиболее перспективным материалам оперативной работы, обобщало и анализировало полученные отделом результаты, вело отчетность перед центральными органами военной контрразведки, готовило информационные документы для Военного совета флота.

2-й сектор был школой и кузницей руководящих кадров Особого отдела КГБ по ТОФ. Мне довелось дважды служить в этом важнейшем подразделении – в

1967–1969 гг. в должности направленного, в 1974–1981 гг. – начальником сектора. За девять лет службы во 2-м секторе я работал со многими прекрасными офицерами. Хотел бы упомянуть о некоторых, оставивших наиболее яркий след в моей памяти.

Капитан 1 ранга Еременко Федор Александрович руководил 2-м сектором с 1968 по 1974 год. Эту уникальную личность отличали бившая через край энергия и решительность, отличная память и быстрая реакция, пытливый ум и острый язык. В свою бытность начальником он внес большой вклад в дело защиты флота от устремлений спецслужб США и Японии. В марте 1974 г. перевелся в Севастополь.

Капитан 1 ранга Прокопенко Владимир Васильевич начал службу в органах безопасности в 1950 г. В 1966 г. стал заместителем начальника 2-го сектора, а затем, с 1975 по 1982 год вплоть до своего увольнения в запас, возглавлял кадровую работу в качестве заместителя начальника отдела по кадрам. Его боевые заслуги отмечены орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени и медалью «За отвагу».

Капитан 1 ранга Фертов Евгений Петрович занимал должность заместителя начальника 2-го сектора в 1977–1981 гг. и начальника сектора в 1981–1986 гг. Замечательный человек, скромный, честный и добросовестный офицер, познавший все премудрости оперативной работы, по достоинству оценен Родиной. Евгений Петрович награжден орденом «Знак Почета» и медалью «За боевые заслуги».

Он проходил службу на Камчатке, в Благовещенске, в бухте Павловского, ходил на кораблях 8-й эскадры флота в Индийском океане. Наиболее ярко его талант раскрылся во время работы в аппарате отдела флота. Он умер внезапно 18 января 1986 г. прямо в кабинете за рабочим столом. Сердце не выдержало постоянных нагрузок.

Старший оперуполномоченный 2-го сектора майор Ващенко Сергей Порфирьевич в 1969 г. был назначен заместителем, а в 1972 г. начальником Особого отдела ВВС ТОФ. Возглавлял этот орган в период бурного роста боевой мощи авиации флота, а также серьезных изменений в организационной структуре контрразведывательного обеспечения авиации, вырастил целую плеяду чекистов-авиаторов. Сергей Порфирьевич награжден орденом «Знак Почета». В звании полковника он в 1976 г. перевелся в Калининград. У нас с ним было много общего и вне службы – оба страстно любили охоту и рыбалку. К сожалению, он рано ушел из жизни из-за тяжелой болезни.

В августе 1967 г. на должность начальника особого отдела КГБ по 9-й дивизии надводных кораблей прибыл с Балтики молодой, энергичный инженер-капитан 3 ранга Юрий Иванович Ветошкин. В 1968 г., с образованием 10-й оперативной эскадры ТОФ, он назначается руководителем военной контрразведки этого крупного соединения. С 1970 по 1973 год Юрий Иванович возглавляет 1-й сектор Особого отдела флота, а с 1973 по 1978 год служит начальником особого отдела КГБ вновь сформированной на Камчатке 2-й флотилии атомных подводных лодок. На всех должностях он проявил себя как смелый, решительный, волевой и жесткий руководитель. Умел глубоко анализировать оперативную обстановку, планировать необходимые оперативные мероприятия. Юрий Иванович лично участвовал в работе по наиболее важным материалам, заслуженно пользовался большим авторитетом у командования флотилии и своих подчиненных. За свой труд контрразведчика Юрий Иванович награжден орденами Красной Звезды и «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР».

В 1978 г. капитан 1 ранга Ю.И. Ветошкин перевелся в Севастополь на должность

заместителя начальника Особого отдела КГБ по Черноморскому флоту. В последний раз мы виделись с ним в сентябре 1983 г. в Калининграде, где я находился в командировке. Контр-адмирал Ветошкин Ю. И. в то время уже стал начальником Особого отдела КГБ по Балтийскому флоту. Позднее несколько лет служил в Центральной группе войск советником начальника военной контрразведки Чехословакии. К сожалению, Юрий Иванович рано ушел из жизни — сердце не выдержало колоссальных нагрузок.

Старший оперуполномоченный 2-го сектора капитан-лейтенант Леонид Александрович Сурков в августе 1968 г. был назначен заместителем, а через год начальником Особого отдела КГБ эскадры надводных кораблей ТОФ. Пребывание его на этой должности совпало с периодом наибольшей активности Тихоокеанского флота в зоне Индийского океана и, в частности, со временем гражданской войны в Сомали и Эфиопии. В общей сложности около пяти лет провел Леонид Александрович вдали от родных берегов.

Благодаря четко организованной контрразведывательной работе на кораблях ТОФ, в том числе во время их заходов в иностранные порты, на эскадре не было сколь-нибудь существенных происшествий. Добывалась исключительно важная оперативная информация по широкому кругу вопросов. Нередко полученные подразделением Л.А. Суркова сведения оказывались настолько ценными, что немедленно докладывались в Центр. Было выявлено несколько десятков иностранных граждан, которые вели активную враждебную деятельность против личного состава экипажей наших кораблей, приняты меры по нейтрализации этих действий.

В 1977 г. Л.А. Сурков перешел на службу в Особый отдел КГБ по 2-й флотилии атомных подводных лодок и вскоре возглавил этот крупный контрразведывательный орган. Леонида Александровича отличали глубокое знание морского дела, высокая работоспособность, стремление как можно более эффективно организовать работу на порученном ему участке, честность, порядочность и благожелательное отношение к своим подчиненным. Он, как никто другой, мог правильно строить деловые отношения с командованием. Ратный труд Леонида Александровича отмечен орденом Красной Звезды. В январе 1986 г. контр-адмирал Сурков убыл к новому месту службы в Ленинград, где в должности начальника Особого отдела Ленинградской ВМБ сумел в течение двух лет обеспечить жильем всех своих работников, разрешив таким образом острейшую проблему.

Когда я впервые пришел во 2-й сектор, там уже работал капитан-лейтенант Королев Владимир Александрович. На первых порах я часто обращался к нему, как к более опытному сотруднику, за советом. В 1970 г. Королева назначили заместителем начальника сектора, а в 1974 г. он занял должность начальника Особого отдела КГБ по Владивостокскому гарнизону. Он был активным членом нашего охотничьего коллектива, постоянно принимал участие в походах на летнюю и зимнюю рыбалку, а быстрая реакция, выносливость и выдержка обеспечивали ему удачу как в охоте, так и на рыбалке.

В 1972 г. капитан 2 ранга В.А. Королев получил назначение в Калининград. Мы снова встретились уже спустя несколько лет в 1983 г. в Североморске, когда Королев стал начальником Особого отдела КГБ по Кольской флотилии разнородных сил Северного флота. В 1986 г. в звании капитана 1 ранга он уволился в запас и проживал в Калининграде.

Более 30 лет отдал военной контрразведке Тихоокеанского флота капитан 1 ранга Березин Александр Тихонович. Молодыми лейтенантами мы вместе служили в отделе ВМБ «Стрелок». Начав свой путь чекиста на боевых кораблях флота, он дослужился до начальника Особого отдела КГБ по 8-й оперативной эскадре надводных кораблей ТОФ. Несколько лет мы вместе трудились и во 2-м секторе отдела КГБ по ТОФ. Больше, чем кто-либо другой, он находился на боевой службе кораблей флота в различных районах Мирового океана. Это был не только прекрасный человек, но и большой знаток своего дела, обладавший огромным опытом агентурно-оперативной работы в условиях длительного отрыва от базы. За свой труд Александр Тихонович награжден орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». В 1988 г. уволился в запас, и вскоре, после тяжелой болезни, его не стало. Свой последний причал он нашел на Морском кладбище Владивостока.

Добрую память о себе оставил капитан 1 ранга Ершов Юрий Владимирович. В 1970 г. прибыв на Тихоокеанский флот капитан-лейтенантом, он отдал Дальнему Востоку 12 лет жизни и прошел путь от старшего оперуполномоченного до начальника Особого отдела КГБ по Владивостокскому гарнизону. Смелый и инициативный, с хорошо развитой оперативной интуицией и постоянным стремлением оправдать высокое звание чекиста, он умел эффективно организовать работу, лично добывал ценную информацию. Это был очень грамотный и опытный контрразведчик. В частности, ему удалось предотвратить вербовку старшего офицера Тихоокеанского флота, скомпрометировавшего себя перед иностранной спецслужбой финансовыми нарушениями, когда корабль ТОФ находился в одном из зарубежных портов. Ершова отличала железная чекистская хватка. По его материалам 2-е Главное управление КГБ СССР предотвратило вербовку на компрометирующей основе советского дипломата американскими спецслужбами в одной из стран АТР. В 1982 г. Юрия Владимировича перевели в Кронштадт. После увольнения в запас проживал в Санкт-Петербурге, был активным членом клуба ветеранов-чекистов ТОФ. 26 марта 2002 г. Юрий Владимирович Ершов скончался и похоронен в городе на Неве.

Несколько слов хочу сказать о сослуживцах более молодого поколения. В 1972 г. в кадры Особого отдела КГБ по ТОФ был зачислен корабельный офицер, старший лейтенант Н.Н. Соцков. Службу контрразведчика он начал с должности оперуполномоченного 47 бригады ОВРа на Русском острове. В августе 1977 г. Соцкова, как перспективного оперативного работника, перевели в аппарат Отдела КГБ по ТОФ, где он успешно трудился на многих важных участках. В 1988 г. Н.Н. Соцков занял должность начальника отдела военной контрразведки по 8-й дивизии атомных подводных лодок стратегического назначения. В 1992 г. в звании капитана 1 ранга он назначен начальником 2-го отдела УФСК по ТОФ, а затем заместителем начальника Управления. В 1998 г. контр-адмирал Н.Н. Соцков стал во главе основного контрразведывательного органа Тихоокеанского флота. Такое назначение было закономерным. Н.Н. Соцкова отличают высокий профессионализм, знание всей специфики работы по обеспечению безопасности флота, умение организовать контрразведывательную деятельность в условиях серьезных изменений в оперативной обстановке и сложных политических реалий нашего времени.

В.В. Витько

В 1967 г. мною был подобран для учебы в Высшей контрразведывательной школе КГБ СССР машинист-турбинист электромеханической боевой части экипажа атомной подводной лодки старшина Владимир Васильевич Витько. После окончания учебы в ВКШ он вернулся на Тихоокеанский флот и начал службу в отделе 26-й дивизии атомных подводных лодок. За годы своей службы занимал должности во 2-м секторе, начальника отдела КГБ по дивизии атомных подводных лодок, а в конце службы стал начальником 1-го отдела УФСБ по ТОФ. В 2000 г. в звании капитана 1 ранга В.В. Витько ушел на пенсию. Сегодня он живет и трудится во Владивостоке.

Особый вклад в совершенствование чекистской деятельности УФСБ по ТОФ внес капитан 2 ранга Борис Дмитриевич Шадрин. В 1980 г. он был взят на работу в аппарат отдела КГБ по ТОФ, как хорошо зарекомендовавший себя во время длительного заграничного сотрудника. Он добыл и обработал ценную оперативную и разведывательную информацию о подрывной деятельности спецслужб противника, проявив высокую степень анализа и обобщения. В должности начальника информационно-аналитического отделения создал автоматизированную систему накопления, учета и боевого использования оперативной информации, разработал всю необходимую организационную и техническую документацию, а затем внедрил эту систему во всех подразделениях Управления. До недавнего времени Б.Д. Шадрин был ученым секретарем Общества изучения Амурского края и по сей день активно занимается научной и общественной деятельностью.

Вспоминая своих товарищей по оружию из более молодого поколения, не могу не сказать несколько слов о контр-адмирале Александре Антониновиче Белове. Мне довелось служить с ним в течение шести лет на Камчатке во 2-й флотилии атомных подводных лодок. В органы государственной безопасности он пришел в 1978 г. с должности помощника командира дизельной подводной лодки. А.А. Белов прошел все ступени чекистской службы – оперуполномоченный, старший оперуполномоченный на подводных лодках, два года – в кадровом аппарате Особого отдела КГБ по ТОФ. В феврале 1985 г. капитан 3 ранга Белов назначается заместителем, а в 1987 г. начальником Особого отдела КГБ по 10-й дивизии атомных подводных лодок. В 1990 г. он стал моим заместителем, а с ноября 1992 г. — начальником отдела военной контрразведки 2-й флотилии атомных подводных лодок. В 1995 г. Александру Антониновичу присвоено звание контр-адмирала. Его всегда отличали высокий профессионализм, умение работать с людьми, ответственность за порученное дело. Он никогда не прятался за спины своих подчиненных, а если требовалось, то сам занимался оперативной работой, показывая личный пример своим сотрудникам.

В начале 1978 г. группа сотрудников 2-го сектора проводила плановую проверку особого отдела по 9-й дивизии подводных лодок в бухте Конюшкова. Я изучал работу молодого руководителя капитана 3 ранга В.Ф. Захарченко и оперуполномоченного капитан-лейтенанта Владимира Михайловича Турейского, который обслуживал ракетно-техническую базу.

Организацией контрразведывательного обеспечения этого важного объекта флота я остался вполне доволен. В.М. Турейский владел оперативной обстановкой на ракетно-технической базе и в окружении, имел работоспособный негласный аппарат, целенаправленно его использовал и систематически получал ценную информацию. Владимир Михайлович грамотно руководил своими негласными помощниками. Он был хорошо подготовлен в военно-техническом отношении, прекрасно знал особенности хранившегося на базе ракетного оружия и его уязвимые места. По итогам проверки я доложил начальнику Особого отдела ТОФ о целесообразности назначения В.М. Турейского старшим оперуполномоченным. Такое назначение вскоре состоялось. Через шестнадцать лет Владимир Михайлович стал контр-адмиралом, а в 1996 г. его назначили на должность заместителя начальника Управления ФСБ по Тихоокеанскому флоту. Он уволился в запас по состоянию здоровья.

В.М. Турейский
(на переднем плане)

70–90-е гг. характерны рядом особенностей как для Тихоокеанского флота, так и для военной контрразведки. В ответ на военные угрозы со стороны США и их союзников по НАТО Советский Союз принимал адекватные меры по укреплению своих вооруженных сил. В эти годы значительно возросла боевая мощь ТОФ за счет поступления новых надводных кораблей и подводных лодок, современных самолетов бомбардировочной, штурмовой и истребительной авиации, новых образцов ракетно-ядерного оружия. На Тихоокеанском флоте были сформированы флотилии атомных подводных лодок и разнородных сил. Оперативные эскадры несли боевую службу в Тихом и Индийском океанах. Корабли флота систематически совершали заходы в порты дружественных государств АТР и Индийского океана.

Деятельность сил ТОФ находилась под пристальным вниманием иностранных спецслужб. Противник использовал космическую, радиотехническую и агентурную разведку для организации непрерывного наблюдения за флотом. Особое внимание иностранные спецслужбы уделяли агентурному проникновению к государственным и военным секретам. Особые отделы КГБ по объединениям и соединениям ТОФ принимали все возможные меры по ограждению флота от разведывательно-диверсионной деятельности противника. Военные контрразведчики в этой работе опирались на помощь всего личного состава флота, действовали в тесном контакте с командованием и территориальными органами государственной безопасности. В эти годы были пресечены попытки сбора секретной информации разведчиками, действовавшими под дипломатическим прикрытием, предотвращен ряд вербовочных подходов к военнослужащим ТОФ, находившимся в заграничных командировках и имевшим доступ к закрытым данным. Тогда же был выявлен целый ряд военнослужащих, собиравших секретные сведения с целью передачи их иностранным государствам из корыстных побуждений.

Так, в 1978 г. в поле зрения Особого отдела по 25-й дивизии атомных подводных лодок попал командир электронно-вычислительной группы РПКСН Королев, который

Контр-адмирал Дружинин Е.Н., капитан 1 ранга
Лазарев А.А., контр-адмирал Сиденко А.Н.
(слева направо)

Там поначалу посчитали, что на корабле грубо нарушены правила хранения и обращения с документами боевого управления. Командира РПКСН временно отстранили от должности, и ему грозило строгое наказание. Однако компетентная комиссия министерства обороны никаких нарушений не обнаружила. Всесторонним изучением Королева подозрительных связей, контактов с иностранными разведками или иностранцами вообще не выявлено. Не высказывал он изменнических, эмиграционных настроений или же политически нездоровых суждений. По службе этот офицер характеризовался только положительно.

С учетом этого и по согласованию с военной прокуратурой приняли решение не привлекать его к уголовной ответственности, а наказать в дисциплинарном порядке и профилировать путем объявления официального предупреждения от имени органов КГБ. Королев добровольно выдал все имевшиеся у него материалы, в том числе разработанные алгоритмы, с помощью которых он осуществил взлом системы защиты, подробно описал технологию несанкционированного проникновения в блок памяти БИУС.

Все документы мы передали разработчикам, которые в сжатые сроки усовершенствовали электронную защиту ракетного оружия. А оперативный состав особых отделов усилил контроль за поведением военнослужащих, имеющих доступ к БИУС и ракетным комплексам. Чекистам в очередной раз удалось предотвратить утечку важных военно-политических секретов. Королева строго наказали и по рекомендации органов государственной безопасности направили как способного инженера-электронщика в один из НИИ ВМФ СССР.

Через несколько лет эта история получила продолжение. В 1985 г., когда я служил в должности заместителя начальника Особого отдела КГБ по Северному флоту, мне доложили о запросе из Ленинграда на предмет возможности разрешить выезд на

за две боевых службы сумел преодолеть защиту ракетного комплекса от несанкционированного воздействия и проник в блок памяти боевой информационно-управляющей системы. БИУС – это многоцелевая автоматическая корабельная система, осуществляющая сбор и обработку информации об окружающей обстановке, а также решение навигационных задач. Королеву удалось снять координаты целей по всем ракетным шахтам. Эти данные составляли государственную тайну и были недоступны даже командиру РПКСН.

Следует отметить, что после доклада в 3-е Главное управление КГБ СССР о случившемся, Главный штаб ВМФ, будучи уверен в надежности системы электронной защиты, выразил сомнение в объективности нашего сообщения, ссылаясь на мнение разработчиков этой техники.

постоянное жительство в Израиль тому самому Королеву. Я дал резко отрицательный ответ. Однако из-за перемен в нашем законодательстве не исключено, что Королев все-таки выехал за границу. Для нас, контрразведчиков, этот факт говорит о том, что его проверка была проведена недостаточно глубоко. Вероятнее всего, еще во время службы на Северном флоте и затем на Камчатке Королев стал собирать информацию о боевом использовании РПКСН и возможностях БИУС, намереваясь передать ее иностранным спецслужбам, а свой замысел тщательно конспирировал.

В 1987 г. был выявлен еще один «инициативник», но уже на ракетном подводном крейсере другого проекта. Этот офицер нашел способ несанкционированного воздействия на БИУС, с помощью которого можно было самовольно отменить или же осуществить ракетную атаку. Благодаря своевременно полученной информации, удалось предотвратить возможные чрезвычайные последствия. НИИ ВМФ внесли необходимые конструктивные изменения в системы защиты ракетных комплексов на всех кораблях этого проекта, а командование ужесточило контроль за соблюдением режима на боевых постах БЧ-2 и РТС.

Осуществляя мероприятия по противодействию иностранным радиотехническим разведкам, Особый отдел КГБ по Камчатской военной флотилии еще в 1964 г. получил оперативную информацию о том, что США оборудовали гидрофонами несколько рубежей в Тихом океане. Это позволяло отслеживать наши подводные лодки на маршрутах развертывания в районы боевой службы. К сожалению, командование ТОФ первоначально восприняло наши материалы неадекватно и только несколько лет спустя признало информацию чекистов достоверной. В те годы Тихоокеанским флотом командовал адмирал Амелько Н.Н., приверженец «классической» доктрины боевого применения военно-морского флота в генеральных морских сражениях, которая с появлением атомных подводных лодок и ракетно-ядерного оружия безнадежно устарела. Он скептически отнесся к нашему докладу и наложил разгромную резолюцию.

В начале 60-х годов для освещения подводной обстановки и первичного обнаружения подводных лодок на акватории, охватывающей половину Мирового океана, США создали систему SOSUS – донные береговые акустические станции, на которые они затратили миллиарды долларов. Гидрофоны устанавливались на морском дне, на удалении до 200 миль от берега, соединяясь с ним кабелем. Эта подводная сеть находилась в районах западного побережья США, близ проливов Японского архипелага.

Много усилий прилагалось оперативным составом по обеспечению сохранности секретов, шифровальных документов, недопущению разглашения государственной и военной тайны, контролю за состоянием режима в штабах, на узлах связи, в шифрпостах.

Наиболее распространенным нарушением приказов и инструкций, регламентирующих режим секретности, являлось и является ведение секретных записей в неучтенных тетрадах и блокнотах. Этим грешат многие военнослужащие, в том числе занимающие высокие должности.

В 1964 г. мой источник сообщил, что в экипаже ПЛАРК К-151 некоторые офицеры БЧ-5 делают выписки из секретных документов в личные блокноты и на отдельные листы бумаги. Проверка сигнала показала, что командир 1-го дивизиона БЧ-5 и три командира групп дистанционного управления ГЭУ в течение длительного времени накапливают сведения о тактико-технических данных ГЭУ, ее системах и агрегатах,

параметрах работы установки на различных режимах. Почти у всех офицеров имелись превосходно вычерченные схемы реактора и всех контуров ГЭУ, эксплуатационные графики и таблицы параметров, выписки из инструкций.

Я лично хорошо знал этих нарушителей, был с ними на боевой службе – перво-классные специалисты, преданные Родине и своему делу. Как я выяснил, неучтенные секретные материалы собирались для дальнейшего использования при подготовке кандидатских диссертаций, так как эти офицеры планировали со временем уйти с под-плава на преподавательскую работу в вузы ВМФ.

Чтобы не допустить утраты секретной информации по ГЭУ подводных лодок 659 проекта, руководство Особого отдела по 15-й эскадре приняло решение профилировать этих офицеров. Их по очереди пригласили в Особый отдел, где они письменно подтвердили полученную ранее нами информацию и добровольно выдали все свои записи, большая часть из которых хранилась на квартирах. Они также объяснили, что имели эти материалы исключительно для написания кандидатских диссертаций или же использования в преподавательской работе.

По заключению 8-го отдела штаба ТОФ сведения в неучтенных блокнотах, схемах и таблицах составляли государственную и военную тайну. Виновным было объявлено официальное предупреждение, и они понесли строгое наказание. Командир лодки и его заместитель по политической части получили взыскания по дисциплинарной и партийной линиям за непринятие мер по обеспечению надлежащего режима секретности на корабле. Должен отметить, что я неоднократно информировал их обоих о грубых нарушениях приказов Министра обороны и Главкома ВМФ по секретному делопроизводству, но они либо неадекватно реагировали на мою информацию, либо же ее игнорировали.

Эта профилактика вкупе со строевым и партийным собранием на корабле имели в эскадре сильный резонанс, в результате чего на длительное время значительно улучшилась обстановка с обеспечением сохранности государственной и военной тайны.

В поле зрения военной контрразведки постоянно находились проблемы охраны ракетно-ядерных объектов, мест базирования кораблей, штабов, узлов связи, командных пунктов. Через командование принимались меры по устранению недостатков. О реальном положении дел систематически шли доклады в КГБ СССР.

Особого внимания заслуживает работа, проводившаяся оперативным составом на кораблях боевой службы и заграничного плавания. В море постоянно находились десятки сотрудников, которые самостоятельно решали контрразведывательные задачи вдали от баз. Их самоотверженность и мужество достойны глубокого уважения. Благодаря их усилиям предотвращены попытки бегства за границу и другие чрезвычайные происшествия, обеспечен надлежащий режим секретности и охраны кораблей при заходах в иностранные порты.

В те годы существовала система контрразведывательного обеспечения кораблей боевой службы и заграничного плавания. Работа по этому направлению осуществлялась на плановой основе с учетом директив командования о составе отрядов боевых кораблей, сроков выхода в море и возвращения в базу, районов плавания и портов захода.

Планами мероприятий на подготовительный период предусматривалось всестороннее изучение личного состава экипажей; ускоренная проверка военнослужащих, находящихся в поле зрения особых отделов; формирование и обучение негласного

аппарата; подготовка оперативного состава к самостоятельной работе в условиях длительного плавания; выявление и пресечение разведывательно-диверсионных акций противника в иностранных портах; добывание информации о деятельности спецслужб США и других стран и причастных к ней лиц; оказание помощи командованию в обеспечении высокой боеготовности кораблей и успешном выполнении поставленных на поход задач.

Военнослужащих, вынашивавших намерения изменить Родине или бежать с корабля по бытовым мотивам, обладавших низкими морально-политическими качествами, заблаговременно от походов отводили. Как правило, таких лиц было мало и отводы не носили массовый характер. Существовали приказы Главкома ВМФ и инструкции Политуправления о порядке отбора военнослужащих и служащих Советской Армии в заграничные плавания и заграничные командировки.

Особые отделы в этой работе также обращали внимание на комплектование экипажей с точки зрения недопущения чрезмерной замены подготовленных специалистов. Еще в базе или в начальный период плавания формировались «пятерки» для схода личного состава на берег в иностранных портах и вахты ПДСС.

Важный участок работы оперативного состава – формирование негласного аппарата в соответствии с требованиями обстановки, его обучение и воспитание умению действовать самостоятельно по предотвращению возможных преступных намерений со стороны отдельных членов экипажа или иностранцев в портах захода. Приобретались и специально готовились негласные помощники для работы по иностранцам, подзревавшимся в причастности к спецслужбам противника.

Следует отметить, что работа по контрразведывательному обеспечению кораблей боевой службы и заграничного плавания строго контролировалась аппаратом Особого отдела КГБ по ТОФ. Оперативному и руководящему составу на местах оказывалась необходимая помощь, вплоть до отработки заданий и инструктажа негласных помощников, участия в проверке сигналов, регулирования взаимоотношений с командованием бригад, дивизий и отдельных кораблей.

Для оперативных сотрудников в период плавания наиболее напряженными были дни накануне заходов, во время пребывания в иностранных портах и еще несколько суток после выхода в море, когда происходили съем и обработка информации, принимались меры по ее реализации. Оперработники принимали участие в инструктаже старших «пятерок» и вахт ПДСС, контролировали сход и возвращение личного состава на корабль, качество проверки наличия членов экипажа на борту. Заслуживающая внимания информация немедленно докладывалась начальнику Особого отдела эскадры либо старшему оперативной группы лично или шифром. Практиковались регулярные встречи руководителей с оперативным составом в океане или при заходах кораблей во главе с флагманами в иностранные порты.

В целях повышения эффективности контрразведывательного обеспечения дальних походов кораблей было введено обязательное составление отдельных планов мероприятий особых отделов и планов-заданий оперативному сотруднику, ведение дневника во время всего плавания. В дневнике отражалась его ежедневная работа и результаты. Перед выходом в море для оперативного состава предусматривались инструктажи и занятия, а также заслушивание в аппарате Особого отдела флота. Дважды в год проводились спецсеминары по обмену опытом, разрабатывались методические материалы, принимались зачеты по организации шифрсвязи.

Контрразведывательное обеспечение подводных лодок имело свою специфику. Усилия оперативного состава концентрировались на строгом соблюдении режима секретности, контроле за несением вахты в центральном посту, ракетном и торпедном отсеках, пульте ГЭУ, недопущении чрезвычайных происшествий, связанных с нарушением правил обеспечения ядерной безопасности ракетно-ядерного оружия, ГЭУ.

Такая работа требовала глубоких военно-технических знаний, наличия надежных агентурных позиций, настойчивости в разрешении возникавших конфликтных ситуаций.

Так, в 1990 г. по информации Особого отдела КГБ по 2-й флотилии атомных подводных лодок на Камчатке не были выпущены в море в установленные сроки четыре подводные лодки. Причинами стали серьезные недостатки в техническом состоянии кораблей и неудовлетворительное комплектование их экипажей. Одна из лодок вообще до конца года не вышла на боевую службу и была поставлена в ремонт. При разрешении этой ситуации пришлось преодолеть сильное противодействие командования дивизии. Только личное вмешательство командующего флотилией вице-адмирала О.М. Фалеева, с которым у меня сложились прекрасные деловые и личные отношения, расставило все по местам. Направленная на эти лодки комиссия из офицеров штаба флотилии полностью подтвердила информацию Особого отдела.

Низкое техническое состояние кораблей, слабая подготовка экипажей, нежелание командования разных уровней докладывать «наверх» об истинном положении дел и добиваться перенесения сроков выхода в море или замены кораблей явились причиной многочисленных аварий и катастроф подводных лодок на Тихоокеанском и Северном флотах. Необходимо констатировать, что органы военной контрразведки на местах не всегда глубоко вникали в вопросы боеготовности кораблей или не проявляли должной принципиальности и настойчивости, несмотря на то, что они имели достаточно сильные рычаги воздействия. Надо сказать, что вопросам предотвращения аварийности на надводных и подводных кораблях флота военная контрразведка всегда уделяла особое внимание. Позволю себе процитировать только один документ: «КГБ при СМ СССР 3-е Главное управление. 10 февраля 1958 г. № 3/4/1132. Начальнику ОО КГБ при СМ СССР генерал-майору И.С. Гудкову Представленные вами материалы о недостатках в организации аварийно-спасательной службы флота использованы в докладе Центральному комитету партии. Вопрос о состоянии аварийно-спасательной службы Военно-морского флота рассмотрен Президиумом ЦК КПСС. Начальник 4 отдела генерал-майор Карандашев».

Вспоминая пройденный путь, годы напряженного труда на благо нашей Родины, часто задумываешься: а не напрасно ли тридцать пять лет отдавал все духовные и физические силы службе в органах государственной безопасности? Распад великого государства, развал армии и флота, нищета большей части населения, детская беспризорность поневоле наталкивают на такие мысли.

Но я всегда отвечаю себе: нет, не напрасно. Наше поколение чекистов честно служило Отечеству, защищало интересы народа. Патриотизм и высокие моральные качества всегда отличали чекистов. Вспомним подвиг оперативного работника Особого отдела Северного флота с атомной подводной лодки «Комсомолец», который, оказавшись в ледяной воде Баренцева моря, спасал шкатулку с шифрдокументами, песней поддерживал своих товарищей.

Я верю, что в конце концов, как это неоднократно уже бывало в истории, наша страна воспрянет духом. Возродятся наши армия и флот. Корабли вновь оторвутся от причалов и выйдут в море. Но очень важно, чтобы за эти годы не забылся и не был потерян накопленный многими поколениями контрразведчиков опыт, не ушел вместе с ветеранами в небытие.

Я хочу пожелать нынешнему поколению чекистов успехов в борьбе с разведывательно-подрывными устремлениями иностранных спецслужб и международным терроризмом, работе по обеспечению высокой боевой готовности Тихоокеанского флота. А также от всей души желаю здоровья, благополучия и долгих лет жизни всем ветеранам-чекистам ТОФ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Время неумолимо летит вперед, отсчитывая годы, стирая в памяти имена и образы моих современников, посвятивших свою жизнь службе в органах военной контрразведки. По-разному складывался их путь в чекисты. Люди более старшего поколения, участники Великой Отечественной войны, видели в этой службе эффективный способ борьбы с фашизмом, защиты Родины. Послевоенное поколение влекла романтика. Мало кто руководствовался корыстными, карьеристскими соображениями. Хотя попадались и такие. Но они как пена быстро всплывали на поверхность и отторгались здоровыми коллективами. Абсолютное большинство работников объединяла идея, стремление быть полезными государству, реально защищать его интересы.

Перед мысленным взором проходят товарищи, с которыми свела судьба на различных этапах службы. Многие из них нашли себя в военной контрразведке и были блестящими оперативными работниками. Обладая хорошими специальными, юридическими и военно-техническими знаниями, аналитическими способностями, умением работать с людьми, энергичным и твердым характером, большой трудоспособностью, они оставили заметный след в деле обеспечения безопасности Тихоокеанского флота. В этих кратких заметках мне хочется рассказать о бывших сотрудниках военной контрразведки ТОФ, которых я хорошо знал, но не упомянул в первом издании книги «Честь и верность».

В июне 1960 г. я был переведен с острова Русский в Особый отдел КГБ по военноморской базе «Стрелок». Обслуживал режимные объекты в бухте Павловского.

Начальником крупного по тем временам органа был капитан 2 ранга Лазарев Андрей Алексеевич. Опытный руководитель, фронтовик, он пользовался заслуженным авторитетом у оперсостава и командования. Основной костяк отдела составляли «старики», начавшие свой путь в органах госбезопасности еще во время Великой Отечественной войны. Старшие оперуполномоченные в капитанских званиях, все со средним образованием – Константин Максимович Попов, Иван Емельянович Лысенко, Георгий Иванович Шкурыгин и другие, смотрели на нас, молодых оперработников, с некоторым недоумением. Зачем после высших военно-морских училищ вы пришли в органы? Чтобы дослужиться до капитанов? – по этому поводу нередко возникали довольно острые дискуссии. В целом же обстановка в коллективе была доброжелательная.

Капитан-лейтенант К.М. Попов был бессменным секретарем парторганизации. Спокойный, рассудительный, он всегда помогал нам, молодым, советами и рекомендациями.

Капитан И.Е. Лысенко обслуживал УНРы и ВСО, располагал большими связями в гарнизоне, обладал чувством юмора, был объектом веселых историй.

Капитан Г.И. Шкурыгин трудился на ракетно-технической базе, чем гордился. Постоянно получал заслуживающую оперативного внимания информацию. Нередко ставился в пример остальным работникам. К молодым сотрудникам относился покровительственно, особенно когда решался вопрос о его выдвижении на руководящую работу. Но отсутствие высшего образования подвело.

С сентября 1969 г. по апрель 1974 г. я служил заместителем начальника Особого отдела КГБ по 6-й эскадре подводных лодок ТОФ. Это было крупное оперативное соединение флота. В ее составе была дивизия дизельных ракетных и три бригады торпедных подводных лодок. Корабли постоянно несли боевую службу в Тихом и Индийском океанах, Японском и Охотском морях, участвовали в научных исследованиях по программе Академии наук СССР. Во время длительных походов ПЛ эскадры посещали порты Индии, Южного Йемена, Новой Зеландии и других стран Тихого и Индийского океанов. Коллектив Отдела был большой, оперсостав постоянно менялся, взамен опытных сотрудников приходили молодые флотские офицеры после окончания Новосибирских курсов или выпускники ВКШ КГБ.

Начальник отдела капитан 2 ранга Владимир Владимирович Маркидонов был умным, образованным, интеллигентным человеком. Спокойный, уравновешенный, он никогда не повышал голос на подчиненных, стремился поддерживать дружескую атмосферу в коллективе. Часто организовывал выезды на природу сотрудников и членов их семей. Под его руководством офицеры трудились с полной отдачей сил. У меня с Владимиром Владимировичем сложились хорошие доверительные отношения, тем более, что мы были знакомы по совместной службе в ВМБ «Стрелок». В 1973 г. В.В. Маркидонов был назначен начальником 1-го сектора ОО КГБ по ТОФ и получил воинское звание капитан 1 ранга. В 1976 г. сбылась его «голубая» мечта – он перевелся в Москву на преподавательскую работу в ВКШ КГБ. В последний раз мы виделись несколько лет назад в Москве. Он был уже на пенсии, работал. Был, как прежде, жизнерадостен, бодр, вполне удовлетворен жизнью. Через год я с большой печалью узнал, что его больше нет. Не выдержало сердце.

Первым оперработником 6-й эскадры ПЛ, участвовавшим в длительном плавании дизельной подводной лодки 611 проекта и плавбазы, был капитан-лейтенант Михаил

Федорович Кильдяшов. С ним я был знаком с ноября 1962 г., когда он служил главстаршиной в экипаже атомной подводной лодки 675 проекта. Мною он был оформлен кандидатом в ВКШ КГБ, которую закончил со знанием языка хинди и был назначен в ОО КГБ по ТОФ. Первые годы М.Ф. Кильдяшов работал под прикрытием офицера штаба флота в Учебном центре, где проходили подготовку экипажи ПЛ и НК ВМС Индии. Спокойный, вдумчивый, наблюдательный, с аналитическим складом ума, он добывал ценную информацию разведывательного и контрразведывательного характера. В 1970 г. Михаил Федорович был переведен в ОО КГБ по 6-й эскадре ПЛ и обслуживал бригаду подводных лодок. Он был первым сотрудником военной контрразведки Тихоокеанского флота, направленным в длительную заграникомандировку и успешно справился с возложенными на него задачами. Впоследствии его перевели в Ленинград, где он работал в УКГБ по Ленинградской области.

В марте 1970 г. после Новосибирских курсов военной контрразведки в Особый отдел КГБ по 6-й эскадре ПЛ прибыл старший лейтенант Эрнст Петрович Теплов. Он проходил стажировку и становление как оперработник под моим руководством. Умный, эрудированный, энергичный, общительный и трудолюбивый, он быстро освоил основы оперативной деятельности. Будучи интересным собеседником, он быстро сходил с людьми, умел подбирать надежных помощников, грамотно проводил проверочные мероприятия. Любил приморскую природу. В свободное время часто совершал турпоходы в тайгу. В начале 1973 г. его назначили в 1-й сектор Особого отдела КГБ по ТОФ и он работал в штабе флота. В 1975 г. по состоянию здоровья Э.П. Теплов был уволен из органов госбезопасности и ушел в Ленинград. После выздоровления служил в МВД. Был на административной и преподавательской работе. В настоящее время Эрнст Петрович Теплов проживает в Санкт-Петербурге, доктор политических наук, профессор, преподает в одном из вузов. В 2008 г. издал очень интересный и нужный учебник «Оперативно-розыскная деятельность: история и современность».

Хотелось бы рассказать еще об одном талантливом контрразведчике, выходеце из Особого отдела КГБ по 6-й эскадре ПЛ. Старший лейтенант Виктор Федорович Родионенко прибыл в наш отдел в 1972 г. после окончания Новосибирских курсов. Обслуживал несколько экипажей подводных лодок. Большой умница, хороший организатор, культурный, никогда не унывающий человек. Он быстро освоился в новой для него сфере деятельности. Его способности как контрразведчика особенно ярко проявились в период службы заместителем начальника, а затем начальником 1-го сектора ОО КГБ по ТОФ. В августе 1989 г. в звании капитана 1 ранга Виктор Федорович перевелся в ОО КГБ по Ленинградской ВМБ. Он был хорошим, заботливым отцом, один воспитал двоих сыновей. Очень жаль, что он так рано ушел из жизни. В 1996 г. он скоропостижно скончался от инсульта, похоронен на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга.

В марте 1979 г. на руководящую работу был назначен старший оперуполномоченный ОО КГБ по ТОФ старший лейтенант Сергей Владимирович Осецкий. Произошло это после его возвращения с боевой службы в Индийском океане, где он в течение нескольких месяцев находился на борту большого десантного корабля. Тогда шла гражданская война в Эфиопии. Присутствие наших кораблей в зоне конфликта позволяло законному правительству стабилизировать обстановку в стране.

С.В. Осецкий принимал непосредственное участие в боевых действиях десантников, ведя не только контрразведывательную работу в батальоне морской пехоты, но и добывая ценные сведения об обстановке в Эфиопии и на фронтах, приобрел надежные источники информации среди защитников ВМБ Массауа. В качестве руководителя Особого отдела дивизии десантных кораблей, а затем заместителя начальника контрразведки Оперативной эскадры кораблей ТОФ Сергей Владимирович зарекомендовал себя только с положительной стороны. В 1993 г. при задержании вооруженного дезертира он был тяжело ранен, перенес несколько сложных операций и остался инвалидом. Уволен в звании капитана 2 ранга. Несмотря на инвалидность, он не утратил присутствия духа и веры в людей и до конца своих дней оставался энергичным и жизнерадостным человеком. В 2011 г. Сергей Владимирович Осецкий ушел из жизни, похоронен во Владивостоке.

В апреле 1974 г. я был назначен начальником 2-го сектора Особого отдела КГБ по ТОФ. В соответствии с оргштатной структурой органов военной контрразведки того времени, 2-й сектор осуществлял штабные функции. Анализ оперативной обстановки, планирование работы, контроль за деятельностью подчиненных органов, оказание им помощи в проверке наиболее важных дел и сигналов, отчетность перед 3-м Главным управлением КГБ СССР, ежедневные доклады в Центр об оперативной обстановке на флоте и по находящимся на контроле материалам, подготовка информации Военному Совету флота, профессиональная учеба руководящего и оперативного состава – вот далеко не полный перечень вопросов, которые решал 2-й сектор. Я непосредственно подчинялся начальнику Особого отдела флота контр-адмиралу Рыдченко Ивану Пантелеевичу. Организации и культуре штабной работы, пунктуальности, ответственности за каждое слово устного или письменного доклада, умению по-чекистски грамотно и кратко составлять служебные документы, точности формулировок, умению анализировать оперативную обстановку, системному и жесткому контролю, требовательности к себе и подчиненным – всему этому я учился у Ивана Пантелеевича. Пройдя суровую школу «СМЕРШ» в годы Великой Отечественной войны, он решительно и целеустремленно руководил контрразведкой Тихоокеанского флота. По характеру твердый, упрямый, самолюбивый, подчас грубый. Необходимо отметить, что несправедливо обидев человека, он всегда старался загладить свою вину. И.П. Рыдченко редко ошибался в людях, в том числе при выдвижении на руководящую работу или на должность с большим объемом обязанностей. При нем выросла целая плеяда молодых перспективных руководителей. После Тихоокеанского флота И.П. Рыдченко служил советником в Южной группе войск, затем ушел на заслуженный отдых. Проживает в Москве.

В 70–80 гг. в Особом отделе флота был активный коллектив охотников-рыболовов. Мы часто выезжали на летнюю и зимнюю рыбалку, зверовую охоту. Летом – камбала, краснопёрка, поздней осенью – селёдка и терпуг, зимой – корюшка, зубатка и навага. Свежий морской воздух, азарт соревнования: у кого лучше удочки и блёсны, кто первый поймал рыбку, кто самую крупную; а огуречный запах корюшки; рыбацкие анекдоты и шуточные проделки, когда нет клёва – всё это оставляет неизгладимые впечатления. Руководители Отдела никогда не отказывали коллективу в транспорте. Кстати, Иван Пантелеевич Рыдченко и Евгений Никитович Дружинин сами были заядлыми любителями рыбалки.

Моим постоянным напарником по охоте в конце 70-х гг. был капитан 3 ранга Пилипенко Владимир Феодосьевич. Это был грамотный в контрразведывательном отношении, активный работник. Обслуживая объекты связи флота, он хорошо знал оперативную обстановку в воинских частях, имел сильный негласный аппарат и постоянно получал заслуживающую внимания информацию. Как опытного профессионала его в 1980 г. перевели на преподавательскую работу в Новосибирскую школу военной контрразведки. Он защитил кандидатскую диссертацию. В дальнейшем служил в Москве. Последний раз мы встречались с ним в 2000 г., он занимал должность начальника Управления кадров налоговой полиции в звании полковника.

Больше всего мы с Пилипенко В.Ф. любили утиную охоту. Даже отпуска брали, как правило, осенью. Выезжали обычно на субботу и воскресенье при открытии осеннего сезона и на 7–10 дней в конце сентября – начале октября, когда начинался перелет северной утки и гуся. Излюбленными местами охоты были Голубиный утес на Хасане и протока, вытекающая из озера Тальми. Владимир Феодосьевич был отличным стрелком и умелым организатором быта на природе.

Выезды на зимнюю зверовую охоту обычно осуществлялись в ноябре – декабре по первому снегу, когда морозы еще не наступили. Лицензии на кабана и косулю нашему коллективу распределял флотский Совет в Нежинское охотничье хозяйство. Местный егерь выделял для охоты участок в верховьях Эльдуги, Сандуги или Второй Речки. Долины этих речек очень живописны. С обеих сторон крутые склоны сопки, покрытые лиственным и хвойным лесом. К вершинам – кедр, ель, лиственница, ниже – дуб, береза, осина, ясень, бархат, орех маньчжурский, заросли молодых хвойных деревьев, аралии, барбариса, лимонника, кишмиша, дикого винограда. Больно смотреть на завалы огромных кедров и елей, вырванных с корнем или сломанных мощными циклонами. Под кедрами вся земля изрыта кабанами в поисках кедровых шишек. По первому снегу в лесу много следов зверя: зайцев, коз, кабанов, оленей, изюбрей, режее леопардов и тигров. Вода в речках не замерзает даже зимой, журчит на перекатах. В ямах под обрывами плавают стайки ленков, форели, пеструшек.

Наши охотничьи походы бывали удачными и «холостыми», но все равно они оставляли много положительных эмоций, давали основательную физическую тренировку, поскольку приходилось много ходить по лесу, взбираться на сопки, ночевать у костра или в зимовье. Такие мероприятия в значительной мере сближали людей, воспитывали выносливость, любовь к природе, оставляли массу впечатлений и прекрасных воспоминаний. Было много курьезных случаев. Так, однажды стоявший на номере опытный охотник после ночевки у костра вздремнул и пропустил идущий прямо на него кабаньих выводок. В другой раз, двигаясь по лесной дороге, мы обнаружили на снегу свежие следы тигра. Он шел впереди нас. Оценив обстановку, мы решили не рисковать и повернули в другой распадок.

В один из походов, сделав в течение дня несколько безуспешных загонов, мы основательно устали. Посоветовавшись, решили еще раз попытаться охотничье счастье. Разделившись на две группы – загонщики и номерные, стали взбираться по крутому склону сопки на плато, где по нашим предположениям должны были быть козы или кабаны. Добравшись почти до вершины, остановились отдышаться и вдруг видим, как по распадку с противоположного склона движется здоровый изюбр. Мы залегли, взяв ружья на изготовку. Зверь спокойно идет в нашу сторону и вот он уже на расстоянии

выстрела. Могучий темно-коричневый красавец с черным «ремнем» по хребту, медленно спускается к ручью. Мы любовались им, опустив ружья, пока он не скрылся среди деревьев. В бинокль заметили в ста метрах от нас группу номерных, у одного из которых был карабин. Когда обе группы сошлись, начались взаимные упреки: «Вы почему не стреляли? А вы почему?» Потом все дружно рассмеялись, было хорошо на душе от того, что ни у кого не поднялась рука на эту красоту природы.

Окидывая мысленным взором свой жизненный путь, не могу обойти молчанием наши тылы – наши семьи. Из личного и жизненного опыта товарищей по оружию знаю, что активная, самоотверженная работа возможна лишь тогда, когда у тебя прочный тыл – крепкая и дружная семья, когда ты спокоен за жену, детей и родных, когда ты с радостью идешь после службы домой, где тебя ожидают уют и тепло, забота и любовь.

Валентина Арсентьевна Рыдченко, Екатерина Дмитриевна Дружинина, Вера Андреевна Егоркина, Валентина Николаевна Мирошниченко, Лилия Ивановна Жардецкая, Антонина Федоровна Коковина, Вера Ивановна Суркова, Анастасия Прокопьевна Еременко, Ася Викторовна Фертова и многие, многие другие боевые подруги военных контрразведчиков мужественно прошли нелегкий жизненный путь со своими мужьями. Скитания по отдаленным гарнизонам, без возможности устроиться на работу даже не по специальности, забота о детях и домашнем очаге, когда муж в дальнем походе на корабле или подводной лодке. Только сильные, мужественные, стойкие и самоотверженные женщины способны совершать этот многолетний подвиг.

Скоро исполнится 60 лет, как мы идем по жизни с моей верной спутницей Валентиной Антоновной. Вместе мы преодолевали трудности быта, особенно в период учебы и службы в отдаленных гарнизонах: острове Русском, пгт. Промысловка, поселке Рыбачий на Камчатке. Все это уже в прошлом. У нас сын и дочь, которые получили высшее образование, четверо внуков и трое правнуков, старшие уже ходят в школу. Можно сказать, что жизнь удалась, мы прожили ее честно, стараясь, чтобы и наши дети были достойными гражданами нашей Родины.

Моя служба на Тихоокеанском и Северном флотах проходила бок о бок с множеством замечательных людей, военных контрразведчиков и флотских товарищей. Особенно близки мне подводники – элита военно-морского флота. Адмиралы А.П. Михайловский, Г.А. Хватов, А.А. Комарицын, Э.Д. Балтин, К.С. Сиденко, вице-адмиралы А.П. Еременко, О.М. Фалеев, А.В. Конев, В.П. Рябов, контр-адмиралы В.А. Рогунов, Ю.В. Кирилов, капитаны 1 ранга И.В. Василенко, Г.Ф. Попов, А.В. Резниченко и многие другие – истинные подводники, с которыми меня связывали служебные или дружеские отношения. Эти люди посвятили себя самому трудному военно-морскому делу – службе на подводных лодках – и с честью прошли выбранный путь, вырастая от лейтенантов – командиров групп или боевых частей, до командиров подводных крейсеров, командиров дивизий, командующих флотилиями и флотами. Я всегда с большим уважением относился к ним как к профессионалам самой высокой пробы и благодарен судьбе за то, что мне довелось общаться с ними.

Вспоминая прошлое, невольно задумываешься над тем, какая огромная работа была проделана военными контрразведчиками по обеспечению государственной безопасности флота, выявлению и пресечению устремлений иностранных спецслужб,

защите государственных и военных секретов, обеспечению ядерной безопасности, предотвращению взрывов и пожаров, чрезвычайных происшествий на кораблях и береговых объектах, предупреждению различных правонарушений со стороны военнослужащих. Сколько людей было поставлено на правильный путь своевременно принятыми профилактическими мерами. И я горжусь тем, что в огромной и самоотверженной работе на благо Отчизны и Военно-морского флота есть частица и моего труда.

2002–2012 гг., Владивосток

Контр-адмирал Сиденко А.Н. с правнуком Игорем и женой
Валентиной Антоновной. 1 сентября 2011 г.

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР

от 18 декабря 1978 года

Тов. СИДЕНКО

Анатолий Николаевич

За достигнутые положительные результаты
в обеспечении государственной безопасности

награжден Почетной Грамотой Президиума
Верховного Совета РСФСР

Президиум Верховного Совета РСФСР

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР

М. Искра

Н. Никитин — (Х. Никитин)

КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

В СВЯЗИ С 70-ЛЕТИЕМ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ И ОТМЕЧАЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ В РАБОТЕ,
ПРОЯВЛЕННЫЕ ИНИЦИАТИВУ И НАСТОЙЧИВОСТЬ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ
ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНЫХ ЗАДАЧ

НАГРАЖДАЕТ

капитана 1 ранга
СИДЕНКО
АНАТОЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА

ГРАМОТОЙ

Председатель КГБ СССР

20 октября 1978 г.

В. Чебриков — В. ЧЕБРИКОВ

Уважаемый

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ!

Коллегия Комитета государственной безопасности СССР поздравляет Вас с присвоением воинского звания контр-адмирала и выражает твердую уверенность, что Вы оправдаете это высокое звание, доверие Партии и Правительства.

Желаем Вам дальнейших успехов в деле обеспечения государственной безопасности нашей великой Родины, крепкого здоровья и личного счастья.

Председатель Комитета
государственной безопасности СССР

В. Крюков

9 декабря 1988 г.

ГРАМОТА

Капитан 1 ранга

Сиденко Анатолий

Николаевич

За достигнутые успехи
в работе и безупречную
службу в органах Комитета
государственной безопасности
Вы награждаетесь Грамотой.

Начальник Главного управления КГБ СССР
генерал-лейтенант

Н. Душин

30 декабря 1983 г.

1 ряд – подполковник В.П. Храбров; майор Ю.Н. Силин; подполковник С.М. Седов; капитан 2 ранга Л.В. Корабельников; капитан 1 ранга Е.Н. Дружинин; капитан 1 ранга П.И. Костромин; контр-адмирал Н. Н. Кошелев; подполковник Натальченко; капитан-лейтенант В.А. Королев.
 2 ряд – капитан 3 ранга Э.П. Юрушкин; капитан 3 ранга В.В. Прокопенко; капитан 3 ранга Ю.Н. Втошкин; капитан 3 ранга Л.А. Сурков; капитан-лейтенант Ю.Е. Ларин; ст. мичман Н.А. Чурина; капитан 2 ранга В.В. Маркидонов; капитан 2 ранга А.М. Хорьков, подполковник Д.А. Пятницкий.
 3 ряд – капитан В.П. Титов; майор С.М. Золотов; ст. лейтенант М.И. Кильдяшов; капитан-лейтенант В.Т. Михайлов; капитан И.И. Кияйкин; старший лейтенант Е.М. Наумов; капитан 2 ранга в отставке М.Ф. Осипов; капитан 3 ранга С.Г. Петров; А.Н. Абрамова, Н.С. Горват; капитан-лейтенант П.Г. Премьяк; капитан 3 ранга А.М. Смирнов; капитан 3 ранга А.Н. Чичёв; старший лейтенант В.Х. Каштанов.
 4 ряд – лейтенант Л.Н. Тищенко, капитан-лейтенант Э.Е. Залевский; лейтенант Г.Г. Рогозин («серый кардинал» у Коржакова); старший лейтенант А.Г. Еременко; капитан-лейтенант А.В. Кардаш.

Справа налево: Контр-адмирал Е.Н. Дружинин, генерал-лейтенант К.А. Григорьев, генерал-полковник В.М. Чебриков, крайний слева генерал-майор В. Гапоненко.

1 ряд – подполковник С.П. Вященко; капитан 2 ранга Л.В. Корабельников; капитан 1 ранга И.П. Рыдченко – вступил в должность начальника ОО КГБ ТОФ; генерал-майор Мазеркин – начальник УКГБ по Приморскому краю; контр-адмирал Н.Н. Кошелев – сдал дела перед убытием в Ленинград; подполковник Натальченко – зам. начальника УКГБ; полковник Сафронов – 1-й зам. начальника УКГБ ПК; майор В.П. Храбров – начальник секретариата.

2 ряд – капитан 3 ранга А.Н. Чичёв; подполковник Ю.Н. Силин; капитан 2 ранга Ю.И. Ветошкин; капитан 3 ранга А.В. Кардаш; капитан 3 ранга В.А. Королев; капитан 1 ранга Ф.А. Еременко; капитан 3 ранга А.А. Сиденко

Слева направо: 1 ряд – капитан 2 ранга Едренкин – секретарь парткомиссии эскадры; полковник Семячкин – зам. начальника ОО КГБ Камчатской военной флотилии; подполковник М.И. Будаев; -зам. начальника ОО КГБ по 15 ЭПЛ; капитан 2 ранга Е.Н. Дружинин – начальник ОО КГБ по 15 ЭПЛ; ст. лейтенант А.Н. Сиденко; ст. лейтенант Ю.С. Савинов; капитан 3 ранга Ю.С. Шлыков.

2 ряд – капитан-лейтенант А.И. Малютин; капитан-лейтенант Д.И. Никитин, капитан Голоткин; капитан-лейтенант В.И. Малинин; ст. лейтенант А.В. Митин

Коллектив 2-го сектора ОО КГБ по ТОФ на отдыхе. Слева направо: Н.В. Решетов, В.П. Баранов, В.Ф. Пилипенко, В.А. Королев, С.А. Сиденко, Ю.В. Ершов, Е.П. Фертов. 1978 г.

3.3. *Б.Д. Шадрин. От перфокарт к системе анализа: история ИАО ВКР ТОФ*

Во все времена, с доисторической эпохи, актуальной была задача накопления и концентрации в обобщенном виде информации по направлениям и видам деятельности. Носители при этом выби- рались самые различные: от глиняных табличек, папирусных свитков и рабочих тетрадей до специ- альных дел. И только к середине прошлого столе- тия пришло осознание необходимости выделения в системе разведки и контрразведки этой линии ра- боты и создания специализированных подразделе- ний, которые бы занимались накоплением первич- ных данных, их обобщением, классификацией, а в последствии и анализом.

Информация об объектах оперативного инте- реса накапливалась в компетентных органах из- давна. Уже в незапамятные времена, когда пись- менность еще не получила широкого развития, молва о лиходеях-разбойниках расходилась далеко от их промысловых мест. Одной из самых первых попыток постановки криминального элемента на учет была методика клеймения преступников. Не будем вдаваться в обсуждение этичности этого мероприятия с точки зрения общечеловеческих ценностей, хотя стоит отметить, что наибольшее распространение этот обычай получил именно в странах «просвещенной» Европы. Дальнейшим этапом развития «информационных технологий» стала систематизация информации о преступниках в форме создания вначале простейших, а затем бо- лее сложных картотек, с помощью которых можно было идентифицировать их личности.

Начало массового использования картотек от- носится к 70–80-м гг. XIX в., когда учет преступни- ков и их сообщников стали непременным атрибутом полиции и спецслужб многих страны. Не обошли новинки полицейской мысли и Россию. Так, на- пример, уже летом 1871 г. по секретному циркуля- ру началось создание «Алфавита лиц, политически неблагонадежных» и альбомов с их фотографиями, куда заносились «все лица, которые почему-либо обращают на себя внимание правительства, преи- мущественно в отношении политической неблаго- надежности». Технология накопления этих мате-

Борис Дмитриевич Шадрин

Родился 22 февраля 1947 г. во Владивосто- ке. В 1970 г. закончил ТОВВМУ по спе- циальности штурман. В 1975 г. закончил Высшие курсы военной контрразведки КГБ СССР в Новосибирске. В 1981 г. про- ходил обучение на Курсах усовершенсто- вания по специальности «противодействие иностранным техническим разведкам» при ВКШ КГБ СССР, а в 1988 г. – на Курсах повышения квалификации сотрудников информационно-аналитических подразде- лений при ВКШ КГБ СССР.

В 1975–1980 гг. занимал должности оперу- полномоченного и старшего оперуполно- моченного на отдельных объектах Особого отдела КГБ по Владивостокскому военно- морскому гарнизону. С 1980 по 1983 год работал во 2-м секторе Особого отдела КГБ по Тихоокеанскому флоту.

В 1983–1986 гг. находился за границей в составе спецгруппы 3-го Главного управ- ления КГБ СССР.

С 1986 г. занял должность начальника информационной группы, а с 1989 по 1993 гг. – начальника информационно- аналитического отделения Особого отдела КГБ СССР (с 1991 г. – УВКР МБ) по Ти- хоокеанскому флоту.

В 1989 г. присвоено звание капитана 2 ран- га. Награжден 9 медалями.

риалов состояла из объединенной системы учета агентурной информации и картотеки «алфавитных списков». Для учета и контроля поступавшей агентурной информации на каждого секретного сотрудника заводилась особая тетрадь (книжка), куда заносились все полученные от него сведения. В конце тетради в алфавитном порядке перечислялись фамилии и псевдонимы (партийные клички) тех, о ком агент упоминал в своих сообщениях, со ссылкой на страницу, где это сообщение находилось.

В свою очередь картотека «алфавитных списков» функционировала следующим образом: персональные листы объектов оперативного учета нанизывались на специальную дугу общего архива и вносились в регистратор всех лиц, проходивших по внутреннему и внешнему наблюдению. Если у революционера имелось несколько псевдонимов, то на каждый из них составлялся персональный учетный лист со ссылками на другие листы. В листах также имелись ссылки на регистратор агентства или номер агента, который явился источником информации. Сведения на одного фигуранта, поступающие от разных агентов, заносились на особый лист, где концентрировалась вся информация. Листы со сведениями о членах одной и той же организации нанизывались на отдельный регистратор, на который делалась ссылка в листе, находящемся на дуге. Таким образом, уже в 1902 г. спецслужбы царской России располагали именно картотекой, включавшей 65 тысяч учетных карточек, а архивы включали до 200 тысяч фотографий «государственных преступников» и «политические алфавитные списки лиц, разыскиваемых полицией с приложением фотографии, и состоявших под негласным надзором». «Шьется дело!» — устало хмыкали сотрудники Департамента полиции, скрепляя досье «цыганской» иглой с суровой ниткой. Каждая категория объектов разработки, агентов и секретных сотрудников, каждая форма учета имела собственный цвет документации. Это позволяло исключительно быстро находить любые материалы.

В годы после Октябрьской революции многое из этого передового опыта с успехом применялось на Лубянке для нужд Советской власти. В качестве зарубежного примера можно привести механическую систему картотечной обработки информации, разработанную директором ФБР Эдгаром Гувером. Он предложил заполнять сведения о преступниках на специальных карточках, на которых помимо анкетных данных указывались ответы на многочисленные вопросы о преступной «специализации» каждого фигуранта картотеки. Каждый положительный ответ фиксировался путем перфорации соответствующего поля карточки. При необходимости отбора подозреваемых по совокупности определенных признаков сквозь соответствующие отверстия (указывающие на необходимые признаки) продевались металлические спицы, и таким образом, отбирались искомые подозреваемые. После появления компьютеров правоохранительные органы и спецслужбы стали одними из самых первых и благодарных их пользователей. «Призыв на секретную службу» компьютеров, способных за доли секунды обрабатывать тысячи записей, положил конец эре картотек, заполненных сотнями тысяч бумажных карточек.

Наступили девяностые годы прошлого столетия. Ушла в прошлое целая эпоха. Эпоха, когда годами накапливался опыт КР, нарабатывались рабочие схемы, оттачивался механизм взаимодействия, но все это практически мгновенно было разрушено. Грядут перемены, связанные с новыми условиями бытия и хочется надеяться, что они будут происходить в позитивную сторону. В связи с этим возникает необходимость все-таки подвести черту под определенным этапом становления и процессом развития информационных подразделений ОО КГБ СССР по ТОФ и тем самым напомнить действующим и будущим работникам с чего все начиналось.

Банки данных являются энциклопедией завтрашнего дня

Жан-Франсуа Листар

1975 год. Особый отдел КГБ СССР по Владивостокскому гарнизону. В отделе происходит ротация поколений. Работники, получившие опыт практической деятельности – Рогозин Г.А., Тараканов А.А., Шкляр В.А. переходят на более ответственные участки 1-го и 2-го секторов ОО ТОФ. Следует подчеркнуть, что отдел по Владивостокскому гарнизону был своеобразной «кузницей кадров» для ОО ТОФ. Позже из его стен на повышение в ОО ТОФ и в Центральный аппарат КГБ СССР были переведены П.Г. Премьяк, Ю.А. Лапшин, А.А. Зданович, Б.Д. Шадрин, Н.М. Евтенко, А.В. Медведев, А.П. Рошупкин, которые впоследствии занимали ответственные и руководящие должности. Г.А. Рогозин, П.Г. Премьяк, А.А. Зданович, А.П. Рошупкин по прошествии выслуги лет получили адмиральские звания.

Но вернемся к истокам создания информационного направления в ОО ТОФ. Перед капитаном 3 ранга Шкляр Валентином Александровичем, получившим в 1975 г. назначение во второй сектор, была поставлена задача: курировать конкретные отделы ТОФ и вести линейную функцию информационного обеспечения. Сейчас, конечно, нельзя вспоминать без улыбки, но на тот период все информационное обеспечение флотской деятельности состояло из алфавитного каталога (2-х ящиков библиотечного типа), картотека которых строилась по персональному и тематическому принципам. Тем не менее, эта работа была закреплена нормативной базой. Параллельно, аналогичная картотека, усилиями автора этих строк, была создана на объектах гидрографии и вспомогательного флота в отделе Владивостокского гарнизона. Необходимость ее создания трактовалась тем, что четверо из шести работников этих объектов отсутствовали в отделе и находились в море, а члены экипажей судов постоянно переходили с судна на судно. Картотека гарнизона долгие годы служила подспорьем для оперсостава при выполнении основных задач.

Прошло четыре года и во 2-м секторе выделяется самостоятельная штатная единица информационного работника, на должность которого был назначен капитан-лейтенант Премьяк Петр Григорьевич. «Совершенствуется» и материально-техническая база. Место примитивных карточек занимают карты с краевой перфорацией, бухгалтерские счета, арифмометр, логарифмическая линейка. Разрабатывается специализированный кодификатор. В отчетный период клеились ватманские листы и велся строгий учет. Таким образом накапливался опыт и отрабатывалась система статистической отчетности. Вполне вероятно, что вплоть до настоящего времени с этими материалами можно ознакомиться в архивах. Совершенствование этой работы, вплоть до 1985 г., продолжил капитан 3 ранга Марченко Александр Викторович.

В 1985 г. руководством принимается решение о создании при ОО ТОФ отдельного специализированного подразделения – информационной группы. К концу 1986 г. штат группы в основном был укомплектован. Должность начальника получил автор, старшего сотрудника – капитан 3 ранга Александр Владимирович Михайлов, сотрудника – капитан-лейтенант Владимир Мирсаитович Гайнутдинов. Менее чем через год в информационной группе вводится должность секретаря-делопроизводителя, на которую назначается старший прапорщик Людмила Борисовна Сыроваткина, а чуть поз-

же – дополнительная должность инспектора с назначением на нее лейтенанта Татьяны Борисовны Обляковой.

Перед сотрудниками группы ставятся задачи:

- совершенствование структуры информационного подразделения;
- перевод всего бумажного информационного массива ОО ТОФ на новые формы информационного учета и подготовка его для процесса автоматизации;
- отработка взаимодействия с взаимодействующими структурами КГБ СССР.

В период с 1986 по 1991 гг. поставленные задачи были выполнены в полном объеме.

К 1989 г. была завершена обработка всей ретро-информации. В отделах армейского звена введены должности информационно-аналитических работников, проведено их обучение по профилю специализации, отлажено взаимодействие с информационными подразделениями территориальных органов и управления погранвойск. Параллельно с 1989 г. начался процесс перевода информационного массива в авторежим.

Сотрудники группы смотрели и на перспективу. В.М. Гайнутдиновым был разработан алгоритм и на базе БК «Электроника» руководству отдела продемонстрированы возможности и высказаны предложения по использованию ПЭВМ для исключения затратных усилий эксплуатации ЕС четвертого поколения. Со временем, когда на вооружение стали поступать мини – ЭВМ эти рекомендации были учтены.

На основе массива обработанной информации, несмотря на то, что задача анализа перед подразделением не ставилась, была проведена работа по обобщению ранее полученных материалов ремонтов судов обеспечения ТОФ в иностранных портах и выданы рекомендации оперработникам по совершенствованию их служебной деятельности. В последствии это дало свои положительные результаты.

В этот же период (1987–1991 гг.) менялся и состав подразделения. На смену ушедшим на другие должности В.М. Гайнутдинову и А.В. Михайлову пришли соответственно новые работники Валерий Григорьевич Малахов и Евгений Александрович Тищенко. Именно их профессионализм, помноженный на опыт сотрудника ИО армейского звена, преобладавший в совокупности с опытом действующих сотрудников позволили в кратчайшие сроки достичь положительных результатов. Категория подразделения в 1990 г. была повышена до информационно-аналитического отделения и, забегая вперед, по результатам инспекторской проверки Центрального аппарата в 1993 г. оно было признано лучшим подразделением ИАО в системе военной контрразведки.

*Техника приходит на помощь
любому желанию и любому страху.*

Габриэль Оноре Мореаль

Предвидеть-значит управлять.

Блез Паскаль

С началом активизации внедрения в Вооруженных силах СССР автоматизированных систем боевого управления этот процесс затронул и структуру КГБ. Начало его пришлось на вторую половину восьмидесятых годов прошлого столетия. Техника же стала поступать значительно позже. А период с 1985 по 1987 гг. пришелся на осмысливание структуры, решение технических и организационных вопросов, подготовку кадров.

Первоначально предполагалось создать в ОО КГБ СССР по ТОФ свой информационно-вычислительный центр в здании команды обеспечения. Однако значительные капитальные вложения в переустройство здания и отсутствие специализированных линий связи не позволили реализовать данный проект. Рассматривался также вариант объединения усилий ОО ТОФ и ОО Управления погранвойск на материальной базе и территории пограничников. После тщательной проработки данного вопроса от него тоже пришлось отказаться, в основном по тем же причинам.

За основу было утверждено предложение создания объединенного ИВЦ совместно с пограничниками и структурным информационным подразделением УКГБ по Приморскому краю. В здании УКГБ к этому времени уже завершались работы по монтажу и вводу в эксплуатацию двухмашинного комплекса ЕС третьего поколения. Сотрудники ИАО – В.М. Гайнутдинов и В.Г. Малахов активно включились в эту работу, одновременно проходя обучение по освоению новой техники.

В последствии практика показала, что на тот период, это было пожалуй единственно правильное решение. Уже через полгода эксплуатации ЭВМ стала выдавать результат объединяя усилий трех ведомств. И только режимные, ведомственные рамки, необходимость постоянного обновления технического парка и переноса информации не позволяли достичь более высоких результатов. Были затрачены значительные материальные, финансовые и людские ресурсы. Но время берет своё. Это, а также совершенствование технического прогресса и переход на накопительную базу ПЭВМ позволили, в последствии, перейти к локальным информационным сетям Управления ВКР по ТОФ.

Тем не менее, к началу 90-х гг. автоматизированная информационная составляющая информационно-аналитического отделения УВКР по ТОФ была введена в фазу боевого использования, а сформировавшаяся структура подразделения и поныне составляет основу информационно-аналитической работы Управления.

Послесловие

Жизнь диктует свои правила. С возрастом, рано или поздно, но приходится делать

выбор. В спину дышат молодые, амбициозно (в хорошем смысле этого слова) настроенные кадры. У них впереди огромный потенциал, современное видение проблем и большое будущее.

15 декабря 1992 г. в кадрах мне объявили, что из Москвы пришли документы, подтверждающие мой рапорт и ходатайство об увольнении в запас. Позади родная стихия, молодость и годы, отданные службе в ВМФ СССР, настоящее как грань между прошлым и будущим и неопределенная перспектива дальнейшего трудоустройства. Все мы являемся заложниками обстоятельств, внешних факторов и воли руководства, которое само находится под влиянием этих факторов.

С одной стороны, есть полная удовлетворенность хорошо сделанной работой, с другой – ностальгия: «Не рано ли списали на покой». Однако, пожалуй, 19 августа было принято единственно правильное решение. Решение осознанное и самостоятельное, несмотря на то, что были предложения продолжить службу и передать накопленный опыт молодым работникам, ведь впереди у них реализация новых перспективных задач по освоению современной техники, отработке взаимодействия сетевого обеспечения, отладке аналитической составляющей ИАО. Тем не менее решение было принято.

Сотрудникам, с которыми пришлось работать все эти годы, от души хочу выразить персонально слова благодарности. Это ими в основу структуры ИАО был заложен стержень крепкого, дружного, высокопрофессионального коллектива, где каждый сотрудник с полной ответственностью и глубоким знанием дела трудился и трудится на порученном ему участке. Действующим сотрудникам – творческих успехов и перспектив роста. Высшей оценкой их деятельности служат слова ветерана ОО КГБ СССР контр-адмирала Анатолия Николаевича Сиденко: **«Особый вклад в совершенствование чекисткой деятельности УФСБ по ТОФ внесли сотрудники ИАО. Ими была создана автоматизированная система накопления, учета и боевого использования оперативной информации, разработана необходимая организационная и техническая документация, а затем эта система внедрена во все подразделения Управления».**

Первый руководитель ИАО УВКР по ТОФ

Шадрин Борис Дмитриевич,

июль 2010 года,

г. Владивосток

3.4. А.А. Белов. «Чернобыльские прелюдии» в океане

В начале 1985 г. судьба вновь забросила меня на Камчатку, но уже в новом качестве. Я получил назначение на должность заместителя начальника Особого отдела КГБ по 10-й дивизии 2-й флотилии атомных подводных лодок. 23 марта началась моя служба в Рыбачьем длиною в пятнадцать лет.

Тогда я даже предположить не мог, что когда-нибудь займу место начальника Особого отдела флотилии. В то время эту должность исполнял контр-адмирал Сурков Леонид Александрович, авторитетный руководитель, опытный чекист и прекрасный человек. Надо сказать, что руководящий и оперативный состав особых отделов на Камчатке отличался своими высокими профессиональными качествами. Некоторых я знал по прежним местам службы в Приморском крае, с другими мне еще предстояло вместе служить и налаживать рабочее взаимодействие.

Мой перевод на Камчатку совпал по времени с образованием на Тихоокеанском флоте новых объединений и соединений. Естественно, расширялись и особые отделы. В частности, была введена новая должность — заместитель начальника Особого отдела дивизии. Это коснулось отделов по 25-й, 10-й и 45-й дивизиям атомных подводных лодок. В отделе по 8-й дивизии такая должность появилась несколько раньше.

Руководителями Особого отдела КГБ по 2-й ФПЛ и подчиненных отделов в то время были контр-адмирал Л.А.Сурков, его заместитель капитан 1 ранга Ю.В.Ткач, начальник отдела по 8-й дивизии капитан 2 ранга Ю.А. Котрачев, начальник отдела по 25-й дивизии капитан 2 ранга О.В. Евсюков, начальник отдела по 45-й дивизии капитан 2 ранга В.М. Турейский, начальник отдела по 10-й дивизии капитан 2 ранга В.В. Солодко и вновь назначенные помимо меня двое заместителей, с которыми мне пришлось долгое время вместе служить и дружить, — Георгий Тетерин, Георгий Стогний и Андрей Рытов. Могу сказать, что все мои начальники и коллеги были искренне преданы своему делу, бескорыстно и самоотверженно выполняли свой долг по обеспечению государственной безопасности Тихоокеанского флота.

Освоение новой должности проходило у меня под знаком К-429 и К-175. Атомная подводная лодка К-429 проекта 670, вооруженная 8-ю ПУ ПКРК «Аметист», входила в состав 10-й дивизии под командованием капитана 1 ранга Н.Н. Алексеева 24 июня 1983 г. К-429 затонула в бухте Саранная у берегов Камчатки на глубине 41 метр при отработке задач боевой подготовки. Эта трагедия принесла много горя в семьи подводников. Погибло 16 человек. У тех, кому удалось спастись, эта катастрофа навсегда оставила в памяти неизгладимый след, серьезно сказавшись на психике и здоровье.

Расследование причин катастрофы К-429 по нашей линии вел приехавший из

БЕЛОВ Александр Антонинович,
контр-адмирал запаса ФСБ РФ

Москвы начальник 6-го отдела 3-го Управления КГБ СССР капитан 1 ранга А.В. Жардецкий. Расследование шло довольно долго и оказало серьезное влияние на дальнейшую судьбу командира дивизии Н.Н. Алексеева и начальника Особого отдела дивизии капитана 2 ранга В.В. Солодко. Тогда такие чрезвычайные происшествия с тяжелыми последствиями никому не прощались, и поэтому В.В. Солодко встретил меня довольно настороженно и все время спрашивал: «Почему ко всем прислали заместителей из числа оперативных работников, а мне сотрудника кадрового аппарата? Это неспроста!».

Но вернемся к К-429. 6 августа 1983 г. она была поднята и отбуксирована на СРЗ-49 в бухту Сельдевая (Вилучинск) на аварийно-восстановительный ремонт. Но этой лодке фатально не везло. Я очень хорошо помню до сих пор ту ночь 5 августа 1985 г., когда К-429 из-за неисправности донно-заборной арматуры и разгерметизации прочного корпуса вновь затонула на глубине семи метров прямо у пирса СРЗ-49. Несколько ремонтных бригад завода постоянно работали на лодке, но перед последними испытаниями К-429 вновь затонула. Я выехал на место происшествия и наблюдал за событиями с высоты 15 метров из помещения оперативного дежурного завода.

Уже тогда наша местная аварийно-спасательная служба показала свою полную неспособность вести работы по спасению подводных лодок. Дежурно-вахтенная служба К-429 не обходила своевременно боевые посты и не докладывала о поступлении воды в прочный корпус. Расхлябанность и недисциплинированность привели к тому, что кто-то на открытой трюмной балластной магистрали К-429 не поставил заглушку, и лодка утонула прямо на глазах у изумленных адмиралов Ясакова и Балтина, руководивших спасательными работами. В результате К-429 как боевой единицы не стало окончательно. После очередного подъема 12 октября 1985 г. приказом главкома ВМФ СССР она была переформирована в УТС и поставлена на прикол в бухте Крашенинникова.

Вообще могу сказать, что 1985 год был одним из самых несчастливых в истории нашего военно-морского флота. 10 августа того года на атомной подводной лодке К-431 во время стоянки у пирса СРЗ-30 в бухте Чажма в результате нарушения технологии ремонтных работ произошел тепловой взрыв реактора и пожар. Погибло 10 человек и по крайней мере 913 оказались облученными.

Но вернемся к К-429. Мне было поручено провести расследование этого происшествия с очередным затоплением этой несчастливой лодки. Я был с утра до вечера загружен работой и внезапный вызов 5 октября 1985 г. к контр-адмиралу Суркову расценил как необходимость во внеочередном докладе о ходе расследования. Но начальник Особого отдела флотилии сообщил мне о новой ядерной аварии на атомной подводной лодке К-175, которая находилась на боевой службе в Индийском океане. 29 сентября во время прохождения плановых профилактических работ в порту Аден (Южный Йемен) на ней произошла авария главной энергетической установки. Эта лодка проекта 675 с 8 ПУ ПКРК «Вулкан» входила в состав 10-й дивизии атомных подводных лодок. В эту боевую службу на К-175 находился мой подчиненный, старший оперуполномоченный капитан-лейтенант А.И. Левин.

Я получил от Л.А. Суркова приказ быть 7 октября 1985 г. в Севастополе, принять там в обслуживание ПМ-74, которую готовил к переходу Черноморский флот, и на ней выйти на спасение К-175, которая в это время уже находилась на архипелаге Дахлак в Красном море, и по прибытии провести расследование обстоятельств аварии.

В то время у нас было не принято подвергать сомнению приказы своих начальников, а тем более задавать вопросы. Но, уже выходя из кабинета начальника, я начал прикидывать в уме, как мне вовремя попасть на корабль, который ждать меня не будет и выйдет в море точно в установленный срок. Уже смеркалось, и я в задумчивости побрел домой, думая, что сказать жене, Э и как мне побыстрее оформить командировочное предписание.

Когда я пришел домой, то обратил внимание, что в комнатах и на кухне царил беспорядок. Было видно, что жена начала готовить голубцы, но так и не успела их слепить. Начинка и капустные листья остались лежать на столе. Это было более чем странно, так как моя супруга никогда за все время нашей совместной жизни не оставляла на кухне подобного беспорядка. Меня это так поразило, что я сразу же понял – произошло нечто из ряда вон выходящее.

Буквально через несколько минут жена вернулась домой вся в слезах и рассказала, что наш сын Вадим, которому тогда было 13 лет, играя на улице, упал с «тарзанки», ушибся головой и получил открытый перелом руки. В больнице ему сделали операцию, и он еще не очнулся после наркоза. Жена была в шоке. У сына оказался сложный перелом, и имелась вероятность того, что кости могли срастись неправильно.

Обстановка складывалась хуже некуда. К тому же, на следующий день 6 октября был мой день рождения. А тут сын сломал руку, а мне нужно срочно вылетать на другой конец страны, уйти в море на неопределенный срок и оставить жену одну дома с двумя детьми. Дочери тогда было всего три года.

Я всегда был и до конца своих дней буду благодарен своей жене, которая мужественно и стойко разделяла со мной все трудности службы, бытовую неустроенность гарнизонов и другие «прелести» жизни военного контрразведчика. Выслушав меня, она помогла мне собраться и успокоила, сказав, чтобы я ни о чем не волновался. На следующее утро, в день своего рождения, я вылетел в Симферополь. Теперь все зависело только от меня. Удивительно, но я успел прибыть на место в установленный срок. Уже 6 октября я был на ПМ-74, познакомился со старшим перехода, командиром корабля и представителями командования Черноморского флота.

7 октября мы точно по графику вышли в трудный океанский поход на помощь к аварийной К-175. Представить, что нас ожидало впереди, я, естественно, не мог, но чувство озабоченности и беспокойства овладело мной еще на берегу. Черноморские чекисты быстро ввели меня в круг решавшихся вопросов по ПМ-74, которая пришла из Николаева и в ускоренном режиме осваивалась экипажем, сформированным из военнослужащих 4-й флотилии ТОФ.

ПМ-74 – это плавучая техническая база 2 ранга водоизмещением порядка 12000 тонн, предназначенная к проведению операций № 1 для атомного подводного флота – перезарядки реакторов, сбора, хранения и переработки радиоактивных отходов. Она должна была войти в состав ТОФ в 1986 г., но авария на К-175 ускорила ее переход на Дальний Восток.

Хорошо известно, что корабль без хорошей команды – это плавающее ЧП. Команда ПМ-74 формировалась, как говорится, по остаточному принципу. На 4-й ФПЛ ТОФ собирали всех ненужных или не самых лучших специалистов и отправили в Севастополь. Однако для такого крупного корабля нужна была команда из моряков-надводников, но где их было взять в объединении подводных лодок? Опять же приказы не обсуждают, и на ПМ отправили самых «лучших».

Командир ПМ-74 был назначен с должности помощника командира ТНТ, который ранее служил командиром дивизиона движения на атомной подводной лодке. Отмечу, что ТНТ – это по сути небольшая баржа для перевозки радиоактивных отходов. Естественно, этот командир ни опыта, ни навыков командования таким большим кораблем не имел. Допуска к управлению кораблем у него тоже не было. Старшим помощником командира являлся бывший мичман с торпедолова, затем получивший офицерское звание и ставший командиром большого торпедолова, пришедшего на замену старому. Старший помощник также не имел допуска на самостоятельное управление кораблем такого класса. Механиком (командиром БЧ-5) ПМ был назначен командир группы БЧ-5 атомной подводной лодки, понятия не имевший, что такое ПМ. Стоит ли говорить, что допуска к самостоятельному управлению боевой частью у него тоже не было. В отношении остальных членов экипажа можно сказать то же самое. Поэтому к моменту выхода в море 40 процентов экипажа ПМ было заменено. Это было сделано командованием на основании информации Особого отдела КГБ по ЧФ.

Прекрасно понимая, что с таким экипажем ПМ-74 далеко не уйдет, командование ТОФ, как всегда бывает в таких случаях, посадило на корабль так называемый походный штаб, состоявший из тех настоящих специалистов, которые, несмотря ни на какие трудности, обеспечили переход аварийной подводной лодки во Владивосток. Но с походным штабом обстояло не все гладко. Прежде всего, вызывало недоумение наличие в штабе пяти политработников и только одного механика. Все дальнейшие события показали, что было бы лучше сделать наоборот.

В то время не афишировали аварии атомных подводных лодок, и поэтому одной из задач, поставленных передо мною в этой экспедиции, было сохранение военной тайны. Одновременно мне долженствовало провести расследование обстоятельств аварии, в том числе на предмет возможного злого умысла, а также всеми силами и средствами способствовать командованию в выполнении поставленных задач по осуществлению перехода аварийной лодки во Владивосток. Считаю, что эти задачи я полностью выполнил. Лодка прибыла во Владивосток без происшествий. Я явился в Особый отдел флота, сдал шифрдокументы, доложил о благополучном завершении похода, и на этом все закончилось. «Не наказали, – подумал я, – и на том спасибо», – и сразу вылетел домой, на Камчатку. А через несколько лет все участники этого перехода как-то неожиданно стали героями и получили правительственные награды, а командир аварийной лодки – звание контр-адмирала. Но это было потом, а пока шел октябрь 1985 г., и мы достаточно быстро – 10-узловым ходом – прибыли на Дахлак.

Там находился наш ПМТО, где стояла К-175 и ждала нашей помощи. Успешно ошвартовавшись рядом с ней, мы сразу же решили попробовать отмыть оба ядерных реактора, в каждый из которых по недоразумению, а может быть, и неслучайно, вместо положенного в таких случаях раствора аммиака было залито по 15 литров четыреххлористого углерода.

Как мог попасть четыреххлористый углерод вместо аммиака на борт К-175 и почему специалисты БЧ-5 влили его в 1-й контур реакторов, не заметив своей ошибки, – на эти вопросы я и должен был получить ответ.

Александр Иванович Левин, старший оперуполномоченный с К-175, доложил мне результаты предварительного разбирательства, из которого следовало, что, находясь в порту Аден, личный состав БЧ-5 К-175 при плановых профилактических работах залил в 1-й контур обоих реакторов вместо аммиака сильнейший растворитель

— четыреххлористый углерод. В результате этого произошло резкое повышение уровня радиации по всем контурам, фильтрам и вспомогательным механизмам реакторов. По мнению специалистов, в случае дальнейшей эксплуатации реакторов могли произойти разгерметизация 1-го контура из-за коррозии металла и полное радиационное загрязнение лодки с самыми непредсказуемыми последствиями.

Я сформировал оперативно-следственную группу и приступил к планомерному расследованию с целью определить роль каждого участника этого происшествия, которое иначе как головотяпством и не назовешь.

В это же время походный штаб принял решение произвести отмывку 1-го контура реактора правого борта силами личного состава ПМ и дивизиона живучести ПЛ. Тогда же мне пришлось буквально облазить все закоулки места происшествия, провести опрос личного состава БЧ-5 на боевых постах и при этом одновременно следить за развитием событий на ПМ и уровнем радиации на К-175, с тем чтобы не усугубилось и без того сложное положение на этих двух кораблях. Но, к сожалению, не все можно заранее предусмотреть, особенно тогда, когда это касается ядерных устройств.

Как и предполагали химики-ядерщики, случилось самое худшее, что могло произойти. В первом контуре были обнаружены элементы ядерного топлива, а это означало, что под воздействием растворителя произошло растрескивание тепловыделяющих элементов (ТВЭЛ) внутри самих реакторов. Затем начала увеличиваться наведенная активность по всей системе.

Бесполезность и опасность наших действий по отмывке стали очевидны лишь после того, как радиоактивность на лодке резко выросла и составила примерно 50 рентген в час за фильтрами первого контура, а ПМ-74 была наполнена под завязку выкачанной активной водой из реакторов, цистерны с которой находились как раз под нами. Кроме того, из-за постоянных нарушений личным составом правил радиационной безопасности произошло радиоактивное загрязнение всей поверхности и ряда помещений ПМ.

Вот в таком состоянии, без действующих механизмов и с незаряженной аккумуляторной батареей, под одним дизель-генератором К-175 решили буксировать во Владивосток с заходом в Камрань. Эта была опасная авантюра, особенно для экипажа лодки, на которой в то время находился и я, продолжая расследование. Через несколько дней после выхода с Дахлака на лодке, как это всегда бывает у атомщиков, сломался дизель — и К-175 осталась без электричества.

Представьте себе ситуацию — аварийная атомная подводная лодка с восьмью ядерными ракетами и четырьмя торпедами с ядерными боеголовками, с двумя неисправными и постоянно излучающими радиацию ядерными реакторами остается в море без какой-либо энергии, со сломанными дизелями и неработающими кондиционерами при температуре забортной воды +34–36 градусов. Экипаж находится в разогретых до +70 градусов отсеках в темноте и без пищи.

В этих невыносимых условиях мы продержались несколько суток и на ходу — лодку тащили на буксире — все-таки сумели отремонтировать дизель. И так на одном дизель-генераторе, с горячей пищей один раз в сутки, через месяц мы наконец пришли в Камрань — этот райский уголок с чудесными пляжами и нежной, ласковой голубой водой.

Не следует забывать, что переход проходил в условиях радиационного загрязнения отсеков лодки. Поэтому, когда мы прибыли в Камрань, весь экипаж походил на призраков. Бледно-желтые лица, запавшие пустые глаза, покрытые сыпью и фурункулами тела. На всем переходе из-за отсутствия пресной воды, которой едва хватало для приготовления пищи, о личной гигиене не могло быть и речи.

Результаты проведенного мною оперативного расследования показали, что авария на К-175 началась с Камрани. В августе 1985 г. К-175 вышла с Камчатки на боевую службу в Индийский океан, успешно дошла до Камрани и здесь встала для пополнения запасов и получения химических реактивов в местной службе радиационной безопасности (СРБ). Этой службой руководил мой хороший товарищ и опытный специалист, капитан 2 ранга П.М. Прищепа, но, к сожалению, на момент захода К-175 в Камрань он был в отпуске и его замещал другой офицер СРБ, в профессиональных качествах которого я сразу же усомнился.

Из объяснений этого офицера следовало, что он выдал представителю БЧ-5 К-175 аммиак, который наливал из 20-литровой бутылки матрос Степанов. Затем он лично проводил на лодку представителя БЧ-5, который нес в руках канистру с аммиаком. Он вспомнил и интересные подробности, которые все расставили по своим местам. По пути на лодку подводник, несший канистру, стал уставать и спросил офицера СРБ, химика по специальности: «Почему канистра такая тяжелая? Раньше я носил такие же канистры с аммиаком, но они были гораздо легче». На что химик, заместитель начальника СРБ эскадры, ответил: «А что ты хотел? Это же концентрированный аммиак». Любой школьник может легко подсчитать атомарный вес концентрированного аммиака и четыреххлористого углерода и определить, что последний в четыре раза тяжелее.

Таким образом, механик-подводник был близок к тому, чтобы предотвратить грядущую аварию, но специалист-химик убедил его, что аммиак тяжелее четыреххлористого углерода. Вот таким образом на К-175 попал вместо аммиака четыреххлористый углерод. Одновременно в ходе расследования было установлено, что на СРБ в Камрани не было ни одного паспорта ни на одну жидкость, хранившуюся на складах этой службы. Конечно, после аварии все было приведено в порядок, но это уже никак не смогло изменить ситуацию с лодкой, которая вышла из строя на длительный срок, а затем, в апреле 1990 г., ввиду невозможности восстановления, была исключена из состава ВМФ.

Была еще одна возможность предотвратить беду. При производстве работ по профилактике теплоносителя 1-го контура с помощью аммиака матрос Пшеничный при разбавлении псевдоаммиака водой до соответствующей концентрации высказал сомнение руководителю работ мичману Петрову, обратив внимание последнего на то, что этот «аммиак» какой-то странный и не имеет запаха. Действительно, можно ли представить себе аммиак без запаха? Но мичман, подводник с большим стажем, оставил вопрос матроса без внимания – без запаха, так без запаха, другого-то на лодке все равно нет. Да и не мог Петров различать запахи, так как накануне вечером, по приходу в порт Аден, выпил пол-литра чистого спирта и во время работ находился в состоянии глубокого похмелья. Тысячу раз прав был главком ВМФ СССР Горшков, когда говорил, что причиной любой аварии и катастрофы на кораблях является исключительно человеческий фактор. Только в 1985 г. вышла из строя, а фактически погибла

целая дивизия атомных подводных лодок: К-431 – тепловой взрыв реактора; К-429 – затонула возле пирса из-за нарушений правил борьбы за живучесть при проведении ремонтных работ, К-175 – вывод из строя ядерных реакторов. Все это происходило в преддверии Чернобыльской катастрофы, но гласности предано не было и поэтому никого не насторожило, не заставило задуматься и, как говорят на флоте, «осмотреться в отсеках».

В 1997 г. я был назначен начальником отдела дивизии, а на смену Л.А. Суркову пришел Анатолий Николаевич Сиденко, под руководством которого я и проходил дальнейшую службу на Камчатке. А.Н. Сиденко к тому времени был уже опытным начальником. Лишенный всякого карьеризма и конъюнктуры в своей работе, он отличался острым умом и государственным подходом к делу.

Самое важное, чему научил меня Анатолий Николаевич, – это умение вести контрразведывательную работу по всем линиям, не забывая главное – охранять доверенные нам государством стратегические объекты. Тогда 2-я флотилия атомных подводных лодок находилась в самом расцвете своего могущества. В ее состав входило пять дивизий, ее боевой состав постоянно обновлялся лодками третьего поколения самых современных проектов.

Одной из самых крупных дивизий была 10-я, в Особый отдел которой я и был назначен начальником. В состав дивизии входило 16 боевых единиц и 22 войсковые части. Шла интенсивная боевая подготовка, лодки постоянно выходили на боевые службы, осуществлялся прием новой техники и вооружений.

В те же годы атомные подводные лодки проекта 949-А совершали сложные межбазовые переходы с Северного на Тихоокеанский флот подо льдами Северного Ледовитого океана. В период с 1987 по 1995 гг. в 10-ю дивизию с Северного флота было переведено шесть атомных подводных лодок проекта 949-А. Экипажи этих лодок тщательно готовились, в том числе по линии Особого отдела. В состав каждого экипажа входили оперработники. Все экипажи успешно справились со своими задачами, и во время переходов не было ни одного происшествия. Многие подводники этих новых лодок были награждены орденами и медалями, а двое стали Героями России – контр-адмирал И. Козлов и капитан 1 ранга А. Астапов.

Но так уж повелось, что оперработники награждаются в последнюю очередь. В Москве почему-то считают, что если военный контрразведчик не арестовал на подводной лодке ни одного агента иностранных спецслужб, то значит он не заслуживает награды. Более того, профессиональные качества такого оперработника начинают подвергаться сомнению. А то, что оперработник ходит на все боевые службы порой в два-три раза больше любого офицера из экипажа, воспринимается как само собой разумеющееся.

Вместе с А.И. Сиденко мы решили пойти другим путем и представляли к наградам наших работников по линии командования ТОФ. Но бдительная Москва каждый раз возвращала такие представления со следующими разъяснениями: если оперативный работник действительно достоин награды, то представление необходимо направлять на имя Председателя КГБ СССР с описанием всех заслуг, как то: проникновение в спецслужбы иностранных государств, разоблачение вражеского агента, добывание каких-либо важных секретов. А вот за личное мужество в ходе выполнения поставленных задач – увольте, этого маловато для награждения. Поэтому все наши оперработники,

имевшие за плечами десятки боевых служб на подводных лодках различных проектов, прошедшие все моря и океаны, не имели на своих мундирах ничего, кроме знака «За дальний поход».

За два года руководства отделом мне удалось сформировать прекрасный коллектив. В отделе служили чекисты разных поколений, за счет чего мы стремились сохранить преемственность – один из важных факторов в любой работе. Старшее поколение представляли такие чекисты, как О. Самойлов, С. Остряков, К. Стогний, Ю. Ушаков, переведенные из 45-й дивизии вместе с ПЛ проекта 671 РТМ Шумейко, А. Левин, А. Хоботов, М. Бардаев, пришедшие из Новосибирской школы Ю. Кармадонов, А. Андреев, Ю. Емельянов, Н. Нумеров, С. Болдырев. Все эти сотрудники отличались высокой общеобразовательной и специальной подготовкой, были прекрасными военно-морскими специалистами, авторитетными оперработниками, уважаемыми в своих экипажах.

Опираясь на такие силы, наш отдел быстро начал расти профессионально и вскоре вышел на первое место среди особых отделов по результатам своей работы. Его куратором был капитан 1 ранга Толкачев Валерий Александрович, который быстро и жестко приучил нас к порядку в вопросах исполнительской дисциплины и отношения к работе. Заместитель начальника Особого отдела флотилии В.А. Толкачев имел огромный опыт руководящей работы в Центре, знал досконально всю нормативно-правовую базу и, самое главное, умел расставить акценты так, что наш отдел постоянно имел конкретные результаты по всем направлениям контрразведывательной работы.

А.Н. Сиденко и В.А. Толкачев, с большой ответственностью относясь к вопросам безопасности плавания, ядерной безопасности, приучали нас к постоянному отслеживанию обстановки на объектах. Эта работа требует от оперработника постоянного присутствия в экипаже, глубокого знания людей, участия во всех мероприятиях. Прежде всего перед оперсоставом ставилась задача по предупреждению чрезвычайных происшествий. Благодаря высокому контрразведывательному режиму, в частях и на кораблях ТОФ удалось избежать многих аварий и катастроф, чего нельзя сказать о Северном флоте.

А.Н. Сиденко и В.А. Толкачев научили нас не поддаваться искушению от внешне выигрышных, но сиюминутных дел и ориентировали нас на сложную, психологически трудную работу с аппаратом негласных помощников, изучение военных специальностей и всестороннее отслеживание оперативной обстановки. Сейчас, наверное, уже трудно представить ту интенсивность, с которой велась оперативная работа. Коллеги из территориальных органов госбезопасности частенько подтрунивали и подсмеивались над нами, когда узнавали, что у каждого военного контрразведчика находится на связи до 30 негласных помощников, а почти каждый оперработник имеет по три-четыре выхода в год на боевые службы. Но такая интенсивность нашей работы была обусловлена тем, что в наши задачи входило контрразведывательное обеспечение атомного подводного флота, вооруженного стратегическим и тактическим ядерным оружием, объектов его берегового базирования и ядерных арсеналов. Люди всегда остаются людьми, человеку свойственно ошибаться, однако на таких объектах любая ошибка могла привести к самым тяжелым последствиям, в том числе планетарного масштаба.

Чаше всего, конечно, случались гораздо более мелкие по своим масштабам, но тем не менее грозившие гибелью людей происшествия. Один такой случай произошел

на ядерном объекте в поселке Богатыревка — хранилище ядерного боезапаса, который обслуживал молодой по стажу работы оперработник, капитан 3 ранга Алексей Мурский.

Из караула, охранявшего этот объект, сбежал матрос, прихватив с собой автомат и два рожка с патронами. Командование и милиция ввели в действие план-перехват, но безрезультатно. К поискам беглеца подключилась военная контрразведка. Бывший в то время командующим 2-й ФПЛ вице-адмирал Комарицин А.А. пригласил меня к себе, рассказал о результатах предварительного расследования этого происшествия и сообщил все имевшиеся у него сведения о беглеце. Им оказался матрос первого года службы, призванный из Якутии, русский, профессиональный охотник, который бил из карабина без промаха на 300 метров, закаленный в суровых условиях якутской тундры. Как выяснилось, причиной побега стали издевательства старослужащих.

Был уже вечер. Обстановка складывалась крайне неблагоприятная. По данным оперработника, сбежавший матрос имел намерение отомстить обидчикам и пока еще находился в пределах поселка. На следующее утро командующий флотилией назначил войсковую операцию по захвату и уничтожению беглеца. Я представил себе, сколько людей может погибнуть во время операции от метких выстрелов этого якутского охотника.

Я проинструктировал А. Мурского и дал ему санкцию на самостоятельные действия в случае необходимости. Впереди была еще целая ночь, и Мурскому предстояло перехватить беглеца до утра, лично обойдя все места возможного появления беглого матроса. Мурский попросил разрешения взять с собой табельное оружие, но я, зная его резкий характер, отказал ему, сказав, что его задача не бегать вместе с военнослужащими боевого расчета, а действовать как и положено оперативному работнику.

Дальнейшее развитие событий подтвердило правоту принятых мною решений. Примерно в 10 часов вечера, возвращаясь со службы, я вновь встретил А.А. Комарицина, который высказал свое неудовольствие по поводу отсутствия активных действий со стороны военной контрразведки и при этом похвалил милицию, которая расставила свои вооруженные посты по всей трассе вплоть до Елизова. Что я мог возразить ему в тот момент? Знакомая ситуация. На командующего флотилией давит командование флота, требует немедленных результатов. Поэтому я не стал оправдываться и рассказывать о предпринимаемых мерах и только сообщил А.А. Комарицину, что в Богатыревку направлена опергруппа и один оперработник с персональным поручением. До начала войсковой операции оставалось всего несколько часов.

В шесть часов утра мне домой позвонил А. Мурский. Его доклад был краток, но с какой радостью я его выслушал: «Автомат и патроны у меня. Жертв нет». Возможная трагедия была предотвращена ценой мужественных действий всего одного военного чекиста.

Ситуация развивалась следующим образом. Мурский прибыл вместе с опергруппой в часть сбежавшего матроса, получил самую свежую на тот момент информацию, уточнил интересовавшие его детали и отправился на поиски беглеца. В ходе поиска он выбрал одну из пустовавших квартир и в ней обосновался, переделался в спортивный костюм и прилег на старый диван в одной из комнат. Через некоторое время он услышал шорох — кто-то осторожно пытался открыть дверь. Мурский встал, подошел к двери и открыл ее. За дверью стоял высокий матрос с автоматом, который от неожиданности

бросился бежать. Мурский побежал за матросом, который вдруг остановился, повернулся, вскинул автомат и приказал: «Руки вверх!» Мурский поднял руки и представился по всей форме, что он оперативный работник военной контрразведки, который прибыл разобраться в сложившейся ситуации. Как позднее рассказывал сам Алексей, он отлично понимал, что от его первых слов будет зависеть, выстрелит матрос или нет. Поэтому решил его разговорить. Беглец молча слушал, но автомата не опускал. Тогда Алексей предложил ему пройти вместе с ним в квартиру и там спокойно побеседовать. Матрос под прицелом своего автомата повел Алексея в квартиру, где оперработнику пришлось терпеливо выслушать долгий рассказ о причинах побега, о тех издевательствах и побоях, которые тот пережил в своей части. В конце концов Алексей уговорил его отдать автомат и патроны.

Но намерения беглеца действительно были самыми серьезными. Когда Мурский в присутствии матроса пересчитал патроны, то оказалось, что одного не хватает. На вопрос, куда он дел еще один патрон, матрос достал из кармана этот последний патрон и сказал, что оставил его для себя, так как в бою трудно было бы уследить, сколько патронов еще осталось в магазине. Мурскому стало ясно, что утром было бы много жертв, не предупреди он эту беду.

Вице-адмирал Комарицин лично обещал написать представление на орден Мужества и одновременно наградил Алексея Мурского ценным подарком. Представление полтора года ходило по рукам московских чиновников, и дело кончилось тем, что Алексея наградили самоваром, правда, от имени директора ФСБ. На том дело и кончилось. Человек совершил мужественный поступок, предотвратил трагедию, но... А ведь такие тяжкие происшествия все чаще и чаще происходят в вооруженных силах, и, к сожалению, не всегда их можно предотвратить. Может быть потому, что у нас в силовых структурах становится все больше чиновников и все меньше таких смелых и мужественных людей, как Алексей Мурский?

3.5. В.Т. Ведь. Позывной – «016»

Хочу рассказать о трагической судьбе одного из моих подчиненных — офицера В.И. Окольников.

В 1974 г. в Особый отдел 26-й дивизии атомных подводных лодок после окончания школы КГБ СССР прибыл молодой лейтенант Виктор Николаевич Окольников. Поначалу обслуживал береговые части дивизии, где зарекомендовал себя с положительной стороны. Организовал оперативную работу, регулярно получал заслуживающие внимания материалы, грамотно с ними разбирался. Много читал, был в курсе культурной и политической жизни страны. Надо отметить, что выпускники Высшей школы по интеллектуальному развитию были выше выпускников военных училищ.

Через четыре года В.И. Окольников назначили на должность старшего оперуполномоченного по обслуживанию атомных подводных лодок. И на новом месте он освоился быстро. Изучил устройство подводной лодки и оружия, установил деловые отношения с командованием. Организовал оперативную работу в экипажах обслуживаемых подводных лодок.

В июле 1980 г. в Японское море вошло авиационно-ударное соединение США с флагманом-авианосцем «Мидуэй». Для слежения за ним вышло несколько подводных лодок и надводных кораблей. На подводной лодке К-122, командиром которой был капитан 2 ранга Сизов Геннадий Михайлович, вышел в море для контрразведывательного обеспечения боевой службы капитан-лейтенант Окольников.

К-122 был определен район в 60 милях восточнее острова Окинава, где она и находилась до конца боевой службы. Вечером 20 августа в 7 отсеке в районе левого электрогенератора вспыхнул пожар. В это время в 7-м, 8-м и 9-м отсеках собрались 83 человека, так как командир БЧ-5 проводил там занятия с личным составом свободных боевых смен.

Первоначальная борьба с огнем успеха не принесла, и командир приказал личному составу покинуть 7-й отсек, и после герметизации дважды использовали ЛОХ (система пожаротушения лодочная объемная химическая), но погасить огонь и в этом случае не удалось — кто-то по ошибке открыл клапан воздуха высокого давления (это выяснилось уже в процессе расследования).

Для спасения личного состава 8-9 отсеков лодка всплыла в надводное положение, но из-за повышенного давления в отсеках люк восьмого отсека открыть не удалось. Из-за задымленности отсеков люди стали задыхаться, особенно те, кто прибыл на занятия без ПДУ.

Виктор Титович Ведь родился 4 июня 1935 г. в селе Лермонтовка Хабаровского края. В 1957 г. закончил ТОВВМУ, а в 1959 — школу № 311 КГБ при СМ СССР в Новосибирске. В 1976 и 1983 гг. проходил обучение на Курсах переподготовки руководящего состава при ВКШ КГБ им. Ф.Э. Дзержинского. В 1959 г. — оперуполномоченный Особого отдела КГБ по Совгаванской ВМБ. В 1959–1960 гг. — оперуполномоченный Особого отдела КГБ по 90-й бригаде подводных лодок. В 1961 г. — оперуполномоченный Особого отдела КГБ по ВМБ «Стрелок». В 1961–1969 гг. — оперуполномоченный, а затем старший оперуполномоченный Особого отдела КГБ по 26-й дивизии атомных подводных лодок. В 1969–1972 гг. — заместитель начальника Особого отдела КГБ по 49-й дивизии речных кораблей. В 1972–1979 гг. — начальник Особого отдела КГБ по 26-й дивизии атомных подводных лодок. В 1979–1984 гг. — заместитель начальника Особого отдела КГБ по 4-й флотилии атомных подводных лодок. В 1984–1987 гг. — начальник Особого отдела КГБ по Камчатской флотилии. В 1979 г. присвоено воинское звание капитана 1 ранга. Награжден 11-ю медалями, в том числе медалью «За боевые заслуги».

В.Н. Окольников

Родился 7 января 1948 г. в Баку. В 1967–1969 гг. проходил срочную службу в 26-й дивизии атомных подводных лодок ТОФ. В 1973 г. закончил ВКШ КГБ им. Ф. Э. Дзержинского. В 1973–1976 гг. – оперуполномоченный, а затем старший оперуполномоченный по отдельным объектам 412-й береговой базы ВМБ «Стрелок». В 1976–1980 гг. – старший оперуполномоченный ОО КГБ по 26-й дивизии. 24 сентября 1980 г. скоропостижно скончался.

отдает команду личному составу подготовить лодку на случай возможного захвата. Командиру БЧ-3 приказано на этот случай отстрелить без хода, то есть затопить две торпеды с ядерным оружием, а торпеды с обычным зарядом подготовить к взрыву. Шифровальщику дается команда подготовить к уничтожению шифры и другие наиболее важные секретные документы.

Через некоторое время к месту аварии подошло советское судно «Меридиан», затем буксир ТОФ и учебный корабль ТОВВМУ «Бородино». А еще вскоре подошел БПК, на котором прибыли представители командования ВМФ, ТОФ, начальник ОО КГБ ТОФ контр-адмирал Н.В. Егоркин и начальник ОО КГБ по 26-й дивизии подводных лодок капитан 2 ранга П.К. Чишкун.

В процессе расследования всем досталось за потерю связи, в том числе и Окольникову, однако действия Окольникова во время аварии были признаны правильными, а поведение мужественным.

Через месяц после возвращения с боевой службы Окольников оформился в отпуск. Он купил билет до Москвы и утром должен был ехать в аэропорт. Где-то около 23 часов звонок от дежурного: «Плохо с Окольниковым». Я дал команду: «Срочно в госпиталь». Буквально через 5 минут дежурный доложил, что Окольникова не стало. Врачи констатировали смерть от сердечного приступа и объяснили, что с момента аварии и до ухода в отпуск он держался на высоком эмоциональном напряжении, когда же оказался в отпуске и расслабился, сердце не выдержало. Похоронили его в Подмоскovie, по месту жительства жены. Вечная тебе память, Виктор Николаевич.

Благодаря находчивости торпедиста мичмана Виктора Белевцева, давление в отсеках было стравлено через кормовой торпедный аппарат и открыт люк восьмого отсека. К этому времени в отсеках погибло 14 моряков, в том числе и сам мичман Белевцев, который, видя, что задыхается его товарищ, отдал свое ПДУ, а сам пытался дышать через мокрую тряпку.

К моменту, когда командир принял решение доложить об аварии командованию ТОФ, все отсеки лодки оказались задымлены, а передатчик обесточен. Картина была печальная. Лодка без хода в 60 милях от Окинавы, весь личный состав на верхней палубе, 14 трупов, связи нет, на борту ядерное оружие. Что делать?! Командир обращается к Окольникову как представителю власти. Но Окольникова, так же, как и командира, этому не учили. Вместе решили, что главная задача – установить связь с командованием ТОФ. К рассвету на горизонте показался английский газозов «Гэрри». Дали три красных ракеты – сигнал SOS. С подошедшего катера спросили, какая нужна помощь.

На газозов «Гэрри» выслали командира БЧ-4 со связистом и переводчиком – одним из офицеров лодки, хорошо знавшим английский. Через советское посольство в Японии командиру БЧ-4 удалось доложить обстановку на К-122 командованию ТОФ.

К этому времени в районе аварии барражировал американский самолет-разведчик «Орион», а к середине дня подошло несколько сторожевых кораблей ВМС Японии. Командир, согласовав решение с Окольниковым,

3.6. С.В. Осецкий.

На той войне в плен не брали

Я сам с Украины. В 1973 г. закончил Высшую школу КГБ имени Дзержинского. Потом три года учился в аспирантуре. Меня хотели оставить для дальнейшей учебы, но я категорически отказался, решив испытать все на практике, и меня направили на Черноморский флот. Там я обслуживал 55-е учебные курсы, на которых проводилась подготовка командного состава для флотов развивающихся стран.

В 1976 г. перевелся на Камчатку. Здесь обслуживал знаменитый «Сторожевой», входивший тогда в состав 173-й бригады больших противолодочных кораблей. С Камчатки я по чистой случайности попал в Эфиопию. Получилось так, что нашего оперативного работника готовили для отправки в Индийский океан, где несла боевое дежурство 8-я оперативная эскадра. В ее составе постоянно находились корабли Тихоокеанского флота, которые несли там боевую службу по 8-10 месяцев.

В очередной раз пришла команда готовить СКР-23 на боевую службу. Уже все было готово, наш сотрудник находился на борту, но вдруг у него заболела жена. И вместо него отправили меня.

Мы шли через Севастополь. Когда вошли в зону Суэцкого канала, меня вызвали на связь к аппарату БПЧ. Первым вопросом было, умею ли я водить автомобиль. Затем поинтересовались, «общался» ли я когда-нибудь с трактором. А я до школы КГБ закончил Киевский техникум транспортного строительства железных дорог. Водил грузовики, бульдозеры, грейдеры. Тогда дали команду: «Будьте готовы высадиться в порту Массауа в составе батальонно-десантной группы для решения специальных задач». Так и сказали: «Если готовы и здоровье в порядке, значит будьте готовы».

С нами шли корабль управления 8-ой оперативной эскадры «Даурия» и БДК «50 лет шефства ВЛКСМ». Так вот на базе подразделения морской пехоты, который находился на БДК, мы начали формировать батальонно-штурмовую группу.

Когда отряд кораблей зашел в Массауа, мы собрались на «Даурии». Первоочередная задача – передача техники правительственным войскам и обучение экипажей танков Т-52 и Т-56. Кроме этого, мы должны были оказывать помощь в планировании боевых действий.

В это время в Эфиопии шла гражданская война. В декабре 1976 г. Эфиопия заключила с СССР договор о

Сергей Владимирович Осецкий родился 27 апреля 1947 г. в селе Старое Киевской области. После окончания Киевского техникума транспортного строительства железных дорог и срочной службы на Черноморском флоте был направлен в ВКШ КГБ СССР имени Ф.Э. Дзержинского, которую закончил в 1973 г. В 1981 и 1989 гг. учился на курсах переподготовки руководящего состава и Высших курсах военной контрразведки в Новосибирске.

В 1973 – 1976 гг. был оперуполномоченным Особого отдела КГБ по 116-й бригаде речных кораблей Черноморского флота. В 1976 г. переведен на Дальний Восток и до 1977 г. работал в Особом отделе КГБ по 173-й бригаде противолодочных кораблей Камчатской военной флотилии ТОФ. В 1979 г. получил назначение на должность заместителя начальника Особого отдела КГБ по надводным кораблям Тихоокеанского флота. В том же году назначен начальником Особого отдела КГБ по 22-й дивизии морских десантных сил флота. В 1990 г. – заместитель начальника Особого отдела КГБ (с 1991 г. – отдел военной контрразведки) по 8-й оперативной эскадре ВМФ, занимал эту должность вплоть до 1993 г. В 1987 г. присвоено звание капитана 2 ранга. В 1994 г. уволен по болезни. В 1978 г. за выполнение спецзадания награжден орденом Красной Звезды. Награжден шестью медалями, многочисленными грамотами и ценными подарками от имени начальника 3-го Главного управления КГБ СССР и Особого отдела КГБ СССР по ТОФ. Женат, трое детей. 25 июня 2011 г. скончался, похоронен на Лесном кладбище Владивостока.

долгосрочной военной помощи. Правительственные войска, во главе с бригадным генералом Тэфэри Банти, вели бои с эритрейскими сепаратистами, претендовавшими на самые богатые земли в стране и на выход к Красному морю. Две главные сепаратистские группировки – Революционная команда Фронта освобождения Эритреи и Эритрейский народный фронт освобождения – пытались перерезать дорогу между Аддис-Абебой и глубоководным портом Асэб, Асмарой и лежащим к северо-западу от нее Кэрэном. То есть на южном фронте могло organizоваться государство в государстве. В феврале 1977 г. к власти пришел полковник Менгисту Хайле Мариам, свергнувший ТэфэриБанти.

В общем, война шла за территории. В течение января — августа 1977 г. сепаратисты захватили города Карера и Кэрэн и, таким образом, получили ключ к контролю над северными и западными провинциями. Почти одновременно начался мятеж в Огадене, большинство жителей которого составляли сомалийцы.

А на северном фронте Эфиопия начала войну с вторгшейся в июле 1977 г. в Огаден Сомали, в которой также были наши военные специалисты. В то время там находился представитель 3-го Главного управления КГБ СССР капитан 2 ранга Давиденко Виктор Пименович, служивший до этого в Особом отделе Камчатской военной флотилии. Сомали получала от СССР военную и экономическую помощь, в обмен на которую мы создали в Бербере пункт материально-технического обеспечения.

Президент Сомали Сиад Мохаммед Барре, воспользовавшись этой помощью и гражданской войной в Эритрее, послал войска в Огаден под видом добровольческих ополченческих формирований. И здесь мы попали в сложное положение, оказывая одновременно помощь обеим воюющим сторонам – Сомали и Эфиопии. 13 ноября 1977 г., разъяренный тем, что СССР, как считалось, его союзник, президент Барре категорически потребовал ликвидации нашей военно-морской базы в Бербере и немедленного отъезда из страны всех военных и технических советников во главе с генерал-полковником Григорием Борисовым. Все они передислоцировались в Эфиопию.

Прибыв в Массауа, мы сформировали группу из 18 морских пехотинцев, в которую вошли водители, инженеры и другие специалисты по обслуживанию техники. Я стал девятнадцатым. Особенностью ситуации было то, что никто ничего не знал. Мы не представляли, как мы будем выполнять свои задачи на практике. Обучение проходило на глазах у всех. Конечно, стал вопрос об обеспечении безопасности. Как таковой линии фронта не существовало. Это было расстояние от Массауа до Аддис-Абебы, где везде стреляли, убивали, брали в плен людей. Противники сидят в разных точках и ведут друг по другу огонь. Нам же надо было, чтобы в каждой такой точке сидел наш десантник и мог вовремя подсказать по тактике боя, дать совет по ремонту машины.

Мы долго ломали голову над проблемой безопасности. Еще раз повторю, главной проблемой оставалось то, что никто не владел обстановкой. Если даже попадался кусочек информации, его нужно было тщательно проверять, и чаще всего это оказывалось «липой». Затрудняло работу и то обстоятельство, что на разных сторонах фронта воевали родственники.

С января 1977 г. по январь 1978 г. усилилось советское и кубинское присутствие в Эфиопии. Число наших военных советников выросло до полутора тысяч человек. Кубинский контингент увеличился с 500 до 11 тысяч человек. Нашу миссию возглавил генерал армии Василий Иванович Петров, а его помощником стал прибывший из Сомали генерал-полковник Борисов. Они приступили к планированию совместного — эфиопско-кубинского наступления в Огадене.

Для нас важна была информация о планах командования обеих сторон. Зачастую все разворачивалось следующим образом: идет совещание, планируется одно, а после этого делается совсем другое. И тогда мы начали планировать операции, собирать информацию для того, чтобы верховное командование, командование эскадры могли планировать свои действия. Естественно, я занимался контрразведкой, но вынужден был заниматься еще и разведкой, потому что, кроме меня, никто не мог добыть информацию.

А для того, чтобы ее получать, нужно куда-то внедриться, нужно быть своим. Кроме меня там находился еще один контрразведчик – Шадрин, тоже тихоокеанец. Он состоял при аппарате советника. Я же был внедрен и представлен на всех уровнях под легендой помощника начальника штаба в батальонно-десантную группу, которая постоянно работала на берегу. Только командир группы майор Ружков знал, кто я такой, и мог меня подстраховать, помочь. Но трудности заключались в том, что я никогда не имел отношения к сухопутным войскам.

Я начал свободно выходить с группой на берег. В шесть утра автобус забирал нас с пирса, в 18 часов вечера доставлял назад. Жили на «Даурии», при необходимости нас на баркасе переправляли через бухту на военно-морскую базу Массауа, где мы занимались своими делами.

И вот мы приступили к изучению ситуации. Прежде всего, нас интересовала любая возможность, которая позволяла бы организовать получение документальных материалов о планах, действиях сторон, о разведке, которую ведут как правительственные войска, так и сепаратисты против наших кораблей, десантной группы, против советских граждан, находившихся в Эфиопии.

ВМБ Массауа, периодически, 3–4 раза в неделю, подвергалась массированному обстрелу. Сепаратисты, в основном, занимали гористую местность, а база располагалась на побережье. Это были хорошо организованные и оснащенные, имеющие богатый боевой опыт партизанские отряды. Они пользовались широкой поддержкой населения, поскольку доктринерская правительственная программа марксистских реформ и подавление всех этнических групп, не принадлежащих к амхарскому большинству, вызывали неприятие и протест у многих (народность амхара составляет свыше 37 процентов от общей численности населения Эфиопии).

Сепаратисты ставили на возвышенностях крупнокалиберные гранатометы и пулеметы и начинали обстрел. Эфиопские военные, которые обязаны были охранять базу, склады, штаб, секретно-шифровальный отдел, бросали все и разбегались, куда глаза глядят.

Мы достаточно долго следили за этими обстрелами. Составили график их периодичности, выяснили районы, в которые во время обстрелов разбегаются эфиопы. И пришли к выводу, что наиболее выгодным и наиболее простым для захвата объектом является секретно-шифровальный отдел. План был прост – налететь и захватить нужную нам документацию. Естественно, мы предварительно посоветовались на высшем уровне и получили конкретные рекомендации.

С объектом все понятно, но встал другой вопрос: как подойти незамеченными? Ведь нас постоянно контролировали. Едем на автобусе – они его проверяют. Примерно, как сейчас в Чечне – блокпост, на котором все выходят и транспортное средство осматривается. Так было и там. Фиксировался и каждый факт нашего выхода на берег.

Решили воспользоваться баркасом. Взяли оружие, продовольствие и сделали пробный заход. Чтобы миновать все посты и проверки, утром с приливом подошли по внутреннему рейду к базе. Баркас дошел до предельной глубины и оттуда, по грудь в

воде, мы вышли на берег. Там у нас было свое место, где обедали и отдыхали. Пришли, везде тишина. Связались с кораблем. Замечаний, что плавсредство прошло по рейду без разрешения, нет. Это означало, что половина дела сделана – мы на берегу. Осталось дожидаться вечера – обычно около 18 часов начинался обстрел.

Командование осуществлял майор Ружков, который, кстати, стал толковым генералом. Он понимал мою миссию, прекрасно зная, что без санкции командования я не имел права что-либо предпринимать. Я же просто решал свои задачи в рамках деятельности группы, опираясь на помощь Ружкова.

И вот начался обстрел. Шквальный огонь велся гранатометами, «Градами» и пулеметами с трассирующими пулями. Группа ползком по асфальту пробирается к штабу. Были в двух шагах от него, но вдруг на наших глазах здание штаба с грохотом разваливается от прямого попадания. Но мы бежим в горящий штаб. Есть такое слово – «надо». Я просто так и сказал переводчику: «Сережа, надо. Пойдем, посмотришь документы, чтобы не взять лишнего и не тащить зря с собой». В охваченном огнем и дымом здании мы нашли все разведсводки в отношении наших кораблей, советских граждан, нашей группы, командования и эскадры. По сути, это были целые досье. Набрали множество документов. Но такая операция была очень рискованной. На той войне в плен не брали. Да и политический резонанс мог быть весьма негативным. Так что на «прокол» права не имели.

Обратно возвращались тем же путем. Вызвали баркас. Так же, по грудь в воде, шли к баркасу. Бумаги несли над головой, чтобы ни листика не замочить. Погрузились и ушли на «Даурию». Вручил добытые документы командованию. А на «Даурии» находились разведчики, РЭБовцы, артиллеристы, в общем, те специалисты, которые могли обработать документы, оценить обстановку и дать объективную оценку.

Документы оказались весьма полезными как для контрразведки, так и для разведки. Обобщенные данные отправили в Центр, и, судя по содержанию ответных телеграмм из Москвы, наши результаты оценили высоко.

В захваченных документах четко просматривалось, что американцы нас переиграли во всем. За американское присутствие в Эфиопии выступало абсолютное большинство политических и военных деятелей. При этом выражалось недовольство нашим присутствием в стране.

В последующем провели еще три подобных операции. Волею судьбы, они прошли без сучка и задоринки. Во время обстрелов пробирались в штаб и брали нужную документацию. Самое главное, что это была исключительно достоверная информация относительно советских сил.

В Эфиопии был страшный голод. За банку сгущенки любой мог продать родную мать. Зачастую мы так и получали информацию – за продовольствие нам раскрывали очень многое: позиции, вооружение, силы. Информацию переправляли в Генеральный штаб, Главный штаб ВМФ, аппарат советников, аппарат всех представительств. И эти данные сыграли свою роль. Тогда СССР в Эфиопию поставлял оружие, а американцы – продовольствие. И на этой почве было много политических спекуляций. На основании полученных нами данных, Советский Союз незамедлительно принял решение значительно увеличить поставки продовольствия в Эфиопию.

В феврале 1978 г. правительственные войска выбили сомалийцев с занимаемых позиций вокруг Харэра, в марте того же года освободили железную дорогу Аддис-Абеба – Джибути. 3 марта 1978 г. Сомали вывела свои войска из Огадена. В апреле 1978 г., игнорируя рекомендации наших советников сосредоточиться на дипломатических усилиях, Менгисту Хайле Мариам начал концентрацию войск на границе с

Эритреей. В ходе боев, продолжавшихся с июля по ноябрь 1978 г., сепаратистов изгнали из Массауа и взяли город Кэрэн. Но гражданская война на севере продолжалась еще долго – с 1979 по 1988 год. Несмотря на многочисленные поставки военной техники из СССР и все наши рекомендации, правительственные войска увязли в долгой борьбе с повстанцами провинций Эритрея и Тигре, начавшейся еще в 1962 г.

Всего в Эфиопии я провел девять месяцев. В мою задачу входило и сохранение людей, и не допущение приобретения личным составом оружия у эфиопов, которое они бросали где угодно. Обеспечивалось это режимным путем. Всех бойцов после каждого выхода на берег тщательно проверяли.

В целях личной безопасности мы старались избегать ненужного патриотизма и героизма – мол, я русский, морской пехотинец, попал на войну и тому подобное. Конечно, не лезли куда попало, очертя голову. Личный состав передвигался только группами, в одиночку находиться на берегу строго запрещалось. Важный момент работы – предотвращение любого рода провокационных выпадов, оскорблений и брани в адрес эфиопов. Боялись мы в основном террористов-смертников, ведь это же мусульмане.

Тогда в Массауа не только свирепствовал страшный голод, но и не было воды. Водовод находился в руках сепаратистов. Как только танкер появлялся в порту, начиналась невероятная массовая давка в очереди за водой и продуктами. Приходилось обеспечивать охрану танкера от возможного захвата.

Охраняли и высокопоставленных советских чиновников, которые довольно часто наведывались в Массауа. Тогда считалось, что заграникомандировка – прекрасная возможность решения личных проблем в плане закупок дефицитных товаров. И пока не поняли, что Эфиопия – не то место, где можно отовариться, туда летали очень многие. Многие чиновники пытались устанавливать свои правила и принимать жесткие и необдуманные решения. Приходилось в буквальном смысле осаживать их и ставить на место.

Был и такой факт. На танках Т-55 самое уязвимое место – это вентилятор сзади. Так вот, после каждого занятия два-три танка выходило из строя из-за того, что заклинивало вентилятор. А у эфиопов тоже свои специалисты имелись. Мы начали разбираться и в конце концов нашли злоумышленника. Им оказался эфиоп, принявший сторону сепаратистов.

Была еще одна операция. На территории базы работал госпиталь, где выполняли гуманитарную миссию врачи с Кубы. Как я уже говорил, шли массированные обстрелы базы в определенные дни и время. Предупредили кубинцев: «Товарищи, они добьются и до вас!» Но к нашему предупреждению они отнеслись недостаточно серьезно. И вот в один из дней начался обстрел госпиталя. А там были раненые, шли операции. Врачу-хирургу осколок попал в глаз, и он упал прямо на операционный стол. Нам поступил приказ срочно эвакуировать всех врачей. Под пулями выносили их на себе. С горем пополам погрузили на баркас. Всего было около 30 врачей и сестер. Так же вынесли больных и одну беременную женщину. Когда баркас уже пришвартовался к «Даурии», она схватилась одной рукой за шторм-трап, а ногу поставила на фальшборт баркаса. В результате баркас начало относить от борта, а женщина оказалась в воде. С трудом ее выловили и подняли на борт.

За операции в Эфиопии я получил орден Красной Звезды. Уже к 1988 г. стало очевидно, что режим Менгисту Хайле Мариама обречен. Ряд крупномасштабных наступлений правительственных войск сепаратисты успешно отразили. В мае 1989 г. произошла попытка государственного переворота, в котором принимала участие большая

группа армейских офицеров. Были тяжелые бои, но мятежники потерпели поражение, и 12 старших офицеров подверглись казни. С осени 1989 г. сепаратисты стали одерживать победы одну за другой и почти вплотную подошли к Аддис-Абебе. 21 мая 1991 г. Менгисту Хайле Мариам бежал из страны. Огромные средства, потраченные на помощь этому диктатору, умело жонглировавшему марксистской фразеологией, пошли прахом.

Пришлось мне также принимать участие в операции «Буря в пустыне», когда шла война между Ираком и Кувейтом. Тогда, в результате деятельности всех наших видов разведок, установили весьма точную дату начала военных действий. Ошибка составила всего три часа. Я находился на корабле в Персидском заливе. Большею частью мы занимались радиоразведкой и анализом полученных данных, а в мои задачи входил сбор информации. В составе эскадры было 15 кораблей со всех флотов.

В запас я ушел в 1994 г., будучи к тому моменту заместителем начальника Особого отдела 8-й оперативной эскадры. Служил бы еще, но меня подстрелили. Это случилось в 1992 г. Мы только что пришли из заграничного похода. Тогда на Русском еще существовала дисциплинарная рота. И вот в ней возник сговор между конвоиром и осужденным. Конвоир давал автомат осужденному, а тот ходил с оружием по квартирам и вымогал все что можно.

Я как раз занимался заготовкой овощей на зиму для своей семьи и семей офицеров, и мы поехали в колхоз в Уссурийск. Когда вернулись на Русский, к машине вдруг подошел человек в непонятной одежде – и не в военной, и не в гражданской, и, наставив на нас автомат, начал требовать арбузы, которые мы привезли. Я тут же принял решение, и мы четвером начали его «валить». Скрутили и изъяли оружие.

Но, к сожалению, мы не знали, что его подстраховывали. Притаившийся рядом конвоир открыл огонь по нашей группе. Меня ранило в тазобедренный сустав. Восемь месяцев я пролежал в госпитале, перенес пять операций. И, естественно, по болезни ушел. Виновных задержали, но они через госпиталь откупились, демобилизовались и уехали домой. Один – в Татарстан, другой – в Азербайджан. Так вот, одного из них, в Татарстане, я все-таки достал. Это был конвоир. А второго, осужденного, из Азербайджана, достать не смог...

Вот что вспоминает о непростой судьбе военного контрразведчика контр-адмирал в отставке А.Н. Сиденко: «Осецкий прибыл к нам в августе 1976 г. на должность оперуполномоченного и ходил на десантных кораблях флота. Самым лучшим образом Сергей Владимирович проявил себя во время боевой службы в Индийском океане в 1978 г. Смелый и решительный, он, в составе десантной группы морской пехоты, участвовал в отражении атак сепаратистов, пытавшихся овладеть жизненно важным для Эфиопии портом Массауа. Только залпы установок «Град» и танков остановили противника.

В тот период старший лейтенант Осецкий был единственным источником объективной информации об истинном положении дел в Эфиопии. Добытые им сведения ежедневно докладывались в Центр. В 1979 г. он был назначен начальником Особого отдела КГБ по 22-й дивизии десантных кораблей. В 1990 г. он перешел с повышением на должность заместителя начальника Особого отдела КГБ по 8-й оперативной эскадре. В 1991 г. при задержании вооруженного дезертира был тяжело ранен в ногу и в 1994 г. уволен по болезни. В 1999 г. ему ампутировали раненую ногу. В июне 2011 г. он скончался и похоронен на Лесном кладбище Владивостока».

3.7. Б.Д. Шадрин. В далекой Эфиопии

Прослужив более 25 лет в ВМФ и органах государственной безопасности Советского Союза, в том числе и в разведке, и благодаря тому, что наше общество стало более открытым, я впервые получил возможность поделиться накопленным опытом и опубликовать архивные и документальные материалы, касающиеся тех событий, в которых мне лично приходилось участвовать.

Историки и потомки, которые будут определять место XX столетия в истории человечества, наверняка испытают немалые затруднения в выборе наиболее объективного определения этого удивительного и бурного века, ознаменовавшегося великими социальными потрясениями, самыми разрушительными и кровопролитными войнами, наступлением эпохи ядерной энергии, космоса, кибернетики, информатизации, появлением человеконенавистнических теорий и осознания единства человечества.

С другой стороны, XX столетие по праву можно назвать веком специальных служб, которые сыграли исключительную роль в политике, экономике и общественной жизни государств мира. Конечно, историю XX века нельзя сводить лишь к противостоянию разведок и контрразведок. Но в то же время необходим глубокий и объективный анализ деятельности спецслужб по защите суверенитета политики государств.

Сегодня, когда окружающий нас мир быстро меняется, все громче и настойчивей раздаются голоса о том, что вместо «образа врага» надо создавать «образ друга или партнера». Такой подход в целом отвечает современным реалиям, но при этом всегда следует обращать внимание на то, что друзья, как и враги тоже, бывают разные.

При всей кажущейся привлекательности идеи всеобщего «братания» нельзя не учитывать тот факт, что пока существуют государства с их границами, вооруженными силами и спецслужбами, «подружиться» сотрудники разведок и контрразведок не смогут.

Люди могут дружить независимо от их расы, идеологии, вероисповедания, отношения к сексуальным проблемам, рок-музыке или сюрреализму. Но, как показывает мировой опыт, специальными службами, даже в рамках одной политической системы, всегда найдется, что скрывать друг от друга. Возможно, когда-то институт специальных служб и будет ликвидирован, но для этого необходимо будет пройти длинный и трудный путь. А пока, как это ни парадоксально, приходится считаться с фактом, что, чем глубже будет межгосударственное доверие, тем совершеннее должна быть система взаимного контроля.

А такой контроль, наряду с международными соглашениями, обменом информацией, официальными инспекциями и прочими мерами «доверия», невозможен без эффективной разведки! Таким образом, по мере сближения государств должна возрастать активность их разведывательных служб и совершенствоваться меры контрразведывательного противодействия.

Ну у кого не вызывает сомнения то, что в разговоре о спецслужбах нельзя обойти КГБ СССР и его преемника ФСБ России, которые являлись и являются одними из самых могущественных и авторитетных ведомств, и в течение многих лет оказывали и оказывают определяющее влияние на расстановку сил среди специальных служб в мире.

За последнее время об органах государственной безопасности СССР и России как в нашей стране, так и за рубежом, написано и сказано столько, сколько не было написано и сказано за всю их предшествующую историю. При этом бросается в глаза, что в этих публикациях и передачах зачастую отсутствует «взгляд изнутри», право на который принадлежит прежде всего тем, кто действительно служил или служит в российских спецслужбах.

Описывая события, свидетелем которых мне пришлось быть, я хотел бы еще раз напомнить, что они происходили в недалеком прошлом, когда в нашей стране действовали еще другие законы и были иные условия, а обе противоборствующие социальные системы отдавали предпочтение «образу врага», даже не смея думать об «образе друга или партнера». Стараясь быть объективным в описании реальных событий, я всегда помнил о том, что законы мира спецслужб далеки от альтруизма и общепринятых эстетических норм. Далеко не каждый согласится и, что более важно, способен работать в спецслужбе, столкнувшись с этим жестоким и беспощадным миром. Свои воспоминания я посвящаю моим товарищам по оружию, честно выполнявшим свой долг – живым и павшим, тем, кто сейчас стоит на передовых рубежах.

Социалистическая Республика Эфиопия,
провинция Эритрея,
г. Асмара.
25 октября 1985 года.
17.45

Десять минут назад я вернулся домой.

В 18.30 начнется комендантский час и можно будет расслабиться. После отдыха и ужина, вместе с соседями по дому можно посмотреть фильм, а затем еще раз проанализировав все, что сделано за месяц, подготовиться к очередной ежемесячной отчетной поездке в резидентуру Аддис-Абебы для доклада руководству и составления отчета в Центр. Потом спокойно отдохнуть до утра и с первым нашим самолетом гуманитарной помощи вылететь в столицу.

Увы! Благим пожеланиям не суждено было сбыться. Звонок телефона раздался в тот момент, когда я готовил себе скромный холостяцкий ужин. Еще в августе пришлось отправить в Союз супругу с детьми. Старшая дочь должна была пойти в первый класс. В советской колонии провинции Эритрея начальной школы нет, а устраивать детей в школу при посольстве в Аддис-Абебе у меня не было ни моральных, ни физических возможностей. Поэтому сейчас мне приходилось коротать редкие свободные минуты отдыха в одиночестве.

Звонок был от советника командующего 2-ой Революционной армии Эфиопии генерал-майора Хрулева Ю.А., который срочно просил меня прибыть в расположение советнического аппарата для согласования вопросов, требующих незамедлительного решения. Машина, по его распоряжению, уже стояла у моего дома. До начала комендантского часа оставалось всего 45 минут.

Прибыв в офис советнического аппарата и проходя комнату оперативного дежурного, я столкнулся с женой начальника штаба военного советника в Эритрее Людми-

лой Юрьевой, которая, вместо того, чтобы смотреть фильм или отдыхать, занималась уборкой помещений советнического аппарата.

Конечно, нас с детства приучали к тому, что любой труд почетен. Но что-то ни разу в своей жизни мне не приходилось слышать, чтобы родственники дипломатов или высокопоставленных военных в Союзе заменяли технических работников. И тем не менее за границей жены заграничников оторванные от любимого дела, изнывающие от безделья, страдая не столько от физических, сколько от моральных мук, тайно и явно стыдясь того дела, которое они делают, были согласны заниматься чем угодно, только бы не сидеть дома и как-то разнообразить свою жизнь.

Многие представительства иностранных государств в условиях заграницы придерживаются пусть не приличий, но каких-то неписаных правил, в соответствии с которыми, родственники (как правило женщины) аккредитованных сотрудников заграничного аппарата не должны брать на себя функции обслуживающего персонала. Во-первых, в условиях Африки это неприемлемо, потому что африканцы сами считают, что их удел занимать вторые роли после европейской расы. С другой стороны, это сейчас для нас стали актуальны такие понятия как безработица, биржа труда, проблемы трудоустройства, а в 80-е годы мы их не осознавали. Но прежде всего главенствующую роль в этом играло то, что советский человек за границей не может унижать себя черновой работой, однако идет на это зачастую исключительно из желания перехватить лишнюю быру (национальная валюта Эфиопии) и потратить эти деньги на свои личные нужды. Это касалось не только нашей прекрасной половины.

В октябре 1984 года советник командира 21 дивизии полковник Коршунов Сергей Иннокентьевич перенес обширный инфаркт. Врач категорически настаивал на его немедленной отправке в Союз, так как в условиях жаркого африканского климата не гарантировал, что болезнь не обострится. Коршунову оставалось 8 месяцев до окончания заграникомандировки... и он добровольно написал рапорт дать ему возможность остаться за границей, в котором указал, что в случае летального исхода снимает ответственность со всех своих командиров, руководителей и начальников.

В данном случае исход был благоприятный. Но был случай, когда супружеская пара специалистов геологоразведочной партии в целях экономии валютных средств пошла на подлог и подменила медицинскую карточку супруги. Финал был печальным. У женщины был врожденный порок сердца и ей категорически запрещалось проживать в тропических условиях. Надо сказать, что наше законодательство того времени совершенно неоднозначно трактовало закон о бездетности. Если мужчина находился за границей один, не важно есть у него дети или нет, ему начислялся налог за бездетность. Это и подтолкнуло геологов пойти на фальсификацию документов. В результате, через два месяца их нахождения за границей, мы вынуждены были отправить домой груз «200» с телом несчастной женщины.

Отдельные советские специалисты в целях экономии использовали местные природные ресурсы. Так, морские ракушки очень ценились у сотрудников службы гуманитарной помощи, и при бартерном обмене можно было запастись продуктами, тем самым сэкономив местную валюту. Небольшой контейнер морских экзотических ракушек приравнялся по стоимости к 2-х комнатной квартире в центре Ленинграда. И наши военные специалисты использовали эту возможность на все 100%.

Конечно это были единичные случаи, но они доставляли массу хлопот командованию и руководству советской колонии, а мне приходилось иногда разбираться и в контрразведывательном плане.

Случались и «курьезные» моменты. Однажды мне позвонил дежурный советнического аппарата 2-й РА СРЭ и «обрадовал», сообщив, что в порту Массауа два наших специалиста ВМФ арестованы полицией порта за кражу.

Накануне в порт прибыло два грузовых судна с грузом техники на борту. Одно итальянское, второе из СССР. Оба судна доставили в качестве гуманитарной помощи большегрузные автомобили «Фиаты» и «Уралы». Справедливости ради надо сказать, эфиопы уважали нашу технику за ее надежность. Если из сорока «Фиатов» все сорок с первой попытки трогались с места, достаточно было только снять ленту «скотч» с дверцы кабины и повернуть ключ зажигания, то из сорока «Уралов» или «Зилов» с первой попытки трогались только двадцать.

Но, если при подрыве «Фиатов» на противопехотной mine они полностью разрушались, и при этом гибли люди, то на наших автомобилях всего лишь рвались покрышки, ну иногда были повреждения переднего моста. Но никогда не было гибели людей. За эту надежность эфиопы и ценили советскую технику.

Наши специалисты, прихватив соответствующий слесарный инструмент, отправились снимать различные мелкие детали как с нашей, так и с зарубежной техники. Стоянка, где после разгрузки находилась автотехника, естественно охранялась и похитителей задержали прямо на месте преступления.

Приехав в полицию порта, я выяснил, за что и при каких обстоятельствах были задержаны наши моряки, и потребовал с ними встречи.

Независимо от их поступка, они оставались советскими гражданами, и моя прямая обязанность заключалась в том, чтобы защитить их интересы.

Эфиопы страстно ходатайствовали, чтобы мы строго не наказывали наших соотечественников за совершенный ими поступок. В последствии я понял почему. Оба наших офицера оказались настолько высококлассными специалистами, что практически вдвоем за два года технически привели большую часть военного флота Эфиопии, дислоцировавшегося в основной военно-морской базе в Массауа, в состояние полной боевой готовности. И при этом обучили эфиопских специалистов обслуживать нашу технику. Более того, один из них оказался, несмотря на то, что был русским, уроженцем одной из среднеазиатских республик и в совершенстве владел языком «фарси». В связи с этим, год находился в Афганистане в качестве переводчика и заслуженно получил боевой орден.

Я готов был начать переговоры об их освобождении, но полицейский комиссар жестом остановил меня и произнес слова которые запомнились мне:

«Не волнуйтесь, комрад Борис! Я отпущу ваших соотечественников, потому что они для нашей страны сделали столько, сколько не сделали и десятки наших специалистов. Но у меня вызывает недоумение одно обстоятельство! Мы живем в бедной стране, которую к тому же разрывают внутренние межнациональные конфликты. Мы постоянно находимся в состоянии войны. У нас много проблем, одной из них является преступность. Но когда я задерживаю за кражу своего соотечественника, я знаю, что он совершил ее чаще всего потому, что его притесняют сепаратисты, у него нет работы, ему нечем накормить своих детей. Но я не могу понять, почему ваши специалисты,

специалисты высокого класса, которые должны помогать обслуживать технику, которую вы же нам поставляете, начинают ее грабить? Вы можете мне это объяснить?»

Комиссар оказался прав. Вызволив обоих «бедолаг» я выяснил, что в опасное путешествие по охраняемому полицией порту они отправились ради того, чтобы приобрести запасные части к своим личным автомобилям, которые, в условиях советского дефицита, днем с огнем нельзя было найти в наших автомагазинах.

И если бы комиссар лучше знал проблемы нашей автомобильной промышленности того времени, то был более снисходительным к нашим морякам был и не задавал бы мне таких вопросов.

Мне стало нестерпимо обидно за державу, которая, помогая другим странам, не может обеспечить достойную материальную жизнь своим соотечественникам, вынуждая их заниматься мелкими кражами.

Однако, в том, что наши учреждения за границей убирала жены командированных советских граждан, было свое преимущество. В основном в плане собственной безопасности. Иностранцы, в силу своего снобизма, были вынуждены прибегать к услугам местного населения для выполнения черновой работы по уборке помещений и территорий своих представительств. Периодически они проверяли и меняли обслуживающий персонал, так как чужие «глаза и уши» постоянно находились на их территории. Наше руководство не имело этой «головной боли» и было признательно нашим женщинам, которые взяли на себя эту тяжелую работу, благодаря чему мы были избавлены от необходимости пускать иностранцев в наши учреждения.

Проходя мимо оперативного офицера, с которым у меня были доверительные отношения, я поинтересовался, на месте ли Юрий Андреевич. Обычно с этим офицером я перекидывался парой фраз о жизни вообще и за рубежом в частности, но сегодня у меня не было времени на светские разговоры и я сразу же прошел в крыло здания, где располагался кабинет старшего советника командующего 2-й РА СРЭ.

Юрий Андреевич был мужчиной крупной комплекции, чисто славянской внешности, с зычным командным голосом. Все военные специалисты его уважали. Уважали не потому, что он был их непосредственным начальником, а потому, что он в 50–80-е годы прошел суровую военную школу, как сейчас модно говорить, в многочисленных «горячих точках». Не многие из его подчиненных знали, что он был сыном того самого генерала А.В. Хрулева, который в годы Великой Отечественной войны, будучи начальником тыла Красной Армии, стал единственным из генералитета, кого не только не репрессировали, но даже не сняли с должности. Однажды Юрий Андреевич показал мне фотографию, где он был снят сидящим на коленях у Сталина в окружении членов Государственного Комитета Обороны и генералов Ставки.

Юрий Андреевич грузно поднялся из-за стола и встретил меня у входа в кабинет. Из-за дефицита времени мы сразу приступили к обсуждению неотложного вопроса. Буквально час назад его подсоветный, командующий 2-й РА СРЭ генерал Мерид Негусси сообщил ему, что в Аддис-Абебе в высших эшелонах Эфиопской армии зреет переворот и на полном серьезе обсуждается вопрос о свержении режима Менгисту Хайле Мариама. Недовольная политикой президента наиболее прогрессивная группа офицеров готова выступить против его курса, который, по их мнению, завел страну в тупик, особенно в войне с Эритреей. Они считали, кстати справедливо, что гражданская война вообще недопустима. Используя каналы связи с руководством повстан-

ческого движения НФОЭ, они вели переговоры о том, что войну надо прекратить на условии, что Эритрея, получив автономию, останется в составе Эфиопии. В стране проведут досрочные выборы представительной власти, куда войдут и депутаты от Эритреи.

Свое выступление офицеры приурочили к моменту, когда Менгисту вылетел из страны на один из международных форумов.

Ни Юрий Андреевич, ни я не сомневались в достоверности полученных сведений. Источник их получения вызывал у нас полное доверие. Генерал Негусси в прошлом занимал должность начальника генерального штаба эфиопской армии. Однако в 1979 году после инцидента в ресторане, когда он вступился за честь и достоинство председателя Временного Военного Совета (ВВАС) республики Эфиопия Менгисту Хайле Мариама, он был смещен со всех должностей и уволен из армии. Возможно, драка была спровоцирована для того, чтобы скомпрометировать и убрать его из армии как наиболее боеспособного офицера.

Проведенное впоследствии служебное расследование положительных результатов не дало. М. Негусси в течение двух лет находился вне армии. За это время представители нашего дипломатического корпуса проделали большую работу по возвращению его в ряды ВС Эфиопии. К 1983 году, когда начался отсчет дням моей заграникомандировки, М. Негусси был уже восстановлен в звании, но в должности его понизили и направили командовать Северным оперативным командованием провинции Эритрея во 2 РА. Здесь велись активные боевые действия по противодействию сепаратистскому движению, и они поручались только генералам, которые заслуживали особого доверия главы государства.

В связи с этим, одной из первоочередных задач, которую поставило передо мной руководство резидентуры, была оперативная разработка М. Негусси в плане привлечения его к сотрудничеству. Надо сказать, что работа с советником в этом плане особых затруднений не вызывала.

М. Негусси пользовался безграничным доверием председателя ВВАС. Достаточно сказать, что руководство страны, проводя совещания на высшем уровне, всегда учитывало, что в провинции постоянно велись боевые действия, и Мерида не всегда отвлекали от выполнения им своих непосредственных обязанностей. Но позже, при стабилизации обстановки, его персонально приглашали в столицу и персонально доводили до него принятые решения и директивные указания. Кроме того, практически все генералы, занимавшие в этот период руководящие посты в министерстве обороны страны, ранее были его подчиненными или учениками. Таким образом, мы оперативно, практически из первоисточника, получали информацию об изменениях в политической и военной сферах, деятельности государственных органов, которая в основном находила свое подтверждение.

Учитывая, что сведения, которыми со мной поделился Юрий Андреевич, были государственной важности и требовали незамедлительного доклада, мы определились с вариантами ее перепроверки и сроками доклада по различным каналам.

Надо сказать, что каждый советский специалист, какое бы ведомство он не представлял, находясь за границей, должен был обязательно полученную информацию любыми путями доставить в Центр.

На следующий день, предварительно доложив по линии ВЧ о срочности доклада, я бортом самолета АН-12, входящего в состав отряда гуманитарной помощи, вылетел из Асмары в Адисс-Абебу.

Под крылом самолета плавно проплывал унылый, однообразный африканский ландшафт. Как бывшему военному инженеру-штурману ВМФ, мне была интересна разница в работе авиационного судоводителя и судоводителя-моряка. С командиром корабля я был знаком довольно тесно и попросил его ознакомить меня с работой его подчиненного. На самолетах АН-12 штурман располагается в носовой части корабля в совершенно прозрачном блистере. Кое-как мы разместились в этом тесном «аквариумном» пространстве. Я молча наблюдал за работой «коллеги». Вмешиваться в действия экипажа во время полета, какими бы ты полномочиями или погонами не располагал, если ты заявлен в качестве пассажира, категорически запрещено. И это правильно.

В связи с этим мне вспомнился эпизод, который произошел в 1976 году, когда я, как работник особого отдела КГБ СССР по ТОФ, обслуживал отдельные объекты гидрографической службы флота. Мы, в составе двух кораблей – экспедиционно-океанографического судна (ЭОС) «Башкирия» и дизельной подводной лодки Камчатской флотилии, выполняли задачу по определению гравиметрических поправок поля земли в Тихом океане.

Работа эта была крайне ответственна. Если поправки на склонение и девиацию, определяемые гидрографами, влияют на безопасность судовождения, то ошибка в определении гравиметрической составляющей, которая вносится в навигационные ракетные комплексы боевых кораблей при ракетном залпе, может повлечь за собой непредсказуемые последствия.

Старшим перехода командование ТОФ определило начальника штаба бригады ПЛ капитана 1 ранга Удовенко В.С. Это был заслуженный офицер, имевший за плечами не одну сотню миль подводного плавания.

И тем не менее...

Командир океанографического судна неожиданно заболел и потребовалась его срочная замена в несении командирской вахты. Старший перехода принимает решение заменить его. Не умаляя его заслуг как подводника, следует отметить, что он совершенно не был осведомлен в устройстве океанографического судна.

...Тропическая ночь, духота, корабли стоят на якоре кораллового рифа. Судовая вахта несется в ослабленном режиме. Окружающая обстановка спокойная, посторонних объектов на дистанции ближайших 20 миль нет. Ходовая рубка в полумраке освещена только подсветкой приборов главного командного пульта. Удовенко от скуки повернул маленький штурвалчик на пульте ГКП. Этого было достаточно, чтобы включились колокола громкого боя и клинкетные двери водонепроницаемых переборок по всему кораблю моментально захлопнулись. Хорошо, что это произошло в 2 часа ночи, а не в 3.30, когда происходит смена утренней вахты. Иначе было бы не избежать возможной травмы кого-либо из членов экипажа.

Прокладывая курс и постоянно держа связь по СПУ (самолетно-переговорное устройство) с командиром корабля, штурман давал ему рекомендации для принятия решения. При прокладке курса он сверялся с наземными ориентирами. Для меня это ассоциировалось с ситуацией, когда капитан речного судна, идя по фарватеру от баке-на к бакену, сверяет свое местоположение по пеленгу на петуха на правом берегу и пе-

ленгу на курицу на левом берегу. Но если серьезно, то работа авиационного штурмана разительно отличается от работы штурмана ВМФ. Если у штурмана ВМФ есть запас времени, то в распоряжении авиационного штурмана имеются буквально секунды для выдачи рекомендаций командиру. За этот период ему необходимо оценить обстановку, проанализировать ее и дать командиру сведения, необходимые для принятия единственно правильного решения.

Впоследствии опыт этого и последующих полетов мне пригодился, когда пришлось с нашими летчиками вертолетной авиации летать над водной акваторией, где наземных ориентиров не было.

Наблюдая за наземной поверхностью, все члены экипажа особенно внимательно следили за руслами рек. Дело в том, что в период засушливого сезона, русла рек полностью обезвоживались и использовались торговцами и сепаратистами как транспортные артерии для переброски наркотиков, продовольствия, товаров и оружия. Это был один из элементов ведения воздушной разведки и обязательно вменялся в обязанности каждого нашего самолетного и вертолетного экипажа.

Нередко наши военные специалисты за рубежом вдруг оказывались, мягко говоря, в неудобном положении. К примеру, советские советники, работавшие в конце 70-х годов XX века в Эфиопии, настойчиво отбивались от вопросов местных военнослужащих, интересовавшихся, почему сепаратисты из Эритреи воюют тем же оружием, что и эфиопы? Ну как им было объяснить, что при императоре Хайле Селассие I СССР поддерживал «справедливую борьбу эритрейского народа за независимость», а по пришествии к власти в стране ВВАС, провозгласившего курс социалистического развития страны, решил сделать ставку на него, а эритрейцев объявить врагами?

Работа каждого советского специалиста, находящегося за границей, происходила в условиях близких к экстремальным. Это касалось не только военных, которым это полагалось по статусу, но и наших врачей, геологов и других специалистов.

Когда мне показали условия, в которых наши врачи были вынуждены оказывать медицинскую помощь эфиопским женщинам, я был в шоке. Роженица, вместе с новорожденным, лежала на простой жесткой койке, застеленной обыкновенным рогожным мешком. И это, по эфиопским понятиям, считалось высшим эталоном медицинского обслуживания. Медицинское обеспечение было платным и всякому, кто не имел денежных средств, в помощи отказывали.

На борту самолета, помимо советских специалистов и военных советников, находились и эфиопы. Среди них был Михаэль Тангу, председатель Ассоциации молодежи в провинции Эритрея (АМРЭ). В последнее время у меня с ним установилась тесная доверительная связь. Центр одобрил этот контакт и дал мне указание на его развитие. Но, находясь на борту самолета, мы никому не показывали свои отношения.

Вместе с тем Михаэль, общаясь со мной, сам того не подозревая однажды преподнес мне урок, из которого я сделал вывод о необходимости досконального изучения традиций и обычаев страны, в которой ты находишься и тем более выполняешь специальные функции.

Тангу, которого я рассматривал как потенциальный источник информации, на одной из встреч неожиданно спросил меня:

– Комрад Борис, а вы знаете, почему Эфиопия, единственная из африканских стран, никогда и никем не была колонизирована?

Конечно, это было не так. В середине XX-го столетия Эфиопия была оккупирована Италией, но я решил подыграть ему и спросил в свою очередь:

– Нет, конечно. А вы, Михаэль, можете мне это пояснить?

Михаэль удивился:

– Мы, эфиопы, очень скрытная и гордая нация, – ответил он. – Никто не знает, о чем мы думаем, что мы после этого скажем и, тем более, как мы потом поступим.

После его слов пришлось удивляться уже мне. Дело в том, что Михаэль, сам того не подозревая, возможно из расположения ко мне, давал информацию, которая в основном подтверждалась. Его сведения помогли нам избежать многих потерь в технике и, что самое главное, сохранить жизни военным специалистам, которые выполняли свою миссию в отряде гуманитарной помощи и обеспечивали жизнедеятельность всей колонии советских специалистов в Эритрее.

Буквально за полгода до этого Михаэль, как бы между прочим, сообщил мне что вечером после комендантского часа, сепаратисты возможно обстреляют Асмарский аэродром и русский сектор дислокации авиационной техники переносными зенитными ракетными комплексами.

Ранее аэродром Асмара уже подвергался ракетному обстрелу эритрейскими сепаратистами, но тогда советская зона не пострадала. На верблюдах повстанцы подвозили к аэродрому самодельные ракетные установки, сделанные из различных блоков наземных управляемых ракетных снарядов, и под покровом ночи производили обстрел. Эти обстрелы оказывали в основном психологическое давление, так как точность стрельбы из этих установок оставляла желать лучшего.

Это была серьезная информация. К этому времени мы уже имели горький опыт потерь авиатехники от диверсионных актов. К маю 1984 г. мы так «достали» американскую разведку, что, прибегнув к помощи «зеленых беретов» из Саудовской Аравии, они совершили диверсионную акцию против наших противолодочников. В этот раз они решили действовать наверняка и направили группу командос с РПГ-1 прямо на летное поле аэродрома Асмара.

В ночь с 24 на 25 мая 1984 г., как бы там ни было, практически с 20 метров диверсанты из гранатометов расстреляли и сожгли 2 наших самолета Ил-38 77 ОПЛАП, покрашенные под «аэрофлот». В пепел за 20 минут превратились и 2 вертолета Ми-8. Еще один Ми-8 и Ан-12 получили повреждения.

Из воспоминаний бывшего заместителя начальника отдела боевой подготовки ВВС ТОФ полковника В.С. Лашевского, тогда капитана, командира вертолетного звена:

«...В 22.00 по местному времени дежурный по авиагруппе ВВС ТОФ со словами «Достало здесь все!» сделал попытку принять горизонтальное положение на койке в казарме, в которой проживали экипажи авиагруппы ВВС ТОФ. Не успела голова коснуться подушки, как створки окна казармы резко распахнулись от взрывной волны, а вслед за этим раздался грохот. Взрывалось что-то в районе стоянки дежурного звена самолетов МиГ-27 эфиопских ВВС и их склада первого боекомплекта. Все, кто находились в помещении, бросились на пол, расхватав личное оружие и на всякий случай отодвинувшись от окон. Командир авиационной комендатуры подполковник А.С. Ключник крикнул переводчику И. Бетарову, чтобы тот немедленно связался по телефону с эфиопским командиром авиационной базы для уяснения обстановки и принятия мер по охране и обороне стоянки авиагруппы...

Переводчик ни под каким предлогом не хотел вставать с пола и идти к телефону, тогда мне пришлось стать с автоматом у окна, делая вид, что занял оборону. Только после этого удалось связаться с эфиопским командованием. Большой ясности общение не внесло, но и так было понятно, что аэродром подвергся огневому набегу сепаратистов.

Слышалась хаотичная стрельба и отдельные взрывы, которые постепенно приближались к стоянкам советских самолетов и вертолетов.

Обычно, на аэродроме постоянно базировались 2 Ил-38 77 ОПЛАП, 2 Ми-8 710 ОКПЛВП и 1 Ан-12 593 ОТАП ВВС ТОФ. Но в этот вечер наших летательных аппаратов было больше. Кроме обычного комплекта авиатехники еще 2 вертолета Ми-8 стояли на стоянке наших Илов, готовясь к отправке в Союз. Они ждали перегонки по воздуху в Массауа и погрузки на советский транспорт в частично разобранном виде.

Вскоре взрывы раздались на стоянке Илов. В темноте было видно, как по нашим летательным аппаратам запускались гранаты из РПГ. Они проникали внутрь самолетов и вертолетов и те на мгновение, как бы вспухали от внутренних взрывов, а наружу вылетали стекла кабин и иллюминаторы.

Покончив с Ил-38 и Ми-8 на дальней стоянке, сепаратисты перенесли огонь на ближнюю стоянку, где стояли Ми-8 и Ан-12. Еще один Ми-8 располагался поодаль в стороне рулежной дорожки в гражданском секторе. По этим стоянкам обстрел из РПГ велся менее интенсивно, и летательные аппараты пострадали меньше (по крайней мере, так показалось ночью). Возможно, у сепаратистов были указания не стрелять в советские самолеты, или их отогнал наш ответный огонь – это неизвестно, но они ушли. Еще не прекратилась стрельба, когда наши летчики, взяв в автопарке, находившемся рядом с казармой, машины, отбуксировали два уцелевших вертолета в гражданский сектор аэропорта и поставили их рядом с самолетом «Боинг-727» компании «Алиталия».

Остаток ночи для наших ребят прошел в тревожном ожидании нового нападения в открытых щелях с оружием в руках. К счастью, новых атак не последовало.

С восходом стали считать потери.

Картина предстала весьма плачевная: на дальней стоянке виднелись бесформенные кучи того, что еще недавно было двумя самолетами Ил-38 и двумя вертолетами Ми-8. На ближней стоянке сиротливо стоял Ан-12 – этому повезло, граната из РПГ попала в лопасть винта, и кумулятивной струей и осколками слегка повредило фюзеляж. При осмотре отбуксированных в гражданский сектор вертолетов, оказалось, что один Ми-8, что стоял в отдалении, не пострадал, а вот второму граната угодила между двигателем и ротором несущего винта и взрывом изуродовала их. Кроме того, были выбиты стекла и иллюминаторы, что, в горячке боя, сразу не заметили. Вертолет восстановлению не подлежал. Слава Богу, не было потерь среди личного состава.

Разбитая авиационная техника, вывезенная на трейлере на находящуюся неподалеку свалку авиатехники, еще долго служила нашим вертолетчикам источником запчастей.

Через несколько дней на Асмару прилетела группа наших техников с необходимыми материалами и инструментами и, после минимального ремонта, подлатанный Ан-12 своим ходом перелетел в Союз. Потери сепаратистов были намного скромнее – один убитый повстанец, случайно напорвавшийся на эфиопскую позицию».

Позже, экипажи обоих Ил-38 77 ОПЛАП на прибывшем транспортнике были отправлены через Аден в Советский Союз. С тех пор самолеты Ил-38 на Асмару больше не базировались. Экипажи вертолетов 710 ОКПЛВП майора Колосовского (старший вертолетной группы), капитанов Лашевского и Беляева продолжали базироваться на аэродроме.

Все это явилось следствием того, что мы не располагали данными о том, что противник планирует акции по уничтожению авиационной техники правительственных войск. В тот период я и не мог этого знать, поскольку не располагал доверительными источниками.

Сейчас ситуация была совершенно иная.

...Мне пришлось оперативно свернуть встречу и срочно выехать в аэропорт. Нужно было прежде всего предупредить командование авиагруппы. Естественно я не мог делать ссылку на источник полученных сведений и попросил командира провести учения с личным составом по занятию позиций укрытия и сделать это не позже 19 часов, а заодно и известить об этом эфиопов. Командир со мной согласился, а я вновь убыл в город искать возможность перепроверки полученной информации.

Время уже подходило к комендантскому часу. Ситуация осложнялась тем, что при наступлении комендантского часа, любой человек, будь это местный гражданин или иностранец, если он задерживался военным патрулем, то укладывался на асфальт до прибытия наряда полиции и установления личности. Любая попытка пошевелиться сопровождалась довольно чувствительным ударом бамбуковой палки по ребрам.

Не получив возможности подтверждения сведений, я вынужден был проехать домой. Надо сказать, что дом, в котором жили я и моя семья, находился в центре города и считался элитным. В нем проживали высокопоставленные чиновники эритрейской администрации и наши специалисты авиагруппы. Охранялся он гвардейцами 2-й РА СРЭ. Как правило, через день на крыше нашего дома шла демонстрация кинофильма. На просмотр его собирались все наши специалисты и члены их семей, эфиопы, а также свободные от службы охранники. Пока все смотрели фильм, я смотрел в сторону аэродрома. К сожалению худшие предположения оправдались, примерно в 22 часа на горизонте появились всполохи, что свидетельствовало о начале ракетного обстрела аэропорта, который продолжался около 30 минут.

Утром я прибыл в авиагруппу. Ее командир, Ключник Александр Степанович, сообщил мне, что благодаря тренировке каждый наш боец в считанные секунды занял позицию укрытия и потерь среди личного состава мы не имели. Чего нельзя было сказать об эфиопах. Александр Степанович спросил меня как я узнал, что сепаратисты нанесут ракетный удар по аэродрому именно сегодня. Вопрос остался без комментариев.

Несколько позже Михаэль предупредил меня о возможном диверсионном акте по подрыву авиационной техники бойцами НФОЭ. Для того, чтобы не нагнетать лишнего ажиотажа и не создавать паники, мы с командиром, под предлогом эксплуатации вертолетов в условиях жаркого климата и отработки летчиками навыков техники пилотирования над водной поверхностью, приняли решение о передислокации их на о. Нокра, где располагался временный пункт материально-технического обеспечения кораблей 8 ОПЭСК ВМФ СССР в зоне Индийского океана. Да, сепаратисты предпри-

няли попытку совершения диверсионного акта. Но поскольку мы и эфиопы были заранее об этом предупреждены для противника она оказалась на этот раз неудачной. А наша техника, благодаря принятым превентивным мерам, осталась в сохранности.

Таким образом, не доверять Михаэлю у меня оснований не было. Поэтому вполне естественным был и мой следующий вопрос:

- Послушай Михаэль, мы знакомы уже не один месяц. Общаемся доверительно. И что, я не должен верить тебе?

Тем не менее, он настаивал на своем:

- К любым сведениям, полученным от эфиопов, необходимо относится критически.

Урок, который он преподнес, в дальнейшем сослужил мне хорошую службу.

Между тем наш полет подошел к концу. Шасси самолета плавно коснулись взлетно-посадочной полосы аэропорта «Боле», он начал выруливать в сектор стоянки и в это время произошло непредвиденное. Поток воздуха от винтов нашего самолета опрокинуло стремянку, которая используется техниками для осмотра и подготовки агрегатов самолета перед вылетом. Ее эфиопский обслуживающий персонал аэропорта забыл убрать с рулежной дорожки. Стремянка прокатившись несколько метров ударила пассажирский «Боинг-747» «Эфиопиэн аэролайнз» и пробила его внешнюю обшивку. Эфиопы тут же вызвали экспертов и представителей нашего посольства, зафиксировали и запротоколировали данное происшествие.

Как ни старались наши представители произвести взаимозачет, так как буквально за два дня до этого в аэропорту «Тиграе» эфиопский тягач раздавил четыре комплекта вертолетных лопастей, стоимость которых в несколько раз была выше ущерба, нанесенного «Боингу», эфиопы были несговорчивы. Мотивировали они это тем, что в Тиграе происшествие произошло по вине военных, а аэропорт «Боле» относится к гражданскому ведомству.

И как это ни странно, как я позже узнал, наше представительство заплатило довольно приличную сумму за нанесенный ущерб. Это делалось только из-за политической целесообразности, ради сохранения отношений с дружеской африканской страной.

Контрольная точка аэропорта «Боле» в Адис-Абебе и аэропорта «Асмара» различаются всего на один метр, поэтому акклиматизация при посадке самолета проходит практически незаметно. Но разбирательство заняло не меньше трех часов и все это время нам пришлось находиться в самолете, в духоте и без капли воды, что естественно не придало нам оптимизма.

Наконец нам разрешили покинуть борт самолета. У трапа меня встречал наш представитель группы военной контрразведки отдела КР резидентуры СССР в Эфиопии Лагутин Николай Степанович.

Находясь в условиях заграницы, каждый из сотрудников резидентуры, при проведении специальных операций или простого сопровождения своего сотрудника, обязан был соблюдать максимальные меры предосторожности. И каждый из нас, даже если он не был посвящен в детали операции, проводимой резидентурой, неукоснительно придерживался этих правил.

Николай Степанович аккуратно доставил меня в резиденцию главного военного советника СССР в Эфиопии, где располагалась миссия отдела ВКР резидентуры.

После краткого доклада своему непосредственному начальнику мы выехали в посольство. Реакция посла и резидента на мой доклад для меня лично были несколько обескураживающими. Инструктаж с их стороны не занял и десяти минут. В мое распоряжение оперативно были переданы односторонние средства связи «объект – резидентура», задержан вылет нашего самолета, а мне предоставлена личная машина посла в Эфиопии для поездки на аэродром.

В течение следующего месяца я, используя предоставленные мне специальные средства связи, ежедневно докладывал в резидентуру об изменениях оперативной обстановки в регионе и дополнительно полученных сведениях.

При очередном ежемесячном докладе руководство резидентуры выразило мне благодарность за оперативность представленных сведений и сообщило, что представленные мною сведения после соответствующей перепроверки были доложены руководству Политбюро ЦК КПСС.

Но я это уже знал, поскольку анализ материалов средств массовой информации показывал, что за этот месяц эфиопским правительством были предприняты жесткие меры по стабилизации обстановки в стране. В частности: ранее запланированный визит главы правительства Эфиопии в СССР на празднование 67-ой годовщины ВОСР был отменен, ограниченный контингент кубинских военнослужащих, до этого находившихся на границе с Сомали, полностью блокировал столицу Эфиопии – Аддис-Абебу. Произошли кадровые изменения в генералитете вооруженных сил Эфиопии. Менгисту арестовал и расстрелял более 600 офицеров. Это в основном коснулось генералов и полковников. Однако в органах государственной безопасности практически все были люди Менгисту – не только из одного племени, но и родственники. Используя отсутствие армейской охраны, должной бдительности, а также используя благодушие повстанцев, они провели аресты среди старших офицеров Министерства Обороны Эфиопской армии (выступление возглавлял начальник Генерального штаба) и в армиях, особенно во 2-й, где недовольство президентом за многолетнюю, изнурительную, никому не нужную войну было особенно сильно. О случившемся служба безопасности дала телеграмму Менгисту. Тот, прервав свою поездку, срочно вернулся домой. Разобравшись в течение суток в обстановке, приказал всех арестованных расстрелять. Было оформлено что-то типа суда и по материалам органов безопасности все арестованные были казнены.

Эта трагедия бросила еще большую тень на и без того уже мрачную фигуру президента.

В принципе, Менгисту представлял собой незаурядную личность. Для своего народа он сделал много хорошего. Однако, отсутствие контроля со стороны парламента и объективного самоконтроля (бог не дал) способствовало росту амбиций. Все явственней становились отрыв от здравого смысла и склонность к порочному принципу: «Знаю только я, и только я прав». Перерождение мышления и психики становилось необратимым. В этих условиях от Менгисту трудно было ожидать каких-либо новых решительных шагов, стабилизирующих внутривластическую обстановку. Он прибегал только к силе.

Звезда его уже закатывалась. Во 2-й армии фактически было обезглавлено всё — сама армия, все дивизии, бригады, полки и даже некоторые батальоны. У тех, кого только назначили, кто временно исполнял чью-то должность, настроение было скверное. Все в основном склонялось к тому, что бои надо кончать.

* * *

Не умаляя результатов деятельности сотрудников разведки, на каких бы передовых рубежах они не находились, следует отметить, что наибольших успехов добиваются те из них, кто в свое время прошел школу контрразведки.

Это объясняется тем, что обороняющаяся сторона всегда несет девятикратные потери по сравнению со стороной, которая ведет наступательные действия. Однако опыт, который приобретает обороняющаяся сторона, как правило, в последствии оборачивается для нее многократным перевесом сил.

В силу этого сотрудники, которые прошли школу контрразведки, наиболее подготовлены для работы во внешней разведке.

Вместе с тем, работа сотрудников контрразведки и внешней разведки немыслима без деятельности сотрудников вспомогательных подразделений спецслужб.

И мы должны отдать должное тем, кто сейчас честно и бескорыстно, находясь на передовых рубежах, несет свою вахту, охраняя наш покой и спокойствие.

Горячий «курорт»

По некоторым данным, с 1975 по 1991 гг. в Эфиопии побывало 11 143 советских граждан, в том числе: 79 генералов, 5 997 офицеров, 1 028 прапорщиков, 3 374 сержанта и солдата и 665 рабочих и служащих СА и ВМФ. И это только по линии военного ведомства СССР.

Точное число погибших в этой стране советских военных специалистов и солдат до сих не опубликовано.

По последним данным за весь период пребывания в стране: погибли (умерли) 79 человек; ранены – 9; пропали без вести – 5 и пленены 3 человека. Входят ли сюда моряки, погибшие в боях с сепаратистами на море и на ПМТО, неизвестно.

На начало ноября 1990 г. на 933 ПМТО в числе прочих находились:

1. Личный состав 933 ПМТО ТОФ, состоящий из СВС (советские военные специалисты – офицеры и мичмана, личный состав);
2. Суда обеспечения: плавдок «ПД 66», водолазное судно «ВМ-413» (ЧФ), пожарный катер «ПЖК-45» (ЧФ), танкер «Шексна» (БФ), «СХ-500»;
3. Плавмастерская «ПМ-129» (ТОФ);
4. Большой десантный корабль «БДК-14» (ТОФ) и боевая десантная группа дивизии морской пехоты ТОФ, в декабре ее сменили «БДК-101» с очередной боевой десантной группой;
5. Морской тральщик МТЩ «Параван» (ТОФ);
6. Малый противолодочный корабль «Комсомолец Молдавии» («МПК-118») (ЧФ), которого сменял торпедный катер проекта 206М «Т-72»;
7. На ПМТО проживал офицерский состав авиаэскадрилии, эвакуированный из г. Асмара. Здесь же проживали и наши военные советники.

Командование советскими силами осуществлял командир ПМТО капитан 1 ранга Б.Г. Пленков. Корабли и суда ВМФ СССР делились на две бригады: 185 – конвойную и 186 – десантную.

К этому времени у командования ВМС Эфиопии и сухопутных сил, находившихся

на о. Дахлак, практически не было нормального контакта с советскими руководителями ПМТО, что вносило определенные трудности в работе с ними. Была даже попытка офицеров эфиопского флота представить командованию сухопутной бригады командование ПМТО как нежелающих оказывать им посильную помощь.

Весь период нахождения советских специалистов как военных, так и гражданских в Эритрее (о. Нокра, г. Асмара и Массая) официально был признан нашими военными чиновниками периодом нахождения в зоне ведения боевых действий, что подтверждается справками главного военного советника, которые получали на руки после окончания заграничных командировок, наши специалисты. И тем не менее, это до сих пор не является основанием для признания их ветеранами военных конфликтов, участниками боевых действий за границей.

Многие из тех, кто был в Эфиопии, а особенно служившие на ПМТО, моряки судов, действовавшие с базы, а также личный состав кораблей 8 ОПЭСК участниками боевых действий не признаны, поскольку на войну Министерством обороны СССР (Управлением по международному военному сотрудничеству) официально не направлялись. На запросы бывших командиров – «дахлаковцев» из ПМТО во все соответствующие инстанции с 1992 г. следовали похожие ответы: «В Эфиопию от 10 ГУ ГШ Вы не командировались, поэтому не имеем законных оснований рассматривать Ваш вопрос» (генерал-майор В. Пухов); «Указанный вопрос не может быть решен в ГУ международного военного сотрудничества МО РФ, т.к. личный состав ПМТО ТОФ в НДРЭ командировался ГШ ВМФ» (генерал-полковник Е. Смирнов). А ответ, полученный из Министерства обороны, гласил: «Десантную группу ВМС во главе с подполковником Филонюком мы в Эфиопию не отправляли. Рекомендуем обратиться к Главкому ВМФ». В свою очередь контр-адмирал Мазин, от имени Главкома ВМФ СССР, сообщил: «Командование ВМФ с пониманием относится к вашей просьбе и планирует возбудить ходатайство перед МО СССР...»

Но СССР канул в лету, как и ответ на возбужденное ходатайство.

В последующие годы после многочисленных обращений, 2 октября 2008 г. был принят Федеральный закон Российской Федерации № 166-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О ветеранах». В нем уже период боевых действий в Эфиопии был расширен с декабря 1977 года по ноябрь 1990 года, хотя остался за кадром временной отрезок с ноября 1990 по февраль 1991 гг., когда шли регулярные обстрелы и боевые столкновения. Дело похоже опять утонуло в бюрократических формулировках. Согласно пп. 1, п. 1, ст. 3 Федерального закона «О ветеранах» № 5-ФЗ от 12.01.1995 г. к ветеранам боевых действий относятся военнослужащие, принимавшие участие в боевых действиях при исполнении служебных обязанностей в этих государствах. А служившие и воевавшие там, согласно выданных в советское время справок, а также выдаваемых в настоящее время архивных справок, «находились на боевых службах в зонах боевых действий различных государств мира при исполнении обязанностей военной службы». И других формулировок в этих документах быть не может, так как позиция Советского Союза в тот период, особенно в конце 80-х годов прошлого столетия, была однозначная – СССР нигде не воюет. Формулировок в справках «принимал участия в боевых действиях» нет.

Чтобы не быть голословным приведу несколько примеров.

После возвращения в 1986 году из командировки в Эфиопию, представив в отдел

кадров ОО КГБ СССР по ТОФ справку ГВС о фактическом нахождении как военного советника «чистых» 386 суток на фронте, я получил ответ, что участниками боевых действий признаются только военнослужащие ограниченного контингента ВС СССР в Афганистане. Повторное обращение уже в мобилизационный отдел штаба ТОФ позволило все-таки положительно решить этот вопрос и получить соответствующее удостоверение. Однако «фронтовые» год за три в тот период так и не были учтены.

В 2005 году при решении вопроса о перерасчете пенсии меня обвинили в незаконном получении удостоверения «Участника боевых действий», так как я по документам в период с ноября 1983 по ноябрь 1986 гг. проходил службу в Москве в в/ч 00000. И только настойчивость позволила добиться справедливости, отстоять честь и достоинство и добавить недостающие два года к общему стажу воинской службы.

Обращение капитана 3 ранга запаса МО и ФСБ России Баслыка Валерия Владимировича (участника боевых действий в Республике Эфиопия):

- 1990 год. Председателю комитета по обороне Государственной Думы РФ г-ну Заварзину В.М.;
- 27 марта 2010 г. (копия). Председателю комитета по безопасности Государственной Думы РФ г-ну Васильеву В.А. и Председателю комитета по делам ветеранов Государственной Думы РФ г-ну Ковалёву Н.Д.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Уважаемый Виктор Михайлович!

На моё обращение в Ваш адрес от 27 октября 2009 года поступил ответ за № 3.14-32/1838 от 02.12.2009 г. (копия прилагается), согласно которому Вами «направлен запрос Министру обороны Российской Федерации для разъяснения понятий «участие в боевых действиях», «нахождение на боевой службе в зоне боевых действий», «нахождение в районе боевых действий при выполнении обязанностей военной службы», применительно к военнослужащим, проходившим службу на надводных кораблях ВМФ Советского Союза».

Как следует из ответа Департамента социальных гарантий МО РФ № 182/3/1/93797 от 13.01.2010 г. (копия прилагается) с Вашей подачи моё обращение отправлено в ФСБ РФ, так как я «уволен приказом начальника управления ВКР МБ РФ без права на пенсию и не являюсь получателем пенсии по линии МО РФ». Да, уволен по собственному желанию, и на то были веские причины. Без пенсии, на которую и не претендую. Но уволен в запас МО РФ, а не ФСБ России! Получается, что я как офицер запаса ВС РФ не нужен ни МО РФ ни ФСБ РФ. Может быть нужен НАТО или, к примеру, Эфиопии, за территориальную целостность которой я воевал?

Из ФСБ России за № 14/УСР/Б-26 от 29.01.2010 г. мне напомнили, что «ранее в Ваш адрес за № 14/УСР/Б-455 от 31.07.2009 г. направлялся ответ» (их копии прилагаются). Но в том-то и дело, что в связи с ответом за № 14/УСР/Б-455 от 31.07.2009 г. я и вынужден был обратиться за помощью в Ваш комитет и комитет ГД РФ по делам ветеранов (г-н Ковалёв Н.Д.).

Казалось бы, с получением ответа из УСР ФСБ РФ круг бюрократических отписок замкнулся. Но неожиданно поступил ответ от ВРИО Главкома ВМФ РФ адмирала А. Татаринова за № 717/14431/2 от 23.01.2010 г. (копия прилагается). Слава Богу, наконец-то свершилось! Через 15 лет переписки сам Главком ВМФ подтвердил моё нахождение «в странах, где велись боевые действия», но в какой конкретно – забыл указать, как и не подтвердил «факт участия в них». Нет конкретной страны и нет факта участия в боевых действиях.

Вот так, уважаемый Виктор Михайлович! Даже Вам, Председателю комитета по обороне ГД РФ, генералу армии чиновники от силовых структур постарались не ответить на конкретно поставленные вопросы. Просто заболтали их пустыми ссылками на статьи из законов и ведомственных инструкций, что хорошо видно из приложения. Заболтали потому, что ответить-то нечего, поскольку таких понятий как «боевые действия», «участие в боевых действиях», «нахождение на боевой службе в зоне боевых действий», «нахождение в районе боевых действий при выполнении обязанностей военной службы», в российском законодательстве, а тем более в Министерстве обороны России, просто не существует.

На поставленные Вами вопросы Министру обороны мне за вас ответил своим письмом за № 3.29-32/851 от 23.11.2009 г. (копия прилагается) уважаемый мною Франц Адамович Клинецвич, зам. председателя комитета по делам ветеранов ГД РФ. В нём сказано: «Информируем, что поднятая Вами проблема известна комитету. Решение данного вопроса возможно путем внесения изменений в действующее законодательство. В работе комитета находился законопроект «О статусе участника боевых действий и участника боевых конфликтов», в котором были уточнены критерии участия в боевых действиях, а также определены критерии отнесения лиц к ветеранам боевых действий. Поскольку на данный законопроект не было получено положительное заключение Правительства Российской Федерации, он был снят с рассмотрения Государственной Думой. Ваше предложение рассмотрено и обязательно будет учтено в ходе дальнейшей законотворческой работы комитета».

Из этого следует, что на поставленные Вашим комитетом вопросы, ответ знал только Комитет по делам ветеранов ГД РФ. Не знаю, насколько далеко от Вас он находится, но в случае нормального обмена информацией между подразделениями Госдумы, не пришлось бы терять более 5 месяцев, снимая «лапшу с ушей», навешенную военными чиновниками из МО РФ, ВМФ РФ, ФСБ РФ. Тем более, что я указал в обращении к Вам о направлении аналогичного заявления в комитет Н.Д. Ковалева. В итоге, Вы не смогли проинформировать меня в полном объеме о «полученных результатах», согласно Вашего декабрьского письма. Нет их и быть не может, этих результатов, а есть нарушение сроков ответа на обращение (заявление) граждан, согласно действующему законодательству. Впустую потеряно 5 месяцев.

Из выше указанного ответа комитета по делам ветеранов ГД РФ на мой взгляд следует два вывода:

1. Легитимность ветеранских удостоверений «Участник боевых действий», выданных Российской Федерацией (кроме выданных в советское время и по решениям судов РФ), ставится под сомнение, так как не определено законодательно само понятие «боевые действия», «участие в боевых действиях», «нахождение на боевой службе в зоне боевых действий», «нахождение в районе боевых действий при выполнении обязанностей военной службы».

2. Образовался правовой вакуум, о котором я писал в октябре 2009 года, и который заполнили ведомственными инструкциями, ставшими выше закона прямого действия «О ветеранах». Они позволили чиновникам от силовых структур вольно трактовать вопросы признания или не признания граждан ветеранами боевых действий.

Ответ из комитета по делам ветеранов ГД РФ совпал по времени с проведением 02.12.2009 г. путин-шоу «Разговор с В.В. Путиным. Продолжение». Я тоже принял участие в нем: изложенное в письме Ф.А. Клинецвича, через Интернет и по телефону я адресовал национальному беспартийному лидеру правящей партии «Единая Россия» (копия рукописного текста прилагается). Увы, ответа от премьер-министра до сего дня не последовало. Очевидно, ответить нечего. Тем самым, высшее должностное лицо страны грубо нарушило закон о работе с обращениями граждан.

И совсем повергла меня в уныние заключительная часть ответа Ф.А. Клинецвича:

«На сегодняшний день в комитете ведется работа по уточнению упомянутых позиций в Федеральном законе «О ветеранах», после чего предстоит дальнейшая работа по согласо-

нию позиций с различными министерствами и ведомствами. Желаем Вам доброго здоровья, бодрости духа и благополучия».

Это типа эпитафии: «Спи спокойно, дорогой товарищ», или надписи на воротах концлагеря «Бухенвальд»: «Оставь надежду, всяк сюда входящий». А если серьёзно, при таком отношении правительства Путина к проблемам ветеранов локальных войн и конфликтов, согласование законопроекта «О статусе участника боевых действий и участника боевых конфликтов» опять растянется этак лет на 10–15! И сколько же из нас доживёт до этих светлых времён?

Народ повелся на фразу национального беспартийного лидера «Мочить в сортире!». Но не предполагал народ, в том числе и я, что мочить будут нас: народ, армию, флот, экономику и страну в целом, что мы все станем лишними в государстве Путина. Это ответ на вопрос, почему в течение более 15 лет государство под названием Российская Федерация (прошу не отождествлять с Родиной–матерью Россией) воюет со мной и мне подобными «правдолюбам».

Я не юрист по образованию, но знаком с Основным законом РФ – Конституцией Российской Федерации, согласно которому:

– п.1 ст. 45 «Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется»;

– п.2 ст. 55 ««В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина»;

– п.1 ст. 59 «Защита Отечества является долгом чести и обязанностью гражданина Российской Федерации»;

– п. 1 ст. 72 «В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся: б) защита прав и свобод человека и гражданина...».

Следуя букве Конституции РФ, свой долг и обязанность по защите Отечества я выполнил и в случае необходимости готов выполнять его дальше. Но я не должен, согласно этой же Конституции, вести переписку в течение 15 лет, защищая свои права и права себе подобных. Это должны делать государственные органы исполнительной власти после моего обращения к ним: военные комиссариаты, пенсионные и кадровые отделы силовых структур, госархивы и т.д. Иначе теряется смысл конституционного права на государственную защиту прав граждан.

Не должны приниматься и действовать законодательные и подзаконные акты, умаляющие права гражданина. Не должны соблюдать омерту (обет молчания) региональные органы исполнительной и законодательной власти, в моём случае Калининградской области. По изложенной проблеме я обращался и к члену Высшего Политсовета партии «Единая Россия» – Губернатору Калининградской области г-ну Боосу Г.В. (29.03.2006 г.), Председателю Калининградской областной Думы полковнику –афганцу г-ну Булычеву С.В. (29.10.2007 г.) и даже к заместителю полпреда Президента РФ в СЗФО г-ну Дацышину А.Я.(02.11.2007 г.). Из них никто не ответил на мои запросы.

Воистину говорится в Евангелие: «Блажен (счастлив), кто верует». Верует в Бога, а не в слугу народа – чиновника, мнящего себя национальным идолищем. Я – верующий человек и уповаю на Господа Бога. Иначе бы жизнь в современной России потеряла бы всякий смысл. В сегодняшней Российской Федерации верить некому, кроме Гаранта Конституции – Президента РФ г-на Медведева Д.А. И то лишь потому, что не говорит о дешёвом популизме – «мочилове в сортире» Я пытался, как говорил уважаемый Аркадий Райкин, «через завсклада, через директора магазина, через товароведа, через заднее стекло» достучаться до Гаранта Конституции. Очевидно, судя по молчанию, не получилось.

В декабре 2009 года, с учетом наработанного опыта, я снова обратился с запросом в Архив Войск и Сил на Северо-Востоке, на что 17 марта с.г. получил архивную справку № 1148

от 15.12.2009 г. (копия прилагается). В ней сказано: «На основании вахтенных журналов в/части 95462 установлено: в период с июля 1990 года по март 1991 года корабль подвергался артиллерийским и ракетным обстрелам на территории о. Дахлак, о. Нокра (Эфиопия)».

Ранее, заместитель начальника отделов кадров Департамента военной контрразведки ФСБ РФ полковник г-н Кручек Н.П. в своих ответах № Б-113 от 05.06.2007 г. и № 3/ОК/2-Б-220 от 13.11.2007 г. (копии прилагаются) на мои запросы сообщил, что «участие в боевых действиях возможно установить в суде в порядке, предусмотренном главой 28 ГПК РФ. Для этого необходимо подтвердить, что личный состав ПМ-129 принимал участие в боевых действиях, которые могут быть отражены в вахтенных журналах этого корабля за конкретный период». Как следует из полученной архивной справки, корабль подвергался ракетно-артиллерийскому обстрелу. Возникает вопрос: является ли систематический ракетно-артиллерийский обстрел участием в боевых действиях? Без законодательной базы он остается без ответа, и не может являться основанием для получения удостоверения «Участник боевых действий».

Это и подтвердилось после подачи мною заявления в УФСБ РФ по Калининградской области 17 марта с.г. (копия прилагается). После согласования пенсионного отдела УФСБ по Калининградской области с соответствующей структурой в Москве, мне было устно заявлено, что представленная архивная справка № 1148 от 15.12.2009 г. не является основанием для признания меня ветераном боевых действий, и оснований для выдачи удостоверения нет. Письменный ответ мне будет направлен в установленный срок.

Участие экипажа в боевых действиях также мог бы подтвердить «Перечень кораблей и судов, личный состав которых был включен в списки интернационалистов», утвержденный приказом МО СССР 1991 года № 18, Директивой штаба КТОФ № 13/1/0568 от 17.09.1991 года. Однако, по информации полковника Кручека Н.П. в этот Перечень «ПМ-129 513 группы судов обеспечения 28 судоремонтного комплекса Камчатской флотилии КТОФ не входит».

Последний источник, способный документально подтвердить участие ПМ-129 в боевых действиях – это архив войсковой части, полевая почта 90245 (933 ПМТО ТОФ), базировавшаяся на о. Нокра архипелага Дахлак, Эфиопия. Но как следует из архивной справки Центрального военно-морского архива МО РФ № 9769 от 31.07.2009 г. (копия прилагается): «Документы в/части полевая почта 90245 ТОФ на хранение в архив не поступали...» Возникает логичный вопрос: где же они? Архив Войск и Сил на Северо-Востоке подтверждает, что ПМ-129 (в/ч 95462) с июля 1990 года по март 1991 года дислоцировалась на о. Нокра, арх. Дахлак (Эфиопия), а Центральный военно-морской архив этой информацией не располагает? И запрашиваемый период дислокации в/части п/почта 90245 как-то, мягко говоря, «провален»: на 01.01.1988 года она была на о. Нокра, а на 01.01.1992 года она уже не значится. Информация по другим годам опущена. Правильно, мы ушли с о. Нокра 12.02.1991 года, эвакуировав остатки 933 ПМТО ТОФ. И, естественно, на 01.01.1992 года его уже там не было. Но догадаться о том, что с 01.01.1988 года по 01.01.1992 г. 933 ПМТО ТОФ как-то там присутствовал, при желании можно. Только вот догадки к делу не пришьешь. «Секрет Полишинеля», да и только.

Круг опять замкнулся на Госдуму РФ, точнее, на принятие законопроекта «О статусе участника боевых действий и участника боевых конфликтов», ибо без него свои права не восстановишь: в суд пойдешь – не докажешь, что воевал, так как в/часть, согласно архивным документам, не принимала участия в боевых действиях. Информация в архивах закрыта или предоставляется в искаженном виде. Опубликованные в СМИ интервью участников тех событий не в счет, хотя в любом другом государстве, уважающем своих граждан, они юридически являются доказательной базой (копии газетных статей прилагаются...

Кому и куда еще писать, у кого искать правду и защиту?! Да и какой смысл в этом, если «власть народа» окончательно оглохла и не слышит тех, кому по Конституции принадлежит эта власть!

Надеюсь, что в этом обращении, уважаемый Виктор Михайлович, я убедительно доказал, что в Российской Федерации грубо нарушаются права бывших военнослужащих, рабочих и служащих ВС СССР и РФ, – исполнивших свой интернациональный воинский долг!

Честь имею!»

Обращение А. Шитова,

военного переводчика, участника боевых действий в Республике Эфиопия.

«...В наши дни сотрудники Центрального архива МО РФ в Подольске с огромным трудом разыскали единственный документ, прямо подтверждающий факт моего пребывания в Эфиопии. Это приказ начальника 10-го Главного управления ГШ ВС СССР №047 от 7 марта 1985 года, в котором, в частности, значится: «Нижепоименованных военнослужащих, находящихся в Социалистической Эфиопии, полагать 1 марта сего года возвратившимися из командировки и откомандированными к месту службы: Военный институт, г. Москва, 5 марта сего года, рядового Шитова Александра Викторовича. Указанным военнослужащим с 1 марта 1985 года прекратить льготы, установленные подпунктом «В» пункта 1 ПСМСССР №313-134 1961 года». В Архиве Президента РФ, бывшем Архиве ЦК КПСС, я разыскал Постановление Совета Министров СССР от 6 апреля 1961 года №313-134 «О советских военных специалистах, командируемых в страны, армии которых ведут боевые действия или оказывают военную помощь другим государствам». Согласно пункту 1В данного постановления, указанным военнослужащим «за период участия в боевых действиях и обеспечения их» выплачивалось установленное денежное содержание. Кроме того, в моём личном деле сохранилась служебно-политическая характеристика на курсанта 5-го курса факультета восточных языков Военного института рядового Шитова Александра Викторовича, в которой значится: «С ноября 1984 г. по март 1985 г. находился в служебной командировке в Социалистической республике Эфиопия в качестве бортпереводчика английского языка. За прохождение стажировки получил оценку «отлично». В связи со вступлением в силу с 1 января 2009 года Федерального закона №166-ФЗ от 2 октября 2008 года период ведения боевых действий в Эфиопии с участием граждан СССР и РФ определён в ФЗ РФ «О ветеранах» с декабря 1977 года по ноябрь 1990 года и с мая 2000 года по декабрь 2000 года. Обратившись в военный комиссариат по месту жительства для оформления удостоверения «Ветеран боевых действий», я получил отказ Комиссии Мосгорвоенкомата по выдаче данного удостоверения, поскольку на её взгляд документы, подтверждающие моё участие в боевых действиях, отсутствуют. В Мещанском суде Москвы, куда я обратился в 2010 году с иском к Мосгорвоенкомату, я представил справку ГУК МО РФ, в которой сообщается, что Главное управление кадров МО РФ сведений о пребывании Шитова А.В. на территории Социалистической республики Эфиопии не имеет. Свои доводы в пользу выдачи мне удостоверения я аргументировал тем, что факт имевших место в отношении меня в период служебной командировки в Эфиопию льгот, связанных с выплатой мне денежного содержания «за период участия в боевых действиях и обеспечении их», косвенно доказывает моё участие в боевых действиях. Однако представитель Мосгорвоенкомата и судья, вчитавшись в положения подпункта 1 пункта 1 статьи 3 ФЗ РФ «О ветеранах», где сказано, что к ветеранам боевых действий относятся военнослужащие «принимавшие участие в боевых действиях», пришли к выводу, что речь идёт именно о непосредственном участии в боевых действиях, «о тех, кто с автоматом в окопе сидел», как выразился представитель военкомата, тогда как в представленном мною Постановлении Совмина говорится об «участии в боевых действиях и обеспечении их». Судья решил, что формулировка Постановления Совмина не стыкуется с формулировкой «Закона о ветеранах». «Одинаковые деньги платили и тем, кто участвовал в боевых действиях, и тем, кто их обеспечивал, но по

современному законодательству удостоверение дают только тем, кто участвовал в боевых действиях, а обеспечивавшим боевые действия не дают ничего. Вы – бортпереводчик, вы обеспечивали боевые действия, но не участвовали в них непосредственно, а, значит, удостоверение «Ветеран боевых действий» вам не положено», – заключил судья. Я связался с Комитетом Госдумы по делам ветеранов, поинтересовался, почему сотни военнотружеников, занимавшихся именно обеспечением боевых действий в заграничных командировках, остались «за бортом» «Закона о ветеранах». «Потому что у государства нет денег на всех, – ответили мне и добавили что: Может быть, когда-нибудь законодатель установит дифференцированную планку льгот для участников боевых действий и для тех, кто их обеспечивал».

Но пока такие люди, как я, а их, повторюсь, многие сотни, для государства никто, словно они и не выполняли свой служебный долг, рискуя жизнью.

«Утешительным призом» стала общественная медаль «Участнику локальных конфликтов. Эфиопия», которую 26 августа 2010 года вручили мне по линии общественной организации «Клуб товарищей ВНИИ КА».

Служу Отечеству!»

Данные обращения остались без внимания как со стороны чиновников Правительства, Министерства обороны, так и со стороны депутатов Государственной Думы Российской Федерации.

Как говорится, ни прибавить, ни убавить.

В похожей ситуации оказываются практически все россияне, которых в свое время МО СССР направляло выполнять интернациональный долг в Эфиопию, Вьетнам, Корею, Лаос, Мозамбик, Камбоджу и другие страны третьего мира, а МО РФ направляет сейчас в «горячие точки».

Люди, волей политических обстоятельств, кстати, от них независимых, принимавшие и принимающие непосредственное участие в войне, официально ее участниками не являются.

Им приходится отстаивать свои конституционные права и законные интересы в судах.

Получается, что Минобороны СССР и его приемник Минобороны РФ постоянно находятся в состоянии «войны» с собственным народом. И это при том, что статус документа «Свидетельство участника боевых действий» сведен практически к нулю и имеет для его обладателя только моральное значение. Обладатель же удостоверения «Ветеран труда» в материально-льготном отношении имеет больше преимуществ.

Комментарии излишни.

Соленый ветер Дахлака**Станислав Сахончик*

Мне по ночам все чаще снится,
И не избавиться никак,
Далекий остров в Красном море
Со странным именем – Дахлак.

Казалось, что в нем – голый остров:
Песок, да сланец и вода,
Но памяти ночной причуды
Ведут меня опять туда.

Туда, где русские матросы
Несли суровой службы груз.
В те времена так было надо –
Была Держава, был Союз.

Там чернокожие солдаты,
Зенитный чистя автомат.
В певучий свой язык вплетали
Такой родной российский мат.

Как заклинания звучали
Нам непонятные слова,
Керен, Массауа, Дыре-Дауа,
Адисс-Абеба, Асмара.

Там бунтовала Эритрея
И по ночам, презревши рок,
На утлых шхунах шли повстанцы,
Везли оружие на восток.

И часто взрыв во мраке ночи
Им ставил крест в конце пути,
Дуэли в море скоротечны –
Здесь может лишь один уйти.

И с закопченными стволами
Шли в базу с раннего утра,
Порой с пробитыми бортами,
Сторожевые катера.

А на шкафутах под брезентом
Лежали мертвые тела...
Сейчас о том никто не помнит,
Была война – она прошла.

Исчез Союз.... Песок заносит
Ушедших моряков следы,
По пирсам одиноко бродят
Верблюды в поисках еды.

Лишь змеи спят в разбитом доте
Клубком в прищуре амбразур,
И никогда морской пехоте
Не встать на вышках в караул.

Лишь изредка в своих рассказах
Бывалый помянет моряк:
«Была, браток, такая база
Со странным именем – «Дахлак»

Уж в небытие ушли те годы,
Лишь иногда, издалека,
Ворвется в душу свежий ветер –
Соленый ветер Дахлака.

Эпилог

И только мысль меня уносит
За семь морей, и за десятки лет.,
Да снова в мыслях цепь грохочет
На рейде бухты Мус–Нефет.

И вновь встают перед глазами
Давно ушедшие друзья,
Индийский снова под ногами,
В готовности, как прежде, я.

За одним столом с предателем

Людские судьбы и превратности жизни порой как мозаика причудливо складываются в хитросплетении событий. Порой удивляешься тем обстоятельствам, с которыми порой приходится сталкиваться.

При подготовке к заграничному командированию моим куратором ВКР СВР КГБ СССР был молодой, амбициозный, перспективный майор КГБ Александр Запорожский.

В 1975 году А. Запорожский после окончания института военных переводчиков начал работу в КГБ. И не в каком-нибудь заштатном районном отделе, а сразу же в центральном аппарате разведки – предмете вожделения большинства чекистов. Работал Запорожский в Управлении внешней контрразведки – в самой, наверное, «боевой» службе Ясенево. Это своего рода спецслужба в спецслужбе. Она занимается поиском предателей внутри, держит под «колпаком» всех подозрительных сотрудников. Ведает агентурной работой внутри спецслужб противника, ведь проникнуть во вражеский стан — главная задача любой «конторы».

Через четыре года – первая заграничная командировка – в Эфиопию на пять лет. В 1985 году – еще одна (снова в Эфиопию) уже в качестве начальника КР отдела резидентуры. Здесь то мне и пришлось вновь с ним столкнуться и работать под его руководством и даже принимать участие в обеспечении некоторых контрразведывательных операциях, проводимых им.

И хоть работал он не в Европейской стране, но все равно за границей, да и зарплата в чеках. К своему второму возвращению Запорожский имел практически все, о чем мог только мечтать простой советский человек: новенькая «Волга», дача, телевизоры и двухкассетники. И даже две квартиры. Он был на хорошем счету у начальства. Правда, в Эфиопии особыми успехами не блеснул, ну так это не его вина: Африка, она и есть Африка. Хотя кое-какие операции сумел провести, а за удачную вербовку получил даже боевую медаль.

После работы в Эфиопии он занял пост заместителя начальника 1-го («американского») отдела управления внешней контрразведки.

В целом это была незаурядная личность. Блестящий аналитик с сильным характером и склонностью к авантюрам – лучшей характеристики разведчику не придумаешь. Имел способности к языкам. Во время длительной командировки в Эфиопию он освоил один из труднейших в мире языков – ахмарский. И знал его даже лучше английского. Под стать интеллектуальному потенциалу у него были и карьерные амбиции. В подразделении, где он служил, эти качества ценились особо.

Так что не без оснований руководство считало Запорожского в разведке крепким профессионалом и сильным аналитиком.

В 1994 году в Аргентине Запорожский связывается с местным резидентом ЦРУ Уильямом Ортманом и предлагает ему сотрудничество. Предателя взял под крыло сам Стивен Каппес – начальник контрразведки ЦРУ, бывший глава московской резидентуры.

Вплоть до 2001 года Запорожский конспиративно встречался со своими кураторами и предавал своих товарищей, их связи и многолетние разработки ФСБ.

В декабре 1997-го он неожиданно увольняется в запас и летом следующего года

через Прагу переправляется за океан, где получил «грин кард» и поселился в трехэтажном особняке в американском штате Мэриленд на улице Виллоу Виста Вэй в пригороде Балтимора — городке Кокейсвилл. Всего от американских спецслужб этот человек получил более полумиллиона долларов...

В 2001 году контрразведкой была подготовлена и проведена операция по его задержанию. Наручники на его запястьях защелкнулись прямо на трапе самолета в аэропорту «Шереметьево-2» в Москве, куда он прилетел, чтобы навестить своего новорожденного внука. По некоторым данным, раскрыть Запорожского удалось, благодаря информации работавшего на СВР сотрудника ФБР Роберта Ханссена.

В июне 2003 года Московский окружной военный суд признал Запорожского виновным в государственной измене и приговорил к 18 годам колонии строгого режима.

Руководитель пресс-бюро СВР Борис Лабусов так описывал эту ситуацию: «Александр Запорожский попал в поле зрения службы собственной безопасности СВР после своего увольнения, которое носило не совсем обычный характер. В ходе проверки, суть которой мы не можем раскрыть в силу понятных причин, подозрения в отношении Запорожского подтвердились...»

Впервые в истории сбежавший за кордон шпион был выманен на территорию России, арестован и получил по заслугам.

Но в последствии, крайнее недоумение вызвал факт обмена в 2010 году одиннадцати российских нелегалов, разоблаченных ФБР на территории Америки, на четырех предателей, в числе которых оказался Запорожский. Невольно задаешь себе вопросы: «Неужели наши сотрудники спецслужб не смогли подобрать альтернативную замену для обмена?» И «Как себя чувствуют те, кого выдал американской Фемиде Запорожский, и кто до сих пор томится в американских тюрьмах, осознавая, что предатель живет припеваючи в своем американском особняке?»

К сожалению ответов на эти вопросы нет или получим мы их не скоро.

Б. Д. Шадрин

3.8. А.Б. Креуз. Мы многое там потеряли...

С конца 60-х годов, когда Военно-морской флот СССР стал океанским, и до середины 90-х годов XX столетия десятки кораблей, подводных лодок и вспомогательных судов ТОФ несли боевую службу в Тихом и Индийском океанах. Вместе с военными моряками выполняли свои задачи контрразведчики флота.

Это было время «холодной войны» и противостояния между СССР и его союзниками, с одной стороны, и стран Запада во главе с США, с другой. В это противостояние вовлекались и страны «третьего мира».

Наши корабли на боевой службе находились в постоянной готовности отразить возможную агрессию со стороны США, направленную против СССР и исходящую с океанских просторов.

Такая обстановка накладывала существенный отпечаток на подготовку и работу оперативного состава в море. Прежде всего надо отметить, что существовал ценз практической работы — полтора-два года, без которого оперработника не отправляли на боевую службу. Связано это было с тем, что оперативному составу, как правило, приходилось работать в своем экипаже не просто одному, а в отрыве от базы и руководства.

Автор этих строк во время несения девятимесячной боевой службы на БДК «Сергей Лазо» в 1988–1989 г.х только три раза общался со своим руководителем непосредственно на корабле. Причем одна из встреч проходила с начальником, который возвращался в Советский Союз, а другая — с тем, кто только что прибыл в зону ответственности. Третья по времени заняла всего два с половиной часа, чего было явно недостаточно для обсуждения и решения целого ряда неотложных оперативных вопросов. Связь с руководством осуществлялась только по закрытым каналам с использованием шифров. Поэтому опыт оперативной работы был непреложным условием для отправки на боевую службу, в течение которой оперработнику ежедневно приходилось самостоятельно принимать решения по широкому кругу вопросов и брать ответственность на себя.

Нелегко было и физически, и морально. Жара, постоянная качка, недостаток пресной воды, скудная информация о событиях в стране и за рубежом, нерегулярное поступление почты и писем, ограниченный круг общения — все это создавало дополнительные трудности.

Креуз Александр Борисович,
капитан 2 ранга запаса

Родился 8 марта 1958 г. в Пскове в семье офицера флота. В 1980 г. закончил Калининградское ВВМУ по специальности «Артиллерийское и зенитно-ракетное вооружение надводных кораблей». В 1980–1981 гг. проходил службу в должности командира батареи БДК-63 22-й дивизии десантных кораблей ТОФ, в 1981–1983 гг. — в должности командира 3-й батареи БДК «Иван Рогов» 22-й дивизии МДС ТОФ, в 1983–1984 гг. — командир БЧ-2 БДК-101 той же дивизии. В 1984–1985 гг. — слушатель Высших курсов военной контрразведки в Новосибирске. В 1985–1990 гг. — оперуполномоченный, затем старший оперуполномоченный ОО КГБ по 22-й дивизии МДС ТОФ. В 1990–1993 гг. — старший оперуполномоченный ОО КГБ-ОВКР ФСК по КВФ ТОФ. В 1993–1995 гг. — старший оперуполномоченный ОСФБ по ВМГ о. Русский. В 1995–1996 гг. — старший оперуполномоченный по ОВД ОФСБ по ПФРС ТОФ. В 1996–1997 гг. — старший оперуполномоченный по ОВД ОФСБ по 44-й бригаде ПЛК ТОФ. В 1997–1999 гг. — инспектор ИГ УФСБ по ТОФ. В 1999–2002 гг. — начальник группы — официальный представитель по контактам с иностранными партнерами УФСБ по ТОФ. Участник боевых служб и походов: 1980 — ТАКР «Киев» 7-й ОПЭСК СФ (Средиземное море), 1981 — БДК «Иван Рогов» (Индийский, Тихий, Атлантический океаны, Средиземное море), 1981 — учения «Запад-81» (Балтийское море), 1988–1989 — боевая служба (о. Дахлак, Аден, Джибути), 1993–1994 — БДК «Николай Вилков» (Индийский океан, Персидский залив, Кувейт, Катар, Абу-Даби, Камрань), 1996 — БДК-101 (Камрань), 1999 — БПК «Адмирал Пантелеев» (Екосука, Япония), 2001 — БПК «Адмирал Трибуц» (Сасэбо, Япония).

По совету моего первого начальника отдела, капитана 2 ранга Осецкого Сергея Владимировича, я организовал рабочий день на боевой службе следующим образом. К моменту утреннего подъема экипажа я уже был на ГКП и беседовал с командиром или старшим на переходе об обстановке, планах на текущие сутки, присутствовал на утреннем докладе. После завтрака обходил боевые посты и помещения, где по возможности уточнял время и место встреч со своими негласными помощниками.

С момента начала плановой боевой подготовки на корабле я занимался работой с документами и отдыхал, хотя для отдыха времени практически не оставалось из-за необходимости решать множество мелких, но насущных бытовых проблем. Как правило, местом плановой работы и встреч была моя каюта, где я проживал один. Встречи начинались после обеда во время «адмиральского часа» и продолжались до самого ужина. После ужина, в зависимости от обстановки, я общался с членами экипажа по различным вопросам как в своей каюте, так и на боевых постах, в каютах и кубриках. Естественно, что в обязательном порядке присутствовал на ежедневном подведении итогов на корабле.

После отбоя и смены вахты в 24.00 вновь проводил встречи с негласными помощниками как в своей каюте, так и на боевых постах, если это позволяла ситуация. После четырех часов утра вновь обходил корабль. Работа в таком ритме требовала постоянного напряжения физических и моральных сил. С определенной периодичностью проводил также проверки режима секретности в боевых частях и порядка хранения оружия и боеприпасов.

Такой режим работы позволял мне постоянно встречаться с негласными помощниками, быть в курсе всех событий на корабле, оперативно получать информацию по всем интересовавшим меня вопросам.

Важной стороной деятельности на боевой службе было обеспечение конспирации в условиях замкнутого корабельного пространства. По своему опыту могу сказать, что, чем шире круг общения среди матросов, старшин и офицеров на корабле, тем проще организовывать свои встречи с негласными помощниками. Прежде всего повод для такого общения – сам корабль, его оружие и технические средства. Авральные работы, занятия спортом, совместный досуг, беседы на самые различные политические, исторические и другие темы предоставляли возможность поближе сойтись со всеми членами экипажа. В свободное время общение проходило во время рыбалки, игры в нарды, домино, шахматы. Здесь приходилось постоянно проявлять изобретательность, уметь найти подход к человеку, владеть разносторонними познаниями, порой в самых неожиданных областях. Важным подспорьем были книги, которые заранее я готовил на время боевой службы. Обычно офицеры корабля договаривались между собой и брали на поход как можно больше литературы, так как самым серьезным испытанием всегда был информационный вакуум.

Могу сказать, что в своих взаимоотношениях с различными категориями членов экипажа оперработник должен быть всегда отзывчив и внимателен со всеми, начиная от командира корабля и заканчивая строевым матросом. Экипаж должен видеть в оперработнике прежде всего своего боевого товарища, а не «особиста-надсмотрщика».

Приведу один пример. На переходе в район боевой службы я получил информацию о том, что матрос первого года службы из боцманской команды, а это был грузин из горного села, плохо говорящий по-русски, высказывает изменнические намерения. Как выяснилось, он стал жертвой неуставных отношений в своей команде и был

практически уже на грани. Я переговорил с боцманом, очень уважаемым человеком в экипаже, с которым у меня сложились прекрасные человеческие отношения. Описал ему ситуацию, и он через свои возможности полностью решил эту проблему, которая грозила перерасти в чрезвычайное происшествие. В этом случае человеческие отношения сыграли куда большую роль, нежели оперативные возможности.

Во время боевых служб корабли ТОФ регулярно посещали иностранные порты. В часы заходов оперативная работа строилась несколько иначе. Основными задачами контрразведывательного обеспечения в момент таких визитов в иностранные порты являлись вскрытие, предотвращение и пресечение разведывательно-подрывной деятельности спецслужб и организаций, направленной против членов экипажа и корабля, выявление форм и методов действий противника, а также кадровых сотрудников его разведки и контрразведки, получение информации, относящейся к обеспечению безопасности сил флота, отношений между страной пребывания и СССР.

Во время пребывания в иностранном порту встречи с негласным аппаратом проводились по несколько раз в день, с обязательным опросом старших «пятерок» о результатах посещения города, контактах с иностранцами и поведении членов экипажа и прикомандированных на берегу. Опрашивались все без исключения члены экипажа, принимавшие участие в различных официальных мероприятиях. Подлинники оперативных документов не создавались, вся информация фиксировалась в записной книжке. Приходилось постоянно вносить коррективы в проводимые оперативные мероприятия и планы командования. Такая работа приносила конкретные результаты.

Получали военные контрразведчики и важную военно-политическую информацию, которая, правда, не всегда правильно оценивалась. В 1984 г., во время захода БДК-14 на остров Сокотра, оперуполномоченный ОО КГБ по 22-й дивизии десантных кораблей лейтенант А.К. Петров, получил информацию от иностранца о намечавшемся расколе в руководстве правящей партии НДРЙ.

Летом 1967 г. Египет вывел свои войска из Северного Йемена. Вслед за этим покинули Южный Йемен и англичане. Была провозглашена Народная Демократическая Республика Йемен. По распоряжению Совета Министров СССР № 2419 от 8 декабря 1968 и № 148 от 21 января 1969 г. в НДРЙ были направлены советские военные специалисты. Всего к 1991 г. в НДРЙ выполнили свои задачи 5245 советников и специалистов, в том числе 75 генералов и адмиралов, 3264 офицера, 212 прапорщиков и мичманов, 213 человек срочной службы и 1481 рабочий и служащий армии и флота.

С точки зрения обеспечения постоянного присутствия ВМФ СССР в этой стратегически важной точке земного шара значение НДРЙ было трудно переоценить. Корабли, базирующиеся в порту Аден, были в состоянии контролировать морское судоходство в районе Баб-эль-Мандебского пролива (единственный путь, ведущий из Индийского океана через Красное море к Суэцкому каналу и находящийся в непосредственной близости к Аравийскому морю и Персидскому заливу, через которые шли основные пути снабжения нефтью стран Запада и Юго-Восточной Азии).

Порт Аден, а также рейд острова Сокотра широко использовались советским ВМФ для стоянок кораблей, проведения необходимых ремонтных работ, отдыха экипажей и пополнения запасов.

Одновременно авиацией ВМФ СССР использовались два аэродрома в районе города Адена для временного базирования, куда были переброшены самолеты, находившиеся ранее на территории Сомали. Основу этой авиации составляли противолодочные и разведывательные самолеты.

Советские советники и специалисты помогли разработать противодесантную оборону Сокотры. В 1980 г. ВМС НДРЙ впервые провели самостоятельные стрельбы с ракетных катеров и успешно осуществили учебную высадку десанта на этот остров.

СССР в разное время поставил в НДРЙ значительное количество военной техники и вооружений. Так, в состав ВМС НДРЙ вошли восемь ракетных катеров проекта 205, два ракетных катера проекта 1241 РЭ, шесть катеров проекта 1400, два катера проекта 201, катера проекта 206 ЭР, один тральщик проекта 266 МЭ, четыре тральщика проекта 1258, два танкера. В 1979 г. НДРЙ был передан БДК-119 (проект 775), в 1973 — три СДК проекта 771, пять МДК проектов 1176 и 1785.

К началу 80-х годов началось некоторое охлаждение в советско-йеменских контактах. Руководители НДРЙ стали высказывать СССР претензии в отношении качества и количества поставляемого советского вооружения. После посещения НДРЙ главкомом ВМФ СССР адмиралом флота Советского Союза С.Г. Горшковым ситуация изменилась в лучшую сторону. Были достигнуты договоренности о строительстве маневренной базы для советских подводных лодок в Адене, заключен на 30 лет договор о сотрудничестве.

На территории НДРЙ действовало два важных объекта ВМФ СССР — узел связи и аэродром авиации противолодочной обороны, которые позволяли осуществлять контроль за значительной частью Индийского океана, откуда, в случае войны, мог быть нанесен удар по советской территории.

В этих условиях информация об изменениях во внутривосточной ситуации в НДРЙ являлась жизненно важной для правильного реагирования нашего высшего руководства в целях сохранения своих позиций в этом регионе.

Иностранец сообщил А.К. Петрову, что в стране готовится военный переворот, в результате которого будет изменен внешнеполитический курс и ориентация НДРЙ. Он рассказал о трениях в высшем руководстве страны, описал, кто и на какие силы опирается, и высказал свое мнение о дальнейшем развитии ситуации. Но доклад А.К. Петрова по результатам этой встречи восприняли весьма неоднозначно. Из Центра сообщили, что резидентуры КГБ и ГРУ и аппарат военных советников такой информацией не располагают. Как часто бывало в таких случаях, стратегически важную для нашей страны информацию засунули под сукно, положившись на мнение более высокопоставленных лиц, нежели безвестного лейтенанта из военной контрразведки.

13 января 1986 г. в НДРЙ произошел военный переворот. Вооруженные силы раскололись, началась гражданская война. В этот день автоматчики из охраны президента Али Насера Мухаммеда аль-Хасани во время заседания кабинета убили нескольких его политических оппонентов, и сражения охватили всю столицу. Неделя кровопролитных боев привела к сотням погибших, уничтожению большого количества военного оборудования, сожжению и опустошению большей части Адена. Сам президент 24 января бежал из страны.

Во время этих событий эвакуацию советской колонии из Адена осуществляли морские пехотинцы и экипаж БДК-101, на котором находился старший оперуполномоченный капитан 3 ранга Н.И. Погребной. Советское посольство оказалось под огнем противоборствующих группировок, которые вели бой буквально через здание. Морские пехотинцы под шквальным огнем, в условиях уличных боев, сумели без потерь эвакуировать на корабль всех советских дипломатов, специалистов и членов их семей. Кроме своих соотечественников, наши моряки эвакуировали подданных Великобритании и французских граждан.

Пересечение экватора на БДК «50 лет шефства ВЛКСМ». Лето 1986 года.
В роли Нептуна – оперуполномоченный ОО КГБ СССР по 22-й дивизии
МДС старший лейтенант С.Н. Цыкалюк

Многие военные советники и специалисты оказались отрезанными от Адена. Советник командующего ВМС НДРЙ капитан 1 ранга Миронов с группой советников сумел захватить лоцманский катер и уйти ночью в море. Наши морские пехотинцы искали их на суше, но не смогли найти. Уже было подготовлено донесение об их гибели. Если бы не наш корабль, находившийся тогда в море, они могли бы все погибнуть.

Достаточно своеобразным местом несения боевой службы был остров Нокра архипелага Дахлак в Красном море, принадлежавший в те годы Эфиопии. На этом острове развернули пункт материально-технического обеспечения (ПМТО) кораблей 8-й оперативной эскадры ВМФ СССР после того, как в результате событий в Сомали в 1977 г. мы были вынуждены покинуть эту страну.

Впервые автор этих строк попал на Нокру в июле 1981 г., а в качестве оперработника провел там почти семь месяцев в 1988-1989 г.г. В Эфиопии шла затяжная и кровопролитная война между правительственными войсками и сепаратистами, выступавшими за отделение провинций Эритрея и Тигре. Сам архипелаг Дахлак входил в состав провинции Эритрея. Война шла как на суше, так и на море.

На ПМТО, кроме специалистов по ремонту кораблей и вооружения, постоянно находились плавмастерская с Камчатской флотилии, большой десантный корабль с морской пехотой на борту, плавучий док, водолазный бот, танкер и несколько малых плавсредств. На ПМТО также ремонтировались корабли ВМС Эфиопии, а на остров постоянно базировалось несколько эфиопских сторожевых катеров. Имелся и небольшой эфиопский военный гарнизон.

На ПМТО постоянно находилось два оперработника военной контрразведки ТОФ – один на плавмастерской, другой на БДК. Плавмастерскую обслуживал А.А. Шибанов. Помимо этого, на остров для отдыха регулярно прибывали советские военные советники, большая часть которых находилась в составе действующей эфиопской армии. Нахождение в зоне боевых действий существенно влияло на оперативную обстановку. Рота морской пехоты была предназначена для охраны и обороны ПМТО, а экипаж ПМ и персонал базы занимались ремонтом кораблей эфиопских ВМС. При этом постоянно существовала угроза действий диверсионно-разведывательных групп сепаратистов против кораблей ВМС Эфиопии.

Командование эфиопского гарнизона на острове активно занималось контрабандой, этим извечным промыслом жителей берегов Красного моря, которые еще со времен египетских фараонов прославились на пиратской ниве. Контрабанда была, пожалуй, единственным занятием и источником существования для немногочисленных жителей острова Дахлак, отделенного от Нокры узким проливом шириной немногим более 400 метров. В контрабандистский промысел, который уголовно наказуем в Эфиопии, эфиопские военные пытались втянуть и советских моряков. Контрабандные телевизоры и видеомagneтофоны, стиральные машины и кухонные комбайны, джинсы и предметы женского туалета нескончаемым потоком шли с материка на острова, а затем в Эфиопию.

Начальник эфиопского гарнизона острова, капитан Табеба, был главным организатором контрабанды. У него наладились весьма доверительные отношения с командиром оборонявшей Массауа 8-й пехотной дивизии генералом Соломоном. Надо сказать, что ПМТО непосредственно обслуживал военный контрразведчик из спецгруппы, который, по ряду причин, бывал на острове только наездами. Тем не менее, он дал нам первичную информацию о том, что на вертолетах ПМТО, которые базировались на Асмаре, перевозятся контрабандные товары. Уже через несколько дней мы с Шибановым взяли, как говорится, с поличным вертолетчиков в тот момент, когда они загружали последний ящик. Оказывается, один из командиров ПМТО вошел в контакт с Табеба и давал указания экипажам вертолетов, куда и кому передать груз в Массауа. При этом этот офицер не сообщал характер груза. Доходило даже до того, что этот начальник приказывал совершать посадку не на аэродром, а в условленном Табеба месте. Эту информацию довели до эфиопского командования, и капитана Табеба отправили на фронт. Как потом рассказывали, в последние дни обороны Массауа, попав в окружение, Табеба застрелился.

Несколько раз сепаратисты обстреливали наши вспомогательные суда. На танкере «Олекма» Балтийского флота в 1988 г. во время атаки сепаратистов недалеко от Нокры был убит начальник радиостанции. В то же время сепаратисты получали и достойный отпор. Артиллерийский катер АК-213 27 мая 1989 г. выполнял задачу по доставке уволенных в запас матросов с острова Дахлак на транспорт гражданского флота. На переходе, который составлял около 100 миль до точки встречи, катер был неожиданно атакован четырьмя боевыми катерами сепаратистов типа «Ягуар» водоизмещением 200 тонн и вооруженными 40-мметровой артиллерией и пулеметами. Сепаратисты окружили АК-213 и предложили сдаться. Командир катера, капитан-лейтенант Белый, чтобы не допустить жертв, решил в бой не ввязываться и, маневрируя перемещенными галсами на высоких скоростях хода, прорвал окружение, одновременно сбросив глубинные бомбы с различным временем замедления подрыва. Головной катер сепаратистов попал под разрыв и был полностью уничтожен. Остальные катера от погони отказались. Но на обратном пути катера сепаратистов вновь вышли на перехват. В ходе боестолкновения артиллеристы АК-213 уничтожили еще два катера сепаратистов.

Сам Нокра представлял собой почти ровную, полностью лишенную растительности поверхность площадью в несколько квадратных километров, возвышавшуюся над морем на три-пять метров. Только в сезон дождей, длящийся две-три недели, на острове появлялась чахлая травка. Летом температура достигала +50-ти градусов, и это при том, что на острове отсутствовали источники пресной воды. Когда Эритрея была еще итальянской колонией, на Нокре находилась каторжная тюрьма, остатки строений которой использовались нами как складские помещения.

Из живности здесь в огромном количестве водились ядовитые змеи — песчаные эфы и черные мамбы, скорпионы. В прибрежных водах с их удивительно красивым подводным миром обитало множество акул. Каждый год жертвами акул становилось несколько аборигенов.

Змеи «положительно» влияли на несение караульной службы, особенно в ночное время. У матросов даже мысли не возникало покинуть свой пост на вышке. Только один раз эфа укусила водителя водовозки, матроса срочной службы. На острове находился эпидемиологический отряд, так как Нокра по своим условиям был естественным источником тропической малярии, от которой ежегодно умирало большое количество эфиопов. К несчастью, сыворотки не оказалось ни в отряде, ни в госпитале на материке.

Но медики отряда совершили чудо и уже через неделю поставили матроса на ноги. Они лечили его по симптомам: останавливалось сердце — лечили сердце, отказывали почки — лечили почки. Одним словом, Нокра был не тем местом, где можно было бы беззаботно отдыхать под тропическим солнцем.

Основными задачами во время пребывания на острове было оказание помощи командованию в поддержании высокой степени боеготовности подразделения морской пехоты и кораблей, получение информации о действиях сепаратистов и военно-политической обстановке в Эфиопии и Эритрее, предотвращение втягивания наших военнослужащих в преступную деятельность.

К 1988 г. стало ясно, что центральное правительство Эфиопии не в состоянии самостоятельно военным путем решить эритрейскую проблему. Стала поступать информация о том, что эфиопское командование предпринимает попытки втянуть в боевые действия корабли ВМФ СССР, которые находились на ПМТО. О развитии обстановки мы постоянно докладывали во Владивосток, а на острове помогали командованию улучшить организацию охраны и обороны ПМТО.

Летом 1989 г. советские военные советники были выведены из состава действующей эфиопской армии, а СССР официально заявил о том, что участие во внутренних конфликтах не входит в сферу деятельности советских советников и специалистов.

Тем временем сепаратисты стали одерживать одну победу за другой. На всех фронтах уставшие от бесконечной войны правительственные войска были отброшены усилиями повстанцев Эритреи и Тигрэ. С другой стороны, заканчивалась эпоха интернациональной помощи развивающимся странам и Советский Союз готовился кануть в вечность. Наше пребывание в Эфиопии с каждым днем становилось все более лишённым всякого смысла в военном и политическом отношении. В 1990 г. ПМТО стал систематически подвергаться обстрелам со стороны сепаратистов и в один прекрасный день он был в течение четырех часов полностью эвакуирован. А немного позже из Индийского океана ушли корабли ВМФ СССР.

В 1975–1991 гг. в Эфиопии выполняли различные задачи 11143 советских советников и специалистов, в том числе 79 генералов и адмиралов, 5997 офицеров, 1028 прапорщиков и мичманов, 3374 сержанта и солдата, 665 рабочих и служащих армии и флота. Вмешательство в дела Эфиопии обошлось нашей стране в 10 млрд долларов. За все время пребывания наших военных в Эфиопии погибло и умерло 79 человек, в том числе два генерала, 69 офицеров, четыре прапорщика и четверо рядовых. Было ранено девять человек, пропало без вести — пять, взято в плен — три. Мы заплатили высокую цену, но результаты оказались явно не в нашу пользу.

Оперуполномоченный ОО КГБ СССР по 22-й дивизии МДС капитан-лейтенант А.Б. Креуз среди офицеров походного штаба 86 ОБ представителя советских военных советников в НДРИ. Декабрь 1988 года. 20 километров от порта Ништун (НДРИ)

Во-первых, СССР потерял более надежного союзника – Сомали, а вместе с ним построенные на его территории важные военно-стратегические объекты, которые мы уже никогда не восполним. Чего стоит только один порт Бербера, где были построены узел связи, станция слежения, хранилища для тактических ракет на тысячу тонн топлива, казармы и жилые помещения на полторы тысячи человек, аэродромы и многое другое. В Советском Союзе прошли обучение военнослужащие вооруженных сил Сомали и Эфиопии 3066 и 5794 человек соответственно, что тоже обошлось нашей стране в немалые средства.

Эфиопия получила от нас 600 БМП, 60 МиГ-21, две эскадрильи МиГ-23, большое количество танков Т-54 и свыше 400 стволов артиллерии, 2 СДК проекта 771, 3 СКР проекта 159, 2 катера проекта 206 ЭР, 4 катера проекта 1400, 2 катера проекта 206 М, 4 катера проекта 205. В свою очередь Сомали получила 48 истребителей, 300 танков Т-54 и Т-55, установки БМ-21 “Град”, 1 СДК проекта 771, 4 катера проекта 206 ЭР, 4 катера проекта 183, 3 катера проекта 1400, 2 катера проекта 205.

Во-вторых, советская «эпопея» в Сомали и Эфиопии испортила отношения Советского Союза со многими государствами Африки, Ближнего и Среднего Востока, так как фактически были попорчены идеи разрядки, которые в 70-е годы давали надежду на мирное разрешение локальных войн и конфликтов. Тем самым США получили прекрасный шанс показать себя миротворцами и гарантами демократии.

Мы не смогли удержать у власти правительство «социалистической» Эфиопии и стали косвенными виновниками отделения Эритреи, что лишило страну выхода к морю. Но самое главное, огромная военно-экономическая помощь этой нищей и слабо развитой стране стала еще одной причиной развала советской экономики.

Хочется верить, что в будущем Военно-морской флот России вновь выйдет в океан, а отношения с нашими союзниками будут строиться уже на другой, взаимовыгодной и лишенной идеологического налета основе. Вновь будут дальние походы и боевые службы на просторах Мирового океана, а военные контрразведчики Тихоокеанского флота будут с честью выполнять поставленные перед ними задачи во имя нашей великой Родины.

3.9. М.А. Ванюков. Военная контрразведка Тихоокеанского флота в Камрани

Ванюков Михаил Афанасьевич,
капитан 2 ранга запаса

Восьмидесятые годы прошлого столетия характеризовались достаточно жёстким противостоянием между СССР и США, которое затрагивало многие вопросы межгосударственных отношений. Не обошло это и ВМФ СССР. Корабли Советского ВМФ уверенно чувствовали себя в Мировом океане. Флот последовательно и умело отстаивал интересы СССР. Американцев такая независимость раздражала, и они постоянно наращивали свои усилия в той или иной точке соприкосновения с СССР. Не был исключением и регион Дальнего Востока, где ВМС США держали значительную группировку своих корабельных и авиационных сил. Именно в противовес агрессивной политике США и было принято решение Советского правительства о создании 17-й Оперативной эскадры разнородных сил ТОФ (подводные лодки, надводные корабли, авиация с соответствующими подразделениями связи, тыла и обеспечения). Местом постоянного базирования сил 17 ОПЭСК был определен полуостров и бухта Камрань во Вьетнаме. По этому вопросу между СССР и СРВ было заключено соответствующее соглашение.

Ранее на полуострове находилась крупная американская военная база. Имелся аэродром с взлетно-посадочной полосой, способной принимать самые тяжелые самолеты. В бухте Камрань американцы держали крупные силы своей военно-морской группировки, в том числе и авианосцы.

В конце 1982 г. штаб 17 ОПЭСК, а вместе с ним и ООКГБСССР эскадры, прибыли к постоянному месту базирования. Отдел разместился вместе со штабом эскадры на борту плавмастерской ПМ-5. Остались позади предварительные сборы и хлопоты по формированию отдела, прогнозированию той обстановки, в которой предстояло осуществлять оперативно-служебную деятельность.

Следует отметить, что в этой работе неоценимую помощь мне, как руководителю, оказало руководство 3 ГУ КГБ СССР в лице контр-адмирала А.В. Жардецкого, начальник ОО КГБ СССР по ТОФ контр-адмирал Н.В. Егоркин, руководители подразделений аппарата ОО ТОФ капитан 1 ранга Е.П. Фертова и капитан 2 ранга Н.Н. Соцков.

В то же время реальная действительность показала, что на месте пришлось решать огромное количество оперативных, организационных, хозяйственных вопросов, которые невозможно было спрогнозировать в московских или владивостокских кабинетах.

Уже на первых порах пребывания эскадры в Камрани анализ поступающей оперативной информации показал, что вероятный противник, и прежде всего США, не оставили без внимания появление кораблей, авиации ТОФ на территории полуострова.

1971–1973 гг. – оперуполномоченный ОО КГБ по 10 ОПЭСК, 1973–1978 гг. – сотрудник 2 сектора ОО КГБ по КТОФ, 1978–1982 гг. – начальник ОО КГБ по 21-й дивизии РПКСН, 1982–1985 гг. – начальник ОО КГБ по 17 ОПЭСК, 1985–1987 гг. – начальник ОО КГБ по 26-й дивизии РПКСН. В 1991 г. уволен в запас с должности начальника ОО КГБ по 152-й дивизии внутренних войск.

Камрань. Старый ПМТО. Кабинет капитана 3 ранга В.Я. Надина

На кромке территориальных вод СРВ у входа в бухту Камрань нес постоянную службу военный корабль ВМС США с вертолетом на борту. В один из дней мне поступил доклад от старшего оперуполномоченного капитана 3 ранга В.Я. Надина о том, что над частями базирования смешанного авиаполка и тыловых подразделений визуально был замечен полет американского вертолета. Информацию об этом командование эскадры восприняло с недоверием. Дело в том, что обеспечение ПВО объектов эскадры должна была осуществлять вьетнамская сторона. Но вьетнамская

ПВО фактически была развалена и бездействовала. С трудом мне удалось убедить НШ эскадры капитана 1 ранга В.В. Девятайкина подключить к дежурству по ПВО один из кораблей эскадры. И буквально через несколько дней вновь был зафиксирован полет американского вертолета над объектами объединения. Когда вертолет ВМС США почувствовал на себе воздействие РЛС и стрельбовых средств нашего корабля, он незамедлительно ретировался. Этот факт получил острую оценку со стороны аппарата и лично Главного Военного Советника СССР при ВС СРВ. После чего командование эскадры получило приказ нести охрану ПВО собственными силами.

Одновременно в отдел стала поступать информация о том, что в местах выброса мусора с кораблей стали появляться гражданские вьетнамцы, которые тщательно разбирали выбрасываемый бумажный мусор. Эти гражданские приходили к местам свалки на джонках с материковой части Вьетнама. Делали свою работу с соблюдением мер предосторожности. Оказалось, что в силу безалаберности на свалках оказывалось достаточно много всякого рода черновиков служебных бумаг, личных писем военнослужащих. Анализ их содержания, порой, давал интересную информацию. И в этом вопросе пришлось принимать соответствующие режимные меры.

Взаимоотношения с вьетнамской стороной и командованием эскадры складывались доброжелательно, но с определенной мерой настороженности. У вьетнамцев в тот период были очень непростые отношения с Китаем. В пограничных районах СРВ и КНР нередко происходили боевые стычки по тер-

27.09.83. Аэродром Камрань. Начальник Генерального Штаба Кампучии

риториальным вопросам. Одной из спорных проблем был вопрос о принадлежности островов Спратли (Наньшаньдао) в Южно-Китайском море. Гарнизонов на этих островах не было. Приходили вьетнамцы – водружали свой флаг. Приходили китайцы – устанавливали свой. Командование 4 военно-морского района ВМС СРВ под различными предложениями склоняло командира эскадры контр-адмирала Анохина Р.А. послать в район островов наши корабли. Идея была проста и понятна. Продемонстрировать мнимую поддержку СРВ силами эскадры в споре с Китаем о принадлежности островов Спратли. Вьетнамцам, используя некоторые личные слабости Анохина Р.А., несколько раз удавалось склонить последнего к принятию необдуманного решения. В этих условиях приходилось и через ООКГБ по ТОФ и через возможности Посольства СССР во Вьетнаме останавливать принятие неоправданных решений.

К сожалению, нам не всегда удавалось своевременно предотвращать определенные негативные последствия от поступков некоторых военнослужащих эскадры.

Самолеты ТУ-95РЦ из состава авиаполка, базирующегося на аэродроме Камрань, постоянно выполняли разведывательные полеты над акваторией Южно-Китайского моря. Авиаторы делали свою трудную работу, как правило, качественно и добросовестно. После очередного полета экипажа под командованием майора Кривенко, старший оперуполномоченный майор М.И. Плетенев доложил, что по его информации полёт прошёл нормально и все задачи вылета выполнены. А через несколько дней в штаб эскадры пришла информация, полученная по линии МИД СССР, о том, что самолёт под командованием Кривенко, нарушив все нормы международного права, пролетел над территорией Тайваня. Как оказалось, в этом поступке ни командир экипажа майор Кривенко, ни старший оперуполномоченный майор М.И. Плетенев ничего предосудительного не видели. Нисколько не смущаясь, Кривенко в разговоре пояснил, что сделал он это из-за того, что стало скучно летать над однообразным видом моря. А противодействия тайванских сил ПВО он не опасался, так как знал их возможности и был уверен в своей неуязвимости.

Появление сил эскадры на полуострове Камрань вызвало, мягко говоря, неудовольствие не только у американцев, но и у определённой части местного населения. Дело в том, что в бытность базирования в Камрани американцев довольно значительная часть местных жителей работала в сфере обслуживания инфраструктуры американских воинских частей. Они имели довольно приличные заработки. С изгнанием с территории Южного Вьетнама войск США и сайгонского режима не всем слоям местного населения были по душе порядки и законы новой власти. Всё это порождало в известной степени негативное отношение и к нашим военнослужащим.

По мере того как мы больше вращались в особенности оперативной обстановки, нам становились понятнее и те приёмы, методы, которыми пользовалась против нас вероятная агентура противника. Военнослужащих частей эскадры, особенно береговых (авиация, тыл, военные строители, связисты и другие), вьетнамцы достаточно плотно изучали, выявляли особенности их поведения, характера, сильные и слабые стороны с тем, чтобы использовать в своих интересах. Под флагом доброго отношения к СССР и намерений укрепления взаимопонимания проводился сбор информации о планах командования эскадры, а в ряде случаев и о вооружении кораблей и частей.

Показательным может служить пример, как был обработан один из старших офицеров тыла эскадры «Г». Внимание сотрудников вьетнамского бюро обслуживания привлекли такие качества «Г» как меркантильность, стремление к наживе, жадность. В повседневном общении ему было предложено заработать достаточно крупную сумму местной валюты путем перепродажи товаров из нашего военоторговского магазина на чёрном рынке г. Нячанга. В нашем магазине, например, блок сигарет стоил 100 донгов, а в г. Нячанге – 800. Проведя несколько выгодных сделок, офицер из Бюро обслуживания стал ненавязчиво требовать от «Г» информацию о содержании совещаний, на которых он присутствовал по долгу службы, и по другим вопросам.

В первоначальный период пребывания в Камрани у нас не было официальных контактов с представителями органов безопасности СРВ, что создавало определённые трудности в решении конкретных вопросов и вынуждало зачастую идти упрощённым путём. Вместо углублённой проверки конкретных лиц, подозреваемых в утечке важной информации, мы были вынуждены откомандировывать их через командование в СССР.

Много сил у оперативного состава отнимали вопросы предотвращения чрезвычайных происшествий, связанных с оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами. После прошедших боев между «северянами» и «южанам» на территории полуострова осталось разбросанным большое количество стрелкового оружия, значительные площади были заминированы. Подобрать пистолет, винтовку, боеприпасы, мины не составляло особого труда. Извечная тяга к оружию отдельных офицеров, мичманов, матросов пересиливала запретные, разъяснительные меры командования. Оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества прятались, предпринимались попытки их вывоза в СССР.

Один из матросов караульной роты тыла эскадры, стоя на посту по охране склада ГСМ, проникал на минное поле, расположенное неподалёку. Выискивал в песке мины, обезвреживал их. Трофеи приносил в жилое помещение и складывал у себя под кроватью. Своё поведение объяснил неповторимым ощущением риска при разминировании боеприпасов.

В другом случае военнослужащий узла связи украл карабин у вьетнамского часового и надеялся провезти его домой. По существующему положению вьетнамская сторона осуществляла вооружённую охрану наших береговых объектов по внешнему периметру. Наш матрос, сибиряк, потомственный охотник, обратил внимание на то, что вьетнамский часовой, будучи на посту, постоянно спит. Улучив момент, он украл карабин (мечта любого охотника) и стал продумывать как переправить оружие в СССР.

К определённому моменту Отдел уже располагал большим количеством информации, которая не входила в компетенцию органов КГБ СССР. Требовалось участие других правоохранительных органов: прокуратуры, таможни, комендатуры, иных силовых структур. Командование в силу своих возможностей пыталось решать эти проблемы, но всё это выходило неуклюже и не имело надлежащего эффекта.

Иногда командиром эскадры принимались решения, которые могли осложнить взаимоотношения с вьетнамской стороной. Так, возвращаясь из ремонта на заводе «Башон» в Сайгоне, в Камрань зашло грузовое судно, принадлежащее тылу флота.

Командир эскадры решил собрать на территории полуострова металлолом, загрузить его на это судно и отправить во Владивосток. Работа шла полным ходом. Наши возражения о том, что вьетнамская сторона воспримет этот факт негативно, командиром эскадры игнорировались. Вопрос пришлось решать через ОО КГБ СССР по ТОФ и командование флота. Позднее нам стало известно, что по данному факту командование 4 ВМР ВМС СРВ готовило официальный протест.

Проблема о необходимости создания по месту базирования эскадры других правоохранительных органов была мною поставлена в ходе общения с заместителем начальника ГУ Политуправления ВМФ СССР контр-адмиралом Гречко, который находился в Камрани с инспекционной поездкой. Этот умудрённый опытом профессиональный политработник не стеснялся ежедневно по вечерам приходить в отдел. Мы с ним долго беседовали на различные темы повседневной жизни эскадры. Его интересовало буквально всё: от питания военнослужащих до конкретных действий вероятного противника. Получаемую от меня информацию он реализовывал через офицеров своей группы. Делал это практично и с реальной пользой для общего дела.

Одной из серьёзных особенностей функционирования отдела являлась специфика управленческой деятельности. Только в 1983 г., например, в составе Отдела было 58 оперативных работников из разных отделов флота. Одни приходили на один-два месяца, другие на срок до года. В этих условиях нужно было создать эффективную систему управления оперативно-служебной деятельностью. Нехватка информации о профессиональной, идеологической, моральной подготовленности оперсостава восполнялась интенсивной индивидуальной работой, весьма активной деятельностью партийной организации.

Основу деятельности по всем вопросам составлял костяк отдела, его постоянный состав. Это старшие оперуполномоченные капитаны 3 ранга В.В. Шевчук и В.Я. Надин, оперуполномоченный капитан Шмиков. Заместитель начальника Отдела капитан 3 ранга В.А. Черников к моменту назначения не имел опыта руководящей работы. К сожалению, в его повседневной деятельности работа была не главной. Его больше беспокоили перспективы дальнейшей службы. Уже через полгода пребывания в Камрани, получив звание капитана 2 ранга, он стал принимать меры по возвращению в Москву, где у него была семья.

Несмотря на возникающие трудности, удалось создать дружный, эффективно работающий коллектив, которому было под силу решение любых задач, преодоление любых испытаний. А они возникали.

В одну из ночей меня разбудил звонок оперативного дежурного эскадры. Он попросил срочно прибыть на командный пункт. Оказалось, что офицеры связи штаба 4 ВМР ВМС Вьетнама доставили в штаб эскадры нашего офицера. Им оказался старший оперуполномоченный капитан-лейтенант Н, который находился в состоянии глубокого алкогольного опьянения. Чтобы не разбираться с пьяным, я принял решение поместить его в одно из помещений отдела. Утром выяснилась такая картина.

Н. прибыл в эскадру на атомоходе из состава одной из дивизий АПЛ, базирующихся на Камчатке. Корабль через определённое время должен был по плану следовать в зону Индийского океана. Накануне чрезвычайного происшествия Н. вместе с командиром АПЛ крепко выпили. Командир пошёл отдыхать на плавбазу, а Н. вышел

Камрань. 23.02.1984 г. Вместе с капитаном 1 ранга Сергеевым

с территории порта, перелез через забор штаба 4 ВМР ВМС Вьетнама, где пытался обменять часы на спиртное. Утром по моему распоряжению комиссионно был вскрыт сейф Н. на подводной лодке. Нужно было проверить сохранность индивидуальных средств связи оперработника. Нашему удивлению не было предела, когда вскрылось, что он занимался фальсификацией своей работы. Лично писал оперативные документы, затем давал их переписывать своим негласным помощникам. Тем самым создавал видимость эффективной оперативной работы. При этом фабриковал материалы на конкретных лиц.

Поведение и действия Н. были разобраны на партийном собрании отдела, где он был исключён из членов КПСС за поступки, дискредитирующие члена партии и фальсификацию оперативных данных. С первой оказией Н. был откомандирован к месту постоянной службы, где был понижен в должности и переведён на менее важный участок.

Вспоминая время проведённое в Камрани, в памяти прежде всего встают беззаветная преданность оперативных работников своему долгу. Эти люди, несмотря на труднейшие климатические условия, огромные физические и моральные нагрузки, беззаветно и профессионально делали свою работу. При этом не помышляли о наградах и почестях, оставались преданными славным чекистским традициям, интересам Родины и Тихоокеанского флота.

3.10. А.А. Белов. На дипломатической службе

Родился 6 октября 1950 г. в городе Вичуге Ивановской области. В 1968 г. закончил среднюю школу в Казахстане, куда вместе с родителями-целинниками выехал в 1961 г. После окончания школы поступил на минноторпедный факультет Тихоокеанского Высшего Военно-Морского училища имени С.О. Макарова во Владивостоке, которое в 1973 г. закончил с отличием. Имел право выбора флота, остался служить на Дальнем Востоке в 182-й отдельной бригаде дизельных подводных лодок на Камчатке. В должности помощника командира совершил несколько выходов на боевые службы, в том числе уникальный дальний поход в Аденский залив и Красное море сроком 12 месяцев.

А.А. БЕЛОВ в рабочем кабинете

В течение похода сдал зачеты на самостоятельное управление, после чего представлялся на должность старшего помощника командира, но в 1978 г. перешел для дальнейшего прохождения службы в органы военной контрразведки КГБ СССР. В этом же году закончил школу военной контрразведки в г. Новосибирске. Служба в военной контрразведке началась с должности оперуполномоченного по обеспечению безопасности на атомных подводных лодках 4-й и 2-й флотилий ТОФ, дослужился до начальника особого отдела ФСБ РФ по флотилии ТОФ в звании контр-адмирала.

В 1985 г. в составе группы принял участие в ликвидации ядерной аварии на АПЛ К-175 в Аденском заливе, ветеран подразделений особого риска. После преобразования 2 флотилии АПЛ ТОФ назначен начальником 1-го отдела УФСБ РФ по ТОФ.

В 2001 г. в составе группы надводных кораблей ТОФ совершил длительный поход с посещением портов Индии и Вьетнама. В 2002 г. был направлен в Академию ФСБ для прохождения подготовки в качестве официального представителя ФСБ РФ за границей. В 2002–2007 гг. – служба за границей в Посольстве РФ в Азербайджане в ранге советника. В 2008 г. закончил действительную военную службу в УФСБ РФ по ТОФ.

В связи с преобразованием в 1999 г. 2-й флотилии атомных подводных лодок ТОФ в эскадру, моя должность была ликвидирована, и я переехал служить во Владивосток в Управление ФСБ РФ по ТОФ на должность начальника 1-го отдела. В круг моих оперативных задач входило контрразведывательное обеспечение штаба Тихоокеанского флота и его управлений. Работа сложная и ответственная, но очень интересная. Необходимо было в кратчайший срок понять всю сложность деятельности флота, организовать работу оперативного подразделения и главное быть полезным командованию в обеспечении боевой и повседневной деятельности сил и средств Тихоокеанского флота и его берегового обеспечения.

В этот период по поручению руководства ФСБ и прежде всего начальника Управления УФСБ по ТОФ контр-адмирала Соцкова Н.Н., а также начальника Главного штаба ВМФ адмирала Кравченко В.А., Командующего ТОФ адмирала Захаренко М.Г. в 2001 г. я участвовал в составе походного штаба в длительном плавании отряда бое-

вых кораблей Тихоокеанского флота с визитами в порты Индии и Вьетнама под флагом заместителя командующего ТОФ вице-адмирала Конева А.В.

Одной из контрразведывательных задач похода, поставленных Руководством ФСБ, была антитеррористическая деятельность, борьба с пиратством по маршруту следования. По нашей инициативе в состав группировки впервые вошли боевые подразделения береговой охраны с полным стрелковым вооружением.

Кроме выполнения своих непосредственных обязанностей, я принимал участие во всех протокольных мероприятиях, организованных командованием и принимающими сторонами в портах заходов. Это дало мне возможность познакомиться с работой российских посольств и их деятельностью по линии военно-технического сотрудничества.

Поход кораблей ТОФ прошел успешно, участники его получили награды и поощрения, а я в свою очередь приобрел навыки контрразведывательной работы за границей, в условиях непосредственного контакта со спецслужбами Индии и Вьетнама, получил практику взаимодействия с представителями военных разведок ряда ведущих иностранных государств. Так что «работать дипломатом» я впервые начал в незабываемый период службы на Тихоокеанском флоте.

После похода, когда Управление кадров ФСБ РФ сделало мне предложение о назначении на должность официального представителя ФСБ за границей, я согласился с великой радостью и не ошибся. Дальнейшая работа в Азербайджане в этом качестве была самой содержательной, ответственной и результативной в моей оперативной карьере.

2 марта 2002 г. я был назначен слушателем Академии ФСБ РФ и по специальному плану начал подготовку к командировке за границу. Весь курс рассчитан на шесть месяцев теоретического и специального обучения с последующей сдачей экзаменов и зачетов руководителям курирующих подразделений ФСБ, Министерства иностранных дел и Службы внешней разведки РФ. Срок подготовки, на мой взгляд, был слишком растянут, и меня это не устраивало по многим причинам.

Бесплатного жилья Академия мне не предоставила, приходилось перебиваться в разных местах у друзей и знакомых, денежное содержание сократилось до минимума и составляло 7 тыс. руб. в месяц, а расходы на питание и транспорт были значительные.

Но адмиралы не плачут и не жалуются, поэтому единственным выходом было закончить обучение досрочно. Управление международного сотрудничества, по заданию которого меня готовили, принципиально не возражало, мудро предупредив, что «это будет трудно, но если сможешь, то бог тебе в помощь».

Побегав по коридорам московских ведомств с утроенной силой, я сдал все зачеты за полтора месяца. При этом осталось еще время на техническую подготовку, получение дипломатических паспортов и подъемных в валюте, сдачу зачета по вождению автомобиля.

В кабинете министра МНБ Азербайджана Э.А. Махмудова

11 июня 2002 г. я с удовольствием покинул «златоглавую столицу» и прибыл в посольство России в Азербайджанской Республике в славный, еще со времен набегов Стеньки Разина, город Баку.

Рассказать подробно о пяти годах напряженной и ответственной работы официального представителя ФСБ за границей в коротком рассказе невозможно, но отдельные направления деятельности и некоторые результаты возможно будут интересны читателю. Заранее прошу прощения за то, что из-за специфики работы и государственных отношений между нашими странами, многие должности азербайджанских партнеров, их роль в совместных операциях, имена и фамилии будут изменены или умалчиваться по тексту.

Немного о правовых аспектах сотрудничества. Известно, что во времена КГБ СССР постоянного, официального международного общения спецслужб не было. Такая возможность появилась в России после установления демократии и отказа от любой подрывной деятельности. Кроме того, для всех спецслужб большинства иностранных государств, приобрела актуальность борьба с религиозным экстремизмом и международным терроризмом. В связи с этим между рядом стран на государственном уровне было подписано Соглашение о взаимодействии спецслужб. Для выполнения его условий, исполнения согласованных мероприятий и организации повседневного взаимодействия был предусмотрен институт официальных представителей.

По договору официальный представитель ФСБ РФ в Азербайджане являлся главным сотрудником ФСБ в стране, имел дипломатическую неприкосновенность и статус советника Посольства РФ. В повседневной работе посольства он подчинялся послу и выполнял его поручения в протокольных мероприятиях.

Первые месяцы пребывания в Азербайджане проходили для меня под знаком знакомства с городом, с посольской жизнью и особенностями работы с «партнерами» (под партнерами подразумеваются сотрудники Министерства национальной безопасности Азербайджана). Теоретически я представлял весь круг обязанностей, которые на меня возложило руководство ФСБ РФ. Но как эту теоретическую установку воплотить в реальность? «Слона можно съесть только по частям», а изучить и овладеть оперативной обстановкой можно лишь непосредственно участвуя в ее образовании.

У меня в подчинении был заместитель А. Резун, который работал под руководством предыдущего Представителя более двух лет. На первом этапе моего вхождения в должность он оказал мне неоценимую помощь, особенно по специфике общения с партнерами, с дипломатическим корпусом страны пребывания, с послом и работниками нашего Посольства и даже русским духовенством, которое возглавлял владыка Александр, епископ Бакинский и Прикаспийский. С празднования его 55-летия и началось мое знакомство с Баку, его жителями и русской диаспорой, вхождение в их жизнь, их настроения и начало будущих знакомств, которые в дальнейшем существенно повлияли на успешность и результативность всей моей представительской деятельности.

2002 г. в Азербайджане был достаточно напряженным в политическом плане. Руководил страной Гейдар Алиев, но ему было почти 80 лет, он слабел и срочно искал преемника, способного продолжать начатую им политику возрождения страны на основе развития нефтегазового сектора экономики, строительства нового нефтепровода Баку–Тбилиси–Джейхан.

Демократическая оппозиция на тот период, в лице всевозможных партий и народных фронтов, в предыдущие годы довела страну до нищеты и дискредитировала себя полной неспособностью руководить государством и отстаивать его интересы.

Кроме того, 20% территории страны было оккупировано, из восьми миллионов населения Азербайджана половина работала за его пределами и денежными переводами из-за рубежа кормила оставшуюся часть населения, в основном женщин с детьми и престарелых родителей. Денег в стране было мало, Баку–Джейхан еще строился, нефтеперерабатывающие и химические заводы бывшего СССР встали, а бюджет страны формировался за счет инвестиций и займов и составлял всего 1,2 миллиарда долларов США.

Хотя нефтегазовые планы Г. Алиева и не совсем отвечали интересам России, дальнейшие годы развития страны показали, что он был прав. Прав был и наш президент Владимир Путин, который через МИД проводил политику на то, чтобы в странах ближнего зарубежья все мы свои функции осуществляли в контакте с законно избранными властями, чему мы строго и следовали и не дали себя втянуть в конфронтацию на стороне оппозиции. И даже сейчас еще некоторые ангажированные или некомпетентные политологи и озвучивающие их средства массовой информации голосят, что у России нет настоящей, продуманной и долгосрочной политики в отношении бывших союзных республик, забывая о том, что политика – это искусство возможного, и главное в тот период, когда Россия сама была еще слаба, нужно было выждать время, не поддаваться на кликушества, не наделать неисправимых ошибок.

Азербайджанцы же, устанавливая политические и экономические связи с другими государствами, всегда знали, что с Россией они уже есть, и какие бы они ни были на данный момент, они понимали, что русские все равно их не бросят ни при каких обстоятельствах, потому как, по словам моих партнеров, – «мы все вышли из одной шинели, одного государства, имя которому Советский Союз».

Гейдар Алиев назначил приемником своего сына – Ильхама, и начал практические действия по передаче власти, начав с изменения Конституции страны, в которой закрепил положение о том, что в случае недееспособности президента власть должна переходить не председателю Законодательного собрания (Милли Меджлис), а премьер-министру, которым на тот момент был Ильхам Алиев. Все понимали, что готовится монархическая передача власти и естественно было много публикаций в прессе и разговоров среди дипломатов, что это якобы не демократично.

Надо отметить, что сам Ильхам долго отказывался от этого и Гейдар Алиев потратил много усилий, чтобы убедить своего сына, что судьба Родины важнее его личных видений на жизнь. Понять Ильхама Гейдаровича было по-человечески можно, к тому времени он получил прекрасное образование, у него была хорошая семья, две дочери, сын и красавица жена с чудесным именем – Мехрибан. Как человек и мужчина он был счастлив и успешен, но надо знать, как мог убеждать Гейдар Алиев.

Мне посчастливилось впервые видеть и слушать его выступление 12 июня 2002 г. в День России в российском посольстве, куда он пришел со всей семьей, сыном и невесткой. Кстати это был особый знак уважения именно к Российскому государству, так как Гейдар редко у кого бывал в посольстве, возможно лишь в турецком. Такой содержательной, ясной и понятной речи я потом не слышал никогда. Он выступал без бумажек, достаточно долго, около часа, несмотря на свой преклонный возраст, во время выступления стоял, говорил энергично и отчетливо, на хорошем русском языке без акцента. Особенно поражало, что выступление его по содержанию представляло готовый публицистический очерк, где все мысли были сгруппированы по важности, излагались блоками и имели содержательные выводы. Это говорило о ясности ума докладчика, незаурядной эрудиции и прекрасном знании предмета.

Гейдар Алиев был великим государственным и обладал огромным управленческим опытом, своими убеждениями и знанием людей, личным авторитетом, он мог убедить в правильности своих идей и либерала, и демократа. Среди наших партнеров, да и у многих российских дипломатов сформировалось мнение, что если бы не Горбачев сменил Андропова у власти, а Гейдар Алиев, Советский Союз никогда бы не развалился.

На таком политическом фоне строить отношения с азербайджанскими коллегами из Министерства национальной безопасности было приятно и продуктивно. Меня принял министр МНБ Азербайджанской Республики Намик Аббасов и у нас установились хорошие деловые отношения. Совместно с МНБ и подразделениями ФСБ мы провели ряд серьезных мероприятий по захвату, задержанию и последующей передаче российской стороне ряда известных чеченских и арабских боевиков. Азербайджанские власти и спецслужбы были заинтересованы в том, чтобы терроризм не перекинулся на их территорию, особенно с позиции чеченских беженцев, которых в Баку к тому времени насчитывалось порядка 8 тыс. чел.

Хорошее взаимодействие у нас наладилось по Протоколу о приграничном сотрудничестве, в рамках которого мы проводили мероприятия с УФСБ РФ в Дагестане, Астрахани, Волгограде. Делегации обменивались опытом работы в приграничье, с беженцами, борьбы с бандподпольем на сопредельных территориях.

Проведено много мероприятий по оказанию помощи коллегам в организационных вопросах, налаживанию работы новых оперативных подразделений, например, таких как отделы по информационной безопасности. По личной просьбе министра я принял участие в разработке Положения об органах военной контрразведки в составе МНБ. До этого военная контрразведка в Азербайджане позиционировалась как самостоятельная служба и замыкалась лично на Президента, а пограничные подразделения, напротив, входили в состав МНБ. Но по мере взросления государственных структур, партизанщину в этих подразделениях было решено ликвидировать и привести в соответствие с реальной обстановкой.

Оказанная помощь в налаживании деятельности оперативных подразделений МНБ в вопросах обеспечения информационной безопасности в дальнейшем пригодилась нам при розыске анонима по взрывам в Московском метро. Важность его розыска заключалась в том, что этот аноним из Баку за два дня до взрывов завел электронную переписку с одним из московских пользователей, в которой сообщил, что скоро в Москве произойдет теракт в метро. Наш корреспондент посчитал, что это какой-то розыгрыш и не обратил на сообщения никакого внимания.

После произошедших взрывов и огромного числа жертв он понял, что нужно срочно сообщить кому следует, тем более что корреспонденция из Баку не прекращалась и в новых письмах сообщалось, что взрывы скоро повторятся. Можете представить состояние руководства ФСБ после того, как прошел доклад по этому анониму. Как сейчас помню, телеграмма мне в представительство пришла утром в воскресенье, о срочности и важности исполнения даже не говорю – на контроле у Президента, этим все сказано, докладывать постоянно. Естественно, что в городе с населением свыше двух миллионов найти компьютерного анонима в короткое время задача не из простых. Тем более, как мы потом установили, на связь он выходил через интернет-кафе, а их в Баку великое множество.

Москва и мы, образно говоря, «стояли на ушах». На мое счастье этот компьютерный террорист был вычислен и задержан партнерами в течение трех дней. Дальнейшие мероприятия по нему являются служебной информацией для закрытого пользова-

ния. За этот случай я получил первое поощрение от начальства и уважение от коллег. Так, в процессе проведения ответственных оперативных мероприятий я знакомился с новыми руководителями подразделений и управлений МНБ Азербайджана.

Дипломаты, дипломатический корпус, МИД, МГИМО и МИМО – для меня это были лишь красивые слова из другой жизни, мечты сотен советских юношей и девушек. Подруга моей жены студенткой мечтала выйти замуж за дипломата. Светские рауты, брифинги и фуршеты, приглашения от «чрезвычайного и полномочного» в его резиденцию на прием в честь дня рождения супруги и т.п. Таким бесконечным праздником, казалось, проходит жизнь аккредитованного дипломата. И вот я волею судьбы, или еще кого постарше, начал жить в этом «раю».

Посольство Российской Федерации по территории и местоположению является одним из лучших в Баку. В нем есть все для спокойной, насыщенной мероприятиями жизни. На территории разбиты несколько парков с фруктовыми деревьями и цветниками. 9-этажный жилой дом с современными квартирами и мебелью, бассейн с джакузи, игровая площадка для детей, волейбольная площадка для спортсменов и гордость посла Рябова Николая Тимофеевича – закрытый теннисный корт для сотрудников.

В самом посольстве имелись три зала для проведения общественных и государственных мероприятий. Они были выполнены в различных стилях. Самым первым был Дагестанский зал, он представлял из себя своеобразный музей, посвященный Республике Дагестан и народам его населяющим. Всевозможные ковры, холодное оружие, старинная хозяйственная утварь и горская одежда создавали ощущение кавказского присутствия и кавказского гостеприимства. Это место очень нравилось нашим друзьям из Дербента и Махачкалы, они же являлись постоянными источниками пополнения коллекции Дагестанского зала.

Следующий зал назывался Петровским. Срединное положение и боковой выход на территорию Посольства сделали его основным помещением для проведения всевозможных приемов от имени посла, встреч с гостями, проведения фуршетов по случаю. В этом зале на приемах я имел возможность пообщаться и поговорить с известными политиками, писателями, артистами и даже министрами Российской Федерации. Зал был украшен и расписан в стиле Петровских времен. В нем размещалось бронзовое изваяние Петра на коне работы Зураба Церетели, правда, меньших размеров, чем в Москве. Как оно туда попало, покрыто тайной, однако советник Посольства по культуре намекал, что предыдущий посол был другом Юрия Лужкова.

Ну и наконец, самый шикарный и строгий зал с огромным круглым столом, хрустальной люстрой, круглым балконом вокруг всего зала и мраморной лестницей назывался Московским. Московский зал предназначался для проведения официальных встреч на межгосударственном и международном уровне, торжественных мероприятий и церемоний, так как легко трансформировался в небольшой зрительный зал со сценой и местами для публики.

Все эти три зала создавали красивую анфиладу комнат, объединенных в единый ансамбль. Российское Посольство в Баку являлось предметом нашей гордости. Всех высоких гостей мы обязательно знакомили с ним и водили по территории, рассказывали историю строительства и благоустройства и показывали основные достопримечательности.

Но как бы не были красивы здания и ландшафт, главная достопримечательность любого учреждения это люди, его представляющие. И мне предстояло войти в этот коллектив и занять подобающее место, завоевать авторитет среди карьерных дипломатов. Сразу же скажу, что дипломатический корпус, которым руководил Рябов Н.Т. в

тот период, был самым опытным и работоспособным, имел обширные связи в стране пребывания, а также пользовался уважением в государственных учреждениях Азербайджана и общественных организациях.

Через определенное время, вникнув в ситуацию, я усмотрел определенные параллели сходства внутренней жизни Посольства с военным гарнизоном. Вокруг территории глухая стена с колючей проволокой, охрана внутренняя и внешняя, выход за пределы Посольства по «увольнительным» и иерархия как на корабле. Посол – естественно, командир, советник посланника – старпом, военный атташе – должность особая, ну а далее идут советники посольства – это своеобразные командиры боевых частей. Различались они функционально: по экономике, внутренней политике, культуре, внешней политике, работе с соотечественниками. Отдельно позиционировались представители ведомств ФСБ, СВР, ГРУ, внешней торговли, которые были также в ранге советников посольства. Далее шли офицерский и старшинский состав экипажа – первые, вторые, третьи секретари (т.е. капитаны 1 ранга, 2 ранга и 3 ранга), атташе, коменданты, а также водители, повара и КВ рабочие.

Кстати, насчет КВ рабочих (квалифицированные рабочие по терминологии МИД). Это не совсем простые рабочие, а рабочие с высшим образованием и несколькими рабочими специальностями. Один из них, Анатолий Румянцев, был моим близким другом. Он умел делать все – рисовать, выпиливать из дерева, играть на флейте, слесарить и создавать разные электронные штучки, помимо своей основной обязанности оператора машинного зала, электрика и слесаря, он был садовником и опытным рыбаком. Он мне напоминал небезызвестного киногероя Жору из фильма «Москва слезам не верит». Без него наша жизнь в Баку теряла такой присущий всем народным умельцам оптимистический настрой и веселый колорит. В общем, дипломатический гарнизон такой же что и военный, со всеми недостатками и достоинствами, присущими этому искусственно созданному общежитию людей.

Все события происходят вокруг его величества Посла – Чрезвычайного и Полномочного, завоевать его внимание и приблизиться к «престолу» мечтают все дипломаты, а особенно их жены. И поэтому все за этим следят пристально, не дай бог кто-то вылезет вперед. Пересуды и всевозможные домыслы заполняют эфир вокруг жилого дома на долгое время. Это мне было до боли знакомо, поскольку вся моя военная служба прошла по отдаленным гарнизонам Дальнего Востока, Камчатки (в бухте Бечевинке, которой и на карте-то не найдешь, и поселка Рыбачьего), где я вырос от лейтенанта до контр-адмирала. И внутренне смеялся, когда некоторые коллеги-дипломаты жаловались на условия пребывания и закрытость жизни. На их нытье я не обращал никакого внимания, так как после тех трудных лет службы на подводных лодках, пребывание в Баку было просто сказкой из «Тысячи и одной ночи».

Как-то получилось, что через некоторое время, я подружился с послом и его свитой. Он стал брать меня с собой на неофициальные встречи с азербайджанскими партнерами, познакомил с первым вице-премьером правительства Азербайджанской Республики, послами Казахстана, Украины и другими высокопоставленными лицами.

Мой первый посол, Николай Тимофеевич Рябов, фигура выдающаяся и неординарная, бывший военный офицер-политработник, он самостоятельно на волнах демократии 90-х гг. стал депутатом Верховного Совета, заместителем Председателя Верховного Совета, затем Председателем ЦИК России, был соратником Ельцина Б.Н. Отличался крутым характером и практическим умом. Хорошо разбирался в людях, но никогда этого не показывал. В работе с представителями иных ведомств был осторожен в высказываниях и сдержан в характеристиках.

Тем не менее, я ему чем-то приглянулся, может необычностью военной службы, не ангажированностью какими-либо политическими взглядами, честностью и порядочностью военного, всю жизнь служившего у «черта на куличках». Когда он уезжал из Баку, то в память о нашей совместной работе на Кавказе подарил мне нарезную охотничью винтовку с оптическим прицелом и гладкоствольный охотничий автомат английского производства. Это был царский подарок для любого охотника.

Хорошие отношения с Послом для официального представителя ФСБ в стране аккредитации – это половина успеха в работе, потому что получение упреждающей информации затрагивающей интересы России по всем направлениям деятельности официального представителя, является главной задачей пребывания за границей. Ее значимость ежеквартально оценивалась и докладывалась в инстанции. Мы с заместителем неоднократно добивались успехов в информационной работе и наши телеграммы шли на уровень президента, правительства, Совета Безопасности и Государственной Думы. Со временем я стал достойно представлять Федеральную Службу Безопасности РФ в Азербайджане и по результатам работы занял второе место среди наших представительств, а их на то время было 36.

Наиболее плодотворный и эффективный период работы у меня начался со сменой главы государства и министра национальной безопасности Азербайджана. В 2005 г. президентом страны был избран Ильхам Алиев, молодой руководитель, современный, с хорошим образованием и, главное, авторитетный. На Кавказе происхождение и принадлежность к определенным кругам значит очень многое. Ильхам продолжил дело своего отца и опирался на поддерживающий его клан. Он не стал сразу же производить переназначений в высших эшелонах власти, но министра безопасности поменял. Его не устраивал Намик Аббасов из-за его нерешительности, излишней осторожности и медлительности, постоянного перебрасывания щепетильных дел между полицией, МНБ и прокуратурой. Последним звонком послужило дело под названием «Черный пояс» о преступной группировке из полицейских работников. Они захватили жену известного банкира и друга президента, потребовав выкуп 15 млн евро. Такой наглости никто не ожидал, новому президенту косвенно нанесли оскорбление и все наблюдали, что он будет делать, как справится с ситуацией.

Ильхам Алиев назначил новым министром МНБ полковника полиции Махмудова Эльдара Ахметовича. Я ранее с ним встречался, когда он возглавлял Департамент полиции по борьбе с экономическими преступлениями, но близко не знал. Хотя у чекистов и существуют определенные предубеждения о деятельности милиционеров в системе госбезопасности, но случай с назначением Махмудова оказался удачным. Сам он воспитывался в интеллигентной семье, его отец Ахмет Махмудов был академиком АН СССР и имел большие достижения в науке. Махмудов Э.А. к тому времени прошел хороший карьерный путь в МВД Азербайджана. Главные его достоинства – это волевой характер, умение мобилизовать и повести за собой людей, лидерство во всем. С ним я со временем подружился, у нас установились хорошие деловые отношения, способствующие дальнейшему укреплению понимания и доверия между двумя спецслужбами.

Когда произошел этот случай, министр МНБ сразу же пригласил меня к себе в кабинет и у нас состоялся важный разговор. Дальнейшие события я могу рассказать только по публикациям в Азербайджанской прессе за тот период.

«...Министерство национальной безопасности Азербайджана успешно провела операцию «Черный пояс» по захвату банды преступников из числа полицейских. Заложница освобождена, с ней все в порядке, арестован главарь банды, подполковник

полицей, и его подельники. Всего 28 человек. Изъяты крупные суммы денег в иностранной валюте и золотые изделия. Предполагается, что основную роль в раскрытии этого сложного преступления оказали специалисты турецкой полиции и сотрудник ФБР, прибывший за два дня до операции...» Вот так – ни больше ни меньше. Это называется политика. После этого дела Эльдар Ахмедович получил звание генерал-майора, а отношения с ФСБ России как никогда укрепились и стали еще лучше. У нас было еще много совместных успешных операций, в результате чего МНБ АР завоевало уважение и авторитет в стране и Президент Ильхам Алиев через год присвоил Махмудову очередное воинское звание генерал-лейтенанта.

В 2007 г. у меня заканчивался срок пребывания в командировке. Я уходил на пике карьеры Эльдара Ахмедовича и наших отношений с МНБ, он как-то даже предложил позвонить Патрушеву и попросить его о продлении моего пребывания в Баку, но это было неразумно и он это прекрасно понимал. Государственные законы нужно выполнять.

Трудно описать в одном небольшом очерке все события и лиц, с которым за пять лет пребывания я работал и был близко знаком. Это дело целой книги. К небольшому рассказу я прилагаю фотографии, которые дополняют рассказ и восполняют недостающие сюжеты прошедшей жизни в Российском Посольстве города Баку.

Прием по случаю
Дня Народно-освободительной армии Китая.
С военным атташе КНР

На протокольном мероприятии

ЧАСТЬ 4. КАК И ПРЕЖДЕ ДОЛГУ ВЕРНЫ: ВОЕННАЯ КОНТРАРАЗВЕДКА ТИХООКЕАНСКОГО ФЛОТА В НАШИ ДНИ

4.1. *Ф.И. Гурко. Взрывчатка под детской кроваткой*

Отдел по борьбе с контрабандой, преступностью и коррупцией можно назвать самым молодым в составе УФСБ РФ по Тихоокеанскому флоту. Он создан в 1989 г.

Мы расскажем несколько историй из жизни 4-го отдела. Они показательны тем, что, кроме контроля над частями и подразделениями Тихоокеанского флота, от чекистов этого отдела не ускользают также и незаконные операции, происходящие на территории всего Приморья. Проведение оперативных мероприятий и их результаты говорят о высокой информированности, оперативности и

профессиональных навыках сотрудников подразделения.

В последние годы при желании на «черном рынке» можно приобрести очень многое, практически все. Но в большинстве случаев сделки совершаются без помпы и шума. Хозяева того или иного «левого» товара стараются как можно меньше привлекать внимание, чтобы информация не дошла до «соответствующих органов». Особенно когда речь идет об оружии. Но зачастую торговцы, жаждущие легкой наживы, просто не отдают себе отчета в том, что делают, или просто считают себя безнаказанными. Что двигало нашими «героями», вряд ли дошло до них самих.

Несколько лет назад во Владивостоке появились двое мужчин, которые, ничего и никого не боясь, искали серьезного покупателя. Отец и сын Кабановы предлагали карабин с оптическим прицелом, несколько пистолетов систем Макарова и Токарева, а также автоматический пистолет Стечкина. Выставленный ими на продажу арсенал был по карману только состоятельному коммерсанту.

И, естественно, сотрудники 4-го отдела не могли оставить без внимания этих торговцев. Достаточно быстро удалось установить, что они родом из Черниговки. К тому времени оперативники уже имели опыт работы в роли крутых бизнесменов. На черниговских торговцев вышел вполне представительный человек, который прежде всего продемонстрировал необходимую в таких случаях атрибутику: шикарную машину, золотую цепь, перстень. Ведь не зря говорят – «встречают по одежке». И это сработало.

Всего провели три встречи. Но уже на первой продавцы сообщили, о наличии десяти «Макаровых» и «ТТ» и одного «Стечкина». Сговорились, что для начала напоказ будет выставлен карабин. Сделку решили провести в Черниговке.

Параллельно с этой, сотрудники отдела вели еще одну разработку. Тревожный сигнал поступил из соседнего района, а точнее из Хороля. Там «вор в законе», правда, местного пошиба, по фамилии Бабушкин, пытался продать оружие посерьезней карабина. На торг выставлялась американская армейская автоматическая винтовка

«М-16». Вместе с ней продавалось достаточное количество боеприпасов к стрелковому оружию.

Начальник «четверки» сам отправился в Хороль для проведения переговоров. Проявив немало артистизма, он представился продавцу членом чеченской диаспоры. Судя по всему, это и сыграло решающую роль. В Чечне вовсю шла война, и наш бизнесмен, видимо, ни капли не сомневался в решительности своего нового знакомого. Ему не было никакого дела до того, где его новый кавказский дружок решил применить это оружие.

Наступило время проводить решающую операцию. К ней подключились сотрудники Управления по борьбе с организованной преступностью и специального отдела быстрого реагирования. А так как ничего не зная друг о друге торговцы оружием жили в соседних районах, то решили провести операции по их задержанию за один выезд.

И вот ранним осенним утром несколько машин с сотрудниками милиции и контрразведки выехали из разных точек Владивостока. Место встречи – роstralная колонна на въезде в Черниговку. Оперативники, игравшие роль покупателей, выехали к месту сделки немного раньше.

Когда к условленной точке прибыла последняя машина, оставалось только ждать сигнала. Сделка должна была состояться в перелеске недалеко от поселка. Потянулись долгие минуты ожидания. Наблюдатель докладывал: все пока идет по сценарию, партнеры что-то обсуждают в овраге, пересекающем лес. Через некоторое время поступил сигнал: продавец и покупатель вышли из леса. Такое «раздвоение» не входило в планы. Нужно было что-то предпринять, и на разведку отправился микроавтобус с офицерами СОБРа и контрразведки, все в готовности к любой ситуации. Для оперативной высадки на ходу открыли двери машины. Но все было тихо, и автомобиль проследовал мимо стоявших посреди поля мужчин. Ведь остальные участники сделки продолжали оставаться в перелеске.

Заехав в Черниговку, машина выждала время. И вот в эфире прозвучал условный сигнал. С двух сторон к месту устремились автомобили. Операция обошлась гладко, и подкрепление не понадобилось. Оба продавца, когда на них щелкнули наручники, поняли, что все это время их ловко «водили» оперативные работники, а не настоящие покупатели.

У них изъяли малокалиберный 10-зарядный карабин с оптическим прицелом, но никаких пистолетов у наших деревенских бизнесменов не оказалось. Судя по всему, такое количество оружия они предлагали лишь для большей внушительности. Зато в квартире задержанных сотрудников контрразведки и милиции ждал сюрприз. Там при обыске обнаружили тетрил, патроны и несколько ракет. Осмотр гаража принес новые

результаты. В помещении дальзаводского бокса оперативники нашли осколочную гранату «РГ-42», 2 тротильные шашки по 400 граммов и несколько электродетонаторов. Но и на этом «черниговская» часть операции не закончилась. В ней появились новые участники. Причем, гораздо серьезнее Кабановых.

Видимо, сообразив, что скрывать им нечего и незачем, задержанные рассказали оперативникам, что их поставщик проживает неподалеку. Как позже выяснилось, торговая лавка по продаже патронов, гранат и взрывчатых веществ находилась на дому у офицера. Майор Николаев служил начальником боепитания вертолетной части, расквартированной в Черниговке. Видимо, он имел уже достаточный опыт в списании боеприпасов. Часть из них он прятал на складе, за который отвечал. Но львиная доля хранилась у него прямо на дому.

Когда бойцы СОБРа ворвались в квартиру Николаева, он держал небольшой тряпичный мешок. Оторопев от появления людей в камуфляже и масках, он рухнул на диван, еще сильнее сжав в руке своеобразный кисет. Но в нем оказался далеко не табак. Распустив тесьму, хозяин достал содержимое – полтора десятка пачек патронов к пистолету Макарова, автомату Калашникова и снайперской винтовке Драгунова. А потом началось! Из разных углов квартиры доставались тротильные и тетриловые шашки, ручные гранаты, патроны, семь пистолетов-ракетниц, штык-ножи. На антресоли нашли даже снаряд от авиапушки и взрыватель для бомбы.

Надо сказать, что горе-торговец, горе-папаша прятал большую часть опасного товара в детской. Причем если на складе он строго соблюдал инструкцию и хранил взрывчатку отдельно от детонаторов, то дома держал все вместе под кроватью собственного сына. И если бы ребенку вздумалось посмотреть, что за железные штучки папа держит в его комнате, то от взрыва весь пятиэтажный панельный дом мог бы сложиться как карточный домик.

Обыск в квартире шел полным ходом, когда раздался звонок в дверь. Все затихли, и хозяин пошел открывать. На пороге стоял сержант. Увидев незнакомых мужчин и наручники на запястьях хозяина, боец оторопел и, как зомби, вошел в квартиру. В глазах майора Николаева тоже читался испуг.

«Это вам», – сказал солдат и протянул майору картонную коробку. К тому моменту уже не один десяток подобных пачек был сложен на столе в соседней комнате. В них прятались патроны. На этот раз сержант принес в домашний арсенал Николаева еще шесть коробок с патронами к автомату Калашникова. По словам прибывшего, эти коробки ему приказал отнести домой к офицеру начальник караула прапорщик Сергушев. Как выяснилось, парочка действовала по давно отработанной схеме. Боеприпасы списывались при выдаче, а затем потихоньку переносились домой к майору, откуда он и вел свою торговлю.

Не оставили без внимания оперативники и склад, находившийся в ведении Николаева. Там задержанный прапорщик указал на неучтенные патроны, хранившиеся среди других боеприпасов.

Так, благодаря оперативности, смекалке и умению сотрудников 4-го отдела УФСБ РФ по ТОФ, была закрыта подпольная оружейная лавка в Черниговке. Все – и хозяева этой «торговой точки», и ее покупатели – получили по заслугам.

Вторая половина операции проходила в Хороле, но много времени не заняла, хотя и проводилась в темное время суток. Хозяин винтовки сам вынес ее покупателям, и поэтому задержать его не составило особого труда. Кроме оружия, «авторитет местного пошиба» выставил на продажу целую коробку из-под люстры, доверху набитую патронами. Правда, это оказались не боеприпасы к «М-16», а обыкновенные патроны к автомату Калашникова, возможно, приобретенные в той же «черниговской лавке».

4.2. Ф.И. Гурко. Колба с ураном

В последние годы в краях и областях, где дислоцируются части Тихоокеанского флота, появилась своеобразная «каста» торговцев. Эти предприниматели зачастую сами не отдают себе отчета в том, что за товар находится у них в руках, но выдают его за чистый уран или готовые элементы, сделанные на его основе. В чьи руки попадет это вещество и что из него сделают, их уже не касается. А ведь спрос рождает предложение. Именно поэтому все объекты ТОФ, где имеются радиоактивные вещества, находятся под особым контролем контрразведки.

Мы расскажем всего о двух мероприятиях по задержанию торговцев радиоактивными веществами, которые с успехом провели офицеры 4-го отдела контрразведки ТОФ.

Впервые подобные товары появились на «черном рынке» Владивостока в 1995 г. Сигнал об этом поступил одному из сотрудников «четверки». Ему сообщили, что несколько человек пытаются найти бизнесмена, интересующегося радиоактивными веществами. Предварительное расследование показало, что торговцы предлагают тепловыделяющие элементы для атомных реакторов подводных лодок (ТВЭЛ). И тогда решили заняться ими всерьез.

Продавцов познакомили с более-менее серьезным предпринимателем, которым, как и полагается, был сотрудник контрразведки. Уже первые встречи навели тоску на оперативников. Выяснилось, что ни один из коммерсантов, а их оказалось четверо, никак не связан с флотом. Среди них был один предприниматель мелкого пошиба, двое безработных и бывший подполковник милиции. Все говорило о том, что эта «великолепная четверка» – обыкновенные жулики-кидалы.

Но сигнал есть сигнал, и операцию нужно довести до конца. Переговоры велись почти полтора г. В течение этого срока горе-предприниматели не смогли предложить ничего вразумительного. Одновременно на всех складах Тихоокеанского флота проводилась тщательная проверка. Все теплоэлементы, даже отработанные, оказались на месте.

Вот тогда и поставили вопрос ребром: или товар, или до свидания. Две недели продавцы молчали. Видимо, решали и взвешивали все «за» и «против». Но вот, в конце концов, раздался телефонный звонок. Для начала предложили образец, запросив за него всего 500 долларов.

Первая покупка прошла удачно. В руки чекистов попал самодельный контейнер из свинца, а в нем «урановая таблетка». Стоило специалистам взглянуть на содержимое свинцовой коробочки, как все стало ясно. Перед ними был тепловыделяющий элемент, но не военного назначения. Такие «таблетки» используются на опреснителях гражданских реакторов. А вес элемента составлял всего шесть граммов.

Оперативники решили вести игру дальше. «Покупатели», показав себя этакими «лопухами», сообщили, что товар их вполне устраивает, и они готовы взять всю партию.

Состоялось еще несколько встреч, на которых обсуждалась окончательная стоимость. Торгаши заявили, что у них имеется два килограмма урана. После долгих торгов сошлись на том, что товар будет продаваться в два захода по 45 тысяч долларов за кило. Они пояснили, что просто боятся отдавать сразу весь товар.

И опять наши предприниматели просчитались: 500 долларов за шесть граммов и 45 тысяч за килограмм. Странная арифметика. Демпинг какой-то. «Стрелку» назначили на 13 мая 1997 г. На нее прибыли и представители одной из организованных преступных группировок. Возможно, они, каким то образом, узнали, что во Владивостоке

можно разжиться хорошей суммой в «зеленых», и решили проконтролировать эту сделку. Но сами продавцы на место не прибыли. Наверное, побоялись цифры «13».

Звонок с извинениями не заставил себя долго ждать. Об очередной встрече условились на следующий день, 14 мая, и провести обмен решили в самом центре города возле магазина «Изумруд».

К назначенному времени все было готово. Вокруг в разных точках были расставлены люди. Кто просто курил, кто ждал перехода, кто читал газету, а кто просто сидел в машине. Хотя это место легко просматривается почти со всех сторон, оперативники ухитрились даже незаметно разместить видеокамеру. И вот на тротуаре появился один из продавцов – экс-подполковник милиции Федотов. Он принес два свинцовых контейнера. Как позже показала экспертиза, в них было всего 260 граммов ураносодержащих веществ. Расчет у жуликов был простой – получить деньги, а лопухам-покупателям отдать 2 тяжелые коробки. Ведь не будут же они прямо в центре города проверять на вес и качество содержимое. Но не тут-то было.

«Покупатель» и его охранник убедились, что сумка продавца не пуста. А это было главное. Пока шла беседа, один из них закурил – и на землю полетела пустая сигаретная пачка. Это и был сигнал к задержанию.

В тот же день совместно с сотрудниками РУБОП контрразведчики задержали и троих компаньонов Федотова. Позже состоялся суд, и все четверо получили свой срок.

В 1999 г. в поле зрения сотрудников 4-го отдела попала еще одна группа торговцев радиоактивными веществами. Но на этот раз предлагаемый товар действительно был похищен с объектов ТОФ и предприятий военно-промышленного комплекса Приморья. Предварительное расследование показало, что принцип работы дельцов достаточно прост: бригада занималась тем, что, косясь по всему краю, искала возможности купить любые вещества, дающие радиоактивные излучения, а затем под видом урана или других стратегических металлов их перепродать. Естественно, у чекистов родилось желание поближе познакомиться с деятельностью этих предпринимателей. В ходе подготовительных мероприятий выяснилось, что бригадой торговцев, кроме флотских контрразведчиков, занимаются и оперативники УБОП при УВД края и у них накопилось уже достаточное количество материалов для проведения операции по задержанию. Те же сбытчики «обозначились» и у чекистов УФСБ РФ по Приморью. В связи с таким раскладом для проведения операции решили создать совместную группу, в которую вошли офицеры всех трех управлений.

Оперативным работникам удалось наладить контакт с продавцами и на одной из встреч договориться о приобретении товара. Во время предварительных переговоров покупателю, которым стал офицер УБОП, предложили девять килограммов вещества, о котором хозяева не могли дать точные сведения, однако заверили, что, перепродав его можно “наварить” хорошую сумму. За весь товар запросили ни много ни мало 60 тысяч долларов, а местом сделки назначили поселок Раздольное. Перед этим в качестве образца продавцы предоставили металлический ящик, в котором находилось 300 граммов предлагаемого вещества.

Когда «образчик» привезли в лабораторию, даже на поверхности ящика шкала дозиметра показала 240 микрорентген. В открытом положении на табло прибора высветилась цифра – 20 миллирентген. Кстати, для выведения из боя солдата ему достаточно получить дозу в 250 микрорентген.

После проведения всех необходимых анализов выяснилось, что в контейнере находился сплав урана с лютецием, также редкоземельным металлом.

Говоря о таких «коробейниках», задерживаемых не только сотрудниками военной

контрразведки, но и другими силовыми структурами, надо отметить, что во время своих сделок, хранения и перевозки радиоактивных материалов они не соблюдают даже минимальных мер безопасности для себя, не говоря уже о покупателях, на которых им просто наплевать, а сырье держат и возят в простейших металлических ящиках или других емкостях, которые лишь на толику сдерживают радиацию. Единственное, что они видят в своих радиоактивных товарах, – это доллары.

Когда в назначенное время совместная оперативная бригада прибыла в Раздольное, их встретил уже знакомый продавец с напарником. В ходе переговоров партнеры предложили заключить сделку по знаменитой схеме Остапа Бендера: «сегодня деньги, завтра стулья». Оперативникам предложили на месте выложить «зеленые», а за товаром отправиться в Большой Камень. Такое предложение объяснялось достаточно просто: «Мы лишь посредники, и не исключено, что хозяева товара могут нас надуть, а мы останемся с носом». В связи с таким разворотом событий, а налицо было то, что сами посредники хотят просто-напросто «кинуть» владельца товара и скрыться, приняли решение брать первую партию с продавцами прямо на месте. Когда оперативники раскрыли свои карты и представились, один из героев, поняв, в какую «историю» попал, решил скрыться. Прыгнув в свою машину, он от души надавил педаль газа, но не успел проехать и нескольких метров: предупредительная очередь из автомата убедила, что офицеры настроены решительно.

Теперь путь оперативников лежал в Большой Камень. Там, по словам задержанных, в придорожном кафе их должны были ждать хозяева с основной партией товара. И действительно, в назначенном месте члены оперативной группы нашли трех описанных людей. Прямо на месте, без волокиты и выстрелов, их задержали. В составе троицы – двое мужчин в годах и женщина, тоже уже преклонного возраста. Они показали и сам товар. Металлическая колба, общим весом в три с половиной килограмма, находилась в багажнике автомобиля, припаркованного возле кафе.

Анализ содержимого колбы ввел в шок даже специалистов лаборатории, куда она была доставлена: уровень излучаемой радиации превышал допустимую норму в две с половиной тысячи раз. Можно только предполагать, какую дозу облучения получили сами продавцы и оперативные работники, пока везли эту «штучку» во Владивосток. Экспертиза также показала, что в колбе находится сплав урана с никелем, применяемый на военных объектах. Весьма возможно, что вещество похищено там же, в Большом Камне, на заводе «Звезда». В пользу этой версии говорил тот факт, что задержанная женщина работала инженером в одной из лабораторий этого предприятия.

Так закончилась еще одна «урановая сделка». Но, судя по тому, что в сводках милиции нередко можно прочесть о торговцах редкоземельными веществами, сотрудникам 4-го отдела еще придется попотеть.

4.3. Ф.И. Гурко. Печать, пахнушая водкой

В конце 1997 г. сотрудникам «четверки» удалось задержать дельца с Камчатки, который во Владивостоке предлагал целый комплект запрещенных товаров. На продажу тот выставил бланки удостоверений личности офицера, а для того чтобы они ничем не отличались от настоящих, предлагал и печати воинских частей. Любопытный покупатель, а им мог оказаться и мелкий жулик, и рецидивист, и террорист, купив такую «книжечку» и вклеив туда свою фотографию, становился кем угодно – хоть лейтенантом, хоть полковником, а то и генералом. Кстати, сам горе-бизнесмен выдавал себя за подполковника.

Хотите верьте, хотите нет, но эта операция началась в баре одной из владивостокских гостиниц. В тот сентябрьский вечер оперативник отдела по имени Николай после работы зашел сюда, чтобы выпить чашечку кофе. Через несколько минут на соседний табурет возле стойки сел средних лет мужчина в камуфляжной форме и заказал себе выпивку. В полумраке небольшого зала тихо играла музыка. По лицу нового посетителя было видно, что ему очень хочется с кем-нибудь поговорить.

– А вы в морской или в пограничной авиации служите? – Николай решил сам начать разговор, раз уж соседу хотелось что-то сказать. От такого вопроса офицера слегка передернуло, и это бросилось Николаю в глаза.

– С чего вы взяли, что я летчик?

– По форме сразу видно. У нас город-то военный, все в форме разбираются.

– А, ну да. В морской.

– А где?

– На Камчатке.

– А в каком звании? – продолжал спрашивать Николай.

– Подполковник.

Дальше разговор пошел о жизни, вулканах, гейзерах и рыбалке. Сколько Николай ни старался, офицер все равно ничего не хотел говорить ни о самой службе, ни о подразделении, в котором служит. Просидев и проговорив еще с полчаса, новые знакомые расстались.

«Наш человек – не треплется о флоте. Наверное, в штаб флота в командировку прилетел», – подумал Николай, выйдя из бара.

Казалось, сама судьба подталкивает Николая к этому офицеру: она свела их вновь уже на следующий день. Случайно встретились в центре Владивостока. Николай увидел своего нового знакомого на «пирожковой площади» недалеко от привокзального почтамта. Офицер был явно не в настроении, но, увидев Николая, очень обрадовался.

Поговорив с Колей буквально несколько минут, он, видимо, решил сыграть «ва-банк» и, слегка приглушив голос, спросил:

– Слушай, а у тебя есть знакомые коммерсанты или какие-нибудь «крутые»?

– А что нужно-то? – насторожился оперативник.

– Да есть товар хороший, но только вот покупатель на встречу не пришел, а я завтра улетаю.

– И что за товар?

– Есть струя кабарги, лапы медвежьи. Недорого отдам.

Это явно было правдой. Наверняка на привокзальной площади офицер ждал клиента. Такой товар во Владивостоке местные дельцы скупали на «ура», чтобы потом перепродать в Китай. В приморскую столицу эти «натурпродукты» стекались со всего Дальнего Востока, и ничего необычного в таком предложении не было.

– Так сразу сказать сложно. Пойдем прогуляемся. Сейчас конец рабочего дня – мои люди скоро вернутся домой, и я позвоню паре знакомых, предложу, – сам Николай решил продолжить игру, «пощипать» человека с разных сторон. А вдруг повезет?

Пройдя пару кварталов по Алеутской и беседуя «ни о чем», дошли до музея Арсеньева.

– А кроме медведя и кабарги, может, у тебя еще что есть на продажу? – решил прощупать офицера Николай.

Тот, видимо, почувствовав в своем владивостокском знакомом деловую хватку, решился:

– Есть. Можно сделать офицерские удостоверения. И печати к ним будут. Могу

«цинк» патронов к Макарову достать. Найдешь покупателя – мне немного надо. Все, что сверху, – твое.

«На тебе! Вот это офицерчик! Думай, Коленька, что делать – мысли буквально набегали одна на другую. – В управе уже никого. Нужно дозвониться до шефа или кого-то из старших. Надо ему в покупателя кого-либо из наших подсунуть. Думай, Коля, думай».

Прогуливаясь, наши друзья дошли до кафе, где у Николая были знакомые бармены и он мог спокойно зайти за стойку, где находился «телефон для своих».

– Зайдем – обмозгуем, – предложил он.

После чашки кофе наш опер сказал, что отойдет по «малой нужде», а сам – прямо к телефону. Но, увы, – в отделе все телефоны молчали и у шефа дома тоже никто не подходил к трубке.

– Я сейчас звонил своим людям, но пока никого дома нет. Давай так сделаем: ты к себе в гостиницу пойдешь, а я тебе позвоню попозже или зайду, – Николай решил выиграть время и найти кого-нибудь из отдела.

Придя домой, он вновь и вновь набирал номера всех известных ему телефонов. И вот наконец-то ответил домашний телефон начальника.

Выслушав доклад, шеф одобрил все действия Николая и велел дальше «разрабатывать клиента». Нельзя было упускать такого торговца. Самое главное сейчас – получить от него образцы печатей и удостоверений. А для этого нужно в течение считанных минут найти для него «покупателя». Причем, для того чтобы продавец не начал капризничать, покупать приходилось и удостоверения с печатями, и все его «природные» товары. А ведь любой более-менее мыслящий человек заподозрит неладное, если такой разный товар будет покупаться в одни и те же руки. Нужен был напарник.

Под рукой больше не было никого из оперативников, и тогда Николай предложил:

– У меня сосед есть – парень надежный, учится в юридическом институте и язык за зубами держать умеет. Покупателем сработать сможет.

– Добро. Ни пуха! – прозвучало на том конце трубки.

Когда наши «оперативные покупатели» постучали в дверь гостиничного номера, за окном уже было темно. Продавец видимо, потеряв всякую надежду, уже собирался ложиться спать. И тут...

– Нашел тебе покупателей. Вот Димон – он возьмет струю кабарги и лапы. А еще поговорил со своими корешками-азербайджанцами. Сколько удостоверений ты сможешь достать? Они возьмут все.

– Да десятка два-три смогу привезти в следующий раз, – офицер был уже слегка навеселе, и разговор поэтому шел достаточно гладко.

– Деньги, которые просишь, дадут, но одно условие – нужен образец удостоверения и печати. Вдруг ты «липу» суешь, – Николай продолжал потихоньку наседать на своего партнера, показывая, что покупатели очень серьезные.

Покопавшись в своем чемодане, офицер достал чистенькую, хрустящую новизной книжечку зеленого цвета с гербом Советского Союза и надписью «Удостоверение личности офицера» на обложке. Внимательно просмотрев этот документ, Николай убедился, что в руках у него не подделка.

– А печати?

– Да не бойся, ты же видишь, я тебе фуфло пихать не буду, – из того же чемодана офицер достал прозрачный целлофановый пакет с тремя печатями.

– Ладно, все равно сейчас я их брать не буду. Давай мы расплатимся за все вместе:

и за удостоверения, и за печати. Сейчас ты мне только тисни их на бумажку, я проверю, — игра пока явно «клеилась».

Когда печати достали из пакета, стало ясно, что получить оттиски будет весьма проблематично — чернила на них почти окаменели. Вначале все трое в течение нескольких минут дышали на них по очереди. Когда поняли бесполезность усилий, стали думать, что делать. А соображать надо было быстро. А то такое усердие может показаться клиенту весьма подозрительным. И тут Николаю пришла идея.

— Давайте-ка попробуем их «беленькой» смазать, — предложил он. Так и сделали. И в мгновение ока на каком-то обрывке бумаги красовались пахнущие водкой печати трех воинских частей.

Перед тем как расстаться, наши партнеры обговорили дальнейшие планы. Как только офицер вновь будет собираться в командировку во Владивосток, он за несколько дней позвонит на телефон, который оставил ему Николай.

Звонок раздался уже через полторы недели:

— Прилетаю во Владик военным бортом послезавтра. Как и договаривались, товар со мной. Правда, с «маслятами» не вышло.

Вычислить, какой флотский самолет с Камчатки во Владивосток прилетает в конкретный день, — дело нескольких минут. И у оперативников было время, чтобы разработать план задержания.

Автобус с прибывшими офицерами отъехал от трапа приземлившегося самолета и, как полагается, медленно двигался по рулежной дорожке. Вдруг его путь преградила легковушка с гражданскими номерами. Дверка автобуса открылась, и несколько человек в штатском вошли в салон.

— Ты подполковник? — по описаниям Николая оперативники смогли сразу из всех офицеров узнать своего «клиента».

— Я... — «подопечный», видимо, сразу понял, что его «гастроли» во Владивостоке окончены.

— Выходи из автобуса. В машину.

Не сопротивляясь и не задавая никаких вопросов, задержанный молча пересел в легковушку.

При досмотре у него изъяли 26 бланков офицерских удостоверений и три печати. После проверки серийных номеров офицерских книжечек выяснилось, что большая часть из них попала в руки дельца из штаба Камчатской флотилии. Еще несколько удостоверений личности офицера, судя по номерам, были украдены в штабе Тихоокеанского флота. Все три печати принадлежали воинским частям, расформированным еще за несколько месяцев до того, как наш коммерсант попал в поле зрения военной контрразведки. Интересна и личность главного героя этой истории. Уже через несколько минут после задержания оперативникам стало ясно, что никакой он не офицер, а обыкновенный жулик-коммерсант. Как потомок великого комбинатора Остапа Бендера, он не только вдали от дома, но и на родной Камчатке смог убедить всех, и прежде всего флотских офицеров, в том, что перед ними не кто иной, как подполковник одной из авиачастей Тихоокеанского флота. И пользовался он этим, судя по всему, не один раз, летая во Владивосток военными самолетами. Когда об этом услышали офицеры-попутчики, у них, как говорится, глаз выпал. Ведь все до одного считали его своим коллегой — матерым воякой, асом современной морской авиации.

Позже, когда состоялся суд, этому «матерому вояке» повезло. В то время в стране объявили амнистию, и он получил три года лишения свободы условно.

4.4. Ф.И. Гурко. Героин «утренней свежести»

Практически все жители Владивостока, да и многие гости города знают этот дом. Его можно назвать своеобразным архитектурным памятником новейшей истории приморской столицы. Увидеть эту «серую башню» могут моряки, возвращающиеся домой из дальнего рейса, когда их судно заходит в бухту Золотого Рога, туристы, совершающие экскурсии по городу, и многие жители Владивостока, гуляя по улицам или просто выглянув в окно. Среди владивостокцев это высотное жилое здание, расположенное в районе Детского парка, называется «монолит». Оно уникально, так как в нашем городе нет ни одного дома подобной конструкции.

Мало кто знает, что «монолит» уникален вдвойне. Дело в том, что именно с этим домом связаны две операции, которые с успехом провели сотрудники Управления Федеральной службы безопасности по Тихоокеанскому флоту. Причем в обоих случаях «объектами разработки» были граждане Корейской Народно-Демократической Республики. Одна из этих операций надолго вошла в историю не только военной контрразведки, но и МВД и его Управления по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, потому что ее результатом стало изъятие самой крупной на тот момент партии героина.

Вряд ли кто из нынешних жителей этого дома задумывается, кто же его строил. А ведь большую часть работ по возведению «монолита» выполняли граждане КНДР. И, естественно, в начале 90-х такую большую группу иностранцев, постоянно находящуюся в нашем городе, не могли оставить без присмотра соответствующие службы.

На дворе стоял апрель 1994 г. В это время во Владивостоке и его пригородах как раз начинает оживать природа. Распускается листва на деревьях и кустах, появляются первые цветы. Именно тогда внимание сотрудника 4-го отдела привлек один из корейских строителей «монолита». Он тоже по-своему «распустился» и начал всеми способами искать контакта с местными бизнесменами, криминальными «авторитетами» или «теневиками».

Надо сразу сказать, что личность этого молодого человека по имени Цой Чен Су уже давно интересовала сотрудников контрразведки. Его отец – дипломат, долгое время работал консультантом в посольстве КНДР в Москве, и все детство Цой провел в столице СССР. Там, вместе с детьми других дипломатов, он учился в специальном интернате, за это время выучив сразу несколько языков. Причем русский знал как родной, и говорил почти без акцента. Более того, позже оперативники обратили внимание на то, что он понимает игру русских слов и шутки, основанные на этой игре.

Этот «строитель» и начал всеми правдами и неправдами искать выходы на теневые структуры Владивостока. Надо ли говорить, что самым первым человеком, имеющим выходы на местных бизнесменов и «авторитетов», оказался именно человек из 4-го отдела?

Во время первых встреч выяснилось, что, прежде всего Цоя интересуют редкоземельные металлы и, в частности, «красная ртуть». Он готов был приобрести ее в любых количествах. Судя по тому, с каким усердием и рвением покупатель искал такой редкий и совсем не дешевый товар, было понятно, что старается он совсем не для себя, а, что называется, «для хозяина». И вот однажды в разговоре со своим новым знакомым Цой упомянул и о героине, причем, видимо, не сомневаясь, что имеет дело с человеком, у которого есть множество выходов на местных «теневых торговцев» и криминальных лидеров, он сразу сказал, что может организовать поставку к нам в

край любого количества этого наркотика. И, уже ни капли не опасаясь своего нового знакомого, рассказал, что на родине, то есть в КНДР, имеется около двух тонн качественного героина.

Слегка оторопев от такой новости, «оперативный партнер» поинтересовался, для чего необходимо столько запрещенного и к тому же очень дорогого товара. Но Цой, видимо, ждал этого вопроса, потому что незамедлительно пояснил: деньги, вырученные с продажи героина, должны пойти на перевооружение армии, а часть из них будет пущена на приобретение новых ракет, к выпуску которых приступила соседняя Республика Корея. КНДР должна купить их через «третьи страны». Таким откровением Цой практически полностью раскрыл свои карты и показал, кто он на самом деле. После такого разговора наши оперативники смогли сделать окончательный вывод – перед ними не какой-то торговец, а представитель северокорейских спецслужб. Причем представитель достаточно высокого уровня.

Можно сказать, с этого момента начался первый этап операции. После доклада начальству, сотрудники 4-го отдела решили еще «пощупать» своего корейского знакомого. Нельзя было вот так сразу верить, что на его родине действительно имеется столько «товара», что его спокойно могут продать и что деньги с этой продажи пойдут на перевооружение. Это могло быть блефом. С другой стороны, не реагировать тоже нельзя.

Дело в том, что в то время в нашей стране героин еще не был распространен так, как сейчас. Большая часть российских наркоманов пользовалась более легкими или же более доступными наркотиками. Поэтому и наркодельцы отдавали предпочтение совершенно другим видам зелья. Что касается Приморья, то его можно было назвать своеобразной наркоавтономией. Кроме того, что здесь произрастает маньчжурская конопля и многие любители отдают предпочтение именно ей, к 1994 г. уже наладились отношения с Китаем, и оттуда всю к нам в край потек эфедрин. Тогда он спокойно продавался в любой аптеке Поднебесной и любой предприниматель, будь то гражданин Китая или российский «челнок», мог приобрести его сколько угодно.

Поэтому оперативники предпочли провести свою игру. Буквально на следующий день Цоя познакомили с владивостокским бизнесменом по имени Женя. Их первое знакомство состоялось на автодроме в районе Змеинки. Это место выбрали не случайно. Цою объяснили, что оно не так далеко от «монолита» и, что самое главное, в будний день там предельно мало людей, только мальчишки приезжают покататься на своих мокиках. Но для оперативников оно отвечало совершенно другим требованиям: там удобно вести видеосъемку из машины. После состоялось еще несколько встреч нашего «теневика» с Цоем. На одной из них кореец представил российскому партнеру своего товарища и помощника Ким Ин Сола, который с

этого момента стал его «второй половиной». Женя, зная свое дело, отлично сыграл бизнесмена. Его корейский партнер с каждым разом все больше и больше рассказывал и о товаре, и о возможных вариантах его передачи. В общем, стало ясно, что он совсем не шутит и назревает нелегкое дело.

Вот тогда и пошла телеграмма в Москву. И ответ не заставил себя ждать. Московское руководство телеграфировало: «Не может быть». По мнению начальства, которое никогда не сталкивалось с таким количеством наркотиков, две тонны героина были просто вымыслом. Тем более, что этот «вымысел» продавали, прикрываясь чуть ли не идеями «чучхе». Москва предложила контрразведке ТОФ проинформировать Министерство государственной охраны КНДР и сдать, что называется, «с потрохами» Цоя и Кима.

Во Владивостоке же считали, что две тонны героина совсем не шутка, а реальность. На свой страх и риск капитан 1-го ранга Н.Н. Соцков, тогда занимавший должность заместителя начальника УФСК РФ по ТОФ, решил продолжить операцию и подключить к ней сотрудников оперативно-поискового отдела по борьбе с наркотиками уголовного розыска УВД Приморья, которых возглавил майор Владимир Колосов. К тому моменту по собственным каналам оперативники этого отдела также получили информацию о том, что Цой ищет покупателей наркотика. Но о таком его количестве они узнали впервые.

После совместных обсуждений стало ясно, что нашей стороне необходимо еще и еще, так же как это делали корейцы, показывать всю серьезность своих намерений. Приняли решение, что Женя представит корейским партнерам своего «хозяина» – крутого владивостокского «теневика», готового купить почти все и вся. Таким бизнесменом оказался друг Владимира Колосова, действительно напрямую связанный с предпринимательством. Это было сделано для того, чтобы показать корейцам далеко не дешевые офисы, «крутые» машины, поводить их по значным местам, пользующимся популярностью среди «новых русских». Но самое главное, если бы продавцы решили навести справки, они бы убедились, что имеют дело с «крутым» бизнесменом. И это позже сработало.

На следующую встречу, которую Цой назначил возле корейского ресторана «Моранбон», наши «предприниматели» приехали на «мерседесе». Состоялось знакомство, и сотрудники милиции также смогли убедиться в серьезности намерений корейцев. После этого Владимир Колосов отрапортовал о сложившейся ситуации в свое московское ведомство. И уже через несколько дней во Владивосток прибыл куратор из МВД.

Прошли еще две встречи, на которых «владивостокские предприниматели» показывали своим корейским партнерам дорогие офисы и машины, предлагали охрану. Но вскоре и сами оперативники поняли, что их партнеры «не лыком шиты». Уже после первой встречи корейцы пожаловали в офис к нашему бизнесмену, достаточно оперативно, по номеру «мерседеса», выяснив все его данные. Позже многие из участников этой операции вспоминали, что во время встреч, где бы они ни проходили, то тут, то там появлялись мужчины корейской национальности и наблюдали за русскими партнерами. Да и сами оперативники порой замечали за собой слежку – ведь такие примечательные лица опытному глазу во Владивостоке пропустить невозможно. И в течение нескольких месяцев, пока длилась операция, сотрудники контрразведки были вынуждены ходить, постоянно оглядываясь по сторонам, а на работу «проникать» через боковой вход.

После проведения нескольких встреч и бесед, все еще носивших предварительный характер, и московский представитель МВД убедился в серьезности намерений Цоя и его хозяев. Соцков, Колосов и московский куратор по телефону связались с начальником Управления по борьбе с наркотиками МВД генерал-лейтенантом Сергеевым и довели до него обстановку. В кратчайшие сроки из Москвы дали «зеленый свет» операции. Через некоторое время из столицы пришли и деньги. Присланные 250 тысяч долларов предписывалось использовать при одном условии – ни одна купюра не должна покинуть страну. В то время в нашей стране наблюдался своеобразный пик террористических актов, связанных с захватом заложников. Естественно, как и в американских боевиках, российские террористы также требуют доллары. Именно поэтому в резервном фонде, предназначенном для подобных операций, не так много валюты, и именно поэтому деньги не должны уходить из страны. На месте сотрудники флотской контрразведки нашли еще 50 тысяч «зеленых». Правда, это были не настоящие деньги, а лишь «куклы». Из-за такого финансового положения стало ясно, что вся операция закончится уже после первой покупки. Исходя из этого, оперативникам надо было изловчиться и назначить место сделки на территории России.

Корейцы предложили провести сделку в северокорейском порту Наджин. Туда наш человек должен был привезти деньги, там же он получал товар и так же, как и пришел на судне, возвращался в Россию. Кое-как оперативникам удалось убедить Цоя, что такой вариант нас не устраивает. Видимо, корейцы предусмотрели это, потому что практически сразу предложили произвести обмен в нейтральных водах, куда владивостокские бизнесмены подойдут на специально нанятом судне. Но и здесь наши люди показали свою смекалку. Они смогли разъяснить настойчивому Цою, что как раз в это время пограничники, правоохранительные и природоохранные органы проводят совместную операцию «Путина» и такая сделка на море просто опасна для обеих сторон. В конце концов, корейские продавцы согласились провести передачу на погранпереходе «Хасан-Туманган», в домике российско-северокорейской дружбы, который почти все приморцы знают как «домик Ким Ир Сена». Это небольшое бревенчатое здание было построено в 1985 г., буквально за несколько дней до визита в СССР корейского вождя. В нем состоялась встреча местных партийных лидеров с Ким Ир Сеном. Наши «предприниматели» пояснили, что они легко могут договориться с пограничниками, а проще говоря, «купить» их, и проведению сделки никто не помешает.

Вот тогда партнеры заговорили о количестве товара и его окончательной цене. По словам Цоя, за 300 тысяч долларов они готовы поставить в Россию 8 килограммов героина. Естественно, такой вес нас устраивал. Дело в том, что на международном черном рынке наркотиков это количество героина стоило бы как минимум полтора миллиона долларов. Конечно, оперативники пояснили своим корейским друзьям, что это не разовая сделка, а своеобразная покупка доверия. Договорились и об окончательной дате сделки – она должна состояться 9 июня. В дальнейшем, если покупка состоится, новые российские партнеры смогут побывать в КНДР, воочию убедиться в наличии двух тонн героина и приобрести товара сколько надо.

Сразу после этой встречи Ким Ин Сол отправился на родину. Он обязался в назначенное время доставить товар на погранпереход, куда прибудет на тепловозе. Под видом машиниста Ким будет внесен во все официальные списки. Цой остался во Владивостоке, чтобы еще раз уточнить все детали сделки и вместе с российскими «коллегами» прибыть на заставу.

Оперативники договорились с командованием Тихоокеанского погранокруга о возможности проведения операции в «домике Ким Ир Сена». Заранее туда отправилась опергруппа, чтобы подготовить помещение к операции и разместить необходимую аппаратуру. Там оперативникам пришлось еще раз проявить свою смекалку. Когда сотрудники милиции и контрразведки уже почти закончили размещение в комнатах микрофонов, и пришла очередь видеокамеры, офицеры обнаружили, что в наборе инструментов не хватает дрели. Пришлось применить оружие. Как позже шутили сами оперативники, «в ход была пущена дрель марки Макарова». Через подушку ребята выпустили в стену несколько пуль – и необходимое отверстие для объектива готово.

И вот настало 9 июня. Как и полагается в таких случаях, Цой вместе со своими «партнерами-мафиози» и охраной прибыл на заставу на дорогой машине. Проезжая мимо станции Хасан, оперативники обратили внимание на платформы с «мерседесами». Железнодорожный состав готовился к отправке в Северную Корею. Цой, увидев блеск в глазах русских «бизнесменов», пообещал, что при удачной сделке подарит им любую из этих машин. Наши «предприниматели» по достоинству оценили предложение своего «коллеги». Прибыв в «домик Ким Ир Сена», партнеры стали ждать прибытия Кима.

Надо сказать, что, когда операция вошла в свою окончательную и самую напряженную фазу, она дважды оказывалась на грани срыва. Вначале на заставу прилетел вертолет с группой богатых туристов из Южной Кореи. На этот визит туристическая компания имела разрешение, но дата, что называется, была открытой. По «закону подлости» организаторам экскурсии именно на этот день удалось договориться с вертолетом. Оперативникам и пограничникам пришлось срочно выдумывать целую легенду, чтобы иностранные гости не попали в заветный домик и поскорее покинули заставу.

Второй инцидент – гораздо серьезней. Тепловоз, на котором приехал Ким Ин Сол, за несколько часов до назначенного времени... сошел с рельсов.

Начались томительные минуты ожидания. Позже участники операции вспоминали, что это ожидание, да и сама операция проходили на голодный желудок. Предусмотрев практически все необходимое, они просто забыли о себе и не взяли никакого провианта. Только один раз пограничник с заставы принес две булки хлеба, которые пришлось поделить на 20 человек. Оперативники, да и сам Цой всецело были поглощены мыслями о том, как будут разворачиваться события, состоится ли сделка. Но, судя по всему, корейская сторона была весьма заинтересована в этой продаже и предусмотрела всякие варианты: видимо, ни капли не сомневаясь, что владивостокская мафия «купила» заставу, Ким отправился в Россию пешком.

Наконец, после 14 часов ожидания пограничники, наблюдавшие за мостом через реку Туманная (Туманган), по которой проходит линия государственной границы, доложили: со стороны КНДР движется человек. Поступила команда «пропустить». Этим человеком, конечно, оказался Ким.

Его провели в домик, где ожидавшие сидели как на иголках. Но выяснилось, что в этот раз Ким Ин Сол пришел без «ноши». В корейской безопасности работают отнюдь не дураки – Ким пришел в Россию только затем, чтобы убедиться в наличии денег. Ему показали чемодан, доверху набитый пачками долларов. И обнадеженный курьер вновь отправился через продуваемый ветрами мост.

Некоторое время спустя знакомый силуэт опять показался на пограничном рубеже. На этот раз подуставший Ким нес в руках увесистый кейс. И вновь пограничники пропустили его к «домику вождя».

Когда покупателям показали содержимое, те увидели целлофановые пакеты с иероглифами и клеем, обозначающими герб одного из наркокоролей «Золотого треугольника». Судя по оранжевой символике, героин сделан в Таиланде. Корейская сторона сделала все так, что «комар носа не подточит». В мешочках находились брикеты порошка белого цвета. Всего в опасном дипломате Кима лежало 24 таких упаковки. Он сообщил оперативникам, что, в случае удачной сделки, в течение часа после его возвращения с деньгами в Корею оттуда придет тепловоз. На нем будет доставлено еще 50 килограммов героина. И тогда за дело взялся привезенный «бизнесменами» химик.

Как позже рассказывал Сергей Стробыкин – начальник лаборатории УВД Приморья, игравший в операции роль химика, корейцы все сделали по высшему классу. Героин делится на три категории. Блэк – низкого качества, браун – качества среднего и уайт – самый высококачественный и потому самый дорогой. После проведенной экспертизы Стробыкин понял, что перед ним героин самой высокой степени очистки.

Вот тогда он и произнес кодовую фразу: «Товар хороший, будем брать». Это был сигнал для группы захвата. Корейцы, которым после экспертизы передали деньги, сразу начали их пересчитывать и даже не подозревали, что домик уже окружен оперативниками. «Руки вверх!» грянуло для счастливых продавцов как гром среди ясного неба. В считанные секунды корейцы оказались на полу в наручниках. Можно только догадываться, какие мысли ворошились в их головах: русские «кинули», пограничники пришли?

Но все гораздо проще. Операция по задержанию наркоторговцев была фактически завершена. Оба «клиента» задержаны при продаже крупной партии героина.

Оперативные работники не исключали, что в любой момент корейская сторона могла преподнести сюрпризы. Поэтому после задержания усиленный наряд пограничников прикрыл мост. Также не исключалось, что Ким может прийти к нам с героином в руках и взрывчаткой на теле – на всякий случай. Оба корейца могли иметь ампулы с ядом, скажем, в воротниках. И именно поэтому, пока шел личный досмотр, их превратили в этакие мумии: несколько человек держали каждого, чтобы задержанные не смогли что-либо «откаблудить». Когда оперативники удостоверились, что Цой и Ким «чисты», их рассадили на стулья, чтобы те могли наблюдать за досмотром помещения. Они уже поняли, в какую историю попали, и погасшим взглядом наблюдали, как оперативники снимают с себя рации, как из-за стенки достается магнитофон и видеокамера, как следователь начинает составлять протокол.

Но это еще не конец истории. Точнее – начало новой. Уже во Владивостоке, сидя в следственном изоляторе, Цой все-таки ухитрился преподнести сюрприз. Да еще какой!

Как и полагается в таких случаях, арестованных поместили в общие камеры, естественно, в разные. Но, судя по всему, общение с русскими заключенными вскоре надоело одному из корейцев. И вот начальнику СИЗО доложили, что с ним хотел бы переговорить арестованный Цой Чен Су. Российский офицер, конечно, знал, что это за субъект, и ожидал чего угодно, но не такого. Не ходя вокруг да около, Цой с немалой долей гордости заявил, что он кадровый разведчик и ему полагается одиночная камера. Такое признание послужило сигналом к началу еще одной операции.

4.5. Ф.И. Гурко. Конец резидентуры «северных»

На этот раз за дело взялось другое подразделение УФСБ РФ по ТОФ. Больше года контрразведчики кропотливо собирали информацию, проводили необходимые мероприятия, чтобы получить нужный результат. Еще в самом начале «героинового дела» сложилось впечатление, что Цой и Ким работали во Владивостоке не одни, а были лишь звеном достаточно большой цепи. Предполагалось, что строительством «монолита» прикрывается крупная корейская резидентура. И признание Цоя расставило все точки над «i».

Первые оперативные разработки, в которых помимо флотской контрразведки принимали участие и сотрудники УФСБ РФ по Приморью, показали, что действительно под видом корейских строителей, служащих и других сотрудников «монолита» в нашем городе работает целая сеть, в состав которой входят и кадровые разведчики, и их агентура. Контрразведчики установили, что в основном этих людей интересовало вооружение, различное военное оборудование и снаряжение, а также современные оборонительные технологии. Позже выяснилось, что во главе этой структуры стоит опытный разведчик в звании полковника Министерства государственной охраны КНДР.

В первую очередь необходимо было, что называется, «приблизиться» к ним и войти в доверие. Наши контрразведчики с разных сторон пытались «подойти» хотя бы к одному из корейских коллег. В течение нескольких месяцев они выполняли различные просьбы, доставали для них нужные вещи, показывали места, которые могут увидеть далеко не все жители Владивостока. И вот в конце концов один из оперативников вошел в доверие к самому полковнику. Он «сыграл» старшего офицера Тихоокеанского флота, имевшего выходы на разные подразделения и желавшего подзаработать в валюте.

Еще около полугода они «прощупывали» друг друга. Наш офицер выполнял различные заказы, приносил корейскому резиденту на продажу всякие мелочи. Характерно, что все, даже самые мелкие заказы, так или иначе были связаны с флотом. А сам кореец платил не деньгами, а рабочей силой. Несколько раз наш офицер брал сколько нужно рабочих с «монолита» для ремонта дома или в военных частях.

И вот, видимо, окончательно убедившись в «продажности» своего русского знакомого, корейский полковник начал делать ему более серьезные заказы на различное военное имущество. Такие заказы позволили ввести в игру еще одного чел., который так же, как и офицер, мог достать за определенную плату некоторые военные товары.

Как вспоминают участники этой операции, о подводном автомате «АПС» корейский резидент впервые упомянул в начале августа. Упомянул он и о шлемофоне с прибором ночного видения. Естественно, наши торговцы попросили дать им время на поиски возможных вариантов. После состоялись еще несколько встреч и разговоров «ни о чем». Но к концу августа у наших военных бизнесменов начали «проклеиваться варианты», и впервые разговор зашел о финансовых возможностях и потребностях обеих сторон.

Когда автомат «был найден», сошлись на том, что корейцы отдадут за него три тысячи долларов. К моменту покупки обещали найти и аппарат ночного видения. Договорились, что сделка состоится утром 7-го ноября.

Изначально контрразведчики планировали, что при покупке автомата будет задержан сам резидент. Но в силу некоторых обстоятельств пришлось проводить «работу» с другим кадровым корейским разведчиком.

План этого задержания готовился с особой тщательностью. По замыслу оперативников, даже если покупатель отдаст за автомат сто долларов, его все равно надо продавать. Дело в том, что вся операция нацеливалась не просто на задержание одного агента. Российские контрразведчики бросили крупные силы для того, чтобы скомпрометировать и вообще пресечь деятельность разведки КНДР во Владивостоке и в Приморье.

Настало морозное утро 7-го ноября. За четыре часа до назначенного времени наши оперативники выставили вокруг намеченного места сделки свои дозоры. Но и корейцы не лыком шиты. Офицеры, находившиеся в засаде, заметили, что вокруг площадки на улице Калинина, недалеко от «монолита», ходят и очень тщательно все осматривают граждане восточного происхождения. Корейцы внимательно обошли все уголки, но ничего подозрительного не обнаружили – наши люди хорошо спрятались.

В назначенный час продавец приехал на место. Конечно, для такого пассажира контрразведчики нашли громадный лимузин. Кроме показного шика, он удобен тем, что в просторном салоне гораздо легче разместить видеокамеру. А запись нужна была, как говорится, позарез. Помимо автомата оперативник привез с собой и второй заказ – прибор ночного видения «ПНВ-57Е».

Через некоторое время, видимо, получив сигнал, что место сделки «чисто», в машину сел покупатель. За автомат он предложил 800 долларов. Не удивленный такой, прямо сказать, бросовой ценой, но для приличия чуть-чуть поторговавшись, наш продавец уступил своему корейскому партнеру оружие – так было нужно. Увидев прибор ночного видения, корейский разведчик предложил сразу приобрести и его. За эту «штучку» он назначил 100 долларов. Нечего сказать – демпинг! Но пришлось отдать и «ПНВ».

И вот довольный покупатель вышел из машины. А доволен он был вдвойне. Во-первых, выполнил задание «шефа», а во-вторых, «надул» и шефа, и русского бизнесмена: позже в кармане корейца оперативники обнаружили две тысячи двести долларов – остаток от трех тысяч, полученных от полковника. Но радоваться ему пришлось всего несколько секунд. Не успел наш герой отойти от машины на несколько шагов, как был задержан. Причем, как говорится, с оружием в руках.

Но на автомате и задержании покупателя эта операция не заканчивается. В итоге контрразведка флота добилась своего и корейская агентура была скомпрометирована. Финалом этого длительного мероприятия стало выдворение из России более 10 кадровых корейских разведчиков и их агентов. А для разведки это очень большая цифра, сравнимая в военном исчислении с полками и дивизиями.

4.6. А.Б. Креуз. С иностранными спецслужбами в контакте

Зона ответственности Тихоокеанского флота России включает в себя акваторию Тихого, Индийского и части Северного Ледовитого океана. В этом регионе тесно переплелись интересы ведущих стран мира, и Россия исторически имеет здесь свое влияние.

В расширяющемся военно-политическом и военно-техническом сотрудничестве России со странами АТР важную роль играет Тихоокеанский флот. Владивосток, как главную базу флота, регулярно посещают иностранные военные делегации, сотрудники военных атташатов и корабли иностранных государств.

За период с 1995 по 2001 год главную базу ТОФ и Камчатку свыше 50 раз посещали официальные и рабочие зарубежные военные делегации и сотрудники военных и военно-морских атташатов иностранных государств. Осуществлен 31 заход в Владивосток кораблей ВМС стран АТР, из них только визитов кораблей США было 8.

Анализ материалов контрразведывательного обеспечения визитов иностранных кораблей и делегаций во Владивосток и кораблей и делегаций ТОФ за границу, проведенный Управлением в начале 1995 г., показал, что имеется ряд возможностей для более активного и наступательного проведения контрразведывательных мероприятий, сковывания активности и устремлений иностранных военно-разведывательных органов, направленных против Тихоокеанского флота России. Были внесены коррективы в организацию работы на этом участке контрразведывательной деятельности, распределены обязанности между линейными подразделениями аппарата Управления и отделами на местах.

Одновременно, с санкции Центра, устанавливались контакты между официально представленными сотрудниками УФСБ РФ по ТОФ и представителями спецслужб иностранных государств. Принятие этого решения основывалось на полученной информации о намерениях спецслужб ряда стран, прежде всего США, установить прямые контакты в интересах обеспечения безопасности проводимых флотами совместных мероприятий, борьбы с терроризмом, незаконным оборотом оружия и наркотиков, пиратством, международной организованной преступностью.

Не секрет, что организованная преступность и деятельность террористических организаций давно приобрела международный характер. Достаточно вспомнить ситуацию в Чечне и террористические акты на территории США 11 сентября 2001 г., подготовку террористических актов на территории Японии российскими гражданами — сторонниками японской секты “АУМ Синрикё”, транзит наркотиков из стран Средней и Юго-Восточной Азии через территорию России в Европу и многое другое. Для эффективной борьбы с ними, безусловно, необходимы адекватные меры, которые должны включать и проведение совместных акций представителями правоохранительных органов и спецслужб различных государств.

Руководством Управления сформулированы цели и задачи этого направления оперативной деятельности, в том числе оказание содействия иностранным делегациям в ограждении их членов и экипажей кораблей зарубежных ВМС от возможных преступных посягательств в портах пребывания на Тихоокеанском флоте.

В 1995-1997 г.г. работа на таких контактах проводилась специально выделенными сотрудниками Управления и осуществлялась только во время пребывания иностранных кораблей во Владивостоке. Эти сотрудники — нынешние руководители крупных

подразделений Управления полковник Пиклун С. Н. и капитан 1 ранга Кулягин И. В.

Следует подчеркнуть, что это было совершенно новое направление оперативно-розыскной деятельности, осуществлявшееся в военной контрразведке России впервые. В то время мы не располагали никакими методическими разработками по данной проблеме. Тем не менее, благодаря усилиям и старанию указанных выше сотрудников, которыми руководили начальник Управления контр-адмирал Угрюмов Г. А., его заместители — контр-адмирал Турейский В. М. и капитан 1 ранга Соцков Н. Н., были получены первые конкретные результаты.

Наши контакты с представителями Службы криминальных расследований ВМС США (NCIS), которая является контрразведывательным органом американского флота, привели к подписанию в июле 1996 г. в Гонолулу (США) “Рабочего документа о сотрудничестве между Федеральной службой безопасности России и Службой криминальных расследований ВМС США”. В составе делегации ФСБ России находился бывший тогда заместителем начальника Управления капитан 1 ранга Соцков Н. Н. Таким образом, контакты с американскими коллегами перешли в разряд официальных отношений.

В развитие этого документа 1 июля 1998 г. в Москве подписан “Меморандум о взаимопонимании между ФСБ РФ и Службой криминальных расследований ВМС США”.

На основании полученных оперативных материалов, их анализа и сделанного прогноза развития оперативной ситуации на этом направлении контрразведывательной деятельности, с санкции Центра, в 1998 г. создана внештатная группа для контактов с иностранными спецслужбами с позиции официально представленных сотрудников Управления, в которую входили подполковник Пиклун С. Н. и капитан 2 ранга Креуз А. Б.

Полученные в 1998-99 гг. результаты позволили создать штатную группу, которую возглавил капитан 2 ранга Креуз А. Б. Кроме него, в контактах с иностранцами участвовала старший оперуполномоченный капитан Ступницкая Н. А. Непосредственное руководство работой на данном направлении осуществлял начальник Управления контр-адмирал Соцков Н. Н.

В июле 1998 г. установлены отношения с представителями Береговой полиции Морских сил самообороны Японии, а в ходе визита БПК “Адмирал Пантелеев” в Ёкосука в сентябре 1999 г. — с сотрудниками 2-го бюро штаба военно-морского района Ёкосука, которые осуществляют разведывательные и контрразведывательные функции. Работа с японскими представителями была продолжена в сентябре 2000 г. в ходе визита отряда японских кораблей в Петропавловск-Камчатский и в сентябре 2001 г. во время визита БПК “Адмирал Трибуц” в ВМБ Сасэбо.

Имели место разовые контакты с представителями контрразведывательных служб ВМС Республики Корея, Таиланда и Канады. Следует отметить, что контакты с представителями военной контрразведки Республики Корея установлены в 1998 г. по инициативе корейской стороны. В 2001 г. осуществлены и первые контакты с представителями ГПУ Японии. Их характер и уровень затронутых на встречах проблем позволяют сделать вывод о том, что они имеют перспективу развития и выгодны как для российской, так и для японской стороны.

Наши иностранные коллеги с большим уважением относятся к ФСБ России и военной контрразведке. Приведем только два примера.

В 1998 г. во Владивостоке Управлением по незаконному обороту наркотиков

Министерства юстиции США (DEA) проводился двухнедельный семинар, на котором сотрудники американской спецслужбы делились своим опытом. По иностранным оценкам, данная американская спецслужба, действующая по всему миру, является наиболее подготовленной к борьбе с международным незаконным оборотом наркотиков и имеет богатый опыт успешной практической деятельности.

С российской стороны в работе семинара участвовали более 30 представителей органов внутренних дел, оперативной таможни, пограничников дальневосточного региона и пять сотрудников различных управлений ФСБ Дальнего Востока. Обсуждая затронутые на семинаре вопросы, а также и во время неформального общения американские представители давали высокую оценку деятельности органов ФСБ России по борьбе с наркопреступностью. Американские коллеги признали, что проведенная Управлением в 1994 г. операция по пресечению поставки крупнейшей на тот момент партии героина из Северной Кореи в Россию является образцом оперативной работы.

В 1998 г. состоялись первые контакты с представителями береговой полиции Японии во время официального визита отряда японских кораблей во Владивосток. Надо подчеркнуть, что в 1996 г. предпринимались попытки установления таких контактов, но японская сторона под благовидными предложениями всячески от них уклонялась.

Капитан 2 ранга Креуз А. Б. познакомился с офицером береговой полиции, и в ходе беседы был затронут вопрос о том, какую из структур представляют собеседники. Наш оперработник сообщил, что ФСБ России является правопреемником КГБ СССР. Реакция иностранца оказалась неожиданной — он явно испугался, а затем в течение почти полутора суток уклонялся от встреч с сотрудником Управления. Но чуть позже японец стал подчеркивать свое дружеское расположение и охотно рассказывал о своей службе и о многом другом. Будучи в Японии в составе экипажа БПК “Адмирал Пантелеев” в 1999 г., капитан 2 ранга Креуз рассказал об этом представителю СВР России, который участвовал в обеспечении визита нашего корабля. Тот пояснил, что для японцев слово “КГБ” — “Кей Джи Би” ассоциируется с чем-то ужасно опасным для иностранцев.

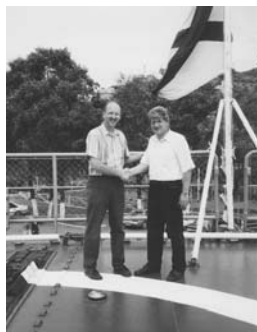
Все контакты с иностранными коллегами обуславливались необходимостью совместной выработки мер по обеспечению безопасности членов иностранных делегаций и военных кораблей. В настоящее время криминальная обстановка во Владивостоке достаточно сложная. После первых визитов иностранных военных кораблей в наш город отмечалось значительное число различных правонарушений, связанных с иностранными военными моряками. Это и драки с гражданским населением, и кражи документов и денег у пьяных моряков, и проблемы с проститутками. Визиты кораблей в порты иностранных государств всегда рассматривались как один из элементов развития международных отношений. Поэтому перечисленные негативные факты отрицательно влияли на успешность проведения визитов.

Наиболее дисциплинированно вели себя в городе представители ВМС Китая,

На прогулке по Владивостоку. Июль 1998 года.

Слева направо: А.Б. Креуз, вице-консул ГК Японии по вопросам безопасности Мицую Ота, переводчик – студентка ДВГТУ Ольга Раевская, оперативный офицер береговой полиции ВМР старший лейтенант Сасэбо Сигэру Ямада

Август 1998 года.
Владивосток, борт БПК
«Адмирал Пантелеев».
Слева – старший
специальный агент
службы криминальных
расследований ВМС США
Джеффри Норвиц, справа –
А.Б. Креуз

Республики Корея, Японии, США. Больше всего проблем для правоохранительных органов доставили английские и канадские моряки. Кстати, американские моряки до середины 90-х годов тоже отличались буйным нравом при нахождении в городе. В дальнейшем командование американских кораблей приняло самые жесткие меры по наведению порядка среди своих моряков. После одного из визитов только на одном корабле уволили троих офицеров и восьмерых моряков рядового состава за различные проступки, совершенные в нашем городе.

Наибольшую активность и последовательность в разработке и выполнении совместных мероприятий проявляли представители Службы криминальных расследований ВМС США, а контакты с представителями этой американской спецслужбы были наиболее частыми.

СКР ВМС США входит в состав министерства ВМС США. В настоящее время ее численность составляет приблизительно 1300 человек, из которых около 900 ведут оперативную работу. По кругу решаемых задач СКР — аналог ФБР США и занимается борьбой с общеуголовными преступлениями, а также контрразведывательной деятельностью в ВМС США. Оперативные сотрудники являются гражданскими лицами. Свои задачи они выполняют на базах, в городах, где расположены фирмы и заводы-подрядчики ВМС США, а также на крупных кораблях, находящихся в море. Имеются подразделения этой спецслужбы в ряде государств. Сотрудники СКР при решении своих служебных задач не зависят от командования, а директор СКР ВМС США является заместителем министра ВМС США. Исходя из той информации, которой мы располагаем о своих американских коллегах, можно сделать вывод, что они наиболее близки к нашей флотской контрразведке по структуре, методам работы и решаемым задачам.

Контакты сотрудников СКР ВМС США с представителями иностранных контрразведывательных служб и правоохранительных органов при заходах американских кораблей в порты других стран является нормой. Особо пристальное внимание вопросам организации взаимодействия со своими иностранными партнерами в СКР стали уделять после проведения различных террористических актов, направленных против американских военнослужащих в разных странах мира.

Июль 1998 года. Владивосток,
БПК «Адмирал Пантелеев».
Слева – специальный агент
СКР ВМС США Кэлли Мэрфи.
Она оперативно обслуживала
штаб 7-го флота США и
штабной корабль «Блю Ридж»

Общение с иностранными коллегами, безусловно, не ограничивалось обсуждением только вопросов, связанных с обеспечением безопасности. Часто разговоры велись и о служебной деятельности. Конечно, на них не обсуждались какие-то реальные оперативные ситуации, но на основании этих бесед можно сделать вывод, что наши иностранные коллеги — сильные профессионалы и могут быть, в зависимости от обстоятельств, как хорошими партнерами, так и сильными противниками.

В оперативно оправданных случаях, в официальных встречах командования флота с сотрудниками военных атташатов стран АТР, военными делегациями, прибывающими во Владивосток, принимают участие официально

представленные сотрудники УФСБ РФ по ТОФ.

Следует отметить, что успех проводимой работы на данной линии зависит также и от уровня взаимодействия с представителями командования флота и воинских частей. Большую помощь оказывали сотрудникам Управления командующие и начальники штаба ТОФ адмирал Захаренко М. Г., вице-адмирал Федоров В. Д., вице-адмирал Чирков В.В., командующие объединений и соединений ТОФ вице-адмирал Литвиненко Е. Я., контр-адмирал Крайнов Е. В., вице-адмирал Сиденко К. С., контр-адмирал Темерев Н. И., контр-адмирал Гавриков В. Ф., контр-адмирал Чирков В. В., офицеры штаба ТОФ капитан 1 ранга Денисов В. В., капитан 2 ранга Смирнов С. М., капитан 2 ранга Опаленко А. М. и многие другие.

Одна из самых больших проблем, которую постоянно приходилось решать нашим сотрудникам во время таких контактов, – контакты с переводчиками. При этом следует учесть, что работа длилась, как правило, с утра и до глубокой ночи. Во время визитов американских кораблей оперработники и переводчики покидали причал в 2-3 часа ночи. Немного раньше заканчивался рабочий день при заходах кораблей других стран.

Если с переводом разговоров и бесед на английском или китайском языках с приходом в группу капитана Ступницкой Н. А. все встало на свои места, то с японским и корейским языками первоначально возникали проблемы, которые были полностью решены с помощью выпускников и студентов старших курсов Восточного института ДВГУ. Эти переводчики трудились бескорыстно и только добровольно, не считаясь со своим личным временем. Кроме перевода, они оказывали помощь по широкому кругу вопросов, связанных со страноведением, особенностями национального характера и некоторым другим. Надо отметить таких переводчиков, как Д. А. Берестовой, А. А. Коломеец, В. Ю. Кунаев, А. В. Шинкаренко, Н. Н. Болотов, О. Е. Сумарокова, работа которых была отмечена грамотами Командующего ТОФ и начальника УФСБ по ТОФ, а Д.А.Берестовой был награжден морским кортиком.

1997 г. С американскими коллегами на Гавайях. В первом ряду четвертый слева – Н.Н. Соцков

Сотрудничество спецслужб США и России в целях безопасности моряков

(по материалам Hawaii Navy News от 8 августа 1997 г.)

В настоящее время взаимоотношения между американскими и российскими флотами стали теснее, чем когда – либо со времен «холодной войны». Для моряков обеих стран перестал быть необычным обмен кепками, значками и другими сувенирами при посещении иностранного порта. Получая удовольствие от визита в другую страну, никто не задумывается о большом количестве предварительных мероприятий, проведенных для обеспечения безопасности военнослужащих обоих государств в потру

захода. Эта работа – плод сотрудничества Службы Криминальных Расследований (СКР) ВМС США и Российской Федеральной Службы Безопасности, первая совместная конференция которых походила 21-25 июля 1997 г. в Гонолулу (шт. Гавайи, США). По словам специального агента Берни Эйгера, возглавляющей гавайское отделение СКР ВМС США, данная Конференция проводилась в свете концепции сотрудничества при непосредственной поддержке Командования ВС США в ТОЗ; целью же совместной работы спецслужб является безопасность военнослужащих обеих стран при увольнении на берег в иностранных портах.

Концепция сотрудничества была разработана в начале 90-х годов с целью укрепления партнерских отношений между США и другими странами ТР. В соответствии с ней с 1995 года в Тихоокеанском регионе проводится цикл ежегодных совместных американско-российских учений «Сотрудничество с моря». Углубление партнерства обеспечивается ежедневной совместной работой, как в море, так и в порту. По словам заместителя начальника отдела международных связей Управления ФСБ Владистава Подуфалова, во время «холодной войны» задачей спецслужб стояла подготовка к борьбе друг с другом, но в последние 10-15 лет обстановка изменилась, и у представителей СКР и ФСБ появились возможности обмена опытом.

Представители обеих спецслужб отметили, что еще 5 лет назад о совместной конференции по сотрудничеству и думать не приходилось. Конференция проводилась с целью укрепления имеемых контактов и поиска других путей для совместной работы обоих агентств в будущем в области обеспечения безопасности американских и российских кораблей и их экипажей во время заходов в порты и ходе учений. Обсуждению подлежали вопросы оценки предвизитовой криминогенной обстановки в порту, взаимодействия между кораблями-гостями и представителями местных спецслужб и предотвращения преступлений самими военнослужащими или против них. Во према встречи делегации ФСБ заместитель командующего ВМС США в ТОЗ контр-адмирал Джон Сиглер подчеркнул важность сотрудничества между СКР и ФСБ с целью точного полномасштабного решения указанных выше вопросов, что возможно при тесном взаимодействии с представителями местных спецслужб. Проведенная Конференция открыла широкие возможности для изучения и понимания организационной структуры обоих агентств и задач, стоящих перед ними в свете будущего сотрудничества. Также, как и СКР США, российская ФСБ кроме расследования преступлений выполняет задачи обеспечения физической, информационной и личной безопасности ВМФ РФ, что было подчеркнуто заместителем начальника ФСБ по КТОФ Николаем Соцковым. Тот объем информации, который сотрудники ФСБ предложили представителям СКР, оказал на последних огромное впечатление. Благодаря установившимся в ходе работы Конференции между спецслужбами США и России командование ТОФ РФ и СКР США смогут иметь беспрецедентный доступ к информации, включая данные по террористическим группировкам и торговле наркотиков, которые послужат делу обеспечения безопасности и благоденствия личного состава флотов обоих государств. Делегации обеих спецслужб предполагают проводить аналогичные конференции ежегодно и намереваются встретиться в 1998 г. во Владивостоке. Кроме того, были выражены надежды на возможность проверки, выработанных на Конференции предложений в ходе совместного американско-российского учения «Сотрудничество с моря».

4.7. А.В. Полутов. В боевых командировках

Распад Советского Союза повлек за собой возникновение этнических, межконфессиональных и территориальных конфликтов на территории бывших советских республик. На территории Российской Федерации такой «горячей точкой» стала Чеченская республика. Чеченские сепаратисты, щедро финансируемые международными террористическими организациями, уже несколько лет ведут войну против России, прикрываясь зеленым знаменем ислама.

Чеченские кампании стали серьезным испытанием для сотрудников Федеральной службы безопасности России, которое они выдержали с честью. Борьба с незаконными вооруженными формированиями и терроризмом, подрывной деятельностью многочисленных исламских организаций экстремистского толка является одним из важнейших направлений работы ФСБ, в которой активное участие принимают военные контрразведчики Тихоокеанского флота.

Сегодня по вполне понятным причинам еще нельзя полностью рассказать о том вкладе, который внесли в эту нелегкую борьбу сотрудники Управления ФСБ по Тихоокеанскому флоту. За несколько последних лет свыше 50 сотрудников управления находилось в боевых командировках в Чеченской республике, из которых почти 30 человек награждены орденами и медалями за высокие показатели в служебной деятельности, храбрость и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга в зоне проведения контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона в условиях, сопряженных с риском для жизни.

Приведем только несколько эпизодов, взятых из отзывов командования в отношении сотрудников УФСБ по ТОФ, которые находились в Чеченской Республике в боевых командировках. В целях конспирации их фамилии, а также некоторые географические названия и даты изменены.

В 2001 г. капитан 2 ранга Валерий Ляхов в качестве старшего оперуполномоченного по особо важным делам, а затем начальника отделения Управления военной контрразведки ФСБ России в Северо-Кавказском регионе выполнял специальные задачи по разоружению и ликвидации незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики.

В составе спецподразделений ФСБ, Генерального штаба и внутренних войск МВД России он принимал участие в разведывательно-поисковых операциях. На его счету семь лично спланированных и реализованных специальных операций, в ходе которых пресечена преступная деятельность пяти бандгрупп, входящих в бандформирования Басаева, Хаттаба и Гелисханова. В результате этих спецопераций уничтожено около 100 чеченских боевиков.

В своей оперативной работе капитан 2 ранга Валерий Ляхов неоднократно получал важную информацию о точных местах укрытия боевиков, складов с оружием, добывал вещественные доказательства в виде документов, видеокассет, фотографий о преступной деятельности конкретных членов бандформирований. На основе этой информации был проведен ряд удачных операций.

В начале 2001 г. Валерий получил оперативную информацию о месте нахождения в Суворов-Юрте группы боевиков, принимавших участие в налете полевого командира Радиева на Первомайское, и совместно со спецподразделением ГРУ организовал и провел спецоперацию по задержанию этой бандгруппы. Оказав активное вооруженное сопротивление, боевики во время перестрелки были уничтожены. В ходе этого

бое столкновения Валерий действовал смело и решительно, умело руководил приданным ему подразделением, что позволило достигнуть цели спецоперации без потерь личного состава.

В начале мая 2001 г. Валерий получил оперативную информацию о нахождении в ущелье Чанек Ножай-Юртовского района базы боевиков полевого командира Гелисханова, которая в ходе спланированной нашим контрразведчиком операции была полностью уничтожена силами спецподразделений ГРУ, ФСБ и МВД.

В июне Валерий получил достоверные данные о месте расположения базы полевого командира Абу-Валида, одного из подчиненных Хаттаба, в ущелье вблизи Цаведено Веденского района. И эта база также уничтожена благодаря умелым и решительным действиям Валерия Ляхова. Бомбардировкой точно указанных целей база была ликвидирована, а потери чеченских боевиков убитыми и ранеными составили свыше 100 человек.

В феврале 2001 г. Валерий Ляхов получил информацию о готовящемся диверсионно-террористическом акте на железнодорожной станции Ханкала и о конкретных исполнителях, занимающихся его подготовкой и проведением. Предпринятые под его руководством действия позволили предотвратить совершение террористического акта, установить организатора и исполнителей, которые при задержании оказали вооруженное сопротивление и были уничтожены. Благодаря умело поставленной им оперативной работе установлено точное местонахождение базы боевиков, которая уничтожена в ходе ракетно-бомбового удара в июне 2001 г. вблизи Харачоя.

В мае 2001 г. Валерий Ляхов организовал оперативно-розыскные мероприятия по поиску и изъятию схрона с оружием и боеприпасами чеченских боевиков в Грозном. Во время проведения этой спецоперации и в ходе бое столкновения с боевиками капитан 2 ранга Валерий Ляхов умело руководил своими подчиненными и спецподразделением в боевых условиях.

Участвуя в контртеррористической операции, капитан 2 ранга Валерий Ляхов проявил мужество, самоотверженность и хладнокровие, способность к действиям в экстремальных ситуациях, умение идти на оправданный риск.

Расскажем еще об одном нашем боевом товарище, 6 апреля 2002 г. трагически погибшем при исполнении служебных обязанностей.

Сергей Владимирович Лобанов родился 13 марта 1967 г. в поселке Майский Совгаванского района Хабаровского края. В 1984 г. закончил среднюю школу № 21 поселка Бяудэ Хабаровского края и поступил в Тихоокеанское высшее военно-морское училище имени С.О. Макарова во Владивостоке, которое окончил в 1989 г. по специальности «штурман надводных кораблей». С этого момента началась его служба на Тихоокеанском флоте. В 1989-1993 гг. он занимал должность командира штурманской боевой части ракетного катера Р-113 Сахалинской флотилии ТОФ. В 1993 г. зачислен на действительную военную службу в Министерство безопасности РФ и направлен в распоряжение отдела военной контрразведки по Тихоокеанскому флоту. В 1993–1996 гг. – оперуполномоченный ОВКР МБ-ОФСБ по Совгаванской военно-морской базе ТОФ, в 1996–2000 гг. – старший оперуполномоченный этого же отдела. В марте-сентябре 2000 г. занимал должность начальника 3-го отделения временной оперативной группы УВКР ФСБ РФ в Северо-Кавказском регионе. В 2000–2002 гг. – заместитель начальника отдела ФСБ по Совгаванскому военно-морскому району ТОФ.

В период с 13 марта по 16 сентября 2000 г. капитан 2 ранга Лобанов Сергей Владимирович выполнял специальные задания в условиях проведения

контртеррористической операции по разоружению и ликвидации незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики.

При проведении оперативно-розыскной деятельности в районах ведения боевых действий и на территории, освобожденной от бандформирований, руководимое им подразделение своевременно получало оперативно-значимую информацию о местах дислокации участников незаконных вооруженных формирований, их планах и замыслах, а также лицах, оказывающих им содействие.

Капитан 2 ранга С.В. Лобанов грамотно организовал проведение фильтрационных мероприятий среди местного населения, в результате чего были своевременно выявлены в городе Грозном, горной части Шатойского и Веденского районов Чеченской Республики два склада с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами, взрывными устройствами, средствами связи и документацией бандформирований. Благодаря полученной им информации, уничтожены четыре базы незаконных вооруженных формирований. Установлен военный Министр обороны Российской Федерации, добровольно перешедший на сторону боевиков и принимавший участие в боевых действиях против федеральных сил. Освобождены из плена 11 военнослужащих Минобороны России и три заложника из числа гражданских лиц.

Получаемая подразделением упреждающая разведывательная информация использовалась командованием федеральных сил при планировании боевых операций, нанесении бомбо-штурмовых и артиллерийских ударов по выявленным местам скопления боевиков и базам незаконных вооруженных формирований.

Решая боевые задачи в городе Грозном и других районах Чеченской Республики, капитан 2 ранга С.В. Лобанов неоднократно попадал под обстрелы боевиков и вступал в боестолкновения с ними, проявив при этом инициативу.

Он ушел из жизни в самом расцвете сил. Ему было всего 35 лет. Прах его покоится на кладбище в Совгавани.

Список имен сотрудников Управления, принимавших и принимающих участие в борьбе с международным терроризмом, можно было бы продолжить. Но это пока не подлежит разглашению.

С.В. Лобанов

Сотрудники Управления выполняют специальные задачи в Чеченской Республике. Восемь офицеров Управления ФСБ России по Тихоокеанскому флоту за участие в контртеррористической операции и ликвидации последствий ядерной аварии на атомной подводной лодке Тихоокеанского флота награждены орденом Мужества

Капитан 2 ранга ШИЛОВ
Александр Петрович

Подполковник ДРАНЕЦ
Аркадий Аркадьевич

Капитан ХАРЛОВ Александр
Владимирович

Полковник ЮЛИН Алексей
Иванович

Капитан 2 ранга ЗАХАРЧЕНКО
Владимир Федорович

Капитан 1 ранга ХРОМОВСКИХ
Сергей Николаевич

Капитан 2 ранга АНТОНЕНКО
Петр Петрович

Подполковник ПРИЙМЕНКО
Александр Леонидович

4.8. *С.В. Панкратьев, Н.Н. Соцков.*

Если «друг» оказался вдруг...

В апреле 1996 г. в городе Петропавловске-Камчатском Региональным управлением ФСБ РФ по Камчатской области совместно с военной контрразведкой флота задержан гражданин США Оппфелт Дэнн Ричард, представившийся сотрудником отдела «Сиэтл Интернешнл Трэйд Центр» американского города Сиэтл.

По словам американца, его привели на Камчатку коммерческие интересы. Однако мы располагали совершенно иной информацией. С момента своего появления в Петропавловске-Камчатском в 1992 г., первоначально в качестве представителя фирмы «Сиэтл Трэйд Консорциум», Дэнн Оппфелт развил бурную деятельность по установлению широкого круга контактов среди высокопоставленных чиновников и местных коммерсантов. Этому во многом способствовали хорошее знание русского языка и уязвимых мест в психологии россиян. Оппфелт активно демонстрировал свое дружеское расположение и симпатию к России.

Каков же на самом деле американский друг? По сведениям компетентных органов, свою «дружбу» российским (тогда советским) морякам Дэнн Оппфелт стал предлагать еще в 1982 г., когда работал представителем на советских рыболовных судах от совместной советско-американской компании «Марин рисоурсизкомпани».

Призывы быть бдительными обрушивались тогда на граждан социалистической державы буквально со всех сторон. Телевидение, радио и средства массовой информации учили видеть чуть ли не в каждом иностранце шпиона, и, чтобы смягчить настороженность, притупить недоверчивое отношение к себе, Оппфелт во время знакомства заявлял, что его дед и бабка по матери – выходцы с Украины.

Однако интерес к Дэнну был повышен и по другой причине. Он активно распространял на судах среди моряков политическую и порнографическую литературу. При этом почему-то записывал в блокнот, кому дал тот или иной журнал.

Одновременно Дэнн стремился завести как можно больше контактов среди рыбаков, которые, по роду своей деятельности, часто заходили в места расположения сил военно-морского флота. Повышенный интерес проявлял к тем, кто постоянно проживал в тех местах. В разговорах часто затрагивал военную тему, демонстрируя осведомленность в дислокации основных военных баз Тихоокеанского флота, а чтобы вызвать на откровенность, американец неоднократно показывал карту, на которой отмечалось расположение атомных подводных лодок США близ Сиэтла.

Российских моряков можно встретить на всех широтах. Во времена широкой пропаганды социалистической идеологии, когда «советский образ жизни» олицетворял строгую нравственность, американский «друг» склонял членов экипажей к нарушению дисциплины. В недолгие стоянки судов у иностранных причалов предлагал посещение увеселительных заведений. При этом не забывал вести записи биографических данных, психологических особенностей. Гости, приходившие на суда, тоже не были обделены вниманием Оппфелта.

В 1985 г. все тот же Дэнн пытался наладить дружеские отношения с членами экипажей наших судов в Новой Зеландии. А чтобы не возникло лишних вопросов по поводу его появления в столь отдаленном месте, предложил вполне приемлемую версию. Мол, прибыл для обучения в Веллингтонский университет, в надежде по его окончании получить работу, не уточняя какую именно.

Остается лишь строить предположения об истинной миссии, выполняемой в Новой Зеландии мистером Оппфелтом. Обратимся к фактам. Находясь в столице Новой Зеландии Веллингтоне в период подготовки 12-го Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, Дэнн Оппфелт несколько раз посетил советское посольство, заявляя, что входит в состав новозеландского подготовительного комитета и занимается формированием национальной новозеландской делегации на молодежный форум. Однако вскоре выяснилось, что никакого отношения к этому Оппфелт не имеет. По заявлению членов подготовительного комитета Новой Зеландии, американский студент Веллингтонского университета действительно хотел стать членом этого комитета и войти в состав новозеландской делегации, готовившейся для поездки в Москву. Но получил отказ. И не столько потому, что являлся гражданином США. Основной причиной послужило недоверие к Оппфелту со стороны членов комитета и других прогрессивных студентов университета. У них возникло подозрение, что Оппфелт является не тем человеком, за кого себя выдает.

Одновременно с попытками любой ценой попасть на фестиваль в Москву, Дэнн Оппфелт продолжал искать «дружбу» среди моряков советских судов, заходивших в порт Веллингтон. Как и прежде использовал проверенный метод: предлагал порнографические издания, а также организовывал покупку товаров по более низкой цене, чем в магазинах. Приглашал провести время, свободное от вахт, и по-прежнему не забывал расспрашивать новых знакомых о работе, состоянии судов, их задачах и маршрутах.

В этот период Оппфелт был замечен в городе в одной компании с еще одним «другом», установленным сотрудником ЦРУ Сартейном.

Прошло несколько лет. Повеяли ветры перемен. Закрытая прежде Камчатка стала открываться миру. И вот в 1992 г. Дэнн Оппфелт вновь появляется в России. Если ранее он в основном выступал в общении с советскими гражданами в качестве простого переводчика, то в Петропавловске-Камчатском он заявляет о себе уже в качестве коммерсанта. Сведущие в коммерции люди, имевшие деловые контакты с американцем, в один голос уверяют, что большого коммерсанта из Оппфелта не выйдет. Не та хватка, нет необходимой для такого рода деятельности деловой жилки. Отсюда невысокие доходы в его предпринимательстве, шараханье от одного коммерческого проекта к другому. Если не коммерческие дивиденды, то что удерживает мистера Оппфелта на Камчатке? Может быть, все та же труднообъяснимая тяга к приобретению новых друзей? С момента своего появления на полуострове он стал интересоваться его социально-экономическим состоянием, налаживанием контактов среди представителей государственной чиновничьей службы. Да и крутясь среди коммерсантов можно узнать немало.

В ноябре 1995 г. судьба свела Оппфелта с одним из офицеров Тихоокеанского флота. Госпожа Удача как будто вознаграждала американца за его долгие скитания по свету в поисках «настоящих друзей». Чтобы не ошибиться, Оппфелт навел о нем справки. К счастью одного и на беду другого, оказалось, что офицер-бедолага уже в течение длительного времени не получает причитающееся ему от государства денежное содержание. «Ничего, за граница вам поможет», – наверное, так подумал «друг» из США. И предложил поправить материальное положение. Но... «Ты мне – я тебе». За сумму всего лишь в 330 долларов США Оппфелт заполучил интересовавшие его сведения. А именно не что иное, как закрытые данные об обеспечивающей инфраструктуре одного из соединений Тихоокеанского флота. И вот, вроде, все налажилось.

Только финансовая отчетность за растрату – явление обычное в Америке. Уже в феврале 1996 г., накануне своего отъезда в США, американец попытался взять с нового источника информации расписку о вручении вознаграждения. Но то ли гонорар был уже растрочен, то ли полученная сумма потеряла свою актуальность, то ли проснулась совесть и до «офицера» (вообще-то здесь неуместно это звание) дошло, что, разглашая служебную тайну, он предаст свое Отечество... Словом, «военный друг» в расписке отказал.

Это событие не удалось скрыть от зоркого ока военной контрразведки. Офицер был склонен к чистосердечному признанию и явке с повинной. В настоящее время по факту передачи закрытых материалов военной контрразведкой проводится проверка.

Но вернемся немного назад, к биографии Дэнна Оппфелта. Оказывается, ничего спонтанного и незапланированного в его жизни никогда не было. Все путешествия, знакомства, «случайные друзья» – результат профессионально отлаженного труда разведчика. Все это оттачивалось во время службы в разведке ВМС США и на спецкурсах в Сан-Диего. Совершенствовалось в американском разведывательном центре на японском острове Хоккайдо. По словам Дэнна, он «был разведчиком четыре года» и вот с ней-то он дружит по-настоящему.

Учитывая все обстоятельства, связанные с личностью и поведением гражданина США Оппфелта Дэнна, а также его последние действия по приобретению информации о военном объекте Тихоокеанского флота, в интересах обеспечения государственной безопасности, принято решение о выдворении иностранца за пределы Российской Федерации. Что делать, если «друг» оказался вдруг...

4.9. Дело Пасько (Из книги «Адмирал ФСБ Герой России Герман Угрюмов»)

Военный журналист Павел Евдокимов («Спецназ России»):

По логике наших славных «правозащитников» и так называемых демократических СМИ», если бы Герман Алексеевич не поднял бы дело в отношении Григория Пасько, то он поступил бы правильно. Но поскольку он действовал как профессионал, то поступил плохо.

«Дело Пасько» это реальная возможность опорочить Угрюмова и вместе с ним - деятельность военной контрразведки, и всей ФСБ - лишний раз напомнить о «кровавом прошлом» этой организации. Мерзость ситуации заключается в том, что Герман Алексеевич уже никак не может ответить. Думаю, будь он жив, он выступил бы на этом процессе свидетелем, а если и нет, то не оставил бы его без своего внимания.

Хотел бы остановиться вот на каком моменте: дело Пасько разделило российских журналистов, в том числе и тех, кто специализируются на теме работы спецслужб. То есть дело Пасько стало настоящей лакмусовой бумажкой, которая выявила: кто какую позицию занимает – либеральную или про государственную. К моему великому сожалению, журналистов, стоящих на патриотических позициях, оказалось меньшинство – или же они были менее активны. На страницах газеты «Спецназ России» мы дали совершенно определенную оценку в оценке происшедшего, понимая, что это касается не «чести мундира», даже не Германа Алексеевича, который на тот момент был еще жив, а чести и интересов России.

Редакторы многих печатных органов, теле- и радиопрограмм предоставили площадь и время только тем, кто выступал в защиту Пасько -, причем апологетический, основываясь на домыслах, на «личном мнении», не особо утруждая себя аргументами, - либо как бы нейтрально, но именно «как бы». Пример: «Ольга Дурман из Владивостока сообщает. Возобновился судебный процесс по делу военного журналиста Пасько, который обвиняется в передаче японцам секретных материалов. Пасько сообщил журналистам, что до сих пор не понимает, в чем его обвиняют, и сказал, что ФСБ оказывает давление на него и на суд всеми доступными способами. Какими способами – Пасько не уточнил. Адвокат уверен, что Пасько будет оправдан». Здесь все «нейтральное» сообщение построено так, что обыватель останется в полной уверенности, что Пасько невиновен, а проклятые фээсбэшники что хотят, то и творят. Единственная критическая фраза, «спрятанная» в середине информации, - что Пасько не уточнил способов давления «органов» на суд. Но она почти незаметна для слушателя.

Вячеслав Морозов (автор книги): Павел Евдокимов процитировал информацию из утренних новостей «Радио России» от 3 декабря 2001 года. В тот же день программа новостей НТВ в 14 часов предоставила слово Григорию Пасько, который сообщил телезрителям, что ни первому, ни второму судебному заседанию он не верит. Далее комментарий: опрошены 50 свидетелей; часть документов, по заключению экспертов, переданные военным журналистом Григорием Пасько японским средствам массовой информации, не являются секретными. (А другая часть?.. - В.М.) Суд решил завершить дело и, предположительно, 25 декабря 2001 года он вынесет приговор. Адвокаты пророчествуют, что в этот день «будет продемонстрирована несостоятельность судебного процесса над журналистом». (Напоминает русскую пословицу: пророк на печи промок, а в луже высох!..) В комментарии тележурналиста Григорьева также сказано, что, по мнению Пасько, ФСБ оказывает влияние на суд - и опять-таки без уточнения, в чем это влияние заключается. Комментарий телеведущей программы ко всему выше сказанному также не прозвучал.

Павел Анатольевич Евдокимов:

Герман Алексеевич, надеюсь, прекрасно понимал, что дело это будет скандальным, что времена СССР прошли, ситуация в стране иная, что «пряников» и наград ожидать не приходится, и вся пресса обрушится на него - «душителя свободы слова». Тем не мене, он довел дело до конца, до суда.

Вячеслав Морозов (автор книги): Считаю необходимым привести еще несколько документов и комментариев коллег Угрюмова по этому вопросу, поскольку прав Павел Евдокимов: «дело Пасько» в российских и зарубежных СМИ было раздуто намеренно и превращено в очередную кампанию, организованную заказчиками - «кукловодами», с очевидной целью - бросить тень на российские спецслужбы, судебную систему, расколоть общество и журналистский корпус, а заодно и проверить на лояльность «своих»: насколько оперативно они выполнят команду «фас!». Сила печатного слова в России до сих пор велика. О телевидении разговор отдельный, это сильнейшее средство манипуляции сознанием и психикой, ибо около 80% информации человек получает через зрение (а здесь еще плюс через слух), и критически осмысливать увиденное (плюс услышанное) в «ящике» большинство попросту не в состоянии. Откровенно сказал о задачах прессы основатель журналов «Тайм», «Лайф», «Форчун» и других уважаемых изданий Г. Люс, выступая перед сотрудниками журнала «Тайм» в 1972 году: «Мнимая журналистская объективность, то есть утверждение, что автор подает факты без какой-либо ценностной оценки, является современной выдумкой, не более, чем обманом. Я это отвергаю и осуждаю. Мы говорим: «К дьяволу объективность!»

Недостатка в подобных примерах откровенности нет.

Борис Владимирович Працкевич:

Само вознаграждение за информацию, которую Пасько регулярно передавал японцам, исключает версию, что он передавал сведения, взятые только из открытых источников. Что, в «русском» отделе японских информационных агентств нет кадров, владеющих русским языком?! Абсурд!

Пасько настаивает на том, что он был борцом за экологию в Приморском регионе. Но военная контрразведка этой темы и не касается. Она говорит лишь о закрытой информации, которую «эколог» предоставлял японской стороне. Трудно говорить о нанесенном им материальном ущербе государству, но важнее ущерб, нанесенный престижу государства, обороноспособности Военно-Морскому флоту. Этим вопросом полностью занимался Герман Алексеевич, под его руководством были получены первичные материалы, которые получили дальнейшее развитие, под его руководством осуществлялось задержание Пасько после его возвращения из Японии. Он санкционировал арест и передал материалы в военную прокуратуру.

И взят был Пасько отнюдь не скоропалительно - по одному лишь подозрению. В разработке он находился года полтора-два. Вначале стала поступать информация, что он пользуется не только дозволенными, но и недозволенными способами для получения сведений, касающихся жизни Тихоокеанского флота. Потом стало известно, что японцы у себя по одному из телеканалов показали ряд эпизодов из жизни ТОФа. После детального анализа вышли на Пасько и взяли его в разработку.

Николай Алексеевич Медведев:

Я столько лет рядом бок о бок проработал с Германом Алексеевичем, что уверен абсолютно твердо: если бы не было реальных материалов, а лишь неясные зацепки - он никогда бы не дал ходу дела! А дальше я рассуждаю как оперативник и приглашаю мыслью проследовать за мной. Для того, чтобы заявить, связан ли человек с иностранной разведкой или нет, мне нужны данные, что этот человек встречался с представителями иностранной спецслужбы с соблюдением мер конспирации. Коль это было, то делаем вывод: стало быть, в такой встрече присутствует некий умысел. Если умысел имеется, то речь однозначно идет о шпионаже. Иначе зачем честному журналисту конспирировать встречу? Ну, а уж коль за «открытую информацию», преданную в условиях конспирации представителю иностранной спецслужбы, человек получил деньги, то тут не о чем разговаривать, кроме как о степени ущерба, причиненному стране передачей этой «открытой информации».

Юрий Алексеевич Мальцев:

Неоднократно приходилось слышать и читать, что процесс Пасько потому идет в закрытом режиме, что у следствия мало (или вовсе нет) аргументов, «чтобы Пасько посадить», что спецслужбы фабрикует и подбрасывают следствию документы, движимые той же целью. Я уже говорил, что все спецслужбы мира одной из главных заповедей считают завет Гиппократов врачам: **nolinocere** - не навреди! Надо ли объяснять, что существует очевидная необходимость жесткого соблюдения профессиональных тайн. Если их использовать в судебном процессе, то утечка информации явится серьезной угрозой для жизни многих лиц, которые оказывают нам содействие - в том числе и за рубежом. Руководствуясь этим правилом, мы даже пошли в «деле Пасько» на такие жертвы, как недостаточность доказательств его шпионской деятельности. И многие другие материалы мы не реализуем лишь потому, чтобы не рассекретить человека или целую цепочку помощников и участников проведенной операции. Это «азы», доступные пониманию самых твердолобых критиков.

Александр Александрович Зданович:

Из десяти экспертов, допущенных к материалам закрытого следствия, почти все признали, что деятельность Пасько причинила ущерб режиму секретности и государству, что сведения, которые передавал Пасько, составляют военную и государственную тайну.

Против Германа Алексеевича и всей нашей службы ополчилась целая стая. То, что в России еще есть что защищать, для них ничего не значит. Это люди, для которых интересы государства и граждан настолько абстрактны, что иные мотивы для них важнее. Общественные организации и их лидеры, которых финансируют источники, находящиеся вне пределов России, действуют по известному принципу: кто платит, тот и заказывает музыку. Или, как говорят одесситы, кто девушку ужинает, тот ее и танцует. Поинтересуйтесь, откуда поступают средства в ПЕН-клуб, в Фонд защиты гласности - и очень многое станет ясно.

Для меня это была не просто защита Угрюмова, это была необходимость объяснения общественности наших действий и реального объяснения действий Пасько. Хотя мы находились в стесненном положении, мягко говоря, поскольку не имеем права до решения суда и вступления приговора в силу рассказывать многие вещи, поскольку они составляют тайну следствия. Вдобавок, нас тут же обвинили бы в давлении на суд. То, что своими публикациями и выступлениями они оказывали на суд давление, - это их мало смущало. «Больше наглости» - как провозгласил один из их кумиров. Мы себе этого позволить не можем.

Мне импонировало, как держался Герман Алексеевич, поскольку вся пишущая и говорящая свора накинулась прежде всего на него как на руководителя органа. До конца его жизни продолжались попытки опорочить его как профессионала - раз, как человека, преследующего корыстных интересы, - два, и как солдафона, далекого от понимания прав человека, соотношения личности, общества и государства.

Собственно, они и не Пасько защищают, Пасько им нужен как объект - как случай показать, что они выданные авансы отрабатывают. Сегодня Пасько, завтра другой...

Информационная война - одна из самых изощренных видов войн. Почему Закон о средствах массовой информации в новой России является самым древним? Основные его формулировки были приняты в 1991 году. В 1995 году с незначительными доработками он был принят повторно. И с 1995 года в недрах СМИ периодически возникают волны различных протестов, организованных специально, чтоб Закон этот, как священную индийскую корову, никто не посмел тронуть. Другие законы можно совершенствовать, а этот - нет. Но для чего в стране существует постоянно действующий законодательный орган? Для того, чтобы принятый закон опережал создающуюся в стране ситуацию (у нас же пока законы принимают в догоняющем режиме). Созрели общественные условия, изменилась установка - надо привести в соответствие законодательство.

Почему никто не требует привести в соответствие с ситуацией в стране закон о средствах массовой информации - он что, такой универсальный и вечный, для всех времен и народов? Нет, он во многом ущербен (возьмите для примера съемку скрытой камерой и последующую демонстрацию пленки на телеэкране - это ведь грубейшее нарушение права личности!), но самим СМИ, деструктивным силам, которые их оседлали, он очень удобен: есть все условия издеваться над государством, здравым смыслом, над историей, памятью, отдельными гражданами - под видом разоблачений или поиска правды. Но за всем этим торчат «уши» заказчиков.

Вячеслав Морозов (*автор книги*): Чтобы составить собственное представление о Григории Пасько, мне пришлось расспросить нескольких морских офицеров, знавших Пасько по совместной службе на Тихоокеанском флоте. Я не стал «дробить» получившийся образ на свидетельства разных людей, дабы получился более-менее связный рассказ одного человека, ничуть не прибегая при этом к авторскому домыслу.

- Еврипид, великий греческий трагик, сказал в одной из пьес, что море смывает всю дрянь из человеческих душ. Но безоговорочно точных определений, к сожалению, в жизни почти не бывает. Галилей считал, что, Солнце стоит, а Земля вокруг него вращается, инквизиция - наоборот. Сегодня мы знаем, что Галилей был столь же не прав, сколь и инквизиция. Так и в случае с Еврипидом: и - да, и - не ко всем это можно отнести. К великому сожалению, конечно...

Человек рождается с определенным набором задатков, и некоторые, даже не получившие развития в свое время, подспудно в нем существуют, существует некоторая предрасположенность - как есть, например, у кого-то предрасположенность к заболеванию туберкулезом, а он дожил до глубокой старости и так и не узнал, что это за страшное заболевание. Благоприятные условия для этого не сложились ни разу. Есть русская пословица: не клади плохо - не вводи вора в грех. К человеку с устойчивой моралью она не относится, он и в мыслях не допустит, что можно взять чужое. Другой же поколеблется - а, никто не видит, все равно никто не узнает! - и возьмет. Всегда важна обстановка, в которую такой человек попадает, она проявляет его как лакмусовую бумажку.

Гриша попал в такой хаос, когда все началось переводиться на деньги. Кому-то такое время - во как поперек горла, а для него оно стало его временем. Отношения между нами были довольно дружескими, а в какие-то моменты и тесными. Например, когда большая группа моряков работала по обеспечению визита американцев из Сан-Диего (штат Калифорния) - города-побратима Владивостока. Администрация города, естественно, не могла не подключить флот. А раз флот подключен, то газета «Боевая вахта», где Гриша работал, чуть ли не всем составом толчется здесь же.

Гриша с английским языком был не в ладах, поэтому всегда искал человека, через которого можно было общаться с американцами. Поэтому волей-неволей он никогда не оставался с ними один на один. Надо думать, он всегда находился в поле зрения контрразведки, и все его вопросы к американцам не вызывали никаких сомнений: работал он чисто как журналист. Но слабинка у него проявилась уже тогда: тяга ко всякого рода «побрякушкам», эмблемам, значкам. Причем, если что-то ему на глаз легло - вцеплялся, как клещ. Обращался к ребятам: «Слушай, уприси этого янки, пусть подарит, а?» Мы даже посмеивались над ним: «Гриш, на кой тебе «Плэйбой» сдался! Голых баб американских не видел, что ли? Да наши девки все равно лучше». «Да нет, вы не понимаете!.. Ну, уговорите его. Может, на что поменять хочет». Махнули на него рукой: черт с тобой, цыгань на здоровье, лишь бы делом занимался. А за вожделенный сувенир Гриша мог воробья насмерть загонять!..

Заметна была его меркантильность. Например, он не шибко вкладывался, когда вместе ходили пивка попить. Если кто-то за всех рассчитался - не лез в карман за кошельком: уже ведь заплачено!.. Хотя гонораров в то время получал побольше других: он писал не только в «Боевую вахту», но и в городские газеты, журналы его печатали. А такая черта, как скупердяйство, не может быть не замеченной.

В «Боевой вахте» у них стоял бильярд, и я захаживал туда иногда - шары покатать. Как-то играем, и зашел разговор, что он за доллары дает информацию иностранным

газетам. Мне это впервой: «Гриш, ты что, сдурел! За баксы - информацию!» «А что? Им главное, чтоб она была горячая, Знаешь, какая у них там конкуренция - ого! А когда твоя газета вперед всех новости печатает, ее первую и раскупают. Создается и имидж самой оперативной газеты». «И помногу они платят?» «По-всякому».

Однажды играем с Колей Литковцом, собкором «Красной Звезды» по Приморью - а он был заядлый бильярдист, появляется Гриша. Коля сквозь зубы: «О, блин, явился! Сейчас «зеленью» трясти начнет». «Как понять?» «Да недавно решили партейку на деньги сыграть, чтоб нервы пощекотать маленько, так Гриша вынул баксы и давай нас раззадоривать: ну кто? ну кто? На «деревянные» не играю, мол, только на валюту. Ни у кого валюты неоказалось. Спрашиваем: откуда у тебя? Отвечает: не ваши проблемы, работать надо уметь!»

Методы работы разведки везде практически одинаковы. Отличие – в нюансах, которые должны учитывать русский характер, характер англичанина, японца, американца. Вербовщик должен четко знать, на чем он может сыграть, а каких вопросов ни в коем случае не должен касаться, учитывая национальную особенность вербуемого. А играют в первую очередь на человеческих слабостях, это общеизвестно: тому сто долларовую бумажку надо показать, другому красивую бабу подсунуть, третьего продвинуть на высокий пост - и так далее. Жадность всегда бросается в глаза в первую очередь. Надо, чтобы «клиент» заглотил наживку, а потом ему организуют процесс постепенного втягивания. Гриша на этом и попался, что втягивали его и постепенно, и умело.

В постепенной разработке человек узнается все глубже и глубже, открывает другие слабости. Выполнил маленькую просьбу - ему заплатили, посмотрели: как отреагировал? Сразу взял, не сразу, загорелись ли глазки, что сказал при этом - проанализировали. Попросили еще об одной услуге...

Я слышал такую историю: журналистов из Географического общества попросили прислать телефонный справочник - за деньги, естественно. Потом; попросили уточнить кое-что и кое-что добавить. Тоже оплатили. Потом столь же вежливо попросили сделать обобщенный справочник на администрацию Владивостока: фамилию, имя, отчество, домашние и служебные телефоны, возраст, домашние адреса, увлечения. То есть - установочные данные на первых лиц города. Сумма оплаты возрастает - причем, заметно: это ж не изданную в типографии книжку почтой послать. Далее следует еще более деликатная просьба: нам бы надо встретиться с таким-то товарищем по вопросу инвестиций в городское коммунальное хозяйство, а на какой козе к нему подъехать - не знаем. И вроде дело обоюдно выгодное, и сорваться может из-за какой-то ерунды. Если можно, охарактеризуйте этого чиновника поподробнее, в долгу не останемся. То есть к установочным данным плюсятся характеризующие данные... Чужая разведка, получив такие сведения, уже имеет неплохую информацию и использует ее в своей игре. Ну, а что такого совершил наивный журналист? Да ничего! И за это «ничего» получил 300 или 500 долларов. А всего-то три раза мизинцем пошевелил! Ну, и каким же дураком надо быть, думает он, чтоб отказываться от сотрудничества с такими милыми и щедрыми людьми!..

То же самое происходило с Гришей. С 1994 года он начал выполнять подобные поручения. Я даже уверен, что он не осознавал - куда его втягивают и кто. Просьба плёвая, деньги за ее исполнение хорошие, так я их честно заработал! И на книжку отложил, и костюмчик приобрел, и на пиво хватает - умеи работать. Думаю, деньги обоштрили в нем чувство самодовольства и одновременно профессиональной зависти. Он

не раз, словно между прочим, говорил, что давно готов заменить главного редактора. Парни его спрашивали: «Гриша, а на что тебе этот «хомут»? Ты глянь только на Юру Отёкина: голова постоянно занята, времени на жизнь не хватает, без конца вызывают на «ковёр» в Политотдел: раз похвалят, пять раз шею намылят. Тебе это надо?» «Эх, мужики, работать надо уметь. Я и не такое потяну!»

В начале 1995 года, как мне говорили, Отёкин впервые заявил, что ему пора уходить с поста главного редактора «Боевой вахты». На его место предложили Николая Литковца - моряк, крепкий журналист. Гриша занервничал, забегал по кабинетам: почему Литковца, а не его?! Коля узнал про это, пришел к нему и спрашивает напрямик: какого черта ты лезешь не в свои сани? Пригрозил еще: не дай Бог узнаю, что сеешь крамолу - я тебе устрою тараканьи бега!.. Гриша «разборок» испугался, ответил, что на пост главного не претендует.

Вскоре я повстречал его на улице: Гриша шагает в форме цвета хаки. Объяснил, что написал рапорт, улетает в Чечню, поскольку тут что-то у него не складывается. Попрощались. Недели через две опять случайно его увидел на улице, сначала подумал, что обознался. А тут ребята из «Боевой вахты». Спрашиваю их: «Парни, сейчас только прошел тут один, очень похожий на Гришу Пасько. Но Гриша-то должен в Чечне находиться: сам мне говорил. Даже попрощались с ним». «Что ты это трепло слушаешь? Какая Чечня!..»

В общении с дамским полом он возможности не упускал, если таковая представлялась. Еще с львовских курсантских времен. Но, скорее всего, эту его слабость не использовали. Или не успели.

Подполковник Сергей Н - вич:

О том, как Пасько попал в наше поле зрения. Первичная информация такая: он активно общается с американцами, с японцами. Общение это никаких подозрений не вызывает: все в рамках его профессии. Парень коммуникабельный, как и положено быть журналисту, наш человек - офицер, капитан 2 ранга. Была мысль - сделать из него нашего агента. Однако после первичной проверки от этой затеи отказались, понав, что с его данными это будет либо двойник, либо попросту завалит всю работу.

Не секрет, что если контрразведка отмечает человека, контактирующего с иностранцами, то начинает его рассматривать как возможного негласного помощника. Так действуют на всех континентах... кроме Антарктиды, наверное. И то потому, что пингвины вербовке не поддаются. Естественно, идет первичная проверка: насколько человек способен выполнять те или иные поручения.

Когда начали проверять Пасько, сразу выяснили, что он с легкостью продается. Отошли от него. По своим каналам мы знали, что идет утечка секретной информации, проверили всю военную контрразведку на чистоту погон - все наши офицеры оказались безупречны. Стали анализировать, делать прогнозы. Вышли на журналистский канал. По итогам года собрали всю информацию по журналистам и бывшим сотрудникам политотдела. В политотделе на ТОФе существовал такой подотдел с названием «Спецпропаганда», в котором работали и журналисты, и те, кто закончил ВИИЯ - Военный институт иностранных языков. Суммировали всех, кто мог представлять для иностранцев интерес как источник информации. Тогда Григорий и попал опять в наше поле зрения в числе **пяти человек**, которых мы выделили из общей категории. Один из них работал с японской телекомпанией Эн-Эйч-Кей. Мы провели с ним профилактическую беседу, он сразу все понял и ответил: «Ребята, спасибо, что остановили! Я готов грести в обратную сторону».

Поначалу думали, что то же будет и с Гришей. После первичной беседы с ним, проведенной в закамуфлированной форме, чтобы не выдать наш интерес к нему, оказалось, что нет: парень увяз и, главное, это его устраивает. Его контакты уже к началу его разработки носили устойчивый и осознанный характер. Контакт его был не эпизодическим, а долговременным. Он вполне целенаправленно и осознанно шел на развитие «межнациональных» отношений и развивал их на перспективу.

Доложили об этом Герману Алексеевичу. Он попросил максимальный подбор показательств. К моменту ареста Пасько военная контрразведка имела их в достаточном количестве - проверенных и перепроверенных. Остальное известно.

Извлечения

...7. На момент рассмотрения дела заявитель был офицером военно-морского флота и работал военным журналистом в газете Российского Тихоокеанского флота «Боевая вахта». Статьи заявителя затрагивали, главным образом, проблемы загрязнения окружающей среды и другие вопросы, связанные с деятельностью Российского Тихоокеанского флота.

...8. По утверждению заявителя, он был внештатным сотрудником японской телекомпании NHK, и японской газеты, «Асахи симбун», и предоставил их представителям, в частности аккредитованным журналистам г-ну Т. Дз. и г-ну Т.О., общедоступные сведения и видео материалы. Правительство, в этой связи, утверждало, со ссылкой на свидетельские показания редактора и заместителя редактора «Боевой вахты», что заявитель не имел полномочий сотрудничать с г-ном Т.О., кроме сопровождения последнего во время посещения российских военных подразделений и информирования г-на Т.О. о работе газеты «Боевая вахта». По утверждению Правительства дальнейшее сотрудничество с г-ном Т.О. было осуществлено заявителем по собственному желанию, и об этом сотрудничестве он не докладывал своему начальству. Заявитель настаивал, что начальство знало и дало согласие на его сотрудничество с японскими журналистами.

А. Арест заявителя и предварительное заключение

9. 13 ноября 1997 года таможенники аэропорта г. Владивостока обыскали заявителя, собиравшегося вылететь в Японию с целью командировки, и изъяли несколько документов под предлогом того, что в них содержались секретные сведения. Впоследствии заявителю позволили продолжить поездку.

10. 20 ноября 1997 года в отношении заявителя Федеральной Службой Безопасности (ФСБ) было возбуждено уголовное дело в связи с вышеуказанным эпизодом, и по возвращении из Японии он был арестован. Заявитель был помещен в следственный изолятор IZ 20/1 во Владивостоке, где его держали до предъявления первого обвинения 20 июля 1999 года.

11. В ночь с 20 на 21 ноября 1997 года сотрудники ФСБ провели обыск на квартире заявителя, были изъяты документы и компьютер. Спустя некоторое время компьютер был возвращен заявителю.

12. 28 ноября 1997 года заявителю было предъявлено официальное обвинение в государственной измене в форме шпионажа. Обвинение было основано на предварительном заключении экспертных групп, назначенных Восьмым управлением штаба Тихоокеанского флота, которые пришли к выводу, что в документах, изъятых 13 и 20 ноября 1997 года, содержались сведения, относящиеся к государственной тайне...

... Суд не может не согласиться с доводами национальных судов и Правительства, что будучи офицером, проходящим воинскую службу, свобода действий заявителя была ограничена служебными обязанностями (см. дело *Хадзианастассиу*, приведенное выше, § 46). Суд также считает, что разглашение сведений о военных учениях, которые заявитель собрал и хранил, могло нанести значительный урон национальной безопасности. Конечно, заявитель в действительности не передавал указанные сведения иностранному гражданину. С другой стороны, Суд не упустил из виду и тот факт, что его приговор был очень снисходительным, и назначенный

срок - намного меньше чем предусмотренный законом минимум, в частности если сравнить лишение свободы сроком на четыре года с лишением свободы сроком на двенадцать – двадцать лет и конфискацией имущества (см. пункты 28 и 37 выше).

87. В целом, Суд отмечает, что заявитель был признан виновным в государственной измене в форме шпионажа как офицер, проходящий воинскую службу, а не как журналист, в связи со сбором и хранением сведений, составляющих государственную тайну с намерением передать их гражданину иностранного государства. Материалы, представленные Суду доказывают, что национальными судами были тщательно исследованы обстоятельства дела заявителя, изучены доводы сторон, и в основу выводов судов лег ряд доказательств. Их решения обоснованны и мотивированны. Взвесив все вышеуказанное, Суд считает, что национальные суды не переступили границы свободы усмотрения, предоставленные национальным властям в вопросах, связанных с национальной безопасностью (см. дело *Хадзианастассиу*, приведенное выше, § 47). Представленные доказательства говорят о разумной степени пропорциональности использованных средств и преследуемой законной цели. В материалах дела нет ничего, подтверждающего утверждение заявителя о том, что его осуждение было чрезмерным или политически мотивированным, или что его преследовали за его публикации.

88. В свете вышеизложенного, Суд находит, что в настоящем деле не имело место нарушение статьи 10 Конвенции.

89. Далее Суд отмечает, что жалобы заявителя по статье 7 Конвенции затрагивают те же факты, что были изучены в рамках статьи 10 Конвенции. Учитывая выводы по жалобе, поданной по статье 10, Суд не видит необходимости изучать эти жалобы отдельно.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

1. *Постановляет* шестью голосами против одного, что не имело место нарушение статьи 10 Конвенции;

2. *Постановляет* единогласно, что жалобы заявителя по статье 7 Конвенции не поднимают отдельного вопроса.

Выполнено на английском языке, представлено в письменной форме 22 октября 2009 года, в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

4.10. Ю.Ф. Федоров. Друзья, прекрасен наш союз!

В феврале 2008 г. закончилась моя тридцатитрехлетняя военная служба, из которых двадцать восемь лет было отдано работе в органах военной контрразведки. К моему счастью, в этот сложный период перехода от военной жизни к гражданской рядом оказались боевые друзья и сослуживцы, в первую очередь, контр-адмирал запаса Николай Николаевич Соцков, уже хорошо познавший «прелести» гражданской жизни. Во время одной из наших встреч он предложил организовать общественную организацию ветеранов органов госбезопасности. Он сообщил, что с 2004 г. в Москве действует некоммерческое партнерство «Союз ветеранов госбезопасности», президентом которого является Валентин Федорович Тимофеев, генерал-майор запаса и очень уважаемый в чекистской среде человек. После консультаций с Валентином Федоровичем и общения с наиболее активными ветеранами во Владивостоке было принято решение создать «Союз ветеранов госбезопасности Приморского края» при патронаже и поддержке Московской организации.

Союз был создан 17 декабря 2008 г. Подобрали офис на Ялтинской-5, издали номер журнала «Чекист Приморья» с изложением в нем Устава организации, целей и задач ее создания, биографических данных членов Правления. Изготовили бланки грамот, благодарностей, удостоверений членов СВГБ ПК. В настоящее время организовано тесное взаимодействие с президентом СВГБ В.Ф. Тимофеевым, благодаря которому мы регулярно получаем памятные знаки, медали, печатные издания с символикой СВГБ. За прошедшие три года 109 ветеранам органов безопасности в торжественной обстановке вручены памятные награды СВГБ, 50 ветеранов отмечены грамотами и благодарностями, а 15 ветеранам преклонного возраста, нуждающимся в материальной поддержке, были вручены солидные денежные премии.

Н.Н. Соцков (слева) вручает памятную награду СВГБ контр-адмиралу в отставке Е.Н. Дружину. 19 декабря 2008 г.

Н.Н. Соцков (слева) вручает памятную награду СВГБ ветерану «СМЕРШ» С.И. Десятисильному. 19 декабря 2008 г.

В интересах создания истории Союза, накопления информации о деятельности членов организации на Ялтинской-5 создан музей СВГБ ПК.

Дополнительное помещение под музей безвозмездно предоставило ООО «Завод-179», ремонт и оборудование музея произвели за счет пожертвований ЗАО «Крокус». В настоящее время, по решению Правления СВГБ ПК организована работа по созданию и обустройству в районе ул. Крыгина и Ялтинская сквера имени Героя Советского Союза Михаила Петровича Крыгина. Наша инициатива нашла горячую поддержку у главы Думы г. Владивостока Валерия Михайловича Розова и главного федерального инспектора Николая Николаевича Шилина. Надеемся открыть сквер к 20 декабря 2012 г.

За эти годы основными источниками финансирования организации являлись членские взносы и пожертвования физических и юридических лиц. Наибольшую поддержку нам оказывали и оказывают ООО «Завод-179» (П.Ф. Сокол, В.Л. Коваль), ОАО «Примвторчермет» (А.И. Сергеев), ЗАО «Портатив» (А.В. Домин), ООО «Санито» (А.А. Ушаков). Все перечисленные руководители являются активными деятелями нашей организации. Одна из главных задач союза – создание условий для взаимного общения ветеранов. Мы организовали и провели пять крупных торжественных мероприятий, посвященных значимым датам. В каждом мероприятии участвовало от 70 до 100 человек. Самое главное, ветераны начали активно общаться между собой и помогать друг другу.

Особую благодарность хочу выразить члену СВГБ ПК Дубинкину Владимиру Александровичу. В ряде случаев, когда ветеранам нужна была медицинская помощь (в отдельных случаях экстренная), наш профессор активно включался в работу и вместе со своими коллегами-медиками делал все возможное и невозможное. Хотелось бы высказать искреннюю признательность начальнику медслужбы УФСБ по ПК Геннадии Михайловичу Куксову, начальнику ФИНО УФСБ по ПК Юрию Владимировичу Криничкому, которые незамедлительно решают все вопросы наших ветеранов, иногда возникающие при их медицинском и фи-

нансовом обеспечении. Мы благодарны Борису Семеновичу Малышеву и его верному соратнику Юрию Матвеевичу Харламову за большую помощь ветеранам, благодаря которой они стали видеть четче и дальше. Неоценимую помощь в трудоустройстве многим нашим ребятам оказывали и оказывают Николай Николаевич Соцков, Виталий Иванович Добровольский,

Владимир Михайлович Миронов, Вадим Константинович Мироненко. Выходы ветеранов в море, выезды на охоту и рыбалку, проведение «крещенских купаний» стали возможны благодаря наличию высоких организаторских и душевных качеств у члена Правления СВГБ ПК Владимира Дмитриевича Бугаева. Турниры по бильярду и шахматам успешно организуют и проводят Петр Федорович Сокол и Борис Игоревич Завадовский.

Конечно, ветераны всегда были и будут благодарны поддержке тех отделов и управлений, в которых прошла их служба. Лично я горжусь тем, что служил в военной контрразведке и особенно тем, что пять лет прослужил под руководством генерал-полковника Александра Георгиевича Безверхнего, который и в настоящее время возглавляет Департамент военной контрразведки ФСБ РФ. Многие ветераны благодарны Александру Георгиевичу и его подчиненным за их внимание и моральную поддержку.

Доброе слово, выражение благодарности за безупречную службу, личное участие руководителей в торжественных мероприятиях – для ветеранов это дорогого стоит. Здесь особо хочу подчеркнуть, что руководители УФСБ РФ по ТОФ, и бывшие, и ныне действующие, в работе с ветеранами свято следовали и следуют славным чекистским традициям. Пользуясь случаем, от имени «Союза ветеранов госбезопасности Приморского края» поздравляю ветеранов, руководителей и личный состав нашего славного Управления ФСБ России по Тихоокеанскому флоту с юбилеем. Всем желаю здоровья, благополучия, успехов в работе на благо нашей любимой России.

Председатель правления СВГБ ПК генерал-майор запаса

Ю.Ф. Федоров

4.11. А.М. Буюков, А.В. Полутов. Начальники управления военной контрразведки Тихоокеанского флота в 1932–2011 гг.

ЗАГВОЗДИН Николай Андреевич (1898-21.01.1940)

Трудовая деятельность и служба в РККА

05.1914–1916. Помощник надсмотрщика, надсмотрщик телеграфа в почтово-телеграфной конторе, с. Самарское, Демьянск Омской губернии.

1917. Слесарь на заводе «Янтек» в Екатеринбурге.

1917. Представитель Омского совета в правлении государственного пароходства на реке Иртыш.

03–04.1918. Рядовой красногвардейского отряда в Омске.

04–09.1918. Заседатель трибунала; скрывался от колчаковцев в г. Тара, с. Заливном и Тюмени.

09.1918–05.1919. Слесарь полковой мастерской в колчаковской армии, Тюмень (утверждал, что в колчаковскую армию был мобилизован насильственно во время облавы на вокзале, посажен на гауптвахту, а затем направлен в команду дезертиров).

05.1919–06.1920. Надсмотрщик связи роты связи 2-й бригады 25-й Чапаевской стрелковой дивизии.

06–08.1920. Слушатель партшколы политотдела 28-й стрелковой дивизии, Царицын.

Родился в деревне Бича Тобольской губернии в семье крестьянина-бедняка. Русский. Член ВКП(б) с марта 1918 г. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва. Образование: 2-хклассное начальное училище, Бича; 2 класса механико-технического училища, Омск (1916-1918); Курсы марксизма-ленинизма, Москва (07.1929-01.1931); Военная Академия РККА им. М. В. Фрунзе (вечернее отделение).

Служба в органах государственной безопасности

08.1920–1921. Помощник уполномоченного СО Царицынской губернской ЧК.
1921. Уполномоченный СО Царицынской губернской ЧК.
1921–1922. Заведующий ЭКО Царицынской губернской ЧК.
1922–02.1922. Заведующий СО Царицынской губернской ЧК.
02.1922–1922. Начальник СО Царицынского губернского отдела ГПУ.
1922–20.03.1923. Начальник политбюро ЧК 2-го Донского округа.
20.03.23–24.10.23. Начальник СОЧ Царицынского губернского отдела ГПУ.
15.10.1923–01.03.1924. Помощник начальника 5-го отделения СО ОГПУ СССР.
04.03.1924–31.12.1926. Заместитель начальника Нижегородского губернского отдела ГПУ и начальник СОЧ.
31.12.1926–01.05.1929. Начальник Нижегородского губернского отдела ГПУ.
12.02.1927–01.05.1929. Начальник ОО ГПУ 17-й стрелковой дивизии Московского военного округа.
01.05.1929–27.06.1929. Заместитель полпреда ОГПУ Нижегородского края, начальник СОУ.
13.04.1931–03.12.1932. Начальник Владивостокского оперсектора ГПУ.
11.06.1932–03.12.1932. Начальник ОО ГПУ МСДВ.
29.12.1932–10.07.1934. Начальник ОО ПП ОГПУ Средней Азии и ОО Среднеазиатского военного округа.
13.07.1934–26.12.1934. Начальник ОО УГБ УНКВД по Средней Азии.
13.07.1934–19.08.1937. Начальник ОО ГУГБ НКВД СССР Среднеазиатского военного округа.
26.12.1934–09.01.1935. Заместитель наркома внутренних дел Узбекской ССР.
09.01.1935–19.08.1937. Нарком внутренних дел Узбекской ССР.
28.09.1937–09.02.1939. Нарком внутренних дел Таджикской ССР.
09.02.1939 арестован. 19.01.1940 приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания. Расстрелян 21.01.1940. Не реабилитирован.

Звания: старший майор ГБ (29.11.1935).

Награды

Ордена: Красной Звезды (19.12.1937).

Знаки: «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)» (20.12.1932).

Наградной лист на Н. А. Загвоздина

(стиль и орфография сохранены)

Тов. Загвоздин сын крестьянина, с 15 лет живет самостоятельным трудом. До революции: линейный монтер телефонно-телеграфных линий и слесарь машиностроительного завода в быв. Екатеринбурге (Свердловск).

В 1918 г. был представителем от Совдепа в Управлении пароходства по реке Иртышу, был заседателем Ревтрибунала, в городах Ишим, Ялуторовск и Тюмень, вел борьбу с меньшевистским и эсеровским влиянием в Профсоюзах. В марте 1918 г. вступил добровольцем в Красную Гвардию, был пулеметчиком, нес охрану города Омска. В марте 1918 г. в одном из отрядов Красной Гвардии добровольно уехал на фронт, против чехов.

В Красной Армии был командиром отделения роты связи 28-й Дивизии, участвовал в наступлении на Свердловск и на Южном фронте - под Саратовым и до Сталинграда. Участвовал в боях.

В 1920 г. в г. Сталинграде Губкомом ВКП(б) был командирован для работы в ЧК. С этого времени работает непрерывно в органах ЧК-ОГПУ на следующих должностях: Помуполномоченного, уполномоченного, Нач. Секретного отделения, Нач. ЭКО, Нач. Политбюро 2-го

Донского Округа, Пом. Нач. 5-го отд. СО ОГПУ - Москвы. Нач. Секр.Опер. части около 3-х лет. Начальником Губотдела ОГПУ в Нижнем Новгороде (тоже около 3-х лет), Зам.ПП по Нижегородскому Краю и с февраля 1931 г. Начальником Оперсектора ОГПУ в г. Владивостоке.

За время работы в ЧК участвовал в борьбе с бандитизмом. Зимой 1920 г. лично провел дело на кулацко-бандитскую организацию в 120 человек, много лет руководил активной борьбой с меньшевиками, эсерами и др. антисоветскими политпартиями в Сталинградской и Нижегородской губерниях.

За это время вскрыл и ликвидировал десятки группировок и контр-революционных организаций с изъятием подпольных газет и листовок, типографий и т.д.

Двухлетняя работа тов. Загвоздина в г. Владивостоке совпала с периодом наших напряженных взаимоотношений с Японией, событиями в Северной Маньчжурии и усилением в связи с этими событиями активности закордонных и внутренних к-р белогвардейских сил и иностранного (особенно Японского) шпионажа.

Из закордона прибывали шпионы, диверсанты, вербовщики, организаторы банд, связники с белогвардейскими организациями, приносилась белогвардейская литература и т.д.

Внутренние к/р белогвардейские силы повели организацию и подготовку повстанческих групп, ячеек, организаций.

Иностранные резиденты-шпионы бешено разворачивали огромную сеть шпионов, разведчиков, вредителей и т.д.

Этой активной контрреволюционной деятельности способствовало наличие в г. Владивостоке со времени интервенции остатков белобеженцев, огромного количества (в тысячах) разного к-р элемента: бывших белых офицеров, контрразведчиков, помещиков, министров, купцов, спекулянтов, кадетов, эсеров, меньшевиков и т.д. - всех белогвардейских правительств и армий, политических мастей и оттенков.

Тов. Загвоздин, будучи крепким большевиком, опытным чекистом, сумел направить свой чекистский аппарат на борьбу с этой активностью к-р сил.

В результате его работы были своевременно вскрыты и ликвидированы многочисленные антисоветские и повстанческие группировки и организации, вскрыта большая сеть японских и прочих иностранных шпионов, вскрыты и ликвидированы вредительские организации специалистов, связанных с японцами.

Для характеристики этих дел можно привести следующие:

1. Дело к-р вредительской и шпионской организации на Дальзаводе - 6 человек специалистов. Эта организация, начиная с 1925 г., имела связь с японцами, по заданиям которых: приводила завод в состояние нерентабельности (вредительствовала в капитальном строительстве, удерживала в течение 6-ти лет реконструкцию завода, вредительствовала в судоремонте, отвлекала завод от прямого назначения и т.д.) и создавала благоприятные условия для отправки судов на ремонт в японские доки.

2. Дело к-р вредительской, шпионской организации в угольной промышленности ДВК - Обвиняемые имели также связь с японцами, по заданиям и на деньги которых: а) вели шпионскую работу по сбору сведений геологического характера о наличии запасов угля; б) вредительствовали на Черновских копях, в результате чего создавали на Забайкальской дороге пробки, так как последняя питается Черновским углем; в) вели подготовку диверсионных актов на случай войны с Японией.

3. Дело к-р вредительской организации в Совторгфлоте - 6 человек. Также по заданиям японцев и бывших владельцев пароходов организация проводила: а) вывод из строя пароходов СТФ; б) создавала условия для передачи ремонта пароходов в Японские порты; и) составляла вредительские проекты и т.д.

4. Дело повстанческой к-р организации, возглавляемой Б/Б Рогатюком - 4-го февраля с.г. ликвидирована к-р повстанческая организация в количестве 15 человек, возглавлявшаяся бе-

лым Рогатюком. Организация вела вербовку среди бывших людей. Цель организации в момент вторжения Японии на Дальний Восток произвести восстание, перебить руководящих партийных и советских работников. По приговору - 18 человек расстреляно, 1-му - 10 лет концлагеря и на 1-го дело выделено.

5. Дело повстанческой организации бывшего жандарма Ромбаева – Ромбаев быв. жандарм, Коняшкин - б/прапорщик. Никольский - б/полковник, Апелесов - б/прапорщик, Ручинский - командир запаса РККА, работая в Доме Обороны - создали повстанческую группу, вербуя новых лиц, ставили задачу создать контрреволюционную повстанческую офицерскую организацию и путем захвата складов с оружием - поднять вооруженное восстание.

6. Дело к-р офицерской повстанческой организации б/б офицера Маевского – 9 человек активных участников белого движения на ДВК создали повстанческую группу «Своих людей»: 1) Маевский П. П. - бывший лидер партии к-д, 2) Маевский М. П. его сын, 3) Баев - бывший офицер, каратель-калмыковец, 4) Гес-де-Кальве - быв. владелец нотариальной конторы, 5) Подъяпольский - быв. полковник, 6) Жебровский - быв. пароходовладелец, 7) Сейфилин - быв. генерал, 8) Сахаров - быв. генерал, 9) Анусевич - быв. крупный торговец.

Во время конфликта на КВЖД повстанческая группа занялась вербовкой новых членов и ставила задачу организации повстанческого отряда в тылу Красной Армии с целью поднятия крестьянского восстания. Проводила нелегально молебны за восстановление монархии и падение Соввласти, имела связь с белогвардейцами закордона.

7. Дело к-р организации Тихоновского духовенства и монашества - Местные попы создали организацию числом 80 человек, охватив своей сетью г. Никольск, Спасск и Хабаровск, ставя целью: 1. Организованная помощь контрреволюционерам, находящимся в местах заключения, путем сбора пожертвований и отчислений, массовыми передачами, созданием нелегальной почтовой связи, содействие в побегах из мест заключения, распространение среди заключенных специальных к-р листовок. 2. Создание нелегальных монастырей-убежищ для раскулаченных. 3. Систематическая антисоветская агитация и распространение провокационных слухов. 4. Изготовление и распространение контрреволюционной литературы и листовок. 5. Связь с представителями иностранных государств и белоэмигрантами.

8. Дело китайской национальной фашистской организации «Зай-Да-Ли» - 46 человек. Организация национал-фашистская с руководящим центром в Китае. Во главе организации стоит военная знать как Чан-Кай-Ши и другие и крупные фабрично-заводские предприниматели, организация чрезвычайно многочисленная. На советской территории организация преследовала цель срыва производственных программ на предприятиях, где заняты китайские рабочие, проводила организационные террористические акты над руководящими партийными работниками китайцами и активными рабочими членами профсоюза, имели широкую связь с хунхузскими шайками и их руководителями, каковые, как правило, состоят членами этой организации. Организация противопоставляла себя профсоюзам и коммунистической партии. Организованно проводя агитационно-пропагандистскую работу среди восточных рабочих и колонии вообще направляла свою деятельность к срыву мероприятий, проводимых партией и правительством. В Приморье свою работу сосредоточила, главным образом во Владивостоке и на Сучанских копях, имея тесную связь с закордонным руководящим центром организации. Состав организации в большинстве своем является элементом не трудовым: торговцы, контрабандисты, хунхузы, содержатели всевозможных притонов и т.д. Руководящая головка организации и ее наиболее активные члены выявлены и арестованы. Всего руководителей и активных членов организации изъято 46 человек.

9. Дело шпионской сети шпиона-резидента японца Сакато Хидетаро. – У шпиона-резидента Сакато вскрыта и арестована большая сеть лиц, работавших в разных совучреждениях и занимавшихся сбором сведений шпионско-разведывательного характера, по которой репрессировано 55 человек.

Исключительно успешно проведена работа по очистке района Владивостокского Оперсектора и самого города. Произведено изъятие 1.500 единиц разного боевого оружия. В момент пребывания на территории Владивостокского Оперсектора банды Куксенко, тов. Загвоздин лично руководил боевыми действиями из Войск и не дал возможности банде выполнить основное задание – разрушение Сучанских угольных копей.

Вся эта работа Владивостокского Оперсектора проходила под личным руководством тов. Загвоздина.

Владивостокский Партком, заслушав 31 октября доклад о работе Оперсектора, отметил большие достижения в деле борьбы с к-р, шпионажем, вредительством, очистку города от классовых врагов - также ходатайствует о награждении тов. Загвоздина Орденом Красного Знамени.

***ВИЗЕЛЬ Яков Савельевич**
(03.1900-09.1937)*

Трудовая деятельность и служба в РККА

11.1916–08.1918. Гравер на фабрике, Житомир.

08.1918–04.1919. В РККА: красногвардеец Красногвардейского отряда, Житомир.

04–07.1919. Рядовой 30 стрелкового полка, Юго-Западный фронт; контужен, ранен 07.1919, на излечении, Москва до 09.1919; рядовой, курсант 3-й военно-инженерной школы, Самара 09–11.1919.

03–06.1922. Политрук 75-й саперной роты, г. Белая Церковь.

Родился в семье служащего лесопильного завода в Житомире. Еврей. Член партии Еврейской социал-демократической рабочей партии (Поалей Цион), 02.1917–01.1919. В ВКП(б) с 12.1920 (член РКСМ, 1919–1920). Образование: 5 классов вечерней гимназии для взрослых, Житомир 03.1917–03.1918; военно-инженерные курсы, Самара 1920; военно-педагогическая школа, Киев 07.1922–04.1923.

Служба в органах государственной безопасности

01.11.1919–1920. Помощник уполномоченного по борьбе с бандитизмом Самарской губернской ЧК.

01.12.1920–09.1921. Помощник уполномоченного по борьбе с бандитизмом Новоград-Волынской уезд. ЧК.

09–12.1921. Политрук продотряда, г. Новоград-Волынский; нач. ОББ Новоград-Волынской уезд. ЧК 15.02.-03.1922.

15.03–15.08.1923. Помощник уполномоченного по шпионажу Вологодского губернского отдела ГПУ.

15.08–19.09.1923. Уполномоченный ИНФАГО Вологодского губернского отдела ГПУ; помощник уполномоченного КРО Вологодского губернского отдела ГПУ 19.09.1923–31.01.1924.

31.01–02.1924. Помощник уполномоченного по учету сети Вологодского губернского отдела ГПУ.

01.03.1924–29.04.1925. Уполномоченный ИНФО Шепетовского окружного отдела ГПУ.

29.04.1925–01.01.1927. Уполномоченный ОУЧ ГПУ УССР.

01.01.1927–07.01.1928. Начальник 1-го отделения ИНФО ГПУ УССР.

13.01–01.11.1928. Помощник начальника 2-го отделения ИНФО и ПК ОГПУ СССР.

01.11.1928–01.11.1929. Начальник 7-го отделения ИНФО и ПК ОГПУ СССР.

01.11.1929–22.03.1930. Помощник начальника ИНФО и ПК ОГПУ СССР.

22.03.1930–03.1931. Начальник ИНФО ПП ОГПУ по Московской области.

03–28.08.1931. Начальник СПО ПП ОГПУ по Московской области.

08.1931–03.1932. Главный инструктор Главной вооруженной охраны МНР, Улан-Батор.

14.03–08.09.1932. Начальник ОО ОГПУ Забайкальской группы войск ОКДВА, Чита.
 08.09.1932–28.09.1933. Начальник ОО ОГПУ Приморской группы войск ОКДВА, Никольск-Уссурийск.
 28.09.1933–10.07.1934. Начальник Приморского областного отдела ГПУ, Владивосток.
 28.09.1933–10.07.1934. Начальник ОО ОГПУ МСДВ, Владивосток.
 10.07.1934–08.1937. Начальник ОО ГУГБ МСДВ – ТОФ, Владивосток.
 15.07.1934–08.1937. Начальник УНКВД Приморской области, Владивосток. Арестован 08.1937 в Хабаровске. Отравился и умер во время следствия во внутренней тюрьме УНКВД по Дальневосточному краю. Реабилитирован посмертно.

Звания: Капитан ГБ (30.12.1935).

Награды

Знаки: «Почетный работник ВЧК-ГПУ (V)» № 762 (1932), «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)» (1934).

ДИМЕНТМАН Михаил Иосифович (Осипович)
 (1903– 27.07.1941)

Трудовая деятельность

Ученик на рыбном промысле братьев Солдатовых, Астрахань 05.1916–01.1918; счетовод Астраханского губ. продкома 01.1918–07.1918; зам. зав. орг. отд. Астраханского губкома РКСМ, секретарь горкома—райкома РКСМ, Астрахань 07.1918–08.1920.

Служба в органах государственной безопасности

Родился в семье портного в Туле. (Отец имел мастерскую, в которой работали один-два ученика).

Еврей. В ВКП(б) с 04.1920 (член ВЛКСМ, 1918–1927).

Образование: приходское училище, Астрахань (1914–1915); Высшая пограничная школа ОГПУ (10.1925–01.1927).

08.1920–12.1921. Уполномоченный ОО 1-й армии, Красноводск.

12.1921–03.1922. Начальник СО Туркменской обл. ЧК, Ашхабад.

03.1922–05.1923. Начальник СО Туркменского обл. отд. ГПУ.

05–07.1923. Уполномоченный Туркменского обл. отд. ГПУ по Тедженскому уезду.

07–08.1923. Уполномоченный СО ПП ОГПУ в Туркестане.

08.1923–02.1924. Уполномоченный Туркменского обл. отд. ГПУ по Мервскому уезду.

02–09.1924. Начальник Красноводского пограничного отряда ОГПУ.

09.1924–10.1925. Заместитель начальника ВО Туркменского обл. отд. ГПУ.

01–05.10.1927. Уполномоченный УПО и войск ГПУ ПП ОГПУ по Средней Азии.

05.10.1927–10.07.1928. Комендант пограничного участка 47 Узбекского пограничного отряда ОГПУ.

10.07.1928–01.04.1929. Комендант Отдельной Сурхан-Дарьинской пограничной комендатуры ОГПУ.

01.04.1929–06.1930. Заместитель коменданта Отдельной Сурхан-Дарьинской пограничной комендатуры ОГПУ.

18.06–01.10.1930. Начальник Сурхан-Дарьинского окружного отдела ГПУ.

18.06.1930–13.03.1931. Начальник ОО 3-й горно-стрелковой дивизии.

13.01–02.1931. Начальник Термезского оперативного сектора ГПУ, Термез.

02.1931–1933. Начальник отделения ОО ПП ОГПУ по Средней Азии.

1933–14.02.1934. Помощник начальника ОО ПП ОГПУ по Средней Азии.

14.02–10.07.1934. Заместитель начальника ОО ПП ОГПУ по Средней Азии.
 14.02–10.07.1934. Заместитель начальника ОО ОГПУ Среднеазиатского ВО.
 10.07–04.11.1934. Заместитель начальника ОО ГУГБ НКВД Среднеазиатского ВО.
 04.11–12.1934. Начальник ОО УГБ НКВД Узбекской ССР, Ташкент.
 09.11.1934–09.02.1935. Заместитель начальника ОО ГУГБ НКВД Среднеазиатского ВО.
 12.1934–09.02.1935. Заместитель начальника ОО УГБ НКВД Узбекской ССР, Ташкент.
 09.02.1935–14.12.1936. Начальник ОО УГБ УНКВД Саратовского края.
 14.12.1936–25.09.1937. Начальник 3-го отдела УГБ УНКВД Саратовской области.
 03.01.1937–25.09.1937. Помощник начальника УНКВД Саратовской области.
 25.09.1937–22.10.1937. Начальник ОО ГУГБ НКВД ТОФ.
 25.09.1937–13.06.1938. Начальник УНКВД Приморской области, Владивосток.
 25.07.1938 арестован; приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР 07.07.1941 к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован.

Звания: Капитан ГБ (08.01.1936).

Награды

Ордена: Трудового Красного Знамени Узбекской ССР №318 (06.11.1930), Красной Звезды (04.02.1938).

Знаки: «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)» (20.12.1932).

ОСМОЛОВСКИЙ Виктор Иосифович (1907 - 29.08.1938)

Трудовая деятельность

Сотрудник для поручений, письмоводитель народного комиссариата юстиции Белоруссии 11–12.1920.

Служба в органах государственной безопасности

12.1920–02.1922. Оперативный сотрудник Белорусской и Минской ЧК.
 02.1922–10.1924. Сотрудник ПП ГПУ-ОГПУ по Западному краю и ГПУ БССР.
 10.1924–10.1925. Курсант Высшей пограничной школы ОГПУ СССР.
 10.1925–09.1930. Сотрудник ЦА ОГПУ СССР.
 09.1930–07.1931. Оперативный уполномоченный 1 отделения ОО ОГПУ СССР.
 03.1932–01.04.1932. Оперуполномоченный 2-го отделения ОО ОГПУ СССР.
 01.04.1932–1933. Сотрудник для особых поручений ОО ОГПУ СССР.
 03.1933. Помощник начальника 5-го отделения ОО ОГПУ СССР.
 02.1934–10.07.1934. Помощник начальника 2-го отделения ОО ОГПУ СССР.
 10.07.1934–16.05.1935. Заместитель начальника 4-го отделения ОО ГУГБ НКВД СССР.
 16.05.1935–03.09.1936. Начальник 8-го отделения ОО ГУГБ НКВД СССР.
 03.09.1936–12.1936. Начальник ОО УГБ УНКВД Московской области.
 03.09.1936–23.03.1937. Начальник ОО ГУГБ НКВД МВО.

Родился в Минске в семье чиновника Минского окружного суда. Белорус. В ВКП(б) с 08.1932 (член ВЛКСМ, 1924–1933). Образование: 4 класса мужской гимназии, Минск 1920.

12.1936–23.03.1937. Начальник 5-гоотделения УГБ УНКВД Московской области.

09.04.1937–08.1937. Начальник 3-гоотделения УГБ НКВД КазССР.

15.08–10.1937. Врид начальника УНКВД Уссурийской области.

22.10.1937–1938. Начальник ОО ГУГБ НКВД ТОФ.

Арестован в 1938 г.; приговорен ВКВС СССР 29.08.1938 к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован (В 50-е гг. жене было объявлено, что он умер 15.08.1939, отбывая наказание).

Звания: капитан ГБ (05.12.1935).

Награды

Знаки: «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)» (20.12.1932).

ДЕМЕНТЬЕВ Василий Федорович
(09.02.1896 - 02.02.1940)

Трудовая деятельность и военная служба

Курьер конторы Азово-Донского коммерческого банка, Петербург 04–12.1913; чернорабочий, помощник шофера, переписчик в Управлении Юго-Восточных ж. д., Петроград 01.1914–08.1915.

В армии: рядовой 1-й запасной автороты, Петроград (08–12.1915); за дезертирство был предан суду, но суд не состоялся, до 1917 г. состоял под надзором в своей части; рядовой 16-й автороты (01.1916–03.1917); сломал руку, лечился, Петроград (03–11.1917).

25.10–12.1917. Рядовой Особого конного партизанского отряда; участник захвата квартиры генерал-лейтенанта Духонина.

12.1917–01.1918. Учетчик учетного отделения Петросовета.

24.01–10.07.1918. Рядовой 1-го морского берегового отряда Балтийского флота; охранял 3-й съезд Советов.

10.07–12.1918. Матрос при орудии вооруженного судна «Коновод», Волжская военная флотилия; участвовал в боях под Казанью, Самарой, Симбирском, Ставрополем 1918–1920; председатель судового комитета судна «Коновод», Волжская военная флотилия.

20.01–10.06.1919. Матрос при орудии крейсера «Ильич», Волжско-Каспийская военная флотилия.

06–12.1919. Военком, адъютант, комендант транспортного судна «Чарджуй», Волжско-Каспийская военной флотилия.

01–07.1920. Инструктор политического отдела Каспийского флота.

07–11.1920. Инструктор батальона Каспийского полка морской экспедиционной дивизии.

11.1920–03.1921. Адъютант Отдельного батальона военных моряков, Таганрогский округ.

03–05.1921. Зав. редакционно-издательской частью политического отдела штаба обороны Восточного сектора Черноморского флота.

Служба в органах государственной безопасности

05–10.1921. Секретарь Новороссийского морского пограничного ОО.

10–12.1921. Зам. начальника Особого пограничного отделения ВЧК, секретарь СОЧ, Туапсе.

12.1921–04.1924. Секретарь СОЧ Черноморской ЧК, начальник секретно-оперативной части Сочинского погранотряда, зам. начальника и начальник Особого пограничного отделения, врид начальника КРО Черноморского окружного отдела ОГПУ, Сочи, Новороссийск.

04.1924–04.1926. Помощник инспектора, уполномоченный КРО ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю.
 07.1926–01.03.1927. Начальник 1-го отделения ЧПО ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю.
 03.1927–04.1929. Начальник отделения ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю.
 24.04–05.1929. Начальник отделения КРО ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю.
 05.1929–01.10.1930. Начальник КРО Владикавказского окружного отдела ГПУ.
 01.10.1930–28.04.1931. Помощник начальника, начальник ОО Владикавказского оперативного сектора ГПУ.
 28.04–12.1931. Помощник начальника Владикавказского областного отдела ГПУ.
 17.12.1931–05.01.1934. Помощник начальника ЭКО ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю.
 05.01–10.07.1934. Начальник ЭКО ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю.
 10.07.1934–16.08.1936. Начальник ЭКО УГБ УНКВД Северо-Кавказского края.
 17.09.1936–01.07.1937. Начальник УНКВД Чечено-Ингушской АССР.
 01.07.1937–13.08.1937. Нарком внутренних дел Чечено-Ингушской АССР.
 13.08.1937–13.06.1938. Начальник УНКВД Северной, Архангельской области.
 13.06–29.11.1938. Начальник УНКВД Приморской области.
 13.06–29.11.1938. Начальник ОО НКВД ТОФ.
 28.12.1938 арестован; приговорен ВКВС СССР 01.02.1940 к ВМН. Расстрелян. Не реабилитирован.

Звания: капитан ГБ (25.12.1935), майор ГБ (08.07.1937).

Награды

Ордена: Красной Звезды (11.07.1937).

Медали: «XX лет РККА» (22.02.1938).

Знаки: «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)» (20.12.1932).

Примечания: Отец до 1915 служил лакеем у генерала П. В. Родзянко. Умер в 1918 г. В 1921 г. в Туапсе во время партийной чистки Дементьев исключен из партии «за пьянство». Обращался с апелляциями в 1923, 1925, 1931, 1934 гг. В 1930 вновь вступил в партию кандидатом. Поручителем был М. Раев. При обмене партийных документов партийный стаж с 1919 г. был восстановлен.

СКВОЗНИКОВ Петр Николаевич, лейтенант ГБ.

Сведений нет.

ВИНОГРАДОВ Валентин Васильевич (1906-?)

Родился в г. Кушва Свердловской области. Член ВКП(б) с 1929 г.

Образование: Военно-политическая академия РККА имени Ленина, Москва (21.06.1935–25.01.1938).

Трудовая деятельность и служба в РККА

Рабочий лесоразработок в деревне Горенки Московской области (1927); секретарь волостного комитета ВЛКСМ в Загорском районе Московской области (1927–1928).

28.10.1928–01.10.1929. Красноармеец-курсант полковой школы 53-го стрелкового полка.

01.10.1929–01.10.1932. Командир отделения, ответственный секретарь бюро ВЛКСМ 10-го Отдельного местного стрелкового батальона.

10.07–25.10.1932. Политрук 3-й роты того же батальона.

25.10.1932–07.01.1934. Политрук полковой школы 54-го стрелкового

полка.

07.01.1934–15.04.1935. Инструктор политотдела 18-й стрелковой дивизии.

15.04–21.06.1935. Военком подводной лодки «Щ-30» 1-й бригады подводных лодок Балтийского флота.

21.01–23.09.1938. Старший инспектор политического управления НКВМФ, Москва.

23.09.1938–21.03.1939. Врид начальника отдела руководящих политорганов того же политуправления, Москва.

Служба в органах государственной безопасности

28.03.1939–03.1941. Начальник ОО НКВД ТОФ.

03.1941–02.1942. Начальник 3-го отдела ТОФ.

02.1942–10.07.1943. Начальник Особого отдела НКВД ТОФ.

10.07.1943–04.04.1945. Начальник ОКР «СМЕРШ» Балтийского флота.

04.04.1945–12.11.1946. Начальник ОКР «СМЕРШ» Черноморского флота.

12.11.1946. В распоряжении управления кадров МГБ СССР, Москва.

20.01.1947. Приказом МГБ СССР откомандирован в распоряжение политического управления ВМФ СССР.

Звания: майор ГБ (31.03.1939), бригадный комиссар (12.03.1941), дивизионный комиссар (27.07.1941), старший майор ГБ (28.04.1942), генерал-майор береговой службы (07.1943).

Награды

Ордена: Красной Звезды (31.05.1943), Красной Звезды (03.11.1944), Красного Знамени (29.01.1944), Красного Знамени (24.05.1945).

Медали: «За отвагу» – за успешное выполнение спецзадания (06.05.1940), «За оборону Ленинграда» (22.12.1942), «За победу над Германией» (1945), «За взятие Кенигсберга» (1945).

Знаки: «Заслуженный работник НКВД» (19.12.1942).

Оружие: Пистолет «Браунинг» (23.02.1932).

Примечание: О дальнейшей судьбе сведений нет.

МЕРЗЛЕНКО Дмитрий Павлович (17.06.1905-?)

Трудовая деятельность и служба в РККА

1917–1919. Подручный на мебельно-столярной фабрике, г. Таганрог.
 1919–1923. Учащийся 1-й трудовой школы, г. Таганрог.
 1923–1924. Рабочий на временных работах, г. Таганрог.
 1924–1927. Подмастерье-пекарь пекарни ЦРК №1, г. Таганрог.
 20.10.1927–1.05.1928. Краснофлотец учебного отряда МСЧМ, г. Севастополь.
 1.05.1928–1.06.1928. Краснофлотец крейсера «Коминтерн» МСЧМ, г. Севастополь.
 1.06.1928–9.11.1930. Командир отделения связи школы морских летчиков МСЧМ, г. Севастополь.

Служба в органах государственной безопасности

9.11.1930–8.04.1931. Практикант Полномочного Представительства ОГПУ по Нижне-Волжскому краю, г. Саратов.
 8.04.1931–1.06.1931. Штатный практикант ПП ОГПУ по Нижне-Волжскому краю, г. Саратов.
 1.06.1931–2.01.1933. Уполномоченный ОО ПП ОГПУ по Нижне-Волжскому краю, г. Саратов.
 2.01.1933–9.03.1934. Полковой уполномоченный ОО ОГПУ 32-й стрелковой дивизии, г. Сердобск Саратовского края.
 9.03.1934–1.01.1936. Полковой уполномоченный ОО ОГПУ–НКВД 32-й стрелковой дивизии, ст. Раздольное Дальневосточного края.
 1.01.1936–1.01.1938. Оперуполномоченный ОО НКВД 32-й стрелковой дивизии ОКДВА по обслуживанию 96-го стрелкового полка, ст. Раздольное Приморской области.
 1.01.1938–25.04.1938. Помощник начальника ОО НКВД 32-й стрелковой дивизии 1-й Отдельной Краснознаменной армии, ст. Раздольное Приморской области.
 25.04.1938–25.12.1939. Начальник ОО НКВД 32-й стрелковой дивизии 1-й Отдельной Краснознаменной армии, ст. Раздольное Приморской области (участвовал в боевых операциях у озера Хасан, выполнял специальные задания, в том числе лично командарма Штерна).
 25.12.1939–1.07.1940. Оперуполномоченный 5-го отделения ОО НКВД Забайкальского военного округа по обслуживанию 673-го стрелкового полка, г. Чита.
 1.07.1940–26.09.1940. Старший оперуполномоченный 5-го отделения ОО Забайкальского военного округа по обслуживанию Сретенского гарнизона, г. Сретенск Читинской области. Исполнял обязанности начальника оперативной группы ОО НКВД Сретенского гарнизона.
 26.09.1940–1.04.1941. Старший оперуполномоченный ОО НКВД 16-й армии Забайкальского военного округа, 79-й разъезд Читинской области.
 1.04.1941–16.08.1941. Временно исполняющий должность начальника 1-го отделения 3-го отдела 16-й армии Забайкальского военного округа, 79-й разъезд Читинской области.
 16.08.1941–31.10.1941. Начальник 1-го отделения ОО НКВД 16-й армии, Западный фронт.
 31.10.1941–3.11.1941. Заместитель начальника ОО НКВД 10-й резервной армии, г. Пенза, Приволжский военный округ.
 3.11.1941–30.06.1942. Начальник ОО НКВД 6-й саперной армии, г. Пенза, Приволжский военный округ.
 30.06.1942–13.07.1942. Старший оперуполномоченный 5-го отделения 9-го отдела Управления особых отделов НКВД СССР, г. Москва.
 13.07.1942–13.04.1943. Заместитель начальника 5-го отделения 9-го отдела Управления особых отделов НКВД СССР, г. Москва.
 13.04.1943–21.07.1943. Начальник ОО НКВД Ладужской военной флотилии.
 21.07.1943–14.07.1947. Начальник ОКР «СМЕРШ» - МГБ Тихоокеанского флота, г. Владивосток.
 14.07.1947–7.01.1949. Начальник ОКР МГБ 5-го военно-морского флота, г. Владивосток.

Родился в Ростове-на-Дону в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б)–КПСС с 1929 г.. В 1937–1938 гг. секретарь партийного комитета ОО НКВД 32-й стрелковой дивизии. По личному положению служащий. Профессии не имеет. В 1916 г. окончил три класса приходской школы, в 1923 г. – семилетнюю трудовую школу в городе Таганроге. Школ и курсов органов государственной безопасности не заканчивал. Получил контузию во время боев у озера Хасан.

3.03.1949–17.07.1954. Заместитель начальника Управления контрразведки МГБ Ленинградского военного округа (Календарная выслуга лет в органах госбезопасности 23 года).

Звания: младший лейтенант ГБ (15.05.1936), старший лейтенант ГБ (8.05.1939), капитан ГБ (28.12.1941), подполковник ГБ (2.02.1943), подполковник (8.07.1943), полковник (21.07.1943), генерал-майор береговой службы (25.09.1944).

Награды

Ордена: Красного Знамени (25.11.1938 – за бои у озера Хасан), Красного Знамени (29.01.1944 – за выполнение спецзаданий), Красного Знамени (23.05.1945 – за выполнение спецзаданий), Красного Знамени (30.09.1945 – за выполнение спецзаданий), Красного Знамени (25.07.1949 – за выслугу лет), Красной Звезды (3.11.1944 – за выслугу лет).

Медали: «За оборону Ленинграда» (22.12.1943), «За Победу над Германией» (9.05.1945), «За Победу над Японией» (30.09.1945), «За освобождение Кореи» (6.11.1948), «XXX лет Советской Армии и Флота» (23.02.1948).

Примечание: Приказом Министра МГБ СССР от 17.07.1954 уволен из органов госбезопасности по ст. 54 п. «е» в запас Советской армии по фактам, дискредитирующим звание генерала. В 1954 г. Особой инспекцией МВД СССР было установлено, что 14 ноября 1939 г. Д. П. Мерзленко был снят с должности начальника ОО НКВД 32-й стрелковой дивизии за нарушение революционной законности, допущенные извращения в следствии и фальсификацию протоколов допросов. Был арестован на 30 суток, понижен в должности и переведен в другой военный округ. В 1947 г. взыскание было снято. Д. П. Мерзленко инкриминировалось, что он, в 1937–1938 гг., будучи якобы следователем ОО НКВД Приморской группы войск, необоснованно арестовывал военнослужащих и вел допросы с применением физических мер воздействия. В действительности Д. П. Мерзленко никогда не занимал должности следователя. Из показаний свидетелей в Особую инспекцию явствует, что он присутствовал на некоторых допросах, но сам лично не применял незаконных мер воздействия на подсудимых и в таковых не участвовал. Дело проверки на Д. П. Мерзленко было заведено в ходе массовой чистки МГБ–МВД СССР, когда из органов госбезопасности было уволено и лишено генеральских званий 182 руководящих работника.

*ГУДКОВ Иван Сергеевич
(14.09.1908–10.10.1999, Севастополь)*

Служба в органах государственной безопасности

10.1930–25.12.1932. Курсант, командир отделения, старшина полевой школы Отдельной дивизии особого назначения при ОГПУ СССР, Москва.

10.04.1933–01.08.1937. Сверхштатный помощник уполномоченного, помощник оперуполномоченного, уполномоченный ОО–Сорокинского районного отделения УНКВД, Донецкая область.

01.08.1937–11.10.1938. Начальник 3-го отделения Писичанского районного отдела УНКВД, Донецкая область.

11.10.1938–20.04.1939. Начальник 4-го отделения 3-го отдела УГБ НКВД по Ворошиловградской области, Ворошиловград.

20.04–10.09.1939. Начальник 2-го отделения, а затем 3-го отделения того же управления, Ворошиловград.

10.09.1939–10.03.1941. Врид начальника ОО 132-й стрелковой дивизии Харьковского и Одесского военных округов.

10.03–02.06.1941. Врид заместителя начальника 3-го отдела ОО Харьковского военного округа.

Родился в семье крестьянина в деревне Малашино Шольского района Вологодской области. Русский. В ВКП(б) – КПСС с 1931 г. Рабочий на сезонных сельскохозяйственных и лесозаготовках в Северо-западном лесничестве, Вологодская область (1921–10.1928); крестьянин сельскохозяйственной коммуны имени 16 мая, Вологодская область (10.1928–10.1930). Образование: полевая школа Отдельной дивизии особого назначения при ОГПУ СССР, Москва, 1930; курсы руководящего состава при высшей школе МГБ СССР, Москва, 25.11.1951–15.07.1952; Всесоюзный юридический заочный институт, Москва 1960.

02.06.1941–24.03.1942. Заместитель начальника ОО НКВД 18-й армии Южного фронта.
 04.08.1942–10.07.1943. Заместитель начальника ОКР НКВД СССР по ТОФ, Владивосток.
 10.07.1943–14.07.1947. Заместитель начальника ОКР «СМЕРШ» ТОФ, Владивосток.
 14.07.1947–25.11.1953. Начальник ОКР МГБ 7-го Военно-морского флота СССР.
 25.09.1953–14.12.1960. Начальник ОО МВД СССР, а затем КГБ по ТОФ, Владивосток.
 25.09.1960–24.06.1966. Начальник ОО КГБ по ЧФ, Севастополь.
 14.07.1961. Член совета УКГБ по Крымской области.
 24.06.1966. Откомандирован в распоряжение управления кадров КГБ при СМ СССР, Москва.
 15.08.1966–22.07.1969. Оперативный работник представительства КГБ при СМ СССР при КГБ Народной республики Болгарии.
 22.07.1969. Освобожден от занимаемой должности и направлен в распоряжение 3-го Управления КГБ при СМ СССР.
 22.10.1969. Приказом КГБ уволен из кадров КГБ при СМ СССР в запас КГБ с правом ношения военной формы.

Звания: сержант ГБ (22.03.1936), лейтенант ГБ (22.06.1939), старший лейтенант ГБ (05.09.1941), капитан ГБ (28.12.1941), полковник (08.07.1943), генерал-майор (14.01.1956).

Награды

Ордена: три ордена Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, Знак Почета.

Знаки: «Почетный сотрудник госбезопасности» (02.07.1960).

ЛЕПИХИН Николай Николаевич (14.02.1918–22.12.1964)

Трудовая деятельность

По разверстке НКПС назначен на работу в паровозное депо станции Владимир Горьковской железной дороги, где работал до 1939 г. в должности техника, инженера, освобожденного секретаря комитета ВЛКСМ, а затем помощника начальника политотдела 1-го отделения Горьковской железной дороги. В 1935 г. вступил в комсомол, в 1938 г. принят в кандидаты в члены ВКП(б), в 1940 г. – в члены ВКП(б). В августе 1939 г. по призыву Ивановского обкома ВПК(б) направлен на работу в органы НКВД.

Служба в органах государственной безопасности

20.08.1939–25.11.1939. Курсант Ташкентской межкраевой школы ГУГБ НКВД СССР.
 25.11.1939–2.03.1940. Следователь Дисненского уездного отдела УНКВД Вилейской области, Западная Белоруссия.
 2.03.1940–27.03.1941. Оперуполномоченный группы 3-го отдела УГБ Глубоковского райотдела УНКВД Вилейской области, Западная Белоруссия.
 27.03.1941–26.08.1941. Оперуполномоченный группы КРО Глубоковского райотдела НКГБ Вилейской области, Западная Белоруссия.
 26.08.1941–1.03.1942. Оперуполномоченный ОО НКВД 299-й стрелковой дивизии Орловского военного округа.

Родился 14 февраля 1918 г. в деревне Хухорино Вологодского района Северного края в семье рабочего. Образование: в 1933 г. закончил семилетнюю школу, в 1937 г. – Вологодский тягово-механический техникум.

1.03.1942–26.08.1942. Старший оперуполномоченный ОО НКВД 413-й стрелковой дивизии, Западный фронт.
 26.08.1942–5.09.1942. Старший оперуполномоченный 6-го отделения ОО НКВД 50-й армии, Западный фронт.
 5.09.1942–10.06.1943. Начальник 1-го отделения ОО НКВД 50-й армии, Западный фронт.
 10.06.1943–15.03.1944. Старший оперуполномоченный ГУКР«СМЕРШ» НКО.
 15.03.1944–22.05.1946. Заместитель начальника отделения ГУКР«СМЕРШ» НКО.
 22.05.1946–6.05.1947. Начальник 2-го отделения 2-го отдела 1-го управления 3-го Главного управления МГБ СССР.
 6.05.1947–28.11.1949. начальник отделения 1-го отдела 3-го Главного управления МГБ СССР.
 28.11.1949–6.06.1952. Заместитель начальника 2-го отдела 2-го управления 3-го Главного управления МГБ СССР.
 6.06.1952–25.06.1953. Помощник начальника инспекции 2-го отдела 2-го управления 3-го Главного управления МГБ СССР.
 25.06.1953–25.08.1953. Заместитель начальника ОКР МВД 7-й Гвардейской армии, Закавказский военный округ.
 25.08.1953–18.07.1956. Начальник ОО МВД 7-й Гвардейской армии, Закавказский военный округ.
 18.07.1956–12.12.1960. Начальник ОО КГБ по 8-й гвардейской армии Группы Советских войск в Германии.
 12.12.1960–22.12.1964. Начальник ОО КГБ по ТОФ.
 22 декабря 1964 г. скоропостижно скончался. Похоронен на Морском кладбище города Владивостока.

Звания: сержант ГБ (5.11.1940), лейтенант ГБ (8.01.1942), капитан ГБ (11.02.1943), майор (11.04.1943), подполковник (18.07.1947), полковник (2.10.1951), контр-адмирал (26.12.1962).

Награды

Ордена: Красного Знамени (11.1942), Красной Звезды (05.1943), Отечественной войны II-й степени (03.1945), Красной Звезды (5.11.1954 – за выслугу лет).
Медали: «За оборону Москвы» (1944), «За боевые заслуги» (1949 – за выслугу лет), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» (9.05.1945), «В память 800-летия Москвы» (1949), «XXX лет Советской Армии и Флота» (22.02.1948), «40 лет Вооруженных Сил СССР» (21.02.1958), «За безупречную службу» I-й степени (3.12.1959).

ТИМОФЕЕВ Андрей Иванович (13.07.1915 - ?)

Трудовая деятельность и военная служба

1931–1932 гг. Заведующий библиотекой Ленинского районного отдела народного образования, с. Явленка Ленинского района Северо-Казахстанской области.

1932 г. Секретарь ячейки ВЛКСМ колхоза «Новый путь», с. Явленка Ленинского района Северо-Казахстанской области.

1.03.1933–1.08.1933. Заведующий ларьком закрытого распределителя ячейки ВЛКСМ колхоза «Новый путь», с. Явленка Ленинского района Северо-Казахстанской области.

25.09.1933–1.02.1935. Секретарь политотдела Приишимской машинно-тракторной станции, с. Боголюбово Приишимского района Северо-Казахстанской области.

1.02.1935–1.05.1935. Заведующий учетом и управляющий делами Приишимского районного комитета ВКП(б) Северо-Казахстанской

Родился в селе Явленка Ленинского района Северо-Казахстанской области. Русский. Член ВКП(б)-КПСС с 1941 г. Закончил в 1955 г. 10 классов средней школы и два курса исторического факультета Калининградского педагогического института в 1961 г. В 1965 г. окончил Курсы руководящего оперативного состава при Высшей школе КГБ при СМ СССР.

области.

1.05.1935–30.08.1936. Заведующий отделом пропаганды и агитации районного комитета ВЛКСМ Приишимского района Северо-Казахстанской области.

10.10.1936–5.10.1937. Заведующий отделом торговой сети государственного пивоваренного завода им. Юргенсона, г. Омск.

5.10.1937–10.06.1938. Краснофлотец-писарь Амурской Краснознаменной военной флотилии.

10.07.1938–1.01.1940. Начальник паспортного стола отдела кадров службы движения Омской железной дороги, г. Омск.

1.01.1940–1.04.1940. Секретарь Ленинского районного Совета депутатов трудящихся, г. Омск.

Служба в органах государственной безопасности

2.05.1940–1.04.1941. Оперуполномоченный 2-го отделения дорожно-транспортного отдела НКВД Омской железной дороги, г. Омск.

1.04–06.1941. Оперуполномоченный и старший оперуполномоченный 2-го (контрразведывательного) отделения УНКВД Омской области, г. Омск.

1.06–1.09.1941. Старший оперуполномоченный 3-го отделения ОО НКВД Архангельского военного округа, г. Архангельск.

1.09.1941–1.05.1942. Заместитель начальника 3-го отделения ОО НКВД Архангельского военного округа, г. Архангельск.

1.05.1942–1.02.1943. Начальник ОО 38-го учебного танкового полка Московского военного округа.

1.02.1943–23.12.1943. Заместитель начальника ОКР «СМЕРШ» 5-й учебной танковой бригады Московского военного округа.

23.12.1943–1.08.1944. Заместитель начальника ОКР «СМЕРШ» 5-й учебной танковой бригады Уральского военного округа.

1.08.1944–23.09.1944. Временно исполняющий должность начальника ОКР «СМЕРШ» 5-й учебной танковой бригады Уральского военного округа.

23.09.1944–20.06.1945. Заместитель начальника ОКР «СМЕРШ» 5-й учебной танковой бригады Уральского военного округа.

20.06.1945–25.04.1947. Начальник ОКР «СМЕРШ» 5-й учебной танковой бригады Уральского военного округа.

25.04.1947–4.05.1947. Начальник отдела бригады в резерве ОКР МГБ Уральского военного округа.

4.05.1947–1.06.1947. Временно исполняющий должность начальника 2-го отделения ОКР МГБ ЧФ, г. Севастополь.

1.06.1947–13.01.1949. Начальник 2-го отделения ОКР МГБ ЧФ, г. Севастополь.

13.01.1949–3.02.1951. Начальник 3-го отделения ОКР МГБ 4-го ВМФ, г. Балтийск.

3.02.1951–10.12.1952. Заместитель начальника ОКР МГБ Свиномюндской ВМБ, г. Свиномюнде Польской Народной Республики.

10.12.1952–17.07.1954. Начальник ОКР МГБ Калининградского военно-морского гарнизона, г. Калининград.

17.07.1954–26.03.1956. Заместитель начальника ОО КГБ по 4-му ВМФ, г. Балтийск.

26.03.1956–15.04.1963. Заместитель начальника ОО КГБ по БФ, г. Балтийск.

15.04.1963–20.03.1965. Начальник ОО КГБ по БФ, г. Балтийск.

20.03.1965–25.05.1968. Начальник ОО КГБ при СМ СССР по ТОФ, г. Владивосток.

25.05.1968–1.09.1968. В распоряжении 3-го управления КГБ при СМ СССР.

1.09.1968–23.10.1971. Заместитель начальника ОО КГБ по ЧФ, г. Севастополь.

Приказом КГБ при СМ СССР № 456 от 4 октября 1971 г. уволен из органов государственной безопасности по ст.60 п. «б» (по болезни) в отставку с правом ношения военной формы. Выслуга лет на 1 сентября 1971 г. составляет 31 год 11 месяцев 25 дней.

Звания: сержант ГБ (19.12.1940), лейтенант ГБ (23.04.1942), капитан (2.02.1943), майор (4.12.1946), подполковник (22.02.1951), полковник (6.09.1954), капитан 1 ранга (9.07.1963), контр-адмирал (10.12.1964).

Награды

Ордена: Знак Почета (15.12.1943), Красной Звезды (13.09.1945), Красной Звезды (5.11.1954 – за выслугу лет), Красной Звезды (12.10.1967 – в связи с 50-летием Октябрьской революции).

Медали: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» (9.05.1945), «XXX лет Советской Армии и Флота» (23.02.1948), «За боевые заслуги» (19.12.1950 – за выслугу лет), «40 лет Вооруженных сил СССР» (22.02.1958), «За безупречную службу» I-й степени (3.12.1959), «20 лет Победы в Великой Отечественной войне» (29.05.1965), «50 лет Вооруженных сил СССР» (13.02.1968), «За воинскую доблесть. В ознаменование столетия В. И. Ленина» (7.04.1970).

Знаки: «Почетный сотрудник госбезопасности» (Приказ №0233, 20.12.1957), «50 лет ВЧК-КГБ» (15.12.1967).

Родился в селе Теткино Глушковского района Курской области. Русский. Член ВЛКСМ с 1934 г.. Член ВКП(б)-КПСС с 1941 г. Из служащих. Образование: в 1934 г. закончил семилетку, в 1938 г. – Воронежский техникум путей сообщения, в 1949 г. – курс Университета марксизма-ленинизма при Таллинском доме офицеров, в 1958 г. – Высшую школу КГБ при СМ СССР им. Ф. Э. Дзержинского (заочно), в 1969 г. – Курсы усовершенствования руководящего состава органов КГБ. Юрист-правовед. В 1939 г. по решению Воронежского обкома ВКП(б) мобилизован в органы НКВД.

КОШЕЛЕВ Николай Николаевич
(26.07.1919-26.02.2002)

Трудовая деятельность

09.1934–07.1938. Студент Воронежского техникума путей сообщения.

08.1938–02.1939. Заведующий отделом Воронежского горкома ВЛКСМ.

03.1939–08.1939. Инспектор по выпуску паровозов паровозоремонтного завода им. Ф. Э. Дзержинского, г. Воронеж.

Служба в органах государственной безопасности

20.08.1939–6.11.1939. Курсант Калининской межкраевой школы ГУГБ НКВД СССР, г. Калинин.

6.11.1939–1.03.1940. Следователь следственной части УНКВД Ста-ниславской области.

1.03.1940–1.03.1941. Старший следователь следственной части УНКВД Станиславской области.

1.03.1941–1.05.1941. Заместитель начальника 5-го отделения 2-го отдела УГБ УНКВД Станиславской области.

1.05.1941–29.07.1941. Заместитель начальника 4-го отделения 3-го отдела УНКВД Станиславской области.

29.07.1941–9.03.1942. Старший оперуполномоченный ОО НКВД 265-й стрелковой дивизии, Ленинградский фронт.

9.03.1942–20.04.1942. Старший оперуполномоченный 6-го отделения ОО НКВД 8-й армии, Ленинградский фронт.

20.04.1942–5.01.1943. Старший оперуполномоченный ОО НКВД 294-й стрелковой дивизии, Ленинградский фронт.

5.01.1943–17.08.1943. Старший оперуполномоченный по обслуживанию курсов младших лейтенантов Волховского фронта ООБоровичского гарнизона, Волховский фронт.

17.08.1943–17.03.1944. Старший оперуполномоченный ОКР «СМЕРШ» по обслуживанию курсов младших лейтенантов Волховского фронта, Волховский фронт.

17.03.1944–18.01.1945. Старший оперуполномоченный УКР «СМЕРШ» Ленинградского фронта.

18.01.1945–20.10.1945. Начальник ОКР «СМЕРШ» проверочно-фильтрационного лагеря «0317».

20.10.1945–15.08.1946. Начальник ОКР «СМЕРШ» 22-й Гвардейской стрелковой дивизии, Ленинградский военный округ.

15.08.1946–17.04.1947. Начальник ОКР «СМЕРШ» 65-й Гвардейской стрелковой дивизии, Ленинградский военный округ.

17.04.1947–10.02.1948. Начальник 2-го отделения ОКР МГБ 10-й Гвардейской армии, Ленинградский военный округ.

10.02.1948–11.10.1949. Начальник ОКР МГБ 22-й Гвардейской Эстонской стрелковой бригады, Ленинградский военный округ.

11.10.1949–15.05.1952. Начальник ОКР МГБ Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова, Ленинградский военный округ.

15.05.1952–21.02.1953. Начальник ОКР МГБ Ленинградской военно-морской базы.

21.02.1953–19.10.1953. Начальник 6-го отдела УКР МГБ Ленинградского военного округа.

19.10.1953–4.03.1957. Начальник 2-го сектора ОО КГБ по Ленинградскому военному округу.

4.03.1957–7.08.1958. Начальник 2-го отдела Управления ОО КГБ по Группе Советских войск в Германии.

4.03.1957–14.10.1960. Начальник ОО КГБ по 1-й Гвардейской танковой армии Группы Советских войск в Германии.

14.10.1960–25.05.1968. Заместитель начальника ОО КГБ по Ленинградскому военному округу.

25.05.1968–21.11.1972. Начальник ОО КГБ по ТОФ.

21.11.1972–22.02.1980. Начальник ОО КГБ по Ленинградской военно-морской базе.

22.02.1980–5.7.1980. И. о. начальника ОО КГБ по Ленинградской военно-морской базе.

Приказом КГБ при СМ СССР № 272 от 18 июня 1980 г. уволен из органов государственной безопасности в отставку с правом ношения военной формы.

Календарная выслуга лет составляет 40 лет 10 месяцев 15 дней.

26 февраля 2002 г. скончался. Похоронен на Северном кладбище Санкт-Петербурга.

Звания: сержант ГБ (29.05.1940), лейтенант ГБ (5.02.1942), майор (1.10.1945), подполковник (28.12.1949), полковник (12.01.1954), контр-адмирал (20.12.1968).

Награды

Ордена: Трудового Красного Знамени (30.10.1967), Отечественной войны II-й степени (22.12.1944), Красной Звезды (31.08.1971), Красной Звезды (5.11.1954 – за выслугу лет), Красной Звезды (12.10.1967).

Медали: «За оборону Ленинграда» (22.12.1942), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» (9.05.1945), «За боевые заслуги» (24.11.1950 – за выслугу лет), «За отличие в охране государственной границы СССР» (28.05.1970), «40 лет Вооруженных сил СССР» (21.02.1958), «За безупречную службу» I-й степени (3.12.1960), «В память 250-летия Ленинграда» (18.11.1957), «20 лет Победы в Великой Отечественной войне» (24.05.1965), «За воинскую доблесть. В ознаменование столетия В. И. Ленина» (7.04.1970), «Ветеран Вооруженных сил СССР» (25.07.1980).

Знаки: «Почетный сотрудник госбезопасности» (Приказ № 109, 21.07.1969), «50 лет ВЧК-КГБ» (15.12.1967), «60 лет ВЧК-КГБ» (13.12.1977)

РЫДЧЕНКО Иван Пантелеевич (1.01.1917 - ?)

Трудовая деятельность и военная служба

1933–1934. Ученик школы ФЗУ, поселок Алмазное Кадиевского района Луганской области.

1934–1935. Слесарь Алмазнинского завода «Сталь», поселок Алмазное Серговского района Луганской области.

1935–1939. Студент металлургического техникума, г. Енакиево.

1939–1939. Техник-инструктор металлургического завода им. Куйбышева, г. Краматорск.

10.1939–25.06.1941. Курсант Военно-морского политического училища, г. Ленинград.

Служба в органах государственной безопасности

25.06.1941–12.12.1941. Оперуполномоченный 3-го отдела Военно-морской базы полуострова Ханко.

12.12.1941–28.02.1942. Слушатель Курсов подготовки оперативного состава при ОО НКВД БФ.

28.02.1942–30.4.1943. Оперуполномоченный 5-го отделения ОО НКВД БФ.

30.4.1943–7.07.1943. Старший оперуполномоченный ОО НКВД Кронштадтской Военно-морской базы БФ.

7.07.1943–25.08.1943. Временно исполняющий должность заместителя начальника 1-го отделения ОКР «СМЕРШ» Кронштадтского морского оборонительного района БФ.

25.08.1943–5.11.1944. Заместитель начальника 1-го отделения ОКР «СМЕРШ» Кронштадтского морского оборонительного района БФ.

5.11.1944–29.04.1945. Начальник 1-го отделения ОКР «СМЕРШ» Кронштадтского морского оборонительного района БФ.

29.04.1945–14.12.1945. Начальник ОКР «СМЕРШ» охраны водного района Кронштадтского морского оборонительного района БФ.

14.12.1945–1.10.1947. Заместитель начальника ОКР «СМЕРШ» Либавской военно-морской базы БФ.

1.10.1947–25.02.1950. Заместитель начальника ОКР МГБ Свиномюндской военно-морской базы 4-го ВМФ.

25.02.1950–9.05.1951. Начальник ОКР МГБ 66-го Отдельного дивизиона ремонтирующихся надводных кораблей 4-го ВМФ.

9.05.1951–10.04.1953. Заместитель начальника ОКР МГБ эскадры 4-го ВМФ.

10.04.1953–2.03.1956. Начальник ОКР МГБ Либавской военно-морской базы 4-го ВМФ.

2.03.1956–7.05.1958. Начальник 2-го сектора ОО КГБ по БФ.

7.05.1958–14.06.1958. Исполняющий обязанности начальника ОО КГБ по Восточно-Балтийской флотилии БФ.

14.06.1958–14.12.1960. Начальник ОО КГБ по Восточно-Балтийской флотилии БФ.

14.12.1960–2.04.1965. Начальник ОО КГБ по 28-й армии Белорусского военного округа.

2.04.1965–5.11.1971. Заместитель начальника ОО КГБ по Прикарпатскому военному округу.

5.11.1971–12.11.1972. Начальник ОО КГБ по Группе советских войск в АРЕ.

21.11.1972–11.10.1977. Начальник ОО КГБ по ТОФ.

11.10.1977–1981. Оперативный работник Представительства КГБ при МВД Венгерской Народной республики.

Звания: младший политрук (22.06.1941), политрук (12.09.1941), младший лейтенант ГБ (4.06.1942), старший лейтенант ГБ (2.02.1943), капитан (24.08.1943), капитан-лейтенант (26.05.1944), майор (26.09.1947), подполковник (9.11.1951), полковник (2.03.1957), капитан 1 ранга (21.11.1972), контр-адмирал (6.06.1973).

Награды

Ордена: За службу Родине в Вооруженных силах СССР III-й степени (22.02.1977), Отечественной войны II-й степени (19.05.1945), Красной Звезды (18.07.1944), Красной Звезды (5.11.1954 – за выслугу лет), Красной Звезды (30.10.1967).

Медали: «За боевые заслуги» (12.09.1972), «За боевые заслуги» (24.11.1950 – за выслугу лет), «За оборону Ленинграда» (22.12.1942), «За Победу над Германией» (9.05.1945), «За безупречную службу» I-й степени (3.12.1960), «XXX лет Советской армии и флота» (22.02.1948), «40 лет Вооруженных сил СССР» (22.02.1958), «50 лет Вооруженных сил СССР» (13.02.1968), «60 лет Вооруженных сил СССР» (28.01.1978), «В память 250-летия Ленинграда» (18.11.1957), «20 лет Победы в Великой Отечественной войне» (21.05.1965), «За воинскую доблесть. В ознаменование столетия В. И. Ленина» (7.04.1970), «30 лет Победы в Великой Отечественной войне» (27.08.1975).

Знаки: «Почетный сотрудник госбезопасности» (Приказ № 24, 1.03.1967), «50 лет ВЧК-КГБ» (15.12.1967).

ДРУЖИНИН Евгений Никитович (7.12.1923–7.10.2009)

Служба в вооруженных силах

22.11.1941–30.12.1941. Краснофлотец 27-го запасного артиллерийского полка, г. Пугачев.

30.12.1941–16.07.1943. Курсант училища противовоздушной обороны ВМФ, г. Иваново.

16.07.1943–14.11.1943. Командир огневого взвода 1084-й зенитно-артиллерийской батареи 292-го Отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона Волжской военной флотилии.

14.11.1943–5.04.1944. Командир взвода управления 1076-й зенитной батареи 292-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона Днепроградской военной флотилии.

Служба в органах государственной безопасности

5.04.1944–20.2.1945. Слушатель Высшей школы контрразведки «СМЕРШ» ВМФ, г. Ленинград.

20.2.1945–25.04.1945. Оперуполномоченный ОКР «СМЕРШ» дивизии ПВО.

25.04.1945–15.05.1946. Оперуполномоченный ОКР «СМЕРШ» - МГБ дивизии ПВО Таллинского Морского оборонительного района.

15.05.1946–25.06.1947. Оперуполномоченный ОКР МГБ береговой обороны Таллинского морского района.

25.06.1947–15.02.1950. Оперуполномоченный периферийных объектов ОКР МГБ 8-го ВМФ.

15.02.1950–29.07.1955. Оперуполномоченный ОКР МГБ 1-й пулеметно-артиллерийской дивизии 8-го ВМФ.

29.07.1955–13.12.1955. Старший оперуполномоченный ОО КГБ п по 1-й пулеметно-артиллерийской дивизии 8-го ВМФ.

Родился в деревне МарфиноДобринского района Воронежской области. Русский. Член ВКП(б)-КПСС с 1943 г. В 1940 г. закончил Усманское педагогическое училище, в 1943 г. – училище противовоздушной обороны ВМФ, в 1949 г. – Всесоюзный университет марксизма-ленинизма, в 1962 г. – юридический факультет Тартуского университета, в 1965 г. – Курсы переподготовки руководящего состава военной контрразведки при школе № 311. Скончался в 2009 г., похоронен на Лесном кладбище Владивостока.

13.12.1955–1.03.1956. Старший оперуполномоченный 2-го отделения ОО КГБ по 8-му ВМФ.
 1.03.1956–20.03.1958. Старший оперуполномоченный ОО КГБ по Восточно-Балтийской флотилии БФ.
 20.03.1958–27.11.1958. Заместитель начальника ОО КГБ по 157-й бригаде подводных лодок БФ.
 27.11.1958–12.09.1961. Начальник ОО КГБ по 157-й бригаде подводных лодок БФ.
 12.09.1961–23.10.1961. В распоряжении ОО КГБ по БФ.
 23.10.1961–1.11.1961. Начальник ОО КГБ по 157-й бригаде подводных лодок БФ.
 1.11.1961–27.04.1963. Заместитель начальника 1-го сектора ОО КГБ по БФ.
 27.04.1963–28.07.1968. Начальник ОО КГБ по 15-й эскадре подводных лодок ТОФ.
 28.07.1968–18.08.1970. Начальник 1-го сектора ОО КГБ по ТОФ.
 18.08.1970–14.07.1977. Заместитель начальника ОО КГБ по ТОФ.
 14.07.1977–27.09.1982. Начальник ОО КГБ по ТОФ.

Приказом Председателя КГБ при СМ СССР №49 от 24.09.1982 уволен в запас КГБ по возрасту с правом ношения военной формы. Календарная выслуга лет составляет 40 лет 11 месяцев 11 дней.

Звания: лейтенант (16.07.1943), старший лейтенант (9.12.1946), капитан (18.01.1950), капитан 3 ранга (23.05.1958), капитан 2 ранга (26.04.1963), капитан 1 ранга (24.10.1968), контр-адмирал (9.12.1977).

Награды

Ордена: Отечественной войны II-й степени, За службу Родине в Вооруженных силах СССР III-й степени.

Медали: «За боевые заслуги», «За боевые заслуги», «За Победу над Германией» (9.05.1945), «XXX лет Советской Армии и Флота» (22.02.1948), «40 лет Вооруженных сил СССР» (22.02.1958), «50 лет Вооруженных сил СССР» (26.12.1967), «60 лет Вооруженных сил СССР» (28.01.1978), «За безупречную службу» I-й степени, «За безупречную службу» II-й степени, «20 лет Победы в Великой Отечественной войне» (7.05.1965), «30 лет Победы в Великой Отечественной войне» (27.08.1975), «За воинскую доблесть. В ознаменование столетия В. И. Ленина» (7.04.1970).

Знаки: «50 лет ВЧК-КГБ» (15.12.1967), «60 лет ВЧК-КГБ» (13.12.1977).

*ЕГОРКИН Николай Васильевич
(3.05.1935-15.02.1993)*

Автобиография

Я родился в семье служащего 3 мая 1935 г. в селе Лебяжье Иссык-Кульского района Омской области. В 1942 г. вместе с матерью переехал жить в колхоз «Большевистский путь» Иссык-Кульского района Омской области. С сентября 1943 г. по май 1945 г. учился в начальной школе при отделении колхоза им. Ворошилова Иссык-Кульского района. В сентябре 1945 г. поступил в казахскую начальную школу в колхозе «Большевистский путь». Ввиду трудного материального положения семьи в феврале 1946 г. оставил третий класс и занимался самостоятельно.

В 1946 г., когда вернулся отец из армии, переехал вместе с родителями в село Медвежье Иссык-Кульского района. В сентябре 1946 г. поступил в Медвежинскую среднюю школу, которую окончил в 1953 г. и получил среднее образование.

В июне 1953 г. по комсомольскому набору поступил в Тихоокеанское высшее военно-морское училище им. С. О. Макарова, где нахожусь и по сей день.

В ряды ВЛКСМ вступил в декабре 1949 г.. Из рядов ВЛКСМ не выбывал и комсомольских взысканий не имел. Холост. С 1951 по 1952 год был секретарем комсомольской организации при Медвежинской средней школе. С 1953 по февраль 1954 г. был членом ротного бюро ВЛКСМ 24-й роты.

С октября 1956 г. по июль 1957 г. исполнял обязанности помощника командира взвода.

Мой отец, Егоркин Василий Федорович, русский, 1907 г. рождения, до Октябрьской революции состоял на иждивении у родителей, сейчас работает управляющим в Медвежинском совхозе Иссык-Кульского района. Моя мать, Егоркина Серафима Семеновна, русская, 1907 г. рождения, до Октябрьской революции состояла на иждивении у родителей, сейчас домохозяйка, проживает с папой. Моя сестра, Кабанова Полина Васильевна, 1929 г. рождения, работает преподавателем в начальной школе села Куторглы Тюкалинского района Омской области. Сестра, Орлова Валентина Васильевна, 1927 г. рождения, работает преподавателем в средней школе города Омска. Сестра, Терехина Лидия Васильевна, 1931 г. рождения, проживает в ГДР, домохозяйка. Брат, Егоркин Александр Васильевич, 1937 г. рождения, военнослужащий во Владивостоке.

Брат, Егоркин Анатолий Васильевич, 1939 г. рождения, работает в совхозе Медвежинском Иссык-Кульского района Омской области. Ни я, ни мои родители под судом и следствием не находились. За границей родственников нет. 19 октября 1957 г. Н. В. Егоркин.

15 февраля 1993 г. контр-адмирал Егоркин Н. В. трагически погиб в автомобильной катастрофе. Похоронен на Морском кладбище города Владивостока.

Служба в вооруженных силах и органах государственной безопасности

27.07.1953–4.11.1957 Курсант Тихоокеанского высшего военно-морского училища им. С. О. Макарова.

4.11.1957–9.01.1958. В распоряжении Командующего Краснознаменным Тихоокеанским флотом.

20.01.1958–5.02.1958. Оперуполномоченный отдельных объектов ОО КГБ по ТОФ.

5.02.1958–15.04.1958. Оперуполномоченный ОО КГБ по Камчатской военной флотилии ТОФ (по обслуживанию 438-го дивизиона аварийно-спасательных сил).

28.01.1960–4.09.1960. Слушатель Курсов переподготовки оперативного состава при школе № 201 КГБ при СМ СССР.

15.04.1958–24.06.1961. Оперуполномоченный отдельных объектов ОО КГБ по Камчатской военной флотилии ТОФ (по обслуживанию 142-го дивизиона тральщиков).

24.06.1961–25.02.1963. Старший оперуполномоченный ОО КГБ по Камчатской флотилии ТОФ (по обслуживанию 114-й бригады ОВРа, 487-го дивизиона подводных кораблей и других объектов).

25.02.1963–4.10.1965. Старший оперуполномоченный 1-го сектора ОО КГБ по ТОФ.

4.10.1965–3.10.1967. Начальник ОО КГБ по 26-й дивизии атомных подводных лодок ТОФ.

3.10.1967–28.05.1968. Заместитель начальника ОО КГБ по 1-й флотилии атомных подводных лодок СФ.

28.05.1968–10.10.1977. Начальник ОО КГБ по 1-й Краснознаменной флотилии СФ.

10.10.1977–9.07.1982. Заместитель начальника ОО КГБ по ТОФ.

9.07.1982–6.12.1991. Начальник ОО КГБ СССР по ТОФ.

6.12.1991–15.02.1993. Начальник ОВКР МСБ по ТОФ.

Звания: лейтенант (4.11.1957), старший лейтенант (22.02.1960), капитан-лейтенант (26.04.1963), капитан 3 ранга (27.05.1967), капитан 2 ранга (4.07.1968 – досрочно), капитан 1 ранга (27.10.1972), контр-адмирал (17.02.1976).

Награды

Ордена: Трудового Красного Знамени (23.12.1983), Красной Звезды (13.12.1977).

Медали: «За отличие в охране государственной границы СССР» (25.05.1983), «40 лет Вооруженных сил СССР» (22.02.1958), «50 лет Вооруженных сил СССР» (26.12.1967), «60 лет Вооруженных сил СССР» (28.01.1978), «Ветеран Вооруженных сил СССР» (28.08.1984), «70 лет Вооруженных сил СССР» (28.01.1988), «За безупречную службу» I-й степени (13.12.1973), «За безупречную службу» II-й степени (10.12.1968), «За безупречную службу» III-степени (4.12.1963), «20 лет Победы в Великой Отечественной войне» (7.05.1965), «За воинскую доблесть. В ознаменование столетия В. И. Ленина» (7.04.1970).

Знаки: «Почетный сотрудник госбезопасности» (12.12.1984), «50 лет ВЧК-КГБ» (15.12.1967).

УГРЮМОВ Герман Алексеевич
(10.10.1948–31.05.2001)

Трудовая деятельность и военная служба

Родился 10 октября 1948 г. в Астрахани в семье рабочего. Его отец прошел всю Великую Отечественную войну во фронтовой разведке, а после Победы работал слесарем на заводе. В 1964 г. закончил восемь классов средней школы и поступил в ГПТУ № 6 города Астрахани. После окончания училища проработал полтора года слесарем-дизелистом судоремонтного завода им. Чкалова.

В 1967 г. поступил и в 1972 г. окончил Каспийское высшее военно-морское училище, получив диплом военного инженера-химика. В училище стал мастером спорта по боксу.

В 1972 г. назначен дивизионным химиком 250-го дивизиона тральщиков 73-й бригады ОВРа Каспийской военной флотилии. В конце того же года переведен на должность помощника командира ПЖС-279 аварийно-спасательной службы флотилии, в 1973 г. назначен командиром ПЖС-279.

1975–1976 гг. – слушатель Высших курсов военной контрразведки в Новосибирске. 1976–1982 гг. – оперуполномоченный, старший оперуполномоченный ОО КГБ по Каспийской военной флотилии (по обслуживанию 151-й дивизиона десантных кораблей и 98-й дивизиона учебных кораблей). 1982–1985 гг. – заместитель начальника ОО КГБ по Каспийской флотилии. 1985 – 1992 гг. – начальник ОО КГБ по Каспийской флотилии. 1992–1993 гг. – начальник ОВКР МБ РФ по Новороссийскому военно-морскому гарнизону. 1993–1998 гг. – начальник ОВКР МБ–ФСБ РФ по ТОФ. 1998–1999 гг. – заместитель начальника Управления военной контрразведки — куратор ВМФ РФ. С ноября 1999 г. – первый заместитель, начальник департамента по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом, заместитель директора ФСБ России. В его оперативном подчинении находился Центр специального назначения ФСБ, в который на правах управлений входили группы «Альфа» и «Вымпел». С января 2001 г. – начальник Регионального оперативного штаба на Северном Кавказе. 31 мая 2001 г. скоропостижно скончался от сердечного приступа на военной базе в Ханкале.

5 июня 2001 г. в Культурном центре ФСБ на Лубянке прощались с адмиралом Угрюмовым. Отдать дань уважения приехал президент России Владимир Путин. Церемония прощания длилась три часа, после чего состоялось отпевание в Елоховском кафедральном соборе. Адмирал Угрюмов прожил не очень

долгую, но славную и героическую жизнь и умер на боевом посту. Прах Германа Алексеевича покоится на Троекуровском кладбище Москвы. Его именем названы одна из улиц Владивостока и корабль Каспийской военной флотилии.

Звания: лейтенант (1972), старший лейтенант (1974), капитан-лейтенант (1977), капитан 3 ранга (1980), капитан 2 ранга (1984), капитан 1 ранга (1989), контр-адмирал (1993), вице-адмирал (2000), адмирал (2001).

Награды

Золотая медаль «Герой России» (16.12.2000).

Ордена: «Знак Почета» (1989).

Медали: «За отвагу на пожаре» (1974), «За отличие в охране государственной границы» (1985), «300 лет Российскому флоту» (7.06.1996), «60 лет Вооруженных сил СССР» (28.01.1978), «70 лет Вооруженных сил СССР» (28.01.1988), «За безупречную службу» I-й степени (1984), «За безупречную службу» II-й степени (1979), «За безупречную службу III-степени (1974), «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия Ленина» (22.04.1970), «Ветеран Вооруженных сил СССР» (1989).

Знаки: «Почетный сотрудник контрразведки» (Приказ № 454, 11.12.1997), «За службу в контрразведке» III-й степени (Приказ № 536, 4.12.1996), «70 лет ВЧК-КГБ» (Приказ № 0671, 9.12.1987).

Сотрудники и ветераны Управления у мемориальной доски на улице имени адмирала Г.А. Угрюмова

СОЦКОВ Николай Николаевич

Трудовая деятельность и военная служба

07.1963–07.1964. Слесарь по ремонту промышленного оборудования «Череповецметаллургстроя».

30.08.1964–30.08.1969. Курсант Высшего военно-морского училища им. М. В. Фрунзе.

30.08.1969–22.12.1970. Командир батареи 130-мм-орудий эсминца «Блестящий» 201-й бригады 6-й дивизии кораблей ПЛО ТОФ.

22.12.1970–11.01.1972. Командир батареи 130-мм орудий эсминца «Блестящий» 175-й бригады ракетных кораблей 10-й ОПЭСК ТОФ.

Служба в органах государственной безопасности

11.01.1972–9.02.1973. Курсант школы № 311 КГБ при СМ СССР, г. Новосибирск.

9.02.1973–14.12.1973. Оперуполномоченный ОО КГБ по надводным кораблям ТОФ.

14.12.1973–9.08.1977. Старший оперуполномоченный ОО КГБ по надводным кораблям ТОФ.

9.08.1977–16.01.1978. Старший оперуполномоченный 2-го сектора ОО КГБ по ТОФ.

16.01.1978–11.03.1979. Старший оперуполномоченный 3-го отделения ОО КГБ по ТОФ.

11.03.1979–20.02.1988. Начальник 3-го отделения ОО КГБ по ТОФ.

20.02.1988–1.10.1991. Начальник ОО КГБ по 8-й ДПЛ 2-й ФПЛ ТОФ.

9.10.1991–16.07.1993. Начальник 2-го сектора ОВКР МСБ-МБ РФ по ТОФ.

Родился 28 марта 1947 г. в городе Череповце Вологодской области в семье рабочего. Образование: в 1964 г. закончил среднюю школу молодежи № 2 в городе Череповце, в 1969 - ВВМУ им. М. В. Фрунзе, в 1973-м - школу № 311 КГБ при СМ СССР в Новосибирске, в 1978-м - Курсы руководящего и оперативного состава КГБ в Алма-Ате.

16.07.1993–15.07.1998. Заместитель начальника ОВКР МБ-ФСБ РФ по ТОФ.

15.07.1998–30.05.2003 Начальник Управления ФСБ по ТОФ.

Звания: лейтенант (30.06.1969), старший лейтенант (3.12.1970), капитан-лейтенант (3.04.1974), капитан 3 ранга (3.04.1978), капитан 2 ранга (29.04.1982), капитан 1 ранга (22.02.1989), контр-адмирал (12.06.1999).

Награды

Ордена: «За службу Родине в ВС СССР» III-й степени (21.12.1978), «Орден Почета» (2003 г.).

Медали: «20 лет Победы в Великой Отечественной войне» (6.05.1965), «50 лет Вооруженных сил СССР» (26.12.1967), «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия Ленина» (22.04.1970), «За безупречную службу» III-степени (11.12.1974), «60 лет Вооруженных сил СССР» (28.01.1978), «За безупречную службу» II-й степени (10.12.1979), «За безупречную службу» I-й степени (10.12.1984), «70 лет Вооруженных сил СССР» (28.01.1988), «Ветеран Вооруженных сил СССР» (8.12.1989), «300 лет Российскому флоту» (7.06.1996).

Знаки: «70 лет ВЧК-КГБ» (Приказ № 0671, 9.12.1987), «За службу в контрразведке» III-й степени (Приказ № 536, 4.12.1996), «За службу в контрразведке» II-й степени(), «Почетный сотрудник контрразведки» (Приказ № 55, 19.02.1998).

ШИЛИН

Николай Николаевич

Родился 16 мая 1954 г. в селе Ильинское Волоколамского района Московской области. В 1976 г. окончил Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище, в 1978 г. – Новосибирский институт КГБ СССР. Прошел обучение на факультете национальной безопасности Академии ГШ. В 1978–2006 гг. проходил службу на различных должностях в органах военной контрразведки КГБ СССР–ФСБ РФ. В 2001–2003 гг. – заместитель начальника УФСБ по ТОФ, 2003–2011 гг. – начальник УФСБ по ТОФ, контр-адмирал. Награжден орденами Почета (2011 г.), «За военные заслуги» (2000 г.) и одиннадцатью медалями. Имеет благодарность Президента Российской Федерации. В 2011 г. уволен в запас.

Начальники Управления контрразведки 5-го военно-морского флота

МОСКОВЕНКО Владимир Ионович
(25.05.1910 - ?)

Трудовая деятельность и служба в РККА

1927–1929. Студент педагогического техникума, город Умань Киевской области.

10.1929–05.1930. Инструктор райкома ВЛКСМ, местечко Лысянка Киевской области.

05.1930–10.1930. Заведующий агитационно-пропагандистским отделом Подвысоцкого райкома ВЛКСМ, Киевская область.

10.10.1930–7.07.1932. Краснофлотец-курсант учебного отряда, младший командир-радист крейсера «Профинтерн», сторожевого корабля «Шквал».

7.07.1932–13.09.1932. Слушатель курсов командиров запаса флота, г. Севастополь.

Служба в органах государственной безопасности

13.09.1932–1.12.1932. Сверхштатный практикант 3-го отделения ООМСЧМ ПП ОГПУ Крыма.

1.12.1932–1.01.1933. Штатный практикант 1-го отделения ООМСЧМ ПП ОГПУ Крыма.

1.01.1933–1.10.1933. Помощник уполномоченного 1-го отделения ООМСЧМ ПП ОГПУ Крыма.

1.10.1933–1.12.1935. Уполномоченный 3-го отделения ООМСЧМ ПП ОГПУ Крыма.

1.12.1935–21.10.1937. Оперуполномоченный 5-го отделения ООГУГБ НКВД по ЧФ.

21.10.1937–4.03.1938. Начальник 2-го отделения 3-го отдела УГБ НКВД Крымской АССР.

4.03.1938–15.09.1938. Временно исполняющий должность начальника 5-го отделения ОО НКВД по ЧФ.

15.09.1938–1.03.1939. Начальник 5-го отделения 3-го отдела УГБ НКВД Крымской АССР.

1.03.1939–17.09.1939. Начальник 1-го отделения ЭКО НКВД Крымской АССР.

17.09.1939–8.01.1941. Начальник 2-го отделения ОО НКВД 12-й армии, Киевский особый военный округ.

8.01.1941–27.02.1941. Временно исполняющий должность начальника 1-го отделения ОО НКВД Киевского особого военного округа.

27.02.1941–10.07.1941. Начальник 1-го отделения 4-го отдела 3-го Управления НКВМФ СССР, г. Москва.

10.07.1941–21.02.1944. Начальник 3-го отдела, ОО НКВД, ОКР «СМЕРШ» Беломорской военной флотилии, г. Архангельск.

21.02.1944–16.11.1944. Начальник ОКР «СМЕРШ» Кронштадтского морского оборонительного района БФ.

16.11.1944–03.1946. Заместитель начальника ОКР «СМЕРШ» БФ.

03.1946–6.06.1947. Заместитель начальника ОКР «СМЕРШ» Северо-Балтийского флота, затем 8-го ВМФ.

6.06.1947–7.01.1949. Начальник ОКР МГБ 8-го ВМФ.

7.01.1949–10.09.1952. Начальник ОКР МГБ 5-го ВМФ.

10.09.1952–28.05.1954. Заместитель начальника УКР МГБ Московского военного округа.

28.05.1954–10.05.1958. Начальник ОО КГБ по ЧФ.

Родился 25 мая 1910 г. в селе Смольненцы Лысянской области Звенигородского уезда Киевской губернии в многодетной семье крестьянина-бедняка. Украинец. Член ВКП(б)-КПСС с 1930 г. В 1926 г. закончил семилетнюю школу в селе Бужанка Лысянского района. В 1927–1929 гг. учился в Уманском педагогическом техникуме. Образование незаконченное высшее. В 1932 г. закончил курсы командного состава Черноморского флота.

10.05.1958–4.07.1958. В распоряжении 3-го Главного управления КГБ при СМ СССР.

Звания: сержант ГБ (1936), лейтенант ГБ (7.08.1940), батальонный комиссар (25.03.1941), капитан ГБ (22.07.1942), подполковник ГБ (11.02.1943), полковник (8.06.1943).

Награды

Ордена: Отечественной войны I-й степени (5.05.1943), Красного Знамени (24.05.1945), Отечественной войны I-й степени (31.03.1946), Красной Звезды (11.1946 – за выслугу лет), Красного Знамени (24.11.1950 – за выслугу лет).

Медали: «За боевые заслуги» (3.11.1944 – за выслугу лет), «За оборону Советского Заполярья» (5.12.1944), «За взятие Кенигсберга» (1945), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» (9.05.1945), «XXX лет Советской Армии и Флота» (22.02.1948), «40 лет Вооруженных сил СССР» (21.02.1958).

Знаки: «Заслуженный работник НКВД» (Приказ № 838, 19.12.1942).

Примечание: Приказом Председателя КГБ при СМ СССР № 265 от 4.07.1958 уволен по служебному несоответствию в запас Советской Армии. Служебным расследованием, проведенным Особой инспекцией Управления кадров КГБ, было установлено, что В. И. Москобенко, работая в 1937–1938 гг. оперуполномоченным, а затем начальником отделения ОО НКВД по ЧФ допустил серьезные нарушения социалистической законности, выразившиеся в необоснованных арестах советских граждан, необъективном ведении следствия по их делам и принуждении арестованных к даче ложных показаний.

МОРОЗ Николай Самойлович (1902 - ?)

Трудовая деятельность и служба в РККА

1.05.1924–27.12.1926. Курсант полковой школы младшего начсостава, затем помощник командира пулэроты 5-го кавалерийского полка 2-й стрелковой дивизии им. Степина, г. Баку.

27.12.1926–13.03.1928. Старший строевой райсмотритель (помощник начальника милиции по строевой части) 6-го района Бакинской городской милиции, г. Баку.

1928–1929. Председатель сельсовета села Бахтынок, член президиума Муровано-Куриловецкого РИК.

1929–1930. Председатель райсудземкомиссии Муровано-Куриловецкого района.

Служба в органах государственной безопасности

24.11.1930–15.03.1932. Помощник оперуполномоченного Муровано-Куриловецкого районного отделения ОГПУ Винницкой области.

15.03.1932–19.03.1933. Слушатель Центральной школы ОГПУ, г. Москва.

19.03.1933–4.02.1935. Заместитель начальника политотдела по линии ОГПУ Кононовской МТС Дробовского района Харьковской области.

4.02.1935–15.02.1936. Начальник Берликовского районного отдела

ния НКВД Харьковской области.

15.02.1936–10.09.1938. Старший оперуполномоченный, начальник ОО УГБ НКВД 22-го Олевского погранотряда, Киевский военный округ.

Родился в 1902 г. в селе Бахтынок Муровано-Куриловецкого района Винницкой области в семье крестьянина-середняка. Украинец. Член ВКП(б)-КПСС с 1929 г. В 1914 г. окончил сельскую школу, в 1926 г. – рабфак в городе Баку, в 1936 г. – два курса Харьковского юридического института (заочно), в 1951 г. – вечерний университет марксизма-ленинизма при политотделе 25-й армии.

10.09.1938–28.09.1939. Начальник ОО УГБ НКВД 23-го Каменец-Подольского погранотряда, Киевский военный округ.

28.09.1939–15.11.1941. Начальник ОО УГБ НКВД 97-го погранотряда, Киевский военный округ – Южный фронт.

15.11.1941–18.03.1942. Начальник ОО НКВД 2-го Отдельного погранполка, Южный фронт.

18.03.1942–31.07.1943. Начальник ОО НКВД 216-й стрелковой дивизии, Южный фронт.

31.07.1943–5.07.1944. Начальник ОКР «СМЕРШ» 3-го горно-стрелкового корпуса, Северо-Кавказский фронт.

5.07.1944–2.04.1945. Заместитель начальника ОКР «СМЕРШ» 3-го гвардейского стрелкового корпуса, 3-й Белорусский фронт.

2.04.1945–25.07.1945. Начальник ОКР «СМЕРШ» 45-го стрелкового корпуса, 3-й Белорусский фронт.

25.07.1945–23.05.1949. Заместитель начальника ОКР «СМЕРШ» 5-й армии Приморской группы войск и 1-го Дальневосточного фронта.

23.05.1949–8.08.1952. Начальник ОКР МГБ 25-й армии, Приморский военный округ.

8.08.1952–24.08.1953. Начальник ОКР МГБ 5-го ВМФ.

24.08.1953–24.03.1954. Заместитель начальника ОО МВД–КГБ по ТОФ.

24.03.1954–2.02.1958. Начальник ОО КГБ по 3-й армии Группы Советских войск в Германии. Приказом Председателя КГБ при СМ СССР № 183 от 10.05.1958 уволен из органов государственной безопасности по болезни с правом ношения военной формы. Календарная выслуга лет составляет 27 лет 8 месяцев 19 дней.

Звания: лейтенант ГБ (31.10.1939), старший лейтенант ГБ (14.04.1942), подполковник (2.09.1943), полковник (24.12.1949).

Награды

Ордена: Орден Ленина, Красного Знамени, два ордена Отечественной войны I-й степени, два ордена Красной Звезды.

Медали: «За боевые заслуги», «За оборону Одессы», «За оборону Кавказа», «За освобождение Варшавы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За освобождение Кореи», «XXX лет Советской Армии и Флота».

4.12. Солохина Л.В. Почетные чекисты военной контрразведки Тихоокеанского флота

АЛЕКСЕЕВ Виталий Алексеевич, капитан 2 ранга, начальник ОО КГБ по КВФ ТОФ, Почетный сотрудник госбезопасности (1970)

АСАУЛЮК Николай Самойлович, полковник, начальник ОО КГБ по Совгаванской ВМБ ТОФ, Почетный сотрудник госбезопасности (1957)

ВИЗЕЛЬ Яков Савельевич, капитан ГБ, начальник ОО ОГПУ МСДВ, Почетный работник ВЧК-ГПУ(V) (1931), Почетный работник ВЧК-ГПУ(XV) (1934)

ВИНОГРАДОВ Валентин Васильевич, генерал-майор береговой службы, начальник ОО НКВД ТОФ, Заслуженный работник НКВД (1942)

ВОРОНОВ Дмитрий Степанович, капитан 2 ранга, начальник 2-го сектора ОО КГБ по ТОФ, Почетный сотрудник госбезопасности (1957)

ГЛУХОВ Сергей Дмитриевич, полковник, заместитель начальника УФСБ по ТОФ, почетный сотрудник контрразведки (2003)

ГУДКОВ Иван Сергеевич, генерал-майор, начальник ОО КГБ по ТОФ, Почетный сотрудник госбезопасности (1960)

ДЕМЕНТЬЕВ Василий Федорович, майор ГБ, начальник ОО НКВД ТОФ, Почетный работник ВЧК-ГПУ(XV) (1932)

ДИМЕНТМАН Михаил Иосифович, капитан ГБ, начальник ОО ГУГБ НКВД ТОФ, Почетный работник ВЧК-ГПУ(XV) (1932)

ДОНЦОВ Иван Васильевич, подполковник, заместитель начальника ОО КГБ по Совгаванской ВМБ ТОФ, Почетный сотрудник госбезопасности (1967)

ДРАНЕЦ Аркадий Аркадьевич, полковник, заместитель начальника ОФСБ по Совгаванской ВМБ ТОФ, почетный сотрудник контрразведки (2000)

ЕГОРКИН Николай Васильевич, контр-адмирал, начальник ОО КГБ-ОВКР МБ РФ по ТОФ, Почетный сотрудник госбезопасности (1984)

ЗАГВОЗДИН Николай Андреевич, старший майор ГБ, начальник ОО ГПУ МСДВ, Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV) (1932)

КОШЕЛЕВ Николай Николаевич, контр-адмирал, начальник ОО КГБ по ТОФ, Почетный сотрудник госбезопасности (1969)

ЛАЗАРЕВ Андрей Алексеевич, капитан 1 ранга, начальник ОО КГБ по ВМБ «Стрелок» ТОФ, Почетный сотрудник госбезопасности (1969)

ЛЕОНОВ Александр Георгиевич, заместитель начальника ОО НКВД ТОФ, Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV), (1938)

ЛЬВОВ Сергей Петрович, лейтенант ГБ, заместитель начальника 3-го отдела СТОФ, Почетный работник ВЧК-ГПУ(V) (1927)

МАЛЬКОВ Николай Васильевич, капитан 1 ранга, начальник ОО КГБ по КВФ ТОФ, Почетный сотрудник госбезопасности (1970)

МОСКОВЕНКО Владимир Ионович, полковник, Начальник ОКР МГБ 5-го ВМФ, заслуженный работник НКВД (1942)

ОСМОЛОВСКИЙ Виктор Иосифович, капитан ГБ, начальник ОО ГУГБ НКВД ТОФ, Почетный работник ВЧК-ГПУ(XV) (1932)

ПАХОМОВ Владимир Алексеевич, капитан 1 ранга, начальник ОО КГБ по Приморской флотилии ТОФ, Почетный сотрудник госбезопасности (1983)

ПРОКОПЕНКО Владимир Васильевич, капитан 1 ранга, помощник начальника по кадрам ОО КГБ по ТОФ, Почетный сотрудник госбезопасности (1977)

РЫДЧЕНКО Иван Пантелеевич, контр-адмирал, начальник ОО КГБ по ТОФ, Почетный сотрудник госбезопасности (1967)

СКАТОВ Иван Дмитриевич, капитан 1 ранга, начальник ОО КГБ по КВФ ТОФ, Почетный сотрудник госбезопасности (1962)

СОЦКОВ Николай Николаевич, контр-адмирал, начальник УФСБ по ТОФ, Почетный сотрудник контрразведки (1998)

ТИМОФЕЕВ Андрей Иванович, контр-адмирал, начальник ОО КГБ по ТОФ, Почетный сотрудник госбезопасности (1957)

ТКАЧ Юрий Владимирович, капитан 2 ранга, заместитель начальника ОО КГБ по 2-й ФПЛ ТОФ, Почетный сотрудник госбезопасности (1981)

УГРЮМОВ Герман Алексеевич, адмирал, заместитель директора ФСБ РФ, Почетный сотрудник контрразведки (1997)

ХАРИН Александр Иванович, контр-адмирал, начальник ОО КГБ по 4-й ФПЛ ТОФ, Почетный сотрудник госбезопасности (1983)

ШИРОКОВ Петр Михайлович, капитан 2 ранга, начальник ОО КГБ ВМБ «Стрелок» ТОФ, Почетный сотрудник госбезопасности (1957)

Вместо заключения

Завершено второе издание книги о военно-морской контрразведке на Тихоокеанском флоте, службе в которой я посвятил почти 30 лет.

На мой взгляд эта книга имеет очень важное значение для воссоздания, насколько это возможно, объективной картины работы военной контрразведки во всем ее многообразии, показать без прикрас облик военных чекистов разных эпох, критически оценить пройденный путь, на котором имели место и трагические ошибки. Эта книга нужна не только для того, чтобы сохранить для последующих поколений чекистов бесценные свидетельства прошлого, она так же является данью памяти тем сотрудникам нашего Управления, кто погиб, выполняя свой воинский и служебный долг.

Скажу откровенно: я никогда не смог бы собрать в одиночку столь обширный исторический материал, профессионально обработать его и скомпоновать. Оба издания появились благодаря труду авторского коллектива под руководством кандидата исторических наук Андрея Вадимовича ПолUTOва. Чей личный вклад в оба издания трудно переоценить. Огромное человеческое спасибо сотрудникам издательства «Русский Остров» и, в первую очередь, его бессменному директору и главному редактору Александру Пименовичу Яковцу.

Особую признательность за представленные материалы хотелось бы выразить А. Н. Сиденко – моему учителю и наставнику, А.А. Белову, М.А. Ванюкову, Б.Д. Шадрину, а так же тем чекистам, чьи воспоминания явились значительным дополнением к исторической канве нашей книги. Я горжусь тем, что с большинством героев этих воспоминаний мне выпала честь вместе служить.

Оценивая работу флотской контрразведки в целом, нельзя обойти молчанием ее взаимодействие с территориальными органами. И здесь мне бы хотелось добрыми словами вспомнить таких неординарных руководителей и сотрудников как К.А. Григорьев, А.И. Нежелской, А.М. Тяжлов, С.В. Вережкин-Рохальский, С.С. Анастатов, А.И. Маренков, Ю.Н. Алешин, В.С. Гожий, В.И. Добровольский, Ю.К. Кукусов, Ю.А. Туманов, А.И. Поликаров, К.Н. Быков, А.В. Громов, Я.П. Редько, Б.С. Малышев, В.Т. Войтовский и многие другие. Для меня они были и остаются не просто коллегами по работе. У каждого из них я чему то учился, перенимал опыт, получал квалифицированную помощь.

Деликатность и специфика работы контрразведки, ее закрытость, как и многих других спецслужб не только наших, но и зарубежных, не позволили авторскому коллективу раскрыть многие аспекты деятельности сотрудников Управления, особенно на современном этапе. Но это несколько не умаляет их роль и значение в деле обеспечения государственной безопасности России и ее военно-морского флота в нынешних исторических условиях.

Желаю всем доброго здоровья и удачи в оперативной работе.

С уважением Н.Н. Соцков

Список сокращений

АГШ – Академия Генерального штаба
 АКВФ – Амурская Краснознаменная военная флотилия
 АХО – административно-хозяйственный отдел
 ББО – броненосец береговой обороны
 БИУС – боевая информационно-управляющая система
 БО – большой охотник
 БПЛ – бригада подводных лодок
 ВВС ТОФ – военно-воздушные силы Тихоокеанского флота
 ВК ВС СССР – Военная коллегия Верховного суда СССР
 ВКП(б) – Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)
 ВКШ КГБ – Высшая школа КГБ
 ВМА – Военно-морская академия
 ВМАТ – военно-морской атташе
 ВМБ – военно-морская база
 ВМГ – военно-морской гарнизон
 ВМН – высшая мера наказания
 ВМФ – Военно-морской флот
 ВН – вахтенный начальник
 ВО – военный округ
 ВСКР – вспомогательный крейсер
 ВСО – военно-строительный отряд
 ВСЮР – Вооруженные Силы Юга России
 ВЧК – Всероссийская Чрезвычайная Комиссия
 ГПО – Государственная политическая охрана
 ГПУ – Главное Политическое Управление
 ГУГБ – Главное управление государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел
 ГУГШ – Главное управление Генерального штаба
 ГУРКМ – Главное управление рабочей-крестьянской милиции
 ДВК – Дальневосточный край
 ДВР – Дальневосточная Республика
 ДПЛ – дивизион подводных лодок

ЖПУ – жандармское полицейское управление
 ЗНШ – Заместитель начальника штаба
 ИАД – истребительная авиационная дивизия
 ИТЛ – исправительно-трудовой лагерь
 КВФ – Каспийская военная флотилия
 КВФ – Камчатская военная флотилия
 КГБ – Комитет государственной безопасности
 КЛ – канонерская лодка
 КР – крейсер
 КРЛ – легкий крейсер
 КРО – контрразведывательное отделение
 КРП – контрразведывательный пункт
 КТЩ – катерный тральщик
 ЛА – летательный аппарат
 ЛК – линейный корабль
 МГБ – Министерство государственной безопасности
 МГШ – Морской Генеральный штаб
 МЗ – минный заградитель
 МИД – Министерство иностранных дел
 МО – морской охотник
 МП – морская пехота
 МРБ – Морское регистрационное бюро
 МСБМ – Морские силы Балтийского моря
 МСДВ – Морские силы Дальнего Востока
 МСЧМ – Морские силы Черного моря
 МРАД – морская ракетноносная авиационная дивизия
 МТАД – минно-торпедная авиационная дивизия
 МТК – Морской технический комитет
 НК – надводный корабль
 НКВД – Народный Комиссариат Внутренних дел СССР
 НРА ДВР – Народно-революционная армия Дальневосточной Республики
 НШ – начальник штаба
 ОБК – отряд боевых кораблей
 ОВР – охрана водного района
 ОГПУ – Объединенное Главное Политическое управление

- ОКДВА – Особая Краснознаменная Дальневосточная армия
- ОКЖ – Отдельный корпус жандармов
- ОКЖДВ – Особый корпус железнодорожных войск
- ОКР «СМЕРШ» – отдел контрразведки «СМЕРШ»
- ОО КГБ по ТОФ – Особый отдел Комитета государственной безопасности по Тихоокеанскому флоту
- ОО МСДВ – Особый отдел Морских Сил Дальнего Востока
- ОО ТОФ – Особый отдел Тихоокеанского флота
- ПДСС – подводные диверсионные силы и средства
- ПК – помощник командира
- ПЛ – подводная лодка
- ПЛАРК – подводная атомная лодка с крылатыми ракетами
- ПНШ – помощник начальника штаба
- ПОО ГПУ (ОГПУ) – Приморский областной отдел ГПУ (ОГПУ)
- ПОУ НКВД – Приморское областное управление НКВД
- ПП ГПУ – полномочное представительство Главного Политического управления
- ПП ОГПУ по ДВК – полномочное представительство Объединенного Главного Политического управления по Дальневосточному краю
- ПРП – пограничный разведывательный пункт
- ПУ – Политическое управление
- РВСР – Революционный военный совет республики
- РВС СССР – Революционный военный совет СССР
- РИФ – Российский императорский флот
- РККФ – Рабоче-Крестьянский Красный Флот
- РО – разведывательный отдел
- РОВС – Русский Общеиоинский Союз
- РПКСН – ракетный крейсер стратегического назначения
- РТС – радиотехнические системы
- РУ РККА – Разведывательное управление Рабоче-Крестьянской Красной армии
- РУ – Разведывательное управление
- СБО – сектор береговой обороны
- СД – стрелковая дивизия
- СЗ – сетевой заградитель
- СКА – сторожевой катер
- СКР – сторожевой корабль
- СОЧ – секретная оперативная часть
- СПК – Старший помощник командира
- СП – стрелковый полк
- СПО – секретно-политический отдел
- СТО СССР – Совет Труда и Обороны СССР
- СТОФ – Северная Тихоокеанская флотилия
- ТКА – торпедный катер
- ТОФ – Тихоокеанский флот
- ТЩ – тральщик
- УГБ – Управление государственной безопасности
- УКР «СМЕРШ» – Управление контрразведки «СМЕРШ»
- УНР – Управление начальника работ
- УОПП – Учебный отряд подводного плавания
- УР – укрепрайон
- УС – учебное судно
- УФСБ по ТОФ – Управление Федеральной службы безопасности по Тихоокеанскому флоту
- ФСБ – Федеральная служба безопасности
- ЧК – Чрезвычайная Комиссия
- ЦМРС – Центральная Морская регистрационная служба
- ЭБР – эскадренный броненосец
- ЭКО – экономический отдел
- ЭМ – эскадренный миноносец, эсминец

ОГЛАВЛЕНИЕ

Соцков Н.Н. Предисловие	3
Федоров В.Д. Предисловие	6
 1 часть. Морская контрразведка на Тихом океане: страницы истории	
1.1. Буяков А.М., Полутов А.В. От морской контрразведки Российской империи до контрразведки ГПУ (1906–1922 гг.)	9
<i>Из воспоминаний Д.Г.Федичкина</i>	16
<i>Из воспоминаний И.Г.Булатова</i>	20
<i>Журнал заседаний межведомственной комиссии представителей Министерства внутренних дел, Главного управления генерального штаба и Морского генерального штаба по вопросу об организации контр-разведочной службы</i>	23
1.2. Буяков А.М., Полутов А.В. Военная контрразведка в период возрождения военно-морского флота на Дальнем Востоке (1922 – 1940 гг.)	41
<i>Из воспоминаний М.В.Вяткина</i>	47
<i>Приказ по Приморскому Областному Управлению НКВД №125 от 18 сентября 1934 г.</i>	50
<i>Приказ по Приморскому Областному Управлению НКВД №17 от 10 февраля 1936 г.</i>	52
<i>Справка «О спекуляции военнотружущих ТОФ на Семеновском базаре в г. Владивостоке».</i>	58
<i>Справка «О фактах незаконных действий военнотружущих частей ТОФ по отношению должностных лиц советских органов и гражданского населения Приморской области».</i>	59
1.3. Близниченко С.С., Буяков А.М., Полутов А.В. Репрессии на Тихоокеанском флоте (1937-1938 гг.)	65
<i>Предварительные итоги разгрома антисоветского заговора на Тихоокеанском флоте и о ходе ликвидации последствий вредительства (извлечения).</i>	76
<i>Справка о количестве арестованных по Тихоокеанскому флоту за период 1937 года и с 1 января по 15 мая 1938 г.</i>	83
<i>Справка по архивно-следственному делу по обвинению Тонэгава Сиро.</i>	85
<i>Автобиография Л.Я.Бурлакова.</i>	88
1.4. Буяков А.М., Полутов А.В. Органы военной контрразведки Тихоокеанского флота во время Великой Отечественной войны и войны с Японией (1941–1945 гг.)	99
<i>Спецсообщение №58841 от 1 августа 1937 г.</i>	107
<i>Меморандум №100898</i>	107
<i>Спецсообщение №4064 от 16 августа 1938 г.</i>	108
<i>Директива начальника ОКР «СМЕРШ» ТОФ от 12 ноября 1945 г.</i>	109
1.5. Полутов А.В. Деятельность японской разведки против России и СССР на Дальнем Востоке в 1917–1945 гг.	112

<i>Разведывательная сводка по Владивостоку от 22 ноября 1937 г.</i>	128
<i>Разведывательная информация по СССР от 25 ноября 1937 г.</i>	130
<i>Разведывательный доклад «Тихоокеанский флот» от 15 февраля 1938 г.</i>	132
<i>Разведывательные сведения о Тихоокеанском флоте от 20 апреля 1944 г.</i>	136
1.6. Полутов А.В. Военная контрразведка Тихоокеанского флота против японской разведки в 1932–1945 гг.	138
<i>Директива начальника Отдела контрразведки «СМЕРШ» ТОФ от 14 мая 1945 г.</i>	162
<i>Директива начальника Отдела контрразведки «СМЕРШ» ТОФ от 28 июля 1945 г.</i>	162
<i>Директива начальника Отдела контрразведки «СМЕРШ» ТОФ от 3 августа 1945 г.</i>	163
<i>Докладная записка «О мероприятиях ОКР СМЕРШ ТОФ в период военных действий против Японии»</i>	164
<i>Директива начальника Отдела контрразведки «СМЕРШ» ТОФ от 31 августа 1945 г.</i>	164
<i>О работе органов «СМЕРШ» на территории, освобожденной от противника</i>	167
<i>Директива начальника Отдела контрразведки «СМЕРШ» ТОФ от 8 августа 1945 г.</i>	168
<i>Директива начальника Отдела контрразведки «СМЕРШ» ТОФ от 6 декабря 1945 г.</i>	169
1.7. Полутов А.В. Переплетение судеб: советский военный контрразведчик Михаил Крыгин и японский разведчик Минодзума Дзюндзи	175
<i>Показания Минодзума Дзюндзи, написанные им собственноручно 4 ноября 1945 г. во Владивостоке на русском языке (извлечения).</i>	182
1.8. Полутов А.В. Борьба военной контрразведки Тихоокеанского флота с воинскими и уголовными преступлениями в 1941–1960 гг.	190
1.9. Полутов А.В. «Немецкая линия» в работе военной контрразведки Тихоокеанского флота в 1941–1961 гг.	209
<i>Докладная записка начальника ОО НКВД ТОФ от 22 мая 1942 г.</i>	226
<i>Директива начальника Отдела контрразведки «СМЕРШ» ТОФ от 8 января 1945 г.</i>	226
<i>Директива начальника Отдела контрразведки «СМЕРШ» ТОФ от 23 сентября 1945 г.</i>	227
1.10. Смирнов А.М. Дело Габова.	228
2 часть. Во имя победы:	
2.1. Вспоминают ветераны легендарного «СМЕРШ»	232
<i>Через нее шли все секреты (Из воспоминаний А.И.Дворницыной)</i>	232
<i>За американцами — на подножке поезда (Из воспоминаний Н.Г.Рудневой)</i>	236
<i>В душе остаюсь чекистом (Из воспоминаний С.И.Девятисильного)</i>	238

<i>Не жалел ни времени, ни сил (Из воспоминаний А.А.Лазарева)</i>	246
<i>Ощенко В.Г. Из поколения фронтовиков (Из воспоминаний Е.Н.Дружинина)</i>	260
<i>Боевой путь контрразведчика (Из воспоминаний В.М.Астафьева)</i>	264
3 часть. Военная контрразведка Тихоокеанского флота в атомную эру	
3.1. Полутов А.В. Военная контрразведка ТОФ в эпоху океанского флота.	269
3.2. Сиденко А.Н. Мы честно служили Отечеству	283
3.3. Шадрин Б.Д. От перфокарт к системе анализа: история ИАО ВКР ТОФ	318
3.4. Белов А.А. «Чернобыльские прелюдии» в океане	324
3.5. Ведь В.Т. Позывной – «016»	334
3.6. Осецкий С.В. На той войне в плен не брали	336
3.7. Шадрин Б.Д. В далекой Эфиопии	342
3.8. Креуз А.Б. Мы многое там потеряли...	367
3.9. Ванюков М.А. Военная контрразведка Тихоокеанского флота в Камрани	375
3.10. Белов А.А. На дипломатической службе	381
4 часть. Как и прежде долгу верны: военная контрразведка Тихоокеанского флота в наши дни	
4.1. Гурко Ф.И. Взрывчатка под детской кроваткой	390
4.2. Гурко Ф.И. Колба с ураном	393
4.3. Гурко Ф.И. Печать, пахнувшая водкой	396
4.4. Гурко Ф.И. Героин «утренней свежести»	399
4.5. Гурко Ф.И. Конец резидентуры «северных»	405
4.6. Креуз А.Б. С иностранными спецслужбами в контакте	407
4.7. Полутов А.В. В боевых командировках	413
4.8. Панкратьев С.В., Соцков Н.Н. Если «друг» оказался вдруг...	417
4.9. Дело Пасько (Из книги «Адмирал ФСБ Герой России Герман Угрюмов»)	419
4.10. Федоров Ю.Ф. Друзья, прекрасен наш союз!	427
4.11. Буяков А.М., Полутов А.В. Начальники управления военной контрразведки Тихоокеанского флота в 1932–2011 гг.	429
4.12. Солохина Л.В. Почетные чекисты военной контрразведки Тихоокеанского флота	456
Н.Н. Соцков. Вместо заключения	458
Список сокращений	459
Оглавление	461

ЧЕСТЬ И ВЕРНОСТЬ

80 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота

Над книгой работали: *Анастасия Гриднева, Маргарита Гой*

Корректор: *Ирина Мудрая*

Компьютерная верстка: *Г. Жданович*

Издательство «Русский Остров»

690091, г. Владивосток, ул. Алеутская, 11, оф. 1110

Тел. (423)261-93-74, 296-36-31

rusost@inbox.ru

Директор и главный редактор А. Яковец.

Формат 70 x 100/16. Усл.-печ. л. 37,7. Печать офсетная, бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman. Тираж 500 экз.

9 785935 770648

80-летию военной контрразведки
Тихоокеанского флота посвящается